СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Пис. Тончи. Грав. Ө. Горданъ 1861.

Гавріилъ Державинъ.

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Я. ГРОТА

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СЪ РИСУНКАМИ, НАЙДЕННЫМИ ВЪ РУКОПИСЯХЪ, СЪ ПОРТРЕТАМИ И СНИМКАМИ

СТИХОТВОРЕНІЯ. ЧАСТЬ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
1864

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 2 декабря 1863 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

---

1. Общая идея изданія.

Изданіе замѣчательныхъ отечественныхъ писателей съ ихъ біографіями и съ объяснительными примѣчаніями къ ихъ сочиненіямъ составляетъ одинъ изъ предметовъ ученой дѣятельности вездѣ, гдѣ достаточно развиты интересы образованія и гдѣ умѣютъ цѣнить памятники литературной славы своего народа.

Наша академія наукъ еще въ прошломъ столѣтіи признавала подобныя предпріятія одною изъ своихъ задачъ. Въ 1783 г. напечатано было въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* (4 апрѣля, № 27) отъ академіи объявленіе объ изданіи сочиненій Ломоносова, съ приглашеніемъ всѣхъ любителей русской словесности присылать на имя княгини Дашковой или въ канцелярію академіи извѣстія, письма и т. п. Задуманное такимъ образомъ новое, дополненное изданіе сочиненій Ломоносова въ шести томахъ было дѣйствительно начато въ 1784 году и кончено въ 1787. Потомъ оно еще два раза перепечатывалось академіею наукъ.

Идея объ академической дѣятельности этого рода не исчезала у насъ и впослѣдствіи. Въ уставѣ россійской академіи 1818 года

было между прочимъ слѣдующее постановленіе (Гл. II, § 2): «Академія старается творенія знаменитыхъ писателей, не существующихъ болѣе, и если они права печатанія оныхъ никому не оставили, вновь издавать, съ описаніемъ жизни сочинителя и съ полезными для языка и словесности примѣчаніями на оныя. Таковымъ твореніямъ академія есть природная покровительница и наслѣдница.» Между тѣмъ однакожъ россійская академія даже и не приступала къ осуществленію этой идеи.

По преобразованіи россійской академіи, въ 1841 году, во 2-ое отдѣленіе академіи наукъ, долго не было рѣчи объ изданіи имъ кого-либо изъ прежнихъ нашихъ писателей. Въ апрѣлѣ 1859 П. А. Плетневъ, только что назначенный предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи, предложилъ: не обратитъ ли оно и на этотъ предметъ часть своей дѣятельности. Отдѣленіе съ общимъ сочувствіемъ приняло такую мысль и, по одобреніи ея г. президентомъ академіи, графомъ Д. Н. Блудовымъ, поручило мнѣ заняться приготовительными работами для критическаго изданія Державина.

Согласно съ историческимъ ходомъ литературы, было бы конечно правильнѣе начать такое дѣло съ Ломоносова или даже съ Кантемира. Но важнымъ побужденіемъ къ отступленію отъ этого порядка было то, что вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ мы имѣли въ виду необыкновенное обиліе матеріаловъ для разработки жизни и произведеній Державина. Не воспользоваться теперь такимъ богатымъ источникомъ, важнымъ для цѣлаго періода исторіи нашей литературы, значило бы, можетъ быть, навсегда пожертвовать возможностію къ тому. Притомъ, труды одного члена по изданію Державина не могли мѣшать кому-нибудь другому въ отдѣленіи подготовлять матеріалы для разработки Ломоносова, чѣмъ дѣйствительно уже и занимается въ настоящее время П. С. Билярскій. Между тѣмъ за изданіе Кантемира взялось въ Москвѣ Общество любителей россійской словесности.

Можетъ быть, ни объ одномъ писателѣ не было у насъ высказываемо сужденій столько противоположныхъ другъ другу, какъ о Державинѣ. Но среди всего этого разнообразія взглядовъ остается неоспоримымъ одно: какъ самъ онъ съ своею дѣятельностью, такъ и вся его эпоха изучены еще слишкомъ мало. Безъ подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія нашихъ дѣятелей мы никогда не выведемъ новѣйшей русской исторіи (разумѣю тутъ и область литературы) изъ того жалкаго состоянія, въ какомъ она до послѣдняго времени находилась. Чѣмъ разнорѣчивѣе сужденія о Державинѣ, тѣмъ пристальнѣе мы должны вглядѣться въ него, чтобы наконецъ придти къ одному общему заключенію. Предполагая съ этою цѣлью разработать жизнь и труды его, я старался приступить къ дѣлу съ возможнымъ безпристрастіемъ. Самая задача строгаго изслѣдованія была для меня столько привлекательна, что я вовсе не чувствовалъ искушенія возводить предметъ его въ идеалъ гражданскаго или поэтическаго совершенства. Державинъ, и какъ человѣкъ, и какъ поэтъ, имѣлъ конечно свои недостатки и слабости; но онъ былъ тѣмъ не менѣе въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ русской жизни и литературы.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи Россія только и имѣла, собственно говоря, одного поэта поразительной силы: это былъ Державинъ. Ему пришлось жить въ лучшую эпоху вѣка, и его поэзія, изумившая современниковъ величіемъ и смѣлостью неслыханныхъ дотолѣ звуковъ, сдѣлалась яркимъ отраженіемъ нѣкоторыхъ сторонъ той эпохи. Но въ тогдашней жизни было вмѣстѣ съ тѣмъ еще слишкомъ много грубаго, нестройнаго, дикаго: удивительно ли, что подобные диссонансы слышатся и въ одахъ Державина? Мы можемъ не сочувствовать устарѣлымъ формамъ поэзіи другаго вѣка, какъ и вообще формамъ его жизни; но вопросъ, должны ли мы дорожить тѣми произведеніями слова, въ которыхъ онъ по-своему проявилъ творческія силы духа человѣческаго, сводится къ другому, болѣе

простому вопросу: должны ли мы имѣть исторію и науку? Державинъ былъ, по выраженію одного извѣстнаго критика, первый живой глаголъ юной русской поэзіи; по такому значенію его, въ подробностяхъ еще недостаточно опредѣленному, по его могучему природному таланту, многообразной дѣятельности и связи со всею современною ему эпохою, изученіе его представляетъ особенный интересъ. Вотъ почему Державинъ казался намъ достоинъ сдѣлаться средоточіемъ цѣлаго круга изслѣдованій, относящихся къ литературѣ и общественной исторіи его времени. На насъ, близкомъ потомствѣ людей восемнадцатаго вѣка, лежитъ прямая обязанность разработывать памятники того времени и по свѣжимъ слѣдамъ пролагать будущимъ поколѣніямъ путь къ дальнѣйшимъ изысканіямъ. Наша эпоха особенно благопріятна для выполненія такой задачи. У насъ историческія изслѣдованія такъ трудны отчасти именно потому, что каждое послѣдующее поколѣніе до сихъ поръ пренебрегало наслѣдіемъ предыдущаго. Оттого-то и происходитъ, что вмѣсто достовѣрныхъ свѣдѣній о болѣе отдаленныхъ временахъ мы часто должны довольствоваться предположеніями и тратить силы въ безплодныхъ поискахъ. Правда, нѣкоторые полагаютъ, что подробное изслѣдованіе фактовъ излишне и должно бы уступить мѣсто общимъ взглядамъ, соображеніямъ и выводамъ; но разсуждающіе такъ не замѣчаютъ, что они хотятъ строить зданіе безъ фундамента. Вѣрные выводы возможны только тогда, когда окончательно разработаны всѣ факты; выводы же произвольные чрезвычайно легки, но они за то и цѣны не имѣютъ.

Сказаннымъ уже достаточно обозначается цѣль нашего изданія: мы желаемъ представить всѣ труды Державина въ такой послѣдовательности и съ такими объясненіями, чтобы каждый образованный читатель могъ легко разсматривать ихъ въ полной обстановкѣ лицъ и событій, къ которымъ они имѣютъ отношеніе; мы желаемъ дать книгу, которая служила бы не только памятни-

комъ дѣятельности Державина, но и пособіемъ для изученія его времени; наконецъ мы желаемъ, описавъ его жизнь, критически взглянуть на него, какъ на человѣка и на писателя, чтобы способствовать къ уясненію истиннаго его значенія.

Главныя черты принятаго нами плана изданія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Хронологическій порядокъ сочиненій.

2) Пополненіе собранія ихъ.

3) Пересмотръ текста по рукописямъ.

4) Приложеніе къ нему варіантовъ.

5) Подробныя объяснительныя примѣчанія, которыя для удобства читателя сопровождали бы текстъ изъ страницы въ страницу.

6) Литература и библіографія сочиненій Державина.

7) Біографія его.

8) Сводъ всего, что было писано о Державинѣ въ прозѣ и въ стихахъ какъ въ похвалу его, такъ и въ порицаніе.

9) Указатели предметные, библіографическіе, лексическіе и другіе, какіе окажутся нужными.

Болѣе подробное изложеніе этого плана было въ свое время обнародовано (*Спб. Вѣд.* 1859 г., № 103) съ приглашеніемъ лицъ, имѣющихъ какія-либо бумаги или новыя свѣдѣнія относительно Державина, доставлять ихъ во 2-ое отдѣленіе академіи наукъ.

Благодаря сочувствію, съ какимъ на это приглашеніе отозвались какъ родственники поэта, такъ и весьма многія посороннія лица, собраніе постепенно доставленныхъ намъ матеріаловъ приняло громадные размѣры. При рукописныхъ стихотвореніяхъ оказалось болѣе 400 рисунковъ, изготовленныхъ еще при жизни поэта. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая почтить достойнымъ памятникомъ талантъ Державина и вѣкъ Екатерины, рѣшилось воспроизвести при настоящемъ изданіи всѣ эти ри-

сунки, можетъ быть иногда и слишкомъ замысловатые, но всегда любопытные, какъ выраженіе эпохи.

Подготовляя біографію поэта, требующую многихъ еще разысканій и изслѣдованій, мы не хотѣли отлагать начала нашего изданія до окончанія ея и предпочли приступить, какъ скоро было возможно, къ печатанію самыхъ сочиненій Державина съ историческими и біографическими поясненіями. Къ избранію этого порядка изданія насъ еще болѣе побуждало то, что біографію Державина невозможно составить удовлетворительнымъ образомъ, не имѣя въ рукахъ собранія его сочиненій въ хронологической послѣдовательности. По этимъ-то причинамъ мы рѣшились оставить описаніе жизни Державина до конца изданія, которое теперь открывается томомъ, обнимающимъ его поэтическую дѣятельность за все время царствованія Екатерины II.

Въ первые два тома войдутъ тѣ стихотворенія Державина, которыя были изданы при его жизни либо въ собраніяхъ его сочиненій, либо въ журналахъ. Исключаются только юношескія, хотя и напечатанныя его стихотворенія (Читалагайскія оды), которыя будутъ помѣщены у насъ въ одинъ отдѣлъ съ неизданными того же періода. Остальные томы нашего изданія составятся изъ: 1) драматическихъ сочиненій; 2) сочиненій въ прозѣ, — частью дѣловыхъ бумагъ; 3) переписки; 4) *Записокъ* Державина и оставленныхъ имъ *Объясненій* на сочиненія его, и 5) приготовляемыхъ нами біографическаго и библіографическихъ трудовъ.

Число и распорядокъ томовъ не могутъ быть заранѣе обозначены съ точностью; полагаемъ, что ихъ будетъ не болѣе пяти.

Переходя къ источникамъ и частностямъ нашего изданія, предупреждаемъ читателя, что біографическія свѣдѣнія, которыя онъ здѣсь встрѣтитъ, сообщаются нами только мимоходомъ, по связи съ предметомъ, и будутъ полнѣе развиты въ самомъ жизнеописаніи Державина.

2. Обзоръ рукописей Державина, служившихъ пособіемъ для этого тома.

Вдова поэта, Дарья Алексѣевна, урожденная Дьякова, умершая въ 1842 году, раздѣлила рукописи и книги своего мужа между двумя близкими ей людьми: тѣ рукописи Державина, которыя содержали сочиненія его, она завѣщала племяннику своему, Леониду Николаевичу Львову; всѣ же прочія бумаги покойнаго и библіотеку его отказала она своему душеприкащику, Константину Матвѣевичу Бороздину *. Въ 1859 году, когда задумывалось это изданіе, обоихъ наслѣдниковъ уже не было въ живыхъ. Рукописныя сочиненія перешли къ сыну перваго, Леониду Леонидовичу Львову; остальныя же бумаги были въ рукахъ Дмитрія Васильевича Полѣнова, какъ опекуна дочери Бороздина, дѣвицы Елены Константиновны. Оба они, гг. Львовъ и Полѣновъ, узнавъ о предпріятіи 2-го отдѣленія академіи наукъ, изъявили полную готовность содѣйствовать намъ. Побывавъ лично въ селѣ Л. Л. Львова, Никольскомъ (близъ Торжка), я возвратился оттуда съ большимъ собраніемъ рукописей, предоставленныхъ владѣльцемъ въ пользованіе академіи **; а вскорѣ послѣ того и Д. В. Полѣновъ, съ согласія Елены Константиновны, нынѣ Корсаковой, сталъ доставлять мнѣ мало по малу цѣлыя кипы и ящики бумагъ Державина. Впослѣдствіи и Владиміръ Семеновичъ Корсаковъ съ такимъ же радушіемъ еще увеличилъ наши рукописные запасы.

* Бороздинъ, родственникъ Державиной, былъ назначенъ ею въ душеприкащики вмѣстѣ съ двумя ея племянниками, А. Н. и Л. Н. Львовыми; но оба они передали ему свое право. Въ числѣ другихъ бумагъ Державина Бороздинъ получилъ въ наслѣдство и *Записки* его, изъятыя изъ числа сочиненій, завѣщанныхъ Л. Н. Львову, такъ какъ и рукопись, указанная нами ниже на стр. XV подъ цифрою 7.

** См. статью мою *Рукописи Державина и Н. А. Львова* въ *Спб. Вѣд.* 1859 г., № 268.

Нѣкоторые другіе изъ родныхъ Державина, особенно же Елисавета Николаевна Львова, Марья Ѳедоровна Ростовская, Алексѣй Алексѣевичъ Воейковъ и Иванъ Семеновичъ Капнистъ, съ своей стороны также сообщили намъ драгоцѣнные матеріалы для этого изданія*. Наконецъ они еще дополнены тѣми рукописями Державина, которыя принадлежатъ императорской публичной библіотекѣ и библіотекѣ казанскаго университета.

При составленіи нынѣ издаваемаго I-го тома служили намъ пособіемъ слѣдующія изъ рукописей поэта:

1) Шестилистовая тетрадь въ листъ (in-folio), писанная вся рукою Державина вскорѣ по возвращеніи его изъ командировки по Пугачевскому бунту, вѣроятно въ 1776 году. Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду стиховъ, писанныхъ его рукою ранѣе этого времени, то и называемъ эту тетрадь *старѣйшею*.

2) Почти такого же объема тетрадь, писанная рукою писаря, только съ поправками Державина, относящаяся ко времени участія его въ *Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ* въ 1778 и 1779 годахъ.

3) Отдѣльные листы и листки съ стихотвореніями разныхъ годовъ (большею частію 1790-хъ), писанными то самимъ Державинымъ, то другими. На этихъ листахъ сохранились первоначальныя черновыя редакціи многихъ стихотвореній, съ помарками и вставками. Сюда же должно отнести эскизы и планы нѣкоторыхъ пьесъ, набросанные рукою поэта частью въ прозѣ, частью въ стихахъ.

4) Толстая тетрадь въ листъ, по большой части писанная почеркомъ писца и очевидно послужившая черновою для послѣдующей (подъ цифрой 5). Она вѣроятно была списана съ той, которую, какъ разсказываетъ Державинъ въ своихъ *Запискахъ*,

* Здѣсь названы только лица, которымъ мы обязаны самыми важными и многочисленными рукописями; имена всѣхъ доставившихъ намъ какія либо пособія для изданія будутъ напечатаны при послѣднемъ томѣ.

Почеркъ И.И. Дмитріева (къ стр. XIII и 24).

О вы отечества защитники
Еще то чудо, удивитъ свѣтъ!
~~да чудо ив не~~
Прости... прости!... я оставляю
Россіи вѣчну в себя хвалу.
Они героевъ потомки сыны
Поставитъ въ честь того царей
Кого души [illegible] зрѣли
И некогда славянъ потомокъ
Прочтетъ на мраморѣ гробницъ
Сіи немалыя слова:

Почеркъ В.В. Капниста (къ стр. XIX и 238-241).

Стр. 9 — Стихъ 3.4. невидимо — невредимо — не хорошая рифма
10 13.15.16. — ты малыкъ птичекъ —
[illegible]
на солнцѣ [illegible]
11. — 5 [illegible] луна побой
8 — [illegible] — не хороши
10 — горный — дубровны — не рифмы —
16 —
12 4 — и въ мрачныхъ логовищахъ [illegible] — [illegible]
8 — [illegible] —
16 — [illegible] — [illegible] — не хороши

составила первая его жена, собравъ его сочиненія, разбросанныя на лоскуткахъ, и переписавъ ихъ своею рукой*. Копія, о которой мы говоримъ, была изготовлена въ 1792 или 1793 г. (жена Державина умерла въ девяносточетвертомъ) и замѣчательна сдѣланными въ ней своеручными поправками и приписками И. И. Дмитріева и В. В. Капниста. Особенно много въ ней слѣдовъ руки Дмитріева, къ которому Державинъ, какъ извѣстно, часто обращался за совѣтами; для удостовѣренія въ подлинности почерка Дмитріева прилагаемъ здѣсь снимокъ съ одной, написанной на поляхъ, строфы стихотворенія *На смерть Бибикова* (ср. ниже стр. 24) въ передѣлкѣ, предложенной Дмитріевымъ. Къ удостовѣренію, что этотъ почеркъ дѣйствительно принадлежитъ ему, могутъ служить его автографы, находящіеся въ императорской публичной библіотекѣ. Почерки какъ Дмитріева и Капниста, такъ и Н. А. Львова, котораго поправки встрѣчаются на отдѣльныхъ листкахъ, хорошо извѣстны намъ по подлиннымъ письмамъ этихъ лицъ къ Державину.

Къ концу тетради пришиты еще писанныя частью другою рукой, частью начерно самимъ Державинымъ позднѣйшія стихотворенія его, идущія до 1796 г., такъ что вся тетрадь составилась въ теченіе трехъ или даже четырехъ лѣтъ, почему мы въ своихъ примѣчаніяхъ и называемъ ее *рукописью 1790-хъ годовъ*.

5) Такой же величины переплетенная въ красный сафьянъ листовая книга, подъ заглавіемъ *Сочиненія Державина*, *часть I*, писанная тщательно рукою писца въ 1795 году. Изъ своеручной надписи поэта на заглавномъ листѣ видно, что эта книга, 6 ноября того же года, лично поднесена была имъ Екатеринѣ II и только по восшествіи на престолъ императора Павла возвращена автору. Въ самомъ началѣ книги, на бѣломъ листѣ, написано

* Эта первоначальная рукопись была передана графу А. И. Мусину-Пушкину и сгорѣла въ 1812 г. вмѣстѣ съ его московской библіотекой.

тѣмъ же почеркомъ: «Сей манускриптъ, какъ охотнику до подобныхъ рѣдкостей, подаренъ самимъ авторомъ Петру Петровичу Дубровскому въ Петербургѣ 1811 году генваря 11 числа и подписанъ собственною моею рукою. Гавріилъ Державинъ.»

Послѣ заглавнаго листа — картинка, изображающая Фелицу и пѣвца ея, и затѣмъ извѣстное посвященіе (см. ниже стр. 717). Особенную важность этой рукописи придаютъ помѣщенные въ ней при каждомъ стихотвореніи рисунки, означенные именемъ Алексѣя Николаевича Оленина (впослѣдствіи президента академіи художествъ) и послужившіе отчасти подлинниками тѣхъ, которые читатель найдетъ въ настоящемъ томѣ, о чемъ болѣе подробныя свѣдѣнія будутъ сообщены въ особомъ отдѣлѣ настоящаго предисловія. Въ концѣ рукописи всѣ рисунки объяснены.

Вмѣстѣ съ собраніемъ рукописей Дубровскаго эта книга перешла въ собственность императорской публичной библіотеки, которой принадлежитъ и нынѣ*.

* Эта рукопись содержитъ слѣдующія стихотворенія Державина: 1) Приношеніе. 2) Богъ. 3) На открытіе каменноостровскаго инвалиднаго дома. 4) Властителямъ и судіямъ. 5) Величество Божіе. 6) Праведный судія. 7) Истинное счастіе. 8) Побѣдителю. 9) Помощь Божія. 10) Уповающему на свою силу. 11) Счастливое семейство. 12) Успокоенное невѣріе. 13) Къ царевнѣ Фелицѣ. 14) Благодарность Фелицѣ. 15) На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію. 16) На присоединеніе Тавриды. 17) Видѣніе мурзы. 18) На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока. 19) Къ Калліопѣ. 20) На прибытіе ея величества въ Петроградъ къ торжеству шведскаго мира. 21) Россу по взятіи Измаила. 22) Изображеніе Фелицы. 23) На новый годъ. 24) Рѣшемыслу. 25) Памятникъ герою. 26) Ключъ. 27) На смерть князя Мещерскаго. 28) Осень во время осады Очакова. 29) Къ Евтерпѣ. 30) На смерть Румянцовой. 31) Любителю художествъ. 32) Къ Меркурію. 33) На Счастіе. 34) На выздоровленіе покровителя наукъ. 35) На умѣренность. 36) На коварство французскаго возмущенія. 37) На панихиду Людовика XVI. 38) Къ сосѣду моему. 39) На бракъ порфирородной четы. 40) Амуръ и Психея. 41) Пчелка. 42) Къ лирѣ. 43) Къ храбрости и красотѣ. 44) Вельможа.

6) Шесть переплетенныхъ въ зеленый сафьянъ тетрадей въ листъ, писанныхъ рукою писца, но съ многочисленными своеручными поправками Державина. Собраніе это начато вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ 1-й части въ 1798 г. (см. ниже) и приготовлялось для печати: въ немъ сочиненія размѣщены почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онъ предполагалъ издать ихъ въ 6 частяхъ.

7) Маленькая тетрадь въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, писанная вся рукой Державина и конченная не позже 1802 года. Въ 1847 Бороздинъ принесъ ее въ даръ казанскому университету. Выписки изъ этой рукописи были напечатаны 1851 г. въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія* (ч. LXXII) и 1859 въ *Библіографическихъ Запискахъ* (№ 11). Этотъ сборникъ, переписанный набѣло въ листовую тетрадь, послужилъ основаніемъ *Анакреонтическихъ пѣсней*, изданныхъ въ 1804 г. (см. ниже).

8) Три тетради въ листъ особенно большаго формата, начисто писанныя крупнымъ и красивымъ почеркомъ искуснаго писца, въ первые годы нынѣшняго столѣтія (не позже 1806).

Эта рукопись, очевидно, приготовлялась для печати, а можетъ быть, и для поднесенія императору Александру I. Каждая тетрадь, подъ заглавіемъ *Сочиненія Державина*, обозначена сверхъ того какъ *часть I*, *II и III* и почти совершенно совпадаетъ съ содержаніемъ соотвѣтствующихъ томовъ изданія 1808 г. Въ этихъ трехъ тетрадяхъ, такъ же какъ въ рукописи, описанной нами подъ цифрою 5, всѣ стихотворенія сопровождаются рисунками, дѣлан-

45 и 46) Петру Великому. 47) Къ Н. А. Л. 48) Водопадъ. 49) На смерть Бибикова. 50) Прогулка въ Сарскомъ селѣ. 51) На рожденіе в. к. Ольги Павловны. 52) Къ Граціямъ. 53) Капнисту. 54) Провидѣніе. 55) Мой истуканъ. 56) На побѣды Суворова. 57) На кончину в. к. Ольги Павловны. 58) Мечта. 59) Спящій Эротъ. 60) Къ Ласточкѣ. 61) Флотъ.

ными то тушью, то акварелью; многіе изъ нихъ, и именно во 2-й части, отмѣчены именемъ художника Иванова.

9) Писанная также писцомъ тетрадь въ листъ меньшаго формата, подъ заглавіемъ *Сочиненія Державина, часть VII*, содержащая мелкія разнаго рода стихотворенія его, какъ-то надписи, эпитафіи, эпиграммы и т. п. и приготовленная уже къ изданію. Тотъ же сборникъ сохранился въ видѣ черновой рукописи, писанной частью самимъ авторомъ.

3. Обзоръ прежнихъ изданій Державина.

Первая отдѣльная книжка трудовъ Державина появилась въ началѣ 1776 года подъ заглавіемъ *Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 г.*, въ форматѣ маленькой осмушки (38 стран.), безъ имени автора, безъ означенія года и мѣста печатанія (при академіи наукъ). Въ ней помѣщены въ прозаическомъ переводѣ четыре оды прусскаго короля Фридриха II и четыре же оригинальныя оды въ стихахъ. Гора *Читалагай* находится въ нѣмецкихъ колоніяхъ за Волгою, въ которыхъ поэтъ стоялъ нѣсколько времени съ военнымъ отрядомъ, будучи въ командировкѣ по поводу Пугачевскаго бунта. На этой книжкѣ мы остановимся долѣе при перепечатаніи ея въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ нашего изданія; въ настоящемъ томѣ мы только мимоходомъ упоминаемъ о ней въ примѣчаніяхъ.

Въ 1792 г., служа при императрицѣ, Державинъ сбирался, по ея желанію, печатать свои сочиненія; но дѣло замедлилось. Черезъ три года онъ поднесъ Екатеринѣ на одобреніе рукопись (см. выше, стр. XIII, подъ цифрою 5), которую предназначалъ къ изданію. Государыня чрезъ графа Безбородко приказала напечатать книгу на счетъ Кабинета; но графъ Платонъ Зубовъ, взявшій рукопись для прочтенія, продержалъ ее у себя до кончины

императрицы. Нѣсколько времени спустя, ее возвратилъ Державину бывшій при императорѣ Павлѣ у принятія прошеній Нелединскій-Мелецкій. Между тѣмъ И. И. Шуваловъ, у котораго было также собраніе стиховъ Державина, получилъ въ 1797 г. его согласіе на изданіе ихъ, съ тѣмъ чтобъ они были напечатаны, на счетъ автора, въ типографіи московскаго университета, подъ надзоромъ Карамзина, давно бывшаго съ нашимъ поэтомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ Шуваловъ, напечатавшій въ Москвѣ сочиненія Ломоносова, устроилъ, что тамъ же началось изданіе Державина. Желая, чтобъ эта 1-я часть его сочиненій и содержаніемъ и порядкомъ пьесъ совершенно соотвѣтствовала рукописи, поднесенной императрицѣ, поэтъ отправилъ къ Шувалову и оглавленіе ея; остальныя же пьесы, находившіяся у Шувалова, должны были вмѣстѣ съ *Эпистолою* къ этому вельможѣ (см. ниже стр. 50) войти въ новую рукопись, которую Державинъ обѣщалъ выслать послѣ для составленія 2-й части. Шуваловъ передалъ все дѣло племяннику своему, тогдашнему куратору московскаго университета, князю Өедору Николаевичу Голицыну, самъ же не дожилъ до изданія книги (ум. 14 ноября того же года). Во время ея печатанія встрѣтились затрудненія со стороны университетской цензуры: ода *Властителямъ и судіямъ* была вовсе не пропущена, изъ оды *Побѣдителю* выкинута послѣдняя строфа, въ *Изображеніи* же *Фелицы* исключено извѣстное мѣсто:

«Самодержавства скиптръ желѣзный
Своей щедротой позлащу.»

(см. ниже стр. 285).

Державинъ надѣялся устранить запрещеніе по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ этимъ двумъ стихамъ и просилъ князя Голицына, который между тѣмъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, похлопотать о томъ у тогдашняго генералъ-прокурора, князя Алексѣя

Борисовича Куракина. Когда князь Голицынъ уѣхалъ въ Москву, не исполнивъ этого желанія, то Державинъ самъ обращался къ Куракину, но не имѣлъ успѣха, такъ что̀ приведенные два стиха остались дѣйствительно выпущенными въ томъ изданіи. Около середины іюня 1798 г. книга была совсѣмъ отпечатана. Но Державинъ былъ такъ недоволенъ ею, что писалъ Голицыну 17-го числа: «Сочиненія мои перепортили въ Москвѣ. Кромѣ того, что не по тому порядку напечатали, какъ я приказалъ, и не тѣ пьесы, коимъ въ 1-й части быть слѣдуетъ; но само по себѣ такъ скверно, что истинно въ руки взять не можно, и бумага и печать плоха, и ошибокъ премножество. Итакъ я разсудилъ, заплатя типографіи, весь заводъ истребить; а поелику симъ я огорчу Н. М. Карамзина, которому я поручилъ смотрѣніе надъ печатаніемъ и который мнѣ хорошій пріятель, то и хочется мнѣ это такъ сдѣлать, чтобъ онъ и не свѣдалъ. А какъ типографія нѣкоторымъ образомъ подъ начальствомъ вашего сіятельства, то въ надеждѣ вашего ко мнѣ благопріятнаго расположенія, смѣю васъ просить о семъ дѣлѣ: призвавъ директора типографіи, спросить истинную цѣну, во что имъ стоило напечатаніе, заплатить деньги, которыя вамъ съ благодарностію возвращу, экземпляры всѣ взять и предать огню. Здѣсь меня увѣряютъ, что на такой бумагѣ, во столько листовъ книга болѣе 400 рублей не сто̀итъ, а хотя и до̀ 500, я вамъ ихъ съ благодарностію доставлю. Намѣсто того я закажу здѣсь, или уже заказалъ напечатать въ типографіи медицинской коллегіи, гдѣ очень хорошо и дешево печатаютъ, какъ доказываютъ вамъ приложенные при семъ экземпляры*. Вы меня крайне обяжете симъ, что прикажете исполнить мою покорнѣйшую просьбу и не оставите скорѣйшимъ увѣдомленіемъ, дабы можно было, не упуская времени, начать новое тисненіе.»

* Одного изъ стихотвореній его, какъ говорится въ началѣ письма.

Въ этихъ мысляхъ однакожъ Державинъ оставался недолго; уже на другой день онъ рѣшился взять назадъ свое порученіе и написалъ князю Голицыну: «По вчерашнему письму моему покорнѣйше в. с. прошу ничего не предпринимать относительно моихъ сочиненій и съ типографщиками ничего не говорить и ихъ къ себѣ не брать до будущаго моего васъ увѣдомленія; ибо иные мнѣ совѣтуютъ ихъ оставить, а нѣчто переправить только.» Въ числѣ этихъ *иныхъ* однимъ изъ главныхъ былъ конечно другъ поэта, Капнистъ, который набросалъ на особомъ листѣ разныя замѣтки и поправки къ изданію 1798 года*. Къ напечатанной въ Москвѣ книгѣ приложены *Нѣкоторыя поправки*, замѣчательнымъ образомъ совпадающія съ указаніями Капниста. Въ «Предувѣдомленіи къ читателю» Державинъ говоритъ между прочимъ: «По ошибкѣ дошелъ въ типографію невѣрный списокъ, бывшій у покойнаго И. И. Шувалова, въ которомъ безо всякаго разбора размѣщены были и внесены такія, которымъ въ 1-ой части или и совсѣмъ напечатанными быть не слѣдовало; притомъ съ такими неисправностями, что вовсе бы лучше не издавать». Съ этими оговорками книга вышла (въ осмушку, 399 стр., не считая предувѣдомленія, оглавленія и поправокъ) подъ заглавіемъ *Сочиненія Державина, часть I.* Главное несходство ея съ рукописью 5 заключается въ томъ, что порядокъ пьесъ значительно измѣненъ и что въ книгѣ прибавлено 17 пьесъ, одна же (*Властителямъ и судіямъ*) выпущена**.

* Снимокъ съ первыхъ строкъ этого листа приложенъ выше вмѣстѣ съ стихами руки Дмитріева.

** Вотъ тѣ 17 пьесъ изданія 1798 г., которыхъ въ рукописи нѣтъ: 1) Эпистола И. И. Шувалову. 2) Анакреонъ (у печки). 3) Къ живописицѣ Кауфманъ. 4) Суворову на пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ. 5) Соловей. 6) Павлинъ. 7) Приглашеніе къ обѣду. 8) Гимнъ Гигеѣ. 9) Хариты. 10) На крещеніе в. к. Николая Павловича. 11) Доказательство творческаго бытія. 12) Потопленіе. 13) Побѣда разума и красоты. 14)

Не смотря на эти недостатки, совершенно ронявшіе изданіе въ глазахъ Державина, оно имѣетъ для насъ особенную цѣну по участію Карамзина въ редакціи его: мы часто прибѣгали къ нему въ случаяхъ сомнѣнія какъ относительно текста, такъ и относительно пунктуаціи, и всегда находили здѣсь большую обдуманность въ обращеніи съ обоими предметами.

Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія Державинъ думалъ объ отдѣльномъ изданіи тѣхъ изъ своихъ стихотвореній, которыя относились къ эротическому роду и почти всѣ были сочинены въ послѣднія десять лѣтъ прошлаго вѣка. Исполненіе этого намѣренія было пріостановлено назначеніемъ его въ должность министра юстиціи; по увольненіи же его отъ службы въ ноябрѣ 1803, онъ въ слѣдующемъ году напечаталъ въ типографіи Шнора книжку въ небольшую осмушку (157 стр., не считая оглавленія) подъ заглавіемъ *Анакреонтическія пѣсни. Въ Петроградѣ 1804 года.* Здѣсь помѣщено 95 пьесъ. Цѣль изданія ихъ такъ объяснена въ небольшомъ предисловіи, озаглавленномъ «Къ читателямъ»: «По неважности своей достойны бы они были забвенія; но какъ многія изъ нихъ письменныя ходятъ по рукамъ, а нѣкоторыя и напечатанныя безъ моего позволенія — перепорчены; то чтобъ показать истинныя, собралъ я ихъ и исправилъ.» Это изданіе со стороны вѣрности еще неудовлетворительнѣе предыдущаго, такъ что списокъ опечатокъ, по большой части самыхъ грубыхъ, занимаетъ въ концѣ книжки цѣлыя четыре страницы. Вотъ что Державинъ вслѣдствіе этого писалъ 3 сентября 1804 года В. В. Капнисту, жившему въ Малороссіи: «Что касается до моихъ сочиненій, то это весьма правда, что они въ печати изгажены, изуродованы; но никто въ мои хлопоты не вступился. Даю тебѣ честное слово, что впередъ

Призываніе и явленіе Плѣниры. 15) На смерть графа Орлова. 16) На рожденіе царицы Гремиславы. 17) Памятникъ.

не отдамъ ни подъ чье смотрѣніе, кромѣ тебя, сего дѣла: ежели ты вступишься въ мое сиротство, то много меня одолжишь. Но я не знаю, какъ это сдѣлать: тебя со мною нѣтъ, а прислать къ тебѣ, что̀ ты съ ними будешь дѣлать, ибо у васъ и типографіи нѣтъ, не говоря уже о граверахъ.» *Анакреонтическія пѣсни* были изданы въ двоякомъ видѣ: на любской бумагѣ и на веленевой. Мы не знаемъ, какъ великъ былъ весь заводъ; но изъ счетовъ, писанныхъ при самомъ выпускѣ книжки въ продажу (въ маѣ 1804), видно, что книгопродавецъ Глазуновъ получилъ на коммиссію 1100 экз. на любской бумагѣ и 25 на веленевой. Сначала первые продавались по 3 руб. 50 коп., а послѣдніе по 3 руб. (ассигн.), потомъ и тѣ и другіе — по половинной цѣнѣ. О двухъ картинкахъ, сопровождавшихъ это изданіе, будетъ упомянуто ниже.

Еще въ Предувѣдомленіи къ 1-й части, напечатанной въ 1798 году, Державинъ обѣщалъ въ скоромъ времени другое изданіе въ двухъ частяхъ, болѣе вѣрное и умноженное значительнымъ числомъ новыхъ пьесъ. Обиліе стихотвореній, написанныхъ имъ въ послѣдующіе годы, вскорѣ заставило его подумать о болѣе обширномъ изданіи, для котораго рукописи исподволь переписывались (см. выше въ обзорѣ рукописей цифры 6 и 8). Въ началѣ 1806 г. Евгеній Болховитиновъ, въ то время епископъ новгородскій, говорилъ о Державинѣ, котораго зналъ лично: «Нынѣ самъ онъ готовитъ полное и великолѣпное, съ весьма многими виньетами, изданіе всѣхъ своихъ твореній въ шести частяхъ, изъ коихъ первыя три составлять будутъ лирическія его пѣсни, четвертая театральныя пьесы, пятая прозаическія сочиненія и переводы, а шестая эпистолы, басни, надписи и другія мелкія стихотворенія. Нынѣшняя, вторая супруга его, будучи любительница музыки, старается также собрать особо тѣ его стихотворенія, которыя придворными капельмейстерами Сартіемъ, Бортнянскимъ, Козловскимъ и другими положены на музыку.»

(*Другъ Просвѣщенія* 1806 г., № 3). Этотъ обширный планъ однакожъ не осуществился въ такомъ объемѣ: изъ предполагавшихся шести частей изданы въ 1808 г. только первыя четыре, и притомъ съ весьма немногими только виньетками. Изъ одного письма Державина* видно, что печатаніе должно было начаться въ августѣ 1807 г. Оно производилось опять въ типографіи Шнора, на этотъ разъ подъ главнымъ распоряженіемъ и надзоромъ извѣстнаго А. Ѳ. Лабзина (въ то время конференцъ-секретаря академіи художествъ), который составилъ и смѣту издержекъ по изданію. Заводъ опредѣленъ былъ въ 3600 экземпляровъ,** издержки же на все изданіе исчислены въ 9980 рублей. Къ декабрю мѣсяцу 1-й томъ былъ уже отпечатанъ, а въ февралѣ 1808 года — готово и все изданіе въ четырехъ томахъ. Продажная цѣна была назначена за экземпляръ: на веленевой бумагѣ съ картинками — по 25 руб., на простой съ картинками — по 20 и на простой безъ картинокъ по 15 р. За переплетъ въ бумажкѣ набавлялось на всѣ четыре части 60 коп. (все на асс.).*** Сочиненія

* Къ П. А. Гасвицкому отъ 29 іюля 1807.

** Изъ этого числа 2600 должны были печататься на простой (*любской*, 8-и рублевой) бумагѣ вовсе безъ виньетокъ, 700 на такой же бумагѣ съ виньетками, 285 на веленевой (50-рублевой) и 15 на веленевой высшаго сорта (80-рублевой), оба послѣдніе разряда съ виньетками. Бумагу доставляла фабрика коммерціи совѣтника А. В. Ольхина.

*** Изъ всего количества экземпляровъ тотчасъ же отправлено было 2000 въ Москву къ коммиссіонеру, коллежскому секретарю С. К. Звѣреву, который потомъ заключилъ съ книгопродавцемъ В. В. Губкинымъ формальное условіе объ отпускѣ ему, по мѣрѣ надобности, книгъ на коммиссію, съ тѣмъ чтобы уплата производилась въ концѣ каждой недѣли за проданные въ теченіе этого срока экземпляры. Въ 1810 году, по затрудненіямъ, которыя дѣлалъ Звѣревъ, шла рѣчь о передачѣ всѣхъ экземпляровъ Губкину; но по невыгодности условій, какія предлагалъ Губкинъ, это не состоялось. Книги переданы были жившему въ Москвѣ шурину Державина, Николаю Алексѣевичу Дьякову, который съ тѣхъ

были расположены по родамъ, однакожъ съ нѣкоторымъ соблюденіемъ порядка времени. Послѣднее соображеніе выражено тѣмъ, что въ 1-ую часть (VII и 321 стр., не считая предувѣдомленія, посвященія Екатеринѣ II и оглавленія; всего съ посвященіемъ 66 пьесъ) вошли только стихотворенія, писанныя при жизни императрицы; вообще книга соотвѣтствуетъ рукописи 1795 года: исключены только анакреонтическія пьесы и прибавлены нѣкоторыя, относящіяся къ 1795 и 1796 годамъ. 2-я часть (317 стр., 79 пьесъ) составлена большею частью изъ позднѣйшихъ лирическихъ стихотвореній и посвящена императору Александру Павловичу. 3-я (237 стр., 123 пьесы) содержитъ анакреонтическія стихотворенія въ томъ же порядкѣ, какъ особое изданіе 1804 г., но съ прибавленіемъ многихъ, тамъ не находящихся. Наконецъ 4-я часть (330 стр. и 9 сочиненій) заключаетъ въ себѣ сочиненія въ драматической формѣ и описаніе Потемкинскаго праздника. Въ началѣ первыхъ двухъ частей помѣщены замѣчательные эпиграфы, которые мы сообщимъ въ своемъ мѣстѣ. Въ «Предувѣдомленіи къ читателю», опять предпосланномъ 1-й части, поэтъ объясняетъ содержаніе этого изданія въ сравненіи съ предыдущими и выражаетъ надежду, что со временемъ явится еще болѣе полное и обширное, снабженное картинками и примѣчаніями.

поръ отпускалъ ихъ книгопродавцамъ. Потомъ онѣ перевезены были на квартиру Кат. Ѳед. Муравьевой въ домъ гр. Паниной (на Тверской). Какъ плохо шла по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ книжная торговля, видно изъ того, что въ 4 года въ Москвѣ продано было не болѣе 650 экземпляровъ. Незадолго до занятія города Французами, 8 августа 1812 года, В. Звѣревъ писалъ Державину: «Книгъ теперь никто не покупаетъ, да и надѣяться хорошей продажи оныхъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ невозможно: итакъ, если не дорого возьмутъ за провозъ я отправлю ихъ къ ваш. высокопр. въ исходѣ сего мѣсяца; въ противномъ же случаѣ перевезу къ себѣ въ домъ, а между тѣмъ припечатаю о продажѣ ихъ въ Вѣдомостяхъ».

Изданіе 1808 г. опять не вполнѣ удовлетворило Державина: въ письмѣ къ своему московскому коммиссіонеру, Звѣреву, онъ жаловался на неисправность типографіи, которая, не смотря на двукратную перепечатку нѣсколькихъ листовъ, допустила еще невѣрности. Не довольствуясь спискомъ погрѣшностей, приложеннымъ къ каждому тому изданія, онъ послалъ еще особое объявленіе о дополнительныхъ поправкахъ въ *Русскій Вѣстникъ* (см. ч. VI № 4, 1809 г. апрѣль) и къ Звѣреву для *Московскихъ Вѣдомостей.* За исключеніемъ однакожъ нѣкоторыхъ неисправностей текста, по большой части находившихся, какъ мы думаемъ, въ самыхъ рукописяхъ, переданныхъ Лабзину, это изданіе почти совершенно свободно отъ орѳографическихъ недосмотровъ, и въ пунктуаціи замѣтна довольно строгая послѣдовательность.

Незадолго передъ смертью, уже въ 1816 г., Державинъ издалъ еще одинъ томъ (*часть V*) стихотвореній; но такъ какъ мы оттуда почти ничего еще не заимствовали, то и отлагаемъ рѣчь о немъ до слѣдующаго тома нашего изданія. Напечатаніе въ 1809 г. трагедіи *Иродъ и Маріамна* сюда также не относится.

Послѣ смерти Державина болѣе полное изданіе его сочиненій было въ первый разъ задумано родственникомъ его по женѣ, покойнымъ Ѳедоромъ Петровичемъ Львовымъ. Уже въ 1823 году онъ помѣстилъ въ *Сынъ Отечества* (ч. 89 № XLVIII) «Объявленіе», которымъ извѣщалъ, что такъ какъ все прежнее изданіе уже разошлось и весьма рѣдкіе экземпляры его продаются по дорогой цѣнѣ, то онъ, съ позволенія вдовы поэта, намѣренъ вновь издать его труды вмѣстѣ съ оставленными самимъ Державинымъ *Объясненіями.* Львовъ присовокупилъ обѣщаніе не пожалѣть ни трудовъ, ни издержекъ на новое изданіе, которое предполагалъ напечатать на лучшей бѣлой бумагѣ въ большую осмушку, крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. На это новое изданіе открывалась подписка.

Предпріятіе это, по неизвѣстнымъ причинамъ, осталось безъ исполненія. Не прежде 1831 года книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ, пріобрѣтя право изданія и пользуясь содѣйствіемъ Львова, перепечаталъ въ своей типографіи «Сочиненія Державина» въ четырехъ частяхъ въ большую осмушку, «на лучшей любской бумагѣ крупнымъ шрифтомъ». Въ этомъ первомъ посмертномъ изданіи прежнее собраніе сочиненій было дополнено только весьма немногими мелкими стихотвореніями, появившимися по кончинѣ поэта въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно же въ *Памятникѣ отечественныхъ музъ*, альманахѣ на 1827 годъ. Сверхъ того въ текстѣ исправлены были всѣ невѣрности, указанныя Державинымъ въ изданіи 1808 года. Но главное отличіе отъ послѣдняго состояло въ размѣщеніи содержанія. Стихотворенія раздѣлены по родамъ: въ 1-ю часть вошли «духовныя и философическія оды», во 2-ю «посвященныя славѣ отечества, его царей и оружія и разнымъ торжественнымъ случаямъ», въ 3-ю «писанныя въ родѣ Анакреона, также подражанія другимъ древнимъ поэтамъ и пьесы анѳологическія»; наконецъ въ 4-ю «драматическія произведенія». Къ изданію не приложено никакихъ объяснительныхъ примѣчаній; при оглавленіи не показаны даже годы сочиненія пьесъ. Краткое «Предисловіе» заключаетъ въ себѣ только самый бѣглый очеркъ біографіи поэта. О приложенныхъ къ изданію (однакожъ не ко всѣмъ экземплярамъ) портретѣ и заглавныхъ виньеткахъ будетъ сказано ниже, какъ и о послѣдовавшемъ вскорѣ отдѣльномъ изданіи *Объясненій* Державина, которое было обѣщано въ упомянутомъ сейчасъ предисловіи, при чемъ однакожъ эти Объясненія неточно названы Записками.*

* Изданіе Смирдина продавалось: съ портретами и виньетами по 35 руб., безъ картинокъ по 27 руб. (ассигн.).

Это первое Смирдинское изданіе сочиненій Державина было повторено почти безъ измѣненій, но съ другою пагинаціей, въ 1833 году, при чемъ исправленъ и замѣчательный промахъ предшествовавшаго изданія, гдѣ было пропущено извѣстное *Приношеніе монархинѣ.*

Въ 1841, съ истеченіемъ 25-ти лѣтъ отъ времени смерти Державина, право изданія его сочиненій перестало быть исключительною собственностью его наслѣдниковъ, и вскорѣ появились, очень близко одно за другимъ, въ Петербургѣ же, два новыя книгопродавческія изданія «Сочиненій Державина». Въ 1843 г. издалъ ихъ И. И. Глазуновъ въ 4 частяхъ, съ портретомъ поэта и съ довольно подробной біографіей его, составленной покойнымъ Н. В. Савельевымъ - Ростиславичемъ. Стихотворенія размѣщены тутъ точно такъ же, какъ въ первыхъ двухъ Смирдинскихъ изданіяхъ, но прибавлена драма *Иродъ и Маріамна*, и въ концѣ 4-й части приложенъ хронологическій списокъ сочиненій Державина, хотя и весьма еще неполный и во многомъ невѣрный, но замѣчательный какъ первый опытъ такаго указателя. Въ 1845 году «Сочиненія Державина» изданы книгопродавцемъ Д. П. Штукинымъ въ одномъ большомъ томѣ съ портретомъ и еще тремя картинками, съ біографіею, написанною Полевымъ, и съ хронологическою росписью, къ сожалѣнію все еще весьма несовершенною. Это изданіе дополнено *Читалагайскими одами* и *Разсужденіемъ о лирической поэзіи.* Стихотворенія расположены Полевымъ въ порядкѣ, въ которомъ онъ старался соединить раздѣленіе по родамъ съ хронологическою послѣдовательностью, и именно приняты слѣдующіе отдѣлы: 1) духовныя стихотворенія, 2) поэтическая лѣтопись, 3) элегическія пьесы, 4) сказки, 5) поэтическія картины, 6) стихотворенія сатирическія, 7) антологическія, 8) вакхическія, 9) переводы и подражанія, 10) поэтическая автобіографія, 11) мелкія стихотворенія, 12) драма-

тическія сочиненія и тѣ, въ которыхъ стихотворная форма соединена съ прозаическою. Удерживаясь отъ всякаго сужденія о степени удобства такого множества отдѣловъ, придуманныхъ совершенно произвольно и допускающихъ всякія перемѣщенія, мы позволимъ себѣ привести изъ приложенной къ Штукинскому изданію статьи Полеваго «Державинъ и его творенія» нѣсколько строкъ, которыя не безъ значенія для предлагаемаго нами труда:

«Сказать ли, что мы желали бы видѣть напечатаннымъ *все, что* «*еще не напечатано* * изъ сочиненій Державина? Конечно, славы «Державину тѣмъ не прибавится, но можетъ прибавиться матеріалъ для исторіи русской литературы и *исторіи человѣка*, а «такой прибавки уже слишкомъ много.... Желали бы мы, для «того, чтобы передъ читателями было вполнѣ все, что относится «къ Державину, жизни и твореніямъ его, прибавить подробныя «замѣчанія и поясненія на каждое его сочиненіе отдѣльно и до«полнить описаніе жизни его подробностями изъ его Записокъ. «Но исполненіе того и другаго не было въ нашей власти. Предо«ставляемъ другимъ исполнить сію мысль. Такими изъясненіями «на Державина могли бы у насъ начаться *классическія* изданія и «*классическое* изученіе нашихъ поэтовъ и замѣчательныхъ литера«торовъ. Скоро ли увидимъ ихъ? Отвѣчать трудно. Когда намъ! «Мы такъ заняты, мы такъ привыкли судить не изучая, рѣшать съ «чужаго голоса, по общимъ идеямъ, которыя мимолетомъ схваты«ваемъ изъ чужихъ замѣтокъ и журнальныхъ статеекъ.»

Въ 1847 году къ «Полному собранію сочиненій русскихъ авторовъ», предпринятому Смирдинымъ, прибавилось два новые томика, — Сочиненія Державина, которые уже 1851 ** были

* Здѣсь, какъ и далѣе въ приводимомъ отрывкѣ, курсивъ употребленъ самимъ авторомъ статьи.

** Они продавались по 2 руб. сер., съ литографированнымъ портретомъ поэта (въ мундирѣ), находившимся однакожъ не при всѣхъ экземплярахъ.

вторично изданы въ томъ же видѣ, только съ измѣненною пагинаціей.

При всей неисправности текста въ этихъ двухъ почти тожественныхъ изданіяхъ, мы должны признать за ними двѣ заслуги: 1) Въ концѣ многихъ стихотвореній, слѣдовательно въ первый разъ при текстѣ, напечатаны изданныя Львовымъ отдѣльною книжкой «Объясненія на сочиненія Державина», мѣстами нѣсколько дополненныя редакторомъ изданія, но къ сожалѣнію не исправленныя тамъ, гдѣ сообщаемыя ими свѣдѣнія невѣрны или неточны. 2) Къ каждому изъ двухъ томовъ приложенъ азбучный списокъ помѣщеннымъ въ немъ сочиненіямъ, при чемъ 1-я и 2-я части прежняго Смирдинскаго изданія составили первый томъ, а остальныя двѣ — второй.

Этотъ обзоръ показываетъ, что едва ли какой-либо другой русскій писатель, кромѣ Ломоносова и трехъ баснописцевъ, былъ издаваемъ столько разъ, какъ Державинъ. Наконецъ упомянемъ еще о двухъ сборникахъ, содержащихъ только нѣкоторыя изъ стихотвореній его: одинъ изданъ былъ 1817 г. въ Москвѣ подъ заглавіемъ *Лира Державина или избранныя его стихотворенія* (8°, 369 стр., 126 пьесъ), другой — 1857 въ Петербургѣ, названный *Анакреонтическія стихотворенія Державина*, *взятыя изъ третьей части сочиненій его*, *изданныхъ 1808 года* (8°, 41 стр., 50 пьесъ). Не останавливаемся здѣсь на *Запискахъ* его, напечатанныхъ въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 года и выпущенныхъ 1860 отдѣльною книгой. О нихъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ нашего изданія.

4. О рисункахъ при стихотвореніяхъ.

Подлинники всѣхъ рисунковъ, помѣщаемыхъ здѣсь въ началѣ и въ концѣ почти каждаго стихотворенія, приготовлены при жизни и по волѣ самого поэта и найдены нами въ его рукописяхъ. При

обзорѣ послѣднихъ было показано, что происхожденіе этихъ рисунковъ относится еще къ 90-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Въ русской литературѣ начинали тогда изрѣдка появляться изданія съ картинками. Впрочемъ сочиненія Ломоносова уже прежде были изданы два раза съ портретомъ его (работы Вортмана) и нѣсколькими аллегорическими изображеніями: въ 1757 г., въ Москвѣ, по распоряженію Шувалова, и въ 1784, въ Петербургѣ, отъ академіи наукъ. Въ 1791 году вышло въ Петербургѣ роскошное изданіе драматическаго произведенія Екатерины II *Начальное управленіе Олега:* оно напечатано въ листъ, съ хорошо исполненными гравюрами, дѣланными вѣроятно при академіи художествъ. Уже въ слѣдующемъ году, когда Державинъ сбирался печатать свои сочиненія, секретарь императрицы Храповицкій обѣщалъ снабдить его «виньетами». Въ концѣ 1793 года нашъ поэтъ заключилъ формальный контрактъ съ извѣстнымъ въ то время граверомъ Христофоромъ Майромъ (Mayr), который обязался доставленные ему 55 рисунковъ вырѣзать на мѣди за 600 руб. и отпечатать свои доски, «каждый отпечатокъ по 4 коп., на 1000 экземпляровъ». Планъ этого изданія, какъ мы видѣли, не осуществился. Первый, кому удалось, хотя и въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, подобное предпріятіе, былъ Капнистъ: въ 1796 г. онъ издалъ свои «Сочиненія» *во градѣ св. Петра* (какъ означено на заглавномъ листѣ) съ 4-мя весьма искусно отдѣланными гравюрами работы Набгольца. Начало исполненія мысли Державина находимъ мы въ первый разъ въ рукописи, поднесенной имъ 1795 императрицѣ (см. выше стр. XIV); здѣсь при стихотвореніяхъ 92 рисунка то тушью, то сепіей, а отчасти и акварелью, сдѣланные Оленинымъ. Въ составленіи программъ къ этимъ и къ послѣдующимъ рисункамъ большое участіе принимали друзья Державина, Н. А. Львовъ и В. В. Капнистъ. Много осталось слѣдовъ той внимательности, съ какою они собща обдумывали сюжеты для этихъ рисунковъ, смѣняя

одну мысль другою и снова покидая послѣднюю. Между бумагами Державина нашлись особыя тетради и отдѣльные листы, посвященные исключительно объясненію рисунковъ и писанные въ разное время разными почерками, между которыми мы узнаемъ и письмо всѣхъ троихъ друзей поэта. Самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало Львову, рукой котораго иногда писались и счеты Державина съ художниками. При изготовленіи программъ было вообще принято за правило не повторять въ рисункахъ содержанія стихотвореній, а выражать намекомъ или аллегоріей идеи, находящіяся въ близкомъ съ ними соотношеніи. Мысль эта, не всегда впрочемъ соблюдаемая, развита въ рукописяхъ два раза, Оленинымъ и Львовымъ.

Оленинъ (ум. 1843 г.) изложилъ ее въ слѣдующей запискѣ, озаглавленной: «Значеніе чертежей».

«Всѣ почти изображенія, какъ при заглавныхъ листахъ, такъ «и при окончаніи каждой поэмы, почерпнуты изъ самаго содер-«жанія оныхъ. Изографъ однако не повторяетъ автора и не то же «представляетъ въ лицахъ первый, что̀ второй написалъ въ стихахъ. «Сіе повтореніе, довольно впрочемъ обычное, казалось ему плео-«назмомъ: почему и старался художникъ домолвить карандашемъ «то, что словами стихотворецъ *не могъ* или *не хотѣлъ сказать*, «оставляя иногда тонкій смыслъ или таинственное значеніе на «собственное проницаніе читателя. Сіе-то значеніе подъ рукою «молодаго художника, гдѣ въ прямомъ, гдѣ въ иносказательномъ «видѣ, образовалось и въ лицахъ бесѣдуетъ съ разумомъ читателя, «догадку его упреждая: читателю не будетъ тягостна зримая бе-«сѣда сихъ скромныхъ лицъ потому, что ему, кажется, одному «только довѣряютъ они таинство, которое стихотворецъ не вся-«кому слушателю открываетъ; а безъ того, можетъ, скоро бы при-«скучили такія изображенія, которыя глазамъ повторяютъ то же «самое, что воображеніе давно и лучше еще въ понятіи посред-

«ствомъ стиховъ читателю представило. Онъ, можетъ, пожалѣлъ «бы о напрасномъ трудѣ художника, если бы онъ ему изобра-«зилъ съ раченіемъ и несказаннымъ Минерву, Купидона и проч. «для того, что и Минерва и Купидонъ наименованы въ поэмѣ, и «здѣсь явилися на перекличку, а художникъ не записалъ ихъ въ «*нѣтяхъ*.

«Въ заглавіи нѣкоторыхъ однако поэмъ то же или почти то же «изображено въ лицахъ, что сказано въ поэмѣ. Но сіе въ такомъ «только случаѣ предпочтено иносказательному изображенію, что «дѣйствительное представляетъ столь же хорошую картину для «глазъ, сколько словесная кисть для разума, и художникъ по «любви только къ художеству своему не хотѣлъ оставить безъ «начертанія такой картины, гдѣ логическій смыслъ сгрупировалъ «лица физическія согласно, картинно и оживотворилъ ихъ проти-«воположеніемъ. Впрочемъ онъ старался, сколько возможно, про-«пускать такія картины, оставляя стихамъ всю силу дѣйствія и «почитая свой карандашъ послѣднимъ пособіемъ силы стихотвор-«ческой».

Львовъ въ послѣдній годъ жизни своей (1803) не забывалъ рисунковъ къ сочиненіямъ своего друга и набросалъ въ записной книжкѣ слѣдующую замѣтку «Къ виньетамъ Г. Р. Державина»:

«Художникъ въ семъ сообразовался съ легкимъ вкусомъ и «правиломъ поэзіи, гдѣ воображеніе родило и вкусъ автора обра-«зовалъ нравоученіе въ поэмѣ; но дабы нравоученіе не скучило, «онъ покрылъ его тонкою завѣсою аллегоріи и оставилъ на до-«гадку: художникъ догадался, и дабы картинѣ, одною только такъ «сказать тѣнію окинутой, дать тѣло и силу физическую, дабы «впечатлѣніе оной прочнѣе и надежнѣе въ сердцѣ читателя изоб-«разилось, художникъ нравоученіе и пользу онаго образовалъ — «и представилъ въ видѣ физическомъ намѣреніе автора и пользу «видовъ его.»

Между тѣмъ и самъ Державинъ не терялъ изъ виду плана издать свои стихотворенія съ рисунками. Онъ обѣщалъ это, «ежели искусные граверы найдутся», еще въ Предувѣдомленіи къ изданію 1798 г., и въ началѣ нынѣшняго столѣтія виньетки дѣятельно подготовлялись. Въ бумагахъ его попалась намъ росписка, показывающая, что извѣстный Егоровъ (Алексѣй Егоровичъ, род. 1776, ум. 1851) уже въ 1802 г. нарисовалъ для него сто виньетокъ и получилъ за нихъ 500 руб. Но даже изъ тѣхъ рисунковъ, которые дѣлалъ гораздо ранѣе Оленинъ, еще ничего не было награвировано. Мы не знаемъ, почему не состоялось условіе съ Майромъ, но извѣстно, что Державинъ, за недостаткомъ здѣсь художниковъ, какъ онъ объясняетъ, — посылалъ рукопись, поднесенную Екатеринѣ II, въ Англію. Однакожъ и эта попытка осталась безъ послѣдствій (кромѣ развѣ того, что въ Лондонѣ вырвали изъ книги поллиста съ изображеніемъ русскаго солдата)*. Съ петербургскими граверами договаривались отъ имени Державина Оленинъ и Озеровъ (вѣроятно, извѣстный драматическій писатель). Въ 1804 г. появились *Анакреонтическія пѣсни*, но только съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ бюста Анакреона; къ экземплярамъ, напечатаннымъ на веленевой бумагѣ, была приложена еще картинка, представлявшая *Венеру* и *Купидона*, который подноситъ ей человѣческое сердце; обѣ виньетки гравированы англійскимъ художникомъ Сандерсомъ (Saunders); на второй сверхъ того означено, что ее рисовалъ Тончи. Къ изданію 1808 года Державинъ думалъ-было заказать гравюры въ Лейпцигѣ, но и это изданіе вышло въ свѣтъ почти безъ картинокъ: въ немъ приложено только по двѣ виньетки къ каждому тому, въ началѣ и въ концѣ его. «Не могъ я», сказано въ Предувѣдомленіи, «по желанію моему, украсить всѣхъ моихъ сочиненій картинками за

* См. ниже стр. 307.

недостаткомъ художниковъ, предоставляя то будущему времени *». Вскорѣ послѣ появленія этого изданія Державинъ, какъ видно изъ его бумагъ, имѣлъ дѣло съ извѣстнымъ рисовальщикомъ Ивановымъ (Иваномъ Алексѣевичемъ, род. 1782, ум. 1848), проекты котораго отсылались на просмотръ Оленина **. Въ *Объясненіяхъ*, диктованыхъ поэтомъ въ 1809 и 1810 г., онъ не забывалъ послѣ каждаго стихотворенія помѣщать описаніе приготовленныхъ виньетокъ, а тамъ, гдѣ ихъ недоставало, вносилъ слова: «Нужны программы». Наконецъ, незадолго передъ смертью, Державинъ, готовя новое изданіе своихъ сочиненій, пригласилъ къ себѣ знаменитаго нашего гравера, Н. И. Уткина (род. 1780, ум. 1863), и просилъ его составить, по соглашенію съ нѣсколькими художниками, смѣту издержкамъ, какихъ потребуетъ выгравированіе на мѣди 515 виньетокъ. Вслѣдствіе того Уткинъ при письмѣ отъ 22-го мая 1816 года представилъ поэту записку, въ которой исчислилъ весь расходъ въ 39.150 руб. (ассигн.). *** Вѣроятно, такая значительная издержка испугала Державина, а особливо жену его; но, какъ бы ни было, послѣдовавшая черезъ

* П. Н. Петровъ полагаетъ, что немногія виньетки при изданіи 1808 г. гравированы Клауберомъ (род. 1754, ум. 1817), который пріѣхалъ въ Россію 1796 г. и былъ учителемъ Уткина. Сандерсъ служилъ при Эрмитажѣ; онъ гравировалъ между прочимъ картинки къ «Лирическимъ сочиненіямъ» Капниста, изданнымъ въ 1806 году. О Тончи см. во II-мъ томѣ нашего изданія при стихотвореніи *Тончію*, подъ 1801 г.

** Ивановъ въ послѣднее время жизни служилъ при академіи художествъ смотрителемъ рисовальнаго класса. Онъ былъ сынъ архитектора и самъ готовился къ тому же званію. Имъ рисованы между прочимъ картинки при «Стихотвореніяхъ» А. Х. Востокова (Спб. 1821) и большая часть приложенныхъ къ «Баснямъ» Крылова (Спб. 1825).

*** За 4 фронтисписа къ четыремъ томамъ, по 200 руб. . . . 800 р.
За 256 виньетокъ, по 100 руб. . . . . 25,600 »
За 255 кюделампъ (*виньетокъ къ концу пьесъ*), по 50 руб. 12,750 »
Итого. . . 39,150 р.

полтора мѣсяца (9 іюля) смерть поэта не позволила ему самому выполнить задуманное дѣло. Нѣсколько лѣтъ спустя, родственникъ его, Ѳ. П. Львовъ, опять предпринялъ-было изданіе сочиненій Державина съ картинками, но остановился на одномъ планѣ (см. выше стр. XXIV). Три книгопродавца, издававшіе потомъ Державина, также старались украсить его сочиненія хоть немногими иллюстраціями. Въ 1831 году Смирдинъ приложилъ къ своему изданію четыре заглавныя виньетки, рисованныя А. П. Брюловымъ, гравированныя Галактіоновымъ и Ческимъ, а также портретъ Державина, гравированный Уткинымъ съ извѣстнаго подлинника Боровиковскаго (поэтъ представленъ въ мундирѣ)*. Къ изданію Глазунова, 1843, приложенъ грудной портретъ съ Тончіева подлинника, — тотъ же, который въ первый разъ былъ изданъ В. А. Жуковскимъ въ 1811 г. при *Собраніи образцовыхъ сочиненій* (рисовалъ Эстеррейхъ, гравировалъ Ческій). Наконецъ изданіе Штукина, 1845 г., сопровождали: фронтисписъ, портретъ, вновь рисованный Р. К. Жуковскимъ (въ мѣховой же шапкѣ и въ шубѣ, но не согласно съ подлинникомъ Тончи), изображеніе Еговы по картинѣ Рафаэля (къ одѣ *Богъ*) и видъ памятника, воздвигнутаго Державину въ Казани.

Мысль Державина объ изданіи сочиненій его съ приготовленными къ нимъ при жизни его картинками вполнѣ осуществляется нынѣ въ первый разъ академіею наукъ. Выполненіе этой идеи было гораздо легче прежняго въ настоящее время, при существованіи такаго удобнаго и сравнительно дешеваго способа изображенія, какъ искусство *рѣзанія картинъ на деревѣ* (ксило-

* Къ 1-й части приложенъ сверхъ того снимокъ съ цѣлаго небольшаго стихотворенія, писаннаго рукой Державина. Портретъ работы Уткина такъ хорошъ, что доску его было бы желательно пріобрѣсти для нашего изданія; но до сихъ поръ мы тщетно старались узнать, гдѣ она находится. Домъ Смирдиныхъ, со смертію сына А. Ф., кончилъ свое существованіе, и имущество ихъ разошлось въ разныя руки.

графія). Теперь, для передачи такимъ способомъ картинокъ Оленина, Егорова и Иванова, художники нашлись въ самомъ Петербургѣ. Разумѣется, что главное правило, поставленное въ виду ихъ, состояло въ сохраненіи со всею точностью какъ общаго характера, такъ и всѣхъ подробностей каждаго рисунка. Виньетки, которыми обставлены почти всѣ стихотворенія настоящаго тома, рѣзаны на деревѣ гг. Гогенфельденомъ, Даугелемъ, Брауномъ и отчасти Стариковымъ. Еще большее число такихъ рисунковъ остается для II-го тома. Нужнымъ считаемъ напомнить, что картинки рисованы въ подлинникѣ не ранѣе 1795 года и что слѣдовательно онѣ по большой части не соотвѣтствуютъ въ точности той эпохѣ, къ которой относится самое стихотвореніе. Такъ напримѣръ, портреты Хераскова и Безбородки представляютъ ихъ такими, какими они были въ девяностыхъ годахъ, а не въ семидесятыхъ и восмидесятыхъ, когда писаны оды *Ключъ* и *На пріобрѣтеніе Крыма*. Надписи на нѣкоторыхъ виньеткахъ объясняются тѣмъ, что въ рукописи, поднесенной Екатеринѣ, всѣ заглавія помѣщены на рисункахъ, а не отдѣльно отъ нихъ надъ стихотвореніями. Виньетка нашего заглавнаго листа заимствована также изъ рукописи 1795 г.

При предлагаемомъ теперь томѣ находятся еще:

1) Портретъ Державина, гравированный на стали профессоромъ с-петербургской академіи художествъ Ѳ. И. Іорданомъ. Подлинникъ, во весь ростъ, писанъ масляными красками художникомъ Тончи въ 1801 году и находится въ Москвѣ въ домѣ Натальи Николаевны Львовой.

2) Портретъ первой жены Державина (см. ниже стр. 58), литографированный по нашему заказу въ Дрезденѣ художникомъ Эрнстомъ Фишеромъ и тамъ же отпечатанный въ заведеніи Эмиля Кёлера. Подлинникъ той же величины писанъ масляными красками, неизвѣстно кѣмъ.

3) Видъ залы Таврическаго дворца (см. стр. 382), рѣзанный на деревѣ г. Даугелемъ. Сдѣланный тушью подлинникъ того же размѣра рисованъ для нашего изданія съ натуры italiянскимъ художникомъ Премацци.

5. Расположеніе стихотвореній, текстъ ихъ и варіанты.

Допустивъ обычное раздѣленіе сочиненій на стихотворенія, прозу, драматическія произведенія и т. д., мы съ тѣмъ вмѣстѣ приняли въ каждомъ изъ этихъ родовыхъ отдѣловъ хронологическій порядокъ, какъ существенно важный при изученіи всякаго писателя. Изъ нашихъ прежнихъ критиковъ уже Полевой и Бѣлинскій высказывались въ пользу этого порядка; но это однакожъ не помѣшало первому изъ нихъ впослѣдствіи расположить стихотворенія Державина на совершенно иномъ основаніи (см. выше, стр. XXVI). Въ настоящее время всѣ согласны въ томъ, что хронологическій порядокъ есть лучшій способъ размѣщенія трудовъ замѣчательнаго писателя, и эта идея уже приложена у насъ къ изданіямъ сочиненій Пушкина и Лермонтова. Г. Анненкову принадлежитъ честь перваго начинанія въ этомъ дѣлѣ. Для Державина, у котораго всѣ стихотворенія въ тѣсной связи съ дѣйствительностью, такой порядокъ изданія еще нужнѣе, нежели для всякаго другаго писателя. Опредѣленіе времени, когда было написано каждое сочиненіе, не всегда бываетъ легко и даже возможно. Къ счастію, Державинъ, руководимый вѣрнымъ пониманіемъ этой потребности, въ своихъ *Объясненіяхъ* самъ означилъ годы сочиненія бо̀льшей части своихъ стихотвореній; однакожъ нѣкоторыя изъ такихъ показаній его неточны или даже ошибочны. Поэтому всѣ они требовали повѣрки. Примѣръ критическихъ разысканій этого рода можно видѣть въ 1-мъ примѣчаніи къ одѣ *Успокоенное невѣріе* (стр. 69).

Настоящій томъ начинается 1770-мъ годомъ, потому что между сочиненіями Державина, изданными при жизни его, нѣтъ стиховъ, которые бы относились къ болѣе раннему времени. Все написанное имъ прежде (извѣстное намъ восходитъ однакожъ не далѣе 1767 года) причисляемъ мы къ юношескимъ его произведеніямъ и, какъ уже сказано выше, напечатаемъ въ другомъ мѣстѣ.

Главное достоинство изданія всякаго автора заключается въ вѣрности текста. За основной текстъ сочиненій Державина мы приняли изданіе 1808 г., въ четырехъ частяхъ, какъ представляющее послѣднюю изъ напечатанныхъ при жизни поэта редакцій его стихотвореній, и отступали отъ этого изданія только тогда, когда находили уважительныя къ тому причины, которыя всегда означали въ примѣчаніяхъ. Въ такихъ случаяхъ мы руководствовались другими изданіями Державина и рукописями его. Впрочемъ точность наша не простиралась ни на правописаніе, ни на знаки препинанія, потому что то и другое въ сдѣланныхъ при жизни Державина изданіяхъ не принадлежитъ вполнѣ ему самому; въ рукописяхъ же его нельзя отыскать какихъ-либо постоянныхъ основаній орѳографіи. Извѣстно, что онъ въ теоріи языка не имѣлъ твердыхъ знаній, и потому не можетъ быть Державинской орѳографіи, какъ есть орѳографія Ломоносовская и отчасти Сумароковская. Въ отношеніи къ правописанію и пунктуаціи намъ оставалось, слѣдовательно, держаться принятыхъ въ настоящее время общихъ началъ, допуская нѣкоторое отступленіе отъ этого правила только тамъ, гдѣ того требовали особенныя соображенія. Само собою разумѣется, что въ пунктуаціи мы главнымъ образомъ имѣли въ виду вѣрную во всей строгости передачу мыслей поэта, и для того въ сомнительныхъ случаяхъ справлялись со всѣми текстами того же сочиненія, въ отдѣльныхъ изданіяхъ, въ журналахъ и въ рукописяхъ.

Въ изданіи автора, который исправлялъ и передѣлывалъ свои выраженія, необходимо дать читателю возможность слѣдить за постепеннымъ ходомъ сочиненія и какъ бы присутствовать при самой работѣ писателя. Часто одна какая-нибудь новая черта мысли, измѣненіе одного слова важны или любопытны для наблюденій надъ развитіемъ таланта, надъ законами языка, слога или искусства.

Варіанты при сочиненіяхъ Державина тѣмъ нужнѣе, что до сихъ поръ толкуютъ различно о томъ, какъ онъ писалъ стихи. Одни думаютъ, что онъ былъ вовсе не въ состояніи исправлять то, что разъ вылилось у него изъ-подъ пера; другіе представляютъ себѣ, что онъ, поправляя, только портилъ свои стихи. По варіантамъ всякому легко будетъ повѣрить и то и другое мнѣніе. Для избѣжанія произвола въ выборѣ ихъ, мы обыкновенно приводимъ всѣ отличія прежнихъ печатныхъ редакцій стихотворенія, исключая развѣ самыя ничтожныя несходства. Къ указанію варіантовъ приняты нами мелкія буквы (леттрины) русской азбуки. Первый въ ряду варіантовъ стихотворенія отмѣчается годомъ изданія, изъ котораго онъ заимствуется и заглавіе котораго можно всегда найти въ 1-мъ примѣчаніи. Когда рукописи представляютъ стоящіе вниманія варіанты, то они извлекаются и оттуда. Разъ означенное время или мѣсто варіанта не повторяется уже при слѣдующихъ варіантахъ, почерпнутыхъ изъ того же источника.

6. О примѣчаніяхъ.

Самъ Державинъ всегда сознавалъ необходимость объяснительныхъ примѣчаній къ своимъ сочиненіямъ, въ которыхъ безпрестанно встрѣчаются намеки на современныя ему обстоятельства и лица. Въ Предувѣдомленіи къ изданію 1808 г. онъ положительно выразилъ намѣреніе приготовить со временемъ другое изданіе не

только съ картинками (о чемъ мы уже въ своемъ мѣстѣ упомянули), но и съ примѣчаніями, «гдѣ», прибавляетъ онъ, «все касающееся до моихъ письменъ объяснено будетъ, если «не мною самимъ, то по оставленнымъ мною запискамъ «другимъ кѣмъ-нибудь.» Уже въ 1809 г. онъ началъ диктовать своей молодой племянницѣ, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой (дочери Николая Александровича), *Объясненія на сочиненія Державина*, и этотъ комментарій составилъ довольно значительную рукопись. Въ 1834 году покойный мужъ Елисаветы Николаевны, Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, приспособивъ эти *Объясненія* къ Смирдинскому, незадолго передъ тѣмъ появившемуся изданію, напечаталъ ихъ со многими пропусками и измѣненіями, которыя казались ему нужными по духу его времени или были дѣйствительно необходимы по тогдашнимъ обстоятельствамъ и цензурнымъ требованіямъ. Къ счастью, мы могли пользоваться самою рукописью, полученною нами въ подлинникѣ отъ почтенной Елисаветы Николаевны. Заимствованія изъ этой рукописи всегда означены у насъ сокращенною на нее ссылкою. Такъ какъ вся она будетъ нами напечатана въ одномъ изъ слѣдующухъ томовъ, то мы не считали нужнымъ всегда дѣлать изъ нея выписки слово въ слово, соблюдая это только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Вообще мы обращались съ *Объясненіями* критически, постоянно повѣряя и дополняя ихъ всѣми доступными намъ историческими и литературными памятниками прошлаго. Рядомъ съ этимъ комментаріемъ самого Державина долженъ быть упомянутъ и другой, составленный извѣстнымъ въ свое время Николаемъ Ѳедоровичемъ Остолоповымъ. Его *Ключъ къ сочиненіямъ Державина*, писанный подъ собственнымъ руководствомъ поэта, служитъ важнымъ пособіемъ для повѣрки *Объясненій*, хотя въ свою очередь и самъ требуетъ строгой критики. *Ключъ* появился 1821 года въ *Сынъ Отечества* (ч. 70, №№ XXIV—XXVI), а въ слѣдую-

щемъ году былъ изданъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, отдѣльно Мы часто ссылаемся и на него.

Наши примѣчанія, на которыя указываютъ арабскія цифры при текстѣ, могутъ быть раздѣлены на *общія* и *частныя*.

Общія примѣчанія, занимающія первое мѣсто при каждомъ стихотвореніи, касаются цѣлаго произведенія, объясняютъ поводъ къ его происхожденію или источникъ, откуда оно заимствовано, сообщаютъ историческія или біографическія подробности, потомъ библіографическія указанія, въ которыхъ обстоятельно означается когда и гдѣ сочиненіе было напечатано при жизни автора,* и наконецъ объясненіе приложенныхъ къ стихотворенію рисунковъ.

Частныя примѣчанія наши относятся къ отдѣльнымъ мѣстамъ или даже отдѣльнымъ словамъ стихотвореній, при чемъ для большей наглядности объясняемое мѣсто или слово выставляется передъ объясненіемъ. Чтобы не обременять примѣчаній нашихъ ничѣмъ излишнимъ, мы вообще держались правила не объяснять въ нихъ того, что должно быть болѣе или менѣе извѣстно всякому образованному человѣку или, по крайней мѣрѣ, легко можетъ быть узнано изъ общедоступныхъ источниковъ. По бѣдности русской исторической литературы XVIII вѣка, мы считали не безполезнымъ сообщать біографическія подробности о тѣхъ изъ упоминаемыхъ Державинымъ дѣятелей, о которыхъ у насъ еще слишкомъ мало писано. Несправедливо было бы искать въ нашихъ примѣчаніяхъ всего, что бы могло быть сказано въ разныхъ отношеніяхъ по поводу каждой пьесы. Такая полнота не могла входить въ планъ нашихъ примѣчаній уже потому, что нужно

* Само собою разумѣется, что о перепечаткахъ въ разныхъ, хотя бы и современныхъ ему сборникахъ, какъ-то пѣсенникахъ, хрестоматіяхъ и т. п., мы не упоминаемъ, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ. Особенно много сочиненій Державина было помѣщено во *Всеобщемъ новоизбранномъ пѣсенникѣ*, изд. въ 4 частяхъ, М. 1805.

было ограничить ихъ объемъ, и притомъ въ противномъ случаѣ пришлось бы повторять одно и то же въ разныхъ мѣстахъ. Недосказанное въ примѣчаніяхъ будетъ изложено при разсмотрѣніи дѣятельности и поэзіи Державина, въ его біографіи. По роду и содержанію своему почти всѣ наши примѣчанія могутъ быть названы историческими и библіографическими; весьма рѣдко они филологическаго свойства, и это оттого, что всѣ наблюденія надъ языкомъ Державина мы намѣрены соединить въ особомъ приложеніи къ его сочиненіямъ.

Другой элементъ, который вообще исключается нами изъ примѣчаній, есть критика. Нисколько не желая посягать на свободу сужденій самого читателя, мы удерживаемся отъ высказыванія собственныхъ своихъ взглядовъ или впечатлѣній, и развѣ только два три мѣста могутъ быть указаны какъ исключеніе изъ этого правила. Изрѣдка мы приводимъ чужіе критическіе отзывы, когда они по чему-либо заслуживаютъ вниманія, въ особенности, если стихотвореніе было предметомъ отдѣльнаго разбора. Сущность критическаго изданія не въ томъ состоитъ, чтобы безпрестанно руководить читателя въ его воззрѣніяхъ, а въ томъ, чтобы доставить ему всѣ средства самому судить вѣрно о каждомъ произведеніи. Обязанность критика мы постараемся исполнить, по крайнему разумѣнію нашему, въ другомъ отдѣлѣ изданія.

Подлинники тѣхъ пьесъ Державина, въ которыхъ онъ былъ переводчикомъ или подражателемъ, вообще только указываются, но не перепечатываются нами, потому что находятся въ общедоступныхъ книгахъ; исключеніе сдѣлано только для весьма немногихъ пьесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ или сборникахъ, мало распространенныхъ или мало извѣстныхъ.

Сверхъ примѣчаній читатель при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ найдетъ *Приложенія*. Сюда отнесены такія объяснительныя извлеченія изъ рукописей или стихи, переводы, отрывки статей,

которые по своему объему не могли удобно войти въ примѣчанія. Здѣсь между прочимъ нашли мѣсто нѣкоторыя изъ неизданныхъ сочиненій Державина, имѣющія тѣсную связь съ напечатанными въ самомъ текстѣ. Такія неизданныя сочиненія меньшаго размѣра включены отчасти и въ примѣчанія.

Относительно ссылокъ на прежнія изданія Державина мы должны пояснить, что въ изданіи 1808 г. указываемъ не страницы, а нумера стихотвореній потому, что самъ онъ въ своихъ *Объясненіяхъ* такимъ образомъ означаетъ пьесы, и мы, принявъ этотъ же способъ ссылокъ, разомъ даемъ возможность находить и стихотвореніе и соотвѣтствующія ему примѣчанія поэта.

Въ заключеніе приведемъ строки, помѣщенныя въ видѣ эпиграфа какъ въ рукописи, поднесенной Екатеринѣ II, такъ и въ I-мъ томѣ изданія 1808 года, и выбранныя Державинымъ изъ Тацита: «О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить «и говорить не воспрещалося; когда соединены были «вещи несовмѣстныя, владычество и свобода; когда «при самомъ легкомъ правленіи общественная безо-«пасность состояла не изъ одной надежды и желанія, «но изъ достовѣрнаго полученія, прочнымъ образомъ, «желаемаго*».

* Объ источникахъ этого эпиграфа см. особое примѣчаніе ниже на стр. 805. Другой эпиграфъ изданія 1808 г. помѣстимъ при II-мъ томѣ.

Я. Гротъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НѢКОТОРЫХЪ СОКРАЩЕННЫХЪ ССЫЛОКЪ.

Находя, что при полнотѣ большей части нашихъ ссылокъ длинный списокъ всѣхъ указанныхъ нами книгъ и журналовъ былъ бы излишенъ, нужнымъ считаемъ назвать здѣсь, съ нѣкоторыми поясненіями, только тѣ изданія, которыя мы, для сбереженія мѣста, означали сокращенно:

Георги, Versuch einer Beschreibung der r. k. Residenzstadt St. Petersburg. Спб. 1790 (три части).

— То же сочиненіе въ переводѣ П. Безака подъ заглавіемъ: *Описаніе росс. имп. столичнаго города Санктпетербурга.* Спб. 1794.

Грибовскій (А. М.), *Записки о Екатеринѣ Великой.* М. 1847 (прежде были напечатаны въ *Москвитянинѣ* того же года).

Державинъ, *Записки.* М. 1860 (прежде были напечатаны въ *Русской Бесѣдѣ* за 1859 годъ, а потомъ изданы отдѣльными оттисками. Такъ какъ пагинація въ журналѣ и въ книгѣ одна и та же, то мы и отмѣчаемъ это двоякое изданіе только именемъ *Русской Бесѣды*).

Дмитріевъ (М. А.), *Мелочи изъ запаса моей памяти.* М. 1854 (прежде были напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1853 г.).

Жихаревъ (С. П.), *Записки Современника. Ч. I, Дневникъ студента.* Спб. 1859 (прежде были напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1853 г.).

Лебедевъ (П. С.), *Матеріалы для исторіи царствованія Екатерины II* (три рукописные тома, которыми мы пользовались съ позволенія почтеннаго собирателя).

Лопухинъ (И. В.), *Записки о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни и службы* его въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей.* М. 1860, кн. II и III.

Реймерсъ (Г.), St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Спб. 1805 (двѣ части).

Рукопись современника, въ имп. публ. библіотекѣ, подъ заглавіемъ: *Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія князя Г. А. Потемкина* (выбрана по большой части изъ разныхъ иностранныхъ писателей; кончена въ 1807 г.; два отрывка изъ этой рукописи были напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1852 г.).

Сегюръ (графъ), Mémoires ou souvenirs et anecdotes. Парижъ 1843 (двѣ части).

Сопиковъ (В.), *Опытъ россійской библіографіи.* Спб. 1813 — 1821 (пять частей).

Сумароковъ (А. П.), *Полное собраніе всѣхъ сочиненій* его, изд. Новиковымъ. М. 1787 (десять частей).

Храповицкій (А. В.), *Памятныя записки* въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей* М. 1862, кн. II и III.

Энгельгардтъ (Л. Н.), *Записки.* М. 1860 (прежде были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1859 г.).

Помѣщаемыя нами иногда въ скобкахъ, безъ дальнѣйшихъ ссылокъ, имена означаютъ доставленныя нѣкоторыми лицами рукописныя замѣтки. Такъ же указываемъ мы примѣчанія г. Бартенева къ *Запискамъ* Державина въ изданіи *Русской Бесѣды* и примѣчанія г. Галахова въ *Исторической Христоматіи*, т. I., Спб. 1861.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА I.

—

1777.

1778.

1779.

1780.

1781.

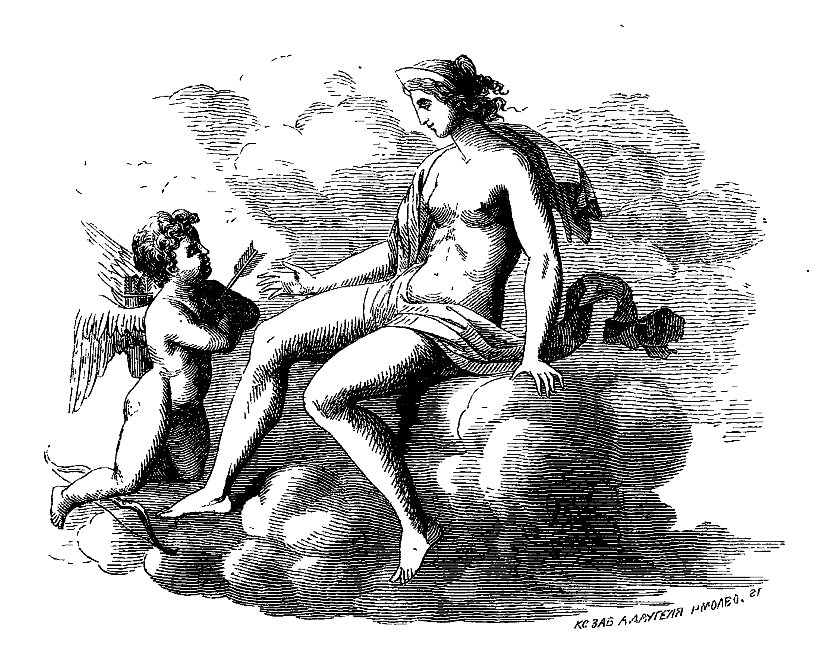
1782.

1783.

Приложенные къ тому I снимки съ почерковъ:

СТИХОТВОРЕНІЯ

отъ 1770 до 1796 года.

I. ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ[1].

1770.

Хоть вся теперь природа дремлетъ, 1.
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенья, вздохи внемлетъ
И только на тебя глядитъ.

[1] Эта пьеса и за нею еще три *(Пламидъ. Всемилъ* и *Нинъ)* помѣщаются нами подъ 1770 годомъ на томъ основаніи, что самъ Державинъ въ *Объясненіяхъ* на свои сочиненія (*Об.* ч. III, LXXIX — LXXXII) отнесъ ихъ къ этому году. Но, судя по языку ихъ и отдѣлкѣ стиха, можно усомниться въ точности такого показанія: все, что онъ писалъ въ этотъ періодъ, до 1779 года, запечатлѣно болѣе устарѣлыми формами выраженія. Притомъ и въ рукописяхъ его эти пьесы встрѣчаются не ранѣе 1802. Поэтому надобно принять, что если онѣ и въ самомъ дѣлѣ были первоначально написаны въ 1770 году, то послѣ, передъ напечатаніемъ, подверглись значительнымъ исправленіямъ. Въ первый разъ онѣ появились въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 129 — 131, а потомъ въ изданіи 1808, ч. III, LXXIX—LXXXII.

Содержаніе рисунковъ: 1) богъ любви передъ Красотою; 2) подсолнечникъ, обращенный къ солнцу. Державинъ, какъ видно изъ одной

Примѣть мои ты разговоры, 2.
Помысль о мнѣ наединѣ;
Брось на меня пріятны взоры,
И нѣжностью отвѣтствуй мнѣ.

Единымъ отвѣчай воззрѣньемъ 3.
И мысль свою мнѣ сообщи:
Что съ тѣмъ сравнится восхищеньемъ,
Какъ двѣ сольются въ насъ души?

Представь въ умѣ сіе блаженство, 4.
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь съ божествомъ равенство
Намъ можетъ въ жизни [a] сей дарить [2].

[a] Намъ можетъ въ жизни подарить (1808).

рукописи, предполагалъ прибавить здѣсь надпись: «вокругъ всюду слѣдую за тобою». (О рисункахъ при стихотвореніяхъ вообще см. Предисловіе этого тома).

[2] Мы возстановили этотъ стихъ, какъ онъ былъ напечатанъ въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* (1804), потому что самъ Державинъ такъ поправилъ его карандашемъ въ своемъ экземплярѣ изданія 1808 года.

II. ПЛАМИДѢ[1].

Не сожигай меня, Пламида, 1.
Ты тихимъ голубымъ огнемъ
Очей твоихъ: отъ ихъ я вида[a]
Не защищусь теперь ничѣмъ.

Хоть былъ бы я царемъ вселенной 2.
Иль самымъ строгимъ мудрецомъ;
Пріятностью, красой сраженный,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

[a] Очей твоихъ; ихъ скромна вида
Не защищуся я ничѣмъ (1804).

---

[1] См. 1-ое примѣчаніе къ стихотворенію I.

Содержаніе рисунковъ: 1) Сирена, опирающаяся на голову Януса, подлѣ которой лежатъ корона, скипетръ, лавровый вѣнокъ и т. п. 2) Сатиръ убѣгаетъ отъ Купидона, который обнимаетъ мѣшокъ съ деньгами.

Все: мудрость, скипетръ и державу 3.
Я отдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жертву славу
И у твоихъ бы умеръ ногъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида[6], 4.
Въ задатокъ нѣсколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погасъ огонь въ душѣ моей.

[6] Но пожелала лишь Пламида
Въ задатокъ нѣсколько рублей —
Не могъ ея терпѣть я вида
И огнь погасъ въ груди моей (Рукопись 1802 г.).

III. ВСЕМИЛѢ[1].

Какая непонятна сила 1.
Изъ устъ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

[1] Имя *Всемила,* подобное всѣмъ искусственнымъ именамъ, которыя составлялись въ былое время нашими писателями, употреблялось въ литературѣ вѣроятно и прежде Державина; но оно стало встрѣчаться въ ней особенно послѣ изданія сочиненій его въ 1808 г., напр. въ повѣсти *Миловзоръ* г-жи Новоперовой, въ іюньской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1809 г., и въ балладѣ Грамматина: *Усладъ и Всемила,* въ 1-й книжкѣ *Вѣстника Европы* 1810 г. См. 1-ое примѣчаніе къ стихотворенію I.

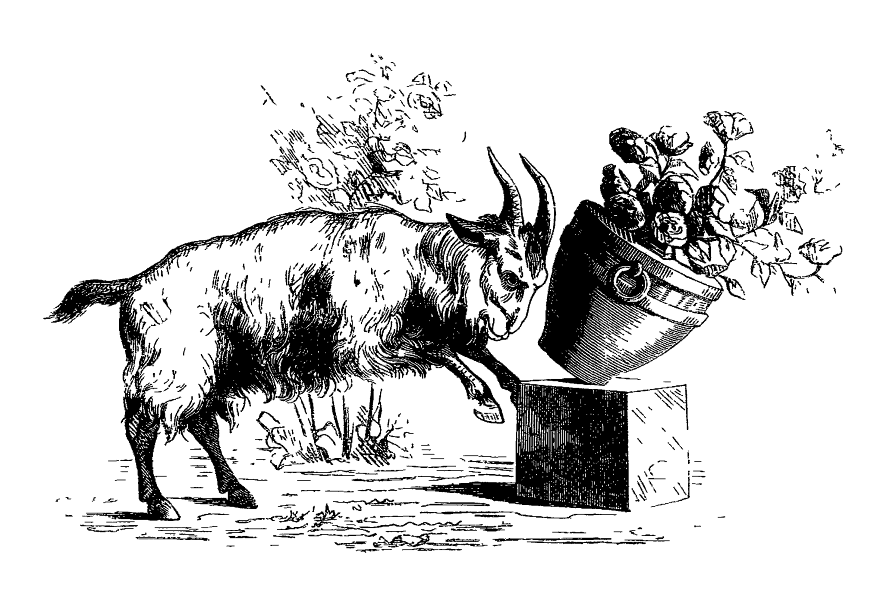
На приложенномъ къ заглавію рисункѣ представлена Діана.

Такъ, красота владѣетъ міромъ; 2.
Сердца ей тронъ и алтари;
Ее чтутъ мудрые кумиромъ,
И поклоняются цари.

Прочти дѣянія великихъ: 3.
Всѣ къ нѣжности склоняли слухъ;
Причина подвиговъ толикихъ—
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкій духъ.

Почто жъ, о милое творенье! 4.
Грустишь и тонешь такъ въ слезахъ,
Когда царей и царствъ правленье
Въ твоихъ содержится рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаетъ; 5.
Въ слезахъ твердишь ты: «все мечта!»
Такъ! добродѣтелью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красота.

IV. НИНѢ[1].

Не лобызай меня такъ страстно, 1.
Такъ часто, нѣжный, милый другъ[a]!
И не нашептывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ восторгахъ;
Обнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнѣйшей страсти пламя скромно; 2.
А ежели чрезъ мѣру жжетъ,

[a] Такъ часто, Нина, милый другъ (1804).

[1] Въ *Объясненіяхъ* и въ оглавленіи къ *Анакреонтическимъ пѣснямъ* сказано, что это «подражательный отрывокъ 29-й оды Клопштока», но мы не отыскали въ одахъ Клопштока такихъ стиховъ, которые можно бы принять за подлинникъ этой пьесы. См. 1-ое примѣчаніе къ стихотворенію I.

И удовольствій чувство полно:
Погаснетъ скоро и пройдетъ.
И ахъ! тогда придетъ вмигъ скука [б],
Остуда, отвращенье къ намъ.

Желаю ль цѣловать стократно; 3.
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И то пристойно, такъ, безстрастно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ:
То будетъ вѣченъ нашъ союзъ.

[б] И ахъ! тогда придетъ къ намъ скука,
Остуда, отвращенье вмигъ.

Содержаніе приложеннаго къ заглавію рисунка: Купидонъ, разорвавъ свою цѣпь, удаляется съ отвращеніемъ отъ молодой женщины, которая опирается на рогъ изобилія, сыплющій цвѣты; у ногъ ея сидитъ кроликъ. — Смыслъ заключительнаго рисунка виденъ изъ предполагавшейся къ нему надписи: *Малымъ доволенъ.*

V. ПЕНИ[1].

Достигнулъ страшный слухъ ко мнѣ, 1.
Что сталъ ты лживъ и лицемѣренъ;
Въ твоей отеческой странѣ,
О льстецъ! мнѣ сдѣлался невѣренъ.
Тѣ нѣжности, которы мнѣ
Являлъ любви твоей въ огнѣ,
Во страсти новой погружаешь;
О мнѣ не мнишь, не говоришь,
Другой любовь свою даришь,
Меня совсѣмъ позабываешь.

[1] Это посланіе къ измѣнившему любовнику, написанное, какъ сообщаетъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*, по просьбѣ одной дамы, находится въ старѣйшей рукописи его (1776 г.) между 19-ю любовными пѣснями, но тамъ не имѣетъ заглавія и содержитъ много стиховъ, впослѣдствіи исправленныхъ. Изъ всѣхъ стихотвореній упомянутой тетради это одно включено имъ послѣ въ собраніе его сочиненій (1808, ч. III, CVI). Ср. у Сумарокова двѣ пѣсни того же содержанія:

п. V: Ахъ! за что тобой, жестокій, я обманута была?
и п. XXIX: Въ какой мнѣ вредный день ты въ томъ меня увѣрилъ...

(*Соч. Сум.* ч. VIII, стр. 185 и 214).

Тѣ рѣчи, тѣ слова въ устахъ, 2.
Меня которыя ласкали;
Тѣ тайны взгляды во очахъ,
Которые меня искали;
Тѣ вздохи пламенной любви,
Тѣ нѣжны чувствія въ крови,
То сердце, что меня любило,
Душа, которая жила,
Чтобъ я душой ея была:
Ахъ! все, все, все мнѣ измѣнило!

Кого жъ на свѣтѣ почитать 3.
За справедливаго возможно,
Когда и ты ужъ увѣрять
Меня не постыдился ложно?
Ты богъ мой былъ, ты клятву далъ,
Ты нынѣ клятву ту попралъ.
О льстецъ, въ злыхъ хитростяхъ отмѣнный!
Но нѣтъ! не клятвѣ сей
Я вѣрила — душѣ твоей,
Судивши по своей влюбленной.

Къ несчастію тому, что мнѣ 4.
Ты сталъ толико вѣроломенъ,
Любви неистовой въ огнѣ,
Я слышу, до того нескроменъ,
Что, клятвы, славу, честь
На жертву не страшась принесть,
Все — говорятъ — сказалъ подробно,
Какъ мной любимъ ты страстно былъ.
Любя, любви кто измѣнилъ,
Въ томъ сердце все на злость способно.

А кто одинъ хоть только разъ 5.
Безсовѣстенъ быть смѣлъ душею,
Тотъ всякій день, тотъ всякій часъ
Быть можетъ вѣчно вреденъ ею.
Такъ ты, такъ ты таковъ-то лютъ! —
Ахъ нѣтъ! — Средь самыхъ тѣхъ минутъ,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобою скорбь терплю,
Съ тобой я твой порокъ люблю,
Въ тебѣ еще все прелесть вижу.

Мой свѣтъ! коль ты ко мнѣ простылъ, 6.
Когда тебѣ угодно стало,
Чтобъ сердце, кое ты любилъ,
Тебя ужъ больше не прельщало:
Такъ въ тѣ мнѣ скучные часы,
Какъ зришь ужъ не во мнѣ красы,
Не мнѣ пріятностьми лаская,
Сидишь съ прелестницей своей,
Отраду дай душѣ моей,
Меня хоть въ мысляхъ вображая.

Представь уста — отколь любовь 7.
Любовными ты пилъ устами;
Представь глаза — мигъ каждый вновь
Отколь мой жаръ ты зрѣлъ очами;
Вообрази тотъ видъ лица,
Что̀ всѣхъ тебѣ царей вѣнца
И всей пріятнѣй былъ вселенной. —
Ахъ! видъ, тотъ видъ уже не сей:
Лишенная любви твоей,
Я зрю себя всего лишенной.

Жалѣй о мнѣ — и за любовь 8.
Оставленной твоей любезной,
Прошу, не проливай ты кровь,
Одной пожертвуй каплей слезной,
Поплачь и потужи стеня,
Иль хоть обманывай меня:
Скажи, что ты нелицемѣренъ,
Скажи — и прекрати злой слухъ.
Дражайшій мой любовникъ, другъ!
Коль можно, сдѣлайся мнѣ вѣренъ.

VI. НА ПОБѢДЫ ЕКАТЕРИНЫ II

НАДЪ ТУРКАМИ [1].

Со ужасомъ дѣла вселенная внимаетъ,
Какъ падшу Грецію Минерва поднимаетъ.
Не можетъ скрыться врагъ въ пустыняхъ и горахъ —
Побѣда на земли, побѣда на моряхъ!
Дрожитъ дунайскій брегъ, трепещутъ Дарданеллы,
Колеблется Востокъ и южные предѣлы.
Вездѣ твои орлы, монархиня, парятъ;
Вездѣ твой громъ гремитъ и молніи горятъ;
Отвсюду Божій внукъ, бичъ царствъ земныхъ, темнѣетъ [2],
Отвсюду Мустафа въ сералѣ цѣпенѣетъ:

[1] Старѣйшее изъ всѣхъ изданныхъ стихотвореній Державина на подобный предметъ. При жизни его оно было напечатано только въ *Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ* (1779 г. за февраль, ч. III, стр. 111), гдѣ оно помѣщено въ числѣ многихъ другихъ мелкихъ пьесъ его подъ общимъ заглавіемъ: *Собраніе разныхъ надписей* (стр. 108 — 114). По смерти Державина эта пьеса въ первый разъ появилась въ *Памятникѣ отечественныхъ музъ* 1827 г. (стр. 38), издатель котораго, Б. М. Федоровъ, получилъ ее, какъ неизданную, изъ бумагъ поэта. Изъ этого альманаха перепечаталъ ее въ 1831 г., въ своемъ изданіи сочиненій Державина, Смирдинъ, и послѣ того она являлась уже во всѣхъ изданіяхъ нашего поэта, но съ невѣрностями, которыя здѣсь исправлены по рукописямъ.

[2] Отвсюду Божій внукъ, бичъ царствъ земныхъ, темнѣетъ.

Божій внукъ—такъ называли себя нѣкоторые султаны *(Пам. отеч. м.)*. Въ позднѣйшихъ Смирдинскихъ изданіяхъ вмѣсто *бичъ* печаталось *лучъ*.

Въ началѣ счастливыхъ, торжественныхъ судьбинъ,
Голицынъ[3], утѣснивъ, повергъ тебѣ Хотинъ;
Съ стремленьемъ сильный вихрь во слѣдъ его пустился;
Румянцовъ, какъ перунъ, по Туркамъ разразился;
Какъ древле Юпитеръ гигантовъ поразилъ[а],
Такъ подъ Кагуломъ онъ визиря разгромилъ.
Упадши гордыя предъ Панинымъ Бендеры[б]
Сомнительны вѣкамъ оставили примѣры[4]:
Быть долженъ Геркулесъ, чтобъ стрясть[5] толь твердый градъ[в],
Который защищалъ всей злобой злобный адъ.
Что сдѣлать грозные возмогутъ элементы[г]?
Россійскимъ флотомъ вмигъ флотъ Агаряновъ[д] стертый[5]
Исчезнулъ при Чесмѣ и свѣту показалъ,

[а] Перунами Зевесъ гигантовъ поражалъ,
Въ визирской гибели ему онъ подражалъ (1779).
[б] И падши гордыя предъ Панинымъ Бендеры.
[в] Быть долженъ Геркулесъ вреи сломить тѣхъ вратъ,
Что ужасомъ смертей не городъ былъ, но адъ.
[г] Содѣлать грозные что могутъ элементы?
[д] Въ Чесмѣ турецкій флотъ, россійскимъ флотомъ стертый,
Исчезнулъ и то вмигъ единый показалъ.

---

[3] *Голицынъ* — князь Александръ Михайловичъ, который въ началѣ войны былъ назначенъ главнокомандующимъ первой дѣйствующей арміи, но вскорѣ отозванъ; такъ какъ однакожъ онъ между тѣмъ взялъ Хотинъ (9 Сентября 1769 г.), то Екатерина пожаловала его фельдмаршаломъ.

[4] Сомнительны вѣкамъ оставили примѣры.

Въ *Пам. отеч. музъ* и въ Смирдинскихъ изданіяхъ ошибочно напечатано: *сомнительнымъ*. Смыслъ тотъ, что взятіе Бендеръ можетъ привести потомство въ сомнѣніе, дѣйствительно ли такой подвигъ совершенъ человѣкомъ, а не полубогомъ.

[5] *Чтобъ стрясть* — а не *чтобъ стертъ*, какъ печаталось до сихъ поръ.

[6] ... флотъ Агаряновъ стертый.

Ломоносовъ, въ 1-й пѣсни поэмы *Петръ Великій*, сказалъ:

Великій Іоаннъ, твой сродникъ и примѣръ,
Что Россовъ превознесъ и злыхъ *Агарянъ стеръ*.

(*Соч. Лом.*, изд. Смирд., т. I, стр. 317).

Что влагой и огнемъ Орловъ повелѣвалъ!
Вступилъ лишь въ Херсонесъ, пошелъ лишь Долгоруковъ [7],
Единой славою его гремящихъ звуковъ [е]
Отверзлась Перекопь, пришелъ въ подданство Крымъ,
И вѣки что творятъ, то лѣтомъ онъ однимъ.
Екатеринѣ, знать, положено судьбами,
Чтобъ не стеналъ Босфоръ Магмета предъ рабами!
Гряди, гряди, о рокъ! — и Орлею рукой [ж]
Возстань, Палеологъ, поверженный Луной [8]!

[е] Отъ славы отъ одной гремящихъ его звуковъ
Низринулась Кафа, пришелъ въ подданство Крымъ.
Что вѣкомъ дѣлаютъ, то лѣтомъ онъ однимъ.
Екатеринѣ то положено судьбами,
Босфоръ чтобъ не стеналъ Магмета подъ рабами.
[ж] Гряди ты, новый годъ, и Орлею рукой.

---

[7] *Долгоруковъ* — князь Василій Михайловичъ, прозванный Крымскимъ. Онъ покорилъ Крымъ въ двѣ недѣли, съ 15 по 29 Іюня 1771 г.

[8] ... и Орлею рукой
Возстань, Палеологъ, поверженный Луной —
т. е. рукой Орлова возстань, Греція, поверженная Турками. Иначе слова: *орляя рука* не имѣли бы смысла. Стихъ этотъ замѣчателенъ какъ выраженіе политической мечты, именно тогда пробудившейся въ умѣ Екатерины и долго потомъ ее занимавшей.

VII. НА СМЕРТЬ БИБИКОВА[1].

1774.

Тебя ль оплакивать я долженъ, 1.
О Бибиковъ! какой ударъ!

[1] Генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ былъ посланъ, въ концѣ 1773 года, въ Казань для усмиренія Пугачевскаго бунта. Дождавшись тамъ войска и окончивъ нужныя распоряженія, онъ отправился въ Оренбургъ, но на пути занемогъ отъ чрезмѣрныхъ напряженій и умеръ въ Бугульмѣ 9 Апрѣля 1774, 44-хъ лѣтъ отъ роду. Державинъ, котораго онъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга принялъ къ себѣ на службу, находился въ то время, по его порученію, около Саратова и, сильно пораженный неожиданною вѣстью о кончинѣ любимаго начальника, написалъ эти стихи.

Ода на смерть генералъ-аншефа Бибикова явилась вскорѣ послѣ того въ книжкѣ: *Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ*, напечатанной Державинымъ въ 1776 г. (см. наше Предисловіе въ этомъ томѣ Сочине-

Тебѣ ли кипарисны лозы
И миро я на гробъ несу [a]?
Едва успѣлъ тобой быть знаемъ,
Лишенъ тебя я рокомъ лютымъ,
Погибъ съ печали разумъ мой!
Твои достоинства лишь вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье 2.
Отъ всей къ тебѣ твоей страны

[a] И мирру я на гробъ несу (1798).

ній Державина); потомъ была помѣщена съ исправленіями въ изданіи 1798 г., стр. 191, а оттуда перешла въ изданіе 1808 г., ч. I, XLIV. Окончательная редакція относится къ 1790-мъ годамъ: въ рукописи этого времени настоящая ода помѣщена еще безъ большихъ перемѣнъ; но на поляхъ, рукою И. И. Дмитріева*, написаны многіе стихи, а мѣстами и цѣлыя строфы ея вновь, болѣе гладкимъ языкомъ. Однакожъ Державинъ послѣ передѣлалъ большую часть оды иначе, принявъ только нѣкоторыя изъ предложенныхъ ему перемѣнъ. Любопытно видѣть, какъ Дмитріевъ поправлялъ Державина и какъ послѣдній смотрѣлъ на эти поправки, а потому мы, начиная съ второй строфы (первая осталась нетронутою), представляемъ варіанты по рукописи 90-хъ годовъ, подъ ними же, въ скобкахъ, и всѣ измѣненія Дмитріева, означая курсивомъ тѣ изъ нихъ, которыя были приняты Державинымъ. Первоначальная редакція пьесы будетъ нами помѣщена въ своемъ мѣстѣ, въ текстѣ *Читалагайскихъ одъ*.

Державинъ до конца жизни сохранялъ глубокое уваженіе къ памяти Бибикова и, узнавъ, что сынъ покойнаго готовитъ *Записки о жизни и службѣ* его, набросалъ нѣсколько теплыхъ строкъ о своемъ бывшемъ начальникѣ, которыя и напечатаны въ началѣ этой книжки, изданной въ 1817 году.

Содержаніе приложенныхъ рисунковъ: 1) портретъ Бибикова; 2) Геркулесъ связываетъ Цербера, что̀ означаетъ истребленіе силъ злодѣйскихъ. Послѣдній рисунокъ — съ древняго камня. Оригиналы — Оленина.

* О подлинности его почерка см. наше Предисловіе.

Уже столь громки и велики [б],
Что время их не может скрыть.
У всѣх, кто любит добродѣтель,
Въ сердцахъ твой образъ будетъ вѣченъ.
Внемли! — Тамъ Музъ несется стонъ [2];
На щитъ облегшися Беллона [3],
На лаврахъ Россъ, Минерва плачутъ [4],
На блеклыхъ миртахъ Гименей [5].

[б] Стократъ и болѣй знамениты, (Рукоп. 1790-хъ гг.)
[Толико громки, знамениты,]
Чѣмъ время ихъ возможетъ скрыть.
[*Что время ихъ не можетъ скрыть.*]
У всѣхъ, кто любитъ добродѣтель,
Твой образъ въ мысли будетъ вѣченъ:
Внемли! наукъ тамъ слышенъ стонъ,
[Минервы, Музъ я слышу стонъ,]
На щитъ облокотясь Беллона,
Минерва и Россія плачутъ,
[Кропитъ твой прахъ, герой! слезами]
И плачетъ о тебѣ Эротъ.
[И ахъ! рыдаетъ Гименей].

---

[2] Тамъ Музъ несется стонъ.

«Онъ былъ охотникъ до наукъ, особливо до стихотворства, и подъ особливымъ его попеченіемъ была въ измайловскомъ полку школа, изъ коей многіе вышли съ талантами люди» (*Об.* Д.). Бибиковъ съ 1765 г. причисленъ былъ за отличіе къ измайловскому полку.

[3] На щитъ облегшися Беллона.

Произвольно составленное слово *облегшися*, въ смыслѣ *опершись*, употреблено также, но съ другимъ удареніемъ, во 2-мъ стихѣ оды *Ключъ* (см. подъ 1779 годомъ). Впрочемъ въ одной рукописи оды *на смерть Бибикова* мы находимъ: *облокотясь;* въ другой: *тамъ опершись.*

[4] На лаврахъ Россъ, Минерва плачутъ.

«Въ Минервѣ подразумѣвается императрица» (*Об.* Д.). Многіе давали Екатеринѣ это названіе: и Вольтеръ въ 1769 г. сказалъ ей въ стансахъ, написанныхъ по случаю взятія Хотина:

«O Minerve du Nord! ô toi, soeur d'Apollon!»
(Oeuvres de Voltaire, изд. Beuchot, т. XII, стр. 544).

[5] На блеклыхъ миртахъ Гименей.

«Симъ подразумѣвается печальная по немъ супруга» (*Об.* Д.).

Не показать мое искусство [в], 3.
Я здѣсь тебѣ стихи пою,
И риѳмъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ [6],
Но благодарности лишь знакъ.
Усердное мое почтенье
И воздыханій чувство нѣжно
Я здѣсь изобразить хочу:
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ,
Что, вмѣсто мавзолея вѣчна,
Я пролилъ слезы надъ тобой.

Иные чтутъ одну фортуну [г], 4.

[в] Не показать мое искусство
[Не суетныхъ похвалъ желая]
Я днесь мои пишу стихи,
[И не лавроваго вѣнца,]
И риѳмъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ,
[Я лиру днесь мою настроилъ;]
Но вздохъ, но знакъ, но чувство лишь
[Но только искренну печаль]
Того тебѣ благодаренья,
[И чувства сердца благодарна,]
Въ моемъ что невмѣстимо сердцѣ,
[Тобой на вѣки одолженна,]
Я здѣсь изобразить хочу.
[Я въ пѣсни изліять хочу.]
Пускай о томъ и всѣ узнаютъ:
[Пускай и всѣ о томъ узнаютъ,]
Намѣсто мавзолея вѣчна
[*Что* вмѣсто мавзолея вѣчна]
Я пролилъ слезы надъ тобой.

[г] Иные чтятъ одну фортуну,
[Иные *чтутъ* одну фортуну,].

---

[6] И риѳмъ здѣсь нѣтъ въ печальномъ слогѣ.

Изъ этого стиха видно, что по тогдашнимъ понятіямъ Державина стихи элегическаго содержанія легче всякихъ другихъ могли обойтись безъ риѳмы. Черезъ 10 лѣтъ онъ въ такой же точно формѣ написалъ оду *На пріобрѣтеніе Крыма* (см. подъ 1784 г.). Вообще онъ очень рѣдко позволялъ себѣ употреблять *бѣлые стихи.*

Смотря на выгоды свои,
И даръ поэзіи священной
Приносятъ только ей одной:
Но я предъ сей царицей міра
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
А сыплю ихъ на пепелъ твой;
Желаю только, чтобъ сказали:
«Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи.»

Но чтобъ мнѣ смерть твою прехвальну[д], 5.
Герой! печальнѣе воспѣть,
Оттоль я собралъ черны тѣни,
Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ.
Не лавръ исторгши у Пруссаковъ,

Смотря на прибыли свои;
[Смотря на *выгоды* свои,]
Божественной поэзьи дары
[И *даръ священный* Аполлона]
Лишь ей одной приносятъ въ честь;
Но я предъ тронъ фортуны міра
[*Но я предъ сей царицей міра*]
Моихъ цвѣтовъ не разсыпаю,
Я сыплю ихъ на пепелъ твой.
Желаю только, чтобъ сказали:
Онъ, знать, что любитъ добродѣтель,
[«Пѣвецъ сей любитъ добродѣтель:]
Онъ пишетъ ей свои стихи.
[«Имъ Бибиковъ оплаканъ былъ».]
[д] И смерть твою, герой, прехвальну
[А чтобы смерть твою прехвальну,]
Чтобы печальнѣй описать,
[*Герой, печальнѣе воспѣть*]
Я всѣ съ тѣхъ мѣстъ взялъ черны тѣни,
[Довольно вспомнить тѣ преданья,]
Гдѣ въ подвигѣ погасъ твой вѣкъ.
Не лавръ у Пруссовъ исторгая,

Не побѣждаючи Сарматъ[7];
Но ставъ отечества щитомъ,
Крамолу ты разя, скончался.
О, коль такой конецъ прекрасенъ!
Онъ всѣхъ другихъ славнѣй побѣдъ.

Ты, зря на предстоящихъ слезныхъ[e], 6.
Рекъ: «Жаль отца, жену и чадъ,
Но награждающа заслуги
Екатерина призритъ ихъ;

Не побѣждаючи Сарматъ,
[Не побѣждаючи Сарматовъ,]
Но ставъ своихъ защитой странъ,
[Но родины защитой ставъ,]
Разя крамолу, ты скончался!
А сей конецъ, о! какъ прекрасенъ:
[*О, коль такой* конецъ прекрасенъ:]
Онъ внѣшнихъ всѣхъ славнѣй побѣдъ.
[e] Воззрѣвъ на предстоящихъ слезныхъ:
[Воззря умильными очами]
«Не жаль отца, жены и чадъ:
[На плачущихъ вокругъ тебя,]
«Воздать любящая заслугамъ,
[Ты рекъ съ глубокимъ сердца вздохомъ,]
«Россійска Матерь призритъ ихъ;
[Забывъ отца, жену и чадъ:]
«Мнѣ жаль отечество оставить»!...
[«Ахъ! жаль отечество оставить»,]
Ты рекъ, и рокъ сомкнулъ вздыханье;
[И съ словомъ симъ закрылъ зѣницы.]

---

[7] Не лавръ исторгши у Пруссаковъ,
Не побѣждаючи Сарматъ.

«Онъ со славою служилъ въ прусскую семилѣтнюю войну и взялъ генерала Вернера въ плѣнъ; въ Польшѣ съ успѣхомъ начальствовалъ противъ конфедератовъ въ 1772 и 73» (*Об.* Д.).

Отечество жалѣю больше!»[8]
И съ словомъ симъ сомкнулъ вздыханье;
Но твой и мертвый вскрытый взоръ
Еще показывалъ героя,
И молніей грозилъ ехиднѣ —
И тутъ раздался страшный гулъ!

Пустыни вретищемъ покрылись[ж], 7.
Весна уныла на цвѣтахъ[9];

Но видъ показывалъ геройскъ,
[Но твой и помертвѣлый зракъ]
Что скоро истребимъ мы гидру.
[Еще являлъ въ себѣ героя]
Но тутъ бореи возшумѣли
[И гибелью грозилъ ехиднѣ,]
И разнеслася страшна вѣсть.
[Поверженной уже тобой.]
[ж] Пустыни въ вретище одѣлись,
[*Пустыни вретищемъ покрылись*,]
Весна преобразилась въ мракъ;
[*Весна уныла на цвѣтахъ*,]
Казань вострепетала въ сердцѣ;
Потухъ горящій войновъ дýхъ,
[Упалъ усердныхъ *воевъ* духъ,]
Спѣшатъ писать увѣщеванья:

---

[8] Отечество жалѣю больше.

«Умирая говорилъ онъ: *Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ*» (Пушкинъ, въ концѣ главы V-й *Ист. Пуг. бунта*). — Державинъ въ примѣчаніи къ *Читалагайскимъ одамъ* прибавляетъ, что эти слова «были сказаны покойнымъ, когда бывшіе съ нимъ стали представлять ему, чтобъ онъ просилъ монархиню о неоставленіи семьи его».

[9] Пустыни вретищемъ покрылись,
Весна уныла на цвѣтахъ.

Бибиковъ умеръ весною. Державинъ находился тогда въ степяхъ, гдѣ, какъ онъ объясняетъ при *Читалагайскихъ одахъ*, нѣкоторые труже-

Казань вострепетала въ сердцѣ;
Потухъ горящій воевъ духъ;
Спѣшатъ писать увѣщеванья:
«Мужайтесь, бодрствуйте!» вѣщаютъ,
Но тщетно!... Нѣтъ уже тебя!
Разстроилось побѣдъ начало [10];
Сильнѣе разлилася язва;
Скрѣпился въ злобѣ лютый тигръ.

Тогда цѣна твоя позналасъ [3] 8.
Рыданьемъ сограждан твоихъ,
Успѣхомъ бунта и крамолы,

Мужайтесь! бодрствуйте! вѣщаютъ,
Но нѣтъ тебя, но нѣтъ тебя!
[Но тщетно!... Бибикова нѣтъ.]
Разстроилось побѣды дѣло;
[Разстроился чертежъ успѣховъ,]
Сильнѣе разлилася язва;
Скрѣпился въ злобѣ злобный тигръ.
[Скрѣпился въ злобѣ *лютый* тигръ.]

[3] Тогда цѣна твоя позналасъ
Рыданьемъ сограждан твоихъ,
Успѣхомъ хищниковъ россійскихъ,
Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
Блаженъ! рекли всѣ вожди свѣта:
[Блаженъ! рекли сердца геройски:]
Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ:

ники (иргизскіе раскольники?) надѣли волосяныя рубахи, наложили на себя постъ и молились о душѣ усопшаго.

[10] Разстроилось побѣдъ начало.

По смерти Бибикова власть новаго главнокомандующаго, князя Щербатова, была ограничена; въ дѣйствіяхъ начальниковъ не было единодушія, и Пугачевъ опять усилился.

Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
«Блаженъ!» рекли россійски вожди:
«Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ.» —
Славнѣйшій странъ опустошитель
Ведетъ проклятье за собою;
Защитникъ — славу и любовь.

О ты, отечества ревнитель [и], 9.
Ему до гроба вѣрный сынъ!
Прости, прости, что оставляю
Воспѣть тебѣ я Россамъ гимнъ.
Они, проливъ потоки слезны,
Поставятъ въ честь того трофей,

Въ слѣды счастливый побѣдитель
[Для славы странъ опустошитель]
Ведетъ проклятье за собою,
Защитникъ славу и любовь.
[и] Подвижники въ усердной службѣ
[О ты, отечества защитникъ,]
Отечеству по самый гробъ,
[*Ему до гроба вѣрный сынъ!*]
Когда имѣютъ въ воздаянье
[*Прости!.. прости!...* я *оставляю*]
Себѣ всегдашнюю хвалу;
[Россіи всей тебя хвалитѣ.]
О! вожди будущи и войны
[*Она, проливъ потоки слезны.*]
Россійскихъ странъ побѣдоносныхъ,
[*Поставитъ въ честь того трофей,*]
[Кого *цари желали* зрѣть,]
Сбирайтесь чтить того вы память,
[И *нѣкогда* Славянъ *потомокъ*]
Трофеи надъ могилой ставьте,
[*Прочтетъ на мраморной гробницѣ*]
Кого герои чтились зрѣть.
[*Сіи нелестныя слова:*]

Кого желали зрѣть цари [11]. —
Ихъ нѣкогда потомокъ поздній
Прочтетъ на мраморной гробницѣ
Сіи нелестныя слова:

«Онъ былъ искусный вождь во браняхъ [i],
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель [к],
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя [л]:
Стой, путникъ! стой благоговѣйно [12]!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ [13]!»

[i] Онъ былъ искусный вождь на браняхъ.
[к] За даръ ума, за добродѣтель.
[л] Онъ тронъ обороняя умеръ.
Въ семъ мѣстѣ, вѣтры, вѣйте тише:
Здѣсь Бибиковъ почіетъ прахъ.

---

[11] Кого желали зрѣть цари.

Фридрихъ II очень уважалъ Бибикова какъ полководца, и во время польской кампаніи изъявлялъ ему желаніе увидѣться съ нимъ. Письмо прусскаго короля по этому предмету напечатано въ *Запискахъ о жизни и службѣ Бибикова*, стр. 187. Бибиковъ отвѣчалъ, что «принужденъ жертвовать службѣ удовольствіемъ видѣть короля прусскаго».

[12] Стой, путникъ!

У Римлянъ ставили гробницы при дорогахъ, чтобы чаще напоминать живымъ объ умершихъ; такъ произошло выраженіе: *Sta, viator!* Эту форму обращенія въ эпитафіи новые поэты переняли у древнихъ такъ же неосновательно, какъ и многое другое.

[13] Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

По свидѣтельству составителя *Записокъ о жизни и службѣ Бибикова* (стр. 322) и по замѣчанію Пушкина (Примѣч. 19 къ гл. V *Ист. Пуг. бун.*), эту строфу предполагалось вырѣзать на гробницѣ Бибикова. Дѣйствительно,

въ рукописяхъ Державина она встрѣчается и отдѣльно, какъ эпитафія. Замѣчательно, что смерть Бибикова была также оплакана масонами въ одной изъ ихъ пѣсень, гдѣ между прочимъ къ нему такъ обращаются:

«Братъ Бибиковъ! твой плодъ
Увялъ въ срединѣ лѣта,
И славный твой восходъ
Лишенъ въ полудни свѣта».

(*Хоры и пѣсни масоновъ,* стр. 41).

VIII. РАЗЛУКА [1].

Неизбѣжнымъ уже рокомъ [a] 1.
Разстаешься ты со мной.

[a] Неизбѣжнымъ нашимъ рокомъ (1808).

[1] Это стихотвореніе находится уже въ числѣ 19-ти пѣсень старѣйшей рукописи поэта, которую мы относимъ къ 1776 году. Оно при жизни его было напечатано два раза: 1, подъ заглавіемъ *Прощаніе*, въ *Московскомъ журналѣ* ч. V (1792, февр.), стр. 167, съ припискою: «изъ Петербурга отъ неизвѣстной особы», и 2, въ видѣ дуэта, въ театральномъ представленіи *Добрыня,* дѣйствіе V, явл. 7 (1808, ч. IV, стр. 197). Въ 1851 году г. Артемьевъ напечаталъ 1-й, 2-й и 4-й куплеты этой пѣсни въ *Журналѣ мин. народн. просвѣщ.* (ч. LXXII, Отд. III, стр. 8), а въ 1859 она вся была помѣщена въ *Библіограф. Запискахъ* (№ 11, столб. 329) по рукописи казанскаго университета, относящейся къ 1802 г. Въ этомъ же видѣ она является и здѣсь. Изъ одного варіанта (г) къ 11-му стиху видно, что Державинъ хотѣлъ-было связать съ нею воспоминаніе о первой женѣ своей, которую разумѣлъ подъ именемъ *Плѣниры,* однакожъ не рѣшился на это, можетъ быть, по вниманію къ второй женѣ, которой былъ посвященъ этотъ сборникъ, начинавшійся стихами: *Дашѣ приношеніе.* Какъ бы ни было, въ рукописи казанскаго университета пьеса *Разлука* вся зачеркнута, и она не попала въ *Анакреонтическія пѣсни* (для изданія которыхъ эта тетрадь писалась), вѣроятно потому, что поэтъ между тѣмъ задумалъ включить эту пѣсню въ свое драматическое сочиненіе *Добрыня,* писанное въ томъ же году, когда изданы *Анакреонтическія пѣсни* (1804). По всему видно, что онъ самъ цѣнилъ пьесу *Разлука* какъ одно изъ самыхъ удачныхъ юношескихъ произведеній своихъ: онъ возвращался къ ней въ разныя эпохи жизни и помѣстилъ ее въ черновое собраніе сочиненій, которое готовилъ для Екатерины II; однакожъ ея нѣтъ ни въ чистой, поднесенной государынѣ тетради 1795 г., хранящейся нынѣ въ императорской публичной библіотекѣ, ни въ изданіи 1798 г.

Во стенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой.

Обливаюся слезами, 2.
Скорби не могу снести [б];
Не могу сказать словами —
Сердцемъ говорю: прости!

Руки, грудь, уста и очи 3.
Я цѣлую у тебя [в].
Не имѣю больше мочи [г]
Раздѣлить съ тобой себя [д].

Лобызаю, обмираю, 4.
Тебѣ душу отдаю,
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Выпить душу я твою [е].

[б] Обливаяся слезами,
Грусти не могу снести (1792).
[в] Лобызаю у тебя (1808).
[г] Изъ объятій нѣтъ мнѣ мочи (1792).
Нѣтъ, Плѣнира, больше мочи (1802).
Нѣту силы, нѣту мочи (1808).
[д] Отдѣлиться отъ тебя.
[е] Себѣ душу взять твою (1792).
Душу взять съ собой твою (1808).

IX. ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ[1].

—

Россія, въ славу облеченна, 1.
Куда свой взоръ ни обратитъ,

[1] Это стихотвореніе и слѣдующее за нимъ были написаны по тому поводу, что тогда изготовлялась Фальконетомъ статуя Петра Великаго, окончательно отлитая въ 1777 году, и безъ сомнѣнія въ Петербургѣ было много толковъ по этому обстоятельству (см. И. Бакмейстера *Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Великаго,* перев. Н. Каранда-

Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

шевъ, Спб. 1786). Въ изданіи 1798 (стр. 41—50), какъ и въ рукописяхъ поэта, оба стихотворенія называются *пѣснями Петру Великому;* въ изданіи же 1808 г. (ч. I, XL и XLI) одно озаглавлено *Монументъ Петра Великаго,* а другое *Петру Великому.* Мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ обратномъ порядкѣ, потому что въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ,* гдѣ они появились первоначально 1778 г. въ іюнѣ (ч. I, стр. 485) и въ іюлѣ (ч. II, стр. 30), они такимъ же образомъ слѣдуютъ одно за другимъ. Въ *Словарѣ свѣтскихъ писателей* митрополита Евгенія (т. I, стр. 172) они названы *застольными пѣснями.* Въ изданіи 1798 года припѣвы обѣихъ пѣсень, при каждомъ повтореніи, отмѣчены были надписью: *хоръ.*

Первая пѣсня, по словамъ Державина *(Об.),* была въ большомъ употребленіи въ ложахъ у масоновъ, почитавшихъ память Петра Великаго. Въ самомъ дѣлѣ они должны были любить эту пѣсню за выраженную въ ней похвалу человѣколюбію, смиренію, христіанскому братству и равенству. Всѣ собственныя ихъ пѣсни (какъ видно изъ печатнаго экземпляра имп. публ. библіот.) проникнуты этимъ духомъ; въ одной, напр. (стр. 40), говорится:

«Равенство и любовь
И нѣжно имя братъ
Всѣхъ титловъ и чиновъ
Намъ лестнѣе стократъ».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ пѣсняхъ предписывается «монарха почитать, отечеству служить» (Ср. масонскій катихизисъ въ *Запискахъ И. В. Лопухина*). Все это объясняетъ намъ и уваженіе масоновъ къ Петру I, и сочувствіе ихъ къ стихамъ Державина, который и самъ не разъ былъ приглашаемъ въ ихъ секту, однакожъ никогда въ нее не вступалъ.

Въ окончательной отдѣлкѣ этой пѣсни, какъ видно изъ рукописи, принялъ нѣкоторое участіе Дмитріевъ (См. примѣч. 1 къ одѣ *На смерть Бибикова,* 1774). Именно ему принадлежатъ слова: во 2-мъ куплетѣ *древній* вмѣсто вѣчный, *въ насъ* вмѣсто намъ; въ 4-мъ *бесѣдовать* вм. онъ видѣться; въ 7-мъ *онъ воиномъ* вм. солдатомъ онъ; въ 8-мъ *храбрость* вм. бодрость; въ 9-мъ *владыка* вм. владѣтель, *не презиралъ* вм. онъ не робѣлъ; въ 10-мъ *вѣнцы, тріумфы* вм. тріумфы, чести; — и два цѣльные стиха: въ 10-мъ *Заслугъ въ наградѣ полагалъ* вм. Когда заслуги награждалъ, и въ 12-мъ *Поднесь вселенну изумляетъ* вм. Во всей вселенной слухъ взываетъ. Но Державинъ отвергъ нѣкоторыя другія

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая[а], 2.
Науки въ полночь водворилъ;
Во тмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ, 3.
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все собою исполнялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Прошелъ землями и морями, 4.
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями[б],
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

[а] Чтобъ вѣчный мракъ нашъ побѣдити,
Онъ намъ науки водворилъ.
За грубость нашу чтобъ отмстити,
Онъ намъ благіе нравы влилъ (1778).
[б] Искалъ онъ видѣться съ царями,
Царей чтобъ послѣ удивить.

перемѣны, предложенныя Дмитріевымъ, напр. въ 8-мъ куплетѣ стихъ: *Какъ отъ меча враговъ спасалъ* вм. Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ, и въ 14-мъ: *Полезны далъ народамъ правы, Которы къ счастію ведутъ* вмѣсто двухъ прежнихъ стиховъ этого куплета, помѣщенныхъ между варіантами, подъ буквою м.

Послѣдній изъ приложенныхъ къ пѣснѣ рисунковъ (Оленина) представляетъ Зефира, сидящаго на орлѣ и разглашающаго слова хора; распущенныя крылья орла затмеваютъ съ одной стороны шведскій гербъ, а съ другой луну, гербъ Турціи.

Ко скипетру рожденны руки 5.
На трудъ несродный простиралъ [в];
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Его младенчески забавы 6.
Родили громы наконецъ [г];
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Лучи величества скрывая, 7.
Простымъ онъ воиномъ служилъ [д];
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Вселенну храбрость устрашала [е], 8.
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

[в] Онъ въ трудъ несродный простиралъ.
Звучатъ по свѣту оны звуки.
[г] Родили молньи наконецъ:
Среди своей военной славы.
[д] Простымъ солдатомъ онъ служилъ,
Безстрашнымъ быти научая.
[е] Вселенну бодрость устрашала.

Владыка будучи полсвѣта, 9.
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета [ж]
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Вѣнцы, тріумфы, колесницы [з] 10.
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески багряницы [и]
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ [і]; 11.
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Монархамъ возвращалъ короны, 12.
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны [к],
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

[ж] Не ставилъ въ стыдъ давать отчета
Рабамъ своимъ въ своихъ дѣлахъ.

[з] Тріумфы, чести, колесницы.

[и] Считалъ въ томъ свѣтлость багряницы,
Когда заслуги награждалъ.

[і] Онъ въ вѣрѣ твердъ, былъ ей послушенъ,
Пѣвецъ былъ самъ онъ алтарей.

[к] Что дѣлать должны милліоны.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Чрезъ горы проточилъ онъ воды, 13.
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы[л],
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Онъ, истины любя уставы, 14.
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы[з]
Ко благоденствію ведутъ[м].

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

Поднесь вселенну изумляетъ[н] 15.
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

[л] Довольство далъ въ свои народы.
[м] Преемниковъ его державы
Въ предѣлахъ свѣта нынѣ чтутъ.
[н] Во всей вселенной слухъ взываетъ.

[з] ...его полезны правы.

Писатели восемнадцатаго вѣка часто употребляли слово: *правы* въ смыслѣ: *законы*.

О Россы, славой лучезарны[4]! 16.
О родъ героевъ и соборъ[o]!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!

Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ[5]!

---

[o] Полки героевъ и соборъ,
Ему вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ ему гремитъ вашъ хоръ.

---

[4] Между этимъ и предыдущимъ куплетами находился первоначально (въ *С-пет. Вѣстн.*) еще куплетъ, впослѣдствіи исключенный:

Когда бы нынѣ возвратился
Ко просвѣщеннымъ Россамъ онъ,
Дѣламъ своимъ бы веселился,
Узря Екатерининъ тронъ.

[5] «По основной мысли эта пьеса не разнится отъ *надписи* Ломоносова *къ статуѣ Петра I.* Въ нѣкоторыхъ стихахъ пѣсни, напр.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ (купл. 5)...
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ (купл. 7),

повторяется сказанное Ломоносовымъ:

Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки...
Послѣдній принялъ чинъ и, царствуя, служилъ...

Стихъ: *Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ* (купл. 15) выражаетъ также мысль Ломоносова и другихъ, уподоблявшихъ Петра божеству и называвшихъ его богомъ Россіи» (Галаховъ).

У Сумарокова есть такая же *надпись къ статуѣ Петра Великаго* (соч. Сумар., ч. I, стр. 265), оканчивающаяся стихомъ:

И паче смертнаго онъ былъ подобенъ Богу.

Такъ и Херасковъ въ *Россіядѣ* (пѣснь VIII, стр. 178, москов. изд. 1820) сказалъ:

Се царь, оставивъ тронъ, простеръ къ работѣ руки,

и черезъ нѣсколько стиховъ:

Се Богъ, иль человѣкъ?...

Наконецъ и у самого Державина въ одѣ *Вельможа* (строфа 7, см. подъ 1794 г.) мы находимъ повтореніе той же мысли:

Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.

X. МОНУМЕНТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО[1].

—

Хотя смерть косу поднимаетъ 1.
Равно и на владыкъ земныхъ;

[1] См. примѣчаніе 1 къ стихотворенію IX. — Надпись: *Живъ* на изображеніи памятника Петра I встрѣчается въ рукописяхъ поэта и какъ отдѣльная эпитафія великому государю. На второмъ рисункѣ представлена Слава, парящая въ воздухѣ съ именемъ Петра I въ знакѣ вѣчности.

Но вѣчно память пребываетъ
Въ сердцахъ людскихъ царей благихъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ[а];
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Неронъ, Калигула, Коммоды, 2.
Когда на тронахъ гдѣ сидятъ[б],
Хоть поздніе ихъ помнятъ роды,
Но помнятъ такъ, какъ моръ и гладъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Пускай въ подсолнечную трубитъ 3.
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ[в];
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ[2].

[а] О Петръ! во вѣкъ любезна намъ (1778).
[б] Когда къ несчастію царятъ,
Потомственны ихъ помнятъ роды,
Но такъ, какъ моръ, потопъ и гладъ.
[в] Тиранъ богатство, громъ и страхъ.

---

[2] Этотъ куплетъ относится къ Фридриху II, «котораго имя (по бывшей при императрицѣ Елисаветѣ съ нимъ войнѣ) всему россійскому народу было ненавистно» (*Записки Державина, Русск. Бесѣда*, стр. 23. Ср. *Об.* Д.).

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Когда царя народъ прославитъ, 4.
Вселенна подтверждаетъ то жъ;
Когда царя ласкатель хвалитъ,
Потомство презираетъ ложь.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Вовѣкъ, вовѣкъ вы незабвенны [г], 5.
Петра Великаго дѣла!
Петромъ бесѣды украшенны;
Петру дѣла его — хвала [д].

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

Кто былъ въ трудахъ неутомленный, 6.
Прямой отечества отецъ [е]?
Великіе цари вселенны [ж]!
Въ Петрѣ вашъ зрите образецъ.

[г] Ахъ, какъ вы будете забвенны.
[д] Петру рѣчь кажда похвала.
[е] Кто былъ отечества отецъ?
[ж] Смотрите вы, цари вселенной,
Въ Петрѣ Великомъ образецъ.

Твоя пребудетъ добродѣтель,
О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ Ты намъ!

XI. ПИКНИКИ[1].

Оставя безпокойство въ градѣ 1.
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой, пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы.

[1] Написано по поводу пикниковъ, которые бывали у Мельгунова на принадлежавшемъ ему, нынѣ Елагиномъ, островѣ и въ которыхъ Державинъ также принималъ участіе.

Островъ этотъ назывался въ то время Мишинымъ (*Зап. Порошина*, стр. 342) или Мельгуновскимъ: онъ вначалѣ былъ дачею вице-канцлера Шафирова, а потомъ графа Ягужинскаго. Послѣ Мельгунова владѣлъ имъ оберъ-гофмейстеръ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Въ собственность императорской фамиліи пріобрѣтенъ онъ отъ графа Григорія Владиміровича Орлова, при Александрѣ I.

Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, другъ И. И. Шувалова, былъ женатъ на одной изъ любимыхъ камеръ-юнгферъ Елисаветы Петровны, нѣмкѣ по происхожденію. Еще въ это царствованіе онъ началъ возвышаться, и въ 1756 г. назначенъ былъ адъютантомъ къ великому князю Петру Ѳедоровичу по управленію сухопутнымъ кадетскимъ корпусомъ. При Екатеринѣ II счастіе его не оставило: въ 1765 г. ему ввѣрена была вновь учрежденная новороссійская губернія; потомъ онъ былъ сенаторомъ въ Москвѣ, откуда переведенъ въ Петербургъ незадолго до эпохи, къ которой относится это стихотвореніе. Онъ отправлялъ тогда должность президента камеръ-коллегіи и былъ директоромъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ. Впослѣдствіи онъ управлялъ губерніями: сперва костромскою, потомъ ярославскою, вологодскою и архангельскою. Въ Ярославлѣ была подъ покровительствомъ его масонская ложа. Онъ любилъ науки, покровительствовалъ просвѣщенію, самъ производилъ ученыя розысканія и участвовалъ въ переводахъ изъ Энциклопедіи, изданныхъ въ Москвѣ 1767 года. Мельгуновъ умеръ въ 1788 (*Записки* Порошина, 300; Лопу-

Невинны красоты природы 2.
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды —
Пріятная забава намъ.

Мы положили межъ друзьями 3.
Законы равенства хранить;
Богатствомъ, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если веселъ кто, забавенъ, 4.
Любезнѣе другихъ тотъ намъ;
А если скроменъ, благонравенъ,
Мы чтимъ того не по чинамъ.

Насъ не касаются раздоры, 5.
Обидамъ мѣста не даемъ;
Но души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и герою 6.
Повиноваться красотамъ;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварамъ, не намъ.

хина, 39; Mém. de Cath. II, 251; примѣч. Бартенева къ *Запискамъ* Держ., 116; *Библіограф. Записки* Лонгинова въ *Современникѣ* 1857 за іюль, стр. 76; старые *Мѣсяцословы* и *Труды Россійской Академіи*, ч. I, стр. 111).

Пьеса *Пикники* была напечатана въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 107, и 1808 г., ч. III, LXVI.

Въ рукописи надъ заглавіемъ оставленъ пробѣлъ. и на мѣстѣ предполагавшагося рисунка рукою Державина отмѣчено: «Фасадъ Мельгуновскаго острова, нынѣ гр. Орлова». Приложенный въ концѣ рисунокъ представляетъ нѣсколько играющихъ цвѣтами Эротовъ.

У насъ лишь для того собранье, 7.
Чтобъ въ жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цвѣты срывать.

Кто ищетъ общества, согласья, 8.
Приди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятенъ часъ.

XII. МОДНОЕ ОСТРОУМІЕ[1].

Не мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье,
На все давать тотчасъ свободное рѣшенье,
Не много разумѣть, о многомъ говорить;
Быть дерзку, но умѣть продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться въ разговорахъ,
И другу и врагу являть пріятство въ взорахъ;
Блистать учтивостью, но чтя пренебрегать,
Смѣяться дуракамъ, и имъ же потакать,

[1] Эта пьеса находится уже въ старѣйшей рукописи Державина (1776 г.) подъ заглавіемъ: *Остроуміе;* но окончательно она была отдѣлана для *Собесѣдника* и явилась въ III ч. этого журнала (1783, стр. 115) съ подписью: Х. Х****. Передъ стихами напечатано тутъ слѣдующее письмо:

«Почтеннѣйшіе господа издатели Собесѣдника!

«Позвольте, чтобъ для пользы и свѣдѣнія таковыхъ простаковъ, каковъ я самъ, приложенные стихи въ вашемъ Собесѣдникѣ напечатаны были. Я долго или, лучше сказать, повидимому большую часть дней, кои судьбою мнѣ опредѣлены, проводилъ въ недоразумѣніи, отъ чего нахальные и коварные люди съ безпримѣрною удачею достигаютъ до своихъ желаній тогда, когда скромность и честность вездѣ и у всѣхъ ни вниманія, ни помощи не обрѣтаетъ? Въ сумнѣніи, обременяющемъ меня, я предпріялъ у всѣхъ добиваться разрѣшенія оному, и послѣ многихъ и тщетныхъ опытовъ былъ я наконецъ такъ счастливъ, что нашелъ одного человѣка, который съ бо̀льшею предъ другими откровенностію на одинъ изъ моихъ вопросовъ благоволилъ отвѣчать (не отымая однако совсѣмъ отъ меня надежды, чтобъ со временемъ, когда будетъ въ расположеніи повторительно вопросы мои слушать, также и на оные мнѣ рѣшенія свои сдѣлать). Удачный мой вопросъ состоялъ въ слѣдующемъ: Примѣчаю я, государь мой, что нынѣ болѣе всего за остроуміемъ гоняются,

Любить по прибыли, по случаю дружиться[2],
Душою подличать, а внѣшностью гордиться,
Казаться богачемъ, а жить на счетъ другихъ;
Съ осанкой важничать въ бездѣлицахъ самихъ;
Для остраго словца шутить и надъ закономъ,
Не уважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ;
И словомъ, лишь умомъ въ поверхности блистать,
Въ познаніяхъ одни цвѣты только срывать,
Тотъ узелъ разсѣкать, что развязать не знаемъ:
Вотъ остроуміемъ что часто мы считаемъ!

остроумныхъ хвалятъ и предпочитаютъ всѣмъ; будьте столь благосклонны и скажите мнѣ, въ чемъ нынѣ остроуміе полагается? Отвѣтъ его въ приложенныхъ стихахъ находится. Когда же буду столько счастливъ, что встрѣтя чистосердечнаго моего наставника, найду его въ духѣ слушать и отвѣчать, тогда позвольте вамъ сообщать мои открытія. Пребывая съ почтеніемъ»....

Въ изданные при жизни Державина пять томовъ его сочиненій *Модное остроуміе* не было включено; но онъ думалъ издать эту пьесу въ особомъ томѣ мелкихъ стихотвореній, который уже и былъ приготовленъ имъ въ рукописи.

Въ послѣднее время эти стихи, авторъ которыхъ считался неизвѣстнымъ, были перепечатаны Добролюбовымъ въ статьѣ его: *Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова* (см. *Современникъ* за сент. 1856, стр. 42, и *Соч. Добролюбова*, т. I, стр. 60).

По поводу этихъ стиховъ Добролюбовъ говоритъ: «Отъ безсилія передъ вопросами, требующими серіознаго размышленія и положительныхъ знаній, развился въ то время и остался, кажется, надолго въ употребленіи у полузнаекъ особенный родъ остроумія, который хорошо очерченъ въ стихахъ г. X. X****. Нечего говорить о томъ», замѣчаетъ черезъ нѣсколько страницъ тотъ же авторъ, «каковъ долженъ былъ сдѣлаться въ жизни человѣкъ, потерявшій всякій страхъ передъ какимъ нибудь судомъ внѣшнимъ и не имѣющій благородства внутренняго. Самый грубый, самый гадкій эгоизмъ дѣлался пружиною всѣхъ дѣйствій, и—распложались люди такого рода, какіе описаны въ стихахъ *Модное остроуміе*».

[2] Любить по прибыли, по случаю дружиться.

Здѣсь слово *случай* употреблено въ смыслѣ успѣха, силы при дворѣ.

XIII. КРУЖКА[1].

1777.

Краса пирующихъ друзей, 1.
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая сребряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить...
Ура! ура! ура!

[1] Напечатана въ *С-петербургскомъ Вѣстн.* 1780 за сентябрь, ч. VI, стр. 203, подъ заглавіемъ: *Застольная пѣсня;* въ *Анакреонтич. пѣсняхъ* 1804, стр. 132, и въ изданіи 1808, ч. III, LXXXIII. Она была положена на музыку придворнымъ «гуслистомъ» Трутовскимъ и сдѣлалась въ публикѣ любимою пѣснею, особливо на дружескихъ пирахъ (*Об.* Д.). Перепеча-

Ты дщерь великаго ковша[а], 2.
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора[б]
Счастливымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, старики въ винѣ 3.
Свое все потопляли горе;
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣни море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился вѣкъ, 4.
Когда діэтъ не наблюдали;
Былъ здравъ и счастливъ человѣкъ,
Какъ только пили да гуляли.
Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!

[а] Ты дщерь того ковша (1780).
[б] Равно какъ имъ, и намъ пора.

тана въ *Карманномъ Пѣсенникѣ* 1796 г., стр. 137 (изданіи, приписываемомъ И. И. Дмитріеву, гдѣ на стр. 59 помѣщена и *Разлука*, см. выше стр. 27).

Приложенные рисунки такъ объяснены въ рукописяхъ Державина: 1) Подъ липовымъ деревомъ сидитъ группа мущинъ и женщинъ въ старинномъ русскомъ одѣяніи; они передаютъ другъ другу кружку пива; 2) Фавнъ бьетъ въ тарелки.

Бывало, пляска, рѣзвость, смѣхъ 5.
Въ хмѣлю другъ друга обнимаютъ;
Теперь, намѣсто сихъ утѣхъ[в],
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.
Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить...
Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ 6.
И жены съ нами куликаютъ;
А нынѣ клубъ да маскерадъ
И женъ ужъ съ нами разлучаютъ[г].
Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить...
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего[д], 7.
Теперь карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ, да банкъ, да макао[2],
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.
На карты намъ плевать пора,
А скромно жить[е]
И пить...
Ура! ура! ура!

[в] Теперь, намѣсто тѣхъ утѣхъ.
[г] Женъ съ нами часто разлучаютъ.
[д] Не друга; а карманъ его
Сосѣды нынѣ посѣщаютъ.
[е] Но дружно жить.

---

[2] *Макао* — карточная игра, бывшая тогда въ модѣ.

О сладкій дружества союзъ, 8.
Съ гренками пивомъ пѣнна* кружка[3]!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила тамъ, весела пирушка.
Пребудь ты къ намъ всегда добра:
Мы станемъ жить
И пить...
Ура! ура! ура!

* Нектаромъ пѣнистая кружка.

---

[3] Съ гренками пивомъ пѣнна кружка —
т. е. кружка, пѣнящаяся пивомъ, съ гренками. «У граждань гулякъ обыкновенная пріятельская попойка изъ старинныхъ серебряныхъ кружекъ, наполненныхъ сушенымъ хлѣбомъ съ лимонною коркою и налитыхъ пополамъ англійскимъ и русскимъ пивомъ» (*Об.* Д.). Въ рукописи 1790-хъ годовъ пѣсня эта названа *мѣщанскою*, тогда какъ пьеса *Пикники* (см. выше, стр. 41) рядомъ съ нею отмѣчена заглавіемъ *дружеская* — обѣ подъ общею рубрикою: *Застольныя пѣсни.*

XIV. ЭПИСТОЛА И. И. ШУВАЛОВУ

НА ПРИБЫТІЕ ЕГО ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1777 ГОДА СЕНТЯБРЯ 17 ДНЯ [1].

Предстатель россихъ музъ, талантовъ покровитель [a],
Любимецъ ихъ и другъ, мой вождь и просвѣтитель,
Который истинну хвалу себѣ снискалъ,
Что въ счастьи не однимъ лишь счастіемъ блисталъ,
Любилъ отечество, науки ободряя [б],

[a] Ревнитель россихъ музъ, талантовъ покровитель,
Ходатай ихъ и другъ, мой вождь и просвѣтитель (1798).

[б] Любилъ отечество, ему все въ пользу строилъ,
Науки, мастерства, художества покоилъ.

---

[1] Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (род. 1727, ум. 1797) былъ кураторомъ казанской гимназіи, когда Державинъ воспитывался въ ней (1759—1762). Поэтъ пользовался и послѣ покровительствомъ его. Еще при Петрѣ III Шуваловъ, какъ бы осиротѣвъ по смерти императрицы Елисаветы, хотѣлъ отправиться въ чужіе края; но это удалось ему только по вступленіи на престолъ Екатерины II. Его отсутствіе продолжалось отъ апрѣля 1763 до сентября 1777 г. Возвращеніе его дало пищу производительности многихъ стихотворцевъ. См. у *Сопикова* ч. III и IV, №№ 3.742, 7.327, 11.371, 11.420, 11.421 и проч. Первымъ изъ приведенныхъ здѣсь нумеровъ означена *эпистола* Фрязиновскаго. Въ Russische Bibliothek Бакмейстера (1778, ч. V, стр. 223) объявлено о появленіи другой эпистолы неизвѣстнаго автора, написанной александрійскими стихами, на тотъ же предметъ, при чемъ замѣчено, что слово *эпистола* входитъ, повидимому, въ моду у Русскихъ. Конечно къ тому же случаю относилась эпистола, присланная вскорѣ послѣ возвращенія Шувалова Новикову для журнала *Утренній Свѣтъ*; но непринятая редакціею, какъ несоотвѣтствовавшая чисто нравоучительной цѣли этого изданія (*Утр. Свѣтъ* 1777, октябрь). Весьма вѣроятно, что какъ у Бакмейстера, такъ и въ *Утреннемъ Свѣтѣ* рѣчь идетъ именно объ эпистолѣ Державина, имя котораго находится въ спискѣ подписчиковъ на *Утренній Свѣтъ*, и который, по сло-

Художества и вкусъ изящный насаждая,
Елисаветиныхъ средь радостныхъ годовъ
Былъ въ младости министръ, въ вельможѣ философъ[в],
Природой одаренъ и просвѣщенъ ученьемъ!
О ты, кто наполнялъ піитовъ духъ пареньемъ
И былъ ихъ Аполлонъ и сталъ безсмертенъ симъ[г],
Что пѣснь Петровыхъ дѣлъ подъ именемъ твоимъ
Чрезъ Ломоносова въ концы гремяща міра
Тобой ободрена[2], — хвала тебѣ та лира[д]!
Се славный памятникъ: не грады разорилъ —
Садя училища, ты грады озарилъ!

[в] Во младости министръ, въ вельможѣ философъ.
[г] Ты былъ ихъ Аполлонъ и ты безсмертенъ симъ.
[д] Тобой ободрена, — тебѣ хвала та лира.

вамъ Остолопова (*Ключъ къ соч. Держ.*, стр. 13), дѣйствительно издалъ свое посланіе отдѣльно.

Эпистола Державина, судя по смыслу послѣднихъ стиховъ ея, была окончательно дополнена въ Казанп въ 1778 году, когда онъ, вскорѣ послѣ женитьбы, ѣздилъ на родину. Дмитріевъ въ своихъ *Запискахъ* положительно говоритъ, что она была написана тамъ. Впрочемъ Дмитріевъ въ этомъ показаніи могъ также основываться только на заключеніи пьесы. Возможно, что Державинъ уже и при первоначальной редакціи ея въ Петербургѣ придумалъ такой конецъ, чтобы полнѣе обозначить свое отношеніе къ Шувалову. Эпистола была вторично напечатана въ 1779 году, въ августовской книжкѣ *С-петербургскаго Вѣстника* (ч. IV, стр. 95). Потомъ она перешла, почти безъ измѣненій и противъ желанія автора, въ изданіе 1798, стр. 299 (см. письма его подъ 1797 и 1798 г.). Въ 1808 г. онъ исключилъ ее изъ собранія своихъ сочиненій. Но въ рукописяхъ его есть позднѣйшая ея редакція, по которой она здѣсь и печатается съ полнымъ указаніемъ варіантовъ по изданію 1798 г.

«Эта эпистола», говоритъ г. Бартеневъ (*Зап. Держ., Русск. Бесѣда*, стр. 121), «весьма замѣчательна по независимости и смѣлости сужденій и самыхъ похвалъ: въ ней уже подробно и рѣзко излагается мнѣніе Державина объ обязанностяхъ вельможи».

[2] Что пѣснь Петровыхъ дѣлъ — — тобой ободрена.

Ломоносовъ, окончивъ двѣ первыя пѣсни поэмы *Петръ Великій*, напечаталъ ихъ отдѣльно въ 1760 году, съ посвященіемъ Шувалову.

Се паки днесь тебя отечество встрѣчаетъ [е];
Какъ мать рожденнаго, на лоно принимаетъ;
Горящу грудь къ тебѣ, горящій взоръ стремитъ;
Полна любовію, съ тобою говоритъ:
«Я сколько лѣтъ тебя, любезный сынъ, не зрѣла
«И видѣть ужъ тебя надежды не имѣла,
«Просила небеса, чтобъ ты во здравьи жилъ;
«Но днесь ты, возвращенъ, мнѣ радость въ душу влилъ [ж]!
«Я прежнимъ чувствіемъ тобою услаждаюсь,
«Утѣхи отъ тебя и пользы дожидаюсь.
«Но если сердцемъ чуждъ отъ чуждыхъ странъ пришелъ [з],
«Не стоишь ласкъ моихъ, которыя нашелъ».

Нѣтъ, прежнюю въ тебѣ мы узримъ добродѣтель,
Шуваловъ! коей всякъ изъ Россовъ былъ свидѣтель.
Во дни Минервины, въ Екатерининъ вѣкъ,
Достоинствъ таковыхъ потребенъ человѣкъ [и].
Ты будешь, мудрою водимъ ея рукою,
Блистать парнасскаго эдема красотою;
Сады твоихъ добротъ среди созрѣлыхъ лѣтъ
Размножишь болѣе, чѣмъ гдѣ ихъ видѣлъ свѣтъ;
И словомъ, жизнь твоя согласна будетъ чину,
Какая знатному прилична властелину [і];
Каковъ ты прежде былъ, не взлюбишь тщетный шумъ:
Полезныя дѣла, не блескъ, питаютъ умъ [к];

[е] Обратно днесь тебя отечество встрѣчаетъ.
[ж] Но днесь ты возвращенъ, ты радость въ душу влилъ.
[з] Но коль ты сердцемъ чуждъ отъ чуждыхъ странъ пришелъ.
[и] Еще полезнѣе полезный человѣкъ.
Ты будешь подъ ея рукою успѣвати,
Парнасскіе сады стараться угобжати;
Сады твоихъ добротъ, во спѣлость твоихъ лѣтъ,
Ты болѣ расцвѣтишь, чѣмъ сколько видѣлъ свѣтъ
[і] Какая знатному прилична господину.
[к] Прекрасныя дѣла, не пышность, тѣшатъ умъ.

Пресвѣтелъ санъ, коль имъ сіяетъ добродѣтель[л];
Любезна власть, когда ей блага кто содѣтель.
Отъ вредной праздности, отъ роскоши хранясь,
Благими нравами, трудами веселясь,
Ты будешь пользою народной отличаться[м],
Какъ Нилъ изъ скрытыхъ мѣстъ блаженствомъ проливаться:
Незримъ его истокъ, но польза всѣмъ видна.
Столпы отечества! се ваша цѣль одна,
Идете ль явными со громомъ вы шагами[н],
Иль созидаете вы втайнѣ миръ съ богами.
Какъ Генрихъ Сюллію, иль Сюллій былъ ему
Виной величія, не явно никому[о];
Но если подвигъ зримъ мы духа превосходна,
Вѣнчаетъ обоихъ признательность народна.
Въ томъ важность всѣхъ вельможъ, въ томъ сила всѣхъ царей,
Чтобъ дѣлать имъ умѣть счастливыми людей.

Споспѣшникъ общихъ благъ, другъ царскій и народный,
Блаженны дни твои, коль общихъ благъ виновны.
Благословенъ тотъ годъ, благословенъ тотъ часъ[п],
Какъ мудрый мужъ въ совѣтъ на царскій придетъ гласъ.
При немъ цвѣтутъ поля и класы созрѣваютъ,

[л] Пресвѣтелъ оный санъ, въ комъ спѣетъ добродѣтель;
Любезна она власть, кто властью благъ содѣтель.
[м] Ты будешь пользою народною блистати,
Какъ Нилъ изъ скрытныхъ мѣстъ блаженство проливати:
Не зрятъ его истокъ, но польза всѣмъ видна.
[н] Хотя вы явными несете громъ шагами,
Хотя съ земными втай речете миръ богами.
[о] Виной величества, не явно никому;
Но если блещетъ дѣлъ ихъ явно свѣтозарность,
Вѣнчаетъ обоихъ народна благодарность.
Въ томъ пышность всѣхъ вельможъ, въ томъ гордость всѣхъ царей.
[п] Благословенъ тотъ годъ, благословенъ тотъ день,
Премудрый какъ министръ изыдетъ царству въ сѣнь!
При немъ бразды полей безбѣдно расцвѣтаютъ,

*

Безбурно корабли имъ въ пристань прилетаютъ[р],
При немъ полезенъ миръ, полезна и война,
Страна оливами и лаврами полна.
О Кольберты всѣхъ царствъ! коль въ смертныхъ исполины,
Густавы, Людвиги, Петры, Екатерины[с],
Сіянье вашихъ дѣлъ мрачатъ въ своихъ лучахъ[3]:
Потомство освѣтитъ и вашъ по смерти прахъ.
Превыспреннимъ душамъ до звѣздъ колоссы низки:
Достойны имъ въ сердцахъ народныхъ обелиски.

Кто мыслитъ хорошо, что мыслитъ, говоритъ
И сказанное все со твердостью творитъ,
Отъ онаго страна всего да ожидаетъ[т],
Чѣмъ только щедрый Богъ ее благословляетъ.
Не стяжетъ онъ себѣ ни злата, ни сребра:
Для общаго живетъ и частнаго добра[у].

Благотворенья въ насъ двоякіе суть виды:
Кто силенъ, никому не дѣлай тотъ обиды;
Но кто безсиленъ, тотъ терпящимъ сострадай[ф],

[р] При немъ суда торговъ безбурно прилетаютъ,
При ономъ свѣтелъ миръ, при немъ славна война.
[с] Христины, Людвики, Петры, Екатерины,
Сіянье вашихъ дѣлъ въ своихъ промчатъ лучахъ:
Потомство освѣщать вашъ будетъ послѣ прахъ.
[т] Отъ онаго народъ все долженъ ожидати,
Чѣмъ могутъ небеса страну благословляти.
[у] Для общаго живетъ и каждаго добра.
Главнѣйшаго добра въ насъ двойственны суть виды.
[ф] Безсиленъ если кто, тотъ жалостью страдай,
Отъ бѣдства ближняго сколь можно соблюдай.

---

[3] Сіянье вашихъ дѣлъ мрачатъ въ своихъ лучахъ.

Въ изданіи 1798 г. напечатано *промчатъ* вмѣсто *мрачатъ*, какъ было въ *С-петербугск. Вѣстникѣ*. Вѣроятно, это одна изъ тѣхъ неисправностей, вкравшихся въ московское изданіе, на которыя жалуется Державинъ въ «Предувѣдомленіи къ читателю». Мысль этихъ стиховъ та, что славою монарховъ часто затмевается слава лучшихъ изъ ихъ подданныхъ.

Имъ руку помощи, сколь можно, подавай.
Отъ сихъ источниковъ, повидимому скудныхъ,
Впослѣдствій[4] океанъ исходитъ благъ повсюдныхъ[х].

Какъ началъ прежде ты, Шуваловъ, такъ скончай.
Правдивъ ты былъ — суди; былъ щедръ — и награждай.
Ты сердцемъ никогда не равенъ былъ желѣзу:
Уйми ты бѣдныхъ вздохъ, отри ты сирыхъ слезу.
Въ прелестной суетѣ ты кротокъ былъ душой[ц]:
Плѣняй и днесь сердца единымъ лишь собой.
Владычицѣ своей въ дняхъ юности былъ вѣренъ[ч]:
И въ мужествѣ другой пребудь нелицемѣренъ.
Люби отечество, любилъ какъ прежде ты,
Сіяй сіяніемъ его ты красоты.
Въ дѣяньяхъ честности имѣя умъ твой Богомъ
И добродѣтель лишь душѣ твоей чертогомъ,
Блистай раченіемъ, науки кореня;
Какъ прежде научалъ, ты научай меня,
Чтобъ съ малымъ я умомъ былъ обществу любезенъ[ш],
Талантовъ скудостью отечеству полезенъ.
О! жалкій полубогъ, кто носитъ тщетно санъ:
Предъ трономъ тотъ ничто, на тронѣ истуканъ.

Прости, что дерзокъ я, такъ изъясняться смѣя:
Согласіе стиховъ безъ истины — Цирцея.
Божественный языкъ на похвалу людямъ,
Безъ наставленья имъ, есть вредный ѳиміамъ.

[х] Исходитъ океанъ опослѣ благъ повсюдныхъ.
[ц] Въ прелестной суетѣ ты не мечталъ собой.
[ч] Владычицѣ своей въ дняхъ счастья былъ ты вѣренъ.
[ш] Чтобъ съ малымъ я умомъ былъ въ дѣйствіяхъ любезенъ.

---

[4] Впослѣдствій океанъ исходитъ благъ повсюдныхъ.

Вначалѣ Державинъ позволялъ себѣ употреблять въ стихахъ: *впослѣдствій, Россій, Маріи* и т. п., вмѣсто: *впослѣдствіи, Россіи, Маріи.*

Но если я и слабъ подать кому совѣты,
На поприще другимъ въ тебѣ достойны мѣты:
Да всякъ твоей стезей цвѣтущей потечетъ [щ],
Почтеніе къ себѣ отъ свѣта привлечетъ.

Благоуханнымъ жизнь наполня ароматомъ,
Ты соты, какъ пчела, приносишь намъ возвратомъ,
Какіе собралъ ты, обозрѣвая свѣтъ [ъ]:
Вкусъ, просвѣщеніе и опытъ зрѣлыхъ лѣтъ.
Царица мудрая искусство то имѣетъ,
Что разумомъ дары распредѣлять умѣетъ.
Открывъ тебѣ твой путь, и озаритъ она:
Любовь народная — царей любви равна.
О! будь украшенъ ты по сердцу обоими;
Сомнѣнія въ томъ нѣтъ съ заслугами твоими [5].

Подъ сѣнію твоей воспитанъ, возращенъ,
Питомецъ музъ твоихъ и ими наученъ [ы],
Я ревностный тебѣ почтенья всѣхъ свидѣтель,
И благодарность лишь — стиховъ моихъ содѣтель.
Не вѣдавъ ты меня, благодѣянья лилъ:
Не знай, другъ общества, кто здѣсь тебя хвалилъ;

[щ] Да въ слѣдъ твоихъ стезей, гдѣ возрасли цвѣты,
Послѣдуетъ пусть всякъ и будетъ каковъ ты.
[ъ] Съ полей познанія тебѣ явилъ что свѣтъ,
Ты пользу собралъ всю, чтобъ намъ устроить медъ.
Царица мудрая способность въ томъ являетъ,
Дары она умовъ распредѣляти знаетъ;
Подастъ тебѣ твой путь и озаритъ она.
[ы] И свѣта твоего лучами озаренъ,
Се ревностный тебѣ и всѣхъ любви свидѣтель,
Изъ благодарности стиховъ моихъ содѣтель.

---

[5] Сомнѣнія въ томъ нѣтъ съ заслугами твоими.

Въ позднѣйшей редакціи вмѣсто: *съ заслугами* поставлено: *съ способностьми;* но здѣсь мы позволили себѣ удержать прежнее выраженіе, какъ болѣе удачное, по нашему мнѣнію.

Но да гремитъ въ твой слухъ та истина высока[ь]:
Гласъ общій никогда не похвалялъ порока.

Съ предѣловъ болгарскихъ[6], съ отпадшихъ странъ Луны,
Эдигиреевъ тронъ и родъ гдѣ попраны[7];
Зюмбекиныхъ[8] не внявъ коварствъ, волшебствъ и стона[ѣ],
Гдѣ растерзалъ Орелъ треглаваго Дракона[9];
Воздвигнулъ Іоаннъ гдѣ крестъ для свѣта мурзъ;
Тобой Елисаветъ гдѣ водворила музъ[10];
Чрезъ горы, чрезъ лѣса, чрезъ рѣки, чрезъ стремнины,
Гдѣ взоръ сіялъ Петровъ и взоръ Екатерины, —
Оттоль сей идетъ гласъ, оттоль сей лирный звонъ;
Изъ отдаленности къ тебѣ усерденъ онъ.

[ь] Довольно, лишь внимай ты истину высоку:
Гласъ общій никогда не похвалялъ пороку.

(Эти два стиха могли служить хорошимъ окончаніемъ *Эпистолы* въ первой ея редакціи).

[ѣ] Двуглавный гдѣ орелъ, не внявъ волшебствъ и стона
Зюмбеки, растерзалъ треглавнаго дракона,
Девору Іоаннъ; гдѣ въ свѣтъ возвысилъ мурзъ (1779).

(Въ изданіи 1798, которому этотъ варіантъ также принадлежитъ, вмѣсто слова *свѣтъ* поставлено, вѣроятно безъ вѣдома Державина: *санъ*, чѣмъ смыслъ стиха, и безъ того неясный, совершенно затемненъ).

---

[6] Съ предѣловъ болгарскихъ....

Болгары — татарское селеніе въ 120 верстахъ отъ Казани, развалины котораго и теперь еще видны.

[7] Эдигиреевъ тронъ и родъ гдѣ попраны.

Эдигиреевъ вм. Эдигеровъ. Эдигеръ, бывшій царевичъ астраханскій, былъ послѣднимъ татарскимъ царемъ въ Казани.

[8] Зюмбекиныхъ не внявъ коварствъ, волшебствъ и стона.

Зюмбека или *Сумбека*, дочь ногайскаго князя Юсуфа, вдова казанскаго царя Сафа-Гирея, была выдана Ивану Грозному вмѣстѣ съ ея сыномъ и отвезена въ Москву. Прежде нежели рѣшилась участь ея, она обращалась къ волхвамъ и посылала знатнѣйшаго своего духовнаго вопросить бѣса, одолѣетъ ли она московскаго государя (*П. Рычкова Опытъ Казанской исторіи*, стр. 130).

[9] Гдѣ растерзалъ Орелъ треглаваго Дракона.

Гербъ казанской губерніи — черный змѣй съ красными крыльями.

[10] Тобой Елисаветъ гдѣ водворила музъ —

т. е. гдѣ Елисавета при твоемъ посредствѣ учредила гимназію.

XV. НЕВѢСТѢ [1].

1778.

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю [а]: 1.
Какъ роза, ты нѣжна; какъ ангелъ, хороша;
Пріятна, какъ любовь; любезна, какъ душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю [б]!

[а] Хочу тебя хвалить, но чѣмъ начать? — сумнюся (Рукоп. 1790-хъ гг.).
[б] Ты лучше всѣхъ похвалъ: хвалить тебя стыжуся (боюся).

---

[1] Написано на сговоръ Державина съ первою женой его, Екатериной Яковлевной Бастидонъ, отецъ которой, по происхожденію Португалецъ, былъ прежде камердинеромъ императора Петра III, а мать кормилицей великаго князя Павла Петровича. Екатерина Яковлевна родилась 8 ноября 1760; Державинъ вѣнчался съ нею 18 апрѣля 1778; умерла же она 15 іюля 1794 года. О ней современники, знавшіе ее лично, говорятъ съ особеннымъ уваженіемъ. «Съ пригожествомъ лица она соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать, любивой и возвышенной. Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ и не могла скрывать отвращенія своего отъ всего низкаго... Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она по выходѣ въ замужство пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ французской и отечественной словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недостаткахъ сочиненія; отъ нихъ же, а болѣе отъ Н. А. Львова и А. Н. Оленина, получила основательныя свѣдѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ» (*Зап. И. И. Дмитріева, Москвит.* 1842, № 1, стр. 158). Она занималась также рисованіемъ, и иногда, какъ видно изъ рукописей ея мужа, писала для шутки стихи.

Въ первоначальной, позднѣе очень измѣненной редакціи пьеса эта называется *Стансы;* въ рукописи же 1790-хъ годовъ она озаглавлена *Къ Плѣнирѣ;* этимъ именемъ Державинъ сталъ постоянно называть въ стихахъ первую жену свою. Въ заключеніе прибавлена еще одна строфа,

Нарядомъ мнятъ придать красавицѣ пріятство [в]; 2.
Но льзя ль алмазами милѣй быть дурнотѣ?
Прелестнѣе ты всѣхъ въ невинной простотѣ:
Теряетъ на тебѣ сіяніе богатство [г].

Лилеи на холмахъ груди твоей блистаютъ [д], 3.
Зефиры кроткіе во нравъ тебѣ даны,
Долинки на щекахъ, улыбки зарь, весны [е];
На розахъ устъ твоихъ соты благоухаютъ.

[в] Нарядами хотятъ усугублять пріятность;
Но льзя ль придать красотъ убранствомъ дурнотѣ?
[г] Теряетъ на тебѣ богатство блескъ и знатность.
[д] Лилеи на холмахъ въ груди твоей блистаютъ.
[е] Долинки на щекахъ — улыбка то весны,
Изъ алыхъ устъ твоихъ соты благоухаютъ.

послѣ зачеркнутая, гдѣ замѣтно подражаніе послѣднимъ стихамъ извѣстной оды Сафо, которую онъ перевелъ два раза (см. подъ 1797 годомъ):

О сладостный восторгъ! какъ изъяснить? не знаю:
То хладъ по мнѣ бѣжитъ, то весь горю въ огнѣ!
Плѣнира! — склабишь взоръ, даешь ты руку мнѣ!
Счастливый смертный я!... лобзаю!... обмираю.

Пьеса *Невѣстѣ* напечатана въ первый разъ въ изд. 1808 г., ч. III, CVII, съ большими измѣненіями противъ рукописи 1790-хъ гг., какъ видно изъ прилагаемыхъ нами варіантовъ.

Оригиналъ портрета Екатерины Яковлевны, такой же величины какъ и приложенная здѣсь литографія, писанъ масляными красками, неизвѣстнымъ художникомъ и доставленъ намъ Д. В. Полѣновымъ изъ дома Вѣры Николаевны Воейковой, урожденной Львовой, племянницы Державина. Послѣ смерти Екатерины Яковлевны сдѣлана была Майромъ (Mayr, см. наше Предисловіе въ этомъ томѣ) съ того же подлинника гравюра aqua tinta, изданная Н. А. Львовымъ, съ слѣдующею имъ же сочиненною въ 1797 г. (14 сентября) надписью:

Красою, дружбою, любовью оживлялась;
Къ любови вѣчной призвана,
Жива въ сердцахъ друзей осталась
И съ ними лишь умретъ она.

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны[ж], 4.
Румяная заря глядитъ изъ темныхъ тучъ,
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучъ[з],
Такъ сердца глубину провидитъ взглядъ твой скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая[и], 5.
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я молчу:
Соборъ въ тебѣ утѣхъ, блаженство вижу рая[і]!

Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время[к]! 6.
Счастливѣе того — кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

[ж] Какъ смуглы по челу власы ты разсыпаешь
[з] Какъ блещутъ звѣзды въ понтъ, то взглядовъ твоихъ лучъ,
Которымъ въ глубину сердца ты проницаешь.
[и] Но я ль описывать красы твои дерзаю.
[і] Соборъ твоихъ красотъ въ тебѣ подобенъ раю.
[к] Счастливъ тотъ, съ кѣмъ сидишь, съ кѣмъ время провождаешь,
Кого ты слушаешь и съ кѣмъ ты говоришь,
Кого пріязнію и лаской своей чтишь
И съ нѣжностью къ кому взаимной воздыхаешь.

XVI. НА ОСВЯЩЕНІЕ КАМЕННООСТРОВСКАГО ИНВАЛИДНАГО ДОМА [1].

—

Воскликни, вдохновенна Богомъ, 1.
Воскликни громку пѣснь, псалтырь,
И я святымъ твоимъ восторгомъ
Да приведу въ восторгъ весь міръ!

[1] Инвалидный домъ на Каменномъ острову учрежденъ для пятидесяти матросовъ тогдашнимъ владѣтелемъ острова, наслѣдникомъ пре-

И ревность разожжетъ духовна 2.
Благочестивыя сердца;
Какъ дымъ съ кадила благовонна,
Молитва взыдетъ предъ Творца;

стола великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Петропавловская церковь при этомъ домѣ была заложена 17 мая 1776 г. *, а освящена 24 іюня 1778 въ присутствіи великаго князя и супруги его Маріи Ѳеодоровны, у которыхъ по этому случаю былъ въ тотъ день большой обѣдъ на Каменномъ острову (*С-петербургск. Вѣстн.* ч. I, стр. 480). Вѣроятно 24-ое іюня было избрано для этого освященія какъ день празднованія рождества Іоанна іерусалимскаго, покровителя мальтійскаго ордена, въ честь котораго инвалидный домъ былъ основанъ великимъ княземъ. Крестъ ордена до сихъ поръ виденъ надъ входомъ этого дома.

Женитьба Державина на молочной сестрѣ Павла (см. примѣчаніе 1 къ предыдущему стихотворенію) нѣсколько приблизила его къ цесаревичу, которому онъ представлялся послѣ своей помолвки и который обѣщалъ дать невѣстѣ его приданое (*Зап. Держав.*, *Русск. Бесѣда*, стр. 130, и *письмо его къ князю Александру Борисовичу Куракину* въ маѣ 1780 г.). Въ примѣчаніи къ *Запискамъ Державина* (*Русск. Бесѣда*, стр. 131) сказано по поводу этихъ стиховъ: «Любопытно, что они появились въ печати не раньше какъ по воцареніи Павла, въ первомъ собраніи сочиненій Державина, въ 1798 г. Видно, похвалы, обращенныя исключительно къ великому князю и Марьѣ Ѳеодоровнѣ, считались не совсѣмъ умѣстными въ царствованіе Екатерины». Мы съ своей стороны замѣтимъ, что многіе другіе стихи, написанные Державинымъ около этого времени, остались ненапечатанными еще долѣе; настоящее же стихотвореніе заняло одну изъ первыхъ страницъ рукописи, поднесенной императрицѣ въ 1795 году, можетъ быть именно потому, что высказанныя въ немъ похвалы, какъ видно изъ 11-го куплета, относятся отчасти и къ самой государынѣ. Оно напечатано въ изданіяхъ 1798, стр. 31, и 1808, ч. I, п.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Человѣколюбіе, сидя при дверяхъ храма, сооруженнаго для призрѣнія больныхъ и престарѣлыхъ, въ одной рукѣ держитъ портреты ихъ высочествъ, а другою подаетъ хлѣбъ пришедшимъ за помощію старымъ воинамъ; 2) геніи несутъ въ храмъ безсмертія жатву Екатерины, см. куплетъ 11-й (*Об.* Д.).

* На этотъ случай Рубанъ сочинилъ стихи, напечатанные въ *Собраніи разныхъ сочиненій и новостей*, ежемѣсячномъ изданіи академіи наукъ съ сентября 1775 по 1777 г. (см. майскую книжку 1776, стр. 8).

Передъ Творца — и Ты съ святыя, 3.
О Творче! высоты въ сей храмъ
Воззри: се Павелъ и Марія
Тебѣ приносятъ ѳиміамъ!

Въ угодну жертву не кассію, 4.
Не смирну, не ливанъ прими[2];
Но щедрить и хранить Россію
Обѣтъ ихъ чистыхъ душъ вонми;

Вонми и виждь: се показали[a] 5.
Они сердецъ ихъ благость намъ;
Покой служившимъ воямъ дали
И сей Тебѣ отверзли храмъ.

Колико вздоховъ, капель слезныхъ 6.
Я вижу съ радостныхъ очей,
Продли Ты имъ столь дней любезныхъ
Средь добродѣтели лучей!

Да Павлово одно воззрѣнье, 7.
Какъ огнь изъ тучъ, враговъ сразитъ;
Языковъ многихъ покоренье
Вселенной буря возвѣститъ[3].

[a] Вонми и виждь: ужъ показали (1798).

---

[2] .... не кассію,
Не смирну, не ливанъ прими.

Кассія (cassia) — родъ корицы; *смирна* — то же что мирра, смолистое вещество, употребляемое для куренія; *ливанъ* (церк.)—ладонъ.

[3] Въ этомъ и двухъ слѣдующихъ куплетахъ заключаются, по замѣчанію Державина въ его *Объясненіяхъ*, нѣкоторыя предсказанія, впослѣдствіи сбывшіяся, именно: о побѣдахъ въ Италіи, о благотворительныхъ попеченіяхъ Маріи Ѳеодоровны, о рожденіи, уже въ слѣдующемъ году, Константина Павловича, и позже, великихъ княженъ.

А кроткая душой Марія[4] 8.
Улыбкой нѣжною своей
Наложитъ цѣпи золотыя
На тьмы подвластныхъ ей людей.

И процвѣтетъ, какъ вѣтвь эдема 9
Въ минувшій годъ, она плодомъ[5]:
Еще носителя дастъ шлема
И дщерьми свой украситъ домъ.

Рука Твоя на нихъ почіетъ; 10.
Сойдетъ Твоя къ нимъ благодать;
Предъ ними счастіе предыдетъ,
И будетъ слава ихъ вѣнчать.

Посѣянны Пётромъ сначала 11.
Блистательны Россіи дни,

[4] А кроткая душой Марія.

Въ Смирдинскихъ изданіяхъ невѣрно: «А кроткою душой Марія».

Марія Өеодоровна, виртембергская принцесса, вторая супруга Павла. Бракосочетаніе ихъ было 26 сентября 1776 г. Между неизданными сочиненіями Державина есть слѣдующіе стихи на обрученіе Павла и Маріи:

Марія, образъ твой подобенъ небесамъ:
Безъ восхищенья зрѣть нельзя тебя очамъ.
Достойнѣе тотъ всѣхъ, къ кому ты будешь страстна,
Понравиться тебѣ — достойнымъ должно быть.
Какъ божество любви, такъ ты нѣжна, прекрасна;
Кого жъ изъ смертныхъ ты помыслишь полюбить —
Эроты на того въ восторгѣ улыбнутся;
Тотъ будетъ царь, уста чьи устъ твоихъ коснутся.

[5] Въ минувшій годъ, она плодомъ.

Въ 1777 г. было рожденіе Александра Павловича; но такъ какъ въ 1779 родился еще великій князь, Константинъ, то вмѣсто словъ: *въ минувшій годъ* можно бъ было поставить: «въ грядущій годъ».

Екатерина что сбирала[б],
Положатъ въ житницу они;

Положатъ, сохранятъ, прибавятъ 12.
Ихъ свѣтлые плоды собой;
Потомству въ образецъ оставятъ[в]
И ихъ и Твой законъ святой.

А Ты изъ свѣтлости подзвѣздной[6] 13.
Отъ нихъ Твой взоръ не отвращай:
Храни вовѣкъ ихъ домъ любезный,
Россію милуй и спасай!

[б] Екатерина кои сжала.
[в] Потомству въ образецъ представятъ.

---

[6] .... изъ свѣтлости подзвѣздной.

Здѣсь болѣе умѣстнымъ было бы слово *надзвѣздной;* но его нѣтъ ни въ одномъ текстѣ, даже въ рукописяхъ. Капнистъ, написавшій цѣлый листъ замѣтокъ на изданіе 1798 г., предлагалъ въ этомъ мѣстѣ либо *надзвѣздной*, либо *верхзвѣздной.*

XVII. ПРЕПЯТСТВІЕ КЪ СВИДАНІЮ СЪ СУПРУГОЮ [1].

Что начать во утѣшенье [а]
Безъ возлюбленной моей?
Сердце! бодрствуй въ сокрушеньѣ [б]:
Я увижусь скоро съ ней [2].
Мнѣ любезная предстанетъ
Въ прежней нѣжности своей

[а] Что начать мнѣ въ утѣшенье (1779).
[б] Мысли! будьте въ восхищеньѣ.

---

[1] Въ августѣ 1778 г. Державинъ отпросился въ отпускъ, чтобы показать молодую жену матери своей, жившей тогда въ Казани. Оставивъ тамъ Екатерину Яковлевну, онъ поѣхалъ въ свои оренбургскія имѣнія. Когда онъ возвращался изъ нихъ, былъ уже ноябрь мѣсяцъ: по Камѣ шелъ ледъ, и перевоза не было. Задержанный въ деревнѣ Мурзихѣ на берегу рѣки, поэтъ написалъ эти стихи, появившіеся въ *С-петербургск. Вѣстникѣ* за февраль 1779 г. (ч. III, стр. 114) подъ заглавіемъ: *Пѣсенка отсутствующаго мужа.* Потомъ они были напечатаны 1808, ч. III, CVIII, съ измѣненіемъ заглавія и многихъ стиховъ. Въ *Вѣстникѣ* они были раздѣлены на восьмистрочные стансы.

[2] Послѣ этого стиха слѣдовало въ первоначальной редакціи четверостишіе, перенесенное послѣ, съ небольшою перемѣной, во вторую половину пьесы (стихи 17—20):

Сколь свирѣпыми волнами
Я съ супругой ни дѣлюсь,
Имъ не вѣкъ шумѣть со льдами,
Съ нею вѣченъ мой союзъ.

И внимать, какъ прежде, станетъ
Нѣжности она моей[в]:
Сколько будетъ разговоровъ!
Сколько радостей прямыхъ!
Сколько милыхъ, сладкихъ взоровъ,
Лучше и утѣхъ самихъ[г]!
Укротися же, стихія!
Подстелися, путь, стопамъ!
Для жены моей младыя[д]
Должно быть послушнымъ вамъ.
Такъ, свирѣпыми волнами
Сколько съ нею ни дѣлюсь,
Имъ не вѣкъ шумѣть со льдами —
Съ нею вѣченъ мой союзъ.
Не страшился бъ я ввергаться[е]
Въ волны яры для нея;
Но навѣки съ ней разстаться —
Жизнь мнѣ дорога моя.
Жизнь утѣхи и покою!
Возвратись опять ко мнѣ;
Жизнь съ столь милою женою[3] —
Рай во всякой сторонѣ;

[в] Она нѣжности моей.
[г] Лучше тѣ утѣхъ самихъ.
Укротись скорѣй, стихія.
[д] Для супруги столь драгія.
[е] Я хотѣлъ бы жизнь ввергати
Во всѣ страхи для нея,
Но ее мнѣ потеряти —
Больше жизни моея.

---

[3] Жизнь съ столь милою женою.

Въ изданіи 1808 г.: «Жить съ толь милою женою»; но въ *С-петерб. Вѣстникѣ* и во всѣхъ рукописяхъ такъ, какъ въ нашемъ текстѣ.

Тамъ веселія сердечны[ж],
Сладки, нѣжны чувства тамъ;
Тамъ блаженства безконечны,
Лишь приличныя богамъ[4]. 32.

[ж] Тамо радости сердечны
И взаимны чувства тамъ,
Тамъ веселья безконечны;
Не завидую царямъ.

---

[4] 1778-й годъ можно считать переходомъ къ новому періоду въ поэтической дѣятельности Державина. Приложенные къ предыдущимъ стихотвореніямъ варіанты показываютъ, какъ еще не силенъ онъ былъ тогда въ борьбѣ съ внѣшними трудностями стихотворства. До сихъ поръ всѣ его произведенія печатались безъ подписи; это продолжалось еще долго. Добролюбовъ, въ статьѣ своей *Собесѣдникъ* и проч., удачно замѣтилъ, что Державинъ, никогда не подписываясь въ этомъ журналѣ, предоставлялъ узнавать ex ungue leonem. О первомъ появленіи имени его подъ стихами см. примѣчаніе 1-е къ *Одѣ Богъ*, подъ 1784 годомъ.

XVIII. УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ[1].

Когда тò правда, человѣкъ, 1.
Что цѣпь печалей весь твой вѣкъ:

[1] О времени сочиненія этой оды есть нѣсколько различныхъ показаній. По Остолопову (*Ключъ къ соч. Держ.*, стр. 24), она написана еще

Почто жъ намъ вѣкомъ долгимъ льститься[a]?
На то ль, чтобъ плакать и крушиться
И, мѣря жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?

[a] Почто желаньемъ свѣта льститься (1779).

въ 1771 г.; по *Объясненіямъ* самого поэта — въ 1778, а въ *Собесѣдникѣ*, гдѣ она была во второй разъ напечатана (1783, ч. II, стр. 29), замѣчено: «Сія ода сочинена и напечатана въ 1779 году; но послѣ того г. сочинитель ее передѣлалъ такъ, какъ она здѣсь находится». Наконецъ въ *Опытѣ Библіогр. Сопикова* (ч. II, № 3133) показано, что она напечатана была отдѣльно въ 1776 г., а изъ этого можно бы заключить, что она тогда же была и сочинена. Но на Сопикова въ этомъ случаѣ полагаться нельзя, потому что время напечатанія *Читалагайскихъ одъ* также означено имъ невѣрно, какъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ. Остолоповъ, писавшій по воспоминаніямъ о томъ, что онъ слышалъ отъ поэта, легко могъ ошибаться. Показанія самого Державина и издателей *Собесѣдника* близки одно къ другому; но, по нашему мнѣнію, послѣднее заслуживаетъ болѣе довѣрія потому, что ода дѣйствительно была напечатана 1779 г.: мы отыскали ее въ іюньской книжкѣ *Академическихъ Извѣстій* за этотъ годъ (ч. II, стр. 182), а не въ *С.-петербургск. Вѣстникѣ*, къ которому отнесъ ее Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*, сказавъ, что она была напечатана въ томъ же году, какъ и написана.

По его словамъ, она была исправлена имъ при содѣйствіи Н. А. Львова, В. В. Капниста и А. С. Хвостова*, у послѣдняго въ домѣ, и прежде другихъ сочиненій Державина пріобрѣла извѣстность. Въ вѣрности этого свидѣтельства мы не имѣемъ повода сомнѣваться, потому что съ 1779 г. талантъ нашего поэта въ самомъ дѣлѣ замѣтно развивается, и *Успокоенное невѣріе* появилось незадолго до тѣхъ пьесъ, которыя въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* обратили на себя общее вниманіе: въ сентябрѣ напечатана была ода *На смерть князя Мещерскаго*, въ октябрѣ *Ключъ* и т. д.

По Остолопову, *Успокоенное невѣріе* было написано въ опроверженіе лжеумствованій, которыя авторъ находилъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ

* Къ этимъ именамъ онъ въ своихъ *Объясненіяхъ* присоединяетъ еще имя И. И. Дмитріева, но очевидно ошибается, потому что знакомство его съ этимъ писателемъ начинается гораздо позже (*Зап. Дмитріева, Москвит.* 1842, № 1, стр. 149 и 150).

Кончать день золъ днемъ золъ другихъ, 2.
Страшиться радостей своихъ,
На счастья блескъ не полагаться,
И каждый мигъ того бояться:
Вотъ грусть, вотъ скорбь, вотъ смерть придетъ!
Начала всѣ конецъ сѣчётъ.

Младенецъ лишь родится въ свѣтъ, 3.
Увы! увы! онъ вопіетъ,
Ужъ чувствуетъ свое онъ горе;
Низверженъ въ треволненно море,
Волной несется чрезъ волну,
Песчинка, въ вѣчну глубину.

Се нашей жизни образецъ! 4.
Се нашихъ всѣхъ суетъ вѣнецъ!
Что жизнь? — Жизнь смерти тлѣнно сѣмя.
Что жить? — Жить — мигъ летяща время

того времени. Но намъ кажется вѣроятнѣе, что пьеса эта внушена Державину произведеніями тогдашней нѣмецкой литературы, направленными противъ вольнодумства. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія образовалась въ Германіи цѣлая школа поэтовъ, преслѣдовавшихъ невѣріе (см. Geschichte der deutschen Dichtung Гервинуса, ч. IV, стр. 78 и 79); извѣстно, что нѣкоторые изъ этихъ писателей попадались и въ руки Державина. «Послѣ *Читалагайскихъ одъ*, переведенныхъ изъ сочиненій Фридриха Великаго», говоритъ г. Бартеневъ, «это вторая попытка Державина излагать въ стихахъ философическіе предметы».

Ода *Успокоенное невѣріе* вошла въ изданія: 1798, стр. 35, и 1808, ч. I, XI.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ (Олен.): 1) «Человѣкъ, надъ морской бездной висящій, изображаетъ Невѣріе, колеблющееся въ мысляхъ своихъ; крутая скала — убѣжище его — уподобленіе пустыхъ системъ, къ которымъ прибѣгаетъ Невѣріе. Ангелъ Вѣры показываетъ ему путь къ спасенію, къ которому Невѣріе обращаетъ свой взоръ при послѣднемъ уже часѣ погибели своей». 2) «Любовь, съ признаками Вѣры и Надежды, услыша мольбу и раскаяніе невѣрующаго, подаетъ ему руку помощи, избавляя его отъ водъ» (*Об.*).

Едва почувствовать, познать[б],
Познать ничтожество — страдать,

Страдать. — и скорбно чувство мукъ 5.
Умѣть еще сносить безъ скукъ.
На то ли создалъ Ты отъ вѣка,
О Боже! бренна человѣка?
Творецъ!... но на Тебя ль роптать[в]?
Такъ что жъ осталося? — страдать.

Такая жизнь — не жизнь, но ядъ: 6.
Змѣя въ груди, геенна, адъ
Живаго жретъ меня до гроба.
Ахъ! если самая та жъ злоба[г]
По смерти мститъ намъ и въ гробахъ,
Кого жъ Творцомъ назвать? кто благъ?

Лишь Парки жизни нить прервутъ, 7.
Ужъ встрѣчу Фуріи бѣгутъ:
Отсель изъемлетъ скоротечность;
А тамъ?... а тамъ разверзта вѣчность!
Дрожу! — ліется въ жилахъ хладъ.
О вѣчность, вѣчна мука, адъ[д]!

Но что? зрю молніи кругомъ[е]! 8.
Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ[ж]!

[б] Едва почувствовать, понять.

[в] Творецъ! на Тя ли смѣть роптать? (1779 и 1783).

[г] Ахъ! если та жъ по смерти злоба
Терзати будетъ мой и прахъ! (1779).

[д] О вѣчность! вѣчной муки адъ (1783).
О вѣчность! вѣчность! мука! адъ! (1798).

[е] Во мракахъ молній зрю кругомъ (1779 и 1783).
(Здѣсь *молній* употреблено вмѣсто *молніи*. [Ср. примѣч. 4 къ *Эпистолѣ И. И. Шувалову*, подъ 1777 г., стр. 55]. Какъ этотъ стихъ, такъ и два слѣдующіе за нимъ окончательно исправлены Дмитріевымъ въ рукописи 1790-хъ годовъ).

[ж] Въ свирѣпой бурѣ ярый громъ
Перунъ перуномъ прерываетъ.

Перунъ перуны прерываетъ,
Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ взываетъ:
«Богъ благъ, отецъ Онъ твари всей;
«Ты золъ — и адъ въ душѣ твоей!»

Божественный сей крѣпкій гласъ [3] 9.
Кичливый духъ во мнѣ потрясъ;
Вострепетала совѣсть черна,
Исчезла мысль неимовѣрна,
Прошли отчаянья мечты:
Всесильный! помоги мнѣ Ты.

Уйми страстей моихъ Ты шумъ, 10.
И бурный обуздай мой умъ [и]:
Чего понять онъ не возможетъ,
Да благость въ томъ Твоя поможетъ,
Чтобъ я средь золъ покоенъ былъ;
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызать, 11.
Котора поднята карать.
Средь юности моей неспѣлой [2],

[3] Проникъ сей страшный гласъ во грудь (1779).
Я вижу мой неправый путь;
Но коль я слабъ и сумнѣваюсь,
Но коль я слѣпъ и претыкаюсь,
Отчаянье въ невѣрій край;
Всесильный, Ты мнѣ помогай!

[и] И бурный обуздая умъ,
Чего не можно мнѣ поняти,
Наставь въ томъ свѣтомъ благодати,
Чтобъ я средь золъ благоговѣлъ,
Благодаря тебя, терпѣлъ.

---

[2] Средь юности моей неспѣлой.

Поэтъ говоритъ тутъ конечно не отъ собственнаго своего лица, а отъ лица *человѣка* вообще: когда онъ писалъ эти стихи, ему было уже

Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ мірскихъ суетъ[і]
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорби ощущать[к], 12.
Собою больше обладать,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты твари бѣдной, бренной
Небесну помощь съ высоты:
Ты щедръ, щедротъ источникъ Ты[л]!

Надъ безднами горящихъ тѣлъ, 13.
Которыхъ лучъ не долетѣлъ
До насъ еще съ начала міра,
Отколь, среди зыбей эѳира,
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ,
Какъ злачный червь, во тмѣ блеститъ[м], —

Тамъ внемлетъ насѣкомымъ Богъ[н]. 14.
Достигъ мой вопль въ Его чертогъ,
Я зрю: Избранна прежде вѣка
Грядетъ покоить человѣка;

[і] Средь зѣльныхъ волнъ, мірскихъ суетъ,
Дай силъ не чувствовать мнѣ бѣдъ!
[к] Дай меньше скорби ощущать,
Въ скорбяхъ собою обладать.
[л] Ты щедръ, отецъ щедроты Ты (1779 и 1783).
(И этотъ стихъ исправленъ Дмитріевымъ).
[м] Какъ свѣтлый червь во тмѣ блеститъ (1779).
[н] Тамъ внемлетъ насѣкомыхъ Богъ.
Прошелъ мой вопль въ Его чертогъ (1779 и 1783).

---

36 лѣтъ, и почти въ то же время онъ говорилъ (см. ниже, подъ этимъ же годомъ, оду *На смерть кн. Мещерскаго*, строфу 9):

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость и проч.

Надежды вѣтвь въ рукѣ у ней: —
Ты, Вѣра? — миръ душѣ моей[о]!

Ты мысли дерзкія плѣнишь, 15.
Сердцамъ незлобіе даришь,
Терпѣньемъ души укрѣпляешь[п],
На подвигъ немощь ободряешь;
Ты кроткимъ свѣтъ и красота,
Ты гордымъ мракъ и суета!

Пристойно цѣль имѣть уму[р], 16.
Куда паря летѣть ему.
Пусть все подвержено сомнѣнью;
Но безъ Творца какъ быть творенью[с]?
Его ты, Вѣра, учишь знать,
Любить, молить — не постигать.

Непостижимый сей Творецъ 17.
Да будетъ мой покровъ, отецъ!
Онъ взоромъ волны укрощаетъ[т],
Онъ всей природой мнѣ вѣщаетъ:
«Испытывать судьбы забудь,
«Надѣйся, вѣрь — и счастливъ будь!»

О вы, что мысли остротой, 18.
Разврата славитесь мечтой!
Послѣдуя сему примѣру,

[о] Се вѣра! — миръ душѣ моей! (1798).
[п] Терпѣньемъ духи укрѣпляешь (1779).
[р] Надлежитъ цѣль имѣть уму.
[с] Но льзя ль безъ Бога быть творенью (1779).
Но льзя ль быть безъ Творца творенью (1783).
(Этотъ стихъ окончательно исправленъ также Дмитріевымъ).
[т] Онъ взглядомъ волны укрощаетъ (1779, 1783 и 1798).

Прійдите, обымите Вѣру [у]:
Она одна спокоитъ васъ,
Утѣшитъ въ самый смертный часъ.

[у] Теките, обымите вѣру (1779).
Грядите, обымите вѣру (1798).

XIX. КЛЮЧЪ[1].

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою, 1.
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,

[1] Написано въ похвалу Хераскова, вѣроятно по поводу появленія его *Россіяды:* статья объ этой поэмѣ помѣщена въ августовской книжкѣ *С-петербургск. Вѣстника* 1779 г. (ч. IV, стр. 124), а ода *Ключъ* напечатана въ этомъ журналѣ въ октябрѣ того же года (ч. IV, стр. 267). Ключъ, къ которому обращается Державинъ, находился въ Гребеневѣ, подмосковномъ имѣніи Хераскова, въ то время куратора московскаго университета. Державинъ, знакомый съ Херасковымъ еще въ 1775 году, конечно бывалъ не разъ въ Гребеневѣ и, можетъ быть, еще осенью 1778, когда ѣхалъ съ женою въ Казань.

Идею для этой пьесы могла подать ему ода Горація *Къ ключу Бандузіи* (кн. III, ода 13, см. *Оды Горація* въ переводѣ г. Фета, стр. 86), которую онъ долженъ былъ знать по нѣмецкому переводу Рамлера. Впослѣдствіи она была переведена у насъ Бобровымъ (*Моск. журналъ* 1792, ч. VII,

На урну облегшись рукою[2],
Являющій лицо небесъ
Прекрасный вижу я источникъ[а].

Источникъ шумный и прозрачный[б], 2.
Текущій съ горной высоты,
Луга поящій, долы злачны[в],
Кропящій перлами цвѣты,
О, коль ты мнѣ пріятенъ зришься[г]!

Ты чистъ — и восхищаешь взоры, 3.
Ты быстръ — и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна, скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
Желаньемъ пѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы 4.
Глядится красная заря,
Какіе пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся!

[а] Источникъ вижу я прекрасный (1779).
[б] Источникъ милый и прозрачный.
[в] Поящій луги, долы злачны.
[г] О сколь ты мнѣ пріятенъ зришься.

стр. 111), и Державинъ обратилъ на этотъ переводъ особенное вниманіе, какъ видно изъ его *Разсужденія о лирической поэзіи.*

Ключъ Державина былъ перепечатанъ въ *Собесѣдникѣ* 1783, ч. III, стр. 3, съ исправленіями и съ такою же оговоркою, какъ предыдущее стихотвореніе; потомъ въ изданіяхъ: 1798, стр. 136, и 1808, ч. I, XXIV.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: 1) изображеніе божества, присутствующаго при Гребеневскомъ ключѣ (ср. 1-ую строфу); 2) портретъ Хераскова (*Об.* Д.).

[2] На урну облегшись рукою.

Ср. въ одѣ *на смерть Бибикова*, подъ 1774 г., во 2-й строфѣ (стр. 18) стихъ: «На щитъ *облегшися* Беллона»... и тамъ же примѣчаніе 3.

Гора въ день стадомъ покровенну[д] 5.
Себя въ тебѣ, любуясь, зритъ[3];
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дуброву вѣтерокъ струитъ,
Волнуетъ жатву золотую.

Багрянымъ брегъ твой становится[е], 9.
Какъ солнце катится съ небесъ;
Лучемъ кристаллъ твой загорится[ж],
Вдали начнетъ синѣться лѣсъ,
Тумановъ море разольется.

О! коль ночною темнотою[з] 7.
Пріятенъ видъ твой при лунѣ,
Какъ блѣдны холмы надъ тобою
И рощи дремлютъ въ тишинѣ,
А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Сгарая стихотворства страстью[и], 8.
Къ тебѣ я прихожу, ручей:
Завидую піита счастью,

[д] Гора, въ день стадомъ покровенна,
Любуется, въ тебя смотрясь;
Въ твоихъ водахъ изображенна
Дубрава вѣтеркомъ струясь,
Со златомъ волнуются нивы (sic).
[е] О какъ съ высотъ пріятно зрится.
[ж] Когда кристаллъ твой загорится (1779 и 1783).
[з] Равно ночною темнотою
Прекрасенъ видъ твой при лунѣ
[и] Пылая стихотворства страстью.

---

[3] Гора — — любуясь, зритъ.

Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ И. И. Дмитріевъ, въ рукописи 1790-хъ гг., предлагалъ:

Стадами гору покровенну
Въ тебѣ, любуясь, путникъ зритъ.

Вкусившаго воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанна[4].

Напой меня, напой тобою, 9.
Да воспою подобно я,
И съ чистою твоей струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ!

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады, 10.
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучъ:
Творца безсмертной Россіяды,
Священный Гребеневскій ключъ,
Поилъ водой ты стихотворства[5].

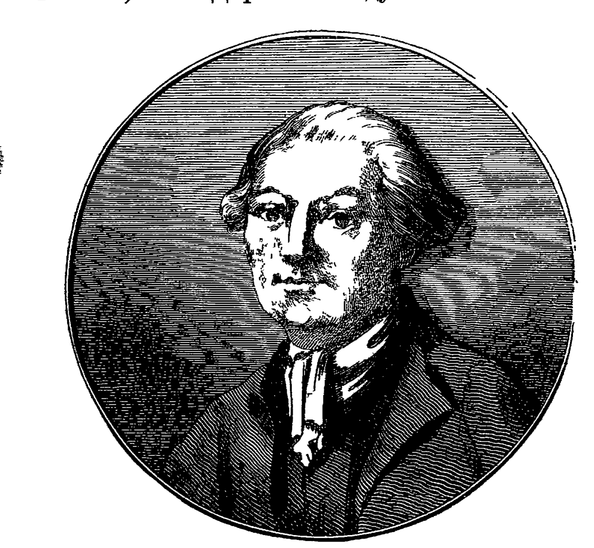
[4] Парнасскимъ лавромъ увѣнчанна.

Два стиха, въ которыхъ, при первоначальной редакціи, причастія правильно отнесены были къ слову *піита*, въ собраніяхъ сочиненій Державина (1798 и 1808) ошибочно измѣнены такимъ образомъ:

Вкусивш*ему* воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанн*у*.

[5] Поилъ водой ты стихотворства.

«Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державинымъ безъ умысла въ одѣ Ключъ. — *Вода стихотворства*, говоря о поэзіи Хераскова, выраженіе удивительно вѣрное и забавное!» (Кн. Вяземскій, *Сѣв. Цвѣты* на 1827 г., стр. 157). Но Державинъ думалъ о Кастальскомъ ключѣ.

XX. НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА[1].

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,

[1] Подъ «порфирородным отрокомъ» разумѣется великій князь Александръ Павловичъ, родившійся 12 декабря 1777 года, «въ день, когда

Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука[а];
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;

[а] Хладъ нося, его рука (1779).

солнце», замѣчаетъ Державинъ (*Об.*), «оборачивается на весну». На это событіе онъ тогда же сочинилъ оду въ Ломоносовскомъ вкусѣ; но находя, что она не соотвѣтствуетъ его собственному дарованію, онъ ее уничтожилъ и потомъ написалъ эти стихи, которые самъ онъ называетъ «аллегорическимъ сочиненіемъ» (*Об.*). Они были напечатаны въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* за декабрь 1779 г. (ч. IV, стр. 410), подъ заглавіемъ: Стихи на рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока декабря во 2-й надесять день, въ который солнце начинаетъ возвратъ свой отъ зимы на лѣто; потомъ въ *Собесѣдникѣ* 1783 г. (ч. I, стр. 100), подъ тѣмъ же заглавіемъ; далѣе въ изданіяхъ: 1798, стр. 60; 1804 (*Анакреонтич. пѣсни*), стр. 4, и 1808, ч. III, п. Другія двѣ оды на рожденіе великаго князя Александра Павловича были написаны Костровымъ и В. Майковымъ; о послѣдней было объявлено въ *С-петерб. Вѣдомостяхъ* 1778 г., но она не попала въ собраніе сочиненій Майкова 1809. Пьеса Державина своею игривою легкостью, граціею и самою формой рѣзко отличается отъ торжественныхъ одъ, и потому отнесена имъ самимъ къ разряду *анакреонтическихъ* стихотвореній.

Значеніе рисунковъ (Олен.): 1) Зефиръ, сидящій на Козерогѣ, дуетъ на Борея, что̀ означаетъ обращеніе зимы на лѣто, какъ время, въ которое родился Александръ; 2) младенецъ Геркулесъ задушаетъ змѣя (*Об.*).

Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ[2].
Родился — и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки —
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки —
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ Судебъ чертогъ;
И подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій богъ[б].

[б] Знать, родился полубогъ.

---

[2] Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.

Во II-й части *Собесѣдника* (стр. 112) нѣкто Любословъ, критикуя разные стихи Державина, замѣтилъ: «*Рожденъ* должно быть такъ же въ среднемъ родѣ, какъ и *порфирородно*» (Посланіе къ гг. издателямъ *Собесѣдника* отъ Любослова).

Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели [в]
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ [г]:
«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!»
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
«Се божественный», вѣщали [д],
«Даръ младенцу онъ избралъ!

[в] Изъ нихъ каждый къ колыбели.
(Стихъ, поправленный И. И. Дмитріевымъ).
[г] Возраждаючи въ немъ, рекъ.
[д] Се божественный, сказали.
(Вмѣсто *сказали* Дмитріевъ поставилъ *вѣщали*).

Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ[3]!»— 72.
«Будетъ»—и Судьбы гласили:
«Онъ монархамъ образецъ!»
Лѣсъ и горы повторили:
«Утѣшеніемъ сердецъ!»—
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,

[3] Будетъ подданнымъ отецъ.

Впослѣдствіи Державинъ гордился тѣмъ, что въ этихъ стихахъ онъ предугадалъ будущее. Это выражено имъ въ пьесѣ *Калліопъ* (см. подъ 1792 г., строфа 19), въ которой между прочимъ сказано:

.... Се тотъ младый герой,
Тотъ отрокъ мой порфирородный,
Я чье рожденье воспѣвалъ....
Се онъ, которому дары
Сносили Геньи въ колыбели,
И надѣлили всѣмъ его,
Чтобъ быть на тронѣ человѣкомъ....
Гордись моя, гордися, лира,
Пророчествомъ теперь твоимъ;
Уже оно почти сбылося:
Мой полубогъ почти ужъ богъ.

При жизни императора Александра неразъ указывали на пророческій смыслъ этого стихотворенія; напр. въ *Сынъ Отечества* 1813 г., № LI, въ «Письмѣ къ друзьямъ о Бонапартѣ и о нашемъ времени», авторъ, подписавшійся Г., сказавъ, что можно было предвидѣть исходъ борьбы съ Наполеономъ, продолжаетъ: «Я подкрѣплю сію мысль устами нашихъ *прорицателей*, которые предсказали громкую его (т. е. Александра) судьбу при самомъ *рожденіи*», и потомъ приводитъ 9 стиховъ изъ окончанія пьесы. Въ томъ же журналѣ, 1814 г. № XXXII, помѣщена неподписанная статья: «Предвѣщанія о славѣ императора Александра»; тутъ, послѣ указанія на Клопштока, написавшаго въ 1801 г. оду: Kaiser Alexander, замѣчено, что «въ нашемъ сѣверномъ бардѣ» можно найти «болѣе 20-ти мѣстъ, гдѣ онъ величественно предсказалъ славу императора», и потомъ выписаны между прочимъ стихи 63—76 изъ настоящей оды Державина.

На колѣни преклоненна
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь[е]
Ты родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты матерью равняясь[ж],
Соравняйся съ Божествомъ!...

[е] Возрастай, уподобляйся.
[ж] Съ ихъ ты матерью равняйся,
Ты равняйся съ Божествомъ.

XXI. НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКАГО[1].

—

Глаголъ временъ! металла звонъ! 1.
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;

[1] О князѣ Александрѣ Ивановичѣ Мещерскомъ извѣстно очень немногое. Изъ *Записокъ Порошина* (напр. стр. 16) видно, что онъ, какъ президентъ главнаго магистрата въ Петербургѣ, въ 1764 и 1765 годахъ иногда являлся къ великому князю Павлу и представлялъ ему петербургскихъ купцовъ съ хлѣбомъ и солью. Потомъ, въ 70-хъ годахъ, онъ служилъ въ главной надъ таможенными сборами канцеляріи подъ началь-

Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ [a],

[a] Зоветъ меня отъ жизни онъ (1779).

ствомъ директора ея, графа Эрнста фонъ Миниха, и незадолго передъ смертію (см. *Мѣсяцословъ* 1779 г.) былъ статскимъ совѣтникомъ, а не дѣйствительнымъ тайнымъ, какъ сказано въ *Объясненіяхъ* Державина. Извѣстія о его смерти мы тщетно искали въ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ. Съ нимъ былъ друженъ генералъ-маіоръ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, который, вмѣстѣ съ княземъ И. С. Борятинскимъ и С. А. Порошинымъ, состоялъ при цесаревичѣ во время его воспитанія и также неразъ упоминается въ *Запискахъ Порошина* (стр. 97, 302, 310). Мещерскій и Перфильевъ любили роскошную жизнь и хлѣбосольство. Державинъ познакомился съ ними вскорѣ послѣ Пугачевщины, когда онъ, возвратясь изъ командировки, поселился опять въ Петербургѣ и сдѣлался вхожъ во многіе знатные дома (*Записки* его, *Русск. Бес.*, стр. 116). Онъ бывалъ на пышныхъ пирахъ Мещерскаго и, вдругъ услышавъ о его смерти, выразилъ свое впечатлѣніе въ этой одѣ, посвященной другу умершаго, Перфильеву. Здѣсь въ первый разъ талантъ Державина обнаружился съ замѣчательнымъ блескомъ. И. И. Дмитріевъ, какъ онъ самъ разсказывалъ графу Д. Н. Блудову, былъ такъ пораженъ этими стихами, когда прочиталъ ихъ въ журналѣ, что пожелалъ узнать имя неподписавшагося автора. Вскорѣ послѣ того ему дѣйствительно удалось видѣть Державина; но лично они еще довольно долго не были знакомы (Ср. *Записки Дмитріева*, *Москвит.* 1842, № 1, стр. 150).

Въ первый разъ эта пьеса была напечатана въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* за сентябрь 1779 г. (ч. IV, стр. 175) подъ заглавіемъ: Ода на смерть К. М. къ ***. При перепечаткѣ ея въ *Собесѣдникѣ* 1783 г. (ч. I, стр. 93) и въ изданіи 1798 (стр. 154) имена въ заглавіи выставлены уже вполнѣ: Къ Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть князя Александра Ивановича Мещерскаго. Въ изданіи 1808 г. ода эта помѣщена въ ч. I, XXV.

Основная мысль ея, грозное владычество Смерти, встрѣчается часто у Горація. Самое извѣстное мѣсто, которому подражали во всѣхъ литературахъ, находится въ 4-й одѣ I-й книги (къ Секстію):

Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
Regumque turres.

Въ переводѣ г. Фета: «Смерть блѣдная равно стучитъ своей пятою
Въ лачуги бѣдняковъ и терема царей».

Ср. также у Горація оды 3 и 18 во II-й книгѣ.

Зоветъ — и къ гробу приближаетъ[2].
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ[6],
Уже зубами Смерть скрежещетъ[3];

[6] Узрѣлъ я только сей лишь свѣтъ.

Мысль эта была нерѣдко разрабатываема европейскими поэтами семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія; но едва ли кто другой развилъ ее въ такихъ яркихъ образахъ, какъ Державинъ.

Значеніе рисунка (Олен.), приложеннаго къ заглавію: Время или Смерть *глядитъ на всѣхъ* — на *пышность*, означенную пирамидой; на *силы дерзновенны*, представленныя въ видѣ рыкающаго льва, — и *точитъ лезвее косы* (*Об.* Д.).

[2] Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.

Здѣсь поэтъ обращается не къ погребальному звону колокола, какъ нѣкоторые думаютъ, а къ бою часовъ. Иначе выраженія: глаголъ временъ и твой стонъ приближаетъ меня къ гробу не имѣли бы основанія. Словомъ *стонъ* Державинъ не въ одномъ этомъ мѣстѣ означаетъ звукъ хода часовъ. Въ одѣ *На выздоровленіе Мецената* (строфа 2), подъ 1781 г., онъ говоритъ:

Лишь стонутъ въ тишинѣ часы.

Ср. также въ одѣ *Водопадъ* (строфа 12), подъ 1791 годомъ:

Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрыпъ подземной?

[3] Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ.

По мнѣнію А. Д. Галахова, Державинъ подражалъ здѣсь одному мѣсту оды Галлера *На вѣчность*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ прочитать ее, около времени сочиненія своей оды, въ переводѣ, напечатанномъ въ декабрской книжкѣ *С-петерб. Вѣстника* 1778 г. Приводимъ подлинникъ указаннаго г. Галаховымъ мѣста:

Nur halb gereiftes Nichts, seit gestern bin ich kaum,
Und morgen wird in Nichts mein halbes Wesen kehren.
(Haller, «Ueber die Ewigkeit»).

Въ переводѣ 1778 г. это мѣсто читается такъ: «Едва со вчерашняго дни (sic) незрѣлое мое существо началось, наутріе паки половина онаго въ ничто обратится» (*Спб. Вѣстн.*, ч. II, стр. 416). Надобно однакожъ согласиться, что сходство между разсматриваемыми стихами обоихъ поэтовъ весьма отдаленное.

Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ[4].

Ничто отъ роковыхъ когтей, 2.
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей[в];
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ Время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды[г],
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна Смерть.

Скользимъ мы бездны на краю, 3.
Въ которую стремглавъ свалимся[д];
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся[5];

[в] Монархъ и рабъ есть снѣдь червей.
[г] Текутъ какъ въ море рѣчны воды,
Текутъ такъ въ вѣчность дни и годы.
[д] Стремглавъ въ которую валимся.

---

[4] И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Сравненіе библейское, встрѣчающееся напр. въ 102 псалмѣ, стихъ 15: «человѣкъ, яко трава дніе его» и т. д.

[5] На то, чтобъ умереть, родимся.

У Поповскаго въ переводѣ «Опытъ о человѣкѣ» есть стихъ:

«Онъ только для того, чтобъ умереть, родится»,

которому, по мнѣнію С. П. Шевырева (*Біогр. Словарь профессоровъ* и пр., ч. II, стр. 315), Державинъ подражалъ въ этомъ мѣстѣ.

Прибавимъ, что и у Петрова, въ одѣ графу Гр. Гр. Орлову, 1771 г., встрѣчается стихъ:

«Рожденье смертныхъ есть ко смерти первый шагъ»,

который слѣдуетъ за двумя другими, выражающими также главную идею оды Державина:

Богатство, пышность, власть, все съ нами умираетъ;
Проходитъ все какъ сонъ, все вѣчность пожираетъ.

(Соч. В. Петрова, Спб. 1811, ч. I, стр. 79).

Безъ жалости все Смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся[6],
И солнцы ею потушатся[е],
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать[ж] 4.
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ Смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе[з]
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ[7].

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ, 5.
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?

[е] И міры ею разрушатся,
Твореньямъ всѣмъ она грозитъ.
[ж] Не мыслитъ смертный умирать.
[з] Громовы стрѣлы не быстрѣе
Взлетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

---

[6] И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся.

«Стихи прекрасные въ поэтическомъ отношеніи», замѣчаетъ г. Галаховъ, «но они грѣшатъ противъ астрономіи: солнцы и звѣзды — одно и то же». Можно однакожъ возразить, что подъ *солнцами* разумѣются однѣ неподвижныя звѣзды, тогда какъ *звѣздами* вообще называются и планеты.

[7] Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Ср. у Горація кн. II, ода 10 (къ Ликинію):

....feriuntque summos
Fulmina montes,

что̀ г. Фетъ перевелъ такъ:

....Громамъ нѣтъ ближе цѣли,
Какъ горные хребты.

Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ [и].
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ[8].
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь 6.
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ [і];
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ....

Глядитъ на всѣхъ — и на царей, 7.
Кому въ державу тѣсны міры [к];
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точитъ лезвее косы.

[и] Здѣсь персть твоя, а духъ твой тамъ,
Онъ тамъ, онъ тамъ, а гдѣ — не знаемъ;
Мы только плачемъ и вздыхаемъ.
[і] Гдѣ вкуса столъ, тамъ гробъ стоитъ.
[к] Коимъ въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на всѣхъ — и на князей.

---

[8] Гдѣ жъ онъ? — Онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — Не знаемъ.

Противъ этого стиха, въ рукописи 1790-хъ годовъ, И. И. Дмитріевъ (см. наше Предисловіе) замѣтилъ на поляхъ: «Прежде лучше было: Онъ тамъ... онъ тамъ... а гдѣ? не знаемъ».

Смерть, трепетъ естества и страхъ [л]! 8.
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли [м],
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта, 9.
Исчезла и моя ужъ младость [9];
Не сильно нѣжитъ красота [н],
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ [о],

[л] О трепетъ естества и страхъ!
О гордость, съ бѣдностью совмѣстна!
[м] За хаосъ въ бездну улетѣли.
[н] Не сильно жжетъ мя красота.
[о] Не столь мой легкомысленъ умъ,
Не столь я сталъ благополученъ.
Желаньемъ пышности размученъ,
Влечетъ меня и чести шумъ.

---

[9] Исчезла и моя ужъ младость.

См. выше, на стр. 74, примѣчаніе 2-е къ одѣ *Успокоенное невѣріе.* Такъ писалъ Державинъ на 37-мъ году жизни. Совсѣмъ иначе Пушкинъ: не достигнувъ еще и 30-ти лѣтъ, онъ прощался съ молодостію. Державинъ вполнѣ сознаетъ свое поэтическое призваніе и встрѣчается со славою не прежде, какъ когда ему уже почти подъ сорокъ; а Пушкинъ, десятью годами моложе, восклицаетъ:

Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ....
Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль....
Ужель и впрямъ и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я шутя твердилъ доселѣ)
И ей уже возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ? *и т. д.*
(*Евгеній Онѣгинъ*, гл. VI, строфы 43—45).

Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ[10].

10. Но такъ и мужество пройдетъ[п],
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья, прочь, возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

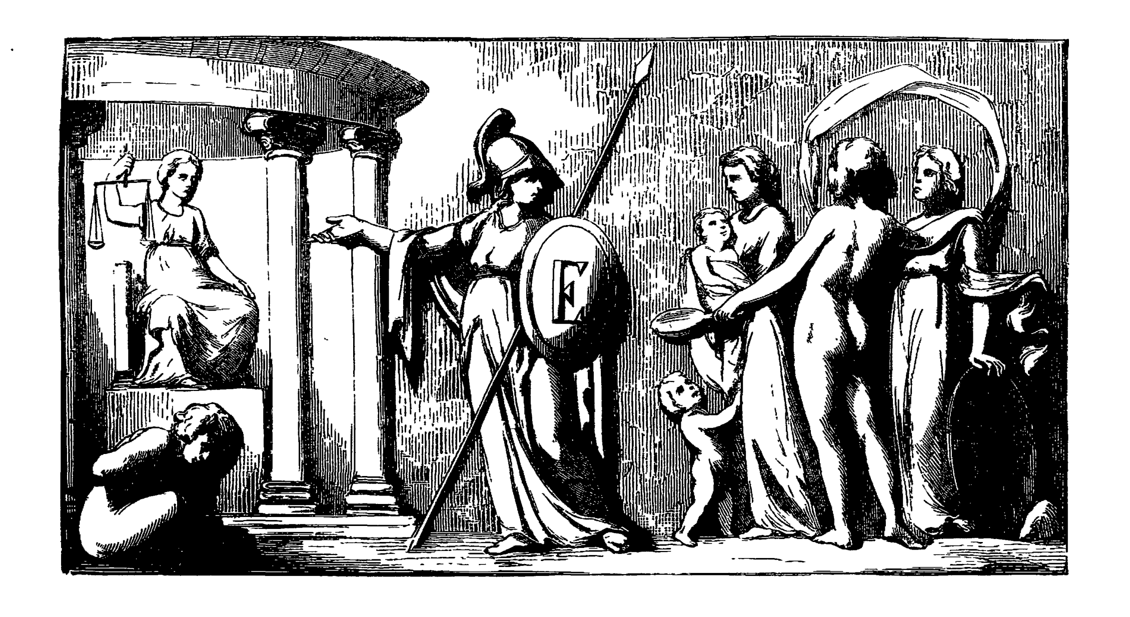
11. Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою[р]
Благословляй судебъ ударъ.

[п] Се такъ и мужество пройдетъ.
[р] И съ честною твоей душою
Наградой чти судебъ ударъ.

---

[10] Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Эти слова ясно показываютъ, что извѣстность Державина росла по мѣрѣ появленія новыхъ его произведеній въ печати, хотя и безъ подписи его имени, и что онъ зналъ о впечатлѣніи, какое они производили.

XXII. НА ОТСУТСТВІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ БѢЛОРУССІЮ[1].

Не бряцай, печальна лира, 1.
Громкой пѣсни ты въ сей часъ[a]:
Благодѣтельница міра
Удалилася отъ насъ.

[a] Сладкой пѣсни ты въ сей часъ (1780).

---

[1] Бѣлоруссія досталась Россіи по первому раздѣлу Польши, въ 1772 году. Весною 1780 государыня предприняла путешествіе, отчасти для обозрѣнія новой области, но болѣе для свиданія съ Іосифомъ II, съ которымъ она предполагала тогда заключить тѣсный союзъ. 9-го мая Екатерина отправилась изъ Царскаго села; 24-го прибыла она въ Мо-

Музъ богиня удалилась;
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ дѣтей:
Солнцу красному подобно,
Счастье, кажется, народно
Укатилося за ней.

гилевъ, гдѣ ее ожидалъ уже австрійскій императоръ. Первые дни іюня провела она въ Смоленскѣ, гдѣ тогда генералъ-губернаторомъ былъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Въ ночь на 12-е іюня государыня возвратилась въ Царское село. Во время отсутствія ея генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ открылъ Петербургскую губернію на основаніи учрежденія о губерніяхъ 1775 г., которое постепенно приводилось въ дѣйствіе (*С-петерб. Вѣстникъ* за май и іюнь, 1780, ч. V, стр. 395, 398 и 468).

На пути, особенно въ Бѣлоруссіи, императрицу безпрестанно привѣтствовали стихами, изъ которыхъ послѣ составилось цѣлыхъ семь печатныхъ сборниковъ на восьми языкахъ: латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, италіянскомъ, польскомъ и отчасти русскомъ (см. Бакмейстера Russische Bibliothek, ч. VI, стр. 546, и ч. VII, стр. 173).

Ода Державина была написана 20 мая и въ этомъ же мѣсяцѣ помѣщена въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* (ч. V, стр. 375). Тогда же онъ отправилъ ее чрезъ канцелярію своего начальника, князя А. А. Вяземскаго, къ императрицѣ въ Бѣлоруссію; но, какъ самъ онъ сознается (*Об.*), ода не обратила на себя никакого вниманія. Въ 1783 г. она была перепечатана въ *Собесѣдникѣ* (ч. II, стр. 3) подъ слѣдующимъ заглавіемъ, близкимъ къ первоначальному: Ода на отсутствіе ея императорскаго величества изъ С.Петербурга въ Бѣлорусскія намѣстничества во время открытія губерніи въ сей столицѣ по новому учрежденію и въ небытность въ оной ихъ императорскихъ высочествъ; сочиненная 1780 года мая 20 дня, а потомъ сочинителемъ передѣлана такъ, какъ она нынѣ здѣсь находится. Потомъ эта ода вошла, съ постепеннымъ сокращеніемъ заглавія, въ изданія: 1798, стр. 51, и 1808, ч. I, xiv.

Первый изъ рисунковъ (Олен.) изображаетъ «учрежденіе намѣстничества, при которомъ россійская Минерва, положа оковы на Злобу, Мздоимство и Ябеду, вводитъ во храмъ правосудія Человѣчество, Истину и Совѣсть». На второмъ — Флора посылаетъ Зефира на встрѣчу государынѣ (*Об.* Д.).

Пусты домы, пусты рощи, 2.
Пустота у насъ въ сердцахъ.
Какъ среди глубокой нощи,
Дремлетъ тишина въ лѣсахъ;
Вся природа унываетъ;
Мракъ — боязни разсѣваетъ;
Ужасъ ходитъ по слѣдамъ.
Если бъ вѣтры не дышали
И потоки не журчали,
Образъ смерти зрѣлся бъ намъ.

Такъ съ тобою въ разлученьи 3.
Скорбью мы помрачены;
Лишь о насъ твои раченья —
Оживленье сей страны.
Мы уставы получаемъ,
Вновь блаженство почерпаемъ
Отъ премудрости твоей;
Но оно съ тобой намъ краше:
Возвратись, свѣтило наше!
Возвратися къ намъ скорѣй!

Человѣчество тобою[2], 4.
Истина и Совѣсть въ судъ
Сей начальствовать страною
Въ велелѣпіи грядутъ[6];

[6] Съ велелѣпіемъ идутъ.

---

[2] Человѣчество тобою *и проч.*

Эта строфа передаетъ содержаніе одного изъ барельефовъ сенатской залы, которой устройство поручено было Державину, служившему тогда экзекуторомъ 1-го департамента. На барельефѣ изображены были:

Благодать на нихъ сіяетъ,
Памятникъ изображаетъ[в]
Твой изъ радужныхъ лучей;
Злость поверженна скрежещетъ;
Въ узахъ Ябеда трепещетъ;
Гласъ зоветъ твоихъ людей[3]:

«Будь усердія свидѣтель! 5.
Благодарность нашу зри!
Ежели за добродѣтель
Обожаемы цари:
Зри ты жертвы непорочны!
Алтари тебѣ заочны
Въ сердцѣ тщимся созидать[г],
Въ души твой законъ влагаемъ
И въ восторгѣ восклицаемъ:
Возвратися, наша мать!»

[в] Монументъ изображаетъ (1780 и 1783).
[г] Тѣмъ мы чтимся поставлять:
Твой законъ въ сердца влагаемъ.
(Эти два стиха исправлены И. И. Дмитріевымъ).

Истина, Человѣколюбіе и Совѣсть; Минерва, представлявшая императрицу, вводила ихъ въ храмъ правосудія; на нихъ сходило въ видѣ обелиска сіяніе, которое лучами своими поражало Злость и Ябеду (то же самое можно отчасти видѣть на рисункѣ, приложенномъ здѣсь къ началу оды). Изобрѣтеніе сюжета барельефовъ принадлежало другу Державина, Н. А. Львову (см. ниже примѣч. 1-е къ одѣ *На взятіе Измаила*, подъ 1790 годомъ); исполненіе — извѣстному скульптору Рашету (*Об.* Д.). См. между сочиненіями Державина въ прозѣ: *Изъясненіе аллегорическихъ барельефовъ, бывшихъ въ залѣ общаго собранія пр. сената.*

[3] Гласъ зоветъ твоихъ людей —
т. е. гласъ твоихъ подданныхъ взываетъ.

Возвратися — и уставы 6.
Ты собою освяти[4],
Къ храму счастія и славы
Намъ являючи пути[д].
Возвратися! — Если жъ должно,
Продолжай путь неотложно,
Къ утѣшенью странъ другихъ.
Пусть страны узрятъ иныя
Всѣ величества земныя
Въ добродѣтеляхъ твоихъ.

Пусть и дальны зрятъ народы 7.
Кротость твоего лица,
Власть, пріятнѣйшу свободы[е],
Привлекающу сердца!
Пусть цари тебѣ дивятся,
Мирно царствовать учатся,
Мирный твой храня завѣтъ, —
И, простря Европа длани,
Пусть тебѣ, на мѣсто дани,
Благодарность принесетъ.

Намъ заря предвозвѣщаетъ 8.
Съ утромъ солнца красоты:

[д] Намъ являющи пути.
Возвратися! — иль коль должно.
(*Если жъ* вмѣсто иль коль — также поправка Дмитріева).

[е] Власть, пріятнѣе свободы.

---

[4] .... и уставы
Ты собою освяти —
т. е. освяти своимъ присутствіемъ новое устройство петербургской губерніи, вводимое безъ тебя.

Насъ надежда услаждаетъ,
Возвратишься скоро ты;
Возвратишься — и отраду
Принесешь Петрову граду,
И твоимъ чертогамъ свѣтъ.
Простирая дѣтски руки,
Ждутъ тебя младые внуки,
Сынъ тебя съ супругой ждетъ[5].

Вспомни ихъ любезны взоры 9.
И къ тебѣ всѣ ласки ихъ,
Ихъ улыбку, разговоры
Во объятіяхъ твоихъ.
По тебѣ они скучаютъ;
«Гдѣ она? гдѣ?» вопрошаютъ:
«Возвратите намъ ее»!
Ждутъ тебя святые храмы,
И курятся ѳиміамы
Ужъ во срѣтенье твое.

О пріятный вѣтръ полдневный! 10.
Водъ прозрачныя струи!
Нивы злачны! лѣсъ зеленый!
Сладкопѣвны соловьи[ж]!
Дни веселы! воздухъ чистый!

[ж] Сладкопѣвцы соловьи.

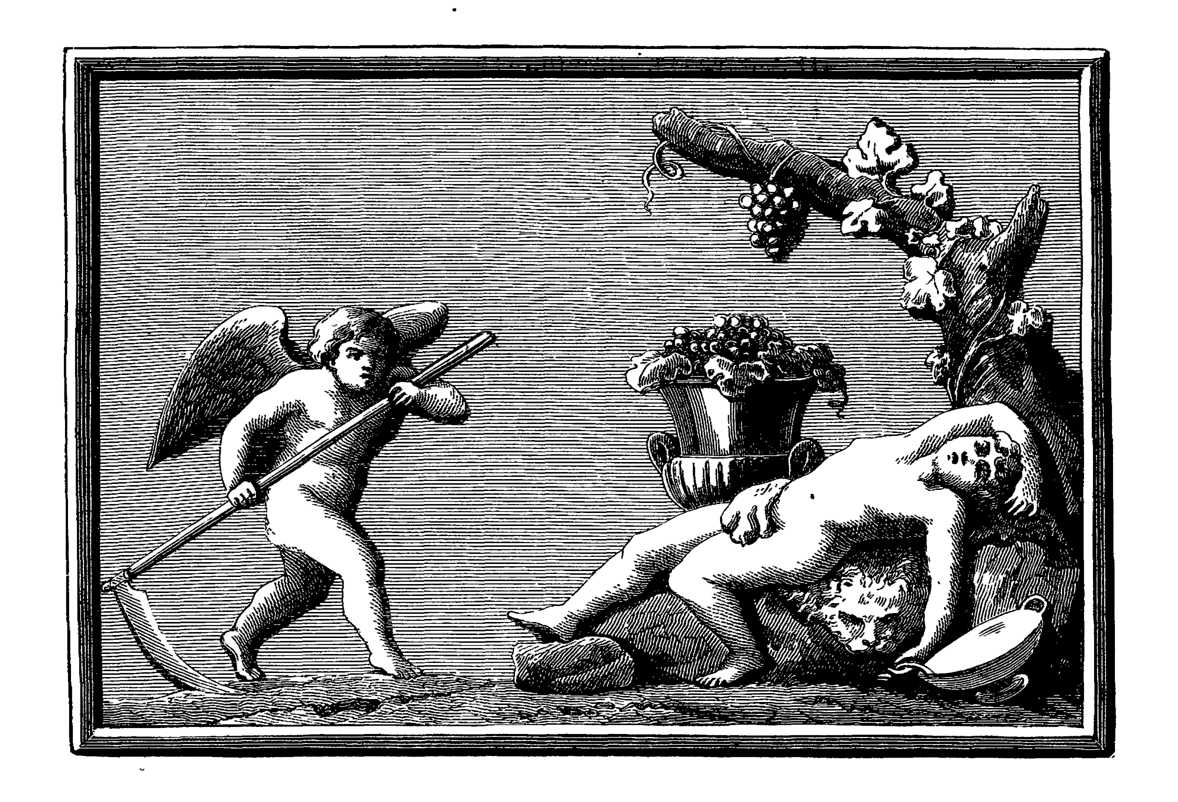
[5] .... Сынъ тебя съ супругой ждетъ.

Великіе князья Александръ и Константинъ были тогда еще младенцы; наслѣдникъ в. к. Павелъ оставался съ супругою своей въ Петербургѣ (*Об.* Д.). Послѣднее замѣчаніе противорѣчитъ однакожъ свѣдѣнію, находящемуся въ прежнемъ заглавіи оды (см. выше, стр. 96, примѣч. 1): вѣроятно Павелъ Петровичъ жилъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ.

Сельски нимфы голосисты
И пріятная весна[3]! —
Долгъ богинѣ отдавайте
И мѣста тѣ украшайте,
Гдѣ грядетъ теперь она.

[3] И прекрасная весна.

XXIII. КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ[1].

Кого роскошными пирами 1.
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,

[1] Курскому купцу Михаилу Сергѣевичу Голикову, содержателю питейныхъ сборовъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ 1779 по 1783 годъ. Товарищами его по откупу были: двоюродный братъ его, курскій же купецъ, Иванъ Ивановичъ Голиковъ, впослѣдствіи пріобрѣтшій извѣстность

Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ[2],
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры[3] 2.
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ

изданіемъ *Дѣяній Петра Великаго*, и еще нѣсколько петербургскихъ купцовъ. Сумма, которую они обязались ежегодно платить въ казну, составляла 2.320.000 руб. (*С-петерб. Вѣстникъ*, 1778 г., май; ч. I, стр. 418). Извѣстно, что оба Голиковы попали въ бѣду; по словамъ Державина (*Об.*), Михаилъ Сергѣевичъ, испортивъ свои дѣла дурнымъ управленіемъ откупа и роскошною жизнію, отданъ былъ подъ судъ за непозволенный привозъ французской водки. Державинъ жилъ недалеко отъ Голикова на Сѣнной площади (примѣч. въ Смирд. изд. 1847), когда онъ написалъ это посланіе, желая, какъ говоритъ Остолоповъ (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 51), обратить своего сосѣда къ умѣренности и осторожности. Оно тогда же, въ 1780 г., было напечатано въ августовской книжкѣ *С-петербургскаго Вѣстника* (ч. VI, стр. 108), подъ заглавіемъ: ода къ сосѣду моему господину N —, а въ 1783 г. перепечатано, почти безъ всякихъ измѣненій, въ *Собесѣдникѣ* (ч. I, стр. 90). Въ изданіи 1798 г., стр. 150, оно озаглавлено, какъ и въ *Собесѣдникѣ*: Къ сосѣду моему Г. Въ изданіи же 1808 г., ч. I, xxxv, явилось заглавіе: *Къ первому сосѣду*, для отличія этой пьесы отъ другой: *Ко второму сосѣду* (см. ниже подъ 1791 г.).

Значеніе приложеннаго рисунка (Олен.): «Геній, утомленный роскошью, покоится глубокимъ сномъ. Жестокое Время подкрадывается между тѣмъ къ нему, чтобы внезапно пресѣчь его жизнь, и сонъ его содѣлать вѣчнымъ» (*Об.* Д.).

2 .... златошвейныхъ.

До 1808 г. печаталось въ этомъ стихѣ: *златошвенныхъ*.

3 Гремитъ музыка, слышны хоры.

Эту и слѣдующую строфы сравн. съ изображеніями того же содержанія въ строфахъ 6-й и 7-й *Фелицы* (см. ниже подъ 1782 г.).

Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой:
И аліатико[4] съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ, 3.
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ[a],
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И нѣжной нимфой ты сидишь[5].
Она поетъ — ты страстью таешь:
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ, 4.
Что ввѣкъ благополученъ ты,
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты,
Что Парка дней твоихъ не коситъ,
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра[6]

[a] Средь лѣни, нѣги и прохладъ (1780).

---

[4] *Аліатико*, италіянское вино, котораго родина — Ареццо въ Тосканѣ.

[5] И нѣжной нимфой ты сидишь —

съ Италіянкою, которая жила у Голикова. Ср. съ 2-ою и 3-ею строфами этой оды 6-ую и 7-ую въ одѣ *Фелица*, подъ 1782 г.

[6] Сибирски горы серебра.

См. ниже примѣчаніе 8-е.

И дождь златый къ тебѣ ліется.
Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться 5.
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли;
Но, вихремъ пораженны, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ[7].

Непостоянство — доля смертныхъ[б]; 6.
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.

[б] Непостоянно все для смертныхъ (1798).

---

[7] Петрополь сосны осѣняли *и пр.*

Есть ли это фигуральное выраженіе мысли, что мѣсто, занимаемое Петербургомъ, нѣкогда было покрыто лѣсомъ, или тутъ скрывается намекъ на какую-нибудь дѣйствительно бывшую незадолго передъ тѣмъ опустошительную бурю — этого поэтъ не объяснилъ намъ. Впрочемъ весьма вѣроятно, что тутъ разумѣется большое наводненіе, бывшее въ Петербургѣ 10 сентября 1777 г. Современники разсказываютъ, что отъ бури, сопровождавшей это наводненіе, въ лѣсу, находившемся на Васильевскомъ островѣ, пропала большая часть лучшихъ и самыхъ высокихъ деревьевъ (см. въ *Географическомъ Словарѣ* Щекатова статьи: *Нева* и *Санктпетербургъ*). Слухъ объ этомъ наводненіи могъ внушить и Кострову 7-ю строфу въ одѣ на рожденіе Александра Павловича (см. выше примѣчаніе 1-е къ одѣ Державина на тотъ же предметъ, стр. 82); описывая дѣйствіе воды, онъ говоритъ между прочимъ, что она «древа надменны исторгаетъ».

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ[8],
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать.

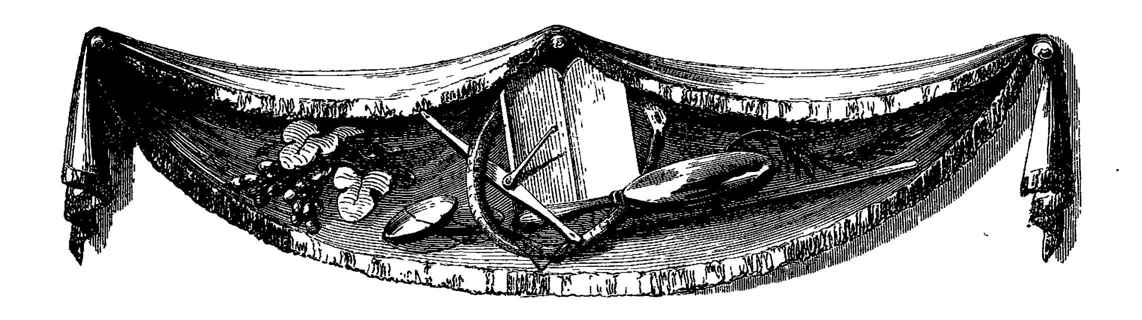
7. Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ: береги себя[9]!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно:
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

[8] И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ....

Голиковъ, еще прежде снявъ откупа въ Сибири, жилъ тамъ до переѣзда своего въ Петербургъ. Тамъ оставилъ онъ жену свою, обнадеживая ее, что скоро возвратится (*Об.* Д.).

[9] Въ твой парусъ: береги себя.

Въ Смирдинскихъ изданіяхъ 1847 и 1851 г. это мѣсто обезображено опечаткой, представляющей совершенную безсмыслицу: *Въ твой парнасъ: — брєги себя!* По странному недоразумѣнію, Добролюбовъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своей статьѣ о *Собесѣдникѣ*, приписалъ это измѣненіе самому Державину (*Соч. Добролюбова*, т. I, стр. 87).

XXIV. СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО[1].

Блаженъ, кто Господа боится 1.
И по путямъ Его идетъ!
Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствѣ поживетъ.

[1] Эта пьеса, которой мысль почерпнута изъ 127-го псалма*, сочинена для камергера Алексѣя Андреевича Ржевскаго, предсѣдателя медицинской коллегіи. Съ нимъ Державинъ былъ въ то время друженъ. Первая жена поэта (см. выше стр. 58, примѣч. 1 къ стихотворенію *Невѣсть*) нарисовала силуэты всего семейства Ржевскихъ; на оборотѣ рисунка Державинъ написалъ эти стихи. Впослѣдствіи, когда Ржевскій былъ сенаторомъ и совѣстнымъ судьею, случилось обстоятельство, поссорившее обоихъ пріятелей (см. *Записки Держ.*, *Русск. Бесѣда*, стр. 356, и *Объясненія* его).

Счастливое Семейство было напечатано въ изданіи 1798 г., стр. 22, и потомъ, безъ перемѣнъ, въ изд. 1808, ч. I, х. Въ первомъ къ заглавію было прибавлено: Псаломъ 147. Похвали Іерусалиме Господа.

На приложенномъ рисункѣ (Олен.) «скрижали означаютъ наблюденіе закона Божія; зеркало — истину; вѣсы — правосудіе; виноградъ — изобиліе; вѣтвь масличная — спокойствіе и миръ; змѣя, свитая кольцомъ — вѣчность: мзда добраго семьянина» (*Об.*).

* 128-го по библіи западныхъ христіанъ.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата, 2.
Но миръ, покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами — жена[2].

Какъ розы, кисти винограда 3.
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ трапезы съ нимъ.

Такъ счастливъ, такъ благополученъ 4.
И такъ блаженъ тотъ человѣкъ,
Кто съ честью, правдой неразлученъ
И въ Божьемъ страхѣ велъ свой вѣкъ.

Благословится отъ Сіона, 5.
Благая снидутъ вся тому,
Кто слезъ виновникомъ и стона
Въ сей жизни не былъ никому;

Кто не вредитъ и не обидитъ, 6.
И зломъ не воздаетъ за зло:
Сыны сыновъ своихъ увидитъ
И въ жизни всякое добро[3].

Миръ въ жизни сей и миръ въ дни оны, 7.
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!

[2] . . . Красой и нравами — жена.

Въ первоначальной редакціи послѣдніе два стиха начинали 2-ю строфу, но переставлены по отмѣткѣ И. И. Дмитріева въ рукописи 1790-хъ гг.

[3] . . . И въ жизни всякое добро.

Противъ этой и предыдущей строфы Дмитріевъ на поляхъ тетради написалъ: «Прекрасно!»

I.*

Псаломъ. 81

востал среди боговъ, въ совѣтѣ,
боговъ судить вышній богъ.
доколь рекъ правду продаете
и зрите вы на сильныхъ рогъ?
съ богатыми судите бѣдныхъ;
не зрите на велможъ лицъ;
изъ рукъ изъмите душъ вредныхъ,
нещастныхъ сирыхъ и вдовицъ.

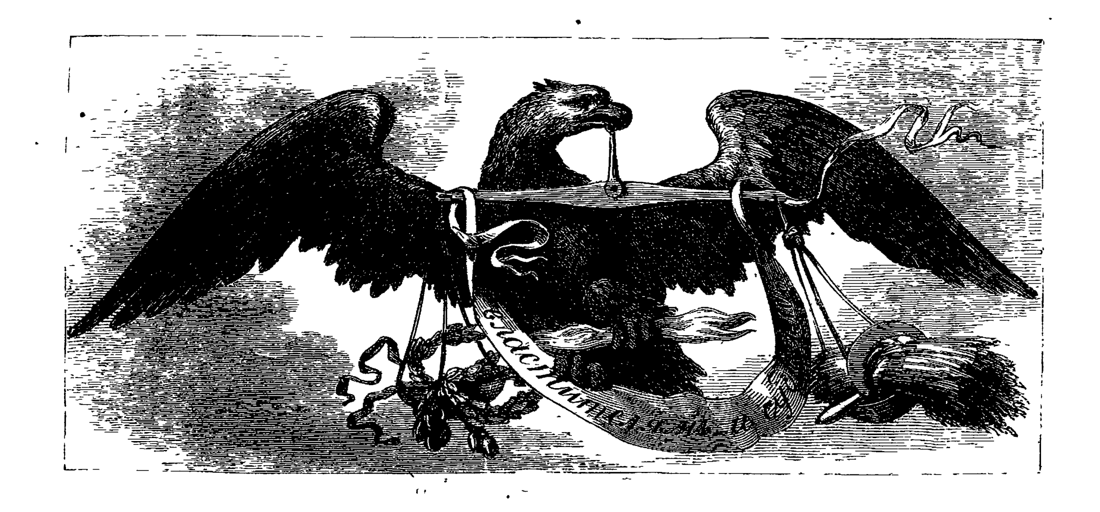
II.†

Властителямъ и Судіямъ

Востал всевышній богъ да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ:
Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

* писано около 1780 г.

† изъ рукописи 1800-хъ годовъ.

XXV. ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ[1].

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ 1.
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.

[1] Эта знаменитая ода, которой содержаніе заимствовано изъ 81-го псалма *, была нѣсколько разъ передѣлываема Державинымъ, такъ что по разнымъ редакціямъ ея можно прослѣдить постепенное развитіе его таланта. Первоначальная редакція, впослѣдствіи совершенно измѣненная, сохранилась только въ тетрадкѣ, писанной рукою самого поэта около 1780 г., и не безъ труда могла быть разобрана посреди множества помарокъ. Здѣсь всего только *пять* строфъ, которыя и приводимъ:

ПСАЛОМЪ 81.

Возсталъ среди боговъ, въ совѣтѣ,
Боговъ судити вышній Богъ.
Доколь, рекъ, правду продаете
И смотрите на грѣшныхъ рогъ?

Съ богатыми судите бѣдныхъ;
Не зрите на высокость лицъ;
Изъ рукъ измите душевредныхъ —
Нещастныхъ, сирыхъ и вдовицъ.

* 82-го по библіи западныхъ христіанъ.

«Доколѣ», рекъ: «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

Но есть безумцы и средь трона:
Сидятъ и царствуютъ дремля,
Не вѣдаютъ, что съ бѣдныхъ стона
Неправдой движется земля

Я думалъ, боги вы вселенной,
Владыка, царь и судія;
Но вы изъ персти также бренной
И такъ же смертны, какъ и я.

Итакъ, коль истины не стало,
И правды въ свѣтѣ нѣтъ нигдѣ,
Исторгнь, Творецъ, неправды жало,
Приди и царствуй Самъ вездѣ.

Недовольный этимъ опытомъ, Державинъ передѣлалъ его и послалъ свое новое произведеніе въ *С-петербургскій Вѣстникъ:* ноябрская книжка его въ 1780 году (ч. VI) начиналась стихами подъ заглавіемъ: Ода. Преложеніе 81-го псалма. Въ этой редакціи *шесть* строфъ, и замѣчательно, что послѣднія три здѣсь получили уже свою окончательную отдѣлку; это тѣ же три строфы, которыми заключается пьеса и въ нашемъ текстѣ. Поэтому печатаемъ только первую половину второй редакціи:

Се Богъ боговъ возсталъ судити
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ;
«Доколѣ», рекъ: «неправду чтити,
«Доколѣ вамъ щадити злыхъ?

«Вашъ долгъ — законы сохраняти
«И не взирать на знатность лицъ,
«Отъ рукъ гонителей спасати
«Убогихъ, сирыхъ и вдовицъ»!

Не внемлютъ: грабежи, коварства,
Мучительства и бѣдныхъ стонъ
Смущаютъ, потрясаютъ царства
И въ гибель повергаютъ тронъ.

Но содержаніе этой оды, по тогдашнему состоянію русскаго общества, должно было въ глазахъ многихъ казаться слишкомъ смѣлымъ: неизвѣстно, по распоряженію ли правительства, или по осмотрительности самой редакціи журнала, книжка *Вѣстника*, открывавшаяся этими стихами, была пріостановлена, и первый листокъ, который они въ ней занимали (стр. 315 и 316), замѣненъ другимъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ раз-

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы, 2.
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

гонисто напечатана переводная повѣсть *Розалія*, прежде начинавшаяся только на 316-й страницѣ.

Не ранѣе какъ шесть лѣтъ спустя, когда Державинъ былъ губернаторомъ въ Тамбовѣ, ода эта была дѣйствительно выпущена въ свѣтъ въ петербургскомъ еженедѣльномъ изданіи Ѳ. Туманскаго: *Зеркало Свѣта*, № 53, января 1-го дня 1787, ч. IV, стр. 1, подъ заглавіемъ: Ода. Извлечена изъ псалма 81. Здѣсь она вся уже приняла окончательный видъ, съ прибавленіемъ въ первой половинѣ еще одной строфы (3-й).

Въ *Объясненіяхъ* на свои сочиненія Державинъ говоритъ, что эта ода въ первый разъ была напечатана въ *Зеркалѣ Свѣта*. Не знаемъ, съ намѣреніемъ ли онъ умолчалъ о помѣщеніи ея въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ*, или самъ забылъ это обстоятельство. Какъ бы ни было, оно осталось бы для насъ неизвѣстнымъ, еслибъ не сохранились такіе экземпляры *С-петербургскаго Вѣстника*, въ которыхъ задержанныя страницы ноябрской книжки 1780 г. уцѣлѣли, а къ концу ея приложенъ и листокъ (картонъ), ихъ замѣнившій. Такой экземпляръ находится и въ нашихъ рукахъ. Любопытный фактъ, о которомъ рѣчь идетъ, въ первый разъ указанъ въ печати П. И. Бартеневымъ (*Записки Держ.*, *Русск. Бесѣда*, стр. 135 и 287).

Въ концѣ царствованія Екатерины поэтъ едва не подвергся дѣйствительнымъ непріятностямъ за эту оду, включенную имъ въ рукопись стихотвореній, которую онъ поднесъ государынѣ въ 1795 г. (см. Предисловіе наше въ этомъ томѣ). Передъ императрицею успѣли очернить Державина внушеніемъ, что тотъ же самый псаломъ во время французской революціи былъ парафразированъ якобинцами и пѣтъ на парижскихъ улицахъ. Екатерина стала показывать Державину холодность. Шепотомъ говорили, что Шешковскому уже велѣно допросить его. Къ счастью, онъ вовремя узналъ объ этихъ козняхъ. На обѣдѣ у графа А. И. Мусина-Пушкина Булгаковъ, прежде бывшій посланникомъ въ Константинополѣ, спросилъ Державина: «Что ты, братецъ, пишешь за якобинскіе стихи»? и прибавилъ, что двору не можетъ быть пріятно переложеніе 81-го псалма. «Царь Давидъ», сказалъ Державинъ: «не былъ якобинецъ; слѣдовательно пѣсни его не могутъ быть никому противны». Возвратясь домой, онъ въ оправданіе свое написалъ записку подъ заглавіемъ *Анекдотъ*, которую и распространилъ при дворѣ (см. слѣдующее за стихами Приложеніе); она произвела на всѣхъ самое благопріятное дѣйствіе. Объ этомъ подробно разсказано какъ въ *Объясненіяхъ*, такъ и въ *Запискахъ* Державина.

Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ[а], 3.
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ[б],
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ[в]».

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ! 4.
Покрыты мздою[г] очеса[2]:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги властны, 5.
Никто надъ вами не судья;

[а] Вашъ долгъ спасти .... (1787).
[б] Отъ сильныхъ защитить ....
[в] Исторгнуть нищихъ изъ оковъ.
[г] Покрыты мракомъ очеса:
Мздоимствомъ царства отягчаютъ.

Въ изданіи 1798 г. ода *Властителямъ и Судіямъ*, по опасеніямъ тогдашней цензуры, вовсе не напечатана. Въ изданіи 1808 г. см. ч. I, III.

На приложенномъ рисункѣ (Олен.) орелъ держитъ вѣсы правосудія.

[2] Покрыты мздою очеса.

Извѣстный нашъ библіографъ, С. Д. Полторацкій, выразилъ предположеніе, что въ этомъ стихѣ слово *мздою* есть опечатка и что вмѣсто того здѣсь должно быть *мглою*. Онъ основываетъ такую мысль главнымъ образомъ на томъ, что въ *Зеркалѣ Свѣта* было напечатано:

«Покрыты *мракомъ* очеса».

Но въ рукописяхъ поэта, отчасти писанныхъ собственной его рукою, вездѣ повторяется слово *мздою*, такъ что относительно вѣрности нашего текста въ этомъ мѣстѣ не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія. Выраженіе: *покрыты мракомъ очеса* означало бы только ослѣпленіе, тогда какъ *покрыты мздою* указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на преступную причину ослѣпленія. Конечно, правильнѣе было бы въ этомъ случаѣ слово *закрыты*. Въ *Зеркалѣ Свѣта* слово *мздою* замѣнено другимъ, потому что въ тогдашней редакціи слѣдующаго стиха употреблено *мздоимство*. Замѣтимъ, что самыя полныя библіографическія указанія объ этой одѣ находятся въ брошюрѣ г. Полторацкаго: *Матеріалы для словаря русскихъ писателей*, т. I, книжка 2 (см. тамъ стр. 27).

Но вы, какъ я, подобно страстны [д]
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете, 6.
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ [е]!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ [3]!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ! 7.
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли [ж]!

[д] Но вы подобно такъ же страстны (1780).
[е] Какъ съ древъ шумящій листъ падетъ (1787).
[ж] И будь одинъ царемъ земли (1780).

---

[3] .... Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ.

Въ рукописи 1790-хъ годовъ, противъ этой строфы рукою Дмитріева отмѣчено: «Прекрасно!»

Приложеніе къ одѣ: «Властителямъ и судіямъ».

АНЕКДОТЪ *.

(1796).

Спросили нѣкоего стихотворца, какъ онъ смѣетъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ въ стихахъ своихъ толь разительныя истины, которыя вельможамъ и двору не могутъ быть пріятны. Онъ отвѣтствовалъ:

* См. выше, стр. 111, примѣчаніе 1-е къ самой одѣ. Въ рукописяхъ Державина эта оправдательная записка находится между его сочиненіями въ прозѣ; намъ кажется, что настоящее ея мѣсто здѣсь. *Анекдотъ* былъ напечатанъ въ *Памятникѣ отечественныхъ музъ*, изданномъ Б. Федоровымъ на 1827 г., стр 117. Какъ тамъ, такъ и въ рукописяхъ онъ сопровождается слѣдующею выноскою Державина: «Сей анекдотъ написанъ по случаю неблагопріятнаго для автора

Александръ Великій, будучи боленъ, получилъ извѣстіе, что придворный докторъ отравить его намѣренъ. Въ то же время вступилъ къ нему и медикъ, принесшій кубокъ, наполненный крѣпкаго зелія. Придворные отъ ужаса поблѣднѣли. Но великодушный монархъ, презря низкія чувствованія ласкателей, бросилъ проницательный свой взоръ на очи врача и, увидѣвъ въ нихъ непорочность души его, безъ робости выпилъ питіе, ему принесенное, и получилъ здравіе. Такъ и мои стихи, примолвилъ піитъ, ежели кому кажутся крѣпкими, какъ полынковое вино, то они однако такъ же здравы и спасительны. Сверхъ того, ничто столько не дѣлаетъ государей и вельможъ любезными народу и не прославляетъ ихъ въ потомствѣ, какъ то, когда они позволяютъ говорить себѣ правду и принимаютъ оную великодушно. Сплетеніе пріятныхъ только реченій, безъ аттической соли и нравоученія, бываетъ вяло, подозрительно и непрочно. Похвала укрѣпляетъ, а лесть искореняетъ добродѣтель. Истина одна только творитъ героевъ безсмертными, и зеркало красавицѣ не можетъ быть противно.

Подобно, ежели бы спросили меня: съ какимъ намѣреніемъ преложилъ я псаломъ 81-й? я бы отвѣтствовалъ: не съ инымъ какимъ, а точно съ тѣмъ же, какъ и г. Ломоносовъ — слѣдующій:

Хвалу всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дыхать.

Никто не уповай вовѣки
На сильну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ жъ родили человѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

непріятелями его внушенія императрицѣ Екатеринѣ Второй, что будто первая часть сочиненій его, тогда ей поднесенная, содержитъ въ себѣ вредные якобинскіе замыслы, а особливо псаломъ, въ семъ анекдотѣ упоминаемый; когда же государыня прочла оный, то и премѣнила свое неудовольствіе». Въ *Запискахъ Державина* (*Русская Бесѣда*, стр. 380) прибавлены къ этому слѣдующія подробности: «Запечатавъ въ трехъ пакетахъ, при краткихъ своихъ письмахъ, послалъ онъ тотъ анекдотъ къ тремъ ближнимъ въ то время къ императрицѣ особамъ, а именно: къ князю Зубову (фавориту), къ графу Безбородкѣ и къ Трощинскому, у котораго на разсмотрѣніи сочиненія его находились. Въ слѣдующее воскресенье, по обыкновенію, поѣхалъ онъ во дворецъ и увидѣлъ противъ прежняго благопріятную перемѣну. Государыня милостиво пожаловала ему поцѣловать руку, вельможи пріятельски съ нимъ разговаривали, и словомъ, какъ рукой сняло: всѣ обошлись съ нимъ такъ, какъ (*будто*) ничего не бывало».

Когда съ душою разлучатся
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ,
Высоки мысли сокрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ *.

Словомъ, наше намѣреніе было съ нимъ одно и то же: чтобъ небесную истину въ стихахъ и въ чистомъ употребительномъ слогѣ сдѣлать понятнѣе и удобнѣе къ впечатлѣнію въ разумѣ и сердцѣ. Самый сей псаломъ, будучи напечатанъ, совсѣмъ и безъ позволенія моего, не знаю кѣмъ, еще въ 1787 году, въ періодическомъ изданіи подъ названіемъ *Зеркало Свѣта*, въ первой части, ежели по сіе время не произвелъ ничего дурнаго, то вѣроятно заключить можно, что нынѣ и впредь не произведетъ никакого зла; ибо проповѣдь священнаго писанія въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Ежели оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такого рода стиховъ не писали. Орелъ открытыми глазами смотритъ на красоту солнца и восхищается имъ къ высочайшему паренію; ночныя только птицы не могутъ сносить безъ досады его сіяніе.

---

* Первыя три строфы 7-й духовной оды Ломоносова *Преложеніе псалма 145*.

XXVI. НА НОВЫЙ ГОДЪ[1].

1781.

Разсѣкши огненной стезею 1.
Небесный синеватый сводъ,

[1] Написано въ январѣ 1781 г. и помѣщено въ самомъ началѣ 1-й книжки *С-петербургскаго Вѣстника* за этотъ годъ (ч. VII, стр. 3). Это было послѣднее стихотвореніе, напечатанное Державинымъ въ *Вѣстникѣ*, который въ тотъ же годъ и прекратился іюньскою книжкой. Потомъ оно напечатано съ измѣненіями въ *Собесѣдникѣ* 1783, ч. I, стр. 36, и въ изданіяхъ: 1798, стр. 65; 1808, ч. I, XXI.

На приложенномъ рисункѣ (Олен.) Утренняя Заря, предшествуемая Надеждою, приноситъ Новый Годъ подъ видомъ Януса.

Багряной облеченъ зарею,
Сошелъ на землю Новый Годъ[а];
Сошелъ — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
На встрѣчу божеству сему.

Гряди, сынъ вѣчности прекрасный! 2.
Гряди, часовъ и дней отецъ!
Зоветъ счастливый и несчастный:
Подай желаніямъ вѣнецъ[б]!
И самаго среди блаженства
Желаемъ блага совершенства
И недовольны мы судьбой.

Еще вельможа возвышаться, 3.
Еще сильнѣе хочетъ быть;
Богачъ — богатствомъ осыпаться
И горы злата накопить;
Герой безсмертной жаждетъ славы[в],
Корысти — льстецъ, Лукуллъ — забавы,
И счастія — игрокъ въ игрѣ[г].

Мое желаніе: предаться 4.
Всевышняго во всемъ судьбѣ,
За счастьемъ въ свѣтѣ не гоняться,
Искать его въ самомъ себѣ.

[а] Пришелъ на землю Новый Годъ (1781).
Мольбы и плески восшумѣли,
Тимпаны, громы возгремѣли.

[б] И дай желаніямъ вѣнецъ!
Среди текущихъ рѣкъ блаженства
Мы благъ желаемъ совершенства.

[в] Безсмертной воинъ жаждетъ славы.

[г] Леандръ фортуны при игрѣ

Меня здоровье, совѣсть права[д],
Достатокъ нужный, добра слава
Творятъ счастливѣе царей.

А если милой и пріятной[е] 5.
Любимъ Плѣнирой я моей[2]
И въ свѣтской жизни коловратной[ж]
Имѣю искреннихъ друзей,
Живу съ моимъ сосѣдомъ въ мирѣ[з],
Умѣю пѣть, играть на лирѣ:
То кто счастливѣе меня[и]?

[д] Здоровье, хлѣбъ и совѣсть права,
Одежда, сонъ и добра слава
Меня равняютъ съ королемъ.

[е] А если милой и прекрасной.

[ж] И въ здѣшней жизни, пышной, страстной.

[з] Живу съ моимъ сосѣдствомъ въ мирѣ.

[и] Кто есть счастливѣе меня (1780 и 1783).

---

[2] Любимъ Плѣнирой я моей.

Здѣсь въ первый разъ Державинъ назвалъ первую жену свою именемъ Плѣниры, подъ которымъ съ этого времени всегда воспѣвалъ ее (Ср. выше примѣчанія на стр. 27 и 58). Имя это употреблялось нашими стихотворцами уже и прежде него. Такъ въ ноябрской книжкѣ *С-петербургскаго Вѣстника* за 1780 г. (ч. VI, стр. 357) помѣщено *Надгробіе красавицѣ*, которое начинается стихами:

«Престаньте здѣсь шумѣть вы, рѣзвые Зефиры,
И не тревожьте прахъ любезныя *Плѣниры*».

Впослѣдствіи это имя сдѣлалось очень обыкновеннымъ въ поэзіи. Мы находимъ его напр.: въ стихахъ *Къ лирѣ* (Дмитріева, судя по подписи: *И.*, *Московскій журналъ* 1791 г., ч. IV, стр. 122): «Отъемлетъ жизнь мою *Плѣнира*»; въ *Воспоминаніи старика* (*Сочиненія Княжнина*, Смирд. изд. ч. II, стр. 486): «Влюблялся въ тысячу *Плѣниръ*»; въ *Пѣснѣ* Карамзина (*Сочиненія* его, Смирд. изд. 1834 г., т. I, стр. 91): «Любилъ я рѣзвую *Плѣниру*»; въ стихахъ: *Къ Плѣнирѣ* (*Муза* Мартынова, 1796 г., ч. I, стр. 218); въ стихотвореніи Боброва: *Майскій день, къ Плѣнирѣ* (*Другъ юношества* 1810, іюнь, стр. 107) и проч. Въ *Россійскомъ Өеатрѣ* (ч. XXXVII, 1791) находится опера Ѣ. Б.: *Плѣнира и Зелимъ*, а въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1809 г. (ч. V, книжки 1—3) длинная повѣсть: *Здравомыслъ и Плѣнира.*

Отъ должностей въ часы свободны [i] 6.
Пою моихъ я радость дней [3];
Пою Творцу хвалы духовны,
И добрыхъ я пою царей.
Пріятнѣй [к] гласы становятся [4]
И слезы нѣжности катятся,
Какъ Россовъ матерь я пою.

Петры и Генрихи и Титы [л] 7.
Въ народныхъ вѣкъ живутъ сердцахъ;
Екатерины не забыты
Пребудутъ въ тысящѣ вѣкахъ.
Уже я вижу монументы,
Которыхъ свергнуть элементы
И время не имѣютъ силъ.

[i] Отъ должности въ часы свободны (1780, 1783 и 1798).
[к] Нѣжнѣе гласы становятся (1780).
[л] Петры, Траяны, Генрихъ, Титы.

---

[3] Отъ должностей въ часы свободны
Пою моихъ я радость дней.

Державинъ служилъ тогда подъ начальствомъ кн. Вяземскаго, который считалъ стихотворство праздною забавой. Поэтъ этимъ выраженіемъ хочетъ оправдать себя въ глазахъ начальника (*Об.* Д.).

[4] Пріятнѣй гласы становятся.

Въ изданіи 1808 г. *пріятны;* но на поляхъ рукой поэта поправлено: пріятнѣй. Такъ было въ *Собесѣдникѣ* и въ изданіи 1798 г.

XXVII. НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ МЕЦЕНАТА [1].

Кровавая луна блистала 1.
Чрезъ покровенный ночью лѣсъ,
На морѣ мрачномъ простирала
Столбомъ багровый свѣтъ съ небесъ,
По огненнымъ зыбямъ мелькая.
Я видѣлъ: въ лодкѣ нѣкто плылъ.

[1] И. И. Шувалова (См. выше, стр. 50, примѣчаніе 1-е къ *Эпистолѣ*). Хвалить Шувалова Державинъ могъ совершенно безкорыстно, потому что временщикъ Елисаветинскихъ временъ хотя и занималъ мѣсто оберъ-камергера при дворѣ Екатерины, но вовсе не былъ въ силѣ» (Бартеневъ). Въ 1781 г. напечатаны были отдѣльно, въ Москвѣ: Стихи на выздоровленіе И. И. Шувалова, безъ означенія имени автора, и Диѳирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ (*Сопиковъ*, ч. IV, 11.422 и

Тутъ вѣтеръ, страшно завывая,
Ударилъ въ лѣсъ — и лѣсъ завылъ;
Изъ безднъ возстали пѣнны горы;
Брега пустили томный стонъ;
Сквозь бурные стихіевъ споры[2]
Зіяла тма со всѣхъ сторонъ.

Ко брегу лодка приплывала; 2.
Приближилась она ко мнѣ;
Тѣнь бѣлая на ней мелькала,
Какъ образъ мраморный во тмѣ.
Утихъ шумъ рощъ, умолкъ ревъ водный;
Лишь стонутъ въ тишинѣ часы[3];
Стремится потъ по мнѣ холодный,
И дыбомъ возстаютъ власы;
На брегъ изъ лодки вылѣзаетъ
Старикъ угрюмый и сѣдой

ч. II, з.178). Послѣднее стихотвореніе приписано Сопиковымъ Кострову, но въ собраніи сочиненій Кострова нѣтъ ничего на этотъ предметъ: это конечно и есть пьеса Державина, появившаяся черезъ два года подъ такимъ точно заглавіемъ (Диѳирамбъ и проч.) въ I-й части *Собесѣдника* (стр. 24) вмѣстѣ съ одою *къ Фелицѣ;* потомъ она перешла въ изданіе 1798 г. (стр. 145) съ исключеніемъ изъ заглавія слова Диѳирамбъ, и наконецъ въ изданіе 1808, ч. I, XXXI.

Первый изъ приложенныхъ рисунковъ (Олен.) есть портретъ Шувалова; второй представляетъ богиню здравія, изображенную въ 6-й строфѣ.

[2] Сквозь бурные стихіевъ споры.

Вмѣсто этого стиха И. И. Дмитріевъ, при просмотрѣ рукописи 1790-хъ годовъ (см. наше Предисловіе), предлагалъ: *Между стихій возстали споры;* сверхъ того, въ 6-мъ стихѣ этой же 1-й строфы онъ зачеркнулъ: Я видѣлъ и взамѣнъ написалъ: *казалось;* взамѣнъ выраженія: Изъ безднъ возстали (9-й стихъ) онъ предлагалъ: *Изъ безднъ вздымались* и на поляхъ еще приписалъ: *Нельзя ли сказать:* вскочили?

[3] Лишь стонутъ въ тишинѣ часы.

См. выше, стр. 88, прим. 2-е къ одѣ *На смерть кн. Мещерскаго.*

И, озираясь, подпираетъ
Себя ужасною косой.

Тогда по брегу раздалися 3
Надгробный плачъ и вой людей;
Отвсюду къ старику сошлися
Безчисленны толпы тѣней;
Прискорбны, блѣдны и безгласны,
Онѣ, потупя взоры, шли;
Цѣпями Фуріи ужасны
Къ морскому брегу ихъ вели[4].
Старикъ кровавыми когтями
Къ себѣ на лодку ихъ влечетъ:
Богачъ и нищъ, рабы съ царями,
Всѣ равно оставляютъ свѣтъ.

Ужъ въ лодкѣ многія мечтались 4.
Знакомыя и мнѣ черты;
Другія къ оной приближались:
Межъ ихъ, Шуваловъ, былъ и ты.
И ты, другъ Музъ, другъ смертныхъ роду,
Фаросъ младыхъ вельможъ и мой[5],

[4] .... Къ морскому брегу ихъ вели.

По греческому миѳу, Харонъ перевозилъ покойниковъ не моремъ, а черезъ рѣки Стиксъ, Коцитъ или Ахеронъ. Притомъ души умершихъ были приводимы къ нему не Фуріями, а Меркуріемъ.

[5] Фаросъ младыхъ вельможъ и мой.

Фаросъ — маякъ; здѣсь — просвѣтитель. Такъ названъ Шуваловъ, какъ кураторъ московскаго университета и казанской гимназіи, въ которой воспитывался Державинъ. Многіе изъ бывшихъ питомцевъ университета, какъ напр. Потемкинъ и В. С. Поповъ, занимали въ то время значительныя мѣста. (*Об.* Д.). Слово *фаросъ* употребилъ уже Ломоносовъ въ одѣ на восшествіе на престолъ Петра III (ода 17, строфа 19):

Германія....
На фаросъ силъ твоихъ взираетъ.
(Смирд. изд. ч. I, стр. 166).

И ты Коцита зрѣлъ ужъ воду;
Коса смертельна надъ тобой,
Разсѣкши мракъ густой, сверкала,
Подобно какъ перунъ съ небесъ;
Эреба бездна ужъ зіяла,
И ногу въ вѣчность ты занесъ.

Болѣзнь и страхъ неизреченный 5.
Тогда стѣснили грудь мою:
«Кѣмъ добродѣтели почтенны,
Кто родъ и санъ и жизнь свою
Старался тѣмъ единымъ славить,
Чтобъ ближнему благотворить,
Потомству храмъ наукъ оставить,
Тому ли вѣкъ толь краткій жить?
Ужель врагъ чести и пороку,
И злой и добрый человѣкъ
Единому подвластны року?
О Боже праведный!» — я рекъ.

Но вдругъ средь облака златаго, 6.
На крыльяхъ Утренней Зари,
Во зракѣ божества младаго,
Котораго рабы, цари,
Всѣ люди равномѣрно любятъ,
Но всѣ не равно берегутъ;
Котораго лѣнь, роскошь губятъ,
Крѣпятъ умѣренность и трудъ, —

Съ *фаросомъ* сравниваетъ и Петровъ Потемкина въ одѣ къ нему 1782 г.:

Высоко былъ поставленъ фаросъ
Давати помощь кораблямъ:
Онъ тако жребіемъ поставленъ
Высоко во спасенье многимъ.

(Соч. Петр., изд. 1811, ч. II. стр. 18).

Здоровье, даръ небесъ безцѣнный,
Слетѣло въ твой чертогъ и, взявъ
Въ златомъ сосудѣ сокъ врачебный,
Кропя тебя, рекло: «Будь здравъ!»

Ты здравъ! Хоръ Музъ тебѣ любезныхъ, 7.
Драгую жизнь твою любя,
Намѣсто кипарисовъ слезныхъ,
Вѣнчаютъ лаврами тебя[6].
Пріявъ одна трубу златую,
Другая строя лирный гласъ,
Та арфу, та свирѣль простую,
Воспѣли — и воспѣлъ Парнассъ:
«Живи, наукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь ввѣкъ цвѣсти должна!
Не умираетъ добродѣтель:
Безсмертна Музами она!

«Безсмертны Музами Периклы, 8.
И Меценаты ввѣкъ живутъ:
Подобно память, слава, титлы
Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
А дщерь его ввела къ намъ вкусъ;
Ты, къ знаньямъ простирая руки,
У ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Иліадѣ[a]
О Несторахъ, Улиссахъ громъ;

[a] Досель гремитъ мнѣ въ Иліадѣ (1783).

---

[6] .... Вѣнчаютъ лаврами тебя.

Мы не рѣшились поставить *вѣнчаетъ*, потому что во всѣхъ текстахъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, употреблено здѣсь множественное число въ соотвѣтствіе собирательному имени *хоръ*.

Равно безсмертенъ въ Петріадѣ [б]
Ты Ломоносовымъ перомъ [7].

[б] Безсмертенъ также въ Петріадѣ.
(Поправка этого стиха принадлежитъ И. И. Дмитріеву).

---

[7] .... Ты Ломоносовымъ перомъ.

Ср. выше, стр. 51, стихи 12—14 въ *Эпистолѣ* Шувалову на возвращеніе его изъ чужихъ краевъ и примѣчаніе 2-е.

XXVIII. РАЗНЫЯ ВИНА[1].

1782.

Вотъ красно-розово вино: 1.
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.

[1] «Писано безъ всякой цѣли, для молодыхъ людей» (*Об.* Д.). Напечатано 1804 г. въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ*, стр. 109, и 1808, ч. III, LXVII. Въ оглавленіи *Анакр. пѣсень*, къ заглавію: Разныя вина прибавлено: «или пирушка молодыхъ холостыхъ людей 1782 г.»

Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!
Ты тожъ румяна, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

2. Вотъ черно-тинтово вино[2]:
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ пунцовыхъ[3]!
Ты тожъ, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

3. Вотъ злато-кипрское вино:
За здравье выпьемъ свѣтловласыхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ прекрасныхъ!
Ты тожъ, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

4. Вотъ слезы-ангельски вино[4]:
За здравье выпьемъ женъ мы нѣжныхъ.

Содержаніе рисунковъ: 1) Геба подаетъ Амурамъ корзину съ разноцвѣтнымъ виноградомъ; 2) гирлянды разныхъ плодовъ, перевитыхъ цвѣтами (*Об.* Д.).

[2] Вотъ черно-тинтово вино.

Vino tinto, красное испанское вино, лучшій сортъ котораго растетъ около Аликанте и Кадикса.

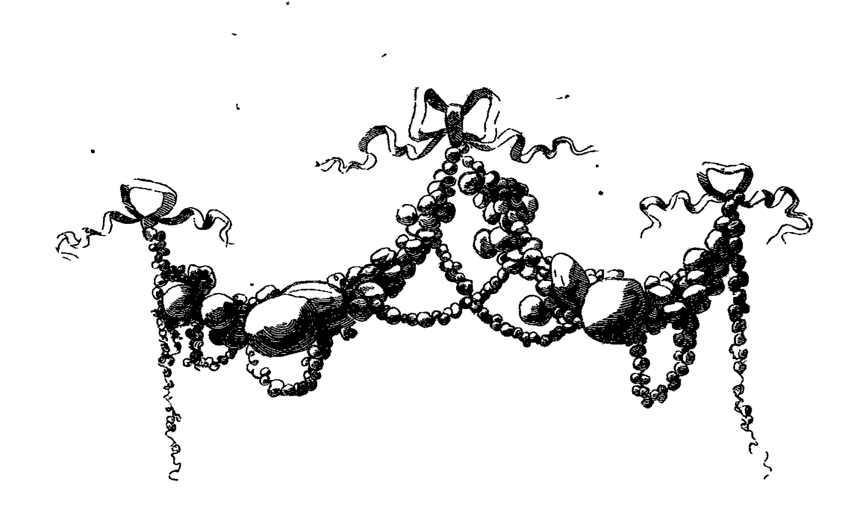
[3] Намъ съ поцѣлуемъ устъ пунцовыхъ.

Въ 1804 и 1808 г. напечатано: лиловыхъ; но въ экземплярѣ, принадлежавшемъ поэту, слово это зачеркнуто и сверху рукой его написано: пунцовыхъ, — поправка, встрѣчающаяся уже и въ рукописяхъ.

[4] Вотъ слезы-ангельски вино.

Вѣроятно вино, извѣстное подъ именемъ *lacrymae Christi*, растущее при подошвѣ Везувія.

Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ любезныхъ!
Ты тожъ нѣжна и хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

XXIX. ФЕЛИЦА[1].

Богоподобная царевна 1.
Киргизъ-кайсацкія орды,

[1] Въ 1781 г. была напечатана, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, написанная Екатериною для пятилѣтняго внука ея, великаго князя Александра Павловича, *Сказка о царевичѣ Хлорѣ* *. Хлоръ былъ сынъ князя, или *царя* кіевскаго, во время отсутствія отца похищенный ханомъ *кир-*

* Бакмейстера Russische Bibliothek, ч. VII, стр. 540. По *Сопикову* (ч. IV, № 10.301), сказка эта явилась не прежде 1782 г.; но изъ Russ. Bibliothek видно, что даже и нѣмецкій переводъ ея былъ изданъ уже въ 1781. Ср. Russ. Bibl., ч. VIII, стр. 54.

Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,

гизскимъ. Желая повѣрить молву о способностяхъ мальчика, ханъ ему приказалъ отыскать *розу безъ шиповъ.* Царевичъ отправился съ этимъ порученіемъ. Дорогой попалась ему на встрѣчу дочь хана, веселая и любезная *Фелица.* Она хотѣла идти провожать царевича, но ей помѣшалъ въ томъ суровый мужъ ея, султанъ *Брюзга*, и тогда она выслала къ ребенку своего сына, *Разсудокъ.* Продолжая путь, Хлоръ подвергся разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его зазвалъ въ избу свою мурза *Лѣнтяга*, который соблазнами роскоши старался отклонить царевича отъ предпріятія слишкомъ труднаго. Но *Разсудокъ* насильно увлекъ его далѣе. Наконецъ они увидѣли передъ собой крутую каменистую гору, на которой растетъ *роза безъ шиповъ*, или, какъ одинъ юноша объяснилъ Хлору, *добродѣтель.* Съ трудомъ взобравшись на гору, царевичъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ и поспѣшилъ къ хану. Ханъ отослалъ его вмѣстѣ съ розой къ кіевскому князю. «Сей обрадовался столько пріѣзду царевича и его успѣхамъ, что забылъ всю тоску и печаль.... Здѣсь сказка кончится, а кто больше знаетъ, тотъ другую скажетъ».

Эта сказка подала Державину мысль написать оду *къ Фелицѣ* (богинѣ блаженства, по его объясненію этого имени): такъ какъ императрица любила забавныя шутки, говоритъ онъ, то ода эта и была написана во вкусѣ ея, на счетъ ея приближенныхъ. Но Державинъ боялся дать ходъ этимъ стихамъ, въ чемъ съ нимъ согласны были и друзья его, Н. А. Львовъ и В. В. Капнистъ. Ода сдѣлалась извѣстною по нескромности О. П. Козодавлева, который, живя въ одномъ домѣ съ поэтомъ, однажды случайно увидѣлъ ее и выпросилъ на короткое время (Подробности см. въ *Объясненіяхъ* Державина). Вскорѣ послѣ того княгиня Е. Р. Дашкова, въ качествѣ директора академіи наукъ, предприняла изданіе *Собесѣдника любителей россійскаго слова* и открыла одою Державина I-ю книжку этого журнала, вышедшую 20 мая 1783 г., въ субботу (*С-петерб. Вѣдом.* того года № 40). Тамъ на стр. 5—14 эта ода напечатана безъ всякой подписи, подъ заглавіемъ: Ода къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ арабскаго языка 1782. Къ словамъ: *съ арабскаго языка* сдѣлана редакціею выноска: «Хотя имя сочинителя намъ и неизвѣстно; но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ». Прибавимъ, что она написана въ исходѣ 1782 г.

Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

Въ *Объясненіяхъ* своихъ поэтъ замѣчаетъ, что онъ назвалъ Екатерину киргизъ-кайсацкою царевною еще и потому, что у него были деревни въ тогдашней оренбургской области, по сосѣдству съ киргизскою ордою, подвластною императрицѣ. Нынѣ эти имѣнія находятся въ бузулуцкомъ уѣздѣ самарской губерніи.

Ода къ *Фелицѣ* доставила Державину богатый подарокъ отъ императрицы (золотую табакерку съ 500 червонцевъ) и честь представленія ей въ Зимнемъ дворцѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила противъ него гоненіе тогдашняго начальника его, генералъ-прокурора кн. Вяземскаго. Вообще это сочиненіе имѣло рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу поэта.

Новая ода произвела много шуму при дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ. Екатерина разсылала ее (конечно въ отдѣльныхъ оттискахъ) къ своимъ приближеннымъ и въ каждомъ экземплярѣ подчеркивала то, что прямѣе относилось къ лицу, которому онъ былъ назначенъ. Слава Державина утвердилась; она откликнулась и въ *Собесѣдникѣ*, гдѣ съ тѣхъ поръ заговорили о немъ и въ прозаическихъ статьяхъ, и въ стихахъ, называя его *мурзою*, *арабскимъ переводчикомъ* и т. п. Въ слѣдующихъ книжкахъ журнала явилось четыре обращенныя къ нему стихотворенія, между которыми три посланія: В. Жукова, Сонетъ къ сочинителю оды къ Фелицѣ (ч. III, стр. 46); М. Сушковой*, Письмо Китайца къ татарскому мурзѣ (ч. V, стр. 5—8); О. Козодавлева, Письмо къ татарскому мурзѣ (ч. VIII, стр. 1—8); Е. Кострова, Письмо къ творцу оды, сочиненной въ похвалу Фелицы (ч. X, 25—30). «Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ, не отличающихся особеннымъ достоинствомъ, хвалятъ Державина не столько за хорошіе стихи, сколько за то, что онъ писалъ безъ лести» (*Соч. Добролюбова*, т. I, стр. 74). Сверхъ того, о Фелицѣ и сочинителѣ ея съ похвалою упоминается въ стихотвореніяхъ *Собесѣдника: Княгинѣ Е. Р. Дашковой* (ч. VI, стр. 20) и *Къ другу моему* (ч. VII, стр. 40).

По поводу похвальныхъ стиховъ Державину, появившихся вслѣдъ за *Фелицею*, г. Галаховъ такъ опредѣляетъ значеніе этой оды въ нашей лите-

* Въ *Собесѣдникѣ* означены только начальныя буквы ея имени, но г. Лонгиновъ указалъ настоящее имя этого автора (*Соврем.* 1857 г., № 5, статья *Библіографич. записки*, стр. 69). Марья Васильевна Сушкова была урожденная Храповицкая.

Подай, Фелица, наставленье, 2.
Какъ пышно и правдиво жить [a],
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.

[a] Какъ честно и правдиво жить (1783 и 1798).

ратурѣ: «Стихотвореніе, подписанное буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), «говоритъ, что Державинъ проложилъ *новый путь* на Парнассъ, что

. . . . кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть „иной, хорошій родъ".

«Признаки этого *новаго стихотворнаго рода* указаны его противополож-«ностью *пышнымъ одамъ*. *Оды*, замѣчаетъ *Собесѣдникъ* въ одной статьѣ *, *на-«полненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мы-«шамъ и крысамъ; Фелица написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде та-«кого рода стихотворенія писались*. Въ другомъ стихотвореніи, Кострова, «также признается за Державинымъ слава обрѣтенія *новаго и непротоп-«таннаго пути:* ибо въ то время, какъ *слухъ нашъ оглохъ отъ громкихъ то-«новъ, Державинъ сумѣлъ безъ лиры и Пегаса воспѣть простымъ слогомъ дѣя-«нія Фелицы; ему дана была способность и важно пѣть и играть на гудкѣ....* «Назвавъ Державина *пѣвцомъ Фелицы*, современники его дали знать, «что особенность его, какъ поэта, ярко выступила въ этой пьесѣ. Спра-«ведливое проименованіе до сихъ поръ не потеряло своей силы: для насъ «Державинъ тоже *пѣвецъ Фелицы;* пѣвцомъ Фелицы останется онъ и для «дальнѣйшаго времени» (Предисловіе къ *Исторической Христоматіи нов. періода русск. словесности*, т. I, стр. II).

Какъ образчикъ мнѣнія современниковъ о *Фелицѣ*, приведемъ сужденіе Радищева: «Преложи многія строфы изъ оды къ *Фелицѣ*, а особливо гдѣ мурза описываетъ самъ себя,... безъ стиховъ останется почти та же поэзія» (*Соч. Радищева*, ч. IV, стр. 82).

По всей вѣроятности, ода къ Фелицѣ, при появленіи ея въ *Собесѣдникѣ*, напечатана была и отдѣльными оттисками. Въ изданіи 1798 г. (стр. 69) она носитъ еще прежнее длинное заглавіе; въ изданіи 1808 г. (ч. I, XII) она озаглавлена уже просто: *Фелица*.

Значеніе рисунковъ (Олен.): 1) Фелица указываетъ царевичу гору, на которой растетъ роза безъ шиповъ; 2) предметомъ служитъ послѣдній стихъ 8-й строфы: «Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ».

* Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги *Собесѣдникъ* (ч. XVI, стр. 6).

Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая, 3.
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь[2];
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра[3].

[2] Блаженство смертнымъ проливаешь.

Около того времени императрица занималась сочиненіемъ разныхъ законовъ, какъ то: Дворянской грамоты, Устава благочинія и другихъ положеній (*Об.* Д.).

[3] .... Какъ я, отъ утра до утра.

Карты составляли при русскомъ дворѣ восемнадцатаго столѣтія ежедневное занятіе; во дворцѣ императрицы Елисаветы приближенныя къ ней дамы играли въ фараонъ съ утра до вечера и далеко за полночь. Это было хорошо извѣстно Екатеринѣ II, которая, бывши великой княгиней, сама должна была принимать участіе въ такомъ препровожденіи времени (Mém. de Cath. II, стр. 68, 76 и 94).

Державинъ, представляя себя, какъ выразилъ онъ и въ первоначальномъ заглавіи оды (см. примѣч. 1-е, стр. 130), однимъ изъ мурзъ или приближенныхъ киргизской царевны, предполагаетъ въ своемъ лицѣ соединеніе разныхъ недостатковъ, подмѣченныхъ имъ въ тогдашнихъ вельможахъ. Впрочемъ онъ и въ другихъ случаяхъ любилъ называть себя мурзою, въ знакъ своего происхожденія отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой орды въ Россію въ четырнадцатомъ столѣтіи, при Василіи Темномъ.—Карточною игрою самъ Державинъ въ молодости иногда увлекался

Не слишкомъ любишь маскарады, 4.
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь[4],
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь[5],
Не ходишь съ трона на Востокъ[6];

до страсти; вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, послѣ Пугачевщины, въ концѣ 1775 г., онъ на остававшіеся у него 50 руб. выигралъ въ короткое время 40,000 (*Записки Держ.*, *Русск. Бес.*, стр. 37, 44, 111). Потомъ, познакомясь съ княземъ Вяземскимъ, онъ «часто у него бывалъ и проводилъ съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ» (тамъ же, стр. 122). Впослѣдствіи Державинъ хотя и не оставлялъ совсѣмъ карточной игры, однакожъ не предавался ей болѣе съ увлеченіемъ.

[4] Коня парнасска не сѣдлаешь.

«Екатерина не умѣла сочинять стиховъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру, напр. въ письмѣ отъ 20 мая 1771 г.: *De ma vie je n'ai su faire ni vers ni musique*» (Галаховъ). Куплеты и аріи для драматическихъ сочиненій Екатерины писались, по ея порученію, И. П. Елагинымъ, А. В. Храповицкимъ и другими. Въ письмахъ де-Линя и въ Запискахъ Сегюра есть также разсказы, подтверждающіе, что стихотворство не давалось этой необыкновенной женщинѣ (*Библіограф. Записки* 1858 г. № 16, статья г. Геннади о драматическихъ сочиненіяхъ Екатерины II).

[5] Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь.

Императрица не жаловала масоновъ и въ ложи къ нимъ не ѣзжала, какъ дѣлали многіе знатные (*Об.* Д.). И. В. Лопухинъ, самъ принадлежавшій къ сектѣ масоновъ, говоритъ въ своихъ *Запискахъ* (*Чт. въ общ. ист. и др.* 1860, кн. II, стр. 20): «Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ, и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ».

[6] Не ходишь съ трона на Востокъ.

Державинъ не объяснилъ намъ этого стиха. Вѣроятно онъ разумѣлъ его такъ: «ты не мечтаешь о несбыточномъ завоеваніи Индіи и Персіи», что входило въ планы Потемкина (Gesch. des russ. Staats v. E. Herrmann, VI, стр. 69—71). Это подтверждается 5-мъ стихомъ слѣдующей, 5-й строфы: «То плѣнъ отъ Персовъ похищаю».

Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни, 5.
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращáю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ[7].

Или въ пиру я пребогатомъ, 6.
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ, —

Княжнинъ, осмѣивая торжественныя оды въ одномъ стихотвореніи, вскорѣ послѣ того написанномъ, говоритъ между прочимъ, что онѣ,

«... въ ликъ пророковъ становясь,
Насъ по уши обогащали,
И Индъ и Гангъ порабощали».

(*Собесѣдн.* ч. XI, стр. 5).

Впрочемъ обогащеніе Россіи торговлею съ Востокомъ занимало, по крайней мѣрѣ позднѣе, и Екатерину. См. въ стихотвореніи Державина *Мой истуканъ* (подъ 1794 г.), въ строфѣ 22-й, стихъ:

«Съ Гангеса злато соберемъ»

и относящееся къ нему примѣчаніе.

[7] Скачу къ портному по кафтанъ.

Относится, какъ и двѣ слѣдующія строфы, къ прихотливому нраву кн. Потемкина (*Об.* Д.). Шутки на счетъ Потемкина въ этой одѣ не оскорбили временщика; по крайней мѣрѣ онъ не обнаружилъ по поводу ихъ ни малѣйшаго гнѣва (*Зап. Держ.*, *Русск. Бесѣда*, стр. 308).

Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ[8], —
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ.

Или средь рощицы прекрасной[9], 7.
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь, —
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа[10],
Вливаю въ сердце ей любовь.

[8] Тамъ пловъ и пироги стоятъ.

Пловъ, или пилавъ — извѣстное восточное кушанье.

[9] Или средь рощицы прекрасной *и проч.*

Вся эта строфа напоминаетъ 3-ю строфу оды *Къ первому сосѣду* (см. выше подъ 1780 г., стр. 104); такимъ же образомъ описаніе пира въ 6-й строфѣ *Фелицы* представляетъ нѣкоторое сходство съ 2-ю строфою той оды.

[10] Младой дѣвицы чувства нѣжа.

Въ IV-й книжкѣ *Собесѣдника* (стр. 11) какой-то критикъ, назвавшій себя *Невѣждой*, возсталъ противъ нѣкоторыхъ выраженій *Фелицы* и между прочимъ противъ этого стиха. «Мнѣ показалась», говоритъ онъ, «мысль неправильна. Глаголъ *нѣжить* значитъ удовлетвореніе пріятнымъ ощущеніямъ какой-нибудь тѣлесной вещи; а чувства суть сами инструменты къ сему удовлетворенію; потому и сумнѣваюсь, можно ли сказать: зрѣніе нѣжить, вкусъ, слухъ нѣжить, и проч.» На эти замѣчанія помѣщены въ выноскахъ и возраженія Державина, которому княгиня Дашкова предварительно сообщила критику неизвѣстнаго. «Ежели», отвѣчалъ Державинъ, «нѣтъ у г. Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе; то не благоволитъ ли онъ при-

Или великолѣпнымъ цугомъ [11] 8.
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ [12],
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то̀ наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [13].

казать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь? Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то, вѣроятнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ, изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно и нѣжить можно (*Прим. сочинителя оды*)». — «Опроверженія Державина оставили автора критики совершенно въ дуракахъ» (*Сочиненія Добролюбова*, т. I, стр. 67).

[11] Или великолѣпнымъ цугомъ.

Графъ Сегюръ говоритъ въ своихъ Запискахъ (Mémoires *и проч.* Paris, 1843, т. I, стр. 477): «Всякій, кто имѣлъ чинъ выше полковничьяго, долженъ былъ ѣздить въ каретѣ, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, съ бородатымъ кучеромъ въ кафтанѣ и двумя форейторами».

[12] Съ собакой, шутомъ или другомъ.

Сегюръ, который былъ посломъ при русскомъ дворѣ съ 1785 по 1789 г., разсказываетъ въ своихъ Запискахъ (т. II, стр. 385): «Въ Россіи были еще вельможи, которые, по старому обычаю, содержали при себѣ шутовъ любимцевъ. У князя Потемкина былъ такой шутъ, по имени Моссъ (Mosse): онъ былъ оригиналенъ, имѣлъ довольно познаній и, посреди разныхъ проказъ, позволялъ себѣ часто выходки очень колкія и смѣлыя». У гр. Орлова Чесменскаго также былъ шутъ, который оставался при немъ еще и тогда, когда этотъ вельможа доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ (Memoirs of the pr. Daschkaw, London, 1840, ч. II, стр. 232).

[13] Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.

Вся эта строфа относится отчасти къ Потемкину же, но болѣе къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ (*Об.* Д.). Эту страсть онъ сохранилъ до старости. Проводя послѣдніе годы жизни въ Москвѣ (Орловъ умеръ въ 1808 г.), онъ каждое воскресенье устраивалъ передъ своимъ домомъ бѣги или скачки. Свидѣтель одного

Или музыкой и пѣвцами, 9.
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами [14]
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ [15];
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ [16].

такого бѣга разсказываетъ: «Герой чесменскій, въ бархатной малиновой шубѣ, самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на двухъ любимыхъ рысакахъ своихъ» (*Записки Современника*, стр. 32).

[14] Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ.

Тотъ же графъ А. Г. Орловъ любилъ русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество (*Об.* Д.).

[15] .... ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ любилъ псовую охоту (*Об.* Д.). Находясь въ командировкѣ на Волгѣ во время Пугачевщины, Державинъ, вскорѣ послѣ поимки злодѣя, поѣхалъ представиться графу, какъ главнокомандующему, въ Симбирскъ. «Подъѣзжая къ сему городу рано поутру, при выѣздѣ изъ подгородныхъ слободъ, встрѣтилъ сего пышнаго генерала, съ великимъ поѣздомъ ѣдущаго на охоту» и проч. (*Записки Держ., Русск. Бес.*, стр. 97 и 100).

[16] И греблей удалыхъ гребцовъ.

Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ (род. 1710, ум. 1775), бывшій тогда оберъ-егермейстеромъ, первый завелъ роговую музыку (*Об.* Д.). Шлецеръ въ своей автобіографіи (A. L. Schlözers öffentliches und privat-Leben, стр. 176) разсказываетъ: «Григорій Орловъ ѣдетъ въ яхтѣ внизъ по Невѣ. За нимъ вереница придворныхъ шлюпокъ, а передъ нимъ лодка, въ которой около 40 человѣкъ: они производили музыку, какой я сроду не слыхалъ.... то была изобрѣтенная Чехомъ Марешемъ и оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ русская полевая или охотничья музыка. Хоръ состоитъ изъ 40 молодцовъ, изъ которыхъ каждый трубитъ въ свой рогъ, и у каждаго рога свой особенный тонъ *и т. д.* Подробности описалъ Штелинъ въ Beilagen zum Neuveränderten Russland (т. II, стр. 115—122).»

Иль, сидя дома, я прокажу, 10.
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся [17];
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю [18].

Таковъ, Фелица, я развратенъ! 11.
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь [19].
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ [б] и брюзгой [20],

[б] Между Лѣнтягомъ и Брюзгой (1783).

---

[17] .... То ею въ головѣ ищуся.

Въ этихъ стихахъ упоминаются вообще старинные обычаи и забавы Русскихъ (*Об.* Д.).

[18] За библіей, зѣвая, сплю.

Князь Вяземскій былъ охотникъ до романовъ, и Державинъ, поступивъ къ нему на службу, часто читалъ ему вслухъ подобныя книги. Случалось, что за ними и чтецъ и слушатель дремали (*Об.* и *Зап.* Д.).

[19] Но всякій человѣкъ есть ложь.

— изреченіе изъ псалма 115, стихъ 2.

[20] Между лѣнтяемъ и брюзгой.

Въ сказкѣ Екатерины *о царевичѣ Хлорѣ*, какъ упомянуто выше въ примѣч. 1 (стр. 130), являются между другими лицами мурза *Лѣнтягъ* и султанъ *Брюзга*. Первый живетъ въ нѣгѣ и роскоши, а второй никогда не смѣется и сердится на другихъ за улыбку. Сколько извѣстно, императрица разумѣла подъ *Лѣнтягомъ* Потемкина, а подъ *Брюзгою* — Вяземскаго (*Об.* Д.).

Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ; но льзя ль не заблуждаться 12.
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды [21],
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно, 13.
Царевна, свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно [22],

[21] Гдѣ намъ ученые невѣжды *и пр.*

Эта мысль была совершенно согласна со взглядомъ самой Екатерины на ученыхъ. Въ Запискахъ Сегюра (т. II, стр. 124) приведено любопытное сужденіе, высказанное ею по этому предмету во время крымскаго путешествія: «Можно болѣе узнать, разговаривая съ невѣждами объ ихъ собственныхъ дѣлахъ, нежели обращаясь къ ученымъ, у которыхъ однѣ теоріи и которые стыдятся не отвѣчать вамъ съ смѣшными завѣреніями о вещахъ, положительно имъ неизвѣстныхъ. Какъ жаль мнѣ этихъ бѣдныхъ ученыхъ! Они никогда не смѣютъ произнести двухъ самыхъ простыхъ словъ: *не знаю*, которыя для насъ невѣждъ такъ легки и подъ-часъ мѣшаютъ намъ предпринять что-нибудь опасное, потому что когда сомнѣваешься, то лучше ничего не дѣлать, нежели поступить дурно».

[22] .... свѣтъ изъ тмы творитъ,
Дѣля хаосъ на сферы стройно.

Ср. въ *Изображеніи Фелицы* (подъ 1789 г.) въ строфѣ 15-й:

Хаосъ на сферы бъ раздѣлился

и заключительный стихъ той же строфы:

Возстали царства — и былъ свѣтъ,

а также примѣчанія къ этимъ стихамъ.

Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина ты лишь не обидишь, 14.
Не оскорбляешь никого [в],
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь, 15.
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ [23].

[в] Не ненавидишь никого (1783 и 1798).

---

[23] Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Одно изъ обвиненій упомянутаго въ примѣчаніи 10-мъ критика относилось къ этому стиху. «Уподобленіе поэзіи къ лимонаду», писалъ онъ,

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ, 16.
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть[24].
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло, 17.
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь

«оставляетъ въ умѣ нѣкое неудовольствіе найтить сравненіе неожиданное. Оно не только кажется непристойно, но еще и несправедливо. Если лимонадъ можетъ быть вкусенъ только лѣтомъ, напротивъ того хорошая поэзія, и какова есть въ одѣ сей, можетъ нравиться и лѣтомъ и зимою». На это Державинъ возразилъ: «Нимало не противорѣча тому, что хорошая поэзія пріятна во всякое время года, кажется, въ шуточномъ слогѣ удовольствіе, происходящее отъ нея, не непристойно сравнено съ тѣмъ, которое получается лѣтнею порою отъ лимонада, яко отъ напитка пріятнаго, сладкаго, прохладительнаго, слѣдовательно и нѣкоторую пользу приносящаго, тѣмъ болѣе, ежели мурза, писавшій сію оду, не охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, которые никогда у него въ умѣ никакого удовольствія не составляютъ, какъ то у сего Невѣжды лимонадъ, а потому и сравненіе сіе измѣрялъ онъ по своему аршину».

24 Что отреклась и мудрой слыть.

Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій Великой, Премудрой, Матери отечества, которыя въ 1767 г. были поднесены ей сенатомъ и депутатами, созванными для составленія проекта новаго уложенія (Полн. Собр. Зак. т. XVIII, № 12.978). Между юношескими опытами Державина есть *Надпись*, сочиненная имъ на этотъ случай и напечатанная въ февральской книжкѣ *С-петерб. Вѣстника* 1779 г. (ч. III, стр. 110).

И быль и небыль говорить[25];
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки[г] 18.
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить[д]!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить[26].

[г] Текутъ пріятныя слезъ рѣки (1783 и 1798).
[д] Владѣетъ областью какой (стихъ безъ риѳмы, 1783).

---

[25] И быль и небыль говорить.

Императрица, подобно Траяну, была очень снисходительна къ людямъ, злорѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ (*Об.* Д.). Въ *Наказѣ* (гл. XX, статья 482) читаемъ: «Слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столь двойнаго смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе?»

[26] За здравіе царей не пить.

При императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему-либо доносу попадали въ Тайную канцелярію. То же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому принимались за

Тамъ съ именемъ Фелицы можно 19.
Въ строкѣ описку поскоблить [27],
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить [28].
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ [29],
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ [30],

недоброжелателей ея (*Об.* Д.). — Вмѣсто этого и предыдущаго стиха Дмитріевъ въ рукописи 1790-хъ годовъ предлагалъ:

За здравіе царя въ обѣдахъ
Бокалъ не опорожнить свой.

Послѣдній стихъ онъ считалъ нужнымъ для того, чтобы 4-й съ конца въ той же 18-й строфѣ (см. варіантъ д) не оставался безъ риѳмы.

[27] Въ строкѣ описку поскоблить.

Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было подскоблено или поправлено Только со временъ Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ титулъ изъ одной строки въ другую; а до тѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, нерѣдко наказывались плетьми (*Об.* Д.).

[28] Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.

Горе было также тому, кто хотя ненарочно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ императрицы; клеветнику стоило только донесть, что такой-то бросилъ изображеніе лица ея. По одному крику: *Я знаю за собой слово и дѣло государево*, тотъ, на кого это было сказано, былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отвозимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался (*Об.* Д.).

[29] Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ.

Относится къ бывшей при Аннѣ Іоанновнѣ шутовской свадьбѣ князя Голицына, для которой на Невѣ построенъ былъ особый ледяной домъ съ ледяною баней (*Об.* Д.).

[30] Князья насѣдками не клохчутъ *и т. д.*

Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутренніе свои покои, и кудахтали какъ насѣдки, что, разумѣется, производило общій хохотъ

Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья[31]
Ты пишешь въ сказкахъ поученья[e]
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго —
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь»[32].

[e] Въ часы твоихъ отдохновеній
Ты пишешь въ сказкахъ поученій.

Нѣкто *Любословъ*, критикуя въ *Собесѣдникѣ* (ч. II, стр. 106) нѣкоторыя выраженія *Фелицы*, остановился и на послѣднемъ стихѣ съ замѣчаніемъ: «*писать* принимаетъ падежъ винительный, а не родительный». Но Державинъ, употребивъ форму *поученій*, думалъ сократить винительный *поученіи*, который, какъ и именительный, онъ въ подобныхъ именахъ всегда употреблялъ съ этимъ окончаніемъ. Такое сокращеніе нашъ поэтъ позволялъ себѣ и въ другихъ случаяхъ (См. выше, на стр. 55, въ *Эпистолѣ Шувалову* стихъ 82 и примѣчаніе къ нему).

(*Об.* Д.). Говорятъ, что въ петергофскомъ дворцѣ и теперь еще можно видѣть лукошко, въ которомъ сиживалъ кн. Голицынъ. По мнѣнію г. Лонгинова, это былъ кн. Михаилъ Алексѣевичъ, род. 1689, ум. 1775 г. (См. *Московск. Вѣдомости* 1857 г. №№ 123, 128, 130 и 132). У Анны Іоанновны, по запискамъ Манштейна, было еще пять шутовъ: Лакоста, Педрилло, кн. Волконскій, Апраксинъ и Балакиревъ (тамъ же, № 135).

[31] Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья...

Эта окончательная редакція стиха принадлежитъ Дмитріеву (см. варіантъ е и примѣчаніе къ нему).

[32] .... Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.

Подобное поученіе есть дѣйствительно въ азбукѣ, составленной Екатериною для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина (*Об. Д.*).

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой, 21.
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ [33]?

Фелицы слава — слава бога, 22.
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Эта книжка издана была въ Спб. 1781 г. подъ заглавіемъ: *Россійская азбука для обученія юношества чтенію, напечатанная для общественныхъ школъ по высочайшему повелѣнію* (3 листа, 8^0). Вторая половина ея, названная *Гражданское начальное ученіе*, состоитъ изъ 117 краткихъ наставленій, между которыми одно (108-е) заключается въ слѣдующемъ разсказѣ: «У Діогена нѣкто спросилъ: какъ отмстить тому, кто его злословилъ? Діогенъ въ отвѣтъ сказалъ: Не твори худо — злословника лжецомъ сотворишь» (См. *Соч. Екат. II*, т. I, стр. 179, и Russ. Bibl., ч. VII, стр. 337). Въ 1783 книжка эта перепечатана въ Москвѣ.

[33] Кто благостью великъ, какъ Богъ.

Понятіе Державина о кротости Екатерины совершенно согласно съ съ духомъ ея *Наказа*, въ которомъ наприм. говорится въ гл. VIII (о наказаніяхъ, статья 85): «Искусство (*опытъ*) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими».

Который даровалъ свободу 23.
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать и прясть и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки[34],
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница 24.
Даютъ и милости и судъ[35].

[34] Велитъ любить торги, науки.

Державинъ давно уже пробовалъ тѣ пріемы и тоны, которые наконецъ такъ удались ему въ Фелицѣ. Такъ въ 1775 г. въ одной изъ *Читалагайскихъ одъ* (которыя читатель найдетъ въ другомъ томѣ; см. наше Предисловіе): *На день рожденія ея величества* онъ уже собираетъ черты дѣлъ Екатерины и между прочимъ говоритъ (строфа 9-я):

Торги, художества, *науки*,
За милости воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ.

Какъ 23-я строфа *Фелицы*, такъ и предыдущая, относятся къ разнымъ благимъ и человѣколюбивымъ учрежденіямъ, возникшимъ въ тогдашнее мирное время. Между прочимъ Екатерина подтвердила данную дворянству Петромъ III свободу путешествовать по чужимъ краямъ; издала указъ о правѣ землевладѣльцевъ разрабатывать въ собственную пользу золото и серебро въ своихъ участкахъ; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; распространила право собственности владѣльцевъ на лѣса, въ дачахъ ихъ растущіе; разрѣшила свободное занятіе мануфактурами и торговлею и проч. (*Об.* Д.).

[35] Даютъ и милости и судъ.

Ср. у Ломоносова въ 7-й одѣ, строфа 10 (Смирд. изд., ч. I, стр. 89), обращеніе къ Елисаветѣ Петровнѣ:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинность съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ? 25.
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь, —
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя[36]
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго пророка, 26.
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока[ж]
И лицезрѣнья наслаждусь.

[ж] Да сладкаго твоихъ словъ тока.

---

[36] .... бешметя.

Бешметь, или *бешметъ* — татарское стеганое полукафтанье. Слово это Державинъ долженъ былъ узнать еще въ дѣтствѣ, живя въ казанскомъ и оренбургскомъ краѣ. Оно извѣстно и на Кавказѣ и встрѣчается нѣсколько разъ у Лермонтова въ *Героѣ нашего времени*, напр. «Удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами» (изд. 1840 г., ч. I, стр. 103). Бешметъ носятъ и женщины: «Бела сидѣла на кровати въ черномъ шелковомъ бешметѣ» (тамъ же, стр. 74).

Небесныя прошу я силы [3],
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ [38]!

[3] Прошу небесныя я силы.
Уже *Любословъ* (см. примѣч къ варіанту е) замѣтилъ какофонію этого стиха, который однакожъ исправленъ не прежде какъ въ изданіи 1808 г.

---

[37] Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

По поводу этихъ двухъ стиховъ критикъ, упомянутый въ примѣчаніяхъ 10-мъ и 23-мъ, замѣтилъ: «Звуки блистать не могутъ: звѣздамъ свойственно блистать, а звукамъ гремѣть. Я думаю, что всѣ метафоры должны быть основаны на возможности дѣйствительной или мысленной».— «Въ натуральномъ смыслѣ», отвѣчалъ Державинъ, «конечно, звѣзды блистаютъ, а звуки звучатъ; но въ витіеватомъ или фигуральномъ, а особливо стихотворцы въ пренесеніи одного свойства къ другому, несходственному или совсѣмъ противному, то есть въ метафорахъ, обыкновенно говорятъ, напримѣръ, вмѣсто *славныя дѣла отличаются* — *славныя дѣла блистаютъ*, *красота сіяетъ*, *пламень жретъ*, *земля стонетъ*, хотя первая лучей, второй зѣва, а третья гласу не имѣютъ, подобно какъ брега — рукъ, а г. Ломоносовъ написалъ: *брега Невы руками плещутъ*» * и т. д. (См. возраженіе Державина *Невѣждѣ* между сочиненіями его въ прозѣ).

* 2-я ода Ломоносова, строфы 1 и 26. Ср. у него же оду 17, строфу 16.

Приложеніе къ одѣ: «Фелица».

ЭСКИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНО ЗАДУМАННОЙ ОДЫ КЪ ЕКАТЕРИНѢ *.

Ты, которая одна, безъ помощи министра, по примѣру боговъ, держишь все своею рукою и видишь все своими глазами!

Великая государыня, если я до сихъ поръ изъ благоразумія пребывалъ въ почтительномъ молчаніи и тебя не хвалилъ, такъ это не отъ того, чтобъ мое сердце колебалось вскурить тебѣ должный ѳиміамъ; но я мало умѣю хвалить, и моя трепещущая Муза убѣгаетъ столь чрезмѣрной тягости и, не будучи въ силахъ говорить достойно о твоихъ великихъ дѣлахъ, боится, коснувшись твоимъ лаврамъ, чтобъ ихъ не засушить.

Я не ослѣпляюсь тщетнымъ желаніемъ и умѣряю мой полетъ по моимъ слабымъ силамъ, и моимъ молчаніемъ разумнѣе тѣхъ отважныхъ смертныхъ, которые недостойною жертвою оскверняютъ твои алтари; которые въ семъ полѣ, куда ихъ корысть заводитъ, безъ силъ и духа смѣютъ пѣть твое имя и которые всякой день безобразнымъ голосомъ наводятъ тебѣ скуку, разсказывая тебѣ о собственныхъ твоихъ дѣлахъ.

---

* Этотъ эскизъ найденъ нами въ бумагахъ Державина и написанъ на особомъ листкѣ собственной его рукою; судя по характеру почерка, онъ относится еще къ семидесятымъ годамъ (ср. выше, стр. 147, примѣч. 34 къ *Фелицѣ*). Весьма замѣчателенъ выраженный въ немъ взглядъ Державина на отношеніе его, какъ поэта, къ Екатеринѣ и на долгъ искренности въ похвалахъ сильнымъ. Это какъ бы авторская исповѣдь *пѣвца Фелицы*.

Исчислимъ здѣсь всѣ тѣ стихотворенія Державина, которыя были написаны имъ до *Фелицы* въ честь Екатерины II:

1767 г. Надпись на шествіе ея въ Казань.
» на маскарадъ, бывшій въ Казани.
» на поднесеніе ей титула Великой.
Ода Екатеринѣ II.
1772. * Надпись на побѣды ея надъ Турками. Отрывокъ.
1775. Двѣ изъ Читалагайскихъ одъ.
1776. Надпись на открытіе намѣстничествъ.
1779. Пѣснь Екатеринѣ Великой.
1780. * Ода на отсутствіе ея въ Бѣлоруссію.

Только двѣ пьесы, отмѣченныя звѣздочками, напечатаны въ этомъ томѣ; остальныя будутъ помѣщены между неизданными сочиненіями.

Я не дерзаю опорочивать въ нихъ желаніе тебѣ нравиться; но къ чему, не имѣвъ силъ, безъ пользы трудиться и, тебя не похваляя, себя лишь обезславить?

Чтобъ плесть хвалы, то должно быть Виргилію.

Я не могу богамъ, не имѣющимъ добродѣтели, приносить жертвы и никогда и для твоей хвалы не скрою моихъ мыслей: и сколь твоя власть ни велика, но если бы въ семъ мое сердце не согласовалось съ моими устами, то бъ никакое награжденіе и никакія причины не вырвали бъ у меня ни слова къ твоей похвалѣ.

Но когда я тебя вижу съ благороднымъ жаромъ трудящуюся въ исполненіи твоей должности, приводящую въ стыдъ государей, труда трепещущихъ и которыхъ тягость короны угнетаетъ; когда я тебя вижу разумными распоряженіями обогащающую твоихъ подданныхъ; гордость непріятелей ногами попирающую, намъ море отверзающую, и твоихъ храбрыхъ воиновъ — споспѣшествующихъ твоимъ намѣреніямъ и твоему великому сердцу, все подъ власть Орла покоряющихъ; Россію — подъ твоей державою счастіемъ управляющую, и наши корабли — Нептуна презирающихъ и досягающихъ мѣстъ, откуда солнце бѣгъ свой простираетъ: тогда, не спрашивая, нравится ль то Аполлону, моя Муза въ жару меня предупреждаетъ и тебя хвалитъ.

XXX. НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ КНЯГИНИ Е. Н. ОРЛОВОЙ[1].

1782.

Какъ ангелъ красоты, являемый съ небесъ,
Пріятностьми она и разумомъ блистала[a],
Съ нѣжнѣйшею душой геройски умирала,
Супруга и друзей повергла въ море слезъ[2].

[a] Пріятностьми лица и разума блистала.

---

[1] Екатерина Николаевна, урожденная Зиновьева, была съ 1777 г. въ замужствѣ за княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ. Императрица пожаловала ей званіе статсъ-дамы и Екатерининскій орденъ. Она родилась 19 декабря 1758 г., а умерла 16 іюня 1782 въ Лозаннѣ.

Эти стихи, встрѣчающіеся нѣсколько разъ въ рукописяхъ Державина, были напечатаны въ майской книжкѣ *Московскаго журнала* за 1792 г. (ч. VI, стр. 181). Ихъ сообщилъ Карамзину, не называя автора, кто-то подписавшійся *Өеостигъ Филетеръ*, при *Письмѣ къ издателю*, въ которомъ онъ такъ отзывается о Державинѣ: «Вотъ надпись, сочиненная дражайшимъ сердцу моему, стариннымъ моимъ другомъ и новымъ благодѣтелемъ, коего душа красотою своею подобна душѣ, въ сей надписи имъ воспѣтой. Перо его вамъ извѣстно. Оно украсило стихами нѣкоторыя книжки вашего журнала».

О самой же Орловой сказано въ этомъ письмѣ: «Путешественникъ вашъ, будучи въ Лозаннѣ, благословилъ память покойной княгини Екатерины Николаевны Орловой надъ воздвигнутымъ ей монументомъ; а я, читая письмо его, оросилъ оное слезою, извлеченною чувствованіемъ благодарности и безпредѣльнаго почтенія къ покойной. *Она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!* Правда. Красота ея изображала прекрасную ея душу».

[2] Супруга и друзей повергла въ море слезъ.

Когда князь Орловъ лишился своей достойной супруги, глубокое уныніе овладѣло имъ. Онъ скончался въ слѣдующемъ году 13 апрѣля (*Словарь достоп. людей*, Бантышъ-Каменскаго, Москва, 1836 г., ч. IV, стр. 52).

XXXI. БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦѢ[1].

Предшественница дня златаго, 1.
Весення утрення заря,
Когда изъ понта голубаго
Ведетъ къ намъ звѣзднаго царя, —

[1] Написана вскорѣ по полученіи подарка за оду *къ Фелицѣ* (см. выше примѣч. 1 къ этой одѣ, стр. 131) и появилась тогда же во II-й части *Собесѣдника*, вышедшей 24 іюня 1783 г. (стр. 142); перепечатана въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 83, и 1808, ч. I, xIII.

Румяный взоръ свой осклабляетъ
На чела горъ, на лоно водъ,
Багрянымъ златомъ покрываетъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылаты кони по эѳиру 2.
Летятъ и разсѣкаютъ мракъ;
Любезное свѣтило міру
Пресвѣтлый свой возноситъ зракъ;
Бѣгутъ толпами тѣни черны.
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещетъ брегъ въ рѣкѣ зеленый,
Тамъ свѣтятъ перлы по лугамъ;

Тамъ степи, какъ моря, струятся, 3.
Сѣдымъ волнуясь[а] ковылемъ[2];
Тамъ тучи журавлей[б] стадятся,
Валторнъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеститъ:

[а] Сѣдымъ колеблясь ковыломъ (1783).
[б] Тамъ тучи лебедей . . . (1783 и 1798).

Для объясненія заглавнаго рисунка приведены въ рукописяхъ первые четыре стиха этой оды, и къ нимъ прибавлено: «Заря съ поспѣшностію несетъ свѣтильникъ міра и ведетъ Фебовыхъ коней». О заключительномъ рисункѣ сказано: «Геній стихотворства идетъ поспѣшно лирою возгласить великую Фелицу». Оба — работы Оленина и обозначены словами: *Съ древняго камня.*

[2] Сѣдымъ волнуясь ковылемъ.

«Въ степяхъ трава *ковылъ* цвѣтетъ подобно бѣлому пушистому льну и колеблется при случаѣ вѣтра, какъ волны» (*Собесѣдникъ*). Въ народной рѣчи мѣстами произносятъ *ковылъ*, а не *ковыль;* уже въ изданіи 1798 года употреблена послѣдняя форма, какъ общепринятая въ литературномъ языкѣ. *Волнуясь* вмѣсто прежде стоявшаго тутъ слова *колеблясь* (см. варіантъ а) предложено И. И. Дмитріевымъ.

Мое такъ сердце благодарно
Къ тебѣ усердіемъ горитъ —

Къ тебѣ усердіемъ, Фелица, 4.
О кроткій ангелъ во плоти[3],
Которой разумъ и десница
Намъ кажутъ къ счастію пути!
Когда тебѣ въ нелицемѣрномъ
Угодна слогѣ простота,
Внемли.... Но въ чувствіи безмѣрномъ
Мои безмолвствуютъ уста.

Когда поверхъ струистой влаги 5.
Благопріятный дунетъ вѣтръ,
Попутны вострепещутъ флаги
И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
За кораблемъ сребро грядою:
Тогда испустятъ гласъ пловцы
И съ восхищенною душою
Вселенной полетятъ въ концы.

Когда небесный возгорится 6.
Въ піитѣ огнь, онъ будетъ пѣть;
Когда отъ бремя дѣлъ случится[в]
И мнѣ свободный часъ имѣть[4], —

[в] Когда отъ должности случится.

---

[3] О кроткій ангелъ во плоти.

Ср. ниже, стр. 166, стихъ 130 въ *Видѣніи мурзы:*

Мой богъ, мой ангелъ во плоти.

[4] .... И мнѣ свободный часъ имѣть.

Тогдашній начальникъ Державина, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій не любилъ поэзіи и говорилъ про тѣхъ, которые писали стихи: «Когда имъ заниматься дѣлами, когда у нихъ риѳмы на умѣ?» и вообще онъ ду-

Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты;
Тогда ко мнѣ пріидутъ Музы,
И лирой возгласишься ты.

малъ, что стихотворцы къ дѣламъ неспособны (*Об.* Д.). Припомнимъ для сравненія начало 6-й строфы оды на *Новый Годъ*, подъ 1781 годомъ (стр. 119):

Отъ должностей въ часы свободны
Пою *и т. д.*

и примѣчаніе къ этому стиху.

XXXII. ВИДѢНІЕ МУРЗЫ [1].

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она

[1] Эту оду Державинъ написалъ для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводились на него за *Фелицу*, оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую противъ него зависть. Въ *Объясненіяхъ* своихъ онъ очень опредѣленно означаетъ день сочиненія *Ви-*

Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ. 8.

дѣнія мурзы, именно 9 мая 1783 г.; но это показаніе сомнительно, потому что I-я книжка *Собесѣдника*, въ которой напечатана была *Фелица*, появилась не прежде 20 мая; *Видѣніе* же *мурзы* могло быть написано только спустя нѣсколько времени: не должно ли, вмѣсто *мая*, читать *іюня?* Нельзя думать, чтобъ ошибка относилась къ году, ибо пьеса должна была быть написана тогда, когда впечатлѣнія, произведенныя *Фелицею*, были еще свѣжи*. *Видѣніе мурзы*, по рѣзкости нѣкоторыхъ выходокъ противъ сильныхъ людей, не могло быть напечатано тогда же; притомъ оно оставалось долго неконченнымъ. Въ *Запискахъ* своихъ (*Русск. Бес.*, стр. 246) Державинъ говоритъ, что кончилъ эту оду, такъ же какъ и оду *Богъ*, въ Нарвѣ, куда онъ ѣздилъ весною 1784 г. По *Запискамъ* же *Дмитріева* (*Москвитянинъ* 1842, № 1) она не была кончена еще и тогда, когда началось знакомство обоихъ поэтовъ, т. е. въ 1790. М. А. Дмитріевъ прибавляетъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту *Записокъ* своего дяди, что послѣдніе два стиха оды придуманы были Иваномъ Ивановичемъ. Въ письмѣ отъ 12 ноября 1790 года Карамзинъ писалъ Державину (см. переписку нашего поэта подъ этимъ годомъ): «Чрезъ Ивана Ивановича Дмитріева получилъ я окончаніе *Видѣнія мурзы*, за которое васъ покорнѣйше благодарю. Могу ли сію въ своемъ родѣ прекрасную піесу напечатать въ январѣ или въ февралѣ мѣсяцѣ» (будущаго года)? Дѣйствительно, она появилась въ I-й книжкѣ *Московскаго журнала* 1791 (стр. 8), а въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (февралѣ) была перепечатана въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, издававшихся при петербургской академіи наукъ (1791, ч. LVI, стр. 3). Въ 1792 г. *Видѣніе мурзы* было напечатано и отдѣльно, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ (Коцебу), который прежде вышелъ особо и тогда съ похвалою былъ заявленъ Карамзинымъ въ *Московск. журналѣ* за августъ 1792 г. (ч. VII, стр. 254. Ср. Смирд. *Роспись*, № 8085). Въ слѣдующемъ, 1793, году Шторхъ перепечаталъ этотъ переводъ въ изданной имъ книгѣ Gemählde von St.-Petersburg, при обозрѣніи русской литературы, и сказалъ по это-

* Впрочемъ, если принять въ соображеніе, что первый листъ *Собесѣдника*, занятый *Фелицею*, былъ представленъ государынѣ тотчасъ по отпечатаніи его и что Державинъ могъ получить отъ нея награду еще до выхода I-й книжки, которая была уже совсѣмъ готова 12 мая, то можно допустить, что *Видѣніе мурзы* было н а ч а т о въ означенный поэтомъ день (О началѣ *Собесѣдника* см. *Спб. Вѣдом.* 1783 г., №№ 30, 33, 38 и 40, и XVI ч. самаго журнала, стр. 6—10).

Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ [a];
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку

[a] Мечты и грезы разсыпалъ (1791 *).

му поводу объ авторѣ оды (ч. II, стр. 231): «Между живущими нынѣ поэтами по видимому ни одинъ не можетъ такъ справедливо разсчитывать на безсмертіе, какъ г. Державинъ, столько же уваженія заслуживающій государственный мужъ, патріотъ и другъ человѣчества, какъ и любви достойный писатель. При неутомимой дѣятельности на обширномъ и важномъ поприщѣ онъ еще находитъ возможность посвящать свободныя минуты музамъ и обогащать отечественную литературу произведеніями своего оригинальнаго, усовершенствованнаго высшимъ образованіемъ таланта. Своебытность, тонкость и изящество составляютъ отличительныя черты этого писателя; неподражаемы гармонія его дикціи и благозвучіе его легкаго стиха; онъ умѣлъ сочетать роскошнѣйшее воображеніе съ самымъ очищеннымъ вкусомъ. Такъ судятъ о немъ знатоки».

Видѣніе мурзы помѣщено въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 86, и 1808, ч. I, XVI.

Первый изъ приложенныхъ къ одѣ рисунковъ (Олен.) обозначенъ въ рукописяхъ двумя стихами ея (61 и 63): «Сошла — и жрицей очутилась. Одежда бѣлая струилась». Послѣдній рисунокъ объясненъ тамъ же примѣчаніемъ: «Вѣчность несется въ поднебесную съ именемъ великой царевны, отъ которой авторъ ожидаетъ безсмертія».

* Этимъ годомъ означаемъ мы варіанты изъ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій*, такъ какъ тамъ пьеса напечатана сходнѣе съ рукописями, нежели въ *Московскомъ журналѣ*, гдѣ иное измѣнено, кажется, Карамзинымъ, напр. поставлено *зрѣлась* вмѣсто *зрилась* (см. варіантъ і). Вѣроятно эти перемѣны не понравились Державину и были поводомъ къ перепечаткѣ стихотворенія въ другомъ журналѣ.

На высотѣ и въ глубинѣ[б];
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ», воспѣлъ я, «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ,
Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира[2]
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды[в]!
Блаженъ и тотъ, кому царевны[г]
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ

[б] На вышинѣ и глубинѣ.
[в] Часы дѣлить уединенны
Съ нимъ могутъ, скуку и труды.
[г] Блаженъ, какъ если и царевны
Кому какой ни есть орды.

---

[2] Что нѣжная его Плѣнира...
См. выше, стр. 118, примѣчаніе 2 къ одѣ *на Новый Годъ*.

И сreбророзовыхъ свѣтлицъ[3],
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За росказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ[4]!
Блаженъ»!.... Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла — и жрицей очутилась

[3] Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сreбророзовыхъ свѣтлицъ.

Въ царскосельскомъ дворцѣ находится донынѣ одна комната, вся убранная янтаремъ; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбой. Въ *Новыхъ ежемѣс. соч.* (см. выше стр. 158) напечатана противъ этихъ стиховъ такая выноска: «Древніе лѣтописцы увѣряютъ, что у сей царицы были преудивительныя палаты, какъ то: сафирозолотыя, сreбророзовыя и янтарныя. Знать, она жила чистенько». Послѣднее, шуточное замѣчаніе, исключенное въ *Московскомъ журналѣ*, было заимствовано изъ *Сказки* Екатерины *о царевичѣ Февеѣ* (см. ниже подъ этимъ же годомъ примѣчаніе 1 къ одѣ *Рѣшемыслу*), въ которой говорится про царя Тао-ау, что «при дворѣ его все было прилично его сану, *чистенько*».

[4] И въ досканцахъ червонцы шлютъ.

Намекъ на золотую табакерку съ 500 червонцевъ, пожалованную Державину вскорѣ послѣ появленія оды *къ Фелицѣ*. Въ старину, когда въ Россіи табаку еще не нюхали и табакерокъ не знали, употреблялись ящички другаго рода или *досканцы*, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя мелкія принадлежности женскаго туалета (*Об.* Д.). Такой ящичекъ (boîte à mouches) императрица Елисавета Петровна носила въ карманѣ своего платья (Mém. de Cath. II, стр. 156).

Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась[5]
На ней серебряной волной,
Градская на главѣ корона[6],
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона[7],
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру[8];

[5] Одежда бѣлая струилась....
.... Держалъ, какъ будто бы уснувъ.

Эти стихи (63—82) содержатъ описаніе портрета, сдѣланнаго, по мысли Н. А. Львова, извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ для графа Безбородко; нынѣ этотъ портретъ находится въ императорской публичной библіотекѣ, которой онъ былъ предоставленъ министерствомъ двора по ходатайству бывшаго директора ея, барона М. А. Корфа. Въ VI-й части *Собесѣдника* (стр. 18) самъ Левицкій, въ отвѣтъ на стихи Богдановича, напечатанные въ IV-й части этого журнала, такимъ образомъ описалъ этотъ портретъ: «Средина картины представляетъ внутренность храма богини правосудія, передъ которою, въ видѣ законодательницы, е. и. в., сжигая на алтарѣ маковые цвѣты, жертвуетъ своимъ покоемъ *для общаго покоя.* Вмѣсто обыкновенной императорской короны увѣнчана она лавровымъ вѣнцомъ, украшающимъ гражданскую корону, возложенную на главѣ ея. Знаки ордена св. Владиміра изображаютъ отличность знаменитою за понесенные для пользы отечества труды, коихъ лежащія у ногъ законодательницы книги свидѣтельствуютъ истину. Побѣдоносный орелъ покоится на законахъ и, вооруженный перуномъ стражъ, рачитъ о цѣлости оныхъ. Вдали видно открытое море и на развѣвающемъ россійскомъ флагѣ изображенный на военномъ щитѣ Меркуріевъ жезлъ означаетъ защищенную торговлю».

[6] Градская на главѣ корона.

Слово *градская* употреблено здѣсь вмѣсто *гражданская.* Ср. предыдущее примѣчаніе.

[7] .... Изъ черноогненна виссона.

Виссонъ (у Грековъ byssos) — тонкая драгоцѣнная ткань у древнихъ, особливо въ Египтѣ, составъ которой объясняется различно.

[8] Висѣлъ на лѣвую бедру.

Лента владимірскаго ордена, который императрица, по написаніи ею учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя какъ награду за труды свои,

Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя[д] предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій[е] громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла[9].

[д] Сѣдя *и пр.*
[е] Потухлый . . . .

объявивъ себя гросмейстеромъ этого ордена (*Об.* Д.). Учрежденіе о губерніяхъ, изданное 7 ноября 1775 г., приводилось въ исполненіе мало по малу. Орденъ св. Владиміра былъ учрежденъ въ 1782 г. въ день коронованія императрицы. Изъ устава его (*Полн. собр. зак.*, т. XXI, № 15.515) не видно того, что̀ утверждаетъ Державинъ; тамъ упомянуто только, что этотъ орденъ учреждается по поводу истеченія двадцати лѣтъ царствованія Екатерины.

[9] Богиня на меня воззрѣла.

Державинъ вспоминаетъ, какъ онъ былъ представленъ государынѣ за оду *къ Фелицѣ*. Представленіе было въ воскресенье, въ Кавалергардской комнатѣ Зимняго дворца, при многихъ другихъ лицахъ. Государыня, остановясь поодаль отъ него, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ съ ногъ до головы и наконецъ подала ему руку. Ея величественнаго вида при этомъ онъ никогда не могъ забыть (*Об.* Д.). Подъ впечатлѣніемъ этой минуты Державинъ задумалъ стихи, которые остались неконченными. Мы нашли ихъ въ его рукописяхъ на особомъ листкѣ набросанными весьма поспѣшно и приводимъ здѣсь (ср. 26-ю строфу *Фелицы*):

Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла! —
«Мурза»! она вѣщала мнѣ:
«Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный [10],
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести [11]

Молитва принята пророкомъ,
Достигъ мой гласъ его ушесъ.
Фелица! я твоихъ словъ токомъ
И зрѣньемъ насладденъ очесъ.
Въ подножьи твоего престола
Касаяся земнаго дола,
Въ чертогахъ царскихъ золотыхъ
Я лобызалъ прахъ ногъ твоихъ
И зрѣлъ я всю твою вселенну
Съ ужасной трона высоты,
На коемъ душу вознесенну,
Какъ солнце, міру кажешь ты.
Я зрѣлъ....

[10] Вострепещи, мурза несчастный.

Императрица, какъ бы не догадываясь, что похвалы въ *Фелицѣ* относятся къ ней, показывала видъ, будто она удивляется смѣлости, съ какою эта ода написана (*Об.* Д.).

[11] Сей даръ боговъ лишь къ чести.

Этотъ (101-й) стихъ, въ которомъ недостаетъ одной стопы, въ первый разъ явился такимъ въ изданіи 1808 г., вслѣдствіе чего измѣненъ и

И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести [ж]
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта — люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому
Въ вредъ [з] добродѣтели не строй [12];
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала [и].
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ». —
«Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица»?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: «Я — Фелица»!
Рекла — и свѣтлый облакъ скрылъ

[ж] Сей даръ, кромѣ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей,
Не долженъ обращенъ быть къ лести (1791 и 1798).

[з] Для добродѣтели не строй (1791).

[и] Чѣмъ всѣхъ поэтовъ похвала.

стихъ 103-й. Въ прежнихъ изданіяхъ и въ рукописяхъ они читаются такъ, какъ показано въ варіантѣ ж.

[12] . . . Въ вредъ добродѣтели не строй,

т. е. не пой, какъ Сирены, во вредъ добродѣтели. Въ *Московскомъ журналѣ* было напечатано: *На добродѣтели не строй* (Ср. варіантъ з).

От глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась[1],
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
«Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,

[1] Покрыли, гдѣ она мнѣ зрилась,
Мой щитъ, мой ангелъ во плоти.

Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ[13];
Иному — очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ,
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ[14].
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ[к]
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель[15]!
Не лесть я пѣлъ и не мечты[л],
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,

[к] Что не изъ чьихъ чужихъ анбаровъ.
[л] Что только сотворила ты,
Я пѣлъ, чему весь свѣтъ свидѣтель.

---

[13] Что онъ насѣдкой не сидитъ.

Это въ связи съ 8-мъ стихомъ 19-й строфы *Фелицы*.

[14] .... А тотъ соленыхъ огурцовъ.

Намекъ на Потемкина, который только тогда и былъ доволенъ, когда чего дожидался; а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ по имперіи нарочныхъ за арбузами, за огурцами и т. п. (*Об.* Д.)

[15] .... вѣнценосна добродѣтель.

Это же выраженіе встрѣчается въ одахъ: *На пріобрѣтеніе Крыма* подъ 1784-г. (строфа 3) и *На шведскій миръ* подъ 1790 (строфа 8).

И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю[16]
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ»[17]!

[16] .... Какъ солнце, какъ луну, поставлю.

«Древніе поэты героевъ своихъ помѣщали въ число созвѣздій и свѣтилъ небесныхъ» (Примѣч. въ *Московск. журналѣ*).

[17] «Въ *Видѣніи мурзы* Державинъ остановился на предпослѣднихъ двухъ «стихахъ и не зналъ, чѣмъ кончить. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ сказалъ «ему шутя: Я бы вотъ чѣмъ кончилъ:

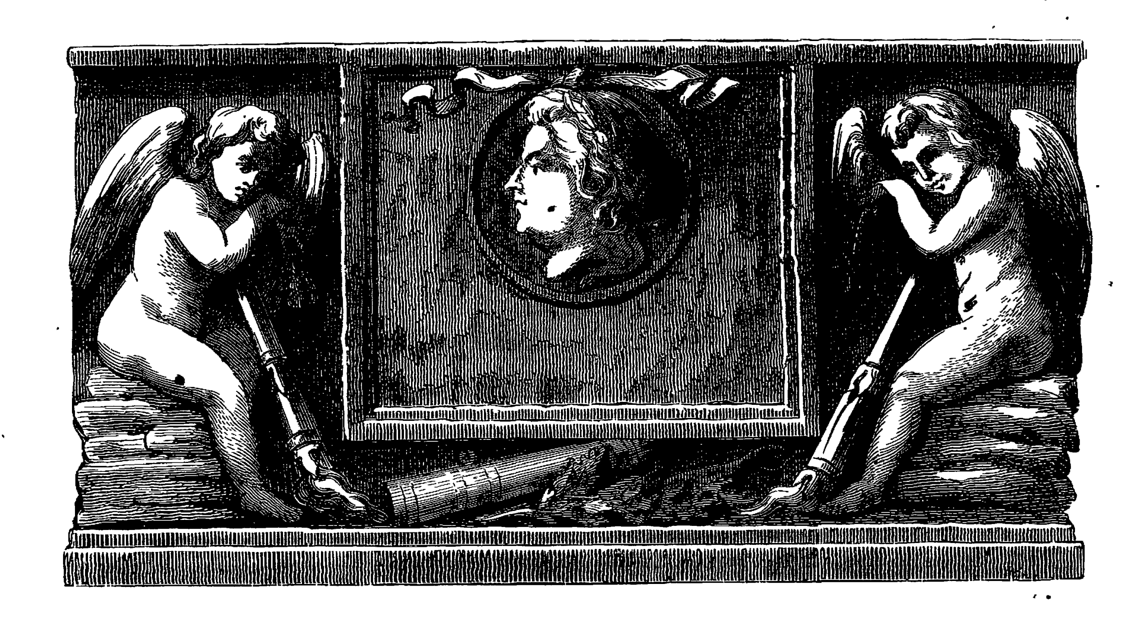
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

«Эти два стиха очень полюбились Державину; онъ приписалъ ихъ и «ими заключилъ неконченную пьесу» (Мих. Дмитріевъ. См. выше, стр. 158, въ примѣчаніи). Объ этомъ М. А. Дмитріевъ разсказываетъ также въ брошюрѣ: *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 19. Изъ рукописей этого не видно. Самый старый списокъ *Видѣнія мурзы* находится въ тетради 1790-хъ годовъ. Здѣсь вся пьеса переписана постороннею рукою и нѣкоторые стихи исправлены И. И. Дмитріевымъ, а другіе Капнистомъ. Но мы нашли въ рукописяхъ Державина первоначальный эскизъ этой оды, писанный очень неразборчиво собственною его рукой. Начало — въ стихахъ, но еще совершенно неотдѣланныхъ, частью даже неимѣющихъ мѣры; далѣе мысли набросаны прозою, очевидно въ сильномъ увлеченіи, безъ всякой предварительной работы. Предполагая помѣстить большую часть этого любопытнаго эскиза при *Объясненіяхъ* Державина (см. тамъ *Видѣніе мурзы*), мы представляемъ здѣсь только начало его, съ означеніемъ цифрами тѣхъ стиховъ окончательной редакціи оды, которые здѣсь уже являются въ зародышѣ. Одинъ не вполнѣ разобранный стихъ замѣняемъ точками.

Такъ и ты, богоподобная,
. . . .
О кроткая и незлобная!
Перуны сердцу, мыслямъ, духу (стихъ 140)
Въ твоихъ даже мечтахъ являешь
И пламени души моей (142)

И ты, и ты не одобряешь; (143)
Но много безъ тебя людей (144)
Стихи мои считаютъ лестью. (152—153)
Я ими нажилъ тьму враговъ: (154)
Иной то счелъ себѣ къ безчестью, (155)
Что не дерутъ его усовъ; (156)
Иной, что я въ мои пирушки
Капусты кислой не досталъ;
Иной, что для чего не въ чушки,
А только въ карты я игралъ.
Другому то не показалось,
Что живъ въ твоихъ законахъ Богъ;
Другому пагубой моей казалось,
Что я не лобзаю праха твоихъ ногъ,
Что не удостоился твоего лица зрѣть,
Что не насказалъ словесъ,
Что ты ко мнѣ ни строчки не писала
И въ ссылку уже послала.
Но пусть идетъ свѣтъ на свой конецъ (?),
А моя теперь должна доказать Муза, (167)
Что я подлинно не былъ и не есть льстецъ, (168)
Что росказней и растабаровъ (49)
Къ тебѣ я въ виршахъ не писалъ
И ни изъ чьихъ чужихъ анбаровъ (171)
Тебѣ похвалъ я не укралъ.
Но, вѣнценосна добродѣтель, (173)
Что̀ только сотворила ты, (174; см. вар. л).
Чему весь свѣтъ свидѣтель, (175)
То въ томъ мои всѣ красоты.... (176)

XXXIII. РѢШЕМЫСЛУ[1].

—

Веселонравная, младая, 1.
Нелицемѣрная, простая,

[1] Княгиня Дашкова, будучи директоромъ академіи наукъ и издавая *Собесѣдникъ*, желала, въ угожденіе императрицѣ, «сдѣлать въ своемъ журналѣ привѣтствіе Потемкину» и просила Державина написать что-нибудь въ честь ему. Исполняя эту просьбу, поэтъ назвалъ вельможу *Рѣшемысломъ* по имени лица, выведеннаго Екатериной въ *Сказкѣ о царевичѣ Февеѣ* и подъ которымъ она разумѣла Потемкина (*Об.* Д.). Эта сказка, какъ и выше названная *о царевичѣ Хлорѣ*, была написана въ назиданіе великаго князя Александра Павловича, издана же въ 1782 г. Въ ней описывается мудрое воспитаніе и успѣшное развитіе въ разумѣ и смиренномудріи молодаго Февея отъ дѣтства его до женитьбы. Настоящее стихо-

Подруга Флаккова[2] и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь,
О Муза! славить Рѣшемысла.

Приди, иль въ облакѣ спустися, 2.
Или хоть въ санкахъ прикатися[a]
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ,
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ сибирскихъ, хладомъ строгихъ[3].

[a] Иль хочешь, въ санкахъ... (1783).

твореніе было тогда же напечатано на первыхъ страницахъ VI части *Собесѣдника* подъ заглавіемъ: Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подражаніемъ одѣ къ Фелицѣ 1783 году. Подъ послѣдней строфою было подписано: «*сочинялъ З....*»; заглавіе же объяснено выноскою: «Рѣшемыслъ былъ ближній вельможа *Таоау*, царя китайскаго, котораго супруга, то есть царица, ѣзжала на оленяхъ златорогихъ и одѣвалася соболиными одѣялами, о чемъ читатель можетъ достовѣрнѣе выправиться въ книжкѣ о царевичѣ Февеѣ, напечатанной въ здѣшней академіи прошлаго 1782 года, которая повѣсть и взята въ основаніе сей оды». Это стихотвореніе помѣщено въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 129; 1808, I, xxii.

Приложенный здѣсь къ заглавію рисунокъ (Олен.) сдѣланъ уже послѣ смерти Потемкина, въ рукописи, поднесенной государынѣ въ 1795 году; потому-то его изображеніе и представлено на гробницѣ.

[2] Подруга Флаккова....

Это выраженіе показываетъ, что Державинъ, по примѣру современныхъ ему германскихъ поэтовъ, сознательно подражалъ Горацію, что̀ мы уже видѣли въ одахъ *Ключъ* и *На смерть князя Мещерскаго*, подъ 1779 г. У римскаго поэта перенялъ онъ сатирическій и нравоучительный характеръ, который съ означеннаго времени сталъ болѣе прежняго отличать его поэзію.

[3] Въ странахъ сибирскихъ, хладомъ строгихъ.

Въ *Сказкѣ о Февеѣ* разсказано, что у какого-то сибирскаго народа на Иртышѣ былъ царь китайскаго происхожденія, по имени Тао-ау; его

Приди, и на своей свирѣли 3.
Не онаго пой мужа, древле
Служившаго царицѣ той,
Которая въ здоровьи маломъ[4]
Блистала славой и красой
Подъ соболинымъ одѣяломъ;

Но пой ты, пой здѣсь Рѣшемысла, 4.
Великаго вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится[5]

прекрасная супруга ѣзжала на златорогихъ оленяхъ: «посадили ее въ сани, запряженныя шестью оленями; у оленей рога были вызолочены, хомуты же горностаевы съ яхонтовыми пряжками».

[4] .... царицѣ той,
Которая въ здоровьи маломъ *и проч.*

Сибирская царица часто хворала, пока жила въ нѣгѣ, пила и кушала не вовремя и спала днемъ подъ лисьимъ одѣяломъ. Въ сказкѣ говорится: «Нашли ее лежащею, протянувъ ноги на постелѣ мягкой, покрыта была одѣяломъ бархата краснаго, подбито одѣяло чернолисьимъ мѣхомъ. Цвѣтъ лица ея былъ блѣденъ, глаза слабости крайней, жаловалась ломомъ въ ногахъ, безсонницею и отвращеніемъ отъ всякой пищи. Онъ (*врачъ*) навѣдался о образѣ ея жизни, услышалъ, что царица лежитъ день и ночь въ теплой горницѣ, не дѣлаетъ движенія ни малѣйшаго и воздухомъ свѣжимъ не пользуется, кушаетъ же повсечасно что ни вздумаетъ, спитъ днемъ, ночь пробалагуриваетъ съ барынями и барышнями, кои попеременно гладятъ ей ноги и сказываютъ ей сказки, либо вѣсти кто что дѣлаетъ или не дѣлаетъ, кто что говоритъ или не говоритъ». Въ этихъ чертахъ государыня слегка пошутила на счетъ предмѣстницы своей, императрицы Елисаветы, которая мало занималась дѣлами, блистая славой и красотой и любя роскошь (*Об.* Д.). «У императрицы не было опредѣленныхъ часовъ ни для отхода ко сну, ни для вставанья, ни для обѣда, ни для ужина, ни для туалета» (Mém. de Cath. II, стр. 218).

[5] .... Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится *и проч.*

Здѣсь разумѣется Екатерина II, которая обыкновенно вставала уже въ 7-мъ часу утра и почти никогда не ложилась въ полдень отдыхать (*Об.* Д.). Въ *Сказкѣ о Февеѣ* бояринъ Рѣшемыслъ привелъ къ своей хворой царицѣ

Для блага области своей
И спать въ полудни не ложится;

Которая законы пишетъ, 5.
Любовію къ народу дышитъ,
Плѣнитъ сосѣдей безъ оковъ;
Военны отвращая звуки,
Даритъ и счастье и покровъ
И не сидитъ поджавши руки.

Сея царицы всепочтенной, 6.
Великой, дивной, несравненной
Сотрудниковъ достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ея вельможъ превозносить
И осыпать ихъ вкругъ цвѣтами.

Ты, Муза, съ самыхъ древнихъ вѣковъ 7.
Великихъ, сильныхъ человѣковъ
Всегда умѣла поласкать;
Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ[6]
И въ басняхъ правду представлять:
Представь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ.

Скажи, скажи о семъ героѣ, 8.
Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,
Каковъ умомъ, каковъ душой,
Каковъ и всякими дѣлами;

врача, по совѣту котораго она перемѣнила образъ жизни и совершенно поправилась въ здоровьи, такъ что у ней даже родился сынъ, прозванный *Февеемъ*, т. е. краснымъ солнышкомъ.

[6] Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ...

Намекъ на сатирическіе разсказы, которые императрица помѣщала въ *Собесѣдникѣ* подъ заглавіемъ *Были и небылицы.*

Скажи, и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, такъ стихами.

Бывали прежде дни такіе, 9.
Что люди самые честные
Страшилися близъ трона быть,
Любимцевъ царскихъ убѣгали [7]
И не могли тѣхъ змѣй любить,
Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ хоть выше всѣхъ главою, 10.
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
Но всюду всѣмъ бросаетъ тѣнь [б]:
Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы не былъ онъ полезенъ.

Иной ползетъ, какъ черепаха, 11.
Другому милъ топоръ да плаха:
А онъ паритъ, какъ бы орелъ [в],
И все съ высотъ далече видитъ;
Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ [8]
И даже мухи не обидитъ.

Онъ сердцемъ царскій тронъ объемлетъ, 12.
Душой народнымъ нуждамъ внемлетъ

[б] Но всюду онъ бросаетъ тѣнь:
Однимъ онъ милъ, а тѣмъ любезенъ.
[в] А онъ паритъ яко орелъ:
Онъ все съ высотъ....

---

[7] Любимцевъ царскихъ убѣгали *и проч.*

Это относится къ Бирону (*Об.* Д.).

[8] Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ.

Хотя Державинъ въ своихъ стихахъ иногда и шутилъ на счетъ Потемкина, но этотъ вельможа никогда не дѣлалъ ему зла и даже подъ ко-

И правду между ихъ хранитъ;
Отечеству онъ вѣрно служитъ,
Монаршу волю свято чтитъ,
А о себѣ никакъ не тужитъ;

Не ищетъ почестей лукавствомъ, 13.
Мздоимнымъ не прельщенъ богатствомъ,
Не жаждетъ тщетно санъ носить;
Но тщится тѣмъ себя лишь славить,
Что любитъ онъ добро творить
И можетъ счастіе доставить.

Закону Божію послушенъ, 14.
Чувствителенъ, великодушенъ,
Не гордъ, не подлъ и не труслив,
Къ себѣ строжае, чѣмъ къ другому,
Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
Идетъ лишь по пути прямому;

Не празденъ, не лѣнивъ, а точенъ; 15.
Въ дѣлахъ и скоръ и безпороченъ
И не кубаритъ кубарей[9];

нецъ жизни оказывалъ ему особенное расположеніе (*Об.* Д.). «Должно справедливость отдать князю Потемкину, что онъ имѣлъ сердце весьма доброе и былъ человѣкъ отлично великодушный» (*Зап. Держ.*, *Р. Бес.*, стр. 308. — Ср. выше, стр. 135, примѣч. 7 къ *Фелицѣ*).

[9] И не кубаритъ кубарей.

Это выраженіе взято Державинымъ изъ печатавшихся въ *Собесѣдникѣ Былей и небылицъ* Екатерины. Въ одномъ мѣстѣ этихъ разсказовъ оно объяснено слѣдующимъ образомъ: «Всѣ тѣ, кои мѣшкаютъ на одномъ мѣстѣ, не дѣлая ничего или то, въ чемъ нужда не настоитъ, тогда, когда предпріяли или опредѣлили дѣлать что-нибудь иное, какъ то: ѣхать, идти, спать, писать, кушать, или что бъ то ни было такое, а вмѣсто того сидятъ, говорятъ, изъ комнаты въ комнату бродятъ, или съ лѣстницы на лѣстницу всходятъ безъ дѣла, всѣ тѣ люди поступкомъ своимъ походятъ на кубаря: кубарь же кубаритъ» (*Собесѣдн.* ч. III, стр. 139).

Но столько же великъ и дома,
Въ деревнѣ, хижинѣ своей,
Какъ былъ когда метатель грома [10].

Глубокъ и быстръ и тихъ и смѣтливъ, 16.
При всей онъ важности привѣтливъ,
При всей онъ скромности шутливъ;
Въ миру [г] онъ кажется роскошенъ,
Но въ самой роскоши ретивъ
И никогда онъ не оплошенъ;

Хотя бы возлежалъ на розахъ, 17.
Но въ буряхъ, зрояхъ и морозахъ
Готовъ онъ съ лона нѣги встать;
Готовъ среди своей забавы
Внимать, судить, повелѣвать
И молніей летѣть въ храмъ славы.

Другъ честности и другъ Минервы, 18.
Восшедъ на степень къ трону первый,
И безъ подпоръ, собою твердъ,
Ходить умѣетъ по паркету
И, устремяся славѣ вслѣдъ,
Готовитъ миръ и громы свѣту;

Безъ битвъ, безъ браней побѣждаетъ, 19.
Искусство уловлять онъ знаетъ:
Своихъ, чужихъ сердца плѣнитъ.
Я слышу плескъ ему сугубый:

[г] Въ міру... (1798).

---

[10] Какъ былъ когда метатель грома.
Здѣсь разумѣется участіе Потемкина въ первой турецкой кампаніи.

Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шьетъ коты да шубы[11].

Но, Муза! вижу, ты лукава, 20.
Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права:
Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
Вельможей должность[д] представляешь[12]:
Конечно, ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь.

[д] Вельможъ здѣсь долгъ лишь представляешь (1783).
(Этотъ стихъ, какъ и означенный въ варіантѣ а, исправленъ И. И. Дмитріевымъ).

---

[11] Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шьетъ коты да шубы.

Потемкинъ, командуя войсками въ Крыму, позволилъ тамошнимъ Татарамъ выселяться, куда кто захочетъ. Въ облегченіе арміи онъ выпросилъ для нея у императрицы новую покойную форму: военнослужащимъ даны были просторные мундиры, разрѣшено не пудриться и отрѣзать косы, введенныя по прусскому образцу, а зимой носить *коты* и *шубы* (*Об.* Д.).

[12] Вельможей должность представляешь.

Державинъ, не будучи въ то время лично знакомъ съ Потемкинымъ и воздавая ему честь только по желанію княгини Дашковой, хвалилъ въ лицѣ его вообще достоинства вельможи (*Об.* Д.). Въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей къ заглавію оды прибавлены слова: *или изображеніе, каковымъ быть вельможамъ должно.*

XXXIV. ЛЕВЪ И ВОЛКЪ [1].

Волкъ Льву пенялъ, что онъ не сдѣланъ кавалеромъ,
Что Пиѳикъ съ лентою, и съ лентою Оселъ,
А онъ сей почести еще не пріобрѣлъ
И сталъ его къ себѣ немилости [a] примѣромъ,

[a] ... немилостей ... (1783).

---

[1] Уже въ старѣйшей рукописи Державина (1776 г.) находятся три басни; впослѣдствіи онъ написалъ ихъ еще восемнадцать и собралъ въ отдѣльную тетрадь съ видимымъ намѣреніемъ издать всѣ вмѣстѣ. Однакожъ при жизни его была напечатана только одна эта. Она явилась въ VIII-й части *Собесѣдника*, стр. 62, подъ заглавіемъ: Басня: Заслуги свои часто измѣряемъ мы несправедливо, и притомъ съ такимъ примѣчаніемъ, которое очевидно сочтено было нужнымъ для смягченія рѣзкости заключительной идеи: «Смыслъ басни сей выводитъ, что самолюбіе наше употребляетъ разные вѣсы, когда свои или чужія достоинства мы вѣсимъ. Кажется, довольно ясно, что если Пиѳикъ и Оселъ недостойны были отличія, то и Волкъ равно онаго не заслужилъ». Въ позднѣйшихъ тетрадяхъ своихъ Державинъ то распространялъ эту басню, то передѣлывалъ въ ней нѣкоторые стихи. Мы въ своемъ текстѣ представляемъ ее по рукописи 1790-хъ гг., почти безъ всякихъ перемѣнъ противъ текста *Собесѣдника;* въ этой рукописи къ концу басни были прибавлены еще два стиха, послѣ опять зачеркнутые:

А за поступокъ твой съ овцами алчный, грубый,
Не токмо съ лентою, но будь же ты безъ шубы.

Замѣтимъ, что въ позднѣйшей редакціи въ эту басню вмѣсто *Волка* введенъ *Кротъ.*

Вѣроятно, басня эта сочинена на какое-нибудь извѣстное въ то время лицо; но на кого именно, теперь угадать невозможно.

По видимому, она въ нѣкоторой связи съ одною изъ тѣхъ двухъ басень, которыя во всѣхъ изданіяхъ Хемницера печатаются подъ именемъ

Когда ихъ носитъ шутъ да и слуга простой,
А онъ не получилъ донынѣ никакой.
Левъ далъ отвѣтъ: «Вѣдь ты не токмо не служилъ,
Но даже никогда умно и не шутилъ».

чужихъ вслѣдъ за его собственными, именно съ баснею: *Мартышка, обойденная при произвожденіи.* Мартышка жалуется, что Левъ не далъ ей награды, хотя она

«Передъ самимъ царемъ два года съ половиной
Шутила всякій день»...
— Шутила ты вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы было должно;
Твой также трудъ не малъ!
Барсукъ ей отвѣчалъ:
Но произвесть тебя по службѣ невозможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

Кто авторъ этой замѣчательной басни, въ точности не извѣстно. Г. Тихонравовъ думаетъ, не написаны ли обѣ другомъ Державина, Н. А. Львовымъ (*Отеч. Зап.* 1855 г., т. XCVIII, отд. III, стр. 12); по нашему мнѣнію, это невѣроятно потому, что ихъ нѣтъ въ неизданномъ собраніи сочиненій Львова, которое было въ нашихъ рукахъ и, кажется, содержитъ все написанное Львовымъ. Мы скорѣе полагаемъ, что эти двѣ басни принадлежатъ самому Хемницеру и что онъ назвалъ ихъ *чужими*, желая отклонить отъ себя отвѣтственность въ сатирическомъ ихъ содержаніи. Слогомъ онѣ не отличаются отъ тѣхъ, которыя онъ признавалъ своими.

Въ собраніяхъ сочиненій Державина, изданныхъ при жизни его, басни *Левъ и Волкъ* нѣтъ. Г. Аѳанасьевъ, не зная, кѣмъ сочинена эта басня, въ своей статьѣ *Литературные труды княгини Дашковой* (*О. З.* 1860, т. CXXIX) выразилъ предположеніе, что она была вызвана 14-мъ вопросомъ Фонъ-Визина: «Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?» Вполнѣ принять эту остроумную догадку г. Аѳанасьева мѣшаетъ только то, что басня, откуда мы привели отрывокъ, была напечатана уже въ 1778 г. (въ I-мъ изданіи Хемницера) и что слѣдовательно тема, развиваемая какъ въ ней, такъ и въ баснѣ Державина, давно уже обращала на себя вниманіе литературнаго круга, къ которому принадлежалъ послѣдній. Поводомъ къ тому былъ, по всей вѣроятности, успѣхъ Л. А. Нарышкина, вызвавшій и вопросъ Фонъ-Визина.

XXXV. ЭПИТАФІЯ МУДРЕЦУ НЫНѢШНЯГО ВѢКА[1].

Лежитъ здѣсь мудрый мужъ, что въ карты вѣкъ игралъ,
Стихи писалъ[2]
И спалъ;
А сею жизнію потомственному взору
Живую начерталъ собой картину онъ[a],
Что счастья твердаго, что разума безъ вздору
И наслажденья безъ суетъ
Въ семъ мірѣ нѣтъ;
Но вся людская жизнь — игра, мечта и сонъ.

[a] Картину начерталъ собой живую онъ (1784).

[1] Встрѣчается нѣсколько разъ въ рукописяхъ Державнна и напечатана въ *Собесѣдникѣ* 1784 г. (ч. XV, стр. 34), но потомъ не вошла въ изданія собранныхъ его сочиненій: онъ внесъ ее въ тетрадь мелкихъ стихотвореній, которыя предполагалъ выпустить въ свѣтъ особымъ томомъ. Полное заглавіе ея въ *Собесѣдникѣ* было: Эпитафія мудрецу нынѣшняго вѣка, доказавшему новѣйшими своими опытами суету сего міра. Вѣроятно, и тутъ скрывалось какое-нибудь примѣненіе, ключъ котораго для насъ потерянъ.

[2] Стихи писалъ.

Здѣсь Державинъ высказываетъ господствовавшій тогда взглядъ на стихотворство, которое по большой части считали пустымъ бездѣльемъ. Такъ генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій смотрѣлъ на литературныя занятія самого Державина (см. выше стр. 119 и 155 въ примѣчаніяхъ).

XXXVI. НА ПРІОБРѢТЕНІЕ КРЫМА[1].

Летитъ — и воздухъ озаряетъ, 1.
Какъ вешне утро тихій понтъ!
Летитъ — и отъ его улыбки
Живая радость по лугамъ,

[1] Еще 8 апрѣля 1783 г. изданъ былъ указъ о принятіи Крыма въ подданство Россіи; 28 іюля послѣдовалъ о томъ именной указъ новороссійскому генералъ-губернатору, т. е. Потемкину; а наконецъ, 28 декабря, состоялся трактатъ по этому предмету съ Турціею (См. *Полн. собр. зак.* т. XXI). Ода написана была вскорѣ по полученіи извѣстія объ этомъ трактатѣ и напечатана въ XI ч. *Собесѣдника* (стр. 132), вышедшей 20 февраля 1784 г. Тогдашнее заглавіе было: Ода на присоединеніе безъ военныхъ дѣйствій къ Россійской державѣ таврическихъ и кавказскихъ областей или на учиненный договорами съ Оттоманскою портою миръ 1784 года. Замѣтимъ, что еще прежде того, въ IX ч. *Собесѣдника*, явилась *Ода на взятіе подъ россійскую державу Крыма и Кубани*, «присланная отъ неизвѣстнаго». Державинъ, написавъ всю свою оду на тотъ же предметъ бѣлыми стихами, нашелъ нужнымъ оговориться на счетъ этой вольности, которой онъ не позволялъ себѣ со

По рощамъ и полямъ ліется!
Златыя Петрополя башни
Блистаютъ, какъ свѣщи, и токъ
Шумливый, бурный, токъ Днѣпровскій[а]
Въ себѣ изображаетъ живо
Прекрасное лицо его.

Не слыша громоваго треска, 2.
Не видя молненной зари,
Пастухъ и земледѣлецъ въ пѣсняхъ[б]
Средь хижинъ воспѣваютъ миръ.
Отъ удовольствія сердечна
Струятся по ланитамъ слезы

[а] Бурливый, шумный токъ Днѣпровскій (1784).
[б] Пастухъ и земледѣлецъ пѣснью.

времени оды *На смерть Бибикова* (см. выше, стр. 19, примѣчаніе 6 къ этой одѣ, подъ 1774 годомъ), и передъ новыми стихами его прочли въ *Собесѣдникѣ* слѣдующее письмо въ редакцію: «Господа издатели! Не безъизвѣстно, что древніе писали стихи свои безъ риѳмъ, чему и новѣйшіе лучшіе авторы иностранные подражали и подражаютъ. Для опыта, покажется ли и нашей почтенной публикѣ сей образъ на нашемъ языкѣ стихотворства и можно ли продолжать оный, написана сія ода, которую, ежели будетъ достойна, прошу напечатать. Пребываю и проч.»

Въ своемъ *Разсужденіи о лирической поэзіи* (1811—1813 г., см. сочиненія Державина въ прозѣ) онъ видитъ въ риѳмѣ одно изъ существенныхъ отличій новой поэзіи отъ древней и, приведя для примѣра стихи, написанные имъ въ двоякомъ видѣ, замѣчаетъ: «Думаю, что въ послѣдней (*т. е. въ поэзіи по образцу древней*) больше свободы, больше изліянія жара, когда гармонія, на риѳмахъ не запинаясь, течетъ безпрерывно, подобно быстрой рѣкѣ, струя за струею. Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искусства».

Ода на присоединеніе Крыма перепечатана въ изданіяхъ: 1798, стр. 118, съ прежнимъ еще заглавіемъ, и 1808, ч. I, xv.

Къ заглавію приложенъ рисованный Оленинымъ портретъ князя Безбородко, какъ участника въ дѣлахъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ пріобрѣтеніе Крыма.

У нѣжныхъ матерей и женъ:
Прижавъ онѣ къ грудямъ вѣрнѣйшимъ[2]
Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
Въ восторгѣ вопрошаютъ: «Кто?

Который богъ, который ангелъ, 3.
Который человѣковъ другъ,
Безкровнымъ увѣнчалъ васъ лавромъ,
Безъ брани вамъ трофеи далъ
И торжество?» — Екатерина,
Та вѣнценосна добродѣтель[3],
То воплощенно божество[в],
Которое дождитъ блаженства. —
Они вѣщали такъ любезнымъ,
Повѣся[г] громы на стѣнѣ.

Увидѣлъ Марсъ — нахмурилъ брови[д], 4.

[в] То милосердо божество (1798).
[г] Повѣсивъ .... (1784).
[д] Увидя Марсъ, тоуритъ взоры.
Областное (казанское и симбирское) слово *тоурить* значитъ *уставить*, *пялить**.
— Увидѣлъ Марсъ, нахмурилъ взоры (1798).

---

[2] Прижавъ онѣ къ грудямъ вѣрнѣйшимъ.

И. И. Дмитріевъ, которому этотъ стихъ не нравился, предлагалъ въ рукописи 1790-хъ годовъ такъ измѣнить окончаніе строфы:

«Прижавъ съ сердечнымъ чувствомъ къ персямъ
Пришедшихъ въ домъ своихъ героевъ,
Въ восторгѣ вопрошаютъ ихъ.»

[3] Та вѣнценосна добродѣтель.

См. выше, стр. 167, примѣчаніе 15 къ *Видѣнію мурзы* подъ 1783 г.

* Слышано въ Казани отъ А. Г. Пупарева, занимавшагося собираніемъ словъ въ симбирской губерніи. Когда россійскою академіею предпринято было составленіе словаря, то Державинъ, какъ одинъ изъ членовъ ея, получилъ на свою долю букву Т. Въ сохранившемся между его бумагами спискѣ словъ на эту букву, писанномъ собственною его рукой, мы нашли и слово *тоурить*, но безъ всякаго объясненія.

Скрежещетъ и кричитъ, ярясь[4]:
«Какъ? миръ? — и безъ меня побѣды[е]?
Я васъ»!... Но, будучи сраженъ[5]
Вдругъ съ Сѣвера сіяньемъ кроткимъ,
Упалъ съ желѣзной колесницы;
Его паденье[ж] раздалося
Внутрь сердца Зависти — и трость[з],
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась[6].

[е] .... и безъ меня трофеи (1784).
[ж] Его стенанье...
[з] .... и умъ,
Перо орудіемъ имѣя,
Едва ль гдѣ столь торжествовавшій,
Безсмертной славой возсіялъ.

---

[4] ... и кричитъ, ярясь.

Вмѣсто этихъ словъ Дмитріевъ надъ строкой написалъ-было: «въ злобѣ вопитъ».

[5] Я васъ»!... Но, будучи сраженъ *и проч.*

Это, какъ кажется, подражаніе извѣстному стиху Виргилія:

Quos ego!... Sed motos praestat componere fluctus.
(Aen. I, 139).

Хотя Державинъ и не зналъ классическихъ языковъ въ такой степени, чтобы читать древнихъ классиковъ въ подлинникахъ, однакожъ онъ былъ знакомъ съ ними въ переводахъ, чѣмъ былъ отчасти обязанъ друзьямъ своимъ В. В. Капнисту и Н. А. Львову. Мы нашли въ тетрадяхъ его нѣсколько переводовъ съ греческаго и латинскаго, писанныхъ рукою то одного, то другаго изъ этихъ лицъ. 1-я пѣснь Виргиліевой Энеиды, въ переводѣ Петрова, была напечатана уже 1771 года* (*Словарь свѣтск. писателей*). Тамъ этотъ стихъ (169-й) читается такъ:

«Я васъ!... Но напередъ пусть море успокою».

И. И. Дмитріевъ, подчеркнувъ въ стихѣ Державина слова: «Я васъ», предлагалъ измѣнить его такъ: «Страшитеся! — но бывъ сраженъ».

[6] .... и трость,
Водимая умомъ обширнымъ *и проч.*

«Перо графа Безбородко, водимое по мыслямъ князя Потемкина, получило успѣхъ, т. е. чрезъ ихъ совѣтъ пріобрѣтенъ Крымъ» (*Об.* Д.).

* Въ четвертку, подъ заглавіемъ *Еней* и проч., безъ означенія года печатанія; подъ посвященіемъ въ стихахъ в. к. Павлу Петровичу выставлено 1-е января 1770 г.

5\. Россія наложила руку
На Тавръ, Кавказъ и Херсонесъ,
И, распустя въ Босфорѣ флаги,
Стамбулу флотами гремитъ[и]:
«Не подвиги Готфридовъ храбрыхъ,
И не крестовски древни рати —
Се мой теперь паритъ Орелъ»!
Магметъ, отъ ужаса блѣднѣя,
Заноситъ изъ Европы ногу,
И возрастаетъ[і] Константинъ[7]!

6\. Цирцея отъ досады воетъ[к],
Волшебство все ея ничто;
Ахеянъ, въ тварей превращенныхъ,
Минерва вновь творитъ людьми[8]:

[и] Стамбулу флотами звучитъ:
Не подвиги Готфридовъ древнихъ
И не крестовски прежни рати,
Се мой паритъ Орелъ! Махметъ
Уже отъ ужаса блѣднѣетъ.
[і] И воцарился Константинъ.
[к] Текущаго съ полнощи свѣта
Не можетъ снесть Цирцеинъ взоръ;
Стонаетъ, что Минерва зиждетъ
Людей разумныхъ изъ звѣрей.

———

[7] И возрастаетъ Константинъ.

«Отношеніе къ Константину Палеологу, царю константинопольскому, съ котораго смертью пало греческое царство, и что намѣсто его возрастаетъ великій князь Константинъ Павловичъ, котораго государыня желала возвесть на престолъ, изгнавъ Турковъ изъ Европы, и для того онъ обученъ былъ греческому языку. Какіе замыслы! Человѣкъ замышляетъ, а Богъ исполняетъ» (*Об.* Д.).

[8] ... Минерва вновь творитъ людьми.

По разсказу Гомера, Цирцея обратила товарищей Одиссея въ свиней; но онъ спасъ и себя и ихъ съ помощію травы, полученной отъ Меркурія. Державинъ, представляя себѣ, что прежній образъ возвратила имъ Минерва, не совсѣмъ вѣренъ греческому миѳу.

Осклабясь, Пиѳагоръ дивится,
Что мнѣніе его сбылося,
Что зритъ онъ преселенье душъ [л]:
Гомеръ изъ стрекозы исходитъ [9]
И громогласнымъ, сладкимъ пѣньемъ
Не баснь, но истину поетъ.

Какая незабвенна слава [м]! 7.
Какая звучная хвала!
Екатеринина держава
И мудрыя ея дѣла
Кого и гдѣ не удивили?
Которые цари достигли
Величества ея добротъ [н]?
На тронъ со кротостью вступила,
На тронѣ кротость воцарила [о],
Чудесъ источникъ и щедротъ!

[л] Животныхъ видитъ онъ людьми.
Гомеръ изъ стрекозы родился
И громогласнымъ своимъ пѣньемъ.
[м] Какая несравненна слава,
Какая звучна похвала.
[н] До степени ея добротъ.
[о] На тронѣ милость воцарила,
Источникъ тьмы она щедротъ.

---

[9] Гомеръ изъ стрекозы исходитъ.

Въ рукописи 1790-хъ гг. кто-то вмѣсто этого предлагалъ: «Гомеръ исходитъ изъ пигмея».

ОДА БОГЪ.

Примѣчаніе 1*.

Въ вѣкъ Державина духовная поэзія была въ большомъ ходу по всей Европѣ. Почти у каждаго поэта XVIII-го столѣтія можно найти одно или нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ прославленію Бога. Даже Вольтеръ написалъ въ молодости оду Le vrai Dieu (см. Oeuvres de Voltaire, изданіе Beuchot, т. XII, стр. 407). Этому направленію послѣдовали и русскіе поэты, начиная съ Ломоносова и Сумарокова. Съ тѣхъ поръ, какъ Державинъ сталъ участвовать въ журналахъ, на страницахъ ихъ нерѣдко являлись стихи подобнаго содержанія. Такъ въ *Утреннемъ Свѣтѣ* (1777, октябрь, ч. I, стр. 156) напечатана была чья-то *Ода Богъ;* въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* (1780, августъ, ч. VI, стр. 86) — *Стансы Богу*, Княжнина, перепечатанные потомъ въ *Собесѣдникѣ* (ч. VIII); въ *Вечерней Зарѣ* (1782, ч. II, стр. 51, и ч. III, стр. 77) — *Пѣснь Всемогущему* (переводъ Ѳ. Ключарева); въ *Академическихъ Извѣстіяхъ* (1780, май, ч. V, стр. 77) — оригинальная ода *Вѣчность.* Сверхъ того являлись и прозаическіе переводы подобныхъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ; напр. въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778, декабрь, ч. II, стр. 413) Брайко перевелъ такимъ образомъ *Вѣчность* Галлера, а въ *Утреннемъ Свѣтѣ* (1779, ч. VII, стр. 65) Прянишниковъ — французское сочиненіе о *Величіи Божіемъ.* Въ этомъ же журналѣ помѣщались переводы въ прозѣ изъ Юнговыхъ *Ночей* (1778, ноябрь, ч, IV, стр. 229 и слѣд.).

Нѣмецкіе поэты, которыхъ читалъ Державинъ, именно: Галлеръ, Гагедорнъ, Геллертъ, Клейстъ, Мендельсонъ и особенно Клопштокъ, богаты подобными стихотвореніями: у Гагедорна мы находимъ *Размышленія о нѣкоторыхъ свойствахъ Божіихъ;* у Геллерта — *Похвалу Творцу;* у Клейста — гимнъ *Богу* и рапсодію *Похвала Божеству;* у Мендельсона — оду *Во славу Божію*, и проч. Относящіяся сюда произведенія Галлера и Клопштока такъ извѣстны, что нѣтъ надобности особо исчислять ихъ.

Естественно, что Державинъ, увлекаемый общимъ направленіемъ, пытался создать что-нибудь замѣчательное въ томъ же родѣ.

Оду *Богъ* началъ онъ еще въ 1780 г. по возвращеніи отъ заутрени Свѣтлаго Христова воскресенья; но должностныя занятія и столичныя развлеченія долго не давали ему кончить ее. Наконецъ, весною 1784 г., онъ, оставивъ службу по неудовольствіямъ съ княземъ Вяземскимъ, отправился въ Нарву и тамъ дописалъ давно занимавшую его оду (подробный разсказъ о томъ см. въ его *Объясненіяхъ* и *Запискахъ*). Она явилась въ XIII ч. *Собесѣдника* (стр. 125), вышедшей 23 апрѣля 1784 года; впослѣдствіи эта ода была напечатана отдѣльно въ четвертку безъ означенія

* По обширности этого примѣчанія мы принуждены отступить здѣсь отъ принятаго нами порядка и помѣщаемъ его передъ одой.

года и мѣста, но съ подписью: *Г. Державинъ*, которая здѣсь едва-ли не въ первый разъ явилась въ печати. Сверхъ того, ода *Богъ* вышла около 1792 г. особой тетрадкой въ Москвѣ (см. *письмо А. П. Нилова* къ Державину отъ 24 іюля 1792 г.). Въ изданіяхъ 1798 и 1808 г. ею начинается собраніе сочиненій Державина.

Изъ всѣхъ стихотвореній этого рода ни одно нигдѣ не имѣло такого шумнаго успѣха, какъ ода *Богъ*. Она пріобрѣла европейскую извѣстность и переведена на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, италіянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій *. Нѣмецкихъ переводовъ было нѣсколько; французскихъ г. Полторацкій указалъ 15 (см. его брошюру Dieu, hymne du poète russe Derjavine. Notice sur quinze traductions françaises de cette hymne. Leipzig, 1855); но первымъ переводчикомъ оды *Богъ* на французскій языкъ былъ Жуковскій, въ 1799 г., когда онъ еще воспитывался въ московскомъ Благородномъ пансіонѣ (см. въ перепискѣ Державина, подъ означеннымъ годомъ, *письмо* къ нему *Жуковскаго и С. Е. Родзянко*). Латинскій переводъ Черскаго напечатанъ былъ отдѣльно въ Вильнѣ и въ *Соревнователѣ* (1820 г., ч. IX, стр. 198). Во время плѣна адмирала, въ ту пору капитана, В. М. Головнина у Японцевъ (отъ 1811 до 1813 г.), ода была переведена чрезъ его посредство но японскій языкъ. Разсказъ о томъ, помѣщенный имъ въ *Запискахъ* его объ этомъ плѣнѣ (ч. III, стр. 18), тѣмъ любопытнѣе, что вѣроятно онъ-то и послужилъ началомъ столь распространенной молвы, будто бы въ Пекинѣ, во дворцѣ богдохана, виситъ на стѣнѣ китайскій переводъ этого стихотворенія. Чтобы всякій могъ судить о степени вѣроятія нашей догадки, приводимъ относящіяся сюда строки изъ книги покойнаго адмирала: «Однажды ученые ихъ (*Японцевъ*) просили меня написать имъ какіе-нибудь стихи одного изъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Я написалъ Державина оду *Богъ*, и когда имъ читалъ, они отличали риѳмы и находили пріятность въ звукахъ; но любопытство японское не могло быть удовольствовано однимъ чтеніемъ: имъ хотѣлось имѣть переводъ этой оды. Много труда и времени стоило мнѣ изъяснить имъ мысли, въ ней заключающіяся; однакожъ напослѣдокъ они поняли всю оду, кромѣ стиха: *Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества*, который остался безъ истолкованія; да они и не настаивали слишкомъ много, когда я имъ сказалъ, что для уразумѣнія сего стиха должно быть истиннымъ христіаниномъ. Японцамъ чрезвычайно понравилось то мѣсто сей оды, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Богу, между прочимъ говоритъ: *И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной*. При семъ же случаѣ, удивляясь высокимъ мыслямъ сочинителя, показали они, что постепенное шествіе природы отъ самыхъ высокихъ къ самымъ низкимъ ея твореніямъ и имъ не безызвѣстно. Стихотвореніе

* Болѣе полное исчисленіе переводовъ оды *Богъ*, какъ и вообще переводовъ изъ Державина, будетъ приложено къ нашему изданію въ особомъ библіографическомъ указателѣ.

это до того понравилось губернатору, что онъ велѣлъ просить г. Мура» (одного изъ товарищей заключенія Головнина) «*написать оное для него кистью на длинномъ кускѣ бѣлаго атласа и потомъ отправилъ вмѣстѣ съ переводомъ къ своему императору. Японцы увѣряли насъ, что она будетъ выставлена на стѣнѣ въ его чертогахъ, на подобіе картины*». Это извѣстіе не могло не поразить нашего общества и не распространиться въ такое время, когда ода *Богъ* была еще во всей своей славѣ и когда исторія плѣна Головнина всѣхъ интересовала. Разсказъ о переводѣ знаменитаго сочиненія, переходя изъ устъ въ уста, естественно подвергся нѣкоторымъ неточностямъ: японскій языкъ былъ смѣшанъ съ китайскимъ, намѣреніе принято за исполненіе — и вотъ ода *Богъ* очутилась, написанная золотыми буквами, въ пекинскихъ чертогахъ. Такое смѣшеніе фактовъ однажды было даже явно высказано въ печати. Въ № 6 *Отечественныхъ Записокъ* 1846 г. нѣкто И. Б. (Быстровъ?), выражая сомнѣніе въ существованіи *китайскаго* перевода оды *Богъ*, говоритъ: «О *немъ*, кажется, упоминаетъ Головнинъ въ одномъ изъ своихъ путешествій». Отсюда уже ясно, какъ произошелъ упомянутый слухъ, который Полевой еще въ 1840 г., а потомъ и Бѣлинскій назвали *сказкою*, но который между тѣмъ держался до сихъ поръ и былъ часто повторяемъ, какъ достовѣрный, въ разныхъ европейскихъ литературахъ. Пора окончательно отвергнуть ложную молву, понявъ ея источникъ; отъ этого не пострадаетъ ни слава Державина, ни честь русской литературы (Ср. *Библіографич. записку о Державинѣ* въ VI ч. *Москвитянина* 1846 г.; также указанную выше французскую брошюру г. Полторацкаго, стр. 9 и 10).

Послѣ оды *Богъ* явилось у насъ въ разное время много другихъ стихотвореній на тотъ же предметъ, какъ то: *Гимнъ Богу* Дмитріева, *Пѣснь Божеству* Карамзина, *Пѣснь Высочайшему Существу* В. Пр. (*Чтеніе для вкуса* 1792, ч. VI), *Пѣснь Богу* Влад. Измайлова (*Аониды* 1796 г., кн. I), *Гимнъ Непостижимому* Мерзлякова (*Вѣстникъ Европы* 1805, ч. XXIII, № 20), *Гимнъ* Жуковскаго (изъ Томсона), *Ода Богъ* Пнина (*Журн. для пользы и удов.* 1805, ч. IV), *Гимнъ Богу* Бередникова (*Чтен. въ Бес. люб. русск. сл.* 1813, ч. IX), *Гимнъ Богу* А. Глаголева (*Труды общ. люб. рос. сл.* 1819, ч. XIV) и проч. Графъ Хвостовъ также сочинилъ *Оду Богъ**.

Отдѣльные разборы оды *Богъ* Державина напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы* (1812 г., ч. LXII, статья Бередникова) и въ *Сѣверной Минервѣ* (1832, ч. II, статья неподписанная). Сверхъ того, о ней подробно гово-

* Какъ высоко Хвостовъ самъ цѣнилъ свое твореніе, видно изъ слѣдующаго анекдота. Разъ, отправляясь въ Царское Село, онъ взялъ съ собою секретаря своего Ильинскаго, тоже стихотворца, и дорогою требовалъ, чтобъ тотъ откровенно сказалъ ему, которую изъ двухъ одъ, Державина или Хвостова, онъ находитъ выше. Услышавъ искреннее мнѣніе своего спутника, которое было разумѣется въ пользу Державинской оды, оскорбленный піитъ хотѣлъ-было высадить своего секретаря среди дороги и съ трудомъ согласился везти его дальше (слыш. отъ князя Н. А. Цертелева).

рится въ *Трудахъ общ. люб. рос. сл.* (1820 г., ч. XX, статья Мерзлякова *Державинъ*) и въ *Современникѣ* (1845 г., т. XL, статья Грота *Фелица и Собесѣдникъ л. р. сл.*). Въ *Очеркахъ рус. лит.* Полеваго см. ч. I, стр. 72; въ *Соч. Бѣлинскаго* ч. VII, стр. 124. О статьяхъ, относящихся къ отдѣльнымъ мѣстамъ оды *Богъ*, см. ниже примѣч. 10 и 18.

Ода *Богъ* представляетъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство съ предшествовавшими ей въ иностранныхъ литературахъ произведеніями того же содержанія.

Это сходство подавало не разъ поводъ къ заключенію, будто Державинъ въ одѣ *Богъ* былъ подражателемъ или даже переводчикомъ.

Во французской брошюрѣ г. Полторацкаго о переводахъ этой оды (Dieu, hymne и проч. Leipzig, 1855, стр. 30) сказано, что одинъ изъ французскихъ ея переводчиковъ, г. Ферри де-Пиньи (Ferry de Pigny), помѣстилъ въ рукописи своего труда примѣчаніе, въ которомъ выражена мысль, будто Державинъ заимствовалъ содержаніе оды изъ италіянскаго гимна маркиза Ботты. Въ томъ же году, когда издана эта брошюра, г. фонъ-Видертъ, видѣвшій г. Полторацкаго въ Лейпцигѣ, напечаталъ въ *С-петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 236) статью *Вѣсти изъ Германіи*, въ которой онъ между прочимъ прибавляетъ къ приведенному слуху слѣдующія подробности: одинъ греческій священникъ описываетъ этотъ предметъ въ прозѣ; италіянскій поэтъ перелагаетъ прозу въ стихи; италіянское стихотвореніе переводится на русскій языкъ прозой и служитъ матеріяломъ Державину. Г. Галаховъ, упомянувшій объ этихъ предположеніяхъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей *Исторической Христоматіи новаго періода русской словесности* (т. I, стр. 472), еще до изданія ея сообщилъ намъ въ рукописной замѣткѣ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему (отъ 2 авг. 1851 г.) покойнаго И. И. Введенскаго, бывшаго главнымъ наблюдателемъ по преподаванію русской словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ: «Извѣстный импровизаторъ Джустиніани перевелъ въ 1848 г. нѣсколько русскихъ стихотвореній, въ томъ числѣ оду *Богъ*, на италіянскій языкъ. Экземпляръ перевода онъ отправилъ между прочимъ къ одному римскому кардиналу съ просьбой сообщить ему мнѣніе о русскомъ подлинникѣ. Письмо Джустиніани осталось безъ отвѣта; но когда въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ въ Италію и явился къ кардиналу, послѣдній выразилъ ему удивленіе, зачѣмъ онъ вздумалъ его мистифировать, выдавая за русское стихотвореніе италіянскій *гимнъ Богу*, написанный въ XVI-мъ вѣкѣ малоизвѣстнымъ и несправедливо забытымъ поэтомъ Боттою». Какъ ни мало вѣроятными казались намъ эти свидѣтельства, однакожъ мы стали справляться о неслыханномъ нами прежде поэтѣ XVI-го вѣка, маркизѣ Боттѣ *. Когда поиски эти не имѣли

* Извѣстный намъ маркизъ Ботта (род. 1688, ум. 1774) былъ посланникомъ Маріи Терезіи при петербургскомъ дворѣ въ началѣ царствованія

никакого успѣха, мы обратились къ С. Д. Полторацкому съ запросомъ, извѣстенъ ли ему, кромѣ разсказа г. Джустиніани, какой-нибудь другой источникъ отрицанія подлинности оды *Богъ*. «Этотъ волчекъ», отвѣчалъ намъ г. Полторацкій, «пущенъ на Державина, какъ вы справедливо замѣчаете, спніоромъ Джустиніани безъ малѣйшихъ съ его стороны доказательствъ. Я ему неоднократно замѣчалъ, что это слѣдуетъ доказать, и вѣроятно ли, чтобъ италіянскій поэтъ, сочинившій такую оду, оставался неизвѣстенъ и не возбудилъ въ соотчичахъ своихъ такого же восторженнаго трепета, какой ощутили всѣ земляки Державина при появленіи его великолѣпной оды. Кромѣ возгласа Джустиніани, я ничего другаго объ этомъ не знаю». Между тѣмъ лекторъ италіянскаго языка при с-петербургскомъ университетѣ, г. Пинто, у котораго мы также навѣдывались о загадочномъ *маркизѣ* XVI-го вѣка, доставилъ намъ выписанные имъ вслѣдствіе того изъ Италіи *Гимны Богу*, но не Ботты, а Котты (Giov. Battista Cotta), поэта, умершаго въ 1738 году. Теперь, для окончательнаго рѣшенія вопроса, оставалось объясниться съ самимъ г. Джустиніани. Изъ разговора съ нимъ мы могли вывести слѣдующія заключенія: что дѣйствительно *онъ* первый далъ ходъ мысли о заимствованіи оды *Богъ* изъ италіянскаго поэта; что этотъ поэтъ, и по его мнѣнію, не кто другой, какъ Котта, котораго превращеніе въ маркиза Ботту неотъемлемо принадлежитъ г. Ферри де-Пиньи; наконецъ что г. Джустиніани и до сихъ поръ еще увѣренъ въ сродствѣ оды *Богъ* съ однимъ изъ гимновъ Котты. Разсказъ его о происхожденіи этой увѣренности былъ довольно близокъ къ тому, что̀ сообщилъ намъ г. Галаховъ изъ письма Введенскаго. Г. Джустиніани прибавилъ, что когда около 1843 года г. Шевыревъ познакомилъ его съ нѣкоторыми произведеніями «*русскаго Данта*», то онъ просто прыгалъ отъ восторга; что сдѣланный имъ переводъ русскихъ стиховъ былъ отправленъ въ Италію въ 1848 году; кардиналъ же, принявшій ихъ за мистификацію, былъ знаменитый Медзофанти. Мы съ своей стороны, прочитавъ гимны Котты, удостовѣрились, что они съ одою Державина не имѣютъ ничего общаго, кромѣ основной идеи прославленія Бога. Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ невѣрности вывода, приписываемаго пресловутому полиглотту, мы вслѣдъ за одою помѣщаемъ въ особомъ приложеніи буквальный переводъ того гимна Котты, который будто бы послужилъ образцомъ русскому произведенію.

Теперь мы должны упомянуть еще о другомъ мнѣніи, оспаривающемъ самостоятельность оды *Богъ*. Тотъ же Введенскій писалъ г. Галахову: «Преподаватель русскаго языка въ ревельской гимназіи, Святный, сообщилъ мнѣ, что ода *Богъ* есть не что иное, какъ переводъ съ нѣмец-

Елисаветы Петровны и подвергся обвиненію въ заговорѣ противъ русской императрицы (*La Cour de Russie il y a cent ans*, стр. 110). Другой Ботта (род. 1766, ум. 1837) особенно извѣстенъ многотомною исторіею Италіи.

каго почти буквальный, и что оригиналъ этой оды онъ читалъ въ стихотворныхъ прибавленіяхъ къ *Латышской грамматикѣ*, изданной Штендеромъ въ 1762 году (2-е изданіе 1793 г.)».

Въ этой книгѣ, на которую ссылался нынѣ уже умершій Святный, указанное имъ стихотвореніе находится только въ латышскомъ переводѣ, безъ означенія имени автора. Намъ удалось отыскать самый подлинникъ въ сочиненіяхъ нѣмецкаго поэта Броккеса (Brockes), жившаго въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и слѣдовательно современника Котты. Прочитавъ его оду Gottes Grösse, мы только подивились, какъ легко люди поддаются искушенію прославиться какимъ-нибудь открытіемъ. Подстрочный переводъ стиховъ Броккеса. также сообщается нами въ приложеніи.

Наконецъ мы не можемъ умолчать о стихотвореніи *Богъ* Гердера, который въ началѣ царствованія Екатерины II былъ пасторомъ въ Ригѣ. И на эти стихи указывали какъ на сочиненіе, послужившее образцомъ для оды Державина. Однакожъ она представляетъ не болѣе сходства и съ этимъ длиннымъ, метафизическимъ и тяжелымъ произведеніемъ писателя, который хотя и былъ глубокимъ мыслителемъ, но въ стихахъ котораго такъ мало поэзіи, что Державину никогда не могло бы вздуматься идти по слѣдамъ его. Представлять переводъ пьесы Гердера не считаемъ нужнымъ: сочиненія его довольно распространены, и всякій легко можетъ повѣрить наше заключеніе.

Сравненіе оды Державина съ другими произведеніями одинаковаго содержанія убѣждаетъ насъ, что это — созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ нихъ только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться на однѣхъ мысляхъ. Но сверхъ того въ частностяхъ ода *Богъ* представляетъ отголоски чтеній Державина, воспоминанія изъ другихъ, особливо нѣмецкихъ поэтовъ. Подобныя такъ называемыя реминисценціи, большею частью безсознательныя, встрѣчаются у самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и не могутъ почитаться заимствованіями. Нѣкоторыя произведенія германской литературы были знакомы Державину не только въ подлинникахъ, но и въ русскихъ переводахъ. Такъ *Вѣчность* Галлера, переведенная въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* 1778 г. (см. выше, стр. 89, примѣчаніе 3 къ одѣ *На смерть кн. Мещерскаго*), до такой степени обращала на себя вниманіе нашего поэта, что онъ, какъ видно изъ его рукописей, самъ пытался перевести ее стихами.

Въ частныхъ примѣчаніяхъ къ одѣ *Богъ* мы укажемъ тѣ мѣста ея, въ которыхъ можно признать дѣйствительное вліяніе другихъ поэтовъ.

Рисунокъ — работы Оленина; онъ былъ уже приложенъ къ I ч. изданія 1808 г. Символическое значеніе его изложено въ *Объясненіяхъ*.

XXXVII. БОГЪ.

О Ты, пространствомъ безконечный, 1.
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества [2]!

[2] Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества.

«Авторъ, кромѣ богословскаго православной нашей вѣры понятія, разумѣлъ тутъ три лица метафизическія, т. е. безконечное пространство, безпрерывную жизнь въ движеніи вещества и неокончаемое теченіе времени, которыя Богъ въ себѣ совмѣщаетъ» (*Об.* Д.).

Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ[a]!

Измѣрить океанъ глубокій, 2.
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны[3],
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ, —
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

[a] Кого мы нарицаемъ Богъ (1798).
(Въ рукописи 1790-хъ годовъ на поляхъ написано еще слово *именуемъ*).

Другая *Ода Богъ*, напечатанная 1777 г. въ I-й ч. *Утренняго свѣта* безъ подписи имени автора (см. выше, стр. 189), начиналась стихами:

О Ты, которому вселенна
Единый кажется чертогъ...

Строфы Державинской оды, по размѣру и количеству стиховъ, даже по порядку сочетанія риѳмъ, совершенно такія же, какъ въ этой старѣйшей одѣ. Это была обыкновенная въ то время форма для одъ важнаго содержанія.

[3] Не могутъ духи просвѣщенны.

Въ 1-й строфѣ *Оды Богъ*, упомянутой въ примѣчаніяхъ 1 и 2, есть три слѣдующіе стиха:

Во храмъ Твой дивный и священный
Не можетъ умъ непросвѣщенный,
Ни грѣшникъ вѣчно досягнуть.

(*Утр. свѣтъ*, ч. I, стр. 156).

Хаоса бытность довременну 3.
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ[4]!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь, 4.
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой[б]
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой[5].

[б] Какъ въ мразный день когда зимой (1784).

---

[4] Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ.
Du warest, du bist, wirst sein!
(Клопштокъ въ одѣ: Der Erbarmer, строфа 4-я).
Ты былъ, Ты есь и вѣчно будешь.
(*Стансы Богу* Княжнина въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* ч. VI, и въ *Собесѣдникѣ* ч. VIII).

При жизни Державина печаталось въ этомъ стихѣ, какъ и ниже въ 7-й и 8-й строфахъ: *Ты есть;* только въ изданіи 1798 г.: *Ты есь.*

[5] ... звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
. . . .
Но огненны сіи лампады...

Въ 1-й строфѣ *Оды Міръ* (*Утр. Свѣтъ* 1778 г., ч. II, стр. 74) встрѣчаются сходныя съ этими выраженія:

Свѣтилъ возжженныхъ милліоны[6] 5.
Въ неизмѣримости текутъ[в];
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,

[в] Въ бездонной пустотѣ текутъ.
(Передѣлка этого стиха принадлежитъ И. И. Дмитріеву).

Звѣздами полны вижу бездны;
Надъ тысящьми міровъ стою;
На небо возвергаю взгляды:
Висятъ горящія лампады.

[6] Свѣтилъ возжженныхъ милліоны...

Этотъ и нѣкоторые другіе стихи слѣдующихъ строфъ напоминаютъ два мѣста изъ *Вѣчности* Галлера:

Ich häufe ungeheure Zahlen,
Gebürge Millionen auf;
Ich welze Zeit auf Zeit und Welt auf Welten hin,
Und wann ich auf der March des endlichen nun bin,
Und von der fürchterlichen Höhe,
Mit Schwindeln wieder nach Dir sehe,
Ist alle Macht der Zahl, vermehrt mit tausend Malen,
Noch nicht ein Theil von Dir.
. . . .
Volkommenheit der Grösse!
Was ist der Mensch, der gegen Dich sich hält!
Er ist ein Wurm, ein Sandkorn in der Welt,
Die Welt ist selbst ein Punkt, wann ich an Dir sie messe.

Русскій переводъ прозою см. въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* за декабрь 1778 г. (ч. II) и въ *С-петербургскомъ Журналѣ* Пнина за 1798 г. (ч. I). Выписываемъ это мѣсто изъ старѣйшаго перевода, какъ предшествовавшаго сочиненію оды *Богъ* и притомъ болѣе удовлетворительнаго, не смотря на отдаленность времени, къ которому онъ относится (стр. 415): «Я соединяю тьмы съ тьмами, несчислимыя числа; я кладу время на время, міры на міры, и когда съ сея ужасныя вышины со страхомъ паки на Тебя взираю, вижу, что вся сила умноженныхъ тьмами разовъ сихъ чиселъ не составляетъ ни единыя Твоея части.... О совершенство величія! что человѣкъ въ сравненіи съ Тобою? — червь, песчинка, и вся вселенная — непримѣтная точка».

Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна, 6.
Вся твердь передъ Тобой сія[7];
Но что[г] мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою[д],
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто.

[г] Но чтожъ....
[д] Какъ ежели сравнять съ Тобою.
(Этотъ стихъ исправленъ также Дмитріевымъ).

Съ этимъ довольно сходно также содержаніе 10-й и 11-й строфъ оды Броккеса: Gottes Grösse (см. выше стр. 194 и переводъ этихъ строфъ въ приложеніи къ настоящей одѣ).

У Сумарокова ода *О величествѣ Божіемъ* оканчивается слѣдующею строфой:

Я свѣтъ на свѣтъ постановляю
И милліоны предъявляю
Ихъ смутной мысли я своей.
Толико жъ ихъ взношу надъ оный
И паки, паки милліоны:
Песчинка то вселенной всей.
(*Соч. Сум.* ч. I, стр. 222).

[7] Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.

Въ параллель этимъ стихамъ и предыдущей строфѣ еще Бередниковъ (см. ниже примѣчаніе 10) привелъ слѣдующее описаніе *вѣчно-горящаго океана* у Ломоносова:

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь 7.
Величествомъ Твоихъ добротъ[8],
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь — конечно есь и Ты!

Ты есь! — Природы чинъ вѣщаетъ, 8.
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной[9]

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада —
Какъ искра предъ Тобой одна.

[8] Величествомъ Твоихъ добротъ.

Въ текстѣ оды *Богъ*, приложенномъ къ брошюрѣ г. Полторацкаго (см. выше, въ примѣчаніи 1-мъ, стр. 190), напечатано *щедротъ* вмѣсто *добротъ*. Хотя послѣднее слово уже и не употребляется такъ въ нынѣшнемъ языкѣ, оно должно оставаться здѣсь, потому что у Державина не нашли мы *щедротъ* ни въ одной редакціи этого стиха. У Ломоносова *доброты* очень часто встрѣчаются подъ риѳму слову *щедроты;* то же самое находимъ нерѣдко и у Державина.

[9] Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной *и проч.*

И. И. Дмитріевъ предлагалъ вмѣсто *мнится мнѣ* поставить здѣсь *кажется* или передѣлать этотъ и слѣдующій за нимъ стихъ такимъ образомъ:

Всея природы помѣщенный
Во средоточіи Тобой.

Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ, 9.
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ [10]!
Но будучи я столь чудесенъ,

[10] Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ.

Почти вся 9-я строфа и вторая половина предыдущей представляютъ большое сходство съ тѣмъ мѣстомъ 1-й пѣсни Юнговыхъ *Ночей*, которое начинается словами:

How poor, how rich, how abject, how august....

и гдѣ далѣе встрѣчаются стихи:

Connexion exquisite of distant worlds!
Distinguish'd link in being's endless chain!
Midway from nothing to the Deity!....
A worm! a god! —

Это мѣсто можно перевести такъ: «Какъ бѣденъ, какъ богатъ, какъ низокъ, какъ высокъ!... Чудная связь отдаленныхъ міровъ! избранное звено въ безконечной цѣпи существъ! средина пути отъ ничтожества къ Божеству!... Червь! богъ!» Подлинныя слова Юнга: A worm! a god! были взяты Жуковскимъ въ эпиграфъ его стихотворенія *Человѣкъ*, напечатаннаго во II-й книжкѣ *Утренней зари* 1803 г. — Переводъ 1-й *Ночи* Юнга былъ напечатанъ еще въ ноябрской книжкѣ *Утренняго свѣта* 1778 г.

Сходство нѣкоторыхъ мыслей оды *Богъ* съ стихами Юнга было давно замѣчено. Покойный Я. И. Бередниковъ, разбирая эту оду въ *Вѣстникѣ Европы* 1812 г. (ч. LXII), сказалъ по этому поводу: «Справедливо говорятъ, что сіе описаніе почерпнуто нашимъ пѣснопѣвцемъ изъ описанія пѣвца Британіи, во мракахъ нощи бесѣдовавшаго съ Богомъ, вѣчностію и безсмертіемъ» и проч. Тотъ же авторъ, приведя послѣднюю половину предыдущей (8-й) строфы, начиная отъ стиха:

Частица цѣлой я вселенной,...

Отколѣ происшелъ[e]? — безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель! 10.
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель[11],

[e] Отколь я происшелъ.

замѣтилъ: «Здѣсь пѣснопѣвецъ цѣлитъ на извѣстное опредѣленіе человѣка философами древняго вѣка: nexus utriusque mundi. Аддиссонъ въ своемъ *Зрителѣ* тожъ самое подтверждаетъ: «Человѣкъ», говоритъ онъ, «занимаетъ среднее мѣсто между естественною и духовною природою, между видимымъ и невидимымъ міромъ, и составляетъ то звено существъ, которое, въ нѣкоторомъ смыслѣ, подобно чистѣйшимъ духамъ, славящимъ Безплотнаго, дерзаетъ называть Его отцомъ, а въ другомъ смыслѣ можетъ сказать съ Іовомъ тлѣнію: *ты мой отецъ!* и червю: *ты мать моя*»! (*Іовъ*, гл. 17, ст. 14).

Клопштокъ въ одѣ An Gott также назвалъ человѣка червякомъ:

....dem Wurm, der Mensch heisst....

О стихѣ: *Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ*, профессоръ казанскаго университета Городчаниновъ въ 1838 г. переписывался съ Шишковымъ (см. *Маякъ* 1842 г., т. III, кн. V). Городчаниновъ, находя мысль *я Богъ* слишкомъ смѣлою и трудною для объясненія, ищетъ оправданія ея въ священномъ писаніи и приводитъ тексты, которыми можно ее подкрѣпить. Въ отвѣтѣ своемъ Шишковъ, соглашаясь съ этимъ, прибавляетъ, что «по силѣ воплощенія Божія содѣлываясь не только чадомъ Божіимъ, но и причастникомъ Божескаго естества, восторгъ его (человѣка): *я Богъ* содѣлался не хвастовствомъ *червя*, но благоговѣніемъ человѣка, величающаго въ себѣ дѣйствіе благодатнаго милосердія Божія, возведшаго его изъ червя въ Бога». Сверхъ того Шишкову казалось, что разсматриваемый стихъ, «при всемъ своемъ превосходствѣ, имѣлъ бы больше правильности и постепенности, когда бы, начальныя два слова: *я царь — я рабъ* переставя, сказать: *Я рабъ — я царь, я червь — я Богъ*».

Мы съ своей стороны должны указать на различіе пониманія слова *Богъ* въ стихѣ Юнга и въ стихѣ Державина. Юнгъ употребилъ это названіе какъ нарицательное имя, съ неопредѣленнымъ членомъ, и потому оно начинается у него строчною буквою (a god); Державинъ, напротивъ, всегда писалъ въ этомъ стихѣ *Богъ*.

[11] Источникъ жизни, благъ податель.

Этимъ самымъ стихомъ начинаются *Стансы Богу* Княжнина, напеча-

Душа души моей и царь!
Твоей то̀ правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность [12] облачился [ж]
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое [з].

Неизъяснимый, Непостижный [и]! 11.
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться [13]
И благодарны слезы лить.

[ж] Чтобъ духъ мой перстью облачился.
[з] Отецъ! въ объятіе Твое.
[и] Неизъясненный, непостижный.
(Первое слово поправлено Дмитріевымъ).

танные въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* за августъ 1780 г. (ч. VI) и въ *Собесѣдникѣ* (ч. VIII).

[12] Чтобъ духъ мой въ смертность облачился.

Вмѣсто *смертность* Дмитріевъ предлагалъ *тлѣнность*.

[13] Въ безмѣрной разности теряться.

Этотъ стихъ ставилъ въ недоумѣніе нѣкоторыхъ ограниченныхъ критиковъ; профессоръ Городчаниновъ находилъ его темнымъ и предлагалъ замѣнить его другимъ (см. «Поясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ гимнѣ Державина *Богъ*», *Маякъ* 1843, т. IX, книга 6). Иные читали здѣсь *радости* вмѣсто *разности*, считая это послѣднее слово опечаткою, тогда какъ мысль Державина очень ясна: рѣчь идетъ просто о *безмѣрной разности* между человѣкомъ и Творцомъ его.

Приложенія къ одѣ: «Богъ».

(См. стр. 193 и 194).

I. ГИМНЪ БОГУ.

(съ италіянскаго) *.

1. Да услышатъ меня небо и земля, да остановитъ солнце свой бѣгъ по эѳирному своду, и, какъ оно нѣкогда вняло грозному голосу, когда, во время страшной войны, палъ свирѣпый Аморрей, такъ пусть теперь оно склонитъ свой слухъ къ моимъ звучнымъ пѣснямъ. Да услышатъ меня моря и рѣки, и горы, и лѣса, воздухъ и птицы, тихіе зефиры и вѣтры, и всѣ лѣсные звѣри; да услышатъ, какъ я буду бесѣдовать о Богѣ, хотя ничье пѣснопѣніе не увеличитъ Его славы.

2. Но такъ какъ я, презрѣнный прахъ, не могу безъ Твоего святаго свѣта проникнуть тайны, сокрытыя въ Тебѣ, Господи; такъ какъ я весь облеченъ въ невѣдѣніе и страхъ: то возобнови въ наши дни древніе примѣры, и подобно какъ отъ Тебя сошелъ къ доброму вождю еврейскому въ дивной горящей влагѣ Духъ свѣта, исторгнувшій его изъ тмы и сдѣлавшій его свѣтлымъ пророкомъ: такъ да низойдетъ ко мнѣ изъ

---

* Авторъ этого гимна, *Джованни Баттиста Котта* (Cotta) родился въ графствѣ Ницца 1668 г., вступилъ еще молодымъ человѣкомъ въ августинскій орденъ, въ Генуѣ, потомъ былъ профессоромъ въ разныхъ училищахъ этого ордена, въ Италіи, и умеръ 1738 г. Между его стихотвореніями уважаются особенно его сонеты и гимны. Изъ гимновъ его, по мнѣнію самого г. Джустиніани, только первый, какъ имѣющій предметомъ вообще величіе Бога, а не особыя свойства Его, можно сравнивать съ одою Державина, почему мы и перевели именно этотъ гимнъ Чтобы дать понятіе о наружномъ строѣ италіянскаго гимна, приведемъ здѣсь 1-ю строфу подлинника:

Odami cielo e terra;
Fermi le rote in sull' eterea mole,
E qual udì già il sole
L'altrui temuta imperiosa voce,
Allor che in aspra formidabil guerra
Cadde sconfitto l'Amorreo feroce;
Tal porga orecchio a'miei canori accenti.
M'odano e mari e fiumi e gioghi e selve,
L'aër, gli augei, le placid' aure e i venti,
E l' universe belve
M' ascoltin tutte ragionar di Dio:
Bench' ei non cresca all' altrui canto, o mio.

десницы Твоей, въ прекрасной золотой чашѣ, сокровище краснорѣчія и жара.

3. Уже разсѣянъ мрачный туманъ; уже я подымаюсь въ эѳирныя пространства изъ этого пустыннаго и низкаго міра, и Ты уже открываешься мнѣ, какъ необъятный кругъ необъятнаго свѣта безъ пятенъ и тѣни. Около Твоего твердаго центра, распространяющагося внѣ всякаго пространства и всюду неизмѣннаго, не бѣжитъ смѣлая линія, которая бы заключала его и держала внутри его круга. Со стыдомъ вижу ее всегда извнѣ съ ея образами, ибо неизмѣримость не можетъ быть ничѣмъ ограничена.

4. Поэтому Тебя напрасно убѣгаетъ нечестивецъ: Ты наполняешь пространства и эѳиръ, уединенныя поля и берегъ морской; всюду и взоръ Твой и десница, всюду и мудрость Твоя и могущество, всюду достигаетъ Твой мечъ и стрѣлы Твои и пожирающее пламя Твоего гнѣва. Кто же отъ Тебя можетъ укрыться? Правда, Тебя теряетъ бѣгущій отъ Тебя. Но куда бѣжитъ неблагодарный? Отъ Тебя милосердаго ему одинъ только путь — къ Тебѣ разгнѣванному.

5. Къ Тебѣ разгнѣванному, пламенѣющему разрушительною грозой, предъ которою падаютъ въ прахъ царства и города: въ борьбѣ съ морями, Ты ихъ обращаешь въ песчаныя пустыни, и сушишь могучія рѣки, сокрушавшія мосты и деревья, опустошавшія поля; — къ Тебѣ, расплавляющему горы какъ воскъ при блескѣ молніи, такъ что мимоидущій говоритъ безпечно: здѣсь подымалась гордая вершина, вотъ то самое мѣсто!

6. Какъ колесо, стоящее въ колесѣ, такъ въ этомъ кругѣ, Вседержитель, я созерцаю нескончаемое обращеніе счастливой, безъ утра и вечера, всегда присущей, недвижной вѣчности. Тамъ ты все для всѣхъ, тамъ Ты обитаешь, тамъ столько путей блаженства, что тысячи и тысячи лѣтъ пролетаютъ предъ Тобою на крыльяхъ быстраго дня или даже легкаго мгновенія; тамъ Ты — высшая жизнь, тамъ Ты — духъ и движеніе всему, что живетъ внѣ Тебя.

7. Глазъ никогда не видѣлъ, никогда языкъ смертный не могъ разсказать и сердце человѣческое не чуяло, каковъ Ты въ небесномъ Твоемъ царствѣ и каковъ Ты былъ прежде и какимъ Ты будешь нѣкогда. Кто проникалъ въ великія вѣчныя тайны Твоего разума и видѣлъ въ первомъ началѣ мысли будущихъ вѣковъ и то, что вращало въ себѣ крылатое время при своемъ темномъ рожденіи? Кто когда-либо погружался въ Божіи предначертанія и въ нихъ открывалъ порядокъ вселенной?

8. Святое смиренномудріе! ты одно взглядомъ изъ своей глубины достигаешь туда, гдѣ между высокими богами (*ангелами*) въ грозномъ свѣтѣ своемъ пребываетъ высокое небесное Провидѣніе и скрывается отъ другихъ. Ты одно проникаешь Его достоинства и дѣла; тебѣ одному

дано видѣть ихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, освобожденными отъ первоначальнаго туманнаго покрова, какъ на разсвѣтѣ иной изъ подземнаго убѣжища смотритъ на звѣзды небесныя, которыхъ онъ не увидѣлъ бы, еслибъ стоялъ на гордомъ заоблачномъ олимпѣ.

9. Я возношусь съ тобой и устремляю взоръ въ божественныя бездны, и обоими очами созерцаю ликъ верховной Любви. О святая пламенная Любовь, которою я весь горю! въ Тебѣ, Тобой только и живетъ сердце. Ты — дивная вѣчная жизненная пища; Ты — тотъ источникъ неистощимой жилы, который наводняетъ и питаетъ, и никогда не пресыщаетъ своимъ нектарнымъ обиліемъ; Ты — тотъ животворный огонь, который создаетъ безсмертныя души и ихъ превращаетъ въ божества.

10. Тамъ, гдѣ пламенѣетъ этотъ жаръ, возсѣдаетъ царственная Премудрость, и на недвижномъ подножіи исполняющая всемогущая Сила внимаетъ высокимъ велѣніямъ въ горнихъ чертогахъ. Та указываетъ на міры, а эта сообщаетъ имъ движеніе и ведетъ ихъ къ цѣли и быстро извлекаетъ ихъ изъ ничтожества; такъ ребенокъ на берегу рѣчки строитъ за̀мки изъ песку и радуется имъ. Великій Боже! какъ необъятно Твое могущество, когда столь дивныя дѣла — для Тебя забава!

11. Великъ Ты, Господи! Преклоняюсь предъ Твоею благостью — одинъ Ты благъ; великъ Ты на золотомъ престолѣ Своего правосудія — одинъ Ты правосуденъ; дивно великъ въ каждомъ Твоемъ дѣлѣ, будь оно мало или громадно, ограниченно или обширно; великъ и могущъ въ пространствѣ Твоихъ царствъ и не менѣе въ великолѣпіи Твоего престола; въ намѣреніяхъ, опредѣленіяхъ и мысляхъ великъ, но безъ гордости, хотя иногда Ты въ гнѣвѣ Своемъ и бесѣдуешь съ нами ревомъ громовъ.

12. Простираю далѣе взоры въ несозданномъ недоступномъ храмѣ и созерцаю Твое существо простое, вѣчное, нераздѣльное, первоначальное, принимающее въ себя всѣ рѣки всякаго блага: оттого блаженный верховный міръ и низшій пропитаны имъ, какъ водою губка, которая, бывъ опущена въ море, столько впиваетъ его, сколько можетъ, чтобъ сдѣлаться плодородною въ той средѣ, гдѣ принимаетъ его, и сколько угодно тому, кто бросилъ ее съ берега въ воду.

13. Если бы я не боялся смерти (достойнаго воздаянія за излишнюю смѣлость очей) или другой равной опасности, я хотѣлъ бы взглянуть на Твой лучезарный ликъ, какимъ онъ является небесному сонму и каковъ онъ бываетъ, когда озаряетъ небо, облеченное въ ужасы, и усмиряетъ борьбу стихій въ воздухѣ: ибо онъ сіяетъ и зажигаетъ единымъ лучемъ неизмѣримый шаръ великой планеты и съ верхняго полюса своими блуждающими золотыми искрами манитъ смертныя очи, которыя не выносятъ Твоего блеска.

14. Хотѣлъ бы я созерцать первобытную верховную гармо̀нію и безсмертную красоту, которую такъ мало умѣетъ цѣнить грубая толпа,

предпочитая низкую грязь земной красоты, бренной и непрочной. Я бы жадно хотѣлъ увидѣть свѣтъ, столь враждебный заблужденію и лжи, свѣтъ начальной истины, предводящей всякою правдой. Но напрасно слабый человѣкъ жаждетъ досягнуть такой высоты: я опускаю крылья и возвращаюсь на землю, ощутивъ первый ужасъ.

II. ВЕЛИЧІЕ БОЖІЕ.

(съ нѣмецкаго)*.

1. Кругъ, котораго никакой человѣкъ не измѣритъ словами и никакой духъ мыслію, котораго средина повсюду, окружность же нигдѣ!

* *Бартольдъ Гейнрихъ Броккесъ* (Brockes), написавшій эту оду, родился въ Гамбургѣ 1680, учился въ Галле, ѣздилъ въ Италію и другія земли, потомъ служилъ на родинѣ и умеръ въ 1747 г. За нимъ признаютъ въ нѣмецкой литературѣ важное историческое значеніе: по слѣдамъ италіянскаго поэта Марини и англійскаго, Томсона, котораго онъ переводилъ, Броккесъ подалъ въ Германіи примѣръ яркаго, но вмѣстѣ и мелочнаго изображенія природы. Подражая также и Французамъ, онъ хотѣлъ слить въ своихъ сочиненіяхъ особенности поэзіи всѣхъ народовъ. Сначала преобладало у него идиллическое направленіе, а потомъ религіозное; такимъ образомъ подъ его вліяніемъ развивались впослѣдствіи съ одной стороны Геснеръ, а съ другой Клопштокъ. Всего извѣстнѣе тѣ сочиненія Броккеса, которыя имъ самимъ были собраны въ 9-ти томахъ подъ заглавіемъ: «Irdisches Vergnügen in Gott» (Земная отрада въ Богѣ). Въ этотъ сборникъ, который издавался много разъ, вошла и переведенная нами ода (т. III, стр. 693). Въ ней ясно выказываются заимствованія изъ гимна Котты, извѣстнаго, безъ всякаго сомнѣнія, современному германскому писателю, который былъ знакомъ съ италіянскою литературой и самъ въ молодости путешествовалъ по Италіи. Что касается до Державина, то, по прочтеніи нѣмецкой оды, нельзя даже положительно сказать, чтобъ онъ ее зналъ: кромѣ общаго предмета и двухъ-трехъ отдѣльныхъ мыслей (напр. объ умноженіи числа міровъ), мыслей, которыхъ сходство можетъ быть совершенно случайное, между обѣими одами нѣтъ никакого сродства ни въ ходѣ идей, ни въ свойствѣ представленій. У нашего поэта мы не находимъ ничего подобнаго тѣмъ отвлеченнымъ математическимъ и отчасти мистическимъ представленіямъ о кругахъ и числахъ, которыми занимаются съ такою любовью какъ нѣмецкій, такъ и италіянскій поэты. У Броккеса и самый размѣръ вовсе не соотвѣтствуетъ достоинству предмета. Вотъ 1-я строфа его оды:

Zirkel, den kein Mensch mit Worten
Und kein Geist durch Denken misst,
Dessen Mittel aller Orten,
Dessen Umkreis nirgends ist!
Geist, der Geistern Geist und Leben,
Kraft und Herrlichkeit gegeben:
Durch die Grösse wird Dein Stand
Kund zwar, doch auch unbekannt.

Духъ, давшій духамъ духъ и жизнь, силу и славу! чрезъ величіе познается и однако же остается неизвѣстнымъ Твое существо.

2. Будучи неизмѣннымъ, Ты не оставляешь за собою времени. Твои часы, дни и годы суть непрерывное мгновеніе. Боже, предъ которымъ совершается все возникающее и проходящее! источникъ сѣдой вѣчности, вѣчное Нынѣ, безпрестанное Сегодня!

3. Предѣлы самыхъ умныхъ духовъ слишкомъ тѣсны, цѣль ихъ слишкомъ близка. Для самыхъ изощренныхъ мыслей непонятно даже ничто: кто же дерзнетъ мечтать, что онъ постигнетъ Безконечное, то, что хранитъ землю и небо, въ самомъ себѣ содержитъ ихъ и носитъ?

4. Итакъ, если душа моя чувствуетъ, что она вмѣстѣ съ легіономъ мыслей сама теряется въ Богѣ, какъ капля въ океанѣ; то пусть во славу Тебѣ Твое созданіе повѣдаетъ мнѣ, какъ Ты великъ. Каждая тварь Твоя являетъ слѣдъ Твоего величія.

5. Когда я вижу свѣтящуюся въ вышинѣ звѣздочку и размышляю, что сіяніе ея можетъ быть въ нѣсколько сотъ разъ обширнѣе нашего міра; когда вижу, какъ возлѣ нея блеститъ другая; то думаю: кто измѣритъ разстояніе между ними?

6. Когда иду далѣе и обращаю удивленный взоръ еще на третью звѣзду, болѣе отдаленную отъ первой, а потомъ соображаю размѣры и неимовѣрное разстояніе этого мѣста; то мнѣ кажется, что нѣтъ ничего обширнѣе.

7. Когда я наконецъ обдумываю, какое пространство заключается между сѣвернымъ и южнымъ полюсами (*неба*) и какой сонмъ звѣздъ эта бездна вмѣщаетъ въ себѣ; то я изумляюсь, трепещу, прихожу въ ужасъ. Мой утопающій умъ уже не знаетъ, существую ли я и что̀ я такое.

8. Если духъ человѣка имѣетъ столь обширные предѣлы, если сердце его такъ смѣло, что можетъ въ мысляхъ провести чрезъ пространство линію, и если затѣмъ ему остается вообразить надъ этимъ силу; то пусть онъ, во славу Божію, представитъ себѣ кругъ этого поперечника.

9. Да, чтобъ указать еще нѣчто бо́льшее, — какъ малъ кругъ передъ милліонами круговъ, находящихся на такой округлости! Что можно сравнить съ плотностью, поверхностью, твердостью, вѣсомъ такого шара! Подумайте же теперь объ источникѣ свѣта: передъ нимъ все это — ничто!

10. Еслибъ Твоя дивная десница, Господи, создала изъ каждой пылинки и песчинки еще по цѣлому кругу; еслибъ былъ кругъ такой величины, что всѣ они могли бы вмѣститься въ немъ; то и онъ былъ бы малъ въ сравненіи съ Богомъ и не былъ бы предъ Нимъ даже пылинкою.

11. Еслибъ малѣйшая песчинка съ этихъ планетъ обратилась въ нѣсколько тысячъ нулей и каждый листикъ въ числа; то Божіе величіе

все-таки превышало бы многократно эти числа и даже удвоенный ихъ легіонъ.

12. Только Господни совершенства, при чемъ и темное число вѣчныхъ безконечностей, даже не первое число, такъ переходятъ за предѣлы человѣческихъ и ангельскихъ мыслей, что мыслящее со всею остротою теряется въ Немъ, какъ ничто *.

13. Око разума ослѣпляется: передъ величіемъ Божіимъ все конечное исчезаетъ, пропадаетъ число всѣхъ чиселъ; всякая долгота, глубь и обширность, всякая высота, величина и ширина не дѣлается узкою, плоскою, малою, а совершенно перестаетъ быть мѣрою.

14. Трепещи же, духъ мой! Но нѣтъ, не трепещи! Это величіе не что иное, какъ благость; этотъ блескъ есть свѣтъ милости. Нѣжность и сочувствіе, кротость, милосердіе, терпѣніе и любовь суть свойства Творца и дѣйствіе Его силы.

---

* Для тѣхъ, кому покажется, что эта строфа могла бы быть переведена лучше, присоединяемъ ее въ подлинникѣ:

Nur des Herrn Vollkommenheiten,
Wobei auch die finstre Zahl
Ewiger Unendlichkeiten,
Nicht die erste Zahl einmal,
Uebersteigen so die Schranken
Mensch- und englischer Gedanken,
Dass, was aller Schärfe denkt,
Sich wie nichts in Ihn versenkt.

XXXVIII. УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ СИЛУ[1].

1785.

Хвалите Господа и пойте: 1.
Коль сладко воспѣвать Его!
Ему единому вы стройте
Органы сердца своего.

[1] Написано въ то время, когда Державинъ былъ олонецкимъ губернаторомъ. Эта должность, которую онъ занималъ менѣе года, совершенно отвлекала его отъ поэзіи, такъ что, сколько извѣстно, онъ никакого другаго стихотворенія не написалъ въ Петрозаводскѣ. Начатое имъ тамъ *Безсмертіе души* было кончено гораздо позже (см. подъ 1796 г.). Пьеса *Буря*, по содержанію своему относящаяся къ этой же эпохѣ, была написана въ 1794 г. въ Петербургѣ.

Поводъ къ пьесѣ *Уповающему на свою силу* подали Державину неудовольствія его съ олонецкимъ генералъ-губернаторомъ, Т. И. Тутолминымъ; заимствовавъ мысль ея изъ 146 псалма, онъ излилъ тутъ убѣжденіе въ своей правотѣ. Строфы 4-я и 5-я содержатъ явные намеки на Тутол-

Кѣмъ стѣны града вознесенны, 2.
Не соберетъ ли тотъ гражданъ?
Кѣмъ скорби духа исцѣленны,
Плотскихъ не исцѣлитъ ли ранъ?

Создавый солнцы, круги звѣздны, 3.
И имъ нарекшій имена,
Великъ Господь! великъ, и бездны
Его премудрости нѣтъ дна!

Онъ кроткихъ въ милость принимаетъ 4.
И праведнымъ даетъ покровъ;
Надменныхъ власть уничтожаетъ
И грѣшныхъ низвергаетъ въ ровъ.

Начните жъ Бога вы, начните, 5.
О горды познавать умы!
И въ похвалу Ему спѣшите
Устроить гусли и псалмы.

Онъ, небо мракомъ облекая, 6.
Готовитъ въ тучахъ дождь браздамъ;
Росою горы проникая,
Изводитъ злакъ на службу намъ;

Даетъ звѣрямъ и птицамъ пищу, 7.
И насѣкомымъ и червямъ:

мина. Это стихотвореніе въ первый разъ было напечатано въ изданіи 1798 г., стр. 24, съ прибавленіемъ къ заглавію словъ: Псаломъ 146. Хвалите Господа яко благъ. Въ изданіи 1808 г. оно помѣщено ч. I, IX.

Содержаніе приложенныхъ рисунковъ (Олен.): 1) громъ разбиваетъ пирамиду, а пастухъ, сидя подъ деревомъ, спокойно смотритъ на это зрѣлище; 2) царь Давидъ поетъ хвалу Божію.

Такъ рубище даруетъ нищу,
Какъ діадиму и царямъ.

Не конскихъ крѣпкихъ мышцъ желаетъ, 8.
Не къ мужеству благоволитъ;
Но на Него кто уповаетъ,
Онъ любящихъ Его хранитъ.

XXXIX. НА ПОСѢЩЕНІЕ ВЪ ТАМБОВѢ ТИПОГРАФІИ ЕПИСКОПОМЪ ѲЕОФИЛОМЪ[1].

На память твоего, Ѳеофилъ, къ намъ прихода,
Безсмертью здѣсь твое мы имя предадимъ.
И должно ли молчать учителю народа?
Разсыпь твой бисеръ намъ: мы свѣтъ обогатимъ.

[1] Типографія въ Тамбовѣ была учреждена Державинымъ, когда онъ жилъ тамъ какъ начальникъ губерніи (объ этомъ см. его *Записки* и біографію). Ѳеофилъ, уроженецъ Глухова, былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ архипастырей русскихъ. Назначенный тамбовскимъ епископомъ изъ новгородскихъ викаріевъ, 6 мая 1788 г., «онъ простеръ заботливое вниманіе на все, что только можетъ служить предметомъ архипастырскихъ попеченій. Руководствуясь примѣромъ митрополита Гавріила, у котораго около 18-ти лѣтъ находился подъ непосредственнымъ начальствомъ, Ѳеофилъ во ввѣренной ему епархіи, по всѣмъ частямъ управленія, завелъ строгій порядокъ и 22 года съ половиною (до самой смерти своей 22 декабря 1811 г.) поддерживалъ и развивалъ его съ неутомимою дѣятельностію. По вступленіи его на паству тамбовскую, монастыри, архіерейскій домъ, консисторія, духовныя правленія, училища, духовенство — все приняло вскорѣ другой видъ. Зоркій, бдительный взглядъ Ѳеофила проникалъ всюду, и безпорядки вездѣ быстро исчезали» (*Ист.-статист. описаніе тамбовской епархіи*, Г. Хитрова. Тамбовъ, 1861).

Надпись эта была напечатана только разъ въ *Московскомъ журналѣ* за сентябрь 1792 г. (ч. VII, стр. 259) подъ заглавіемъ: Стихи, поднесенные епископу Ѳеофилу, когда онъ посѣтилъ тамбовскую типографію. Подъ стихами означено въ скобкахъ: *Изъ Петербурга*. Въ рукописяхъ поэта они встрѣчаются нѣсколько разъ и должны были, по его предположенію, войти въ составъ особаго тома разныхъ мелкихъ стихотвореній его.

XL. НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ [1].

Не безпрестанно дождь стремится 1.
На класы съ черныхъ облаковъ,

[1] Графиня Марья Андреевна Румянцова, мать Задунайскаго, дочь графа Андрея Артамоновича Матвѣева, родилась 4 апрѣля 1698, умерла 4 мая 1788 года *. Она еще въ первые годы царствованія Елисаветы пожалована была статсъ-дамою, а въ 1776 г. оберъ-гофмейстериною. По случаю праздновавіи турецкаго мира получила она Екатерининскій орденъ.

* Эти числа заимствованы изъ *Списковъ замѣчательныхъ лицъ* Карабанова (*Чт. въ Общ. ист. и др.* 1860, кн. I); но въ *Запискахъ Храповицкаго* отмѣчено подъ послѣднимъ днемъ, что Румянцова скончалась на 96-мъ году.

И море не всегда струится
Отъ премѣняемыхъ вѣтровъ [2];
Не круглый годъ во льду спятъ воды,
Не всякій день бурь слышенъ свистъ,
И съ скучной не всегда природы
Падетъ на землю желтый листъ.

Гр. Сегюръ, называя ее почти столѣтнею, такъ отзывается о ней (Mémoires и проч., т. I, стр. 490): «Разбитое параличемъ тѣло ея одно обличало ея старость; голова ея была полна жизни, умъ блисталъ веселостью, воображеніе носило печать юности. Такъ какъ память у нея была необыкновенная, то разговоръ ея былъ столько же интересенъ и поучителенъ, какъ хорошо написанная исторія».

Державинъ былъ еще тамбовскимъ губернаторомъ, когда, по случаю ея смерти, написалъ эти стихи. Но они были напечатаны не прежде марта 1791 г., въ *Московскомъ журналѣ* (ч. I, стр. 269), гдѣ явились подъ заглавіемъ: Ода на смерть графини Румянцовой къ Н***. Подъ буквою *Н.* Державинъ скрылъ имя княгини Дашковой, которая въ то время сокрушалась о женитьбѣ своего сына, обвѣнчавшагося безъ ея вѣдома во время марша изъ Кіева въ дѣйствующую армію. Жена его была урожденная Алферова. Неожиданное извѣстіе объ этомъ бракѣ такъ поразило мать, что она нѣсколько дней заливалась слезами и наконецъ занемогла нервическою горячкой (Mémoirs of the princess Daschkaw, т. I, стр. 347 и слѣд.). Державинъ хотѣлъ поставить ей въ образецъ благоразумія графиню Румянцову, которая въ свой долгій вѣкъ перенесла много горя съ большимъ спокойствіемъ. Впрочемъ можно заключить изъ *Объясненій* его, что стихи эти не скоро сдѣлались извѣстными княгинѣ Дашковой.

Въ изданіи 1798 г. см. стр. 139; въ изданіи 1808, ч. I, xxvii.

Къ заглавію приложенъ здѣсь рисованный Оленинымъ портретъ графини Румянцовой.

[2] Отъ премѣняемыхъ вѣтровъ.

Въ этомъ началѣ видно подражаніе первымъ стихамъ оды Горація *къ Вальгію* (кн. II, ода 9):

Non semper imbres nubibus hispidos
Manant in agros; aut mare Caspium
Vexant inaequales procellae
Usque; и проч.

или въ переводѣ г. Фета:

Подобно и тебѣ крушиться 2.
Не должно, Дашкова, всегда[3],
Готово ль солнце въ бездну скрыться,
Иль паки утру быть чреда.
Ты жизнь свою въ тоскѣ проводишь:
По англійскимъ твоимъ коврамъ[4],
Уединясь, въ смущеньи ходишь,
И волю течь даешь слезамъ.

Престань — и равнодушнымъ окомъ 3.
Воззри на оный кипарисъ,
Который на брегу высокомъ
На Невскія струи нависъ
И мрачной тѣни подъ покровомъ
Во дремлющихъ своихъ вѣтвяхъ
Сокрылъ недавно въ гробѣ новомъ
Румянцовой почтенный прахъ.

Румянцовой! — Она блистала 4.
Умомъ, породой, красотой,

Не вѣчно дождикъ крупный льется
Изъ тучъ на грязный тукъ полей
И буря злобная несется
Средъ грозныхъ Каспія зыбей.
(*Оды Горація.* Спб., 1856).

Тредьяковскій также перевелъ эту оду, и началъ ее такъ:
Не всегда дожди льютъ наводненіе,
Ни въ моряхъ отъ бурь завсе волненіе.
(Предувѣдомленіе къ *Аргенидѣ.* Спб., 1751).

[3] Не должно, Дашкова, всегда.

Вмѣсто имени Дашковой Державинъ тутъ писалъ и печаталъ всегда *Н.;* это соблюдалось до сихъ поръ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ его. Мы позволили себѣ напечатать стихъ такъ, какъ онъ долженъ читаться по *Объясненіямъ* поэта.

[4] По англійскимъ твоимъ коврамъ.

Княгиня Дашкова любила все англійское, и домъ ея былъ убранъ въ этомъ вкусѣ (*Об.* Д.).

И въ старости любовь снискала
У всѣхъ любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружній взоръ, друзей, дѣтей;
Монархамъ осмерымъ служила[5],
Носила знаки ихъ честей;

И зрѣла въ торжествѣ и славѣ 5.
И въ лаврахъ сына своего;
Не измѣнялась въ сердцѣ, нравѣ,
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала все,
И какъ вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

Воззри на памятникъ сей вѣчный 6.
Ты современницы твоей[a];
Въ отраду горести сердечной,
Къ спокойствію души своей,
Прочти: «Сія гробница скрыла

[a] На современницу свою,
И рвенія твои сердечны
И душу успокой твою (1792).

---

[5] Монархамъ осмерымъ служила.

Графиня Румянцова была уже фрейлиной при дворѣ Петра Великаго. Сегюръ говоритъ: «Въ своихъ разсказахъ она мнѣ часто намекала, что Петръ Великій былъ влюбленъ въ нее и даже оставляла меня въ сомнѣніи, отвергла ли она его любовь». О томъ, какъ Петръ I сосваталъ ее за графа Александра Ивановича Румянцова, см. біографію этого генерала въ *Словарѣ* Бантышъ-Каменскаго (Москва, 1836, ч. IV).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ Екатерины II изъ Германіи, Румянцова была назначена къ ней и занимала эту должность довольно долго; но, по словамъ императрицы, сплетнями и интригами оставила въ ней весьма непріятное воспоминаніе (Mém. de Cath. II, стр. 12, 24 и 213).

Затмившаго мать лунный свѣтъ[6];
Смерть добродѣтели щадила:
Она жила почти сто лѣтъ».

Какъ солнце тускло ниспущаетъ[7] 7.
Послѣдніе свои лучи,
По небу, по водамъ блистаетъ
Румяною зарей въ ночи[8]:
Такъ съ тихимъ вздохомъ, взоромъ яснымъ
Она оставила сей свѣтъ;
Но именемъ своимъ прекраснымъ
Еще, еще она живетъ!

[6] Затмившаго мать лунный свѣтъ.

Вмѣсто этого и пяти предыдущихъ стиховъ, И. И. Дмитріевъ предлагалъ слѣдующую редакцію:

Се памятникъ воздвигнутъ вѣчный
Въ честь современницы твоей.
Въ отраду горести сердечной
Прочти на немъ ты надпись ей:
«Сія гробница матерь скрыла
Затмившаго и лунный свѣтъ».

Кажется, излишне присовокуплять, что подъ *луннымъ свѣтомъ* здѣсь разумѣется слава турецкаго оружія.

[7] Какъ солнце тускло ниспущаетъ...

И. И. Дмитріевъ, имѣя въ виду 5-й стихъ той же строфы, предлагалъ вмѣсто *тускло* поставить *кротко* и при этомъ замѣтилъ: «*Тусклость* противорѣчитъ *ясности* взора». Въ *Московск. журналѣ* и въ изданіи 1798 г. было напечатано *ниспускаетъ;* въ обоихъ случаяхъ, вѣроятно, поправка принадлежитъ Карамзину.

[8] Румяною зарей въ ночи.

Эпитетъ *румяною* употребленъ здѣсь намѣренно ради созвучія съ фамиліею Румянцовыхъ, что̀ неразъ встрѣчается также въ *Водопадѣ* (подъ 1791 г.), напр. въ 9-й строфѣ:

Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ *румяной.*

и въ *Вельможѣ* (подъ 1794 г.) — въ послѣднихъ стихахъ оды:

Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря!

И ты, коль побѣдила страсти[б], 8.
Которы трудно побѣдить;
Когда не ищешь вышней власти[9]
И первою въ вельможахъ быть;
Когда не мстишь, и совѣсть права,
Не алчешь злата и сребра:
Какого же, коль тѣломъ здрава,
Еще желаешь ты добра?

Одно лишь въ насъ добро прямое, 9.
А прочее все въ свѣтѣ тлѣнъ:
Почіетъ чья душа въ покоѣ,
Поистинѣ тотъ есть блаженъ.
Престань же ты умомъ крылатымъ[в]
По треволненію летать;
Съ убогимъ грузомъ иль богатымъ,
Всякъ долженъ къ вѣчности пристать.

Пожди — и сынъ твой съ страшна бою 10.
Иль на щитѣ, иль со щитомъ,
Съ побѣдой, съ славою, съ женою,
Съ трофеями пріѣдетъ въ домъ;
И если знатности и злата
Невѣстка въ даръ не принесетъ:
Благими нравами богата,
Прекрасныхъ внучатъ приведетъ.

[б] Когда тебя не мучатъ страсти,
Которы трудно усмирить;
Когда не хощешь вышней власти.
[в] Престань умомъ твоимъ крылатымъ.

---

[9] Когда не ищешь вышней власти.

«Княгиня Дашкова была честолюбивая женщина и добивалась перваго мѣста при государынѣ, даже желала засѣдать въ сенатѣ» (*Об.* Д.).

Утѣшься — и въ объятьи нѣжномъ 11.
Облобызай своихъ ты чадъ;
Въ семействѣ мирномъ, безмятежномъ
Өессальскій насаждая садъ [10],
Живи и распложай науки;
Живи и обезсмерть себя,
Да громогласной лиры звуки
И музы воспоютъ тебя.

Сѣдый соборъ Ареопага [11], 12.
На истину смотря въ очки,

[10] Өессальскій насаждая садъ —

т. е. русскій парнассъ (*Об.*), такъ какъ княгиня Дашкова была начальницей двухъ академій. Но Парнассъ не въ Өессаліи, а въ Фокидѣ. Еще И. И. Дмитріевъ, просматривая рукопись 1790-хъ гг., замѣтилъ эту несообразность и на поляхъ написалъ: «Если это не о Парнассѣ, чего и сказать нельзя, то должно подразумѣвать Темпейскую долину».

[11] Сѣдый соборъ Ареопага —

сенатъ, котораго рѣшенія часто были неблагопріятны для княгини Дашковой. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій былъ съ нею въ недружескихъ отношеніяхъ (*Об.* Д.)

«При отправленіи должности моей (*какъ директора академіи наукъ*) — разсказываетъ княгиня Дашкова въ своихъ *Запискахъ* — я испытала много непріятностей со стороны г.-пр. князя Вяземскаго. То онъ оставлялъ безъ вниманія мои представленія въ сенатъ о производствѣ академиковъ, то онъ вовсе не присылалъ мнѣ бумагъ, которыхъ я требовала, намѣреваясь издать точныя ландкарты русскихъ губерній.... Академія издавала новый журналъ (*Собесѣдникъ*), въ которомъ сама государыня иногда наполняла нѣсколько страницъ. Я также работала для него. Во всякой статьѣ, сколько-нибудь отзывавшейся сатирою, кн. Вяземскій непремѣнно видѣлъ намеки на себя или на свою жену, особливо когда онъ узналъ, что и Державинъ участвовалъ въ этомъ журналѣ. Державинъ, по его старанію, отставленъ былъ отъ должности; потому можно было предполагать, что онъ, какъ поэтъ, котораго всѣ читали и хвалили, не упуститъ воспользоваться легкимъ способомъ мести, бывшимъ въ рукахъ его» (Memoirs of the pr. Daschkaw, ч. I, стр. 314—316, и *Современникъ* 1845 г., т. XXXVII, стр. 28).

На счетъ общественнаго блага
Нерѣдко ей давалъ щелчки;
Но въ вѣкъ тотъ Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть.
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и намъ терпѣть?

Терпи! — Самсонъ сотретъ льву зубы, 13.
А Навинъ потемнитъ луну [12];
Румянцовъ [г] молньи дхнетъ сугубы,
Екатерина — тишину;
Меня жъ ничто вредить не можетъ:
Я злобу твердостью сотру [13];
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ,
А я піитъ [д] — и не умру.

[г] Вождь Россовъ....
[д] А я поэтъ....

---

[12] .... Самсонъ сотретъ льву зубы,
А Навинъ потемнитъ луну.

Этими стихами поэтъ намекаетъ на бывшую тогда у Россіи войну со Швеціею и Турціею: въ гербѣ одной — левъ, въ гербѣ другой — луна.

[13] Я злобу твердостью сотру.

Державинъ писалъ это подъ впечатлѣніемъ непріятностей, которымъ онъ тогда подвергался по несогласіямъ съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ.

XLI. ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА[1].

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея[a] 1.
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;

[a] Спустилъ Эолъ Борея (1798).

[1] Писано въ послѣднее время пребыванія Державина въ Тамбовѣ, 1 ноября 1788 г., когда долго не было извѣстій изъ-подъ Очакова. Съ

Ужасныя крылѣ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ — и облака разсѣлись,
Пустился дождь и восшумѣлъ.

конца 10-й строфы поэтъ обращается къ князю Сергѣю Ѳедоровичу Голицыну, который тогда, въ чинѣ генералъ-поручика, находился въ арміи Потемкина, а впослѣдствіи занималъ важныя военныя должности (род. 1748, ум. 1810 г.). Стихотвореніе было назначено для супруги его, княгини Варвары Васильевны, урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина, которая между тѣмъ оставалась въ селѣ Зубриловкѣ. Это богатое имѣніе, съ каменнымъ господскимъ домомъ, прекрасно построеннымъ между двумя обширными садами, расположено живописно на высокомъ берегу Хопра (нынѣ въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи) и принадлежитъ въ настоящее время внуку тогдашняго владѣльца, князю Александру Ѳедоровичу Прозоровскому-Голицыну. Мы посѣтили Зубриловку лѣтомъ 1862 года. Старый домъ поддерживается, или, точнѣе, возобновляется въ прежнемъ видѣ; стѣны его внутри увѣшаны портретами знаменитыхъ предковъ хозяина. Супруга нынѣшняго владѣльца, княгиня Марья Александровна, связана съ домомъ Державина и узами родства и семейными преданіями: она по отцу — внучка друга и родственника его, Н. А. Львова, котораго имя такъ часто упоминается въ нашихъ примѣчаніяхъ (см. стихотвореніе къ нему подъ 1792 г.). Подробности о Зубриловкѣ можно найти въ неизданныхъ *Запискахъ Вигеля*, рукопись которыхъ хранится въ императорской публичной библіотекѣ (ч. I, стр. 314; ч. II, стр. 176 и 327. Въ публичной библіотекѣ недостаетъ еще одной, послѣдней части этихъ *Записокъ*, которая, какъ мы слышали, въ рукахъ племянницы покойнаго Ф. Ф. Вигеля, г-жи Араповой, живущей въ Москвѣ). Отъ Тамбова до Зубриловки около 150 верстъ, и Державинъ неразъ ѣзжалъ туда вмѣстѣ съ своею женой. Княгиня В. В. Голицына любила литературу и даже сама перевела съ французскаго книгу, напечатанную съ именемъ переводчицы 1790 г. въ Тамбовѣ, подъ заглавіемъ: «Заблужденія отъ любви» и проч. (Смирдинская *Роспись* № 8815).

Сколько извѣстно, стихи: *Осень во время осады Очакова* были въ первый разъ напечатаны въ изданіи 1798 г., стр. 122, гдѣ при заглавіи означены годъ и день сочиненія ихъ. Въ изданіи 1808 г. см. ч. I, XXVI. Въ этой пьесѣ есть опять отдѣльныя слова и цѣлый стихъ, принадлежащіе

Уже румяна Осень носитъ 2.
Снопы златые на гумно
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи;
Ковыль сребрится по степямъ [2];
Шумящи красножелты листьи [3]
Разстлались всюду по тропамъ.

И. И. Дмитріеву, и именно: въ 1-й строфѣ, стихъ 3-й, форма *крилѣ* поставлена имъ вмѣсто крылà; въ 5-й, стихъ 3: *А на коврахъ полей зеленыхъ* взамѣнъ прежняго: Въ поляхъ вмѣсто ковровъ зеленыхъ; въ 7-й, стихъ 7: *мельканьемъ* вмѣсто сверканьемъ; въ 11-й, стихъ 3: *давно желаннаго* вм. превожделѣннаго. Сверхъ того Дмитріевъ предлагалъ — въ строфѣ 5-й, стихъ 8: *И гласъ свирѣлей ужъ затихъ* или *Стада оставили ужъ ихъ* вмѣсто: И не пасется стадъ при нихъ; въ 6-й, стихъ 5: *Сквозь сѣрый дымъ чуть видны домы* вмѣсто: Дымятся сѣрымъ дымомъ домы, при чемъ два послѣднія слова были подчеркнуты; въ 11-й, стихъ 3: *часа* вмѣсто гласа; наконецъ въ 13-й, стихи 4—8:

Разсыпавъ по челу власы,
Сидитъ отъ всѣхъ уединенна
За столикомъ, облокотясь;
На ликъ твой, кистью оживленный,
Съ печальной нѣжностью глядитъ —

вмѣсто пяти стиховъ, напечатанныхъ въ текстѣ; но Державинъ не воспользовался этими измѣненіями.

Приложенный къ одѣ рисунокъ Оленина олицетворяетъ содержаніе 4-й строфы ея.

[2] Ковыль сребрится по степямъ.

Въ изданіи 1808 г. *ковылъ*. См. выше, стр. 154, примѣч. 2 къ одѣ *Благодарность Фелицѣ*. Прибавимъ, что въ 1-мъ изданіи Словаря россійской академіи при словѣ *ковыль* сдѣлана ссылка на другую форму его: *кàвылъ*. Въ *Простонародныхъ названіяхъ русскихъ растеній* Н. Анненкова находимъ только *ковыль* и *ковылка*.

[3] Шумящи красножелты листьи.

Листьи писалъ здѣсь Державинъ для риѳмы. Любопытно, что онъ, позволяя себѣ большую свободу въ отношеніи къ согласнымъ въ женскихъ риѳмахъ, былъ очень строгъ на счетъ окончательныхъ гласныхъ. Такъ у него часто встрѣчаются такія риѳмы, какъ *невинныхъ* и *безсильныхъ*

Въ опушкѣ заяцъ быстроногій, 3.
Какъ колпикъ[4] посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ.
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Борей на Осень хмуритъ брови 4.
И Зиму съ сѣвера зоветъ.
Идетъ сѣдая чародѣйка[5],
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ и мразъ и иней сыплетъ
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

Намѣсто радугъ испещренныхъ 5.
Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ.
Пустыни сѣтуютъ и долы,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ и холмы голы,
И не пасется стадъ при нихъ.

(во 2-й строфѣ оды *Властителямъ и судіямъ* подъ 1780 г.), и въ то же время онъ не рѣшался напр. подъ риѳму къ *неутомленный* употребить *вселенной*, а писалъ въ такомъ случаѣ *вселенны* (см. 6-й куплетъ пѣсни *Монументъ Петра Великаго*, подъ 1776 г.).

[4] *Колпикъ*, или *колпица*, птица бѣлаго цвѣта, изъ отдѣла голенастыхъ, которая водится въ южной Россіи.

[5] Идетъ сѣдая чародѣйка.

«Иногда Державинъ повторяетъ одни и тѣ же образы. Такъ и въ одѣ 1799 г. *На переходъ Альпійскихъ горъ* онъ говоритъ, разумѣя зиму (строфа 8-я): А тамъ волшебница сѣдая» (Галаховъ).

Ушелъ олень на тундры мшисты, 6.
И въ логовище легъ медвѣдь;
По селамъ нимфы голосисты[6]
Престали въ хороводахъ пѣть;
Дымятся сѣрымъ дымомъ домы,
Поспѣшно ѣдетъ путникъ въ путь,
Небесный Марсъ оставилъ громы
И легъ въ туманы отдохнуть.

Россійскій только Марсъ, Потемкинъ, 7.
Не ужасается зимы:
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимыхъ имъ, Орелъ
Надъ древнимъ царствомъ Митридата
Летаетъ и темнитъ Луну;
Подъ звучнымъ крылъ[7] его мельканьемъ
То чернъ, то блѣднъ, то рдянъ Эвксинъ.

Огонь, въ волнахъ неугасимый, 8.
Очаковскія стѣны жретъ;
Предъ ними Россъ непобѣдимый

[6] По селамъ нимфы голосисты.

Ср. въ послѣдней строфѣ пьесы *На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію* стихъ: *Сельски нимфы голосисты* (стр. 101). Выраженіе *сельскія нимфы* заимствовано у Ломоносова, который въ *Письмѣ о пользѣ стекла* говоритъ:

Во свѣтлыхъ зданіяхъ убранства таковы.
Но въ чемъ красуетесь, о *сельски нимфы*, вы?
(*Соч. Ломон.*, Смирд. изд., т. I, стр. 511).

[7] Подъ звучнымъ крылъ его мельканьемъ.

Въ изданіи 1808 г. стоитъ здѣсь *крилъ*, такъ же какъ и въ 3-мъ стихѣ первой строфы: *крилъ;* но мы въ обоихъ случаяхъ предпочли орѳографію изданія 1798 г., такъ какъ самъ Державинъ держался ея и послѣ въ другихъ мѣстахъ (см. *Фелицу*, строфа 26, и *На рожденіе порфиророднаго отрока*, стихъ 65). Форма *крилъ* есть тонкость, придуманная Дмитріевымъ (см. выше, стр. 224, примѣч. 1).

И въ мразъ зелены лавры жнетъ:
Сѣдыя бури презираетъ,
На льды, на рвы, на громъ летитъ,
Въ водахъ и въ пламѣ помышляетъ:
Или умретъ, иль побѣдитъ[8].

9. Мужайся, твердый Россъ и вѣрный,
Еще побѣдой возблистать!
Ты не наемникъ — сынъ усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкинъ — вождь, Богъ — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щитъ;
Честь — мзда твоя, вселенна — зритель,
Потомство плесками гремитъ.

10. Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини Сѣверной сыны!
Хотя вы въ Стиксъ не погружались,
Но вы безсмертны по дѣламъ.
На васъ всѣхъ мысль, на васъ всѣхъ взоры:
Дерзайте вашихъ вслѣдъ отцовъ!
И ты спѣши скорѣй, Голицынъ,
Принесть въ твой домъ съ оливой лавръ.

11. Твоя супруга златовласа,
Плѣнира сердцемъ и лицомъ[9],

[8] Или умретъ, иль побѣдитъ.

Въ изданіи 1808 года: «Иль умереть, иль побѣдить»; но на основаніи собственноручной поправки Державина въ принадлежавшемъ ему экземплярѣ его сочиненій мы возстановили этотъ стихъ по изданію 1798. Такъ и въ рукописяхъ.

[9] Плѣнира сердцемъ и умомъ.

Очевидно, что здѣсь имя *Плѣнира* употреблено какъ нарицательное, а не въ томъ смыслѣ, какой Державинъ обыкновенно придаетъ ему: см. выше, стр. 118, примѣч. 2.

Давно желаннаго ждетъ гласа,
Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ;
Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ[10],
На матерь нѣжны взоры вскинешь
И въ радости не сыщешь словъ;

Когда обильными рѣчами 12.
Потомъ восторгъ свой изъявишь,
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь;
Геройскія дѣла разскажешь
Ея ты дяди и отца[11],
И духъ и умъ его докажешь,
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

[10] . . . . обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ.

Князья: Григорій, Өедоръ, Сергѣй, Павелъ, Александръ, Василій и Владиміръ (См. *Словарь достоп. людей* Бантышъ-Каменскаго).

[11] . . . . Ея ты дяди и отца —

дяди ея, Потемкина, который любилъ ее, какъ отецъ. Мать ея была родная сестра Потемкина, вышедшая за Энгельгардта, который еще до возвышенія шурина своего умеръ маіоромъ. Отъ этого брака родились: одинъ сынъ, Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, дослужившійся до чина генералъ-поручика, и пять дочерей: 1) *Александра*, бывшая въ замужствѣ за короннымъ гетманомъ графомъ Ксаверіемъ Петровичемъ Браницкимъ; 2) *Варвара* — за кн. С. Ө. Голицынымъ (см. выше, стр. 223, примѣч. 1); 3) *Надежда* — за генераломъ Петромъ Ампліевичемъ Шепелевымъ; 4) *Екатерина* — въ первомъ супружествѣ за графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, во второмъ — за графомъ Юліемъ Помпеевичемъ Литтою (см. подъ 1798 г. стихотвореніе Державина: *На бракъ графини Литты*); 5) *Татьяна* — въ первомъ супружествѣ за генералъ-поручикомъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ, дальнимъ родственникомъ князя Таврическаго; во второмъ — за сенаторомъ, дѣйств. тайн. сов. княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ (рукопись современника, находящаяся нынѣ въ имп. публ. библіотекѣ, подъ заглавіемъ: *Жизнь, характеръ, военныя и политическія дѣянія рос. ген.-фельдмаршала кн. Г. А. Потемкина Тавр.*).

Спѣши, супругъ, къ супругѣ вѣрной; 13.
Обрадуй ты, утѣшь ее!
Она, задумчива, печальна,
Въ простой одеждѣ и власы
Разсыпавъ по челу нестройно,
Сидитъ за столикомъ въ софѣ,
И свѣтлоголубые взоры
Ея всечасно слезы льютъ.

Она къ тебѣ вседневно пишетъ, 14.
Твердитъ то славу, то любовь;
То жалостью, то нѣгой дышитъ;
То страхъ ея смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви;
Мятется, борется, вѣщаетъ:
Коль долгъ велитъ, ты лавры рви!

Въ чертогѣ, вкругъ ея безмолвномъ, 15.
Не смѣютъ Нимфы пошептать;
Въ восторгѣ только Музы томномъ
Осмѣлились сей стихъ бряцать.
Румяна Осень! — радость мира!
Умножь, умножь еще твой плодъ!
Приди, желанна вѣсть! — и лира
Любовь и славу воспоетъ[12].

У Потемкина была еще сестра — мать графа А. Н. Самойлова (см. подъ 1791 г. оду *Ко второму сосѣду*).

Всѣ племянницы Потемкина отличались, болѣе или менѣе, красотою; но особенно блистала въ этомъ отношеніи Екатерина Васильевна. Есть преданіе, что всякій разъ, когда онѣ посѣщали Потемкина, онъ имъ давалъ по червонцу, Екатерина же получала отъ него бриліянты.

[12] Приди, желанна вѣсть!

Послѣ взятія Очакова 6 декабря, кн. Голицынъ могъ оставить армію, и 25-го числа Державинъ писалъ ему изъ Тамбова въ Зубриловку: «Я

не могу вашему сіятельству описать того удовольствія столь живо, сколь мы его чувствуемъ, узнавъ отъ человѣка вашего о вашемъ благополучномъ возвращеніи. Отъ всего моего сердца поздравляю васъ и съ столь преславною побѣдою, и съ радостію, что пріѣздомъ вашимъ оживотворили вы супругу вашу».

Въ рукописяхъ Державина есть слѣдующая надпись *къ портрету Варвары Васильевны Энгельгардтъ*, переведенная имъ съ французскаго въ 1780 году, когда, какъ видно, эта племянница Потемкина еще не была замужемъ:

Благопріятный нравъ, черты твои прекрасны
Обворожаютъ всѣхъ въ единый мигъ тобой;
Безъ разсужденія сердца тебѣ подвластны,
И съ разсужденіемъ всѣмъ плѣнъ пріятенъ твой.

Державинъ оставилъ также надпись *къ портрету Александры Васильевны Энгельгардтъ*, впослѣдствіи княгини Браницкой; мы помѣстимъ ее въ примѣчаніяхъ къ *Водопаду* (см. подъ 1791 г.).

XLII. ПОБѢДИТЕЛЮ [1].

—

Въ Всевышней помощи живущій, 1.
Въ покровѣ Бога водворенъ,
Заступникомъ Его зовущій,
Прибѣжищемъ своимъ, и въ Немъ
Надежду кто свою кладетъ въ свой вѣкъ,
Великъ, великъ тотъ въ свѣтѣ человѣкъ!

[1] Эти стихи написаны въ Москвѣ (см. ниже, стр. 236, въ примѣчаніи) въ началѣ 1789 г., по случаю взятія Очакова Потемкинымъ 6 декабря 1788 г. и, по словамъ Остолопова (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 23), тогда же отправлены къ этому вельможѣ «отъ неизвѣстнаго автора, объ имени котораго не зналъ онъ (*будто бы*) до самой кончины своей». Они напечатаны въ изданіи 1798 года, стр. 26, подъ заглавіемъ: Побѣдителю. Псаломъ 90. Живый въ помощи Вышняго. Въ изданіи 1808 г. см. ч. I, VII. Смѣлость предпріятія въ лютый морозъ и выборъ дня для совершенія его

Господь его отъ сокровенныхъ, 2.
Отъ хитрыхъ сохранитъ сѣтей,
Спасетъ его отъ дерзновенныхъ
И отъ зломышленныхъ людей;
Избавитъ отъ клеветъ[2], отъ лести злой,
Покроетъ твердою своей броней.

Хоть полкъ предъ нимъ враговъ предыдетъ 3.
И окружитъ отвсюду тма,
Оружіемъ его обыдетъ
Небесна Истина сама.
На крылахъ черныхъ тучъ пусть громъ летитъ:
Освѣтитъ лишь его и осѣнитъ.

Отъ стрѣлъ, какъ градъ съ высотъ шумящихъ, 4.
Отнюдь не устрашится онъ;
Отъ вихрей, съ жупломъ преходящихъ,
И все огнемъ ядущихъ волнъ
Не удалится прочь, — и завсегда,
Какъ твердый Тавръ, душа его тверда.

Тамъ тысящи падутъ ошую, 5.
Кровавая горитъ заря;
Тамъ милліоны одесную, —
Покрыты трупами моря;
Къ нему же съ роковой косою Смерть
Не смѣетъ хищныхъ рукъ своихъ простерть.

служили въ глазахъ Державина (*Об.*) доказательствами упованія Потемкина на Бога.

Первый изъ приложенныхъ рисунковъ (Олен.), представляющій Побѣду, снятъ съ древней медали; второй изображаетъ вѣнецъ вѣчности, носящійся на высотѣ.

[2] Избавитъ отъ клеветъ...

Осада Очакова шла сначала неудачно: при дворѣ были весьма дурные толки о Потемкинѣ, «и едва ему не отказано отъ команды» (*Об.* Д.).

Но ты смотри и виждь, о смертный! 6.
И Божьи разумѣй дѣла:
Враговъ твоихъ полки несмѣтны
Однимъ Смерть взмахомъ посѣкла!
Невѣрныхъ сокрушилъ ты гордый рогъ;
Но симъ лишь чрезъ тебя казнилъ ихъ Богъ.

Казнилъ ихъ Богъ — а ты средь бою 7.
Остался живъ! — и для чего[а]?
Что возлюбилъ Его душою,
Что всю надежду на Него
Не усомнился ты предположить:
Тебя Онъ предызбралъ свой судъ свершить.

Тебя — и зло къ тебѣ не придетъ, 8.
Ни рана къ тѣлу твоему;
На сердцѣ здравіе почіетъ,
Веселье сердцу и уму
Пойдетъ со плесками тебѣ во слѣдъ[б]:
По торжествамъ тебя познаетъ свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ 9.
Невидимыхъ безплотныхъ силъ
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ ангеловъ, чтобъ цѣлъ ты былъ:
Сафирныя свои они крыла
Расширя надъ тобой, блюдутъ отъ зла.

Блюдутъ тебя и сохраняютъ 10.
Они во всѣхъ путяхъ твоихъ,
Повсюду вкругъ тебя летаютъ
И носятъ на рукахъ своихъ,

[а] .... А для чего (1798).
[б] Пойдетъ со плесками вездѣ во слѣдъ.

И вѣтру на тебя претятъ порхнуть,
Въ пыли твоихъ о камень ногъ преткнуть[в].

На аспидовъ, на василисковъ, 11.
На тигровъ, на ехиднъ, на львовъ,
Вдали рыкающихъ, и близко
На пресмыкающихъ гадовъ,
Шипящихъ вкругъ тебя ужей и змѣй,
Ты ступишь и попрешь ногой твоей.

Надеждъ твоихъ и всѣхъ желаній 12.
Ты никому не объявилъ;
На небо воздѣвая длани,
Ты втайнѣ Бога лишь молилъ;
Его превѣчное ты имя звалъ,
Его изъ устъ твоихъ не испускалъ.

Господь отъ звѣздъ тебя услышалъ, 13.
Твою мольбу проразумѣлъ,
Изъ пренебесной бездны вышелъ,
Невидимую длань простеръ.
Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тма и мгла,
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ 14.
Сіянье Онъ своихъ лучей;
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ пробавилъ дней,
Спасеніе людямъ своимъ явилъ[г],
Величіе свое въ тебѣ открылъ[3].

[в] Въ пыли о камень ногъ твоихъ преткнуть.
[г] Спасеніе людямъ твоимъ явилъ.

---

[3] Величіе свое въ тебѣ открылъ.

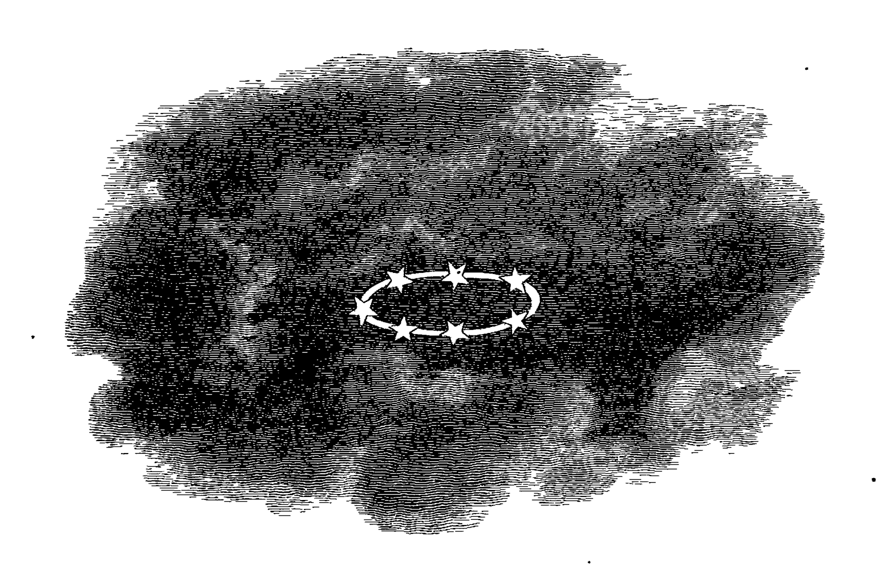
Въ изданіи 1798 г. пьеса оканчивается этимъ стихомъ; послѣдней же строфы «Московская цензура не пропустила по причинѣ неблаговоленія императора Павла къ князю Потемкину» (*Об.* Д.).

Но кто ты, вождь, кѣмъ стѣны пали,
Кѣмъ твердь Очаковска взята?
Чья вѣра, чьи уста взывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?
Чей духъ, чья грудь несла монаршій ликъ?
Потемкинъ ты! Съ тобой, знать, Богъ великъ[4]!

[4] Потемкинъ ты! Съ тобой, знать, Богъ великъ!

Въ черновой рукописи 1790-хъ годовъ этотъ стихъ читается такъ: «Потемкинъ, это ты! о, ты великъ!» Въ тетради же, поднесенной Екатеринѣ II въ 1795 г. (имп. пуб. библ.): «Потемкинъ, ты? — съ тобой Богъ — ты великъ»!

На взятіе Очакова В. Петровъ написалъ оду императрицѣ. Первое извѣстіе объ этомъ событіи, котораго такъ давно ожидали (la grande nouvelle, по выраженію Екатерины), пришло въ Петербургъ 16 декабря (см. *Записки Храповицкаго*).

XLIII. ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ[1].

Благослови, душа моя, 1.
Всесильнаго Творца и Бога[а];
Коль Онъ великъ! коль мудрость многа
Въ твореньяхъ, Господи, Твоя[б]!

[а] Ты Господа, Творца и Бога (1791).
[б] О Боже мой, вездѣ Твоя!

[1] Писано въ первые мѣсяцы 1789 года, когда Державинъ, отрѣшенный отъ тамбовскаго губернаторства, жилъ въ Москвѣ, находясь подъ судомъ. Какъ самъ онъ говоритъ въ *Объясненіяхъ* своихъ, мысль этого стихотворенія почерпнута изъ псалма 103. Ломоносовъ и Сумароковъ также перелагали этотъ псаломъ; Ломоносовъ написалъ 16 строфъ, но не кончилъ переложенія (см. *Сочиненія Ломоносова*, изд. Смирдина, т. I, стр. 22, и *Соч. Сумарокова*, т. I, стр. 149). Стихи Державина были напечатаны сперва въ *Московскомъ журналѣ* за октябрь 1791 года; ими начинается IV-я часть этого журнала; вмѣсто подписи автора тамъ три

Ты свѣтомъ, славой, красотой, 2.
Какъ будто ризой, облачился
И, какъ шатромъ, Ты осѣнился [в]
Небесъ лазурной высотой.

Ты звѣздну твердь изъ водъ сложилъ [г] 3.
И по зарямъ ея ступаешь,
На крыльяхъ вѣтряныхъ [2] летаешь
Во сонмѣ свѣтоносныхъ силъ.

Послами ангеловъ творишь, 4.
Повелѣваешь Ты духами,
Послушными себѣ слугами
Огню и бурямъ быть велишь [д].

Поставилъ землю на зыбяхъ: 5.
Вовѣкъ тверда она собою;
Объяты бездной, какъ пленою,
Стоятъ въ ней воды на горахъ.

[в] И, какъ завѣсой, осѣнился
Небесъ пресвѣтлой высотой.
[г] Ты звѣздный сводъ изъ водъ сложилъ,
Зарей восходишь въ багряницѣ,
Во облакахъ, какъ въ колесницѣ,
На тьмѣ летаешь бурныхъ крылъ.
[д] Огню и молньи быть велишь.

звѣздочки; потомъ въ изданіи 1798 г., стр. 7, съ означеніемъ въ заглавіи псалма и первыхъ словъ его: Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой возвеличился еси зѣло, и наконецъ въ изд. 1808 г., ч. I, IV. Въ окончательной редакціи стихотворенія, какъ видно изъ рукописи 1790-хъ годовъ, приняли нѣкоторое участіе Дмитріевъ и Капнистъ.

Значеніе рисунковъ (Олен.): 1) Ангелы, подымая завѣсу вселенной, показываютъ величіе Божіе; 2) душа воспѣваетъ хвалу Божію.

[2] Вѣтряныхъ. Въ изданіи 1798 г. и въ рукописяхъ читаемъ *вѣтренныхъ;* въ изданіи же 1808 г. *вѣтренныхъ*. Въ изд. 1798 предыдущій стихъ: «По облакамъ и по зарямъ ступаешь».

Среди хранилища сего 6.
Онѣ грозы Твоей боятся;
Речешь — ревутъ, бѣгутъ, стремятся
Отъ гласа грома Твоего;

Какъ горы, всходятъ къ облакамъ; 7.
Какъ долы, внизъ клонясь, ложатся;
Какъ степи, разліясь, струятся
Къ показаннымъ Тобой мѣстамъ.

Предѣлъ Ты начерталъ имъ Твой, 8.
И изъ него онѣ не выдутъ,
Не обратятся и не придутъ
Покрыть лицо земли волной.

Велишь внутрь горъ ключемъ имъ бить, 9.
Изъ дебрей рѣки проливаешь,
Звѣрямъ, онаграмъ [3] посылаешь
Повсюду жажду утолить [е].

А тамъ, по синевѣ небесъ [ж] 10.
Віясь, пернатыя летаютъ,
Изъ облакъ гласы испускаютъ
И свищутъ на вѣтвяхъ древесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ стремишь; 11.
Какъ перла, росы разсыпаешь;
Туманомъ холмы осребряешь
И плодоносными творишь.

[е] Чѣмъ всюду жажду утолить.
[ж] А тамъ, по синетѣ небесъ.

---

[3] . . . . онаграмъ.

Державинъ сохранилъ въ своемъ переложеніи три греческія слова, употребленныя въ славянскомъ переводѣ псалма: въ стихѣ 11-мъ библейскаго текста — *онагръ* (дикій оселъ), въ 17-мъ — *эродій* (аистъ) и въ 21-мъ — *скимнъ* (молодой левъ). См. ниже строфы 15 и 18.

Изъ нѣдръ земныхъ траву скотамъ 12.
Произращаешь въ насыщенье,
На разное употребленье
Различный злакъ изводишь намъ:

На хлѣбъ — чтобъ укрѣплять сердца, 13.
И на вино — чтобъ ободряться[з],
И на елей — чтобъ услаждаться
И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льетъ 14.
Древамъ питательные соки;
Ливанскихъ кедровъ садъ высокій,
Тобою насажденъ, цвѣтетъ.

Ты мелкихъ птичекъ умудрилъ 15.
Свои вить сокровенно гнѣзды[и],
Эродій[4] же свое подъ звѣзды
Чтобы на соснахъ возносилъ.

По высотамъ крутыхъ холмовъ 16.
Ты прядать научилъ еленей[і],
А зайцамъ средь кустовъ и тѣней
Ты далъ защиту и покровъ.

И блѣдная луна Тобой 17.
Своею чередой сіяетъ,

[з] Чтобы виномъ увеселяться,
Чтобы елеемъ услаждаться.
[и] Искусно вить и скрытно гнѣзды.
[і] Ты бѣгать научилъ еленей
И зайцамъ среди норъ и тѣней.

---

[4] *Эродій* — см. примѣчаніе 3. Въ 1807 г., по случаю смерти великой княгини Александры Павловны, Державинъ написалъ стихотвореніе *Эродій надъ гробомъ праведницы.*

И лучезарно солнце знаетъ
Во благовремя западъ свой [к].

Какъ день ты удалишь, и нощь 18.
Покровъ свой разстилаетъ черный, —
Лѣсные звѣри и дубровны
И скимнъ[5] выходитъ, яръ и тощь.

Выходятъ, рыщутъ и рычатъ, 19.
И отъ Тебя всѣ пищи просятъ;
Что̀ Ты даруешь имъ, уносятъ
И свой тѣмъ утоляютъ гладъ.

Но лишь простретъ свой солнце взглядъ, 20.
Они сбираются стадами [л]
И идутъ врозь между лѣсами,
И въ мрачныхъ логовищахъ спятъ [м].

Поутру человѣкъ встаетъ, 21.
Идетъ на трудъ, на земледѣлье,
И солнечное захожденье
Ему спокойствіе даетъ [н].

Но коль дѣла Твои, Творецъ, 22.
Безчисленны и неизмѣрны!
Премудрости Твоей суть бездны,
Полна земля Твоихъ чудесъ!

[к] Во время также западъ свой.
[л] Собравшися они стадами,
Расходятся между лѣсами.
[м] И въ логовищахъ своихъ спятъ (1798).
[н] Ему потомъ покой даетъ (1791).
— Ему только покой даетъ (1798).

---

[5] *Скимнъ* — см. примѣчаніе 3.

Сіи моря, сей водный сонмъ, 23.
Обширны хляби и бездонны,
Большихъ и малыхъ тварей полны
И чудъ, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ китъ, тамъ челнъ стремятъ свой бѣгъ[о] 24.
И насмѣхаются надъ бездной.
И все сіе, о Царь вселенной!
Себѣ Ты создалъ для утѣхъ.

Къ Тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрятъ[п] 25.
И на Тебя всѣ уповаютъ,
Къ Тебѣ всѣ руки простираютъ
И милостей Твоихъ хотятъ.

Даруешь имъ — и соберутъ; 26.
Разверзешь длань — и разсыпаешь
Щедроту всѣмъ; Ты всѣхъ питаешь[р]
И всѣ они Тобой живутъ.

Но если отвратишь свой зракъ, 27.
Ихъ всюду ужасы смущаютъ;
Отымешь душу — исчезаютъ
И превращаются во прахъ.

А если духъ пошлешь Ты свой[с], 28.
Мгновенно вновь все сотворится,
Лицо земное обновится,
Изъ тмы возстанетъ свѣтъ другой.

И будетъ слава средь небесъ 29.
Твоя, Создатель, продолжаться;

[о] Тамъ флотъ, тамъ китъ стремятъ свой бѣгъ (1791 и 1798).
[п] Къ Тебѣ, къ Тебѣ всѣхъ очи зрятъ (1791).
[р] Щедроту, благость, всѣхъ питаешь
И всѣ однимъ Тобой живутъ.
[с] Но если пошлешь духъ Ты свой (1791 и 1798).

Ты вѣчно будешь утѣшаться
Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О Ты, трясетъ чей землю взглядъ! 30.
Коснешься ли горамъ — дымятся;
Дохнешь ли на моря — холмятся[т],
Въ рукѣ держащій твердь и адъ!

Тебя, всесильный мой Творецъ, 31.
Я вѣчно славословить стану,
И пѣть Тебя я не престану
По самый дней моихъ конецъ.

Моя бесѣда предъ Тобой 32.
И пѣснь угодны да явятся;
Тобой я буду восхищаться,
Дышать и жить, о Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ 33.
Да истребитъ десница строга!
Хвали, душа моя, ты Бога[у]:
Сколь Онъ премудръ и сколь великъ!

[т] Дохнешь ли на моря — мрачатся,
Держащій небеса и адъ (1791).
[у] Благослови, душа моя, ты Бога,
Коль Онъ премудръ и коль великъ!

XLIV. НА СЧАСТІЕ [1].

Всегда прехвально, препочтенно, 1.
Во всей вселенной обоженно

[1] Еще древніе поэты вдохновлялись иногда идеею о счастіи. Такъ Пиндаръ обращается къ нему въ одномъ изъ своихъ гимновъ; у Горація между одами 1-й книги есть также одна (35-я) Ad Fortunam. Это одинъ изъ обычныхъ предметовъ стихотворства и въ восемнадцатомъ столѣтіи. Тогда славилась ода Жанъ-Батиста Руссо A la Fortune, кото-

И вожделѣнное отъ всѣхъ,
О ты, великомощно Счастье!
Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
Кому и въ ведро и въ ненастье
Мавръ, Лопарь, пастыри, цари,
Моляся въ кущахъ и на тронѣ,
Въ воскликновеніяхъ и стонѣ,
Въ сердцахъ ихъ зиждутъ алтари!

Сынъ время, случая, судьбины, 2.
Иль недовѣдомой причины,
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Вослѣдъ блистающей денницѣ
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною ширинкой машешь
И производишь чудеса.

Куда хребетъ свой обращаешь, 3.
Тамъ въ пепелъ грады претворяешь,

рую перевели Ломоносовъ и Сумароковъ. Капнистъ также сочинилъ оду *На счастіе*, напечатанную сперва въ *Московскомъ журналѣ* за декабрь 1792 г. (ч. VIII, стр. 296), а потомъ въ собраніи его сочиненій. Но ода Державина, написанная прежде этой послѣдней, отличается отъ другихъ стихотвореній на ту же тему своимъ шуточнымъ тономъ и сатирическимъ содержаніемъ. Онъ написалъ ее, находясь въ Москвѣ подъ судомъ (см. выше, стр. 236, въ примѣчаніи), и въ оправданіе веселой ея ироніи прибавилъ къ заглавію слова: Писано на масляницѣ, съ которыми она и явилась въ изданіи 1798 г., стр. 179; въ рукописи же 90-хъ годовъ была при этомъ еще дополнительная фраза, впослѣдствіи зачеркнутая: *когда и самъ авторъ былъ подъ хмелькомъ*. Въ изданіи 1808 г. см. ч. I, xxx. Варіантовъ, стоящихъ вниманія, нѣтъ.

Значеніе рисунковъ (Олен.): 1) Счастіе ѣдетъ по воздуху на мыльномъ пузырѣ и машетъ волшебною ширинкой (2-я строфа); 2) Психея почиваетъ на масличной вѣтви («Спокойствіе мое во мнѣ», послѣдній стихъ оды).

Приводишь въ страхъ богатырей;
Султановъ заключаешь въ клѣтку,
На казнь выводишь королей;
Но если ты жъ, хотя въ издѣвку,
Осклабишь взоръ свой на кого:
Раба творишь владыкой міру[2],
Намѣсто рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья, 4.
Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья,
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь,
Дѣвицъ и дамъ магнизируешь[3],
Изъ камней золото варишь,
Въ глаза патріотизма плюешь,
Катаешь кубаремъ весь міръ;
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,

[2] Раба творишь владыкой міру.

«Тогда разумѣлся Надиръ, изъ разбойника сдѣлавшійся царемъ персидскимъ, а послѣ и Наполеонъ можетъ служить примѣромъ» (*Об.* Д.).

[3] Дѣвицъ и дамъ магнизируешь *и т. д.*

Незадолго передъ тѣмъ вошелъ въ моду магнетизмъ: жена извѣстнаго М. И. Ковалинскаго (одно время правителя канцеляріи Потемкина) позволяла приходить къ себѣ, когда находилась въ таинственномъ усыпленіи, предсказывала будущее и читала молитвы (*Об.* Д.). О магнетизмѣ, какъ новомъ способѣ шарлатанства, Екатерина около этого времени переписывалась съ Циммерманомъ (см. въ ея сочиненіяхъ письмо 9 къ Ц.). — Выраженіе: «Изъ камней золото варишь» относится къ графу А. С. Строганову, который хотѣлъ быть великимъ алхимикомъ, открыть золотую тинктуру и философскій камень, и на счетъ котораго императрица сочинила особую комедію (*Об.* Д.). Заглавіе этой пьесы не означено Державинымъ, но очевидно, онъ разумѣлъ комедію *Обольщенный* (см. ниже примѣч. 8), въ которой *Радотовъ* выставленъ алхимикомъ и кабалистомъ. Въ 8-й сценѣ 2-го дѣйствія, жена Радотова говоритъ: «Мнѣ кажется, будто онъ бредитъ». Бритягинъ, братъ ея, отвѣчаетъ: «Похоже на то, ибо онъ *варитъ золото*, алмазы, составляетъ изъ росы металлы» и проч.

*

Полна земля вся кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталъ бригадиръ[4]

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ 5.
Предъ русскимъ ты бѣжишь народомъ
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чихардой.
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ въ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь Голландцамъ колбасы;

[4] И цѣлый свѣтъ сталъ бригадиръ.

Съ учрежденія въ 1782 г. владимірскаго ордена (см. выше стр. 162) раздача подобныхъ знаковъ отличія сдѣлалась гораздо обыкновеннѣе прежняго; тогда же стали часто отставлять бригадирами молодыхъ людей изъ гвардіи, между тѣмъ какъ при Петрѣ Великомъ почти закономъ было: только стариковъ изъ капитановъ каждаго полка, по одному въ годъ, увольнять въ бригадирскомъ чинѣ (*Об.* Д.).

Въ двухъ слѣдующихъ куплетахъ заключаются намеки на счастливыя военныя дѣйствія Россіи и на выгодные для нея союзы, которыми императрица пріобрѣтала политическое преобладаніе въ Европѣ, такъ что здѣсь подъ *Счастіемъ* должно разумѣть Екатерину (*Об.* Д.). Не понимая этихъ намековъ, нѣкоторые еще въ 1820 году находили въ одѣ *На Счастіе* «стихи безъ смысла, или содержащіе площадныя только шутки (*А Темзу въ фижмы наряжаешь*)». Противъ этого обвиненія извѣстный В. Н. Каразинъ такъ оправдывалъ поэта въ примѣчаніяхъ къ латинскому переводу оды *Богъ* (*Соревнователь* 1820 г., ч. IX, стр. 198): «Нѣтъ строки, нѣтъ выраженія въ шуточныхъ и важныхъ стихотвореніяхъ Державина, которыя бы были имъ написаны безъ намѣренія, безъ отношенія къ лицамъ или обстоятельствамъ того времени. Екатерина и другія особы, для которыхъ *преимущественно* писалъ онъ, понимали все это и умѣли цѣнить». Совершенно удовлетворительное объясненіе каждаго стиха 5-й и 6-й строфы теперь трудно, потому что многія изъ этихъ шутокъ основываются конечно на тогдашнихъ слухахъ и толкахъ, которые угадать можно бы только посредствомъ самаго мелочнаго изслѣдованія дипломатическихъ сношеній и газетныхъ извѣстій того времени. Однакожъ мно-

Въ тѣ дни, какъ Вѣну ободряешь, 6.
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь носъ,
На Копенгагенъ иней сѣешь,
Пучокъ подносишь Гданску розъ,
Венецьи, Мальтѣ не радѣешь,
А Греціи велишь зѣвать,
И Риму, ноги чтобъ не пухли,

гое въ этихъ стихахъ объясняется извѣстными историческими обстоятельствами. Крымъ («Тавръ») былъ завоеванъ; съ Турціею и Швеціею была война. Очаковъ взятъ зимой. Въ отношеніи къ Швеціи Екатерина говорила: «Надобно употребить въ пользу превосходство нашего флота противъ непріятельскаго и, разбивъ его на морѣ, идти къ Стокгольму». Давно шли переговоры о заключеніи четвернаго союза между Россіей, Нѣмецкой имперіей, Испаніей и Франціей для противодѣйствія Пруссіи и Англіи. Въ войнѣ съ султаномъ намъ помогала Австрія, и взятіе Очакова такъ *ободрило* Іосифа II, что онъ всталъ съ одра болѣзни и великолѣпно праздновалъ это событіе. Между тѣмъ была рѣчь и о привлеченіи на нашу сторону Пруссіи («Берлину фабришь ты усы»), такъ же какъ и Голландіи, которой Густавъ III предлагалъ соединиться съ нимъ. Стихъ «И Темзу въ фижмы наряжаешь» относится къ тому, что англійская королева, послѣ помѣшательства супруга ея Георга III въ концѣ 1788 г., домогалась регентства съ устраненіемъ отъ него Вельсскаго принца и заискивала расположенія Россіи. Союза съ Польшею искали и Россія и Пруссія; пріобрѣтеніе Гданска (Данцига) было цѣлью берлинскаго кабинета; петербургскій же, противодѣйствуя тому, выказывалъ доброжелательство къ Данцигу («Пучокъ подносишь Гданску розъ»). Данія обѣщала намъ свою помощь противъ Швеціи, но вела себя двусмысленно; вслѣдствіе чего Екатерина написала «собственноручное сильное письмо къ датскому королю» и другое къ наслѣдному принцу («На Копенгагенъ иней сѣешь»). Венеція и Мальта, по внушеніямъ Англіи, показывали недоброжелательство къ Россіи и т. д. См. *Зап. Храпов.* и *Спб. Вѣд.* за 1788 и 1789 г.

Выходки Державина въ этихъ стихахъ показываютъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ современною политикой. По его общественному и гражданскому положенію, многое было ему конечно извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ; можетъ быть, иное сообщалось ему въ письмахъ изъ Петербурга: Храповицкій прежде былъ его сослуживцемъ въ сенатѣ, Львовъ служилъ при Безбородкѣ.

Святыя оставляя туфли,
Царямъ претишь ихъ цѣловать;

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ[5]: 7.
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ пунтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ[6];
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, Музы, боги пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы[7] 8.
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились[8],

[5] Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ....

Державинъ, какъ сказано въ 1-мъ примѣчаніи, предполагаетъ, что пишетъ эти стихи на масляницѣ, когда бываютъ терпимы всякія народныя увеселенія и проказы (*Об.* Д.).

[6] Вселенну въ трантелево гнутъ.

Пунтировать (или понтировать) и *трантелево* — термины карточной игры; оба съ французскаго: ponter, trente-elle-va.

[7] Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы.

Подъ Ерихонцами, или жидами, здѣсь разумѣются *подъячіе* (*Об.* Д.).

[8] ... Мартышки въ воздухѣ явились.

«Вкусы и нравы распестрились отъ чрезвычайнаго обращенія съ иностранцами, и въ великой модѣ были тогда полосатые фраки» (*Об.* Д).

Слово *Мартышки*, какъ насмѣшка надъ мартинистами, въ первый разъ употреблено было императрицею Екатериною въ комедіяхъ. *Обманщикъ* (дѣйствіе I, сцена 1) и *Обольщенный* (дѣйствіе V, сц. 14). Въ первой пьесѣ насмѣшливо сказано: «Мартышки перемѣнчивы, онѣ же и кривляки.... что за люди? кривляются что ли»? Во второй комедіи слу-

По свѣту свѣтятъ фонари[9];
Витійствуютъ уранги въ школахъ[10],
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари[11];

Въ тѣ дни, какъ Мудрость среди троновъ[12] 9.
Одна не мѣситъ макароновъ,

жанка Прасковья, соглашаясь идти за Тефа, говоритъ ему: «Я пойду, буде дашь мнѣ подписку, что не пойдешь въ Мартышки съ печальнымъ видомъ». Съ конца 1784 г. открылись, по словамъ Лопухина (*Записки* его, стр. 20), давно уже продолжавшіяся неудовольствія и подозрѣнія двора противъ мартинистовъ, которыхъ считали въ связи съ якобинцами. Комедія *Обманщикъ* въ первый разъ была напечатана въ концѣ 1785 г. и представлена на театрѣ 4 января 1786 г.; комедія *Обольщенный*, представленная 2 февраля, появилась въ печати также въ началѣ 1786 г. (Бакмейстера Russ. Bibliothek, ч. X, стр. 251 и 254, и *Зап. Храп.*). «Мартинисты», говоритъ Державинъ въ объясненіе своего стиха, «хвалились, что они въ воздухѣ видятъ духовъ, съ коими обращаются». Ср. съ этимъ въ *Фелицѣ* 6-й стихъ строфы 4-й и примѣчаніе къ нему, стр. 134.

[9] По свѣту свѣтятъ фонари —
софисты или лжемудрецы восемнадцатаго вѣка (*Об.* Д.). Можетъ быть, поэтъ разумѣлъ здѣсь секту иллюминатовъ, распространившуюся въ прошломъ столѣтіи по Германіи, подлинно вредную и намѣреніями своими противную христіанству и властямъ (*Записки Лопухина*).

[10] Витійствуютъ уранги въ школахъ.
Уранги — вмѣсто *орангъ-утанги*. При открытіи въ Тамбовѣ народнаго училища въ 1787 г., однодворецъ Захарьинъ произнесъ рѣчь, сочиненную впрочемъ не имъ, а Державинымъ, который въ то время былъ тамъ губернаторомъ (см. *Объясненія* его и *Записки*, *Русс. Бесѣда*, стр. 269. Самую рѣчь можно найти между сочиненіями Державина въ прозѣ).

[11] Сидятъ мишурные цари.
«Тутъ разумѣются намѣстники, которые всѣ почти, хотя зависѣли отъ мановенія императрицы, но чрезвычайно дурачились, представляя ея лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ, при открытіи губерній, народныхъ депутатовъ и выборныхъ судей» (*Об.* Д.).

[12] .... Въ тѣ дни какъ Мудрость среди троновъ *и проч.*
«Въ дѣланіи макароновъ упражнялся испанскій король, а въ слесарной работѣ — французскій, Людовикъ XVI (*Об.* Д.). Ясно, что здѣсь подъ «Мудростью среди троновъ» должно разумѣть Екатерину II. Около

Не ходитъ въ кузницу ковать;
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволитъ Музъ къ себѣ пускать
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ[13]!

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна, 10.
Она, съ тобою сопряженна, —
Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво, —
Изволитъ милость проливать,
Изволитъ царствовать правдиво,
Не жжетъ, не рубитъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ вельможи
И такъ и сякъ, нахмуря рожи,
Тузятъ инаго иногда[14];

Въ тѣ дни, какъ мещетъ всюду взоры 11.
Она вселенной на рессоры
И вѣситъ скипетры царей,
Слѣды орловъ парящихъ видитъ
И пресмыкающихся змѣй;

того времени, когда Державинъ писалъ эти стихи, она занималась сочиненіемъ разныхъ комедій и драматическихъ пословицъ (см. *Зап. Храп.*).

[13] И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ!

Намекъ на *Были и Небылицы*, которыя императрица помѣщала въ *Собесѣдникѣ*. Хемъ, хемъ — кашель дѣдушки, одного изъ лицъ, являющихся въ этомъ сатирическомъ сочиненіи (*Собес.*, ч. IV, и *Об.* Д.).

[14] Тузятъ инаго иногда.

«Симъ авторъ показываетъ, что безъ всякой вины, а только по одной привязкѣ вельможъ, былъ онъ удаленъ отъ губернаторства въ Тамбовѣ» (*Об.* Д.).

Разя враговъ, не ненавидитъ,
А только пресѣкаетъ зло;
Безъ латъ богатырямъ и въ латахъ
Претитъ давить лимоны въ лапахъ,
А хочетъ, чтобы все цвѣло;

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ 12.
Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ[15]
И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство
И бомбы сыплетъ, будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоитъ грѣетъ и живитъ,
Въ морозъ камины возжигаетъ[16],
Дрова и сѣно запасаетъ,
Бояръ и чернь благотворитъ;

Въ тѣ дни и времена чудесны 13.
Твой взоръ и на меня всемѣстный
Простри, о надъ царями царь!
Простри — и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И, если я не созданъ пѣшкой,

[15] Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ *и проч.*
т. е. ведетъ войну съ Швеціею и Турціею. Ода *На Счастіе* написана во время этой двойной войны. Съ этими стихами сходно мѣсто въ 47-й строфѣ *Изображенія Фелицы* (см. ниже подъ этимъ же 1789 годомъ):

На сребролунно государство
Простри крылатый сизый громъ;
Въ желѣзнокаменное царство
Брось молньи и поставь вверхъ дномъ.

[16] Въ морозъ камины возжигаетъ *и проч.*
При театрахъ и на площадяхъ сдѣланы были камины, у которыхъ народъ могъ грѣться въ жестокіе морозы; для бѣдныхъ людей устроены были не только хлѣбные, но дровяные и сѣнные запасные магазины (*Об.* Д.).

Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня къ боярамъ 14.
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего;
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету
И въ грошъ не ставлю никого[17].

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ 15.
Съ красоткой чернобровой рядомъ
Иль съ бѣленькой сидя со мной,
То въ шашки, то въ картежъ играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечный твой тѣмъ кажешь взглядъ;
Я къ кралѣ короля бросаю
И ферзь къ ладьѣ я придвигаю,
Даю марьяжъ иль шахъ и матъ[18].

Бывало, милыя науки 16.
И Музы, простирая руки,
Позавтракать ко мнѣ придутъ

[17] И въ грошъ не ставлю никого.

Изображеніе письмоводителей у сильныхъ людей; такое мѣсто и Державинъ занималъ прежде при князѣ Вяземскомъ (*Об.* Д.).

[18] Даю марьяжъ иль шахъ и матъ.

См. выше, стр. 133, примѣчаніе 3-е къ *Фелицѣ*.

И все мое усядутъ ложе;
А я, свирѣль настроя тутъ[19],
Съ ихъ каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась игралъ.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторгъ всѣхъ чувствъ! за васъ короны
Тогда бы взять не пожелалъ.

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било[20], 17.
Полетъ свой Счастье премѣнило,
Безъ латъ я Горе-богатырь[21];

[19] А я, свирѣль настроя тутъ.

Слово *свирѣль* въ этомъ стихѣ поставлено И. И. Дмитріевымъ, который впрочемъ почти ничего не тронулъ въ одѣ *На Счастіе.* У Державина было: «А я, настроя флейту тутъ». Въ послѣднемъ стихѣ 5-й строфы Дмитріевъ предлагалъ: *Батавцамъ* вмѣсто: *Голландцамъ.*

[20] А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било.

Это не совсѣмъ точно: въ 1789 г. 3 іюля Державину минуло только 46 лѣтъ. Можетъ быть, ода была окончательно отдѣлана въ 1793 году; тогда бы этотъ стихъ былъ вѣренъ.

[21] Безъ латъ я Горе-богатырь.

Въ концѣ 1788 года императрица сочинила на шведскаго короля Густава III оперу, изданную въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ сказкою, послужившею ей основаньемъ, подъ заглавіемъ: *Сказка о Горе-богатырѣ Косометовичѣ и опера комическая, изъ словъ сказки составленная.* Стихи въ этой оперѣ сочинялъ Храповицкій. Князь Потемкинъ, по словамъ Державина (*Об.*), отсовѣтовалъ играть ее на театрѣ, потому что публичное посмѣяніе надъ сосѣдомъ могло бы вызвать и съ его стороны какое-нибудь оскорбительное сочиненіе: пьеса не была представлена. Въ рукописи о Потемкинѣ (см. выше, стр. 228) сказано: «Ничего не пощажено было, чтобы представленіе сей оперы сдѣлать сколько можно пріятнѣйшимъ. Сочинитель музыки, г. Мартини, изобрѣтатели балетовъ и декорацій, актеры и танцовщики получили болѣе 20,000 р. Издержки же на представленіе простирались гораздо свыше. Выписывали даже художника изъ Парижа, чтобы ноты для сей оперы вырѣзать на мѣди; однакожъ издержки на сіе, кои стоили 4,000 р., не изошли — не по бережливости, но для того, что кн. Потемкинъ сіе отсовѣтовалъ, и удовольствовались только напечатаніемъ сей драмы... Когда потребо-

Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ и носъ повѣситъ.
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, Музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ[22].

Услышь, услышь меня, о Счастье! 18.
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;

вано было на сіе его мнѣнія, сказалъ онъ вслухъ: Я не могу сочиненія сего судить критически, но не одобряю намѣренія въ сочиненіи сей пьесы. — Сіе подѣйствовало столько, что въ бытность Потемкина оперу сію не представляли, и уже послѣ отъѣзда его сыграли въ эрмитажномъ театрѣ». Свѣдѣнія, сообщаемыя по этому предмету Державинымъ и неизвѣстнымъ сочинителемъ рукописи, не совсѣмъ точны. Изъ *Записокъ Храповицкаго* мы узнаемъ, что, какъ до пріѣзда Потемкина изъ арміи, такъ и послѣ, опера *Горе-богатырь* была нѣсколько разъ представлена на эрмитажномъ театрѣ. На одномъ изъ этихъ представленій былъ и Сегюръ, разсказывающій о томъ въ своихъ Mémoires (т. II, стр. 338; ср. *Зап. Храп.* подъ 30 января). По совѣту Потемкина, отмѣнено было представленіе пьесы только на петербургскомъ публичномъ театрѣ. Ее играли въ Царскомъ Селѣ и даже въ Москвѣ. Слова *безъ латъ* при имени «Горебогатырь» Державинъ употребилъ основываясь на томъ, что въ оперѣ это лицо представлено въ латахъ изъ картузной бумаги.

Во время борьбы Россіи съ Наполеономъ I, Державинъ писалъ на него сатирическіе стихи, въ которыхъ давалъ ему также названіе *Горебогатыря.* См. неизданныя сочиненія Державина.

[22] И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

«Авторъ шутитъ надъ собой, что похвалой императрицѣ прослужился у всѣхъ вельможъ, и потому думаетъ, что и Музы ему неблагопріятны стали» (*Об.* Д.).

От божеской твоей десницы
Гудок гудит на тон скрипицы
И вьется локоном хохол[23].

Но, ах! как нѣкая ты сфера 19.
Иль легкій шар Монгольфіера[24],
Блистая в воздухѣ, летишь;
Вселенна длани простирает,
Зовет тебя — ты не глядишь;
Но шар твой часто упадает,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

Слети ко мнѣ, мое драгое, 20.
Серебряное, золотое
Сокровище и божество!
Слети, причти к твоим любимцам!
Я храм тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцам
Твоим разсыплю я цвѣты;
Возжгу куренья благовонны
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты.

[23] Гудок гудит на тон скрипицы
И вьется локоном хохол.

Под *гудком* разумѣется здѣсь *Гудович*, тамбовскій генерал-губернатор, бывшій начальник Державина, «человѣк ума посредственнаго», но вознесенный счастіем; а под *хохлом* — граф Безбородко и вообще Малороссіяне, «знатныя роли счастливо игравшіе» (*Об.* Д.).

[24] Иль легкій шар Монгольфіера.

Первый публичный опыт воздухоплаванья был сдѣлан братьями Mongolfier в 1783 г. (в Версали), так что имя их долго послѣ того гремѣло по всей Европѣ. Воздушному шару, объясняет Державин, «счастіе здѣсь тѣм уподобляется, что упадает куда случится».

Жить буду въ теремѣ богатомъ, 21.
Возвышусь въ чинъ и знатнымъ бракомъ
Горацію въ родню причтусь;
Перомъ моимъ славно-школярнымъ[25]
Разсудка выше вознесусь
И, ставъ тебѣ неблагодарнымъ, —
«*Беатусъ* братъ мой, на волахъ[26]

[25] Перомъ моимъ славно-школярнымъ...

Вся эта строфа относится «къ графу П. В. Завадовскому, который, бывъ изъ казачьяго роду, въ канцеляріи графа Румянцова прославился сочиненіемъ пышныхъ отъ него реляцій и педантическимъ слогомъ указа при учрежденіи о управленіи губерній, а также рѣчами, отъ лица сената императрицѣ говоренными» (*Об.* Д.). Въ рукописи 1790-хъ годовъ Державинъ противъ слова *славно-школярнымъ* помѣстилъ слѣдующее ироническое примѣчаніе: «Я выдумываю нарочно новыя и никому непонятныя слова; а особливо ежели захочу простую мысль представить пышною, или праваго сдѣлать виноватымъ, то пишу вмѣсто *умедлить* — упослѣживать * и т. п.». Въ одномъ изъ писемъ Румянцова къ императрицѣ въ первую турецкую войну, безъ сомнѣнія писанныхъ Завадовскимъ, который тогда служилъ въ канцеляріи главнокомандующаго, мы дѣйствительно нашли это слово: «Всякъ военный начальникъ имѣетъ долгъ ободрять къ службѣ подчиненныхъ себѣ ходатайствомъ о ихъ заслугахъ къ своему государю и не *упослѣждать* никого, кромѣ прямо недостойныхъ, ежели онъ сохраняетъ свято довѣренность къ себѣ государскую» (изъ книги Государств. архива № 26,601, стр. 447).

[26] *Беатусъ* братъ мой, на волахъ *и проч.*

Beatus — первое слово извѣстныхъ стиховъ (2-го эпода) Горація: *Похвала сельской жизни*, которымъ и Державинъ впослѣдствіи подражалъ (см. это заглавіе подъ 1798). Въ рукописи 90-хъ годовъ замѣчено противъ слова *Беатусъ:* «Такъ начинается ода Горація, которую я, въ показаніе моей учености и что я мало доволенъ моимъ состояніемъ, почасту въ бесѣдахъ читаю». Въ *Объясненіяхъ* же сказано: «Онъ» (т. е. Завадовскій) «вошелъ въ родство чрезъ бракъ къ большимъ боярамъ и въ роскошныхъ пирахъ повторялъ часто извѣстную оду Горація, которая начинается *Beatus*, т. е. *блаженъ*». Это произведеніе было давно извѣстно Державину по подстрочному переводу, сдѣланному для него Капнистомъ и сохранившемуся въ рукописяхъ перваго. Замѣтимъ мимоходомъ, что

* Это — собственно польское слово (uposledzić), употребительное въ смыслѣ *ставить* (одного) *ниже* (другаго), *обходить*.

Собою самъ поля орющій,
Или стада свои пасущій»!
Я буду восклицать въ пирахъ.

Завадовскій былъ женатъ на прекрасной собою графинѣ Апраксиной. Неудовольствіе, выразившееся противъ него въ этихъ стихахъ, объясняется тѣмъ, что поэтъ уже прежде неразъ имѣлъ непріятныя съ нимъ столкновенія, но особенно испыталъ его недоброжелательство незадолго передъ сочиненіемъ оды *На Счастіе*. Гудовичъ (см. выше примѣч. 23) уже два раза подавалъ на него жалобы въ сенатъ; Завадовскій же «былъ Гудовичу не токмо землякъ и родственникъ по дому графа Разумовскаго, но и старинный другъ». Вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ онъ, по словамъ Державина, содѣйствовалъ къ отдачѣ его подъ судъ. «Графъ Завадовскій потрудился самъ написать о немъ докладъ (*императрицѣ*), въ которомъ показалъ искусство свое въ словоизобрѣтеніи, что выдумалъ, на обвиненіе Державина, особливое, неслыханное ни въ какой юриспруденціи слово, а именно, что онъ *упослѣживаетъ отвѣтами*, и для того предать его суду» (*Зап. Держ.*, *Р. Бес.*, стр. 112, 248, 282 и др.). Завадовскій (род. 1739, ум. 1812) до конца жизни оставался въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Державину. Очевидно, что послѣдній стихъ строфы 18-й: «И вьется локономъ хохолъ» столько же можетъ быть примѣненъ къ Завадовскому, какъ и къ Безбородкѣ. Относительно возвышенія ихъ рукопись неизвѣстнаго современника о Потемкинѣ (см. выше стр. 228) разсказываетъ слѣдующее. Въ апрѣлѣ 1776 года Потемкинъ захотѣлъ быть подальше отъ двора, но вмѣстѣ съ тѣмъ удержать пріобрѣтенное могущество и еще усилить свое вліяніе на дѣла. Въ Москвѣ, куда онъ сопровождалъ императрицу для празднованія турецкаго мира, началъ онъ жаловаться на болѣзнь. «Въ сіе время императрица, по одобренію графа Румянцова, приняла къ себѣ двухъ секретарей, кои прежде занимались дѣлами въ канцеляріи фельдмаршальской *. Одинъ изъ нихъ З. преимущественно понравился сей государынѣ. Потемкинъ свѣдалъ о семъ не изъ послѣднихъ.... Между тѣмъ дворъ возвратился въ Петербургъ. Мнимая Потемкина болѣзнь отъ часу усиливалась, но ревность его быть

* Государыня, замѣтивъ въ донесеніяхъ Румянцова болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ Бестужева и Апраксина во время Семилѣтней войны, спросила его, нѣтъ ли у него двухъ способныхъ людей, которыхъ она могла бы опредѣлить при себѣ. Фельдмаршалъ представилъ ей Завадовскаго и Безбородко (*Записки Грибовскаго*, Москва, 1847, стр. 67). При празднованіи турецкаго мира въ 1775 г. *полковнику* Завадовскому, какъ «трудившемуся при фельдмаршалѣ въ дѣлахъ мирной негоціаціи при заключеніи трактата», пожаловано 400 душъ въ Бѣлоруссіи и повелѣно быть при императрицѣ у принятія челобитенъ и для прочихъ дѣлъ (*Собраніе новостей* 1775, сентябрь, стр. 93).

Увы! еще ты не внимаешь, 22.
О Счастіе! моей мольбѣ,

во всѣхъ дѣлахъ монархинѣ своей полезнымъ содѣлывалась, какъ самъ онъ то говаривалъ, съ часу на часъ сильнѣе. Изъ-подъ руки, черезъ своихъ друзей, приказалъ онъ о З. говорить съ великимъ одобреніемъ». Враги Потемкина, особливо Орловы и Панины, вдругъ сдѣлались между собою друзьями и совокупили послѣднія силы къ ниспроверженію его. Екатерина находила себя въ нѣкоторомъ затрудненіи... Самъ князь по видимому былъ расположенъ къ З. очень хорошо. Сверхъ того послѣдній не былъ еще посвященъ въ искуество придворное и, подобно всѣмъ новымъ любимцамъ, казался очень скроменъ. Между сими двумя стали Орловъ и Панинъ, друзья испытанные. Они предлагали Екатеринѣ отпустить Потемкина, а на мѣсто его взять З. Но Потемкинъ втайнѣ управлялъ дѣйствіями самыхъ враговъ своихъ и одинъ достигъ желанной цѣли: удалясь на время изъ Петербурга, онъ не потерялъ вѣса. Случай Завадовскаго продолжался только въ отсутствіи временщика; однакожъ онъ и послѣ не лишился милости императрицы и пріобрѣлъ мало по малу большое значеніе въ государственной службѣ. Родясь въ черниговской губерніи, близъ Стародуба, онъ получилъ элементарное образованіе въ оршинскомъ іезуитскомъ училищѣ и здѣсь выучился между прочимъ польскому и латинскому языкамъ. Кончивъ курсъ наукъ въ кіевской академіи, онъ прослылъ ученымъ человѣкомъ и дѣйствительно обладалъ основательными познаніями по многимъ частямъ. Въ то время, когда Державинъ писалъ оду *На Счастіе*, тайный совѣтникъ Завадовскій былъ членомъ совѣта государыни, сенаторомъ, главнымъ директоромъ заемнаго банка, «первымъ присутствующимъ въ коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ» и проч. Извѣстно, что при образованіи министерствъ въ 1802 г. Завадовскій сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ оставался въ этой должности до 1810, послѣ же того былъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ. Служившій подъ его начальствомъ въ министерствѣ нар. просвѣщенія И. И. Мартыновъ составилъ очеркъ его біографіи (см. *Сынъ Отеч.* 1831 г., т. XIX). Онъ отзывается съ большою похвалой объ умѣ, основательности и характерѣ Завадовскаго и между прочимъ приводитъ слѣдующее его правило: «Никогда не должно безъ важной и особенно основательной причины вдругъ истреблять какое-либо прежнее учрежденіе; а если что-нибудь въ немъ есть дурнаго, постепенно и непримѣтно перемѣнять и улучшивать». Завадовскій былъ возведенъ въ графское достоинство римской имперіи въ 1794; императоръ Павелъ I пожаловалъ его въ русскіе графы 1797 года.

Мои обѣты презираешь:
Знать, неугоденъ я тебѣ.
Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
Въ тѣняхъ ли миртовыхъ, лавровыхъ,
Иль въ золотой живешь странѣ, —
Внемли: шепни твоимъ любимцамъ,
Вельможамъ, королямъ и принцамъ:
Спокойствіе мое во мнѣ!

XLV. ФИЛОСОФЫ ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ[1].

ПЬЯНЫЙ.

Сосѣдъ! на свѣтѣ все пустое: 1.
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое[a]
Мечты быть могутъ почтены:

[a] Но могутъ коль въ добро прямое
Быть тлѣнны вещи почтены (1792).

[1] Въ *Объясненіяхъ* Державина сказано объ этомъ стихотвореніи: «Образъ мыслей Аристипа и Аристида. Сочинено въ Петербургѣ въ 1789 г. безъ всякой цѣли». Въ другой рукописи означенъ подъ заглавіемъ этихъ стиховъ 1782 годъ, и мы были бы, по нѣкоторымъ соображеніямъ, болѣе готовы повѣрить этому показанію; но насъ останавливаетъ находящееся

То — здраво и покойно жить,
Съ друзьями время проводить,
Красотъ любить, любимымъ быть
И съ ними сладко ѣсть и пить.
Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

ТРЕЗВЫЙ.

Сосѣдъ! на свѣтѣ не пустое 2.
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщемъ въ нихъ прямое[б],
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любить,
Умѣренно въ довольствѣ жить,
По самой нуждѣ ѣсть и пить[в]:
То можемъ всѣ счастливы быть.

[б] Они блаженство суть прямое (1804).
— А подлинно добро прямое
Коль были бъ только мы умны,
Жизнь знали чтить, честь, умъ любить (1792).
[в] И по трудамъ лишь ѣсть и пить:
Всѣ счастливы могли бы быть.

въ *Объясненіяхъ* дополнительное примѣчаніе, что пьеса была напечатана въ *Московскомъ журналѣ* въ томъ же или въ слѣдующемъ году, слѣдовательно во всякомъ случаѣ не долго спустя послѣ того, какъ она была написана. Она явилась въ мартовской книжкѣ этого журнала за 1792 г. (ч. V, стр. 301), подъ заглавіемъ: Пѣсня роскошнаго и трезваго философа, и во всей пѣснѣ слово *роскошный* стояло вмѣсто придуманнаго послѣ *пьяный*. Въ концѣ стихотворенія было означено: *Изъ Петербурга*. Потомъ оно было напечатано, уже подъ выставленнымъ нами заглавіемъ, въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 110, и въ изданіи 1808 г. ч. III, LXVIII.

Содержаніе рисунковъ: 1) спорящіе между собой Аристидъ и Аристипъ; 2) мудрецъ сидитъ и дремлетъ за книгой, а змѣя уязвляетъ его въ сердце.

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

ПЬЯНЫЙ.

Гонялся я за звучной славой, 3.
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ отравой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза страшнымъ быть [г],
Себя губить, другихъ мертвить,
Въ убійствѣ время проводить [д]?
Безумно на убой ходить.
Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

ТРЕЗВЫЙ.

Гоняться на войнѣ за славой 4.
И съ ядрами встрѣчаться лбомъ
Велитъ тому разсудокъ здравый,
Кто лишь рожденъ не дуракомъ [е]:
Царю, отечеству служить,
Чадъ, женъ, родителей хранить,
Себя отъ плѣна боронить [ж] —
Священна должность храбрымъ быть!

[г] Какая прибыль страшнымъ быть.
[д] Въ злодѣйствѣ время проводить?
Безумство на убой ходить.
[е] Кто лишь не трусъ передъ врагомъ.
[ж] Отъ варваровъ оборонить —
Священъ есть долгъ такъ славно жить

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

ПЬЯНЫЙ.

Хотѣлъ я сдѣлаться судьею, 5.
Законы свято соблюдать;
Увидѣлъ, что кривятъ душою,
Гдѣ должно сильныхъ осуждать.
Какая польза такъ судить?
Однихъ щадить, другихъ казнить[з]
И совѣстью своей шутить?
Смѣшно въ тенета мухъ ловить.
Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

ТРЕЗВЫЙ.

Когда судьба тебѣ судьею 6.
Въ судахъ велѣла засѣдать:
Вертѣться нужды нѣтъ душою,
Когда не хочешь взятокъ брать[и].
Какъ можно такъ и сякъ судить[і],

[з] Воровъ щадить, честныхъ казнить.
(Позднѣйшая поправка, опять зачеркнутая въ рукописи 1790-хъ гг.).

[и] Коль взятокъ ты не хочешь брать (1792).

[і] Вельможѣ стыдно подлу быть,
Законами мутить, кутить
И клятвою своей шутить.
— За деньги дать себя купить,
Судьѣ неправымъ стыдно быть,
Закономъ истину темнить.
(Послѣдніе три стиха — позднѣйшая поправка въ рукописи 1790-хъ гг.).

Закономъ правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судьѣ злодѣемъ страшно быть[2]!
Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

[2] На поляхъ Державинъ пытался придѣлать еще два куплета, но кончилъ только первые четыре стиха *пьянаго*:

Хотѣлъ я сдѣлаться вельможей
И при лицѣ царей служить,
Усердно чтить въ нихъ образъ Божій
И имъ лишь правду говорить...

Заключительные четыре стиха остались недодѣланными; между многими помарками можно разобрать только слѣдующее:

Но видѣлъ: съ вѣрностью служить
Нельзя имъ....
А должно ихъ всегда хвалить,
Подъ-часъ обманывать и льстить.

Отвѣтъ *трезваго* написанъ еще неразборчивѣе.

XLVI. ПРАВЕДНЫЙ СУДІЯ[1].

Я милость воспою и судъ, 1.
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, трудъ,
Премудрость, добродѣтель строгу
И непорочность возлюблю.

[1] Это — одно изъ первыхъ стихотвореній, написанныхъ Державинымъ по возвращеніи въ Петербургъ, когда дѣло объ отрѣшеніи его отъ должности тамбовскаго губернатора было окончено въ московскихъ департаментахъ сената. Въ этихъ стихахъ, которыхъ мысль почерпнута изъ

Въ моемъ я домѣ буду жить 2.
Въ согласьи, въ правдѣ, въ преподобьи;
Какъ чадъ, рабовъ моихъ любить,
И сердца моего въ незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленнымъ очамъ моимъ 3.
Не предложу я дѣлъ преступныхъ;
Ничѣмъ не пріобщуся къ злымъ,
Возненавижу и распутныхъ
И отвращуся отъ льстецовъ.

Отъ своенравныхъ уклонюсь, 4.
Не прилѣплюсь въ совѣтъ коварныхъ;
Отъ порицаній устранюсь[a],
Навѣтовъ, наущеній тайныхъ,
И изгоню клеветниковъ.

За столъ съ собою не пущу 5.
Надменныхъ, злыхъ, неблагодарныхъ;
Моей трапезой угощу
Правдивыхъ, честныхъ, благонравныхъ,
Къ благимъ и добрымъ буду добръ.

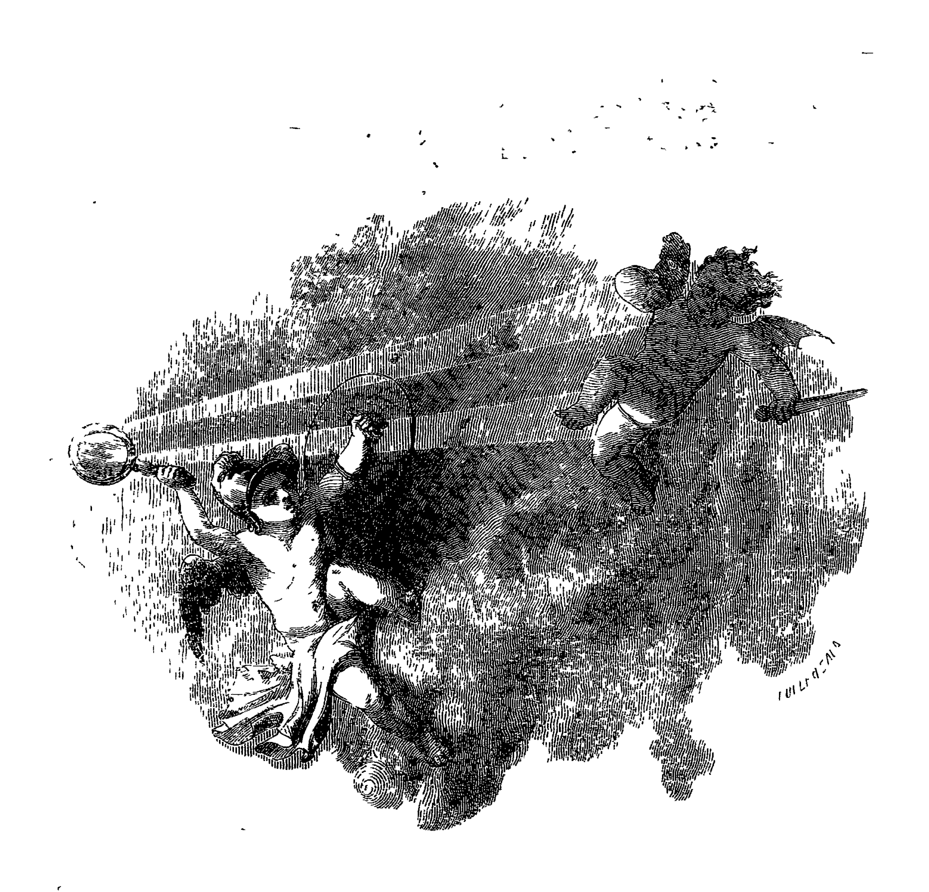
[a] Навѣтовъ, наущеній тайныхъ
И порицаній устранюсь (1798).

псалма 100, онъ начерталъ себѣ какъ бы программу будущей своей дѣятельности. Они въ первый разъ были напечатаны въ изданіи 1798 г., стр. 18, съ означеніемъ въ заглавіи начала псалма: Милость и судъ воспою Тебѣ Господи; потомъ въ изданіи 1808 г., ч. I, v.

Значеніе рисунковъ (Олен.): 1) «Эгида означаетъ защищеніе отъ злыхъ; мечъ — наказаніе злодѣямъ; палица — силу законовъ; вѣсы — правосудіе; рогъ изобилія — награду праведныхъ; масличная вѣтвь и лавровый вѣнокъ — ихъ спокойствіе и славу; 2) Геній зеркаломъ истины поражаетъ ложь» (*Об.* Д.).

И гдѣ со мною ни сойдутся 6.
Лжецы, мздоимцы, гордецы,
Отвсюду мною изженутся
Въ дальнѣйшіе земны концы[б],
Иль казнь повергнетъ ихъ во гробъ.

[б] Въ дальнѣйшіе земли ко́нцы.

XLVII. ИСТИННОЕ СЧАСТІЕ[1].

Блаженъ тотъ мужъ, кто ни въ совѣтъ, 1.
Ни въ сонмъ губителей не сядетъ,
Ни грѣшниковъ на путь не станетъ,
Ни пойдетъ нечестивымъ вслѣдъ.

[1] Изъ 1-го псалма. По увѣренію Остолопова (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 22), Державинъ переложилъ этотъ псаломъ «наиболѣе по тому поводу, что всѣ почти русскіе стихотворцы его перелагали». См. у Ломоносова, Сумарокова и мн. др. Остолоповъ прибавляетъ, что Державинъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ переложеніяхъ изъ псалтыри, соображался отчасти и съ Мендельсоновымъ нѣмецкимъ переводомъ; однакожъ въ *Истинномъ счастіи* этого не замѣтно: у Мендельсона въ 1-мъ псалмѣ всего 16 стиховъ, у Державина же 28.

Въ изданіи 1798 г. (стр. 20), гдѣ эти стихи были въ первый разъ напечатаны, къ заглавію прибавлено начало псалма: Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Въ изданіи 1808, ч. I, VI.

На приложенномъ рисункѣ (Олен.) «вѣнокъ дубовый означаетъ награду смиреннаго поселянина» (*Об.* Д.).

Но будетъ нощію и днемъ 2.
Въ законѣ Божьемъ поучаться
И всею волею стараться,
Чтобъ только поступать по немъ.

Какъ при потокѣ чистыхъ водъ 3.
Въ долинѣ древо насажденно,
Цвѣтами всюду окруженно,
Дающее во время плодъ,

Котораго зеленый листъ 4.
Не падаетъ и не желтѣетъ:
Подобно онъ во всемъ успѣетъ,
Когда и что ни сотворитъ.

Но беззаконники не такъ: 5.
Они съ лица земли стряхнутся,
Развѣются и разнесутся,
Какъ вѣтромъ возметенный прахъ.

Суда Всевидца не снесутъ[a] 6.
И не воскреснутъ нечестивы,
И грѣшники въ совѣтъ правдивый
Отнюдь явиться не дерзнутъ.

Господь съ превыспреннихъ своихъ — 7.
Всѣхъ нашихъ помышленій зритель:
Онъ праведниковъ покровитель,
Каратель и губитель злыхъ.

[a] И не возстанутъ ужъ на судъ (1798).

XLVIII. ИЗОБРАЖЕНІЕ ФЕЛИЦЫ[1].

Рафаэль! живописецъ славный, 1.
Творецъ искусствомъ естества!

[1] По прибытіи въ Петербургъ послѣ увольненія отъ тамбовскаго губернаторства (см. выше, стр. 236 и 264, въ примѣчаніяхъ) Державинъ хотя и оправдался передъ императрицею, однакожъ долго не получалъ другаго мѣста. Чтобы поправить свое положеніе, онъ искалъ доступа къ тогдашнему любимцу Екатерины, П. А. Зубову, но нѣсколько разъ не заставалъ его дома. «Не осталось другаго сред-

Рафаэль чудный, безприкладный

ства», говоритъ онъ въ своихъ *Запискахъ* (*Русск. Бес.* стр. 297—300), «какъ прибѣгнуть къ своему таланту; вслѣдствіе чего написалъ онъ оду *Изображеніе Фелицы*, и къ 22 числу сентября, т. е. ко дню коронованія императрицы, передалъ чрезъ Эмина*, который въ олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду.... Княгиня Дашкова, по старому знакомству чрезъ первую оду *Фелицѣ*, напечатанную въ *Собесѣдникѣ*, такъ же автора, какъ и прежде, благосклонно принимала и говорила императрицѣ много о немъ хорошаго, твердя безпрестанно съ похвалою о вновь сочиненной имъ одѣ *Изображеніе Фелицы*». Первую мысль этой оды Державинъ почерпнулъ конечно изъ Ломоносовскаго подражанія 28-й одѣ Анакреона, которое состоитъ изъ двухъ половинъ: вольнаго перевода этой пьесы, начинающагося словами: «Мастеръ въ живописствѣ первый», и отвѣта, въ которомъ Ломоносовъ уже отъ себя проситъ живописца изобразить ему Россію, очевидно разумѣя подъ нею преимущественно императрицу Елисавету. Въ подлинной одѣ, которая послужила образцомъ Ломоносову, Анакреонъ проситъ живописца написать ему портретъ его возлюбленной.

Ода *Изображеніе Фелицы*, самое обширное изъ всѣхъ лирическихъ стихотвореній Державина (464 стиха), была напечатана первоначально въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* за ноябрь 1789 г. (ч. XLI) и потомъ отдѣльно (въ четвертку, 32 страницы) безъ имени автора, безъ означенія мѣста и года, но конечно въ Петербургѣ и, если вѣрить *Сопикову* (ч. II, № 3125), въ 1792. Какъ въ журналѣ, такъ и въ особомъ изданіи *Изображенія Фелицы*, на оборотѣ заглавнаго листа напечатано курсивомъ слѣдующее посвященіе Екатеринѣ: «Авторъ Фелицы Тебѣ же, Богоподобная, и Изображеніе Твое посвятить дерзаетъ. Плодъ усердія, благодарности, покоя и свободы».

Въ 1792 же г. *Изображеніе Фелицы* напечатано было при нѣмецкомъ переводѣ Коцебу подъ заглавіемъ: «Felizens Bild — aus dem Russischen des Herrn Gawrilo Romanowitsch Dershawin übersetzt von Kotzebue. 1792». Этотъ переводъ былъ заявленъ Карамзинымъ въ сентябрской книжкѣ *Московскаго журнала* за этотъ годъ (ч. VII, стр. 377) съ такимъ примѣчаніемъ: «Строгая нѣмецкая критика (въ Іенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ) не весьма довольна переводомъ, находя въ немъ нѣкоторыя неисправности и слабые прозаическіе стихи».

* Николая Өедоровича (умершаго въ Петербургѣ въ 1814 г.), сына болѣе извѣстнаго въ литературѣ Өедора Александровича Эмина.

Изобразитель Божества[2]!
Умѣлъ ты кистію свободной
Непостижимость написать:
Умѣй моей богоподобной
Царевны образъ начертать[3].

Изобрази ея мнѣ точно 2.
Осанку, возрастъ и черты,
Чтобъ въ нихъ я видѣлъ и заочно
Ея и сердца красоты,
И духа чувствы возвышенны,
И разума ея дѣла;
Фелица, ангелъ воплощенный,
Въ твоей картинѣ бы жила!

Въ изданіи 1798 г. эта ода была напечатана (стр. 94) съ пропускомъ двухъ послѣднихъ стиховъ въ 33-й строфѣ; въ изданіи же 1808 (ч. I, хх) она явилась вполнѣ.

Не смотря на значительный объемъ пьесы, позднѣйшія изданія ея представляютъ очень мало стóящихъ вниманія измѣненій противъ первоначальной редакціи.

Въ 1859 г. Ѳ. Д. Полторацкій напечаталъ библіографическій разборъ этой оды, сперва въ *Сѣверной Пчелѣ* 1859 г., сент. 17, № 200, а потомъ въ отдѣльной брошюрѣ: *Матеріалы для словаря русскихъ писателей*, т. I, книжка 2. Москва, октябрь, 1859.

Изъ приложенныхъ рисунковъ (Олен.) заглавный олицетворяетъ идею 6-й строфы и отчасти 7-й; заключительный же рисунокъ изображаетъ первые и послѣдніе стихи 47-й строфы.

[2] Изобразитель Божества.

Въ этой характеристикѣ Рафаэля всего замѣчательнѣе 2-й стихъ: «Творецъ искусствомъ естества». Здѣсь выражается весьма вѣрное эстетическое понятіе: этотъ стихъ показываетъ, что Державинъ считалъ художника не подражателемъ природы, а воспроизводителемъ ея, — понятіе, до котораго умѣли возвыситься немногіе только писатели восемнадцатаго столѣтія.

[3] .... богоподобной царевны.

Ср. 1-й стихъ оды *Фелицы*, подъ 1782 г., стр. 129.

Небесно-голубые взоры 3.
И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, стихіевъ споры,
Блистали бы, какъ ясный день;
Какъ утрення заря весення,
Такъ улыбалась бы она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы стройна.

Какъ пальма клонитъ благовонну 4.
Вершину и лицо свое,
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ея.
Коричными чело власами,
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышатъ, изъясни.

Представь въ лицѣ ея геройство, 5.
Въ очахъ величіе души;
Премилосердо, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей.

Одѣнь въ доспѣхи[a], въ брони златы[4] 6.
И въ мужество ея красы,

[a] Одѣнь во щитъ, во брони златы (1789).

---

[4] Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы *и проч.*

«Симъ изображается восшествіе на престолъ императрицы, когда она въ воинскомъ одѣяніи ѣхала на бѣломъ бодромъ конѣ и сама предводительствовала гвардіею, имѣя обнаженный мечъ въ рукѣ» (*Об.* Д.).

Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно брозды опѣнялъ;
Чтобъ Нордъ сѣдый ей удивился
И обладать собой избралъ;

Избралъ — и, падши на колѣна, 7.
Поднесъ бы скиптръ ей и вѣнецъ;
Она, мольбой его смягченна
И ставъ владычицей сердецъ,
Безстрашно бъ узы разрѣшила
Издревле скованныхъ цѣпьми;
Свободой бы рабовъ плѣнила [5]
И нарекла себѣ дѣтьми.

Престолъ ея на Скандинавскихъ, 8.
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ,
Поставь на сорокъ двухъ столпахъ [6];
Какъ восемь бы зерцалъ стояли [6]
Ея великiя моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога 9.
И велелѣпной высоты,
Въ величествѣ, въ сiяньи Бога

[6] Какъ зеркалъ восемь бы стояли.

---

[5] Свободой бы рабовъ плѣнила.

Здѣсь разумѣется манифестъ о вольности дворянства, изданный Петромъ III и подтвержденный Екатериною II (*Об.* Д.).

[6] Поставь на сорокъ двухъ столпахъ.

Въ 1785 году было образовано, по учрежденiю 1775 о губернiяхъ, 41 намѣстничество и одна область (таврическая) на правахъ губернiи.

Ее изобрази мнѣ ты;
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ[7];
Чтобы вселенна принимала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ;

Чтобъ дики люди, отдаленны[8], 10.
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ;

Струили бъ слезы и, блаженство 11.
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бы свое равенство
И были всѣ подвластны ей:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбивалъ бы кораблей,
И узкоглазый Гуннъ[9] жалъ класы
Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей.

[7] Скрижаль заповѣдей святыхъ —
Наказъ коммисіи о составленіи новаго уложенія.

[8] Чтобъ дики люди, отдаленны...
Между созванными депутатами были представители самыхъ отдаленныхъ краевъ Сибири, какъ-то: Камчадалы, Тунгузы и проч. (*Об.* Д.).

[9] И узкоглазый Гуннъ...
Державинъ подъ Гуннами разумѣлъ первобытныхъ обитателей восточной Россіи, которые, скитаясь по степямъ, сперва занимались только скотоводствомъ, но послѣ узнали и хлѣбопашество (*Об.* Д.). Это мнѣніе основывалось на томъ, что Гунновъ многіе считали Монголами: нашъ поэтъ представлялъ себѣ Финновъ (которые нѣкогда производили разбои на Балтійскомъ морѣ) и Татаръ какъ два племени, населившія весь Сѣверъ и Востокъ Россіи.

Припомни, чтобъ она вѣщала 12.
Безчисленнымъ ея ордамъ:
«Я счастья вашего искала —
И въ васъ его нашла я вамъ:
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ
И будьте столь благополучны [10],
Колико можетъ человѣкъ [в].

«Я вамъ даю свободу мыслить 13.
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить [11]

[в] Сколь только можетъ человѣкъ.

---

[10] И будьте столь благополучны.

Близкая къ этому мысль выражена въ Наказѣ Екатерины, гдѣ въ самомъ началѣ (пунктъ 2) сказано: «Всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть или будетъ видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія».

[11] Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить *и проч.*

Въ февралѣ 1786 года * запрещено было называть просьбы *челобитными* и повелѣно подписываться въ заключеніи не *рабъ*, а *всеподданнѣйшій* или *вѣрный подданный* (Полн. Собр. Зак., т. XXII, № 16.329). По этому поводу Капнистъ тогда же написалъ оду *На истребленіе въ Россіи названія раба* (десять строфъ, изъ десяти стиховъ каждая), въ первый разъ напечатанную въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* за сентябрь 1787 г. (ч. XV, стр. 52) и подписанную: *Вѣрноподданный Василій Капнистъ.*

Екатерина «позволила изъ провинцій по надобностямъ пріѣзжать депутатамъ», а «при новыхъ издаваемыхъ законахъ позволила губернскому правленію созывать палаты и представлять къ ней, буде какіе примѣтитъ недостатки или погрѣшности» (*Об.* Д.).

«Тринадцатая строфа отзывается всею свѣжестью современности и должна возбуждать теперь особенное сочувствіе» (Полторацкій, стр. 45).

Остолоповъ (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 35) такъ означаетъ содержаніе этой строфы: «Свобода мыслить, посылать къ ней депутатовъ и замѣчать ошибки въ учрежденіи объ управленіи губерній».

* Именные указы по этому предмету состоялись 11 и 15 февраля, сенатскій же—*19 февраля*, день, который ровно черезъ 75 лѣтъ долженъ былъ ознаменоваться уничтоженіемъ самаго рабства въ Россіи.

И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.

«Даю вамъ право собираться[12] 14.
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать.

«Не воспрещу я стихотворцамъ[13] 15.
Писать и чепуху и лесть,

[12] Даю вамъ право собираться *и проч.*

«Позволила дворянскимъ и купеческимъ думамъ собираться и имѣть у себя складочную свою собственную казну и запретила депутатамъ, пріѣзжающимъ къ ней, говорить ей похвальныя рѣчи; позволила гражданскія дѣла въ нижнихъ и среднихъ мѣстахъ зачинать и окончательно рѣшить дворянамъ, гражданамъ и крестьянамъ избранными изъ ихъ общества судьями, а палатамъ велѣла ревизовать сіи дѣла по аппеляціямъ, слѣдовательно и оканчивались ими самими» (*Об.* Д.). Здѣсь г. Полторацкій замѣчаетъ (стр. 47): «Державинъ воспѣвалъ это на своей лирѣ 70 лѣтъ тому назадъ. Въ теченіе столь долгаго времени на много ли воспользовались мы всѣмъ этимъ и на сколько подвинулись впередъ»?

[13] Не воспрещу я стихотворцамъ *и проч.*

Остолоповъ (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 36) объясняетъ такъ 15-ую строфу (которую ошибочно называетъ 14-ою): «Свобода литературы и разныхъ системъ; а какъ тогда нѣкоторыя секты подозрѣвались съ иностранными въ разныхъ сумасбродныхъ замыслахъ, то здѣсь и сказано объ нихъ шуткою».

Г. Полторацкій (стр. 48), по поводу первыхъ 4-хъ стиховъ этой строфы замѣчаетъ: «Стихотворцы вдоволь воспользовались этимъ незапрещеніемъ, наводнивъ русскую литературу множествомъ пошлыхъ,

Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ [14],
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить».

Рекла — и взоръ бы озарился 16.
Величествомъ ея души,
Хаосъ на сферы бъ раздѣлился [15]
Ея рукою — напиши;

льстивыхъ и раболѣпныхъ одъ». А Добролюбовъ въ статьѣ *Собесѣдникъ* и проч. (*Соч. Добролюб.*, т. I, стр. 9) говоритъ: «Императрица не могла не терпѣть разныхъ слишкомъ восторженныхъ диѳирамбовъ; поэтъ прекрасно сказалъ отъ ея имени» (слѣдуютъ первые два стиха строфы).

[14] Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ *и проч.*

Слово *халдей* употреблено здѣсь въ смыслѣ волхвовъ, чародѣевъ, т. е. послѣдователей сектъ, которыя приписывали себѣ тайныя сношенія съ духами. «Она смотрѣла сквозь пальцы на всѣ секты, которыя только не причиняли обществу вреда. *Махать* — шуточное изреченіе — значитъ волочиться» (*Об.* Д.). Впрочемъ слово *махать* употреблялось также и въ отношеніи къ женщинамъ и тогда значило: кокетничать. Оно попадается часто въ сатирическихъ статьяхъ *Живописца* и *Собесѣдника*. Въ «Посланіи къ слову *такъ*» (*Собесѣд.*, ч. I, стр. 19) жена между прочимъ говоритъ мужу: «Позволь мнѣ *помахать;* хоть я жена твоя» и проч.; въ той же части *Собесѣдника* (стр. 85) дама, будто бы пишущая къ издателямъ, жалуется на своего мужа, что онъ не даетъ ей *махать.*

[15] Хаосъ на сферы бъ раздѣлился...

Ср. выше, стр. 140, въ *Фелицѣ* 3-й стихъ 13-й строфы:

Дѣля хаосъ на сферы стройно.

«Подъ симъ выраженіемъ разумѣется раздѣленіе всей имперіи на умѣренныя губерніи, въ которыхъ нѣсколькими учрежденными судами управляли губернскія правленія, каждое въ своей сферѣ, такъ что не позволено переносить дѣлъ изъ одной губерніи въ другую, изъ чего выходила такая запутанность, что разобрать было невозможно, ибо тогда равное мѣсто перерѣшало рѣшеніе другаго. Но отъ сего порядка въ открывшихся намѣстничествахъ выстроились каменные новые города, ко-

Чтобъ солнцы въ путь свой покатились
И тысящи вкругъ нихъ планетъ;
Изъ праха грады возносились,
Возстали царства — и былъ свѣтъ [16].

Изобрази мнѣ міръ сей новый 17.
Въ лицѣ младаго лѣтня дня:
Какъ рощи, холмы, башни, кровы,
Отъ горняго златясь огня,
Изъ мрака возстаютъ, блистаютъ
И смотрятся въ зерцало водъ;
Всѣ новы чувства получаютъ
И движется всѣхъ смертныхъ родъ.

Представь мнѣ лучезарны храмы [17] 18.
И ангеловъ поющихъ ликъ,
И благовонны ѳиміамы
Какъ облака бъ носились въ нихъ;
И чтобъ царевна умиленна,
Вперя свой взоръ на небеса,

торыхъ прежде не было, для чего на всякую губернію каждый годъ отпускалось изъ казны 20 т. рублей» (*Об.* Д.).

[16] Возстали царства — и былъ свѣтъ.

Ср. въ *Фелицѣ* начало 13-й строфы:

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить.

Сегюръ въ своихъ Mémoires (изд. 1843, ч. II, стр. 107), разсказывая о кострахъ, которые во время крымскаго путешествія императрицы пылали ночью по обѣимъ сторонамъ дороги, говоритъ, не безъ намека на государственную дѣятельность Екатерины: «C'était ainsi que la fière autocratrice du Nord, au milieu des plus sombres nuits, voulait et commandait que la lumière se fît».

[17] Представь мнѣ лучезарны храмы *и проч.*

«Изображеніе благочестія, въ какомъ государыня въ церквахъ и на молитвѣ предстояла» (*Об.* Д.).

Слезами зрѣлась окропленна,
Блистающими какъ роса;

Какъ съ синей крутизны эоира 19.
Лучамъ случится ниспадать:
Отъ Вседержителя такъ міра
Чтобъ къ ней сходила благодать,
И въ видѣ счастія земнаго
Чтобъ сыпала предъ ней цвѣты,
И купно вѣка бы драгаго
Катилися часы златы;

Чтобъ видѣлъ я въ рога зовущихъ 20.
Тамъ пастуховъ стада на лугъ;
На рощахъ липовыхъ, цвѣтущихъ
Рои жужжащихъ пчелъ вокругъ;
Шумя, младыхъ бы класовъ волны
Переливались вѣтеркомъ;
Граненыхъ бриліянтовъ холмы
Вслѣдъ сыпались за кораблемъ;

Чтобы съ ристалища мнѣ громы [18] 21.
И плески доходили въ слухъ,
И вихремъ всадники несомы

[18] Чтобы съ ристалища мнѣ громы *и проч.*

Рѣчь идетъ о *карусель* или турнирѣ, бывшемъ въ Петербургѣ 14 іюля 1766 года. Объ немъ Державинъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ* (*Русск. Бесѣда*, стр. 33): «Великолѣпный карусель, раздѣленный на четыре кадрили: на ассирійскую (*или правильнѣе — индѣйскую*), турецкую, славянскую и римскую, гдѣ дамы на колесницахъ, а кавалеры на прекрасныхъ коняхъ, въ блистательныхъ уборахъ, показывали свое проворство метаніемъ дротиковъ и стрѣльбою въ цѣль изъ пистолетовъ. Подвигоположникомъ (*главнымъ судьею и раздавателемъ призовъ*) былъ украшенный сѣдинами фельдмаршалъ Минихъ, возвращенный тогда изъ ссылки». Ср. *Вѣстникъ Европы* 1811, № 13 (LVIII), стр. 64. Петровъ написалъ *оду на карусель* 1766 г., которою и начинается собраніе его сочиненій, изд. въ 1811 г.

Поспѣшно бъ натягали лукъ,
И стрѣлу, къ облакамъ пущенну,
Пересѣкали бы другой,
И всю въ стязаньи бы вселенну
Я предъ Фелицей зрѣлъ младой [19].

И зрѣлъ бы я ее на тронѣ 22.
Сѣдящу въ утваряхъ царей,
Въ порфирѣ, бармахъ и коронѣ,
И взглядомъ вдругъ однимъ очей
Объемлющу моря и сушу
Во всемъ владычествѣ своемъ,
Всему дающу жизнь и душу,
И управляющую всѣмъ;

Чтобъ свыше ею вдохновенны 23.
Мурзы, паши и визири,
Сѣдиной мудрости почтенны,
Въ диванѣ зрѣлись, какъ цари [20];
Законъ бы свято сохраняли
И по стезямъ бы правды шли,
Носить ей скипетръ пособляли
И пользу общую блюли;

Она бъ предъ ними предсѣдала, 24.
Какъ всемогущій Царь царей,
Свои наказы подтверждала

[19] *Я предъ Фелицей зрѣлъ младой.*

Во время каруселя, въ 1766 г., Екатеринѣ было 37 лѣтъ.

[20] *Въ диванѣ зрѣлись, какъ цари.*

«Подъ *диваномъ* здѣсь надо понимать сенатъ, а подъ мурзами, пашами и визирями — сенаторовъ и прочихъ служащихъ съ ними» (*Об.* Д.). Приведенный стихъ внушенъ Державину вѣроятно воспоминаніемъ объ отзывѣ Кинеаса эпирскому царю Пирру, что «римскій сенатъ показался ему собраніемъ царей».

Для благоденствiя людей;
Рекла бъ: «Почто писать уставы,
Коль ихъ въ диванахъ не творятъ [21]?
Развратные вельможей нравы —
Народа цѣлаго развратъ.

«Вашъ долгъ — монарху, Богу, царству 25.
Служить и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ — разбоя злѣе;
Судьи — враги, гдѣ спитъ законъ;
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ оборонъ».

Представь, чтобъ гласъ сей, свѣтозарный [г] 26.
Какъ лучъ съ небесъ, проникъ сердца,
Извлекъ бы слезы благодарны,
И всѣ монарха и отца
И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
Который праведенъ и благъ;
Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
Которы у нея въ рукахъ.

Содѣлай, чтобъ судебны храмы 27.
Ея лугами обросли,
Вѣсы бы въ нихъ стояли прямы,
И рѣдко къ нимъ бы люди шли;
Чтобъ совѣсть всюду предсѣдала
И обнимался съ ней законъ;

[г] ... свѣтодарный.

---

[21] Коль ихъ въ диванахъ не творятъ.

«Изреченiе Петра В., что не надо писать законовъ, коль ихъ не исполнять; сiе подтверждала въ указахъ императрица нѣсколько разъ» (*Об.* Д.).

Чтобъ милость истину лобзала
И миру поставляла тронъ[22].

Представь, чтобъ всѣ царевна средства 28.
Въ пособіе себѣ брала
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги[23]
Чрезъ почту письма къ ней писать;
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать;

Какъ молнія, ея бы взоры 29.
Сверкали быстро, въ небесахъ,
Проникнуть мысли были скоры
И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ[24];
Чтобъ издалече познавала
Она невиннаго ни въ чемъ;
Какъ ангелъ бы къ нему блистала
Благоволенія лицомъ.

Дерзни мнѣ кистію волшебной 30.
Святилище изобразить,

[22] . . . И миру поставляла тронъ.

Словомъ *совѣсть* напоминается учрежденіе совѣстнаго суда (*Об.* Д.). Ср. 84 псалма стихъ 11: «Милость и истина встрѣтятся, правда и миръ облобызаются».

[23] Чтобъ отворила всѣмъ дороги *и проч.*

«Съ царствованія сей государыни вошло въ обычай писать къ ней письма чрезъ обыкновенную почту, и она нерѣдко допускала къ себѣ для объясненія, когда ее кто-нибудь о томъ просилъ» (*Об.* Д.).

[24] И въ самыхъ скрытнѣйшихъ сердцахъ.

Здѣсь Державинъ говоритъ о томъ, что̀ самъ онъ испыталъ, когда, послѣ отрѣшенія его отъ должности тамбовскаго губернатора и разсмотрѣнія дѣла его въ московскомъ сенатѣ, онъ допущенъ былъ до личнаго объясненія съ императрицей. Подробный разсказъ о томъ см. въ его *Объясненіяхъ* и *Запискахъ* (*Русск. Бес.*, стр. 294—297).

Гдѣ взора смертныхъ удаленной
Благоволитъ Фелица быть;
Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ
И на уста кладетъ печать;
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ
И долгъ велитъ страстямъ молчать.

Представь ее облокоченну 31.
На Зороастровъ истуканъ[25],
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный океанъ,
Вѣщающу: «О Ты, Превѣчный[д],
Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

«Котда Ты есть душа едина 32.
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
То Ты жъ конечно и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе цари;
Тобой они и померцаютъ[26],
Какъ блескъ вечернія зари!

«Наставь меня, міровъ Содѣтель, 33.
Да, волѣ слѣдуя Твоей,

[д] . . . Предвѣчный.

---

[25] На Зороастровъ истуканъ.

Здѣсь, какъ и ниже еще въ двухъ мѣстахъ (см. строфы 40 и 49), подъ Зороастромъ разумѣется Петръ Великій, котораго бюстъ, какъ извѣстно, стоялъ въ кабинетѣ императрицы.

[26] Тобой они и померцаютъ

«Симъ, по начинающейся революціи во Франціи, предназначалась кончина Людвига XVI» (*Об.* Д.). Сперва было: «померкаютъ».

Тебя люблю и добродѣтель
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный [27]
Моей щедротой позлащу;

[27] Самодержавства скиптръ желѣзный *и проч.*

При печатаніи въ Москвѣ, въ 1798 г., сочиненій Державина, цензура, сперва пропустивъ послѣдніе два стиха, остановила изъ-за нихъ изданіе и требовала ихъ исключенія. Узнавъ о томъ, онъ обратился къ куратору московскаго университета, князю Ѳ. Н. Голицыну, съ письмомъ, въ которомъ, упомянувъ, что цензорà не выпускаютъ изъ типографіи книги его, продолжалъ: «Зачѣмъ же? За такой фразой, которая уже не одинъ разъ была напечатана, всѣмъ извѣстна, и которая одна за многихъ истинную дѣлаетъ честь нашему самодержавному правленію. Ее при покойной государынѣ приняли всѣ съ чрезвычайной похвалою; почему же теперь нѣтъ? Развѣ теперешнее правленіе не столь щедро и великодушно, какъ прошедшее? Истинно я боюсь подумать, чтобъ, выпустивъ двѣ строки, не сдѣлать сатиры оскорбительнѣйшей, нежели Ювеналъ на свое время»... Затѣмъ Державинъ просилъ Голицына исходатайствовать у генералъ-прокурора князя Куракина разрѣшеніе на пропускъ этихъ стиховъ (см. письмо его отъ 16 дек. 1797 г.). Но такъ какъ кн. Голицынъ по этой просьбѣ ничего не сдѣлалъ, то Державинъ написалъ самому Куракину, прося его приказать вразумить цензоровъ, что помянутая фраза «ни божескому, ни гражданскому закону, ни самой политикѣ не противна» (см. письмо его отъ 3 марта 1798 г.). Въ концѣ письма Державинъ выписалъ всю строфу и подчеркнулъ послѣдніе два стиха. Куракинъ своей рукой приписалъ слѣдующую резолюцію: «Государь императоръ приказать соизволилъ внушить г. Державину, что по искусству его въ сочиненіи стиховъ подчеркнутые бы перемѣнилъ, чтобы получить дозволеніе сочиненія его напечатать». Вслѣдствіе того въ изданіи 1798 г. на страницѣ 107-й оставленъ пробѣлъ въ концѣ 33-й строфы, и Державинъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ вписалъ своей рукой, чернилами, пропущенные два стиха. Одинъ изъ такихъ экземпляровъ, подаренный имъ Суворову съ надписью на оборотѣ заглавнаго листа, принадлежитъ нынѣ императорской публичной библіотекѣ. Въ изданіи 1808 г. означенные два стиха возстановлены, послѣ чего они являлись уже во всѣхъ другихъ изданіяхъ Державина и въ разныхъ сборникахъ (Ср. *Объясненія* Д. и *Записки* его, *Р. Бес.*, стр. 430, гдѣ вмѣсто *самодержавства* въ 1-мъ стихѣ читаемъ *самодержавья*).

«Да удостоенна любови, 34.
Надзрѣнія Твоихъ очесъ [е],
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего, пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя Свидѣтелемъ звала».

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры 35.
Со отвращеніемъ она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война
Свинцова грифеля чертами,
И медленно бъ крѣпила ихъ,
И тутъ же горькими слезами
Смывала бы слова всѣ съ нихъ [ж];

Но милости бъ опредѣляла 36.
Она съ смѣющимся лицомъ;
Златая бы струя бѣжала
За скоропишущимъ перомъ
И проливалась бы съ престолу
Въ несчетныхъ тысящахъ прохладъ,
Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу
Лучистый съ шумомъ водопадъ;

Чтобъ сей рѣкой благодѣяній 37.
Покрылась вся ея страна;
Я зрѣлъ бы цѣпь пространныхъ зданій,
Гдѣ пользуетъ больныхъ она,

[е] И назиданія Твоихъ очесъ.
[ж] ... въ нихъ (1789 и 1798).

Гдѣ бѣдныхъ пищей насыщаетъ,
Гдѣ брошенныхъ беретъ сиротъ[28],
Гдѣ ихъ лелѣетъ, возращаетъ,
Гдѣ просвѣщаетъ свой народъ.

Представь мнѣ, въ мысли восхищенной, 38.
Сходила бы съ небесъ она;
Какъ солнце грудь, въ ткани зеленой,
Рукой метала сѣмена[29];
Какъ искры огненны, дождились
Златыя бъ зерна въ снѣдь птенцамъ:
Орлы младые разбудились[30]
И воскрылялись бы къ лучамъ.

Яви искусствомъ чудотворнымъ, 39.
Чтобъ льды пріяли видъ лилей;
Весна́ дыханьемъ теплотворнымъ

[28] ... Гдѣ брошенныхъ беретъ сиротъ.

1763 сентября 1 учрежденъ Воспитательный Домъ въ Москвѣ; 1767 ноября 26 — запасные хлѣбные магазины.

[29] Какъ солнце грудь, въ ткани зеленой
Рукой метала сѣмена.

Эти два стиха неясны; между тѣмъ они такъ точно печатались при жизни Державина и согласны съ рукописями. Въ тетради 1790-хъ годовъ первый изъ нихъ, а съ нимъ и предшествующій: «Сходила бы съ небесъ она» были зачеркнуты, и рукою Дмитріева написана на поляхъ, карандашемъ, какая-то другая редакція ихъ, но она частью стерлась, частью была тоже зачеркнута, такъ что ея невозможно разобрать. Кажется, смыслъ двухъ выписанныхъ выше стиховъ такой: чтобы она, имѣя грудь сіяющую какъ солнце и покрытую зеленой тканью, рукой метала сѣмена.

[30] Орлы младые разбудились —

т. е. военное юношество (*Об.* Д.). Петръ III соединилъ-было (24 апр. 1762) въ одно заведеніе корпуса̀ сухопутный, морской и артиллерійскій, но Екатерина, вскорѣ по вступленіи на престолъ, дала опять каждому изъ нихъ самостоятельное существованіе и сверхъ того учредила инженерный (указы 8 авг. и 25 окт. 1762).

Звала бы съ моря лебедей,
Летѣли бъ съ крикомъ вереницы,
Звучали бъ трубы съ облаковъ:
Такъ въ царство бы текли Фелицы
Народы изъ чужихъ краевъ[31].

Не позабудь ее представить, 40.
Какъ, вмѣсто алтарей себѣ,
Царя великаго поставить
Велѣла на мольбу Ордѣ;
Какъ всюду раздалися клики
И громы свѣта по конецъ:
«Предсталъ намъ Зороастръ великій[32],
Воскресъ отечества отецъ»!

Изобрази и то въ картинѣ, 41.
Чтобъ сей подобный грому кликъ
Въ безмѣрной времени долинѣ,
Какъ будто бы катясь, затихъ;
Фелицы жъ славою удвоенъ,
Громчай въ потомствѣ возгласилъ:
«Великъ, кто алтарей достоинъ,
Но ихъ другому посвятилъ»!

Представь, сей славой возбужденны, 42.
Чтобъ зрѣть ее цари пришли[33],

[31] Народы изъ чужихъ краевъ.

Здѣсь разумѣется вызовъ иностранцевъ (манифестами 4 декабря 1762 и 22 іюля 1763) для учрежденія колоній въ малонаселенныхъ краяхъ Россіи.

[32] Предсталъ намъ Зороастръ великій.

Ср. выше примѣчаніе 25. «Царя великаго поставить» — относится къ монументу Петра Великаго, открытому 7 августа 1782 года.

[33] Чтобъ зрѣть ее цари пришли.

Екатерину II посѣтили въ Петербургѣ: въ 1769 году принцъ Генрихъ прусскій (братъ Фридриха II), въ 1777 король шведскій Густавъ III,

И, какъ бы древле, удивле́нны,
Въ ней Соломона вновь нашли;
Народъ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарекъ[34],
Поднесъ бы титла ей священны, —
Она бъ рекла: «Я человѣкъ».

Возвысь до облакъ лавръ зеленый, 43.
И чтобъ онъ на поляхъ стоялъ;
Подъ нимъ бы, тѣнью прохлажденный,
Спокойно исполинъ дремалъ[35];
Какъ мраморъ, бѣла бъ грудь блистала,
Ланиты бы цвѣли зарей:
Фелица такъ бы услаждала
Полсвѣта подъ своей рукой[36];

въ 1780 нѣмецкій императоръ Іосифъ II (съ которымъ первое свиданіе императрицы было въ Могилевѣ, см. выше, стр. 95, примѣч. 1 къ одѣ *На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію*) и наслѣдный принцъ прусскій Фридрихъ Вильгельмъ. Сверхъ того Екатерина принимала, на пути въ Крымъ, въ 1787 году: въ Каневѣ польскаго короля Станислава Августа и въ Кайдакѣ императора Іосифа II. Позднѣйшее время сюда не относится.

34 .... Великой бы ее нарекъ.

Въ 1767 году коммисія депутатовъ подносила императрицѣ чрезъ сенатъ наименованіе Великой, Премудрой, Матери отечества, а въ 1779 петербургское дворянство просило ее принять названіе Великой. Въ оба раза она отказалась отъ этихъ титловъ. Въ *С-петерб. Вѣстникѣ* за февраль 1779 г. (ч. III, стр. 110) была напечатана надпись Державина: *На поднесеніе ея величеству титла Екатерины Великой;* см. между неизданными его сочиненіями.

35 Подъ нимъ бы исполинъ дремалъ.

Подъ исполиномъ разумѣется здѣсь русское царство.

36 Полсвѣта подъ своей рукой.

Здѣсь въ первый разъ Державинъ означаетъ русское царство словомъ *полсвѣта*, которое послѣ часто встрѣчается у него въ этомъ смыслѣ.

И, здравіе его спасая, 44.
Безъ ужаса пила-бы ядъ[37];
Отъ твердости ея Смерть злая[3]
Свой отвратила бъ смутный взглядъ;
Коса ея дала бы звуки,
Преткнувшись о великій духъ;
На небеса воздѣли бъ руки
Младенцевъ милліоны вдругъ;

Супруговъ чувства благодарны 45.
За оживленье ихъ дѣтей,
Какъ бы пылинки лучезарны,
Огнистой отъ стекла струей
Отпрянувъ, въ воздухѣ сверкали,
Являли бъ пламень ихъ сердецъ:
«Мы зримъ въ Фелицѣ», восклицали,
«Твое подобіе, Творецъ»!

Изобрази ты мнѣ царевну 46.
Еще и въ подвигахъ другихъ:
Стоглаву гидру разъяренну

[3] И Смерть сама, тутъ содрогая,
Отъ ней свой отвратила взглядъ.

---

[37] Безъ ужаса пила бы ядъ.

«Подъ симъ разумѣется отважный опытъ прививанія оспы, который императрица сама надъ собою первая приказала сдѣлать, дабы подать примѣръ тѣмъ ея подданнымъ, и съ того точно времени вошло въ обыкновеніе сіе спасительное въ Россіи средство» (*Об.* Д.). Это было въ 1768 году: вызванный изъ Англіи врачъ Димсдэль (Dimsdale) долженъ былъ привить оспу сперва императрицѣ, потомъ наслѣднику престола в. к. Павлу Петровичу; во всѣхъ губерніяхъ были устроены оспенные дома.

И фурій отъ земель своихъ[38]
Чтобы гнала она геройски;
Какъ мать, своихъ спасала бъ чадъ;
Какъ царь, на гордость двигла войски;
Какъ Богъ, свергала злобу въ адъ.

На сребролунно государство[39] 47.
Простри крылатый сизый громъ;
Въ желѣзнокаменное царство
Брось молньи и поставь вверхъ дномъ;
Орелъ царевнинъ бы ногою
Вверху рога луны сгибалъ;

[38] И фурій отъ земель своихъ.

Подъ стоглавой гидрой разумѣются вызванныя Пугачевщиною возстанія въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а подъ фуріями моровая язва и голодъ, происшедшіе около того же времени. Въ текстѣ изданія 1808 года этотъ стихъ читается такъ:

И фуріевъ съ земель своихъ.

Но такъ какъ онъ былъ исправленъ рукою самого Державина въ рукописи 1790-хъ гг. и съ этою поправкой напечатанъ въ изданіи 1798 г., то мы позволили себѣ сохранить ему тогдашнюю, болѣе правильную форму, хотя во всѣхъ остальныхъ, позднѣйшихъ текстахъ ошибка намѣренно возстановлена. Первоначальное исправленіе ея было предложено Дмитріевымъ. Ему же принадлежитъ окончательная редакція немногихъ другихъ стиховъ этой оды (см. варіанты в, і).

[39] На сребролунно государство.

«Подъ сребролуннымъ государствомъ разумѣется Оттоманская Порта» (по гербу ея), «а подъ желѣзнокаменнымъ царствомъ — Швеція, которыя вдругъ возстали войною на Россію и обѣ были побѣждены» (*Об.* Д.). Манифестъ о войнѣ съ Турціею изданъ 7 сентября 1787 г., а манифестъ о войнѣ съ Швеціею 30 іюня 1788 г. Первая война кончилась миромъ Ясскимъ 29 дек. 1791, вторая Верельскимъ 3 авг. 1790 г. Поэтому *Изображеніе Фелицы* писано во время войны съ обоими этими государствами. Для сравненія съ объясняемымъ мѣстомъ см. въ одѣ *На Счастіе* строфу 12:

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ
И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство.

Тогда жъ бы на землѣ другою
У гладна льва онъ зѣвъ[и] сжималъ[40];

Чтобы ея безстрашны войски, 48.
Отъ колыбели до сѣдинъ,
Носили духъ въ себѣ геройскій,
И отрокъ будто бъ исполинъ
Врагамъ въ сраженіяхъ казался;
Ихъ плѣнникъ бы сказалъ о нихъ:
«Никто въ бою. имъ не равнялся,
Кромѣ души великой[і] ихъ»[41];

Чтобы вселенныя владыки 49.
И всякъ ту истину узналъ:
Гдѣ войски Зороастръ великій[42]

[и] У льва голодный зѣвъ сжималъ.
[і] Кромѣ великодушья ихъ.

---

[40] У гладна льва онъ зѣвъ сжималъ.

Левъ изображенъ въ гербѣ Швеціи (ср. выше стр. 221).

[41] ... Кромѣ души великой ихъ.

Души великой поставлено Дмитріевымъ въ рукописи 1790-хъ гг. вмѣсто зачеркнутаго имъ *великодушья.*

Подлинныя слова одного шведскаго адмирала, взятаго въ плѣнъ въ тогдашнюю войну (*Об.* Д.). Это былъ Вахтмейстеръ. 6 іюля 1788 года Грейгъ одержалъ славную побѣду надъ шведскимъ флотомъ близъ острова Гохланда. «Мы взяли 70-пушечный корабль Prince Gustave, бывшій въ авангардѣ подъ флагомъ вице-адмирала, и на немъ графа Вахтмейстера со всѣмъ экипажемъ» (*Зап. Храпов.*). «Плѣнный Вахтмейстеръ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ присутствіе его возбуждало самое нескромное любопытство на гуляньяхъ: за нимъ бѣгали толпами, особенно женщины, на что и была написана сатирическая пѣсня» (примѣч. г. Лонгинова къ *Зап. Энгельгардта*, стр. 64). Впослѣдствіи Екатерина, раздраженная поступками Густава III, велѣла отправить Вахтмейстера въ Калугу.

[42] .... Зороастръ великій.

Ср. примѣч. 25.

Образовалъ и учреждалъ,
И гдѣ великую въ нихъ душу
Великая Фелица льетъ, —
Тѣ войски горы, море, сушу
Пройдутъ — и имъ препоны нѣтъ;

Чтобъ грозный полкъ ихъ представлялся 50.
Какъ страшна буря вдалекѣ,
И Миръ въ порфирѣ приближался[43]
Тогда бъ къ царевниной рукѣ;
Она бъ его облобызала
И вѣтвь его къ себѣ взяла;
«Да будетъ тишина»! сказала, —
И къ намъ бы тишина пришла;

Какъ ангелъ въ синевѣ эѳира 51.
И милосердія въ лицѣ,
Со кротостью въ душѣ зефира,
Съ сіяньемъ тихимъ звѣздъ въ вѣнцѣ,
Благолюбивая бъ царевна
Въ день зрѣлась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была дѣлами божества;

Изъ устъ ея текла бы сладость 52.
И утѣшала стонъ вдовицъ;
Изъ глазъ ея блистала бъ радость
И освѣщала бъ мракъ темницъ;

[43] И Миръ въ порфирѣ приближался.

Здѣсь, по *Об.* Д., рѣчь идетъ о Тешенскомъ мирѣ (1779 г.), который заключенъ былъ между Австріей и Пруссіей вслѣдствіе угрозы Екатерины двинуть свои войска въ подкрѣпленіе Фридриха II.

Рука ея бы награждала
Прямыхъ отечества сыновъ;
Душа ея въ себѣ прощала
Неблагодарныхъ и враговъ;

Пріятность бы сопровождала 53.
Ея бесѣду, дружбу, власть;
Привѣтливость ея равняла
Съ монархомъ подданнаго часть;
Повсюду Музы въ восхищеньѣ
Ей сыпали бъ цвѣты сердецъ,
И самое Недоумѣнье
Ей плесковъ поднесло бъ вѣнецъ[44].

[44] И самое Недоумѣнье
Ей плесковъ поднесло бъ вѣнецъ.

Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* замѣчаетъ, что между пьесами, написанными самой государыней, была комедія *Недоумѣніе*, которая, «когда была первый разъ представлена, то чрезвычайно была хорошо принята публикою, хотя неизвѣстно было, что она сочинила оную. Авторъ, будучи въ комедіи и знавъ, что она писана государыней, послалъ сіи два стиха на театръ, написанные карандашемъ».

Какъ замѣтилъ уже г. Полторацкій, «комедія Екатерины извѣстна подъ заглавіемъ: *Недоразумѣнія*, въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Она представлена въ первый разъ въ Эрмитажѣ 3-го сентября 1789 года, на публичномъ театрѣ въ Петербургѣ 9 сентября того же года, и напечатана, вслѣдъ за *Недорослемъ* Фонъ-Визина, въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, Спб., ч. 31, 1789 года, стр. 153—318». Свѣдѣнія о ходѣ сочиненія и представленій этой пьесы можно найти въ *Запискахъ Храповицкаго*, который еще 28 марта 1788 отмѣтилъ: «Сказывали, что кончили три акта комедіи; утвердили ей титулъ: Нѣсколько недоразумѣній составляютъ комедію». Впослѣдствіи заглавіе было упрощено.

Г. Полторацкій думаетъ, что въ 8-мъ стихѣ 53-й строфы *плесковъ* есть опечатка, оттого что въ *Объясненіяхъ* Ѳ. П. Львова (ч. II, стр. 29) напечатано: «Ей съ *плескомъ* поднесло бъ вѣнецъ». Но Львовъ произвольно прибавилъ въ этомъ стихѣ *съ;* въ рукописныхъ *Объясненіяхъ*, диктованныхъ самимъ Державинымъ, находимъ: Ей *плескомъ*, а это, очевидно, одна изъ тѣхъ описокъ, которыхъ множество въ этой тетради, пи-

Черты одной красотъ ей ложно 54.
Блюдися приписать въ твой вѣкъ;
Представь, каковъ, коль только можно,
Богоподобный человѣкъ!
Исполнь ее величествъ, власти,
Безсмертныхъ мудрости даровъ,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь[45].

И славу моему ты взору 55.
Ея представь, какъ бы въ ночи
Возжженну бриліянтовъ гору,
Отъ коей бы лились лучи
И живо въ вѣчности играли;
На свѣтлу оной крутизну

санной наскоро молодою дѣвушкой, племянницей поэта, Е. Н. Львовой. Притомъ, во всѣхъ рукописяхъ Державина этотъ стихъ читается такъ, какъ онъ напечатанъ. *Вѣнецъ плесковъ* — поэтическое выраженіе, въ которомъ нѣтъ причины предполагать ошибку. Въ тетрадяхъ поэта есть особая надпись *На комедію Недоумѣніе*, напечатанная въ *Памятникѣ отечественныхъ музъ* на 1827 г. (стр. 46) и оттуда перешедшая въ посмертныя изданія его сочиненій:

Какое восхищенье!
Какой восторгъ сердецъ!
И самое *Недоумѣнье*
Даетъ тебѣ вѣнецъ.

Это четырехстишіе явилось первоначально, вскорѣ послѣ представленія пьесы, въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* (ч. XL), гдѣ оно открываетъ октябрскую книжку подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Автору комедіи *Недоразумѣнія*, представленной на ѳеатрѣ 9 сего сентября 1789 года».

[45] Щедроту, славу и любовь.

«Ежели бы страсти сіи во всякомъ случаѣ оказывались по правосудію, то бы были онѣ добродѣтели: то для того авторъ и именовалъ ихъ, чтобы ничего не скрыть, до изображенія сей государыни касающагося» (*Об.* Д.).

Калифы многіе желали:
Ползли, скользили — пали въ тму[к];

Какъ огненъ столпъ на понтѣ, взорамъ 56.
Къ горѣ сей колебался бъ путь;
Фелица бы внушала Хлорамъ[46]:
«Тамъ розы безъ шиповъ растутъ»;
Мурза бъ въ восторгѣ, въ удивленьи,
Подъ золотымъ ея щитомъ,
Въ татарскомъ упражнялся пѣньи
И восклицалъ открытымъ ртомъ:

«Бросай, кто хочетъ, — остры стрѣлы 57.
Отъ чистой совѣсти скользятъ[47];
Имѣя сердце, руки бѣлы,
Мнѣ стыдно мстить, стыднѣе лгать[48],
Того стыднѣе въ дни блаженны
За истину страшиться зла:

[к] Ползли, ползли — и пали въ тму (1798).

---

[46] Фелица бы внушала Хлорамъ.

См. выше, стр. 129, примѣчаніе 1 къ *Фелицѣ*.

[47] Отъ чистой совѣсти скользятъ *и проч.*.

«Какъ авторъ имѣлъ много недоброжелателей изъ знатныхъ людей, которые его явно гнали и тайно оклеветывали, то и не хотѣлъ отомщать какой-либо сатирою, а довольствовался пѣть, въ досаду имъ, государынѣ похвалу, не страшась за правду зла» (*Об.* Д.).

[48] Мнѣ стыдно мстить, стыднѣе лгать.

Во всѣхъ Смирдинскихъ изданіяхъ напечатано: «Мнѣ стыдно *льстить*»; но въ изд. 1798 и 1808 г. *мстить*, что̀ согласно съ мыслію самого Державина: онъ не хотѣлъ мстить за *остры стрѣлы*, направленныя противъ него. Это подверждается и предыдущимъ примѣчаніемъ, гдѣ поэтомъ употреблено слово *отомщать*. Притомъ и во всѣхъ рукописяхъ *мстить*.

Моей царевной восхищенный,
Я лишь ея пою дѣла».

Но что, Рафаэль, что ты пишешь[49]? 58.
Кого ты, гдѣ изобразилъ?

[49] Но что, Рафаэль, что ты пишешь?

Обращеніе Державина къ Рафаэлю подало поводъ Капнисту написать полушуточную оду: «Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы». Капнистъ въ этомъ стихотвореніи воображаетъ, что Рафаэль отказывается отъ исполненія такого труднаго дѣла; въ послѣдней (16-й) строфѣ великій живописецъ говоритъ:

«Итакъ Фелицына портрета,
Ниже картины дѣлъ ея
Тебѣ доставить не намѣренъ.
Когда жъ ты въ способахъ увѣренъ
Тѣ чуда живо написать,
То кисть и краски предъ тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что̀ столь красно умѣлъ сказать».

Державинъ обидѣлся этимъ и написалъ слѣдующіе (неизданные) стихи: *Рафаилу, который въ концѣ своей книги* доказывалъ автору, что не можно было изобразить безсмертія Фелицы:*

Прекрасно, хорошо, хотя на мой и счетъ, —
Но въ правдѣ спору нѣтъ.
Всего же лучше тѣмъ ты умъ свой доказалъ,
Что книги на концѣ урокъ свой написалъ;
А безъ того
И не прочли бъ его.

Хотя выше, въ примѣчаніи 1 (стр. 271) мы, слѣдуя *Сопикову*, и допустили, что *Изображеніе Фелицы* было отдѣльно напечатано въ 1792 г., однакожъ нужнымъ считаемъ оговориться. Совершенно соглашаясь съ г. Полторацкимъ (*Матеріалы* и проч., т. I, кн. 2, стр. 42) относительно ненадежности *Сопикова*, мы въ настоящемъ случаѣ не видимъ достаточной причины вовсе отвергнуть его показаніе: подобно одѣ *Богъ* (см. выше стр. 190) *Изображеніе Фелицы* могло быть перепечатано въ означенномъ

* или брошюры: вѣроятно, стихи Капниста были тогда же напечатаны не только въ журналѣ (см. ниже), но и отдѣльными оттисками. Они вошли потомъ въ собраніе его сочиненій.

Не на холстѣ, не въ краскахъ дышишь,
И не металлъ ты оживилъ:

году. Но почти нельзя сомнѣваться, что эта ода, еще до появленія ея въ *Новыхъ ежемѣс. соч.*, вышла въ 1789 г. особою брошюрой. Нашъ почтенный библіографъ, относя отдѣльное ея изданіе единственно къ этому году, совершенно упустилъ изъ виду помѣщеніе ея около того же времени въ академическомъ журналѣ, что̀ до сихъ поръ вообще было неизвѣстно библіографамъ и о чемъ умолчалъ самъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*. Къ высказанному нами предположенію приводитъ насъ болѣе всего указаніе самой редакціи журнала въ другомъ мѣстѣ, что ода *На шведскій миръ*, также въ немъ помѣщенная, прежде явилась отдѣльно (см. ниже, подъ 1790 г., примѣч. 1 къ этой одѣ), — указаніе, заставляющее догадываться, что подобно этому и нѣкоторыя другія стихотворенія Державина были только перепечатаны въ *Новыхъ ежемѣс. сочиненіяхъ*. Книжка журнала, въ которой мы находимъ *Изображеніе Фелицы*, вышла не ранѣе ноября 1789 г., а ода была поднесена уже къ 22 сентября, и весьма вѣроятно, что она еще прежде или очень скоро послѣ того была напечатана *. Похвалы, съ которыми кн. Дашкова въ эту пору отзывалась о Державинѣ (см. выше стр. 271), наводятъ на мысль, что она, завѣдывая редакціей *Новыхъ ежем. соч.*, искала его сотрудничества; но онъ, въ послѣдующее время, охотнѣе участвовалъ въ *Московскомъ журналѣ* Карамзина. Мы уже видѣли (см. выше стр. 158), что его *Видѣніе мурзы* прежде появилось въ этомъ послѣднемъ изданіи, а потомъ, черезъ мѣсяцъ, въ журналѣ Дашковой. Такъ точно и *Хоры*, написанные Державинымъ для праздника Потемкина, были помѣщены въ петербургскомъ журналѣ полгода позже чѣмъ въ московскомъ (см. наши примѣчанія къ *Описанію* Потемкинскаго праздника, подъ 1791 г.).

Въ дополненіе замѣтимъ, что написанный Капнистомъ «Отвѣтъ Рафаэля» Державину явился, какъ и *Изображеніе Фелицы*, въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* (ч. XLVII, май 1790 г.) при слѣдующемъ письмѣ къ княгинѣ Дашковой, которая принимала дѣятельное участіе въ изданіи этого журнала: «Сіятельнѣйшая княгиня *и проч.* Новое ежемѣсячное сочиненіе дошло и до пребыванія Рафаэля, который, прочитавъ заданную ему задачу отъ пѣвца Фелицы, по причинѣ отсутствія своего отъ художествъ нашелъ для себя удобнѣе кисти взяться за перо, и на италіянскомъ языкѣ написалъ отвѣтъ. Письмо сіе изъ Рима по сосѣдству дошло до нашего края. Я преложилъ его на языкъ, нынѣ и Татарамъ вразумительный. Если трудъ мой заслужитъ одобреніе вашего сіятельства,

* Перепечаткой оды въ 1792 г. объяснялась бы замѣченная г. Полторацкимъ неодинаковая чистота шрифта въ разныхъ оттискахъ ея.

Я въ сердцѣ зрю алмазну гору;
На немъ божественны черты
Сіяютъ изступленну взору;
На немъ въ лучахъ — Фелица, ты!

то прошу покорно не отказать ему мѣста въ томъ же сочиненіи, которое рожденіе его воспричинствовало. Имѣю честь быть *и проч*».

Посланіе состоитъ изъ 16-ти десятистрочныхъ строфъ и въ концѣ подписано: «Съ italіянскаго перевелъ Василій Капнистъ».

Послѣ «Отвѣта Рафаэля» явились по тому же поводу въ *Новыхъ ежем. соч.* (ч. L, авг. 1790 г.) еще два небольшія стихотворенія, присланныя будто бы изъ Яссъ: «Стихи на Изображеніе Фелицы» и «Сочинителю Изображенія Фелицы».

XLIX. КЪ ЕВТЕРПѢ[1].

—

Пой, Евтерпа дорогая! 1.
Въ струны арфы ударяй!

[1] Въ *Московскомъ журналѣ* за апрѣль 1791 г. (ч. II, стр. 3), гдѣ эти стихи въ первый разъ напечатаны, дано имъ такое заглавіе: Ода къ

Ты, поколь весна младая[а],
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхаетъ радость,
Кратко соловей поетъ:
Красота, пріятность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

Браннымъ шлемомъ покровенный, 2.
Марсъ своей пусть жертвы ждетъ[б];
Рано ль, поздно ль, побѣжденный

[а] Ты, весна доколь младая (1791 и 1798).
[б] Пусть своей Марсъ жертвы ждетъ.

Евтерпѣ, *по случаю пляски, бывшей на мызѣ у Ивана Ивановича Шувалова* * *1789 г. августа 24 дня.* Въ *Объясненіяхъ* же Державина сказано, что эта пьеса сочинена по поводу частаго посѣщенія княземъ Таврическимъ Марьи Львовны Нарышкиной, дочери оберъ-егермейстера Льва Александровича, «которая послѣ была замужемъ за княземъ Любомірскимъ и которая пѣла и играла на арфѣ». Впрочемъ одно примѣчаніе не противорѣчитъ другому: Потемкинъ, послѣ взятія Очакова, пріѣхалъ 4 февраля 1789 г. въ Петербургъ и оставался здѣсь до 6 мая (см. *Зап. Храповицкаго*). Ода полна намековъ на уѣхавшаго снова «любимца счастья» и на скорое его возвращеніе изъ арміи. Державинъ, незадолго передъ тѣмъ поселившійся опять въ Петербургѣ, былъ у Шувалова на праздникѣ 24 августа и, услышавъ тамъ игру и пѣніе молодой Нарышкиной, написалъ ей стихи, въ которыхъ воспользовался воспоминаніями и надеждами, связанными для нея съ лицомъ Потемкина. Вторично пьеса была напечатана въ изданіи 1798, стр. 159; потомъ 1804 г. въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ*, стр. 57, съ ошибочнымъ означеніемъ въ оглавленіи 1787 г. (Державинъ жилъ тогда въ Тамбовѣ); наконецъ она перешла въ изданіе 1808 г., ч. III, XXVII.

Приложенный къ заглавію рисунокъ (Олен.) объясненъ въ рукописяхъ первыми четырьмя строками послѣдней строфы этого стихотворенія; за Евтерпою палица Геркулеса, у ногъ ея молодой Марсъ. На другомъ рисункѣ представлены копье и мечъ, прикрытые миртами.

* Загородный домъ И. И. Шувалова былъ, сколько извѣстно, на 8-й верстѣ по петергофской дорогѣ, возлѣ митрополичьей дачи; впослѣдствіи это мѣсто принадлежало родной внукѣ сестры Шувалова (въ замужствѣ княгини Голицыной), графинѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Фредро, урожденной Головиной.

Голіаѳъ предъ нимъ падетъ,
Вскинетъ тусклый и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочетъ, да отдастъ.

3. Пусть придворный суетится
За Фортуною своей;
Если быть ему случится
И наперсникомъ у ней, —
Рано ль, поздно ль, онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ[2]:
Насъ Фортуна часто учитъ
Горемъ быть богатыремъ.

4. Время все перемѣняетъ:
Птицъ умолкъ весеннихъ свистъ,
Лѣто знойно пробѣгаетъ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ;
Идетъ осень златовласа,
Спѣлые несетъ плоды;
Красножелта ея ряса[3]
Превратится скоро въ льды.

[2] Кубариться кубаремъ....
Горемъ быть богатыремъ.

Ср. въ одѣ *Рѣшемыслу*, стр. 175, въ строфѣ 15, стихъ 3-й, и *На Счастіе*, стр. 253, въ строфѣ 17, стихъ 3-й, а также и примѣчанія къ нимъ. Смыслъ этой строфы тотъ, что *случай* безъ истинныхъ заслугъ не имѣетъ значенія и не проченъ. Въ Потемкинѣ поэтъ представляетъ себѣ два лица — царедворца, сына нѣги, въ соединеніи съ полководцемъ, или Марсомъ. Во 2-й и 5-й строфахъ удачно предсказаны послѣдовавшія вскорѣ обстоятельства: взятіе Измаила и новый пріѣздъ Потемкина въ Петербургъ.

[3] Красножелта ея ряса.

Въ рукописи 1790-хъ годовъ И. И. Дмитріевъ отмѣтилъ слово *ея*, какъ нарушающее здѣсь мѣру. Надъ *ея* написано *оной*, но снова зачеркнуто.

Марсъ устанетъ — и любимецъ 5.
Счастья во̀зьметъ свой покой[4];
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и герой
Брякнутъ въ кольца золотыя:
Ты съ согласія отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ 6.
О любви твоей къ себѣ;
Сына нѣги онъ поборетъ
И понравится тебѣ.
Качества твои любезны[5]
Всей душою полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близъ тебя[в].

Пой, Евтерпа молодая! 7.
Прелестью своей плѣни;
Бога браней усыпляя[г],
Громъ изъ рукъ его возьми.

[в] Онъ воздремлетъ у тебя (1791, 1798 и 1804).
[г] Крѣпче Марса усыпляя (1791 и 1798).

---

[4] ... во̀зьметъ свой покой.

Съ такимъ удареніемъ слово *возъметъ* встрѣчается и у Ломоносова; такъ въ 12 строфѣ оды *На счастіе* (изъ Руссо):

Какъ счастье возьметъ поворотъ.

[5] Качества твои любезны
Всей душою полюбя.

Въ рукописи 1790-хъ гг., гдѣ стояло: *Твои качества*.... Дмитріевъ вмѣсто этихъ двухъ стиховъ предлагалъ:

Лавромъ голова нагбенна [д]
Къ персямъ склонится твоимъ,
И должна тебѣ вселенна
Будетъ вѣкомъ золотымъ.

[д] Глава, браньми утомленна.

Нравъ души твоей любезной,
Нѣжно сердце полюбя...

Послѣдній же стихъ строфы онъ предлагалъ измѣнить такъ: «Заглядится на тебя».

Въ концѣ строфы онъ замѣтилъ на поляхъ: Прекрасно!

L. КАНТАТА [1].

Щедротъ источникъ, Россовъ радость, 1.
Посланница и другъ небесъ,
Которой льютъ уста намъ сладость,
А взоры — жизнь и свѣтъ очесъ!

[1] Эта похвала Екатеринѣ II написана по поводу посѣщенія императрицею камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой, бывшей, почти во все ея царствованіе, въ числѣ наиболѣе близкихъ къ ней лицъ. Протасова не была исключена изъ самыхъ тѣсныхъ и довѣренныхъ бесѣдъ Екатерины; въ 1787 г. она участвовала въ крымскомъ путешествіи и вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ находилась при государынѣ безотлучно въ дорожномъ экипажѣ (Сегюра Mémoires, т. II, стр. 106 и 170). Была еще фрейлина Елисавета Степановна Протасова, вѣроятно сестра Анны. Отецъ

Тобой блаженство мы вкушаемъ, 2.
Тобой мы дышимъ и живемъ;
Тебѣ сердца мы посвящаемъ
И благодарну пѣснь поемъ.

О наша мать! сердецъ царица! 3.
О ангелъ, а не человѣкъ!
О кротка Сѣвера денница!
Сіяй и озаряй насъ ввѣкъ.

ихъ, Степанъ Ѳедоровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, былъ въ 1760-хъ годахъ сенаторомъ московскихъ департаментовъ; до 1767 г. имя его читается въ *Адресъ-календарь* *; въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1774 г. (№ 38) напечатано объявленіе о продажѣ въ Москвѣ загороднаго дома покойнаго. Въ *Мѣсяцословѣ* 1769 года мы находимъ уже имя Анны Степановны въ спискѣ фрейлинъ.

Вѣроятно, сочиненная Державинымъ кантата была положена на музыку и тогда же напечатана отдѣльно.

Въ изданіи 1798 г., стр. 68, означенъ въ заглавіи этой пьесы и поводъ къ ея сочиненію (Кантата на посѣщеніе и проч.) и надъ послѣднимъ куплетомъ поставлено: Хоръ. Въ изданіи 1808 г., ч. I, XLVII, этихъ обозначеній уже нѣтъ.

Приложенный къ заглавію рисунокъ (Олен.) такъ объясненъ въ рукописяхъ: «Изображеніе россійскаго божества, означающее всѣ добродѣтели и всѣ достоинства».

* *Адресъ-календари* выходили въ 1765, 1766 и 1767 годахъ. Въ экземплярѣ имп. публ. библ. за послѣдній годъ противъ имени Протасова отмѣчено карандашемъ: *умеръ*.

LI. НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ[1].

—

Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ 1.
И лавры на главѣ несешь;

[1] Король Густавъ III хотѣлъ воспользоваться войною Екатерины II съ Турціей для нападенія на беззащитный Петербургъ и отторженія отъ Россіи областей, нѣкогда принадлежавшихъ Швеціи. Въ іюлѣ 1788 г. открылись военныя дѣйствія какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути. Но шведская армія передъ Фридрихсгамомъ не хотѣла сражаться, подъ пред-

Ты провождаешься зефиромъ
И Россамъ пальмы раздаешь.

логомъ, что король началъ наступательную войну безъ согласія сейма. При такихъ неблагопріятныхъ для Густава обстоятельствахъ (см. намеки на оперу Екатерины *Горе-богатырь* въ стихотвореніяхъ 1789 года: *На Счастіе* и *Къ Евтерпѣ*, стр. 253 и 302) миръ былъ заключенъ въ деревнѣ Вереле (Werelä) на рѣкѣ Кюмени, въ августѣ 1790 года, съ сохраненіемъ тѣхъ же отношеній и границъ, какія были до начала войны. 15-го числа императрица Екатерина изъ Царскаго Села пріѣхала съ объявленіемъ мира прямо въ Казанскій соборъ и отслужила благодарственный молебенъ. На этотъ-то случай Державинъ и сочинилъ свою оду (ср. между его сочиненіями въ прозѣ: «Проектъ рѣчи сената на шведскій миръ»). Она тогда же была напечатана отдѣльно и потомъ въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* за декабрь 1790 г. (ч. LIV) подъ заглавіемъ: Ода на высочайшее въ С.Петербургъ прибытіе къ торжеству о мирѣ съ королемъ шведскимъ императрицы Екатерины II, 1790 года августа 15 дня. За этимъ слѣдовали въ журналѣ еще другіе стихи на миръ съ Швеціею, и потому къ одѣ Державина, открывавшей книжку, присоединено слѣдующее примѣчаніе: «Поелику извѣстно, что многія изъ небольшихъ сочиненій, особо издаваемыхъ, въ скоромъ времени теряются, такъ что иныхъ достать уже совсѣмъ бываетъ не можно; но какъ между ними случаются достопамятныя какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ творенія, къ исторіи отечества нашего относящіяся, каковы напримѣръ суть прилагаемыя здѣсь двѣ оды: то издатели сихъ Ежемѣсячныхъ сочиненій за нужное и полезное почитаютъ помѣщать оныя въ свои труды, которые, продолжаясь уже нѣсколько лѣтъ безпрерывно, составили наконецъ собраніе книгъ нарочитой величины». Ода Державина перепечатана въ изданіи 1798, стр. 56, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ заглавія, и наконецъ въ изданіи 1808 г., ч. I, XVIII.

На тотъ же случай тринадцатилѣтній Мерзляковъ написалъ стихи, которые чрезъ Завадовскаго, какъ главнаго начальника народныхъ училищъ, были поднесены императрицѣ и обратили на молодаго стихотворца ея вниманіе. По словамъ самого Мерзлякова, стихи эти были напечатаны въ какомъ-то академическомъ журналѣ. Но С. П. Шевыревъ въ *Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета* (ч. II, стр. 53) говоритъ: «Не смотря на поиски, сдѣланные нами, мы не могли отыскать въ современныхъ тому изданіяхъ академіи оды Мерзлякова». Дѣйствительно, собственное показаніе автора оказывается невѣрнымъ: стихи его на заключеніе мира съ Швеціею напечатаны 1792 г. въ 1-й ч. *Россійскаго Магазина* Ѳ. Туманскаго, стр. 257, подъ заглавіемъ: «Ода, сочиненная перм-

Ты шествуешь! — Воззри, царица,
На радостныя всюду лица,
На сонмы вкругъ тебя людей!
Не такъ ли на тебя взираютъ[2],
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ[а]
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?

Ты шествуешь и осклабляешь 2.
Твой взоръ на нихъ[б], какъ божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ ты нашъ и торжество:
Средь свѣтлаго вельможей строя
Въ тебѣ царя, вождя, героя
И мироносицу мы зримъ;
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ тебѣ читаютъ тѣ отрады,
Что миромъ мы получимъ симъ.

[а] Когда они весну встрѣчаютъ (1790).
[б] Твой взоръ на насъ... (1790 и 1798).

скаго главнаго народнаго училища 13-лѣтнимъ ученикомъ Алексѣемъ Мерзляковымъ, который кромѣ сего училища нигдѣ индѣ ни воспитанія, ни ученія не имѣлъ». Въ ней 13 строфъ, изъ 10-ти стиховъ каждая.

Приложенные здѣсь рисунки (Олен.) такъ объяснены въ рукописяхъ: Въ началѣ представлена россійская Минерва, затворяющая храмъ Януса и тѣмъ исполняющая надпись медали, изображенной при концѣ оды съ означеніемъ словъ: *Сосѣдственный* и *вѣчный*.

[2] Не такъ ли на тебя взираютъ *и проч.*

И. И. Дмитріевъ, находя мысль, выраженную въ трехъ послѣднихъ стихахъ строфы, не довольно точною, замѣтилъ на поляхъ рукописи 1790-хъ годовъ: «Не съ такою ли радостію на тебя смотрятъ, съ какою встрѣчаютъ они» и проч. и потомъ прибавилъ стихами:

Не такъ ли на тебя взираютъ,
Какъ ясный май они встрѣчаютъ,
Вождя прекрасныхъ вешнихъ дней?

Сверхъ того Дмитріевъ подчеркнулъ слова *розовыхъ зарей*, конечно желая тѣмъ обратить вниманіе на неправильность послѣдняго окончанія.

Какъ царь, ты наградишь заслуги; 3.
Какъ матерь, призришь ты сиротъ;
Лишенные дѣтей супруги[3]
Воскреснутъ отъ твоихъ щедротъ;
Освободишь ты заключенныхъ,
Обогатишь ты раззоренныхъ,
Незлобно винныхъ[в] ты простишь.
По нуждѣ ты лила токъ крови:
Ты въ мирѣ будешь богъ любови
И счастье наше обновишь.

Продлишь златые наши годы, 4.
Продлишь всеобщій нашъ покой[г]:
Безчисленны твои народы
Воздремлютъ подъ твоей рукой.
Отъ хижинъ даже до престола,
На холмѣ и въ срединѣ дола
Почіетъ бранный Россовъ духъ;
Всѣ будутъ счастливы тобою:
Законовъ подъ одной чертою
Равенъ вельможа и пастухъ[д].

Прострешь ты животворны длани 5.
На тяжкій земледѣльцевъ трудъ;
Отпустишь неимущимъ дани,
Да нивы и луга цвѣтутъ;
Дохнешь въ вѣтрила корабельны,

[в] Незлобныхъ винныхъ (1790).
[г] И продолжишь ты нашъ покой.
[д] Равенъ намѣстникъ и пастухъ.

---

[3] Лишенные дѣтей...

Противъ этихъ словъ Капнистъ написалъ: «Не *мужей* ли»? Онъ же, въ предыдущей строфѣ, предлагалъ поставить *миротворицу* вмѣсто *мироносицу*.

Пошлешь избытки рукодѣльны,
И рѣки злата и сребра
Отъ Орма до Невы прольются[e];
Народы чужды къ намъ сберутся
Вкусить покоя и добра.

И се ужъ возвѣщаютъ громы 6.
Событіе блаженныхъ дней;
По вѣтру трубный звукъ несомый
Сзываетъ тысящи людей:
Народъ колеблется, какъ волны;
Течетъ вездѣ, веселья полный;
Враговъ цѣлуетъ и друзей;
По стогнамъ гласы раздаются,
Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются;
Объемлютъ женъ, отцовъ, дѣтей.

О вы, носящи душу львину, 7.
Герои, любящіе бой!
Воззрите на сію картину,
Сравните вы ее съ войной:
Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики;
Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
Тамъ смерть, болѣзнь; здѣсь жизнь, любовь.
Я вижу убіенныхъ тѣни
И слышу вамъ ихъ грозны пени:
Вы пролили невинну кровь!

Но, вѣнценосна добродѣтель[4]! 8.
О ангелъ нашихъ тихихъ дней,

[e] Отъ Орма въ Сѣверѣ прольются (1790 и 1798).

---

[4] Но вѣнценосна добродѣтель. См. выше стр. 167 и 183.

Екатерина! мы свидѣтель:
Не ты виной была смертей ж;
Ты бранной не искала славы,
Ты наши просвѣщала нравы
И украшалась тишиной з.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

ж Невинна нашихъ ты смертей.
з И укрощала тишиной.

LII. ХОРЪ НА ШВЕДСКІЙ МИРЪ[1].

Орлы и львы соединились[2], 1.
Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ,
Съ громами громы помирились,
Поцѣловался съ Шведомъ Россъ.

Сіяньемъ Сѣверъ украшайся,
Блистай Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина утѣшайся
Подъ лаврами оливъ плодомъ.

[1] Написанъ по случаю торжества шведскаго мира, которое совершено было въ Петербургѣ 8 сентября 1790 года. Напечатанъ въ первый разъ въ изданіи 1808 г., ч. II, LXIII. Относительно пунктуаціи этого стихотворенія нужнымъ считаемъ замѣтить, что мы въ ней придержались текста, напечатаннаго подъ личнымъ наблюденіемъ Державина, боясь въ противномъ случаѣ дать синтаксическому строю стиховъ толкованіе, несогласное съ мыслью автора.

[2] Орлы и львы соединились.

Львами названы Шведы по находящемуся въ государственномъ гербѣ ихъ изображенію (ср. выше стр. 292).

Да будетъ днесь благословенна 2.
Двухъ сѣверныхъ державъ чета,
Союзомъ вѣчнымъ сопряженна,
И дружба ихъ вовѣкъ свята.

Сіяньемъ Сѣверъ украшайся,
Блистай Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина утѣшайся
Подъ лаврами оливъ плодомъ.

Раздоръ и злоба удалися, 3.
По браняхъ царствуй тишина,
Съ геройствомъ нѣжность обоймися
И водворись въ зимѣ весна.

Сіяньемъ Сѣверъ украшайся,
Блистай Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина утѣшайся
Подъ лаврами оливъ плодомъ.

LIII. НА КОВАРСТВО ФРАНЦУЗСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ И ВЪ ЧЕСТЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО[1].

—

Доколь владычество и славу, 1.
Коварство! будешь присвоять?
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?

[1] Большая часть оды была написана еще въ 1789 году, когда Державинъ возвратился въ Петербургъ послѣ непріятностей, испытан-

Доколь ловитвой ухищренной
Яремъ накладывать вселенной
Тебѣ чрезъ наглость и чрезъ лесть?
За святотатственны обманы
Доколѣ стяжутъ власть тираны,
Кумиры Божескую честь?

ныхъ имъ по тамбовскому губернаторству; но, боясь раздражить враговъ своихъ, онъ сначала держалъ эти стихи втайнѣ. Въ слѣдующемъ же году, по поводу извѣстій о ходѣ французской революціи, рѣшился онъ пріурочить новую оду къ современнымъ событіямъ и вставилъ въ нее нѣсколько политическихъ намековъ, которые давали ей другое значеніе. Такъ объясняетъ ея происхожденіе Остолоповъ (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 50). Это показаніе правдоподобно, потому что дѣйствительно въ одѣ очень мало отношенія къ французской революціи и у Державина не было бы особеннаго повода говорить о Пожарскомъ, если бъ онъ не хотѣлъ противоставить его нѣкоторымъ изъ русскихъ вельможъ своего времени, какъ напр. кн. Вяземскому, Гудовичу и Завадовскому, которыхъ козням приписывалъ свои неудачи (см. выше стр. 119, 220 и 257). Стихотвореніе это напечатано въ первый разъ въ изданіи 1798 г., стр. 162, подъ заглавіемъ: На коварство *во время возмущенія Французовъ, къ чести князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, яко укротителя междоусобія и утвердителя монаршей власти.* Потомъ, почти безъ всякихъ измѣненій, только съ сокращеніемъ заглавія, оно перепечатано въ изданіи 1808 г., ч. I, XXXIII.

Въ рукописи 1790-хъ гг. на поляхъ есть довольно много поправокъ И. И. Дмитріева и В. В. Капниста; первыми однакожъ Державинъ мало воспользовался. Капнистъ сообщилъ ему, сверхъ того, на особомъ листѣ рядъ замѣчаній на отдѣльные стихи изданія 1798 г. Мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ предложенныхъ обоими поэтами измѣненій въ одѣ *На коварство.* Въ рукописяхъ она снабжена обширными подстрочными объясненіями встрѣчающихся въ ней историческихъ именъ; но мы опускаемъ почти всѣ эти примѣчанія, какъ касающіяся общеизвѣстныхъ лицъ и событій. По увѣренію Дмитріева въ *Запискахъ* его (*Москвит.* 1842, № 1), ода *На коварство* нѣсколько лѣтъ оставалась неконченною.

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ (Олен.) Минерва поражаетъ Сирену, или Коварство, а Время вѣситъ спокойно дѣла человѣка (см. строфу 12). На послѣднемъ рисункѣ изображенъ памятникъ Пожарскаго: «на гробѣ такого достойнаго мужа», замѣчено въ рукописяхъ, «нѣтъ приличнѣе надписи, какъ *Прочь Злоба*» (строфа 32).

Кто возвращать возможетъ вѣки 2.
И зритъ дѣянья древнихъ лѣтъ,
Тотъ знаетъ, сколько человѣки
Тобою претерпѣли бѣдъ!
Лишь праотецъ въ эдемъ явился,
Твоимъ пронырствомъ искусился, —
Исчезъ его блаженства садъ;
Сокрылося златое время
Съ тѣхъ поръ, какъ земнородныхъ племя
Вкусило твой тлетворный ядъ.

Лежатъ поверженныя царства 3.
Мятежною твоей рукой;
Чужіе троны и начальства
Неразъ похищены тобой;
Неразъ народнымъ кровопійцамъ
И цѣлыхъ областей убійцамъ
Ты отверзало славы храмъ,
И небу щедрому, благому
Неразъ въ покровъ ты дѣлу злому
Курить дерзало ѳиміамъ.

Для властолюбія, богатства, 4.
Для пагубныхъ твоихъ страстей,
Неразъ, преодолѣвъ препятства,
Достигло цѣли ты своей;
Неразъ ты честность очерняло;
Неразъ ты святость порицало
И высило чрезъ нихъ твой рогъ;
Не уважаешь узъ ты крови,
Не чтишь ни дружбы, ни любови;
Корысть одна и ты — твой богъ!

Предусмотря свою выгоду[2], 5.
И сдѣлать нужнымъ чтобъ себя,
Невинность, равенство, свободу[3],
Покой и счастье истребя,
Ты влило въ насъ свою отраву,
Любить прельстило злую славу
И буйную господства страсть;
Разбой вмѣняютъ тамъ въ геройство,
Жизнь безначальную въ спокойство,
Насиліе въ священну власть.

Твоя ужасна дальновидность 6.
И скрытый, мрачный твой совѣтъ
Тамъ ставятъ сѣти на невинность,
И слуха о тебѣ гдѣ нѣтъ.
Для бѣдныхъ, слабыхъ обороны
Уставлены суды, законы,
Взаимность, должность, клятвы, бракъ;
Но коль сорвать съ тебя личину,
Въ сію священну паутину
Лишь вязнетъ чернь[4], а ты? — никакъ!

[2] Предусмотря свою выгоду.

Примѣровъ подобной неправильности ударенія для стиха можно найти нѣсколько у Ломоносова. Сумароковъ смѣялся надъ употребленными имъ словами быстрò и Индìя. У Державина такія противныя слуху ударенія встрѣчаются рѣдко.

[3] Невинность, равенство, свободу.

«Равенство и свобода здѣсь поставлены въ томъ самомъ смыслѣ, какъ и въ Наказѣ о нихъ сказано. Они нигдѣ индѣ не существуютъ, какъ въ томъ только царствѣ, гдѣ исполняются законы: первое — въ правосудіи всякому лицу; а вторая — въ хотѣніи того, чтò законамъ не противно» (Примѣчаніе Державина въ одной рукописи).

[4] Лишь вязнетъ чернь...

Въ изданіи 1808 г. напечатано въ этомъ стихѣ *червь;* но въ экземплярѣ Державина рукою его поправлено *чернь.* Такъ и въ изданіи 1798 г. и во всѣхъ рукописяхъ.

Возьмемъ же истины зерцало [5], 7.
Посмотримъ въ немъ твоихъ путей;
Ехиднино раскроемъ жало,
Сокрытое въ груди твоей;
Изслѣдуемъ твои дѣянья,
Всѣ виды, козни и желанья,
И обнажимъ тебя всего:
Уже я зрю хамелеона,
Для пользъ твоихъ, для ближнихъ стона,
Въ изгибахъ сердца твоего.

Когда смѣешься, — ты сирена [6]; 8.
Когда ты плачешь, — крокодилъ;
Когда молчишь, тогда геенна
Кипитъ въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ.
Чудовище! пороки злые
За добродѣтели святыя
Умѣешь въ міръ ты выдавать;
Велишь слова твои лукавы
Небесной правды за уставы
Вселенной слѣпо обожать.

Велишь — и въ нѣдрѣ кроткой вѣры, 9.
Намѣсто агнца въ алтаряхъ [7],

[5] Возьмемъ же истины зерцало *и проч.*

Вмѣсто первыхъ трехъ стиховъ этой строфы Дмитріевъ предлагалъ:

Воззримъ же истины въ зерцало
На лабиринтъ твоихъ путей;
Исторгнемъ злой ехидны жало.

[6] Когда смѣешься, — ты сирена.

Въ изданіи 1798 г. было: «Когда смѣешься ты — сирена». Мѣстоименіе *ты* отнесено ко второму предложенію по совѣту Капниста.

[7] На мѣсто агнца въ алтаряхъ.

Капнистъ предлагалъ исправить этотъ стихъ такъ: «На кроткихъ агнца алтаряхъ».

Съ мольбой и пѣньемъ изувѣры
Свою собратью жгутъ въ кострахъ.
Велишь — и бредни лжепророка
Повергли знатну часть Востока
Подъ любострастный алкоранъ.
Европа ужаснулась кову,
Что за любовь открылъ Христову
Въ Варѳоломеевъ день тиранъ.

Велишь — и Цезарь, прослезяся, 10.
Знамена бунта развернулъ;
Велишь — и Неронъ, притворяся,
Смиренствомъ трона досягнулъ.
Исчадья гордости, распутства,
Посредствомъ твоего искусства
Даютъ себѣ нерѣдко блескъ.
Тотъ тьмы гражданъ повергъ ко гробу,
Сей матерню-пронзилъ утробу;
Но имъ гремитъ народовъ плескъ [8].

Разстриги, Кромвели, Надиры, 11.
Вельможи злые и цари
Для хвалъ своихъ имѣютъ лиры,
Для обожанья алтари;
Чрезъ происки твои хвастливы
Велики, мудры, справедливы
Являются вселенной всей [a];

[a] Являлися вселенной всей;
Но гдѣ имъ истина касалась,
Завѣса лести раздиралась,
Изъ бога выходилъ злодѣй.
(Рукоп. 1790-хъ гг.).

[8] Но имъ гремитъ народовъ плескъ.

«Когда Цезарь, по одержаніи побѣды при Фарсалѣ, проливъ рѣки крови гражданъ, а Неронъ, по убіеніи матери своей, торжественно

Но гдѣ имъ истина коснется,
Завѣса лести раздерется,
Изъ бога вскроется — злодѣй.

Какъ острой сталью горорытство [9] 12.
Металловъ ищетъ въ нѣдрѣ горъ:
Такъ разумъ, людскость, любопытство
И любомудрый тонкій взоръ
Коварно сердце проницаетъ,
Его всѣ бездны разверзаетъ
И тайны явными творитъ;
А время на вѣсы все точно,
Что̀ хвально, вѣситъ, что̀ порочно,
И безпристрастно насъ цѣнитъ.

О ты, который властью, саномъ 13.
Себя желаешь отличить,
И изъ пигмея великаномъ
Безсмертно въ лѣтописяхъ жить!
Хотя дѣла твои днесь громки [б],
Но если поздніе потомки
Путей въ нихъ правыхъ не найдутъ, —
Не будешь помѣщенъ ты въ боги:
Несправедливыя дороги
Въ храмъ вѣчной славы не ведутъ.

Ведутъ не въ храмъ, — на мѣсто лобно 14.
Онѣ содѣтелей неправдъ;

[б] Хотя дѣла твои здѣсь громки (1798).

вступили въ Римъ; тогда народъ, какъ бы за какія полезныя роду человѣческому дѣянія, встрѣтилъ ихъ съ радостными плесками и восклицаніями» (*Об.* Д.).

[9] .... горорытство — одно изъ Державинскихъ словосоставленій, вмѣсто: рудокопство.

Души коварной чувство злобно —
Здѣсь дыба[10], а по смерти адъ.
Насильственно рѣки стремленье,
Войною странъ опустошенье,
Неправый судъ, огнь, гладъ, бунтъ, моръ!
Что слѣдъ вашъ? — плачъ и скорбь сердечна.
Что ваша слава? — клятва вѣчна.
Вы смрадный естества позоръ!

Обширный разумъ и надменный, 15.
Могущій власть себѣ стяжать,
Могущій царствамъ дни блаженны
И злополучны даровать,
Могущій утѣснить природу
Иль ей отдать ея свободу!
Ты можешь самъ себя рѣшить:
Почтенну ль быть тебѣ съ Сократомъ,
Или презрѣнну съ Геростратомъ?
Героемъ иль злодѣемъ слыть[11]?

[10] Здѣсь дыба....

«Дыбою называлось устроенное бревно, чрезъ которое вздергивали наверхъ человѣка, у коего руки были привязаны позади спины веревками, а ноги къ ввернутому въ полъ кольцу, и такимъ образомъ встянутаго его истязывали кнутомъ, чтò называлось пыткою. Храмина, гдѣ сіе производилось, называлась застѣнкомъ» (*Об.* Д.).

[11] .... слыть.

Капнистъ предлагалъ *быть*, вмѣсто *слыть*, вѣроятно потому, что это послѣднее слово встрѣчается опять въ стихахъ слѣдующей строфы, относящихся къ Октавію. Замѣтимъ, что эти стихи очень напоминаютъ мѣсто изъ оды Руссо *На счастіе* въ переводѣ Ломоносова:

Октавій свѣта побѣдитель...
Онъ Августомъ бы не нарекся,
Когда бы въ кротость не облекся
И страха не скончалъ въ сердцахъ.

Вообще между обѣими одами есть родство. Онѣ и начинаются сходными вопросами; припомнимъ первые стихи изъ оды Ломоносова:

Когда бы бурный Нилъ волною 16.
Своихъ бреговъ не утучнялъ,
Благотворящею рѣкою
Его бы свѣтъ не нарицалъ;
Когда бъ Октавій козни злыя
Не премѣнилъ въ дѣла благія,
Поднесь бы Августомъ не слылъ;
И Петръ не назвался бъ Великимъ,
Когда бъ по подвигамъ толикимъ
Онъ свой народъ не просвѣтилъ.

Доколь сіяніе короны 17.
Страстямъ мрачить не возбранишь,
Священну вѣру и законы [12]
И правый судъ не сохранишь;
Доколь не удалишь безчинность,
Доколь не защитишь невинность
И съ лихвой мзду не пресѣчешь;
Доколѣ роскошь и пороки,
Какъ быстрые съ горы потоки,
Своимъ примѣромъ не прервешь;

Доколѣ, Счастье, ты вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшать *и проч.*

Форма обѣихъ одъ совершенно одинакова. Ср. также заключеніе 11-й строфы оды Державина съ стихами, оканчивающими 12-ую строфу въ одѣ Ломоносова:

Но только лишь оно (*счастье*) отстанетъ,
Геройска похвала увянетъ
И смертный будетъ всѣмъ открытъ.

[12] Священну вѣру и законы.

Въ этомъ стихѣ *священну* поставлено Дмитріевымъ намѣсто *доколь*. Въ 7-мъ стихѣ этой же строфы ему принадлежатъ слова: *И съ лихвой*, которыми онъ замѣнилъ то же слово: *доколь*.

Доколь, драконовъ сѣя зубы, 18.
Ты будешь новыхъ змѣй раждать,
И ложной славы громки трубы
Въ свирѣльный гласъ не премѣнять;
Доколь моря, страны и грады,
Разбойничьей алчбы награды,
Чужое злато и сребро
И лавръ не претворишь въ оливы;
Доколѣ не удобришь нивы
И мира не пожнешь добро;

Доколѣ не возлюбишь правды, 19.
Сѣдинъ геройскихъ не почтишь,
Народу не подашь отрады
И сирыхъ гласу не внушишь[13]:
Дотоль, о смертный! сколь ни звученъ
И сколь ты ни благополученъ,
Хоть славой до небесъ возникъ,
Хоть сѣлъ на тронѣ превысокомъ,
Предъ любомудрымъ, строгимъ окомъ
Еще, еще ты не великъ!

Не тронъ, но духа благородство 20.
Даетъ велики имена;
Прямое духа превосходство —
Лишь къ истинѣ любовь одна:
О ней лишь можетъ быть рачитель

[13] И сирыхъ гласу не внушишь.

Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, слово *внушить* употреблено Державинымъ въ смыслѣ *внять*. Ср. подъ 1809 г. пьесу *Въ память Давыдову и Хвостову*, строфа 6, стихъ 6: «Внуша гласъ скучной лиры». Такъ еще и у Ломоносова: «Внушивъ рыданій нашихъ слухъ» (ода 8, строфа 10).

О благѣ общемъ попечитель,
Отцомъ отечества монархъ;
Лишь ею вождь героемъ чтится
И богомъ судія намъ зрится,
И солнцемъ міра — іерархъ.

21.
Пусть позлащенна мѣдь блистаетъ;
Но блещетъ ли она собой?
Пусть ухищреніе прельщаетъ;
Но чѣмъ? — лишь истины корой.
Повергни испытать въ горнило —
Померкнетъ вмигъ сіе свѣтило [в];
А злато завсегда равно.
И истина вовѣкъ сіяетъ:
Она едина составляетъ
Всѣхъ добродѣтелей зерно —

22.
Зерно безсмертія и корень [14]
Величія, добротъ вѣнецъ;
Природой храмъ ея построенъ,
У насъ во глубинѣ сердецъ.
Когда есть долгъ у человѣка [15],
Ея въ немъ слышенъ гласъ отъ вѣка:
«Тебѣ данъ умъ — меня познать;

[в] .... его свѣтило.

---

[14] Зерно безсмертія и корень.

Противъ 1-го и 3-го стиха этой строфы Капнистъ замѣтилъ: «*корень* и *построенъ* — не риѳмы».

[15] Когда есть долгъ у человѣка.

Капнистъ объ этомъ стихѣ замѣтилъ: «невнятно» (т. е. неясно). И. И. Дмитріевъ вмѣсто этого и слѣдующаго стиха предлагалъ:

Гласъ истины святой отъ вѣка
Такъ наставляетъ человѣка.

Словесность — разсказать другому;
Безсмертный духъ — коварству злому
Безъ ужаса противостать».

О, коль видѣніе прекрасно [16]! 23.
Блаженъ, кто идетъ правдѣ вслѣдъ!
Ничто ему, ничто не страшно
И никакой не смертенъ вредъ.
Стремится ль злость съ остервененьемъ,
Онъ ограждается терпѣньемъ,
И непорочности щитомъ
Сжимаетъ зѣвъ ея кровавый [г];
Поносна смерть короной славы
Бываетъ въ подвигѣ такомъ.

Когда жъ въ сіи златые годы [17], 24.
Въ сіи блаженны, рѣдки дни,
Какъ мыслить, говорить свободы
Законной мы не лишены;
Какъ разумъ съ истиной святою
Насъ милосердія стезею
Стремятся къ просвѣщенью весть;

[г] Стѣсняетъ зѣвъ ея кровавый.

---

[16] О, коль видѣніе прекрасно.

Вмѣсто этого Дмитріевъ предлагалъ «О поученіе прекрасно»! Въ 4-мъ стихѣ этой строфы онъ же поставилъ: *не смертенъ* вмѣсто бывшаго тутъ прежде *не вреденъ*. Въ 6-мъ стихѣ онъ предлагалъ *покрываяся* вмѣсто *ограждается*.

[17] Когда жъ въ сіи златые годы.

Вмѣсто этого прежде было въ рукописи 1790-хъ годовъ: «Но если въ нынѣшніе годы». Поправка сдѣлана Капнистомъ; имъ же поставлено: въ 6-мъ стихѣ *стезею* вмѣсто *рукою*, и въ 7-мъ *стремятся* вмѣсто *насъ тщатся*.

Какъ всѣмъ оно не воспрещенно, —
Паукъ дерзаетъ ухищренно
Вкругъ солнца паутину плесть!

Увы! когда жъ, въ которы вѣки 25.
Добра не угнетало зло?
Гдѣ тѣ велики человѣки,
Которыхъ сердце бы могло
Предусмотрѣть страстей всѣ виды[18]?
Гдѣ Леониды, Аристиды?
Гдѣ тѣ Эпаминонды днесь,
Гдѣ тѣ Катоны, Сципіоны,
Которыхъ чрезъ временъ запоны,
Какъ огнь, насъ озаряетъ честь?

Гдѣ толь простыя, непритворны, 26.
Прямыя, чистыя сердца,
Толь души тверды, благородны,
Достойныя изъ звѣздъ вѣнца?
Средь славныхъ подвиговъ и боевъ
Мы зримъ полки у насъ героевъ[19];

[18] Предусмотрѣть страстей всѣхъ виды.

Предусмотрѣть написано Капнистомъ вмѣсто бывшаго у Державина прежде *предостеречь*. Дмитріевъ предлагалъ *пренебрегать*.

[19] .... Мы зримъ полки у насъ героевъ.

Ср. въ 18 одѣ Ломоносова, строфа 21:

Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

(*Соч. Лом.*, изд. Смирд. 1847, т. I, стр. 175).

Но чтитъ ли взоръ ихъ мудреца[20]?
Онъ ищетъ Росса справедлива,
Благочестива, терпѣлива,
Мужей великихъ образца,

Который бы въ бояхъ сражался 27.
Лишь спасть народъ, царя отъ бѣдъ[21];
Перунами не возвышался,
Отнесъ къ другимъ весь звукъ побѣдъ;
Красой и златомъ не былъ плѣннымъ,
Простилъ убійцамъ обличеннымъ,
Сокрыту зависть наградилъ;
Не внявъ къ себѣ народа клику,
Избралъ достойнаго владыку
И надъ собою воцарилъ;

Который, бывъ покоренъ волѣ[22] 28.
Избраннаго собой царя,
Не возроталъ и въ низкой долѣ,
Его велѣнія творя;

[20] Но чтитъ ли взоръ ихъ мудреца?

Въ изданіи 1808 г.: «Но чтитъ ли ихъ взоръ мудреца»? Но рукою Державина сдѣлана поправка, согласная съ прежними текстами, а потому принятая и нами. Вмѣсто этого стиха Дмитріевъ предлагалъ: «Но что они для мудреца»?

[21] Лишь спасть народъ, царя отъ бѣдъ.

Вмѣсто этого кто-то предлагалъ: «Чтобъ спасть отечество отъ бѣдъ». Въ 4-мъ стихѣ этой строфы Дмитріевъ, подчеркнувъ *весь звукъ*, написалъ на поляхъ *всю честь*, а въ 8-мъ стихѣ онъ же совѣтовалъ: вмѣсто *народа клику* поставить *народну клику*.

[22] Который, бывъ покоренъ волѣ.

Поправка Капниста вмѣсто первоначальнаго стиха: «И покоряся свято волѣ». Имъ же въ 6-мъ стихѣ слѣдующей строфы поставлено: «Ни громкихъ хвалъ» вмѣсто: «Ни хвалъ себѣ».

Стократъ излилъ своей токъ крови,
Изсякъ къ отечеству въ любови,
Доволенъ безъ наградъ собой.
Царя творецъ и рабъ послушный,
Не ты ль, герой великодушный,
Пожарскій, мужъ великій мой[23]?

Ты спасъ отъ расхищенья царство, 29.
Ты власть монаршу утвердилъ,
Ты свергъ любоначальствъ коварство,
Ты честь свою въ себѣ сокрылъ;
Ни колесницъ ты, ни трофеевъ,
Ни громкихъ хвалъ, ни мавзолеевъ
Во мзду не получилъ заслугъ;
Одна лишь персть твоя осталась:

[23] Пожарскій, мужъ великій мой.

Этотъ стихъ уже самъ по себѣ показываетъ, какъ высоко цѣнилъ Державинъ Пожарскаго. Въ одномъ изъ собственноручныхъ примѣчаній поэта къ одѣ *На коварство*, въ рукописи 1790-хъ гг., сказано: «Для рѣдкихъ его добродѣтелей, составляющихъ людей великихъ, онъ можетъ включенъ быть, во всѣхъ временахъ и народахъ, въ число наивеличайшихъ героевъ». Въ 1805 г. Державинъ написалъ героическое представленіе въ 4-хъ дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ: *Пожарскій или освобожденіе Москвы* (см. его драматическія сочиненія). Въ обращеніи *Къ читателю* передъ этою пьесой онъ говоритъ: «Не былъ ли онъ герой въ высшей степени, человѣкъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало исторія представляетъ и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ никто великимъ почитаться не можетъ»? Въ бумагахъ Державина мы нашли писанные собственной его рукой планъ и начало эпической поэмы о Пожарскомъ. Въ этой поэмѣ предполагалось 12 пѣсень, и содержаніе каждой изложено особо. Въ концѣ очерчены коротко главные характеры, и прежде всѣхъ характеръ самого Пожарскаго, обозначенный слѣдующими словами: «Образъ совершеннаго героя, любителя отечества: великодушенъ, терпѣливъ, безкорыстенъ, милосердъ, щедръ, скроменъ, богочтителенъ». Судя по почерку, этотъ планъ поэмы писанъ около 1780 года (см. неизд. соч. Д.).

Въ ней искра славы сохранялась[24],
Которая возжгла мой духъ.

Возстань, возстань на голосъ лиры, 30.
Великая изъ мрака тѣнь!
И ночь когда скрываетъ міры[25]
Или когда сіяетъ день,
Носись надъ нашими главами,
Умъ гордый поражай громами,
Учи къ царямъ благоговѣть,
Подпорой будь въ Европѣ троновъ:
Твой сильный гласъ, какъ Цицероновъ,
Заставитъ Злобу оробѣть[26].

Возстань! мечтайся въ воображеньи, 31.
Живи въ умѣ, теки въ крови,
Живи и дѣлай наставленья[27]

[24] Въ ней искра славы сохранялась.

Вмѣсто этого Дмитріевъ предлагалъ: «Но искра славы въ ней скрывалась».

[25] И ночь когда скрываетъ міры.

Этотъ и два слѣдующіе стиха были сперва написаны Державинымъ въ слѣдующемъ видѣ:

И черна нощь какъ кроетъ міры,
Какъ свѣтлый намъ сіяетъ день,
Носись во облакахъ вѣтрами.

Вмѣсто двухъ первыхъ Дмитріевъ предлагалъ:

Какъ черна нощь покроетъ міры,
Какъ свѣтлый возсіяетъ день.

Окончательная редакція всѣхъ трехъ стиховъ принадлежитъ Капнисту.

[26] Заставитъ Злобу оробѣть.

Злобу поставлено Дмитріевымъ; у Державина же было: «Заставитъ Брутовъ оробѣть». Въ предыдущемъ стихѣ Дмитріевъ предлагалъ: *сладкій* или *важный* вмѣсто *сильный*, или же такую перемѣну:

Твой гласъ, какъ голосъ Цицероновъ.

[27] Живи и дѣлай наставленья.

Въ прежнихъ текстахъ *наставленьи;* но мы обыкновенно слѣдуемъ въ такихъ случаяхъ нынѣшней ороографіи. См. выше, стр. 224, примѣч. 3 къ одѣ *Осень во время осады Очакова*.

Въ прямой къ отечеству любви, —
Въ любви, что сваръ нейдетъ въ дорогу[28],
Вѣрна царю, народу, Богу,
Готова все сама терпѣть,
Готова въ бѣдствіяхъ мужаться,
Нарзесовъ славѣ удивляться,
О Велизаріяхъ жалѣть.

Пусть Катилины, Бедемары[29] 32.
И Мирабо и Лафайетъ,
Готовя скрытые удары,
Крамолами колеблютъ свѣтъ;
Пускай Коварство Годунову
Возноситъ въ память башню нову[30]

[28] .... что сваръ нейдетъ въ дорогу.

Слово *сваръ* придумано Капнистомъ вмѣсто *распрь*, стоявшаго прежде въ этомъ стихѣ.

[29] Пусть Катилины, Бедемары...

Маркизъ Бедемаръ, или Бедмаръ (Bedmar), родился 1572 года въ Кастиліи. Бывши испанскимъ посланникомъ въ Венеціи (отъ 1607 до 1618 г.), онъ, вмѣстѣ съ герцогомъ Оссуною, составилъ заговоръ съ цѣлью передать эту республику во власть Испаніи. Они согласились напасть на городъ въ расплохъ и умертвить дожа. Но наканунѣ исполненія заговоръ былъ открытъ, и Бедмаръ, получившій о томъ предостереженіе, бѣжалъ въ Миланъ. Послѣ того онъ сдѣлался епископомъ въ городѣ Овіедо, а въ 1622 г. былъ пожалованъ въ кардиналы и президентомъ совѣта въ Нидерландахъ, но, обнаруживъ слишкомъ большую строгость, былъ отозванъ. Онъ умеръ въ 1655 г., въ глубокой старости, епископомъ Малаги. — Въ стихахъ Державина нерѣдко обнаруживается знакомство съ такими эпизодами исторіи, которыхъ никакъ нельзя считать общеизвѣстными; это доказываетъ, что онъ былъ начитаннѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Свѣдѣніе о Бедмарѣ почерпнулъ онъ безъ сомнѣнія изъ книжки, напечатанной въ Петербургѣ еще въ 1771 году подъ заглавіемъ: *Заговоръ Испанцовъ противъ Венеціанской республики* (сочиненіе аббата Сенъ-Реаля; переводъ съ французскаго).

[30] Возноситъ въ память башню нову...

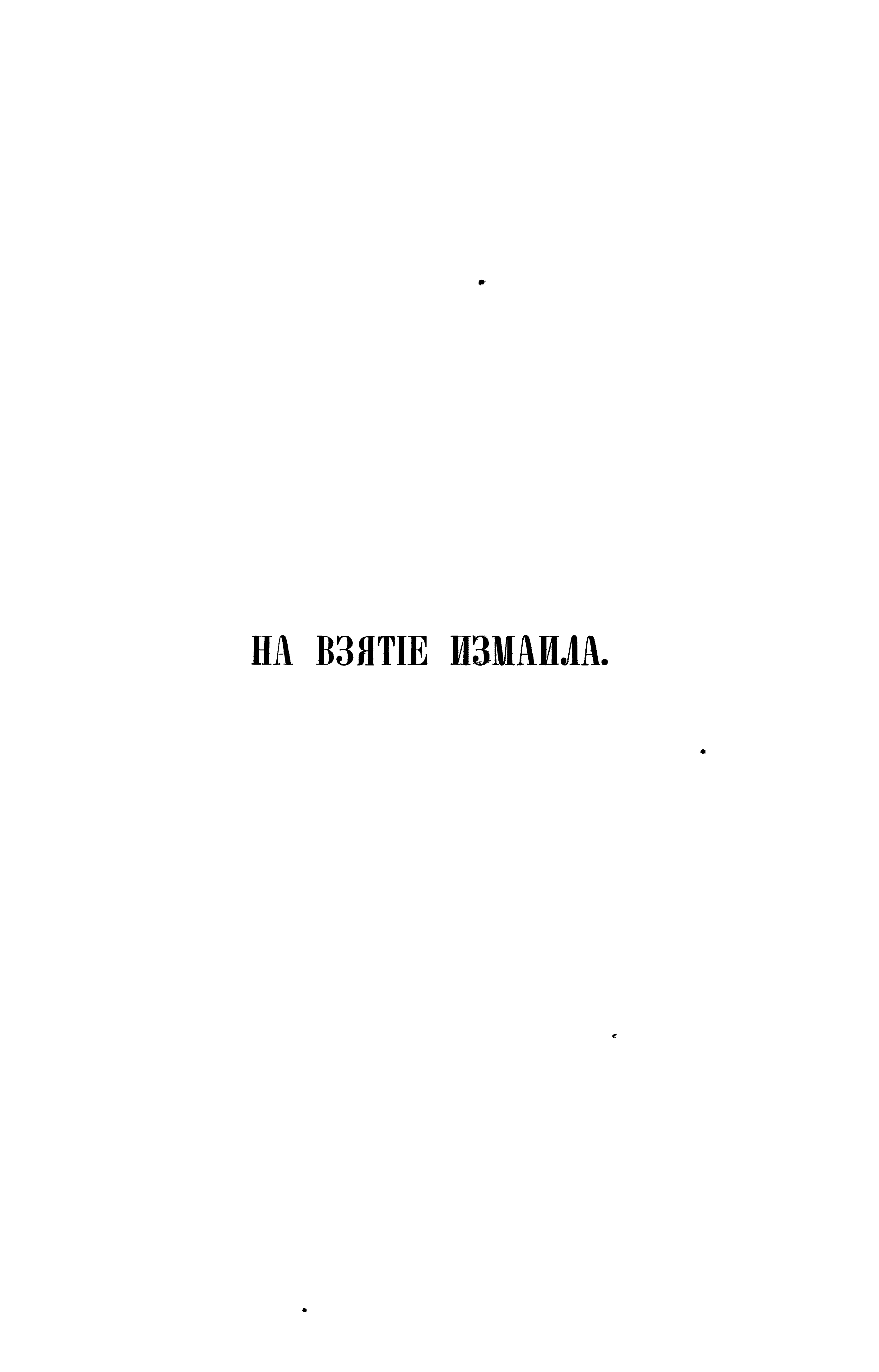
Колокольня Иванъ Великій въ Кремлѣ, построенная Годуновымъ, можетъ почесться его памятникомъ (Примѣч. Держ.).

За тысячу его заслугъ;
А на твоей покрышкѣ гроба
Простую надпись лишь: *Прочь Злоба*[31] *!*
Отечества напишетъ другъ.

[31] .... *Прочь Злоба!*

Эта надпись находится, между мелкими сочиненіями Державина, и въ видѣ особой эпитафіи.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

Примѣчаніе 1.

«Подвигъ взятія Измаила затмилъ собой и величіе и ужасы Очаковскаго штурма. Крѣпость стояла упорно, также до глубокой зимы. Она защищалась отчаянно. Потемкинъ, жившій тогда въ Бендерахъ, колебался по обыкновенію приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Разъ одна дама, госпожа В.*, гадала передъ нимъ на картахъ и сказала, что Измаилъ сдастся черезъ три недѣли. «Я умѣю гадать лучше васъ», отвѣчалъ Потемкинъ съ улыбкою и въ ту жъ минуту послалъ къ Суворову приказаніе взять Измаилъ приступомъ, во что бъ то ни стало. Приказаніе было исполнено (11 декабря 1790 г.). Какъ исполнено — не читайте исторіи... читайте оду Державина *На взятіе Измаила*... Она имѣетъ ужасное достоинство истины»! (Н. Надеждинъ въ брошюрѣ *Свѣтл. князь Таврическій*, Одесса, 1839). Объ обстоятельствахъ приступа см. біографію Суворова въ *Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли*, Бантышъ-Каменскаго, Спб. 1847, ч. III, также *Записки Л. Н. Энгельгардта*. По дню самаго событія, о которомъ извѣстіе пришло не ранѣе 29 декабря, и по объему оды можно быть увѣреннымъ, что это сочиненіе было кончено только въ началѣ слѣдующаго года.

О происхожденіи оды самъ Державинъ такъ разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ* (*Рус. Бес.*, стр. 301): «Съ извѣстіемъ симъ» (т. е. о взятіи Измаила) «фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ ко двору, чтобъ болѣе угодить императрицѣ, брата любимцева, Валеріана Александровича Зубова, что послѣ былъ графомъ и генералъ-аншефомъ. Въ самое то время случился въ комнатахъ фаворита и Державинъ. Онъ въ первомъ восторгѣ о сей побѣдѣ далъ слово радостному вѣстнику написать оду, которую и написалъ... Ода сія не токмо императрицѣ, ея любимцу, но и всѣмъ понравилась. Слѣдствіемъ сего было то, что онъ получилъ въ подарокъ отъ государыни богатую, осыпанную брильянтами табакерку (въ 2,000 р., какъ прибавлено въ *Объясненіяхъ*), и былъ принимаемъ при дворѣ еще милостивѣе. Государыня, увидѣвъ его при дворѣ въ первый разъ по напечатаніи сего сочиненія, подошла къ нему и съ усмѣшкою сказала: *Я*

* Конечно, Софья Виттъ, родомъ гречанка, жена польскаго генерала, извѣстная красавица, впослѣдствіи графиня Потоцкая.

не знала по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна». Далѣе (стр. 307) Державинъ объясняетъ, что онъ, не желая прослыть льстецомъ, рѣшился отнести въ этой одѣ «всѣ похвалы только къ императрицѣ и всему русскому народу».

На новое произведеніе смотрѣлъ непріязненно другой стихотворецъ, Ник. Ѳед. Эминъ (см. выше стр. 271), также бывавшій у Зубова, который старался *стравливать*, или ссорить его съ Державинымъ. Эминъ «былъ до того дерзокъ, что въ глазахъ фаворита не только смѣялся, но даже порицалъ его стихи, а особливо оду *На взятіе Измаила*, говоря, что она груба, безъ смысла и безъ вкусу. Вельможа, съ удовольствіемъ улыбаясь, то слушалъ, а Державинъ равнодушно отвѣчалъ, что онъ ни въ чемъ не споритъ, но чтобъ узнать, кто изъ нихъ искуснѣе въ стихотворствѣ, то проситъ позволенія напечатать особо, на свой коштъ, на одной сторонѣ листа его критику, а на другой свою оду, и передать на разсужденіе публики; кому отдадутъ преимущество, говорилъ онъ, тотъ и выиграетъ тяжбу. Но Эминъ не согласился» (*Зап. Держ.*, стр. 311).

Сохранилась рукопись этой оды, писанная (постороннею рукой) еще до напечатанія ея, съ поправками, которыя предлагалъ Николай Александровичъ Львовъ, другъ и впослѣдствіи своякъ Державина (см. ниже стихотворенія: *Къ Львову* подъ 1792 г., *Другу* подъ 1795, *Память друга* подъ 1804). Исправленные имъ стихи показаны нами большею частью въ варіантахъ; см. также примѣчанія наши къ этой одѣ.

Ода *На взятіе Измаила* была напечатана отдѣльно, сперва, т. е. тотчасъ по сочиненіи ея, въ Петербургѣ, потомъ въ Тамбовѣ и въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: Пѣснь лирическая Россу по взятіи Измаила — всѣ три раза, вѣроятно, безъ означенія мѣста и времени и безъ имени автора. Намъ извѣстны два изъ этихъ изданій, которыя отличаются другъ отъ друга бумагой, шрифтомъ и отдѣлкою виньетки, представляющей разныя воинскія принадлежности, какъ то: знамена, штыки, латы и т. п., въ серединѣ же на второмъ планѣ видны два сражающіеся всадника. Оба изданія въ четвертку, на 15 страницахъ (16-ая бѣлая). На оборотѣ заглавнаго листа четырехстишіе Ломоносова, сохраненное передъ одою, въ видѣ эпиграфа, и въ собраніяхъ сочиненій нашего поэта. Одинъ изъ короткихъ пріятелей его, Андрей Петровичъ Ниловъ, въ письмѣ своемъ изъ Тамбова отъ 24 іюля 1792 г., говорилъ между прочимъ: «Писалъ я вамъ и прежде, что напечатанная въ нашей типографіи Лирическая Пѣснь Россу перепечатана тогда жъ въ Москвѣ и выпущена въ продажу, почему нашихъ почти не получили. Съ первою оказіею пришлю къ вамъ одинъ экземпляръ московскій, который я нарочно купилъ у книгопродавца на тамбовской ярмонкѣ. Видѣлъ я также и оду Богъ, напечатанную тамъ же особливою тетрадкой».

Вскорѣ послѣ перваго появленія оды, она была помѣщена, подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ удержаніемъ эпиграфа, въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, именно въ апрѣльской книжкѣ 1791 г. (ч. LVIII, стр. 3).

Въ изданіи 1798 г., стр. 206, нѣкоторые стихи ея болѣе отдѣланы, отчасти по замѣчаніямъ И. И. Дмитріева, и заглавіе сокращено такимъ образомъ: Россу по взятіи Измаила; въ изданіи 1808, ч. I, xix, нѣтъ уже почти никакихъ перемѣнъ и заглавіе является въ томъ же видѣ, какъ здѣсь. Замѣтимъ, что въ рукописи 1790-хъ годовъ находятся при этой одѣ, сверхъ поправокъ И. И. Дмитріева, еще нѣкоторыя стилистическія измѣненія Н. А. Львова, не принятыя однакожъ Державинымъ.

На этотъ же случай Костровъ написалъ эпистолу Суворову, которую можно найти въ собраніи его сочиненій. Въ *Новыхъ ежемѣс. соч.* за мартъ и за сентябрь 1791 г. (ч. LVII и LXIII) напечатаны на тотъ же предметъ двѣ оды: одна преображенскаго сержанта Н. Николева, а другая П. Карабанова.

Приложенные здѣсь рисунки (Олен.) такъ объяснены въ рукописяхъ: 1) къ эпиграфу — «Орелъ россійскій, опочивающій на полсвѣта, имѣя при себѣ знаки славы и храбрости непобѣдимой»; 2) къ заглавію — «*Везувій пламя изрыгаетъ*... Побѣдоносный Россъ идетъ по вселенной: *Не бойся, рекъ — и всюду простеръ онъ трогранный штыкъ;* въ пути своемъ коснулся до столповъ геркулесовыхъ — non plus ultra; ударилъ, свалилъ и положилъ ихъ себѣ подножіемъ. Симъ дѣйствіемъ изображена неограниченная храбрость Россовъ: *О исполинъ, царю послушный*» и проч.; 3) къ концу — «по взятіи Измаила побѣдоносный Россъ, пріобрѣтя славу въ вѣчное потомство и наложа на нее тяжкія узы, приковываетъ къ памятнику военныхъ своихъ дѣйствій, на которомъ самъ отдыхая стоитъ».

Въ рукописи, поднесенной Екатеринѣ II (нынѣ принадлежащей имп. публ. библ.), недостаетъ перваго полулиста этой оды (стр. 108 и 109), на которомъ былъ подлинникъ заглавнаго рисунка, сейчасъ описаннаго подъ № 2. Разгадку этого обстоятельства мы находимъ въ *Объясненіяхъ* Державина къ пьесѣ *Оленину.* «Авторъ», сказано тамъ, «желая украсить изданіе сихъ одъ виньетами, нарисованными г. Оленинымъ, не могъ здѣсь отыскать художниковъ, которые бы вырѣзали ихъ на мѣди, и для того чрезъ пріятелей посылалъ 1-ую часть въ Англію». Картинка, приложенная къ одѣ *На взятіе Измаила*, «представляла огнедышущій Везувій, противъ котораго идетъ безстрашно съ примкнутымъ штыкомъ россійскій гренадеръ, поваливъ за собою столпы Геркулесовы. Англійскіе художники, какъ думаютъ, изъ зависти къ славѣ россійской или чрезвычайно живо изображенному рисунку, выдрали

тотъ листъ, на которомъ картинка была представлена, а авторъ, не разсмотря, принялъ книгу обратно отъ своего коммисіонера. Но когда надобно было отдавать въ печать, то увидѣлъ, что этого рисунка нѣтъ». Тогда онъ просилъ Оленина сдѣлать ту же виньетку вновь. См. стихи *Оленину* подъ 1804 г., въ которыхъ между прочимъ поэтъ говоритъ (строфы 1 и 2):

Моей поэзьи Изографъ,
Чьего и славный Бритъ искусства
Не снесъ, красѣ возревновавъ!...
Представь мнѣ воина, идуща
Съ прямымъ безстрашіемъ души
На явну смерть, и смерть несуща,
И словомъ, Росса напиши:
Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый,
Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
За нимъ — скрылъ мракъ его стопы —
Лежатъ Иракловы столпы.

Мы не знаемъ, самъ ли Оленинъ исполнилъ желаніе поэта, но въ позднѣйшей иллюстрированной рукописи стиховъ Державина находится и виньетка одного содержанія съ вырванною. Она нарисована на особомъ листкѣ бумаги, который приклеенъ къ тетради, тогда какъ всѣ другіе рисунки сдѣланы на листахъ самой рукописи.

О, коль монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.

Ломоносовъ (ода 18, строфа 22).

LIV. НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

—

Везувій пламя изрыгаетъ[2]; 1.
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;

[2] Везувій пламя изрыгаетъ *и проч.*
Ср. у Ломоносова въ одѣ на взятіе Хотина, строфа 5:

Багрово зарево зіяетъ[3];
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары[4];
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

О Россъ! о родъ великодушный! 2.
О твердокаменная грудь!
О исполинъ, царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы[a]?
Твои труды — тебѣ забавы;
Твои вѣнцы — вкругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань, ты тмишь сводъ звѣздный;
Въ моряхъ ли бой, ты пѣнишь бездны[5];
Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!

[a] Не могъ себѣ гремящей славы (рукоп. 1791 г.).
(Стихъ этотъ исправленъ Н. А. Львовымъ).

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ
И, съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?

Вообще эта ода, по стилю и по картинамъ, болѣе другихъ напоминаетъ оды Ломоносовскія.

[3] Багрово зарево зіяетъ.

Такъ во всѣхъ рукописяхъ и во всѣхъ печатныхъ текстахъ, за исключеніемъ изданія 1798 г., гдѣ поставлено *сіяетъ*.

[4] Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары.

Противъ слова *звучатъ* Дмитріевъ отмѣтилъ: «Не лучше ли *трещатъ*»?

[5] . . ты пѣнишь бездны.

Вмѣсто *пѣнишь* Н. А. Львовъ предлагалъ: *багришь* или *кровавишь*.

На подвигъ твой, вождя велѣньемъ, 3.
Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
Марсъ видитъ часто съ изумленьемъ,
Что и въ бѣдахъ твой веселъ зракъ:
Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали[б],
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дышали[6],
Ты тамъ прославился днесь вновь.
Вождь рекъ: «Се стѣны Измаила!
Да сокрушитъ твоя ихъ сила»! ....
И воскипѣла бранна кровь[в].

Какъ воды, съ горъ весной въ долину 4.
Низвержась, пѣнятся, ревутъ,
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ Россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ:
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ[г],
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ,
Идутъ — какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, за ними дымъ[д].

[б] Гдѣ вкругъ драконы мѣдны выли,
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ палили.
(Слова *ржали* и *дышали*, находящіяся въ окончательно редакціи, предложены Львовымъ).
[в] О честь! — вскипѣла бранна кровь (1791 *).
[г] Смертей ли блѣдный... (1791 и 1798).
[д] Подъ ними долъ, за ними дымъ (рук. 1791).
(*Стонъ* вмѣсто *долъ* поставлено Львовымъ).

---

[6] Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали,
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дышали.

Измаильская крѣпость была обороняема тремя стами пушекъ (*Об.* Д). Слово *ржать* въ томъ же смыслѣ употреблялъ уже и Ломоносовъ, какъ можно видѣть выше изъ 2-го примѣчанія къ этой одѣ.

* Напоминаемъ здѣсь, что однимъ годомъ, безъ слова *рукопись*, мы означаемъ при варіантахъ печатные тексты.

Идутъ въ молчаніи глубокомъ[7], 5.
Во мрачной, страшной тишинѣ;
Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ[е],
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами[ж];
Они молчатъ, идутъ впередъ.

Не бардъ ли древній, изступленный[8], 6.
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный[9]
Предъ ними идетъ со крестомъ,
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ
И кровь пролить благословляетъ

[е] Такъ Росская душа сіяетъ (1791).
[ж] Ужъ осыпаютъ ихъ громами.

---

[7] Идутъ въ молчаніи глубокомъ.

«Въ пять часовъ утра, когда пущена была третья ракета, вдругъ шесть колоннъ, среди которыхъ находился Суворовъ, сухимъ путемъ, и три на судахъ двинулись къ Измаилу» (*Словарь достоп. людей*, статья: Суворовъ).

Капнистъ съ излишнимъ пуризмомъ находилъ, что какъ *идутъ* въ этомъ стихѣ, такъ и *подъ ними* въ предыдущемъ, могутъ быть отнесены къ слову *холмамъ*.

[8] Не бардъ ли древній, изступленный.

Въ 1788 г. явилась въ Петербургѣ книжечка: *Поэмы древнихъ бардовъ*, переводъ А. Д. (съ французскаго). Знакомство съ этою книжкой и вообще съ Оссіаномъ начинаетъ отражаться въ поэзіи Державина съ 1790 г. См. особенно примѣчанія къ одѣ *Водопадъ* подъ 1791 г.

[9] Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный...

Полковой священникъ съ крестомъ въ рукѣ первый взошелъ на городскую стѣну (*Об. Д.*).

За честь, за вѣру, за царя;
За нимъ — вождей рядъ предъ полками,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками
Идетъ огнистая заря.

Идутъ. — Искусство зритъ заслугу [10], 7.
И сколь ихъ духъ былъ тутъ великъ,
Вѣщаетъ слухъ земному кругу [11];
Но мнѣ ихъ раздается крикъ [з];
По лѣствицамъ на градъ, на стогны,
Какъ шумны волны черезъ волны,
Они возносятся челомъ [и];
Какъ угль, ихъ взоры раскаленны;
Какъ львы, на тигровъ устремленны,
Бѣгутъ, стѣснясь [i], на огнь, на громъ [12].

О! что за зрѣлище предстало? 8.
О пагубный, о страшный часъ!
Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на васъ:
Зрю камни, ядра, варъ и бревны.
Но чѣмъ герои устрашенны?

[з] Но се ужъ раздается крикъ.
(Въ первоначальной рукописи было: *Но се уже несется крикъ*).
[и] Сѣдымъ возносятся челомъ (рукоп. 1791).
(Львовъ предлагалъ: *Безстрашнымъ высятся челомъ*).
[i] Они бѣгутъ... (1791).

---

[10] Идутъ. — Искусство зритъ заслугу.
Противъ этого стиха Капнистъ замѣтилъ: «Не понимаю».

[11] Вѣщаетъ слухъ земному кругу.
Вмѣсто *вѣщаетъ слухъ* Дмитріевъ предлагалъ: *гласитъ молва*.

[12] Бѣгутъ, стѣснясь, на огнь, на громъ.
Вмѣсто *бѣгутъ* Дмитріевъ предлагалъ: *летятъ* или *бросаются;* Львовъ также совѣтовалъ употребить *летятъ*.

Чѣмъ можетъ отраженъ быть Россъ?
Тотъ лѣзетъ по бревну на стѣну,
А тотъ летитъ [к] съ стѣны въ геенну;
Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ [13]!

Всякъ помнитъ должность, честь и вѣру, 9.
Всякъ душу и животъ кладетъ.
О Россы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру,
И смерть сама вамъ лавръ даетъ.
Тамъ въ грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны;
Но мнятъ еще стерть вражій рогъ:

[к] Другой летитъ...

---

13 А тотъ летитъ съ стѣны въ геенну.

Противъ *летитъ* Дмитріевъ на поляхъ приписалъ *стремглавъ*.

Поступокъ Курція былъ хорошо извѣстенъ Державину, между прочимъ, и по стихамъ Ломоносова (ода 2, строфа 19):

Что Курцій, видя мрачну пасть,
Презрѣлъ и младость и породу,
Погибъ за римскую свободу,
Съ разъѣзду въ оную скочивъ.

Въ честь графа (вскорѣ князя) Г. Г. Орлова, послѣ поѣздки его въ Москву для принятія мѣръ противъ чумы, была выбита золотая медаль съ изображеніемъ Курція, бросающагося въ пропасть, и съ надписью: *И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ*. О Деціи нѣтъ надобности распространяться. О Буарозѣ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* замѣчаетъ: «Капитанъ французскій, взлѣзъ во время бури на скалу вышиною въ 80 саженъ по веревочной лѣстницѣ и взялъ крѣпость. Читай о немъ въ *Запискахъ герцога Сюлли*, во 2-й книгѣ, въ 6-й части». Эта ссылка совершенно вѣрна. *Записки Сюлли* были переведены по-русски бывшимъ начальникомъ Державина по казанской гимназіи, М. И. Веревкинымъ, и изданы въ 10-ти томахъ, отъ 1770 до 1776 г. Въ подлинномъ сочиненіи герой, указываемый Державинымъ, упоминается подъ именемъ le sieur de Bois-Rosé; разсказъ о немъ относится къ 1593 году. Въ русскомъ переводѣ см. стр. 375—380 тома II. Буарозъ взялъ крѣпость Fécamp, на берегу Ламанша, во время войны Генриха IV съ католическою лигою.

Иной движеньемъ ободряетъ,
А тотъ съ побѣдой восклицаетъ:
«Екатерина! съ нами Богъ»!

Какая въ войскахъ храбрость рьяна! 10.
Какой великій духъ въ вождяхъ!
Въ однихъ душа разсудкомъ льдяна,
У тѣхъ пылаетъ огнь въ сердцахъ.
Въ зимѣ рожденны подъ снѣгами,
Подъ молніями, подъ громами, —
Которыхъ съ самыхъ юныхъ дней
Питала слава, вѣрность, вѣра!
Гдѣ можно вамъ сыскать примѣра?
Не посреди ль стихійныхъ прей [л]?

Представь: по свѣтлости лазуря, 11.
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ,
Какъ страшна нощь; надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листъ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ [14].

[л] Среди стихійныхъ развѣ прей (1791 и 1798).

---

[14] И затрещалъ Ливанъ кремнистъ.

Послѣдніе стихи напоминаютъ 22 строфу 2-й оды Ломоносова — описаніе исполина, съ которымъ сравнивается русскій флотъ:

Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли
И бурей ярость презирали.

Представь послѣдній день природы, 12.
Что пролилася звѣздъ рѣка,
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали[м];
Что мракъ лишь молньи освѣщали;
Что громъ потрясъ всемірну ось[15];
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ!

Вошелъ! — не бойся, рекъ, и всюды 13.
Простеръ свой[н] троегранный штыкъ:
Поверглись тѣлъ кровавы груды;
Напрасно слышенъ жалобъ крикъ.
Напрасно, бранны человѣки!
Вы льете крови вашей рѣки,

[м] Что вихри съ вихрями стѣснились,
Что тучи съ тучами сразились (рукоп. 1791 г.).
(Львовъ предлагалъ: *Что вихри тучи въ тучи гнали; Что мракъ лишь молньи разсѣкали*).
[н] Простеръ онъ...

---

[15] Что громъ потрясъ всемірну ось.

И въ предыдущихъ стихахъ можно видѣть воспоминаніе изъ Ломоносова (ода 6, строфа 9):

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись
И тучи съ тучами спирались
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ

Котору должно бы беречь [о];
Но съ самаго вѣковъ начала
Война народы пожирала:
Священъ сталъ долгъ рубить и жечь!

Тотъ мыслитъ овладѣть всѣмъ міромъ, 14.
Тотъ не принять его оковъ;
Вселенной царь сталъ врану пиромъ,
Герои — снѣдію волковъ [п].
Увы! палъ кринъ и пали терны.
Почто жъ? — Судьбы небесны темны:
Я здѣсь пою лишь браней честь.
Насъ горсть, — но полкъ лежитъ предъ нами;
Насъ полкъ, — но съ тысячьми и тьмами
Мы низложили городъ въ персть.

И се уже, шумя, стремится 15.
Кровавой пѣны полнъ Дунай;
Пучина черная багрится [р],
Спершись отъ труповъ, съ края въ край!
Уже блѣднѣюща Мармора
Дрожитъ пловуща къ ней позора,
Костры тѣлъ видя за костромъ!
Луна полна на башняхъ крови,
Поникли гордой [с] Мекки брови [16],
Стамбулъ склонился внизъ челомъ.

[о] Которую должно беречь (1791).
(Капнистъ находилъ этотъ стихъ прозаическимъ).
[п] И снѣдію герой волковъ.
[р] И море черное...
[с] Поникли горды Мекки брови (1791 и 1798).

---

[16] Поникли гордой Мекки брови.

Этотъ стихъ, какъ и 6-й въ той же строфѣ, Капнистъ находилъ *непонятнымъ*.

О! ежели издревле міру 16.
Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремитъ,
И если приступъ славенъ къ Тиру:
Къ Измайлу больше знаменитъ [17].
Тамъ былъ вселенной покоритель,
Машинъ и башень самъ строитель:
Герой, онъ море запрудилъ;
А здѣсь вождя одно велѣнье [т]
Свершило храбрыхъ Россовъ рвенье;
Великій духъ былъ вмѣсто крылъ.

Услышь, услышь, о ты, вселенна, 17.
Побѣду смертныхъ выше силъ;
Внимай, Европа удивленна,
Каковъ сей Россовъ подвигъ былъ.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрогайтесь
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ;
Увѣрьтесь, что Его рукою
Одинъ попретъ васъ Россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ [у]!

Я вижу страшную годину [18]: 18.
Его три вѣка держитъ сонъ;
Простертую подъ нимъ долину

[т] А здѣсь вождя лишь повелѣнье.
[у] Коль встать изъ бездны бѣдъ самъ могъ (1791).

---

[17] Къ Измайлу больше знаменитъ.

Вмѣсто этого Дмитріевъ предлагалъ: *Къ Синилу паче знаменитъ* (*Синилъ*, по объясненію Державина, древнее названіе Измаила).

[18] Я вижу страшную годину.

«Воспоминаніе несчастнаго для Россіи времени, когда она около трехъ сотъ лѣтъ страдала подъ игомъ Татаръ» (*Об.* Д.).

Покрылъ вездѣ колючій тернъ;
Лицо туманъ подернулъ блѣдный,
Ослабли мышцы удрученны,
Скатилась въ мракъ глава его;
Разбойники вокругъ суровы
Взложили тяжкія оковы [ф];
Змѣя на сердцѣ у него.

Онъ спитъ! — и насѣкомы, гады 19.
Румяный потемняютъ зракъ;
Войны опустошаютъ грады,
Раздоры пожираютъ злакъ;
Чуть зрится блескъ его короны;
Страдаетъ вѣра и законы,
И ты, къ отечеству любовь!
Какъ звѣрь, его Батый рветъ гладный;
Какъ змѣй, сосетъ лжецарь коварный;
Повсюду пролилася кровь [х]!

Лежалъ онъ во своей печали, 20.
Какъ темная въ пустынѣ ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Сосѣди грабежемъ алкали;
Князья, бояре въ нѣгѣ спали [ц]
И ползали въ пыли, какъ червь;
Но Богъ, но духъ его великій
Сотрясъ съ него бѣды толики:
Расторгнулъ левъ желѣзну вервь [ч]!

[ф] Взложили на него оковы (1791 и 1798).
[х] Его повсюду льется кровь (1791).
[ц] Князья, бояре ѣли, спали.
[ч] Какъ левъ съ себя желѣзну вервь (Рукоп. 1791).
(Слово *расторгнулъ* въ окончательной редакціи принадлежитъ Львову).

Возсталъ! — какъ утромъ холмъ высокой 21.
Встаетъ, подъемляся челомъ
Изъ мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкругъ его[ш], и громъ
Поверхъ главы въ ничто вмѣняя,
Ногами волны попирая,
Пошелъ — и кто возмогъ противъ?
Отъ шлема молніи скользили,
И океаны уступили,
Стопамъ его пути открывъ.

Онъ сильны орды пхнулъ ногою: 22.
Края Азійски потряслись,
Упали царства подъ рукою,
Цари, царицы въ плѣнъ влеклись;
И побѣдителей разитель,
Монархій свѣта разрушитель[19],
Простерся подъ его пятой:
Въ Европѣ грады бралъ, трясъ троны,
Свергалъ царей[щ], давалъ короны
Могущею своей душой.

Гдѣ есть народъ въ краяхъ вселенны[ъ], 23.
Кто бъ столько силъ въ себѣ имѣлъ:
Безъ помощи, отъ всѣхъ стѣсненный[ы],
Яремъ съ себя низвергнуть смѣлъ

[ш] Простертой вкругъ его... (1791 и 1798).
[щ] Творилъ царей... (1791).
[ъ] ... во всей вселенной.
[ы] ... вокругъ стѣсненный.

---

[19] Монархій свѣта разрушитель *и проч.*

Здѣсь разумѣются сѣверные варвары, разрушившіе западно-римскую имперію, изъ коихъ нѣкоторые вошли въ составъ Россіи (*Об.* Д.).

И, вырвавъ бы вѣнцы лавровы,
Возвергъ на тѣхъ самихъ оковы,
Кто столько свѣту страшенъ былъ?
О Россъ! твоя лишь добродѣтель
Такихъ великихъ дѣлъ содѣтель,
Лишь твой Орелъ Луну затмилъ.

Лишь ты, простря твои побѣды, 24.
Умѣлъ щедроты расточать[b];
Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы[20]
Тому примѣры могутъ дать.
На тѣхъ ты зришь спокойно стѣны,
Тѣмъ паки отдалъ грады плѣнны;

[b] Умѣлъ и щедрость показать.

---

[20] Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы.

Неловкость этого стиха чувствовали какъ Львовъ, такъ и Дмитріевъ. Львовъ, зачеркнувъ въ немъ два первыя названія, предлагалъ начать его словами: *Сарматъ, Сарацинъ;* Дмитріевъ же подчеркнулъ односложныя имена.

Слово *Хинъ* употреблялъ уже и Ломоносовъ:

Чтобъ *Хины*, Инды и Яппоны
Подверглись подъ Твои законы.
(Ода 17, строфа 16).

Нѣсколько сходный стихъ находимъ въ одной изъ надписей Ломоносова на статую Петра Великаго:

Взирая на него, Персъ, Турокъ, Готѳъ, Сарматъ...
(*Соч. Лом.*, изд. Смирд., т. I, стр. 233).

Относительно стиха Державина замѣтимъ, что еще въ апрѣлѣ 1787 г. явилась въ *Новыхъ ежем. соч.* (ч. X) чья-то статья *Разсужденіе о стихотворствѣ россійскомъ*, въ которой (стр. 71) есть цѣлая глава *О сосѣдствѣ односложныхъ*. «Для нѣжнаго слуха весьма противно, ежели цѣлый стихъ или полустишіе составлены изъ единыхъ односложныхъ», говоритъ авторъ и приводитъ примѣры подобнаго соединенія: 1) *нетерпимаго*, 2) *сквернѣе* и 3) *еще сквернѣе* (александрійскій стихъ: «Сифъ, Янъ, Киръ, Пиръ, Ремъ, Нинъ, Поръ, Марсъ, Момъ, Крезъ, Главкъ, Мидъ»).

Тамъ унялъ прю, тутъ бунтъ смирилъ[ѣ];
И сколь ты былъ ихъ побѣдитель[э],
Не меньше другъ, благотворитель:
Свое лишь только возвратилъ.

О кровь Славянъ! сынъ предковъ славныхъ, 25.
Несокрушаемый колоссъ,
Кому въ величествѣ[ю] нѣтъ равныхъ,
Возросшій на полсвѣтѣ Россъ!
Твои коль славны древни слѣды,
Громчай суть нынѣшни побѣды.
Зрю вкругъ тебя лавровый лѣсъ;
Кавказъ и Тавръ ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь[21],
И досязаешь до небесъ.

Уже въ Евксинѣ съ полунощи 26.
Межъ водъ и звѣздъ лежитъ туманъ,
Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи[22];

[ѣ] Тамъ унялъ бунтъ, тутъ прю рѣшилъ.
[э] Ты сколько всѣхъ ихъ побѣдитель.
[ю] Кому величествомъ . . .

---

[21] Вселенной на среду ступаешь.

Здѣсь разумѣется Константинополь, почитавшійся у древнихъ за центръ земной (*Об.* Д.). Ср. въ одѣ *Мой истуканъ*, подъ 1794 годомъ, строфа 22, стихъ:

Доступимъ міра мы средины.

[22] Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи —

флотъ подъ парусами (*Об.* Д.). Въ слѣдующихъ стихахъ, подъ *сѣдою тѣнью мужа* и подъ *царицею, равною великимъ мужамъ*, должно конечно разумѣть Потемкина и Екатерину. Сюда также относится то, что сказано выше въ примѣчаніи 8-мъ о начинающемъ обнаруживаться вліяніи Оссіана на поэзію Державина (ср. слѣдующее, 23-е примѣч.). Этотъ чи-

Средь нихъ, какъ горъ отломокъ льдянъ,
Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ, очами озирая;
Какъ полный мѣсяцъ, щитъ его;
Какъ сосна, рында обожженна[23];
Глава до облакъ вознесенна,
Орелъ надъ шлемомъ у него.

За нимъ златая колесница 27.
По розовымъ летитъ зарямъ;
Сѣдящая на ней царица,
Великимъ равная мужамъ,
Рукою держитъ крестъ одною,
Возжженный пламенникъ другою
И сыплетъ блески на Босфоръ;

сто-Оссіановскій образъ тѣни, который мы здѣсь встрѣчаемъ, повторяется и въ *Водопадѣ* (строфы 7 и 8), но тамъ означаетъ Румянцова. Относительно Ольги, возвращающей свѣтъ къ его источнику, см. ниже, подъ 1792 г., въ пѣсни *На рожденіе в. к. Ольги Павловны*, стихи 6-го куплета:

Ужъ зрю я, съ сѣвера на югъ
Свѣтильникъ Ольга возвращаетъ.

[23] Какъ полный мѣсяцъ, щитъ его;
Какъ сосна, рында обожженна.

Сравненіе щита съ мѣсяцемъ и копья съ сосной встрѣчается у Оссіана и въ древней скандинавской поэзіи. Ср. въ *Фингалѣ* Озерова пѣснь Уллина (*Соч. Озерова*, изд. Смирд., стр. 81):

Копье, какъ сосна вѣковая,
И щитъ, какъ полная луна.

О словѣ *рында* Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* замѣчаетъ: «Рында — дубина или палица, орудіе древнихъ княжескихъ тѣлохранителей или придворныхъ, которые и сами назывались рындами». Здѣсь поэтъ явно ошибается: слово *рында* никогда не могло означать дубины, тѣмъ болѣе, что вооруженіе княжескихъ тѣлохранителей, носившихъ это названіе, состояло не въ палицахъ, а въ топорикахъ, которые они держали на плечѣ при посольскихъ аудіенціяхъ.

Уже отъ сѣвернаго свѣта
Лицо блѣднѣетъ Магомета,
И мрачный отвратилъ онъ взоръ.

Не вновь ли то Олегъ къ Востоку 28.
Подъ парусами флотъ ведетъ,
И Ольга къ древнему потоку [я]
Занятый ею свѣтъ ліетъ?
Иль Россовъ идетъ духъ военный,
Христовой Вѣрой провожденный,
Ахеянъ спасть, Агарянъ стерть[24]?
Я слышу: громы ударяютъ,
Пророки-камни возглашаютъ:
«То будетъ нынѣ, или впредь»!

О вы, что въ мысляхъ суетитесь 29.
Столь славный Россу путь претить,
Помочь врагу Христову тщитесь
И вѣрѣ вашей измѣнить!
Чѣмъ столько поступать неправо,
Сперва изслѣдуйте вы здраво
Свой путь, цѣль Росса, судъ небесъ;
Изслѣдуйте и заключите:

[я] И Ольга къ прежнему...

— —

[24] ... Агарянъ стерть...
Пророки-камни возглашаютъ.

Ср. въ пьесѣ: *На побѣды Екатерины надъ Турками*, стр. 14, стихъ 12 и примѣчаніе къ нему.

«Въ Византіи находятся камни съ надписями древнихъ народовъ, которыя пророчествуютъ о взятіи сѣверными народами Константинополя; мистики находятъ о томъ пророчество и въ самомъ священномъ писаніи» (*Об.* Д.).

Вы съ кѣмъ и на кого хотите?
И что вашъ року перевѣсъ[25]?

Ничто — коль Россъ рожденъ судьбою 30.
Отъ варварскихъ хранить васъ узъ,
Темировъ попирать ногою,
Блюсть вашихъ отъ Омаровъ музъ,
Отмстить Крестовые[θ] походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину[26],
Градъ Константиновъ Константину[27]
И миръ Афету водворить.

Афету миръ? — О трудъ избранный, 31.
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный[28]!

[θ] ... Крестовскіе... (1791 и 1798).

---

[25] И что вашъ року перевѣсъ?

Эта строфа относится преимущественно къ Англіи и Пруссіи, которыя оказывали самое сильное сопротивленіе видамъ Россіи на Турцію. Ср. обращенія Пушкина къ врагамъ нашимъ въ пьесахъ: *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина.*

[26] Аѳинамъ возвратить Аѳину —

«т. е. городъ Аѳины возвратить богинѣ Минервѣ, подъ которою разумѣется Екатерина» (*Об.* Д.). Ср. выше, стр. 18, примѣчаніе 4 къ одѣ *На смерть Бибикова.*

[27] Градъ Константиновъ Константину.

«Константинополь подвергнуть державѣ в. к. Константина Павловича, къ чему покойная государыня всѣ мысли свои устремляла» (*Об.* Д.).

[28] Великими людьми желанный.

«Генрихъ IV и многіе другіе великіе люди желали всеобщій въ Европѣ миръ утвердить; на сей системѣ и понынѣ у многихъ голова вертится» (*Об.* Д.). Около того самаго времени, когда написана эта ода, появилось въ русскомъ переводѣ сочиненіе Сенъ-Пьера подъ заглавіемъ:

Свершишься ль ты средь нашихъ дней?
Доколь, Европа просвѣщенна,
Съ перуномъ будешь устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ супостатъ твоихъ?

Дай руку — и пожди спокойно: 32.
Сіе и Россъ одинъ свершитъ;
За безпрепятствіе достойно
Тебя трофеемъ наградитъ.
Дай руку, дай залогъ любови,
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всѣмъ въ грудь намъ не взойдетъ.
Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины,
А Россъ вселенной потрясетъ [v].

Чего не можетъ родъ сей славный, 33.
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту [a],

[v] А Россъ вселенной всей тряхнетъ (рукоп. 1791).
(Стихъ этотъ исправленъ Львовымъ).
[a] Щедротой выиграть охоту.
(Окончательная отдѣлка этого стиха принадлежитъ Львову).

«Миръ Европы не можетъ иначе возстановиться, какъ только по продолжительномъ перемиріи, или проектъ всеобщаго замиренія, сопряженнаго купно съ отложеніемъ оружій на двадцать лѣтъ между всѣми политическими державами. Переведено съ французскаго языка въ станѣ предъ Очаковымъ въ 1788 году».

И правотой [29] сердца плѣнить [б].
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною [30],
Весь міръ себя заставить чтить.

Война, какъ сѣверно сіянье, 34.
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.
Что благовоннѣй аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоцѣннѣе порфиръ?
Не ты ль, котораго всѣмъ взгляды
Ліютъ обиліе прохлады,
Прекрасный и полезный Миръ?

[б] И милостью сердца плѣнить.

---

[29] И правотой сердца плѣнить.

Въ этомъ стихѣ, какъ показываетъ варіантъ, стояло сперва *милостью* вмѣсто *правотой*. Такъ онъ и напечатанъ былъ въ отдѣльномъ изданіи оды, 1791 г., не смотря на то, что еше до того въ рукописи, упомянутой выше, стр. 336, въ примѣч. 1, Н. А. Львовъ, поставивъ *правотой* вм. *милостью*, далъ этому въ особой выноскѣ слѣдующее замѣчательное объясненіе: «Ломоносовъ показалъ дорогу вездѣ просить милости. Я не считаю это ни благороднымъ подвигомъ, ни краснымъ словомъ, да и въ моральномъ смыслѣ не представляется мнѣ милость иначе какъ: простить преступленіе, а если милость безъ заслуги, то она, повѣрь мнѣ, — что наказаніе невинному, — угнетеніе общее; если же милость кто по заслугѣ получилъ, то она уже не милость, и слово сіе уменьшало бы достоинство дѣйствія; тогда бы была она только справедливость, и для того я написалъ: *правота*». Впослѣдствіи Державинъ призналъ это замѣчаніе справедливымъ, и въ изданіи 1798 г. стихъ уже явился въ томъ видѣ, какой хотѣлъ ему дать Львовъ.

[30] Всегда войной и не войною.

Противъ словъ: *и не войною* Капнистъ написалъ: «не лучше ль: *и тишиною*»?

Приди, о кроткій житель неба, 35.
Эдемской гражданинъ страны!
Приди и, какъ сопутникъ Феба,
Духъ теплотворный, богъ весны,
Дохни вездѣ твоей душою!
Дохни, да расцвѣтетъ тобою
Рай сладости въ домахъ, въ сердцахъ!
Подъ сѣнію Екатерины
Вѣнчанны лавромъ исполины
Возлягутъ на своихъ громахъ.

Премудрость царства управляетъ; 36.
Крѣпитъ ихъ вѣра, правый судъ;
Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ[в];
Любовію они цвѣтутъ.
О полъ прекрасный и почтенный,
Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!
И вамъ днесь предлежатъ вѣнцы:
Плоды побѣдъ суть звуки славы,
Побѣдъ основа — тверды нравы,
А добрыхъ нравовъ вы творцы!

Когда на брани вы предметовъ 37.
Лишилися любви своей,
И если, безъ войны, навѣтовъ
Полна жизнь наша, слезъ, скорбей:
Утѣшьтесь! — вѣтры въ вѣтры дуютъ,
Стихіи межъ собой воюютъ,
Сей свѣтъ — училище терпѣть;
И брань коль возстаетъ судьбою,
Сынъ Россіянки среди бою
Со славой долженъ умереть.

[в] Ихъ миръ и трудъ обогащаетъ (1791).
— Труды и миръ обогащаетъ (1798).

А слава тѣхъ не умираетъ, 38.
Кто за отечество умретъ:
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

LV. ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВЪ[1].

1791.

Сойди, любезная Эрата[a], X. 1.
Съ горы зеленой, двухолмистой,

[a] Сойди, сойди, любезная Эрата (1791).

---

[1] Графу Александру Сергѣевичу Строганову на день рожденія его. Онъ родился 3 января 1733 года, умеръ 27 сентября 1811. Начавъ свое поприще при Елисаветѣ Петровнѣ, онъ въ ея же царствованіе получилъ

Въ одеждѣ бѣлой, серебристой,
Украшенна вѣнцомъ и поясомъ изъ злата,
Съ твоею арфой сладкогласной! —
Сойди, утѣхъ соборъ,
И брось къ намъ нѣжно-страстный [6]
Съ улыбкою твой взоръ,

[6] Брось съ нѣжно-страстной
Улыбкой намъ твой взоръ.

въ Вѣнѣ титло графа римской имперіи, а въ 1798 г. императоръ Павелъ I возвелъ его въ русское графство. По своему благородному, открытому и веселому характеру Строгановъ оставался непричастенъ партіямъ и, пользуясь постояннымъ довѣріемъ Екатерины II, служилъ часто посредникомъ между ею и великимъ княземъ, сыномъ ея *. Вскорѣ по вступленіи ея на престолъ онъ сдѣлался камергеромъ, потомъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и наконецъ сенаторомъ. Императоръ Павелъ въ началѣ 1800 г. назначилъ его президентомъ академіи художествъ. Эта должность соотвѣтствовала извѣстной его любви къ искусствамъ и наукамъ. Подобно Шувалову онъ заслужилъ названіе русскаго мецената. Державинъ былъ въ числѣ писателей, посѣщавшихъ открытый для всѣхъ домъ его. Зданіе, гдѣ онъ жилъ, одно изъ произведеній знаменитаго Растрелли (близъ Полицейскаго моста), украшенное картинною галлереей, до сихъ поръ сохраняетъ память гостепріимнаго вельможи, любившаго соединять вокругъ себя лучшихъ представителей русскаго образованія. Всѣмъ извѣстно также загородное мѣсто, отмѣченное его именемъ и воспѣтое Гнѣдичемъ въ идилліи *Рыбаки*. Проводя лѣто вмѣстѣ съ дворомъ обыкновенно въ Царскомъ Селѣ, гр. А. С. Строгановъ всегда пріѣзжалъ однакожъ по воскресеньямъ на свою любимую дачу. Съ садомъ ея связывается одно воспо-

* Таково семейное преданіе въ родѣ Строгановыхъ. Оно должно быть принято въ соображеніе при повѣркѣ того, что говорится о гр. Строгановѣ въ *Запискахъ Порошина*, стр. 17, 47, 133, 146 и пр., въ Mem. of the pr. Dashkaw, т. I, стр. 52, и въ другихъ современныхъ источникахъ. О первомъ бракѣ его см. Mém. de Cath. II, стр. 309. Выше на стр. 245 (примѣч. 3 къ одѣ *На Счастіе*) приведено свидѣтельство Державина, что комедія *Обольщенный* написана императрицею на графа Строганова. Прибавимъ здѣсь, что по многимъ выраженіямъ комедіи о расточительности *Радотова* и о безпрестанно бывавшихъ у него гостяхъ можно полагать, что сочинительница подъ этимъ лицомъ дѣйствительно разумѣла графа А. С. Строганова.

И царствуй вѣчно въ домѣ семъ
На берегахъ Невы прекрасныхъ!
Любителю наукъ изящныхъ
Мы пѣснь съ тобою воспоемъ:

минаніе, столько же характеризующее любовь этого вельможи къ просвѣщенію, какъ и степень образованности современной ему русской публики. Въ саду устроена была библіотека. Всѣ посѣтители сада имѣли право ею пользоваться. Въ первый же день графу доносятъ, что не возвращено нѣсколько томовъ. Добродушный хозяинъ приписалъ это тому, что многіе, не успѣвъ прочитать книгъ, взяли ихъ съ собой для прочтенія на домъ. Въ другіе дни недочетъ оказался еще болѣе; къ концу лѣта недоставало многихъ сотень книгъ. Тогда графъ закрылъ свою библіотеку (*Памяти графа А. С. Строганова*, состав. Н. Колмаковъ. Спб., 1844).

А. С. Строгановъ былъ женатъ два раза: въ первомъ бракѣ, на единственной дочери государственнаго канцлера, графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой, которая вскорѣ умерла; во второмъ — на княжнѣ Трубецкой. Для свѣдѣній о гр. Строгановѣ, сверхъ приведенной брошюры, см. статью П. А. Плетнева въ *Современникѣ* 1843.г., т. XXXI. Въ *Словарѣ достоп. людей* Бантышъ-Каменскаго, къ сожалѣнію, нѣтъ его біографіи. Въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* за августъ 1791 г. (ч. LXII), слѣдовательно вскорѣ послѣ появленія стиховъ Державина, напечатано *Письмо* къ гр. Строганову, въ стихахъ же, подписанное Д. Х. (Дм. Хвостовъ?). Сверхъ того, въ этомъ же изданіи за январь 1788 г. (ч. XIX) можно найти посвященное ему французское четырехстишіе графа Сегюра.

Дружескія отношенія Державина къ Строганову впослѣдствіи измѣнились; въ то время, когда Державинъ былъ министромъ юстиціи (1803 г.), между ними произошелъ совершенный разладъ вслѣдствіе бывшаго въ сенатѣ разногласія по поводу мнѣнія гр. Потоцкаго о правахъ дворянства. Поэтому Державинъ очень неблагопріятно отозвался о Строгановѣ какъ въ своихъ *Объясненіяхъ*, такъ и въ *Запискахъ* (*Русск. Бес.*, стр. 352, 428 и 467).

Эта пьеса была напечатана сперва отдѣльно, потомъ въ февральской книжкѣ *Московскаго журнала* 1791 г. (ч. I, стр. 137), подъ заглавіемъ: Новый годъ, пѣснь дому любящему науки и художества; въ концѣ, вмѣсто подписи имени, были три звѣдочки. Въ изданіи 1798 г. она помѣщена, стр. 196, съ незначительными измѣненіями и получила названіе Пѣснь любителю художествъ, при чемъ въ выноскѣ объясненъ поводъ къ ея сочиненію и замѣчено: «Музыка Бортнянскаго». Въ изданіи 1808 г. см. ч. I, xxviii.

«Небеса, внемлите А. 2.
Чистый сердца жаръ
И съ высотъ пошлите
Пѣсень сладкій даръ.
О мольба прилежна!
Какъ роса, взнесись:
Къ намъ ты, Муза нѣжна,
Какъ зефиръ, спустись»!

Какъ легкая серна[2] 3.
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ
Перебѣгаетъ;
Какъ бѣлый голубокъ, она
То внизъ, то вверхъ подъ облачкомъ
Перелетаетъ;
Съ небесныхъ свѣтлыхъ горъ дорогу голубую[в]

[в] Съ небесныхъ горъ дорогу голубую.
(Между *небесныхъ* и *горъ* вставлено Дмитріевымъ *свѣтлыхъ*).

Призваніе Музы въ началѣ пьесы напоминаетъ такой же пріемъ въ одахъ: *Рѣшемыслу* (подъ 1783 г.), *Памятникъ герою* (подъ 1791) и *Къ Калліопѣ* (подъ 1792); но въ остальномъ составѣ своемъ настоящее стихотвореніе представляется, напротивъ, совершенно своеобразнымъ. Оно раздѣляется на 12 отдѣловъ, изъ которыхъ одни назначены для пѣнія, а другіе для речитатива. Въ *Московскомъ журналѣ* первые были отмѣчены надписями: *Арія* или *Хоръ*, послѣдніе же оставлены безъ надписей. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ нѣтъ уже этого обозначенія, но мы сочли нелишнимъ отличить куплеты, назначенные для пѣнія, начальными буквами А. и Х.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ (Олен.): 1) Муза Державина приноситъ жертву дружбѣ; съ одной стороны Геній стихотворства зажигаетъ пламя на алтарѣ ея; съ другой стороны стоитъ столпъ, на которомъ высѣчено 3-е генваря, день рожденія любителя художествъ; 2) портретъ графа А. С. Строганова.

[2] Какъ легкая серна.

Въ рукописи 1790 годовъ: *сернá*.

Ко мнѣ въ минуту перешла
И арфу золотую
Съ собою принесла;
Рѣзвилась вкругъ меня, ласкалася, смотрѣла
И, будто вѣтерочекъ, сѣла
На лонѣ у меня.
Тутъ вдругъ веселый видъ на важный премѣня,
Небеснымъ жаромъ воспылала,
На арфѣ заиграла.

Ея бѣлорумяны персты А. 4.
По звучнымъ бѣгаютъ струнамъ;
Взоръ черноогненный, отверзтый,
Какъ молнія вослѣдъ громамъ,
Блистаетъ, жжетъ и поражаетъ
Всю внутренность души моей;
Томитъ, мертвитъ и оживляетъ
Меня пріятностью своей.

«Боги взоръ свой отвращаютъ Х. 5.
Отъ нелюбящаго Музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце черство грубый вкусъ,
Жажду злата и сребра:
Врагъ онъ общаго добра!

«Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ[г]:
Пусть въ крови[д] вселенна тонетъ,
Былъ бы счастливъ только онъ;
Больше бъ собралъ серебра:
Врагъ онъ общаго добра!

[г] Ни сиротскій его стонъ.
(Этотъ стихъ исправленъ Дмитріевымъ).
[д] Пусть въ бѣдахъ (1791)... Пусть въ слезахъ (1798)...

«Напротивъ того, взираютъ
Боги на любимца Музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный нѣжный вкусъ [е];
Всѣмъ душа его щедра:
Другъ онъ общаго добра!

«Отираетъ токи слезны,
Унимаетъ скорбный стонъ;
Сиротамъ отецъ любезный,
Покровитель Музамъ онъ;
Всѣмъ душа его щедра:
Другъ онъ общаго добра»! —

О день, о день благопріятный! 6.
Несутся вѣтромъ голоса [ж],
Курятся крины ароматны,
Склонились долу небеса [з].
Лазурны тучи [и], краезлаты [3],
Блистающи рубиномъ сквозь,
Какъ испещренный флотъ, богатый,

[е] И изящный ему вкусъ (1791 и 1798).
[ж] Раздайтесь, наши голоса (1791).
[з] Склонились, вижу, небеса.
[и] И тучи сини, краезлаты.

---

[3] ... краезлаты.

По поводу этого эпитета И. И. Дмитріевъ, который незадолго передъ тѣмъ познакомился съ Державинымъ, разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ* (*Москвит.* 1842, № 1, стр. 153): «Вездѣ и непрестанно вниманіе его было обращено къ поэзіи. Часто я заставалъ его стоявшимъ неподвижно противъ окна и устремившимъ глаза свои къ небу. Что вы задумались? однажды спросилъ я. «Любуюсь вечерними облаками», отвѣчалъ онъ. И чрезъ нѣкоторое время послѣ того вышли стихи *Къ дому любящему ученіе*, въ которыхъ онъ впервые назвалъ облака *краезлатыми*».

Стремятся по эѳиру вкось;
И плавая туда,
Сюда,
Спускаются предъ нами[4].
На нихъ сидитъ небесныхъ Музъ соборъ[і],
Вкругъ Геніевъ крылатыхъ хоръ, —
Летятъ, вслѣдъ тянутся цѣпями[к],
Какъ бы весной
Разноперистыхъ птичекъ рой
Вьетъ воздухъ за собою[л]
Кристальною струею
И провождаетъ къ намъ дѣвъ горнихъ красный[5] ликъ!
Я слышу вдалекѣ тамъ рѣзкій трубный зыкъ;
Тамъ бубновъ громъ,
Тамъ стонъ
Валторнъ
Созвучно въ воздухъ ударяетъ;
Тамъ гласъ свирѣлей
И звонкихъ трелей
Сквозь ихъ изрѣдка пробѣгаетъ,
Какъ соловьиный свистъ сквозь шумъ падущихъ водъ.

[і] На нихъ сидитъ прекрасныхъ Музъ соборъ.
[к] За ними вслѣдъ летитъ полками.
[л] Вьетъ воздухъ за собой
Кристальною струей
И провождаетъ дѣвъ къ намъ горнихъ ликъ.

---

[4] Спускаются предъ нами.

Дмитріевъ, въ рукописи 1790-хъ годовъ, предлагалъ соединить этотъ стихъ въ одинъ съ двумя предыдущими, такимъ образомъ:

И плывъ туда сюда, спускаются предъ нами.

[5] ... къ намъ дѣвъ горнихъ красный ликъ.

Окончательная перестановка словъ въ этомъ стихѣ принадлежитъ Дмитріеву, но онъ къ слову *ликъ* предлагалъ эпитетъ *нѣжный*.

От҄ звука разныхъ голосовъ,
Встрѣчающихъ полубоговъ
На землю сходъ,
По рощамъ эхо какъ хохочетъ,
По мрачнымъ, горнымъ дебрямъ ропчетъ[6],
И гулъ глухой въ глуши гудетъ[м].
Я слышу[н], сонмъ небесныхъ дѣвъ поетъ:

«Науки смертныхъ просвѣщаютъ, X. 7.
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ
И къ вѣчной славѣ ихъ ведутъ.
Благополучны тѣ народы,
Которы красотамъ природы
Искусствомъ могутъ подражать;
Какъ пчелы, медъ съ цвѣтовъ сбирать!
Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ стократно,
Кто покровительствуетъ имъ!
Вознаградятъ его обратно
Онѣ безсмертіемъ своимъ». —

Наполнилъ грудь восторгъ священный, 8.
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ потаенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ веселья сердце утопаетъ,

[м] ... реветъ (1791 и 1798).
[н] Межъ тѣмъ *я слышу*... (1791).

---

[6] И гулъ глухой въ глуши гудетъ.

Капнистъ въ своихъ примѣчаніяхъ на изданіе 1798 г. обратилъ вниманіе Державина на сопоставленіе словъ *глухой* и *въ глуши* и на форму глагола *ропчетъ*, противъ котораго поставилъ вопросъ: «Что это»?

Какъ будто бога ощущаетъ,
Присутствующаго со мной [о].
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ [п] Тифона
Божественной своей стрѣлой:
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный [р] лукъ;
Ужасная змѣя зіяетъ
И вмигъ свой испущаетъ [с] духъ,
Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая
И черну кровь ручьемъ изъ раны испуская.
Я зрю сіе, и вмигъ себѣ представить могъ,
Что такъ невѣжество сражаетъ свѣта богъ.

Полкъ блѣдныхъ тѣней окружаетъ А. 9.
И ужасаетъ духъ того,
Кто кровью руки умываетъ
Для властолюбья своего;
И черный змѣй то сердце гложетъ,
Въ комъ зависть, злость и лесть живетъ [т],
И кто своимъ добромъ жить можетъ,
Но для богатства мзду беретъ.
Порокъ спокоенъ не бываетъ;
Нравъ варварскій его мятетъ,
Наукъ, художествъ не ласкаетъ
И свѣта свѣтъ ему не льетъ.

[о] Въ присутствіи теперь со мной.
[п] ... разитъ...
[р] ... спущенный (1791 и 1798).
[с] ... испускаетъ духъ,
... въ пескѣ лишь изгибаетъ,
И черна кровь ручьемъ изъ раны истекаетъ.
Я зрю, и то себѣ тотчасъ представить могъ (1791).
[т] ... зависть, месть и злость ... (1791).
— зависть, злость и месть ... (1798).

Какъ звѣрь, онъ ищетъ мѣста темна;
Какъ змѣй, онъ ползая шипитъ;
Душа, коварствомъ напоенна [у],
Глазами прямо не глядитъ.

«Черные мраки, X. 10.
Злые призраки
Ужасныхъ страстей [7]!
Бѣгите изъ града,
Сокройтесь въ дно ада
Отъ нашихъ вы дней!
Свѣта перуны,
Лирныя струны,
Минервинъ эгидъ!
Сыпьте въ злость стрѣлы:
Брань за предѣлы
Отъ насъ да бѣжитъ»! —

Какъ солнце гонитъ нощи мракъ [ф], 11.
И отъ его червлена злата
Румянится природы зракъ,
Веселорѣзвая Эрата [х]!
Ты ходишь по лугамъ зеленымъ,
И рвешь тогда себѣ цвѣты,
Свободнымъ духомъ восхищеннымъ,

[у] ...покровенна (1791)... коварству покоренна (1798).
[ф] Какъ прогоняетъ солнце нощи мракъ (1791).
(Исправленіе стиха принадлежитъ Дмитріеву).
[х] Веселая и рѣзвая... (1791 и 1798).

---

[7] Ужасныхъ страстей.

Намѣсто *ужасныхъ* Дмитріевъ, для правильности размѣра, предлагалъ *подлыхъ* или *мерзкихъ*.

Поешь твои утѣхи ты [ц];
Вослѣдъ тебѣ забавъ соборъ,
Пѣвицъ пріятныхъ хоръ,
Наяды пляшутъ и Фауны:
Составь же ты, прелестно божество [ч],
И намъ теперя торжество,
Да сладкогласной лиры струны [ш],
Твоею движимы рукой,
Возбудятъ всѣхъ ко пляскамъ предъ тобой [щ]!

«Радостно, весело въ день сей X. 12.
Вмѣстѣ сбирайтеся [ъ], други!
Бросьте свои недосуги,
Скачите, пляшите смѣлѣй!
Бейте въ ладоши руками,
Щелкайте громко перстами,
Черны глаза поводите,
Станомъ вы всѣ говорите!
Фертикомъ руки вы въ боки [ы],
Дѣлайте легкіе скоки,
Чоботъ о чоботъ стучите,
Съ наступью смѣлой свищите [8],

[ц] Поешь и водишь хороводы ты (1791).
(Дмитріевъ предлагалъ: «Поешь и зришь утѣхи ты»).
[ч] Составь, составь, прелестно божество,
И наше днесь ты торжество.
[ш] Да сладкогласны твои струны.
(Исправлено Дмитріевымъ).
[щ] Возбудятъ въ праздникъ сей всѣхъ къ пляскѣ предъ тобой.
[ъ] Сбирайтеся вмѣстѣ.
Забудьте всѣ недосуги (1791 и 1798).
[ы] Фертомъ бѣлы руки въ боки.

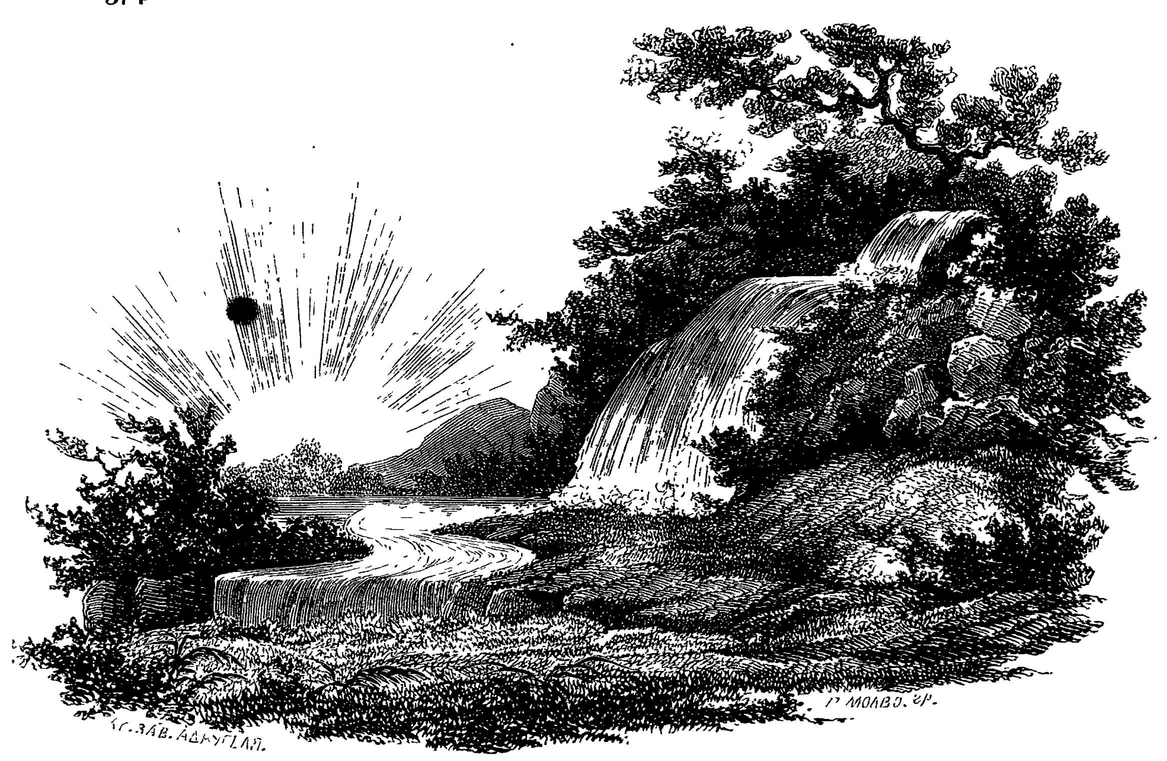
[8] Съ наступью смѣлой свищите.

Ссылаясь на этотъ стихъ, Капнистъ замѣтилъ: «Отъ сего, кажется, ломаются стихи».

Молвьте спасибо душею
Мужу тому [ь], что снисходитъ
Лаской, любовью своею,
Всѣмъ намъ веселье находитъ.
Здравствуй же, Музъ днесь любитель [ѣ]!
Здравствуй, ихъ всѣхъ покровитель» [э]!

[ь] Дому тому... (1791).
[ѣ] Игръ кто невинныхъ любитель.
[э] Здравъ будь ввѣкъ, Музъ покровитель (1791).
— Здравствуй, здравствуй, ихъ покровитель (1798).

LVI. КЪ СОФІИ[1].

О, сколь, Софія! ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей,
Какъ чистая вода прозрачна,
Блистая розовой зарей!

[1] Написано на помолвку княжны Софьи Владиміровны Голицыной за гр. Павла Строганова (ум. 1818 г.), сына Александра Сергѣевича. Графиня Софья Владиміровна прожила до 1845 г. Напеч. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 55, и въ изд. 1808, ч. III, XXV.

Въ рукописяхъ сохранилась первоначальная редакція въ 6-ти стихахъ:

О, коль, Софія, всѣмъ пріятна
Невинна молодость твоя!
Какъ чистое стекло прозрачна,
Какъ утрення заря сквозь воды,
Являешь образъ ты природы
Намъ въ полной красотѣ ея.

Значеніе рисунка: «Въ ручьѣ, съ горъ текущемъ, отражается заря».

ОПИСАНІЕ ПОТЕМКИНСКАГО ПРАЗДНИКА ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ДВОРЦѢ.

Примѣчаніе 1.

По смѣшанной формѣ этого *Описанія* можетъ представиться вопросъ, не справедливѣе ли было бы помѣстить его между сочиненіями Державина въ прозѣ. По нашему мнѣнію, оно болѣе относится сюда, потому что основную часть его составляютъ стихи, написанные къ Потемкинскому празднику. Къ нимъ уже послѣ придѣлано описаніе, на которое можно смотрѣть какъ на комментарій къ стихамъ.

Такъ какъ описанный Державинымъ праздникъ данъ былъ по случаю взятія Измаила (см. выше, стр. 341, оду на этотъ подвигъ), то здѣсь не излишне будетъ упомянуть о впечатлѣніи, произведенномъ на императрицу этимъ событіемъ. «Не Измаилъ», доносилъ ей Потемкинъ изъ Бендеръ, «но армія турецкая, состоящая въ 30-ти слишкомъ тысячахъ, истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ... Болѣе уже 20,000 сочтено тѣлъ, да слишкомъ 7,000 взято въ плѣнъ, а еще отыскиваютъ; знаменъ 310 уже привезено, а еще сообщаютъ; пушекъ будетъ до 300; войски ваши оказали мужество примѣрное и неслыханное *и проч.* Повергаю къ освященнымъ стопамъ в. и. в. командующаго штурмомъ генерала графа Суворова Рымникскаго, его подчиненныхъ, отлично храброе ваше войско и себя».

Поздравляя Потемкина съ этимъ успѣхомъ, Екатерина между прочимъ писала ему въ отвѣтъ: «Измаильская эскалада города и крѣпости съ корпусомъ въ половину противу турецкаго гарнизона, въ ономъ находящагося, почитается за дѣло, едва ли еще гдѣ въ исторіи находящееся, и честь приноситъ неустрашимому россійскому воинству... Дай Боже, чтобы успѣхи ваши заставили Турокъ взяться за умъ и скорѣе заключить миръ... Спасибо тебѣ, мой другъ сердечный и любезный, за всѣ добрыя и полезныя дѣла, тобою подѣланныя, за порядокъ и неустрашимость войскъ: скажи имъ спасибо отъ меня, а о награжденіи себѣ предоставляю говорить по полученіи чрезъ Попова подробности и твои представленія».

Послѣ взятія Измаила Потемкинъ жилъ то въ Бендерахъ, то въ Яссахъ, съ безмѣрнымъ великолѣпіемъ, окруженный дворомъ, какъ государь. Тревожась по поводу разныхъ слуховъ, которые давно доходили до него изъ Петербурга, онъ просилъ у государыни позволенія пріѣхать въ столицу. Екатерина отвѣчала ему, что, какъ всегда, рада его видѣть, но вмѣстѣ напоминала, не упуститъ ли онъ тѣмъ важныя минуты, которыми

можетъ воспользоваться на мѣстѣ для скорѣйшаго возстановленія мира. Поэтому она требовала, чтобъ онъ дождался извѣстій о впечатлѣніи, какое произведетъ въ Царьградѣ взятіе Измаила, и дозволяла ему пріѣхать «съ нами побесѣдовать» только въ такомъ случаѣ, если самъ онъ удостовѣрится, что его отъѣздъ дѣла не испортитъ, а о мирѣ не отдалитъ переговоровъ, или ранняго открытія новой кампаніи не остановитъ. Въ противномъ случаѣ, прибавляла императрица, «нахожусь въ необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дѣлъ и не отлучаться; но, заключа миръ, возвратиться яко миротворецъ, либо, устроя все къ принужденію Турокъ къ оному самыми дѣйствіями, тогда пріѣхать». Потемкинъ, находя, что для дѣлъ была *глухая пора*, пустился въ путь, но передъ выѣздомъ изъ Яссъ не забылъ однакожъ сдѣлать всѣхъ нужныхъ распоряженій для открытія новой кампаніи. 28 февраля 1791 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина, по словамъ Надеждина, приняла его съ прежнимъ радостнымъ лицомъ, съ знаками неизмѣнившейся благосклонности и уваженія, возвысившагося соразмѣрно съ заслугами. Давно уже она подарила ему *Конногвардейскій* домъ, построенный по плану, имъ самимъ избранному. Потомъ онъ продалъ это зданіе въ казну за 460 т. р. Когда же зашла рѣчь о построеніи ему дома, въ награду за его побѣды, онъ снова выпросилъ себѣ это зданіе, слѣдовательно получилъ и домъ и около полумилліона денегъ *.

Новыя милости Екатерины къ Потемкину не могли скрыть отъ него перемѣны, происшедшей въ ея расположеніи; онъ видѣлъ подтвержденіе слуховъ, доходившихъ до него еще въ Молдавіи, о перевѣсѣ вліянія Зубова. Болѣзненная тоска, тайныя предчувствія снѣдали Потемкина. Онъ хотѣлъ какъ будто испытать еще послѣднее средство, чтобы доказать государынѣ, что въ преданности къ ней никто не можетъ съ нимъ сравниться. Онъ задумалъ дать ей въ своемъ Таврическомъ домѣ праздникъ, который неслыханнымъ великолѣпіемъ долженъ былъ затмить всѣ прежнія празднества этого рода (*Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврич.*, Н. Надеждина, Одесса, 1839; *Потемкинскій праздникъ*, изъ рукописи современника, *Москвитян.* 1852 г., № 3; *Словарь достоп. людей*, М. 1836, ч. IV; *Описаніе Спбурга*, И. Пушкарева, ч. I, Спб., 1839, стр. 350; нѣмецкія описанія Петербурга, Георги, Шторха и Реймерса; также выписки изъ бумагъ государственнаго архива).

Приближенные Екатерины нерѣдко угощали ее роскошными пирами. Такъ въ 1776 г. 10 декабря у князя Вяземскаго былъ для царской фа-

* Сперва на этомъ мѣстѣ былъ простой частный домъ Потемкина; потомъ, въ 80-хъ годахъ, послѣ присоединенія Крыма, императрица велѣла архитектору Старову выстроить тутъ домъ, въ которомъ останавливался князь, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, и который, по близости отъ казармъ Конной гвардіи, сталъ называться Конногвардейскимъ, или, позже, по титлу владѣльца, Таврическимъ. Послѣ смерти Потемкина это зданіе, переименованное въ Таврическій дворецъ, въ сентябрѣ 1792 г. поступило въ вѣдѣніе двора и было значительно распространено; императрица всякій годъ стала проводить здѣсь часть весны и осени.

миліи балъ съ театромъ*, и семилѣтняя дочь его сказала при этомъ рѣчь на французскомъ языкѣ (*Спб. Вѣдомости*, 1776, № 104, прибавленіе). Черезъ три года Потемкинъ, по случаю рожденія в. к. Константина Павловича, далъ праздникъ въ *Озеркахъ*. Эта пожалованная любимцу дача находилась на Невѣ, непосредственно за Александро-Невской лаврой. Въ лѣсу были два озера, отъ которыхъ и все мѣсто получило названіе. При Потемкинѣ тутъ явились разныя постройки, именно: на одномъ изъ озеръ великолѣпный увеселительный фрегатъ, въ лѣсу деревянный домъ для баловъ (впослѣдствіи перенесенный на петергофскую дорогу), а близъ берега Невы два стеклянные завода, по смерти Потемкина поступившіе въ собственность казны (см. въ *Географическомъ словарѣ* Щекатова статью: *Озерки*). Въ *сказкѣ* Екатерины *о царевичѣ Февеѣ* есть мѣсто, написанное явно съ мыслью объ этой дачѣ: «Царевичъ, поѣхавъ верхомъ за городъ, мимоѣздомъ невзначай заѣхалъ къ барину *Рѣшемыслу*», подъ именемъ котораго императрица здѣсь разумѣла этого вельможу (см. выше, стр. 170, въ примѣчаніи 1 къ одѣ *Рѣшемыслу*). «Царевичъ», говорится тутъ далѣе, «позавтракалъ у него въ бесѣдкѣ на большомъ *озерѣ:* сидя на лавкѣ, увидѣлъ изъ окна малую лодку» и т. д.

На этой-то дачѣ Потемкинъ, 25 іюня 1779 г.**, устроилъ маскарадъ и балъ съ фейерверкомъ на озерѣ, при чемъ явились разныя новыя изобрѣтенія прихотливаго воображенія, напримѣръ пловучая картина, представлявшая храмъ съ именами членовъ императорскаго дома. Во всю ночь продолжалась иллюминація; аллея отъ большой дороги къ дому освѣщена была горящими гирляндами, по кустамъ развѣшенными; надъ озеромъ видны были разнаго рода зданія, блиставшія разноцвѣтными огнями. Мѣсто, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ, представляло пещеру кавказскихъ горъ (находившихся въ одномъ изъ намѣстничествъ, ввѣренныхъ хозяину); пещера была убрана миртовыми и лавровыми деревьями, между которыми вились розы и другіе цвѣты; ее прохлаждалъ ручей, стремительно падавшій съ вершины горы и разбивавшійся объ утесы, и проч. Во время ужина, устроеннаго по обычаю древнихъ, хоръ пѣвцовъ подъ звуки органа пѣлъ въ честь славной посѣтительницы строфы, составленныя на *эллиногреческомъ* языкѣ; онѣ были переведены по-русски Петровымъ, который пользовался особеннымъ покровительствомъ Потемкина. Какъ подлинникъ, такъ и переводъ стиховъ напечатаны, вмѣстѣ съ описаніемъ праздника, въ *Академич. извѣстіяхъ* (ч. II, 1779 г., іюль, стр. 320; см. также *Соч. В. Петрова*, ч. I, стр. 192).

* Въ представленіи участвовали двѣ дочери Г. Н. Теплова, графъ Вахмейстеръ и князь А. Н. Трубецкой. Играли французскую комедію Les folies amoureuses и потомъ комическую оперу La servante maîtresse. Въ оркестрѣ играли гр. Бриль, А. Г. Тепловъ, кн. Хованскій и др. На столѣ, приготовленномъ для ужина, стоялъ великолѣпный египетскій обелискъ, вверху котораго на серебряномъ щитѣ блистало имя Екатерины II, а вокругъ изображены были времена года. Число гостей простиралось до 80-ти человѣкъ.

** Великій князь Константинъ родился 27 апрѣля этого года.

При всемъ своемъ блескѣ этотъ праздникъ можетъ назваться скромнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, который Потемкинъ далъ въ своемъ Таврическомъ домѣ, въ понедѣльникъ, 28 апрѣля* 1791 года. «Многіе изъ подобныхъ празднествъ, стоившіе рублей по 20 т.», сказано въ рукописи современника, «были только образчики сего великаго празднества». Въ приготовленіяхъ къ нему принялъ участіе и Державинъ, стоявшій тогда на высшей степени своей литературной славы, — сочиненіемъ, по вызову князя, стиховъ для пѣнія на праздникѣ.

Это были четыре *хора*, тогда же и напечатанные отдѣльно въ большую четвертку, безъ заглавнаго листа, безъ означенія года и мѣста печатанія, съ заглавіемъ *Хоры* на 1-й страницѣ, послѣ котораго шли самые стихи въ такомъ порядкѣ: I. *Для концерта* (Отъ крылъ Орловъ парящихъ); II. *Для кадрили* (Громъ побѣды раздавайся); III. *Для польскаго* (Возвратившись изъ походовъ); IV. *Для балета* (Сколь твоими мы дѣлами). Заглавія, означенныя здѣсь курсивомъ, въ подлинникѣ напечатаны красными чернилами. Рѣдкимъ экземпляромъ оттиска этихъ *Хоровъ*, приготовленнаго конечно для раздачи гостямъ на самомъ праздникѣ, мы обязаны служащему при академіи наукъ Н. М. Михайловскому, доставившему намъ и нѣсколько другихъ оттисковъ отдѣльно изданныхъ сочиненій Державина.

Довольный *Хорами*, Потемкинъ послѣ пригласилъ къ себѣ автора обѣдать и просилъ его составить описаніе праздника. Исполнивъ это желаніе вельможи, Державинъ самъ отвезъ ему свою работу; Потемкинъ пригласилъ его было остаться обѣдать; но, прочитавъ тетрадь и увидѣвъ, что въ описаніи нѣтъ никакихъ особенныхъ ему похвалъ и что ему отдана честь наравнѣ съ Румянцовымъ и гр. Орловымъ-Чесменскимъ, избалованный временщикъ разсердился и уѣхалъ со двора, пока Державинъ дожидался въ канцеляріи у секретаря его, В. С. Попова (*Зап. Держ.*, *Рус. Бес.*, стр. 307). Сюда же относится слѣдующее мѣсто изъ *Записокъ Дмитріева* (*Москвитянинъ* 1842 г., № 1, стр. 152): «Державину

* Въ рукописи современника, которою мы часто пользуемся въ этихъ примѣчаніяхъ, днемъ празднества показано 9-е мая. Такъ было дѣйствительно по новому стилю. Это одно уже заставляетъ думать, что неизвѣстный авторъ, писавшій спустя долгое время послѣ событій, справлялся съ иностранными источниками Рукопись окончена, какъ видно изъ заключенія ея, въ 1807 году. Сличеніе рукописи съ извѣстными на другихъ языкахъ сочиненіями, касающимися Потемкина, подтверждаетъ, что въ ней многое извлечено изъ нихъ; такъ и помѣщенное въ ней описаніе Потемкинскаго праздника заимствовано почти въ буквальномъ переводѣ изъ выходившаго въ Гамбургѣ журнала Архенхольца Minerva, изъ декабр. кн. 1800 г., гдѣ помѣщено окончаніе обширной статьи: Potemkin der Taurier. Тамъ днемъ праздника показано именно 9-е мая. Оттуда это описаніе перешло въ сокращенномъ видѣ и въ книжку: Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten. Halle und Leipzig, 1804. Другое, менѣе обстоятельное описаніе праздника находится въ книгѣ Шторха Gemählde von St. Petersburg, изъ которой взято Массономъ въ извѣстные мемуары и Эльмѐномъ, авторомъ шведскаго сочиненія Några underrättelser om Ryssland, Stockholm, 1809.

поручено было отъ князя заблаговременно сочинить, по сообщенной ему программѣ, описаніе праздника*. Знакомство наше началось вмѣстѣ съ этой работою. Почти въ моихъ глазахъ она была продолжаема и окончена. Праздникъ изумилъ всю столицу; описаніе напечатано, но не полюбилось, какъ слышно было, Потемкину, вѣроятно за поэтическую характеристику хозяина, довольно вѣрную, но не у мѣста шутливую».

Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года *Хоры* помѣщены были въ *Московскомъ журналѣ* (ч. II, стр. 281) въ такомъ же порядкѣ, какъ въ упомянутыхъ выше отдѣльныхъ оттискахъ, съ краткими при заглавіяхъ объясненіями и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Карамзина: «Вчера получилъ я сіе стихотвореніе отъ почтеннаго сочинителя и спѣшу оное сообщить читателямъ *Московскаго журнала*. 20 мая. — К.».

Затѣмъ въ томъ же журналѣ, за августъ 1791 г. (ч. III, стр. 115), появились два стихотворныя мѣста изъ описанія праздника, начинающіяся такъ: «Во древни времена такъ боги» и «Не такъ ли лира восхищенна».

Хоры были перепечатаны въ LXVII ч. *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій* (январь 1792). Въ этомъ же изданіи (ч. LXVI, дек. 1791) появился переводъ въ прозѣ написанныхъ по-французски отъ имени Потемкина стиховъ императрицѣ съ изъявленіемъ ей благодарности за присутствіе на его праздникѣ.

Наконецъ, въ апрѣльской книжкѣ *Московскаго журнала* 1792 г. (ч. VI, стр. 3) напечатанъ былъ еще отрывокъ изъ описанія празднества, именно стихи: «Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами» и проч.

Между тѣмъ, около того же времени, т. е. уже по смерти знаменитаго временщика, *Описаніе* его праздника было издано отдѣльною брошюрой въ четвертку (40 страницъ, послѣдняя — бѣлая) съ такимъ заглавіемъ, занимающимъ цѣлую страницу: «Описаніе празднества, бывшаго по случаю взятія Измаила у его св. г. генералъ-фельдмаршала и великаго гетмана кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго, въ присутствіи ея имп. величества и ихъ имп. высочествъ, въ Петербургѣ въ домѣ близъ Конной гвардіи, 1791 г. Апрѣля 28 дня. Въ С. Петербургѣ, съ дозволенія указнаго печатано у I. К. Шнора, 1792 года».

На оборотѣ заглавнаго листа стихи, которые послѣ уже не перепечатывались:

* Здѣсь Дмитріевъ явно ошибается: конечно, Державину было заранѣе поручено написать *хоры* къ празднику; но описаніе самаго его хода могъ онъ составить только послѣ, по воспоминанію того, что самъ видѣлъ. Какъ сказано въ *Запискахъ* его, Потемкинъ и просилъ его о томъ уже послѣ празднества. Есть и другія неточности въ этомъ разсказѣ Дмитріева, который писалъ по памяти. Такъ изъ предыдущаго мѣста *Записокъ* его видно, что онъ познакомился съ Державинымъ нѣсколько ранѣе, во время шведской войны или вскорѣ послѣ окончанія ея, слѣдовательно еще въ 1790 году. Притомъ и описаніе праздника было напечатано только послѣ смерти Потемкина.

Хотя свирѣпая судьбина,
Увы! отъ насъ его взяла,
Исчезли звуки, торжество;
Но не умрутъ его дѣла.
Къ нимъ вспламенявше божество
Жить будетъ ввѣкъ — Екатерина.

Во второй разъ *Описаніе торжества* было напечатано въ изданіи 1808 г., ч. IV, III, съ сокращеніемъ заглавія и съ замѣною приведенныхъ стиховъ, на оборотѣ заглавнаго листа, слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Для сего торжества составлена была кадриль изъ 24 паръ, въ которой удостоили принять участіе ихъ имп. выс. великіе князья, нынѣ царствующій императоръ Александръ Павловичъ и в. к. Константинъ Павловичъ. Прочія особы обоего пола были изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій, и всѣ въ великолѣпнѣйшемъ убранствѣ». Въ экземплярѣ, принадлежавшемъ самому Державину, онъ къ этому примѣчанію приписалъ карандашемъ: «*NB. Надобно спросить имена у Абрамова* *, *хотя не всѣ, но сколько ихъ есть*»...

Для повѣрки и дополненья *Описанія* Державина мы помѣщаемъ въ примѣчаніяхъ соотвѣтствующія мѣста изъ другаго, болѣе полнаго съ фактической стороны описанія праздника, которое было сперва напечатано по-нѣмецки въ Minerva, а потомъ по-русски въ *Москвитянинѣ* (см. нашу выноску на стр. 380). Иногда представляемъ также параллельныя мѣста изъ описанія Шторха.

Стоитъ замѣтить, какъ любопытную черту превратности всего житейскаго, что о великолѣпномъ празднествѣ 1791 года не было упомянуто ни слова въ русскихъ газетахъ того времени, тогда какъ данный тѣмъ же вельможею въ 1779 г. праздникъ, который въ пышности много уступалъ позднѣйшему, удостоился подробнаго описанія какъ въ академическомъ журналѣ, такъ и въ *Спбургскихъ Вѣдомостяхъ* (2-го іюля того же года, № 53). Сколько намъ извѣстно, при жизни Потемкина о знаменитомъ празднествѣ по случаю взятія Измаила печатно на русскомъ языкѣ только и было упомянуто въ *Московскомъ журналѣ*, въ примѣчаніяхъ къ заглавіямъ стиховъ Державина. Причина такого молчанія заключалась конечно въ могуществѣ Зубова.

Приложенный къ *Описанію торжества* рисунокъ, сдѣланный въ оригиналѣ нарочно для нашего изданія, изображаетъ внутренность залы, гдѣ происходилъ праздникъ. Зала до сихъ поръ сохраняетъ свое прежнее устройство.

* Астафій Михайловичъ Абрамовъ былъ «домашній секретарь его, находившійся при немъ въ продолженіе многихъ лѣтъ и остававшійся въ его домѣ по самую смерть свою, согласно завѣщанію Державина» (изъ «Воспоминаній» В. Панаева, *Братчина*, Спб., 1859, стр. 109).

LVII. ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА

ВЪ ДОМѢ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА

ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТІЯ ИЗМАИЛА [2].

Пространное и великолѣпное зданіе, въ которомъ было празднество, не изъ числа обыкновенныхъ. Кто хочетъ имѣть объ немъ понятіе, прочти, каковы были загородные домы Помпея и Мецената. Наружность его не блистаетъ ни рѣзьбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ — его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ и составляетъ его преддверіе. Торжественныя врата съ надписью: «Екатеринѣ Великой», сооруженныя изъ двухъ огромныхъ гранитныхъ и четырехъ яшмовыхъ столповъ, съ позлащенными подножіями и надглавіями, ведутъ изъ притвора въ кругловатый чертогъ, подобный аѳинскому одеуму [3].

Любопытство остановило бы здѣсь осмотрѣть печи изъ лазореваго камня, обширный куполъ, поддерживаемый осмью

[2] Въ изданіи 1808 г. полное заглавіе было слѣдующее: «Описаніе торжества, бывшаго по случаю взятія города Измаила, въ домѣ генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, близъ Конной Гвардіи, въ присутствіи императрицы Екатерины II, 1791 года 28 апрѣля».

[3] или пантеону. Георги, Шторхъ и Реймерсъ называютъ дворецъ Потемкина *пантеономъ*. Въ изд. 1792 г.: *аѳинейскому*.

столпами, стѣны, представляющія отдаленные виды, освѣщенныя мерцающимъ свѣтомъ, который вдыхаетъ нѣкій священный ужасъ; но встрѣчающаяся внезапно изъ осмнадцати столповъ* сквозная преграда, отдѣляющая чертогъ сей отъ послѣдующаго за нимъ, поражаетъ взоръ и удивляетъ. Наверху вкругъ висящіе хоры съ перилами, которыя обставлены драгоцѣнными китайскими сосудами, и съ двумя раззолоченными великими органами раздѣляютъ вниманіе и восторгъ усугубляютъ[4]. Что же увидишь, вступя во внутренность? При первомъ шагѣ представляется длинная овальная зала, или, лучше сказать, площадь, пять тысячъ человѣкъ вмѣстить въ себя удобная и раздѣленная въ длину въ два ряда еще тридцатью шестью столпами[5]. Кажется, что исполинскими силами вмѣ-

[4] «Ввечеру, когда кн. Потемкинъ давалъ празднество, на сей галлереѣ посажено было 300 человѣкъ, составлявшихъ роговую музыку, коя во время прибытія и отъѣзда императрицы играла, попеременно съ голосами пѣвчихъ, хвалу обладательницѣ седьмой части земнаго шара» (рукопись современника, *Москвитян.* 1852, № 3).

[5] «Пусть представятъ себѣ залъ, имѣющій болѣе ста шаговъ длины и соотвѣтственную ширину, обставленный двойною колоннадою колосальныхъ столповъ. Около середины ихъ вышины находятся между этими колоннами ложи, убранныя шелковыми занавѣсами и фестонами. Въ проходѣ, образуемомъ двойнымъ рядомъ колоннъ, висятъ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго кристальные шары, которыхъ освѣщеніе отражается двумя на обоихъ концахъ постановленными зеркалами необыкновенной величины. Въ самомъ залѣ нѣтъ никакого убранства, ни мебели, такъ какъ онъ назначенъ для большихъ празднествъ; но въ обоихъ полукружіяхъ, которыя вдаются въ боковыя стѣны и служатъ окончаніемъ колоннадъ, стоятъ двѣ вазы изъ каррарскаго мрамора, соотвѣтствующія своею огромностью и изяществомъ величинѣ и великолѣпію всего, что ихъ окружаетъ» (Gem. von St. Petersburg, т. I, стр. 61).

«Исправное согласіе вышины съ шириною сего зала и его чрезмѣрною длиною составляетъ мастерское произведеніе зодчаго искусства.

* Въ изданіи 1808 г. *столбовъ*, какъ и выше: *лазуреваго.* Мы въ образованіи этихъ словъ придерживаемся отдѣльнаго изданія 1792 года, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ исправнѣе позднѣйшаго текста.

щена въ ней вся природа. Сквозь оныхъ столповъ виденъ обширный садъ и возвышенныя на немаломъ пространствѣ зданія. Съ перваго взгляда усомнишься и помыслишь, что сіе есть дѣйствіе очарованія, или, по крайней мѣрѣ, живописи и оптики; но, приступивъ ближе, увидишь живые лавры, мирты

Карнизъ онаго опирается на четверномъ рядѣ столповъ изъ бѣлаго вылощеннаго гипса, идущихъ по обѣимъ длиннымъ сторонамъ зала, отъ чего въ немъ происходятъ двѣ узкихъ галлереи, по концамъ которыхъ поставлены другъ противъ друга зеркала чрезмѣрной величины, кои умножаютъ предметы и дальновидность до безконечности. Окна въ семъ залѣ находятся въ двухъ узкихъ сторонахъ, кои оканчиваются окруженіемъ. Отъ сего ожидаемаго недостатка надлежало бъ полагать *, что средина залы должна бъ быть темновата; однакожъ сія часть получаетъ свое освѣщеніе не токмо отъ купола весьма свѣтлаго, но и отъ состоящаго напротивъ зимняго сада, изъ котораго свѣтъ между столповъ достаточно въ залъ падаетъ. Обѣ стороны, въ которыхъ находятся окна, отдѣлены отъ пола нѣсколькими ступенями. Одно изъ сихъ возвышеній, съ котораго императрица во время празднества смотрѣла балетъ, было покрыто драгоцѣннѣйшими персидскими шелковыми коврами. Подъ окнами стояла турецкая софа, во всю стѣну длиною. На возвышеніи противуположномъ находились музыканты. На каждой изъ сихъ эстрадъ стояло тогда по вазѣ изъ бѣлаго каррарскаго мармора, съ отличною рѣзьбою; подножіе оныхъ сдѣлано было изъ сѣраго мармора. Поелику вазы сіи имѣли совершенный размѣръ къ пространству мѣста, въ которомъ находились, то можно заключить о величинѣ оныхъ и драгоцѣнности. Князь Потемкинъ купилъ ихъ изъ оставшаго имѣнія герцогини *Кингстонской* **. Изъ онаго же были и два паникадила изъ чернаго хрусталя, висѣвшія надъ вазами. Въ нихъ находились часы съ весьма искусною музыкою; они куплены за 42 т. рублей. Кромѣ сихъ паникадилъ находились въ залѣ еще 56, повѣшенныхъ отчасти посреди залы, частью же между стол-

* Въ Minerva за декабрь 1800, стр 521—522: Dieser scheinbare Mangel an Helle liess vermuthen и проч.

** «Сія герцогиня Кингстонская, урожденная миссъ *Чодлей*» (не *Гудленъ*, какъ въ *Москвитянинѣ;* въ нѣмецкомъ описаніи, въ Minerva: Chudleigh), «есть самая та, которая извѣстна по странной своей тяжбѣ съ супругомъ, по которой едва не лишилась головы. Она жила долгое время въ С. Петербургѣ, у императрицы, и въ Дрезденѣ, у вдовствующей курфирстины. Она прибыла вторично въ Россію, гдѣ близъ С. Петербурга купила имѣніе: въ ономъ жила и скончалась». Ср. о ней въ одномъ изъ примѣчаній къ пьесѣ: *Ко второму сосѣду*, ниже подъ 1791 же годомъ.

и другія благорастворенныхъ климатовъ древа, не токмо растущія, но иныя цвѣтами, а другія плодами обремененныя. Подъ мирною тѣнію ихъ, индѣ какъ бархатъ, стелется дернъ зеленый; тамъ цвѣты пестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дороги пролегаютъ, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, блистаютъ стеклянные водоемы. Вездѣ царствуетъ весна, и искусство споритъ съ прелестями природы. Плаваетъ духъ въ удовольствіи. Но едва успѣешь насладиться издали зрѣніемъ вертограда, нечувствительно приходишь къ возвышенному на степеняхъ сквозному алтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживаютъ сводъ его. Вокругъ онаго утверждены на подставкахъ[a] яшмовыя чаши, а сверху висятъ лампады и цвѣточные цѣпи и вѣнцы; посреди же столповъ на порфировомъ подножіи съ златою надписью * блистаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ божества, щедротою котораго воздвигнутъ домъ сей **. Единое воззрѣніе на него рождаетъ благоговѣніе и воспламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ. Сколько людей великихъ, смотря на него, изъ почтенія или изъ любочестія прольютъ слезы! Но, можетъ быть, для того, что не легко достигнуть подобнаго

[a] подставахъ (1792).

пами. На каждомъ паникадилѣ въ сей вечеръ горѣло не меньше 16 свѣчъ. Вообще весь залъ казался въ огнѣ и отъ того духота была несносная. Кромѣ восковыхъ свѣчъ горѣло въ немъ 5000 лампадъ. Лампады были отчасти бѣлыя и находились въ опредѣленномъ отстояніи отъ карниза, частью же пестрыя въ подобіе лилей, розъ, тюльпановъ и другихъ крупныхъ цвѣтковъ, кои висѣли между столповъ гирляндами. Дѣйствіе отъ сего освѣщенія превосходило все, что только въ семъ родѣ вообразить можно» (рукопись совр., *Москвит.* 1852, № 3).

* На семъ подножіи надпись: *Матери отечества и мнѣ премилосердой* (Примѣч. Держ.).

** На портикѣ дома надпись: *Отъ щедротъ Великой Екатерины* (Примѣч. Держ.). По свидѣтельству Георги въ его описаніи Петербурга (Versuch einer Beschreibung и проч., Спб. 1790), подъ этою надписью былъ выставленъ годъ построенія дворца, 1784.

обожанія и славы, алтарь сей окруженъ лабиринтомъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ его, между древесными вѣтвями, показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ древности мужей, изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ сосуды, на подножіяхъ возвышенные. На зеленомъ лугу, позади алтаря, стоитъ высокая алмазовидная, обдѣланная въ злато, пирамида. Она украшена висящими гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ цвѣтнопрозрачныхъ каменьевъ составленными. Верхъ ея, изъ каменьевъ же, увѣнчанъ лучезарнымъ именемъ Екатерины II. Симъ блестящимъ памятникомъ хозяинъ хотѣлъ, кажется, изобразить твердость и сіяніе вѣчной славы своея благотворительницы. Лучи солнечные, сквозь стѣнъ, или забралъ стеклянныхъ, ударяя въ него, отражаются, и, преломляясь нѣсколько кратъ въ тѣлахъ столь же прозрачныхъ, такое производятъ радужное сверканіе, котораго описать не можно. Иногда въ самыхъ мрачныхъ тѣняхъ мелькаютъ пурпуровыя и златыя зари. Нельзя лучше представить добродѣтель, разливающую[5] всюду свое сіяніе. За обелискомъ, въ самой глубинѣ вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладезь и купель рѣзная изъ паросскаго мрамора, выше роста человѣческаго[6]. Такія же двѣ

[5] добродѣтели, разливающей.

---

[6] «Къ сторонѣ, противоположной сѣнямъ, примыкаетъ зимній садъ, огромное зданіе, отдѣляющееся отъ зала только описанною сейчасъ колоннадою. Колонны, безъ которыхъ оно по огромности своей не могло бы обойтись, замаскированы тѣмъ, что имъ данъ видъ пальмовыхъ деревьевъ. Тепло поддерживается многочисленными въ стѣнахъ и въ колоннахъ скрытыми печами, и даже подъ поломъ проведены жестяныя трубы, которыя безпрестанно наполняются кипяткомъ» (Gem. von St. Petersburg, ч. I, стр. 63).

«Ничто однако великолѣпіемъ не превосходило зимній садъ, примыкавшій къ большой галлереѣ и въ который входъ былъ изъ круглаго зала между столповъ. Величина онаго была вшестеро больше нежели славнаго

стоятъ по концамъ залы предъ двумя возвышеніями, изъ коихъ на одномъ [в] помѣщается многочисленный хоръ музыки, а на дру-

[в] возвышеніями. На одномъ изъ сихъ возвышеній...

зимняго сада въ Эрмитажѣ императорскомъ; расположенъ былъ оный также въ англійскомъ вкусѣ, но несравненно лучше. Зеленѣющійся дерновый скатъ велъ дорогою, обсаженною цвѣтущими померанцевыми деревьями. Тамъ видимы были лѣсочки, по окружающимъ которые рѣшеткамъ обвивались розы и жасмины, наполняющіе воздухъ благовоніемъ. Въ кустарникахъ видимы были гнѣзда соловьевъ и другихъ поющихъ птицъ... Въ разныхъ мѣстахъ, въ землѣ и въ драгоцѣнныхъ горшкахъ, на марморныхъ и гранитныхъ подножіяхъ, видимы были въ семъ садѣ рѣдчайшіе кустарники и растенія. Прохожи, иностранными деревьями обсаженныя, срослись между собой столько плотно, что и днемъ въ нихъ было темновато. Печи, которыхъ для зимняго сего сада потребно было не мало, скрыты были за множествомъ зеркалъ, одинакой величины и цѣны чрезвычайной. На дорожкахъ сего сада и на малыхъ дерновыхъ холмочкахъ видимы были на марморныхъ подножіяхъ вазы изъ того же камня, но другаго цвѣта, либо истуканы изъ бѣлаго мармора, представлявшіе Геніевъ, отчасти вѣнчающихъ, частью же отправляющихъ жертвоприношеніе передъ бюстомъ императрицы... Въ травѣ стояли великіе изъ лучшаго стекла шары, наполненные водою, въ которыхъ плавали золотыя и серебряныя рыбки. Посрединѣ сада возвышался храмъ простаго, но размѣрнѣйшаго устроенія. Его куполъ, возвышавшійся до самаго потолка сего сада, искуснѣйшею рукою и обманчиво расписаннаго подъ видъ неба, и способствовавшій къ поддержанію потолка, опирался на 8 столпахъ изъ бѣлаго мармора. Въ ономъ по ступенямъ изъ сѣраго мармора былъ входъ къ жертвеннику, служившему подножіемъ изображенію императрицы, изсѣченному изъ бѣлаго мармора. Императрица представлена была въ царской мантіи, держащая рогъ изобилія, изъ котораго сыпались орденскіе кресты и деньги *. На жертвенникѣ было подписано: «Матери отечества и моей благодѣтельницѣ». Здѣсь равномѣрно разставлены были лампады, имѣющія подобіе цвѣтовъ, фестонами около столповъ какъ бы обвитыя. Позади храма находилась великолѣпная лиственная бесѣдка; внутреннія стѣны оной состояли изъ зеркалъ; въ день же празднества наружныя рѣшетки были украшены пестрыми лампадами, въ подобіи яблокъ, грушъ и виноградныхъ гроздовъ. Далѣе, въ день празднества

* Эта статуя, по словамъ Реймерса (St.-Petersburg и проч., Спб., 1805, ч. I, стр. 332), была впослѣдствіи переведена въ академію художествъ.

гомъ избраннѣйшая бесѣда. Для прочихъ гостей устроены между столповъ ложи. Вездѣ виденъ вкусъ и великолѣпіе; вездѣ торжествуетъ природа и художество; вездѣ блистаетъ граненый

садъ весь былъ еще несравненно болѣе обыкновеннаго украшенъ. Всѣ окна онаго прикрыты были искусственными пальмовыми и померанцевыми деревьями, коихъ листья и плоды представлены были изъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Другіе искусственные плоды въ подобіи дынь, ананасовъ, винограда и арбузовъ въ приличныхъ мѣстахъ сада были представлены также изъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Для услажденія чувствъ скрытыя курильницы издыхали благовонія, кои смѣшивались съ запахомъ цвѣтовъ померанцевыхъ и жасминныхъ деревьевъ и испареніями малаго водомета, бьющаго лавандною водою. Между храмомъ и лиственою бесѣдкою находилась зеркальная пирамида, украшенная хрусталями, на верху которой блистало имя императрицы, поддѣланное подъ брильянты и отъ котораго исходило во всѣ стороны сіяніе. Близъ оной стояли другія менѣе огромныя пирамиды, на которыхъ горѣли трофеи и вензеловыя имена наслѣдника престола, его супруги и обоихъ великихъ князей, составленныя изъ фіолетовыхъ и зеленыхъ огней. Въ сей только вечеръ окна зимняго сада были скрыты; въ прочее время были то двери, вводящія въ воздушный садъ Таврическаго дворца. Потемкинъ, хотя расположилъ сей садъ съ самаго начала *, но впослѣдствіи съ невѣроятными издержками довелъ до чрезвычайнаго степени совершенства. Выгодное мѣстоположеніе онаго придавало ему много цѣны, а пособіе искусства и еще оную возвысило. Сравняли мѣсто, сняли пригорки, гдѣ онымъ по плану быть не надлежало, насыпали новые холмы для услажденія зрѣнія дальновидностями. Прямымъ путемъ протекавшей рѣчкѣ дали теченіе извилистое и вынудили изъ ней низвергающійся водопадъ, который упадалъ въ марморный водоемъ. Построены великолѣпные мосты изъ желѣза и мармора; множество истукановъ и памятниковъ находилось еще въ работѣ. Въ намѣреніи томъ, чтобы изъ дома и сада можно было оглядывать прелестныя дальновидности, приказалъ князь Потемкинъ наскоро и внѣ окружности двора своего построить павиліоны и подобное; все сіе какъ волшебствомъ изъ земли возникло. Словомъ сказать, онъ употребилъ все къ содѣланію мѣста сего пріятнѣйшимъ жилищемъ. Во время послѣдняго праздника ввечеру весь садъ освѣщенъ былъ великолѣпнѣйшимъ образомъ, а воды украшены гондолами (рукоп. совр., *Москв.*).

* По-нѣмецки въ Minerva (стр. 529): «Potemkin hatte ihn zwar erst angelegt»... Это значитъ: *хотя садъ былъ разведенъ только Потемкинымъ*, т. е не прежде вступленія его во владѣніе мѣстомъ.

кристаллъ, бѣлый мраморъ и зеленый цвѣтъ, толико глазамъ[г] пріятный. По приличности висятъ цвѣточные вязи и вѣнцы, а по надобности лампады и фонари. Невѣроятной величины зеркала! Всѣ они индѣ предметы[д] усугубляютъ, индѣ увеличиваютъ, а индѣ удаляютъ и умаляютъ. Притомъ сладкогласное пѣніе птицъ, пріятное благовоніе ароматовъ, содѣлывая сіе жилище нѣкоею новою поднебесностію или волшебною страною, заставляютъ каждаго въ восторгѣ самого себя вопрошать: не се ли Эдемъ?— Кромѣ торжественныхъ вратъ, еще четырьмя большими дверями проходятъ изъ сего чертога, однѣми во внѣшній садъ, а другими въ прочіе покои. Хотя по множеству оныхъ, пространству и богатымъ приборамъ, приличнымъ болѣе роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая ихъ въ единой токмо[е] блаженной природѣ; однако въ изумленіи своемъ чаешь быть въ цвѣтущей Греціи, гдѣ одеумъ, лицея, стадіи, экседры и театры изъ разныхъ городовъ и мѣстъ собрались и въ одномъ семъ зданіи воскресли. Тамъ отдѣлено довольное пространство, гдѣ мужественная юность можетъ упражняться въ военныхъ тѣлодвиженіяхъ и прочихъ гимнастическихъ играхъ; здѣсь любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія. Тамъ плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаэля, Гвидо-Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всея Италіи; здѣсь эстампы съ оныхъ взоры привлекаютъ. Тамъ азіятской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ; здѣсь европейскіе драгоцѣнные ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ; здѣсь обсаженная древами прямовидность представляетъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ

[г] очамъ.
[д] ..зеркала всѣ сіи предметы индѣ...
[е] только.

собирать академію и преподавать свою философію. Словомъ, для всякаго возраста, пола и состоянія находятся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждаго, съ пріятностію время препроводить можно. Вездѣ достаточная и пристойная услуга, рѣдкая утварь, всего обиліе; и если бы какой властелинъ всемощнаго Рима, преклоня подъ руку свою вселенную, пожелалъ торжествовать звуки своего оружія или отплатить угощенія своимъ согражданамъ: то не могъ бы для празднества своего создать бо̀льшаго дома или лучшаго великолѣпія представить. Казалось, что все богатство Азіи и все искусство Европы совокуплено тамъ было къ украшенію храма торжествъ Великой Екатерины. Едва ли есть нынѣ гдѣ такой властитель ж, которому бы толь обширное зданіе жилищемъ служило.

Великолѣпные чертоги
На столько разстоятъ локтяхъ,
Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги
Едва въ ихъ слышится концахъ.
Надъ возвышенными стѣнами,
Какъ небо, наклонился сводъ;
Между огромными столпами
Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ[7].

ж Едва ли есть нынѣ частный человѣкъ

---

[7] «По обѣимъ сторонамъ при входѣ въ залъ изъ ротонды подѣланы были ложи, драпированныя драгоцѣннѣйшими матеріями и внутри украшенныя великолѣпно. Подъ сими ложами находились входы въ четыре ряда комнатъ и залъ, которыхъ окна были отчасти на дворъ, частью же въ садъ, а отчасти видимы изъ оныхъ были отдаленности и берега Невы. Сіи комнаты украшены были драгоцѣнными обоями и картинами, купленными изъ оставшаго имѣнія послѣ герцогини Кингстонъ; комнаты и приборъ соотвѣтствовали богатству и могуществу хозяина. Особливо же тѣ изъ сихъ комнатъ, въ которыхъ въ сей вечеръ императрица и великая княгиня играли въ карты, великолѣпіемъ превосходили всѣ другія. Обиты оныя были обоями гобелинскими; софы и стулья въ нихъ стоили 46 т. рублей» (рукоп. современника, *Москвит.*).

Если домъ по сему описанію заслуживаетъ вниманіе, то празднество, бывшее въ немъ, еще болѣе[8].

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію великой государыни и ихъ высочествъ и по нарочному зву знатнаго обоего пола дворянства, къ 6-ти часамъ по полудни всѣ собралися. Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы, но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы, безъ сомнѣнія, пригласить такое же или еще большее число[3] гостей. Наконецъ прибылъ дворъ. Въ самое то время, на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, взыграли трубы, и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу всемилостивѣйшей обладательницы: простосердечное *ура* наполняло воздухъ. Самая лучшая похвала доброму государю — радостный кликъ его народа[9]. Подъ симъ гла-

[3] или еще большее количество. Наконецъ...

---

[8] «Тысячи художниковъ и работниковъ занимались нѣсколько недѣль приготовленіями и распоряженіями къ сему празднеству. Три тысячи особъ придворныхъ и прочихъ въ городѣ приглашены были чрезъ билеты, разосланные съ офицерами; безъ сихъ билетовъ трудно было пройти только сначала. Потемкинъ прибылъ въ Таврическій дворецъ заблаговременно. Онъ имѣлъ на себѣ въ сей день алый фракъ и епанчу изъ черныхъ кружевъ, стоящую нѣсколькихъ тысячъ рублей. Всюду, гдѣ только на мужскомъ одѣяніи можно было употребить брильянты, оные блистали. Шляпа его была оными столько обременена, что трудно стало ему держать оную въ рукѣ. Одинъ изъ адъютантовъ его долженъ былъ сію шляпу за нимъ носить» (рукоп. совр., *Москв.*). «Это былъ нынѣшній генералъ-лейтенантъ *Боуръ*», прибавлено въ Minerva.

[9] «Въ 6 часовъ съ полудни ожидали императрицу. Но до прибытія еще ея, по неосторожности, произошелъ безпорядокъ, который продолжался и въ самое прибытіе монархини. Въ сей день назначенъ былъ отъ Потемкина праздникъ для народа на площади передъ Таврическимъ дворцомъ. Построены тутъ были не только качели разнаго рода, но и

сомъ искренности хозяинъ встрѣтилъ высочайшихъ своихъ посѣтителей въ подобающемъ августѣйшему ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданническаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячъ гостей на священныхъ императорскихъ особъ, вступившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище [10].

Во древни времена такъ боги
На олимпійски торжества,
Оставя горніе чертоги
И свѣтлы троны божества,

торговыя лавки, изъ которыхъ назначено было раздавать народу безденежно платья, чулки, шляпы и т. п., также вареную и невареную пищу и разные напитки. По распоряженію надлежало сему начаться въ то время, когда императрица будетъ проѣзжать. Однакожъ по ошибкѣ сочли экипажъ нѣкоего вельможи, сходный къ придворному, за карету самой императрицы и подали знакъ къ началу народнаго празднества. Началось замѣшательство: подарки и прочее расхватали, толпяся столько, что экипажи императрицынъ и прочіе принуждены остановиться и простоять болѣе $1/4$ часа» (рукоп. совр., *Москв.*). Въ Minerva прибавлено къ этому слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Этотъ безпорядокъ произошелъ по винѣ полиціи. Государыня, понявъ тотчасъ настоящую его причину, подозвала къ своему экипажу оберъ-полиціймейстера Рылѣева, человѣка весьма ограниченнаго, про котораго разсказываютъ много самыхъ пошлыхъ анекдотовъ. Въ этомъ прекрасномъ порядкѣ, сказала она иронически, я совершенно узнаю васъ. Но онъ, принявъ это вовсе нелестное замѣчаніе за похвалу себѣ, отвѣчалъ очень развязно: *Радуюсь, что имѣлъ счастіе заслужить удовольствіе вашего императорскаго величества*». По видимому, ошибка, подобная происшедшей въ день Потемкинскаго праздника, не легко можетъ быть устранена въ случаяхъ этого рода: такое же замѣшательство произошло въ наше время на народномъ праздникѣ, приготовленномъ въ Москвѣ, на Ходынкѣ, по поводу торжества коронаціи нынѣ царствующаго Государя Императора.

[10] «Напослѣдокъ прибыла императрица съ великими княжнами Александрою Павловною и Еленою Павловною; великій князь наслѣдникъ и супруга его вышли къ ней на встрѣчу, а Потемкинъ принималъ монархиню изъ кареты» (рукоп. соврем., *Москвит.*).

Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
Сіяніе лучей своихъ.
Среди народнаго собора
Священное прибытье ихъ
Подобно такъ же познавалось,
Какъ сходитъ къ намъ когда заря:
Роптанье вѣтровъ укрощалось,
Румянились эѳиръ, моря;
Вниманье на горахъ блистало,
Поля лобзала тишина.
Все бренно естество молчало,
Смотря, какъ шествуетъ она;
Ея улыбка разливала
На всю природу блескъ и свѣтъ[11].

Какъ скоро высочайшіе посѣтители соизволили возсѣсть на пріуготовленныя имъ мѣста, то вдругъ загремѣла[и] голосовая и инструментальная музыка, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшая[i]. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы.

[и] мѣста, загремѣла вдругъ голосовая . . .
[i] состоящая.

---

[11] Сравненіе съ богами, которымъ начинаются эти стихи, было совершенно въ духѣ времени. На праздникѣ, бывшемъ въ 1776 году у князя Вяземскаго (см. выше, стр. 379, примѣч. 1), малолѣтняя дочь его сказала присутствовавшимъ особамъ императорской фамиліи такую рѣчь, конечно не ею сочиненную: «Il me semble que ce palais se transforme en un temple consacré à vos noms augustes. Chers objets de nos voeux, vous êtes nos divinités; oui, je vois Minerve, déesse de la sagesse, des sciences et des arts; Phébus, dieu de la lumière, et Hébé, ornement de l'empire: vous quittez l'Olympe pour embellir ces lieux; vous nous inspirez cette extase divine et cette joie céleste que les dieux seuls ont le pouvoir de produire» и проч.

Эти стихи Державина въ первый разъ были напечатаны въ *Москов. журналѣ* (см. выше стр. 381).

Выступилъ отъ алтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Они одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ брильянтовъ на нихъ считалось болѣе, нежели на десять милліоновъ рублей[к]. Сіе младое и избранное общество[л] тѣмъ большій возбудило въ Россіянахъ восторгъ, что государи великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи удостоили сами быть въ ономъ. Видѣли Россіяне[м] соприсутствующую веселію ихъ любезную матерь отечества, кроткую и мудрую свою обладательницу; видѣли при ней мужественнаго ея сына и достойную его супругу, украшенныхъ всѣми добродѣтелями; видѣли младыхъ ихъ чадъ, великихъ князей и княженъ, радостную и твердую надежду будущаго имперіи блаженства, а притомъ послѣднихъ въ сообществѣ съ дѣтьми ихъ. Какою радостію, какимъ восторгомъ наполняло сіе ихъ чувства и что изображалося на ихъ то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того никакое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть[н] и чувствовать. Сія великолѣпная кадриль, такъ сказать, изъ юныхъ Грацій, младыхъ полубоговъ и героевъ[о] составленная, открыла балъ польскимъ танцемъ. Громкая музыка его сопровождаема была литаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ польскаго же были слѣдующія:

[к] считалось на десять милліоновъ рублей.
[л] сообщество.
[м] Видѣли они.
[н] только видѣть сіе.
[о] героевъ россійскихъ

ХОРЪ I *.

Громъ побѣды, раздавайся! 1.
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Воды быстрыя Дуная 2.
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Ужъ не могутъ орды Крыма 3.
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ Луной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

* Музыка ко всѣмъ хорамъ, кромѣ VI, сочиненія г. Козловскаго (Примѣч. Держ.). Библіографическія замѣчанія о хорахъ, пѣтыхъ на этомъ праздникѣ см. выше, стр. 381.

Въ *Запискахъ Булгарина* (ч. I, стр. 233) сказано по поводу этого хора: «Кто не зналъ въ свое время полонеза О. А. Козловскаго съ хорами, сочиненнаго на торжество, данное княземъ Потемкинымъ» и проч... «*Говорили*, что слова сочинилъ Державинъ. Въ этомъ полонезѣ есть стихи:

Воды *грознаго* Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ.

«Эти стихи тогда были только предсказаніемъ, потому что воды грознаго Дуная попали въ наши руки уже при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, начертавшемъ предѣлы Россіи по устье Дуная».

Стонъ[п] Синила* раздается 4.
Днесь въ подсолнечной вездѣ;
Зависть и вражда мятется
И терзается въ себѣ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Мы ликуемъ славы звуки, 5.
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенной мы простерть.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри, премудрая царица, 6.
Зри, великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница —
Нашъ законъ, душа одна.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри на блещущи соборы[12], 7.
Зри на сей прекрасный[р] строй:

[п] Звукъ Синила.
[р] Зри на красный этотъ строй.

---

[12] Зри на блещущи соборы.
Въ первоначальномъ текстѣ слѣдовалъ за этимъ куплетомъ еще одинъ:
Зри, монархъ, и утѣшайся
На побѣдъ твоихъ вѣнецъ;
Зри, о мать! и восхищайся
На любовь къ тебѣ сердецъ.
Славься *и проч.*

* Древнее названіе Измаила (Примѣч. Держ.). Ср. выше стр. 350.

Всѣхъ сердца тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

ХОРЪ II.

Возвратившись изъ походовъ, 1.
Принеся съ собой трофей,
Среди звуковъ, среди громовъ
Плодъ побѣды вы своей
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, честію вѣнчанны!
Торжествуйте, ликовствуйте,
Наполняйте плескомъ свѣтъ!
Всей вселенной доказуйте,
Что храбрѣй васъ въ свѣтѣ нѣтъ;
Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе
Васъ, царямъ своимъ вѣрнѣе!

Вы, въ поляхъ ли гдѣ сражались, 2.
Били тысячи вы стомъ;
На моряхъ ли въ бой пускались,
Флоты рушили огнемъ.
Гдѣ вы грады осаждали,
Страшны стѣны ихъ упали,
Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
Раздалася слава въ свѣтъ,
Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
Сопротивника днесь нѣтъ;
Нѣтъ имъ спорника во брани,
Рвутъ вездѣ ихъ лавры длани.

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ, 3.
Исторженныхъ у враговъ;
Вамъ, Россіянки, даруемъ
Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
Раздѣляйте съ нами славу;
Честь, утѣхи и забаву
Раздѣляйте; одобряйте
И впередъ къ побѣдамъ насъ;
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашъ надъ нами силенъ гласъ;
За одинъ вашъ взглядъ любови
Лить мы рады токи крови.

За одну твою щедроту, 4.
За одинъ твой кроткій взглядъ
Сердце, душу, жизнь, охоту
Россъ принесть на жертву радъ.
О любезна мать народа!
Вѣрь, что щедрая природа
Съ тѣмъ тобой насъ наградила,
Чтобы звучны чудеса [c]
Съ храбрымъ Россомъ ты творила.
Продолжите, небеса,
Продолжите ея лѣта
Къ удивленію вы свѣта [т]!

[c] Чтобъ ты звучны чудеса
Съ храбрымъ Россомъ сотворила.
[т] Къ удивленью всего свѣта.

Расположеніе пляски всей кадрили, которая чрезъ нѣсколько колѣнъ польскаго прерывалась контратанцами, было изобрѣтенія самого хозяина. Славный Пикъ искусствомъ своимъ сообщилъ ей всю пріятность, какъ въ важныхъ, такъ и въ весе-

лыхъ тѣлодвиженіяхъ[13]. Что вы предъ симъ, буйныя, пьянственныя и шутовскія позорища! что вы предъ симъ?

Не такъ ли лира восхищенна*, 1.
Въ Пиндаровы цвѣтущи дни,
Была при торжествахъ почтенна,
И онъ, возсѣдшій пальмъ въ тѣни,
Вѣнцомъ покрытый, багряницей[y],
Передъ премудрости царицей
Дѣла своихъ героевъ пѣлъ,
Рукой златыя движа струны?

[y] Покрытъ вѣнцомъ и багряницей.

---

[13] «Дворъ промедлилъ нѣсколько времени въ ротопдѣ; послѣ сего императрица съ высочайшею фамиліею перешла на эстрадъ галлереи. Вскорѣ послѣ сего предстали 24 пары танцовщиковъ изъ благородныхъ знаменитѣйшихъ фамилій, на отборъ прекраснѣйшихъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, украшенномъ брильянтами. Полы отличены были голубыми и розовыми перевязями. Предводительствовали оными молодые великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ и принцъ виртембергскій, братъ великой княгини, ихъ родительницы». (Этотъ любезный принцъ, прибавлено въ Minerva, умеръ въ русской службѣ отъ послѣдствій паденія съ лошади. — См. о немъ въ примѣчаніяхъ къ одѣ *Водопадъ*, подъ этимъ же годомъ). «Они танцовали съ отличнымъ искусствомъ очень трудный балетъ, сочиненія г. Пика; при окончаніи онаго отличилъ себя сей славный танцовщикъ соломъ» (рук. совр., *Москв.*). На счетъ Пика (Le Picq), упомянутаго и въ текстѣ, прибавимъ, что на немъ и на Канціани (Canziani) лежала композиція балетовъ и танцевъ и что онъ сверхъ того былъ первымъ танцовщикомъ соло. Ему положено было 6 т. рублей жалованья; Канціани получалъ 5 т. (Gemählde von St. Petersburg, Спб. 1793 г., т. II, стр. 335). «Ле-Пикъ», замѣчено въ Minerva, «соединялъ грацію съ самой привлекательной наружностью, но въ 1791 году онъ былъ уже такъ старъ, что не могъ танцовать съ прежнимъ совершенствомъ. Онъ славился уже въ 1768: тогда его выписали изъ Парижа въ Дрезденъ по случаю празднества бракосочетанія саксонскаго принца».

* О первомъ напечатаніи этихъ стиховъ см. выше, стр. 381.

Какіе сладкіе перуны!
Какой огонь отъ нихъ летѣлъ!

Подъ поражающимъ согласьемъ 2.
Его пріятныхъ сердцу стрѣлъ,
Орелъ, нагнувъ на перси выю,
И млечнымъ облакомъ сокрывъ
Въ полъ-яблока зѣницы быстры,
Хребтомъ пернатымъ тихо зыблясь,
Дремалъ, казалось, близъ его,
Спустивъ свои на розы крылья;
Но нерастлѣнно нѣгой сердце
И духъ его парилъ у звѣздъ.

И самыя забавы, 3.
И самая любовь
Наукой были славы
И къ подвигамъ жгли кровь
Души благорожденной.
Что слухъ внялъ восхищенный,
Что зрѣлъ прельщенный взоръ,
То юность вся твердила
И по домамъ своимъ,
По тѣмъ стезямъ ходила,
Что пѣлъ піита имъ
И что гремѣлъ ихъ хоръ.

Онъ пѣлъ имъ витязей ристанье 4.
И крики на коней возницъ,
И молній по мечамъ блистанье,
И пыль столпомъ отъ колесницъ;
Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы,
Желаніе честей и славы,

И къ общему любовь добру;
Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
Вдыхалъ къ порокамъ омерзенье,
Мздоимну злату, серебру.

Сѣдые старцы, преклоненны 5.
Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
Внимая добродѣтель чтиму,
Струили токъ блестящихъ слезъ.
Пріятно было имъ то слышать,
Что хвалятъ добры ихъ дѣла;
Но сердцу ихъ еще стократъ
Того милѣй и слаще было,
Что тотъ же на сынахъ ихъ виденъ
Былъ знакъ ко славѣ страстныхъ душъ.

Минерва съ Марсомъ зрѣли 6.
На юношъ полкъ младыхъ,
По взорамъ разумѣли
Свою породу въ нихъ;
И чрезъ лѣта толики
Кто Александръ Великій,
Кто будетъ Константинъ;
Божественные взгляды
Свою читали честь
И весь въ нихъ блескъ Эллады:
Тотъ громы къ Персамъ несть*,
Сей вновь построитъ Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіи танцы кадрили сопровождались громкою музыкою и хорами, воспѣвавшими побѣды, кажется, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобы по примѣру древ-

* Тотъ громы будетъ несть.

нихъ возбуждать юношество къ славѣ. Пріятно было видѣть нѣкоторыхъ младыхъ людей, столько симъ тронутыхъ, что слезы у нихъ на глазахъ являлись[x].

Что принадлежитъ до прекраснаго пола, то развѣ только Анакреонъ изобразилъ бы всѣ его прелести.

Нѣжный, нѣжный воздыхатель *и проч.* *

Въ продолженіе танцевъ августѣйшая гостья, оказавъ свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланный коврами и обитый драгоцѣнными тканями. Здѣсь на стѣнахъ изображена исторія персидскаго вельможи Амана и Мардохея Израильтянина. Истканіе толь[ц] живо, что, кажется, слышенъ гласъ послѣдняго:

И если я не милъ того вельможи оку[14],
Ты вѣдаешь, могу ль я быть рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все, о кроткая Эсѳирь,
Владычица сердецъ и красота порфиръ!

[x] что слезы у нихъ навернулись.
[ц] Тканіе столь...

[14] И если я не милъ того вельможи оку.

Здѣсь разумѣется бывшій начальникъ Державина, генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, который теперь вредилъ ему при производствѣ дѣлъ въ сенатѣ. Поэтъ съ намѣреніемъ помѣстилъ тутъ эти стихи, чтобъ намекнуть на вельможъ, подобныхъ Аману. Эсѳирь, которая отъ притѣсненій послѣдняго защищала Мардохея, представляетъ здѣсь Екатерину II, бывшую на сторонѣ Державина (*Об.* Д.). Ср. выше, стр. 220 примѣч. 11 къ одѣ *На смерть графини Румянцовой.*

* Это стихотвореніе помѣщается нами отдѣльно, подъ заглавіемъ *Анакреонъ въ собраніи*, вслѣдъ за настоящимъ *Описаніемъ*, на томъ основаніи, что оно уже и въ изданіи 1808 г. занимаетъ подъ тѣмъ же заглавіемъ особое мѣсто. Но затѣмъ мы считаемъ излишнимъ включать его еще и въ этотъ разсказъ, какъ сдѣлано въ помянутомъ изданіи.

Судьба на тронъ тебя съ тѣмъ царскій возводила,
Чтобъ милость ты и судъ на тронѣ воцарила,
Невинность бы спасла, низвергла бъ клевету,
И сердце нѣжное и духа высоту,
Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
Ты мудростью бъ примѣръ мужей великихъ стала!

Между тѣмъ какъ, разсматривая здѣсь обои, воображеніе мечтало сіе, или что-либо сему подобное, разумъ съ почтеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію, и который подобными нравоучительными бытіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей[ч], золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахромами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ[15]. Онъ былъ какъ бы живъ, и поставленъ нарочно на стражѣ у Ассуира, предъ которымъ происходила помянутая исторія. Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представленія[16]. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному высочайшихъ своихъ посѣтителей и пригласилъ прочихъ го-

[ч] тогда подлѣ сей комнаты въ другой.

---

[15] «Въ одномъ изъ сихъ покоевъ находился славный золотой слонъ; были то средней величины часы, стоявшіе передъ зеркаломъ на марморномъ столѣ. Часы самые служатъ подножіемъ маленькому слону, обвѣшанному малозначущими дорогими каменьями, на которомъ сидитъ арапъ» (рукоп. совр., *Москвит.*).

[16] «Между тѣмъ начало смеркаться; Потемкинъ поспѣшилъ ввести императорскую фамилію въ театръ, устроенный въ одномъ пространномъ залѣ дворца, куда послѣдовала и часть гостей, сколько дозволяло пространство мѣста. Здѣсь представлены были двѣ французскія комедіи и два балета (рукоп. совр., *Москвит.*). Комедіи назывались: «Les faux amants» и «Le marchand de Smyrne» (Minerva). Замѣтимъ, что Державинъ послѣднюю пьесу называетъ балетомъ.

стей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензеловое имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу [ш], они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія [щ]. Балетъ препровождаемъ былъ музыкою и пѣніемъ.

ХОРЪ III.

Сколь твоими чудесами,
Взгляда твоего лучами,
Именемъ твоимъ блаженны!
Сколь тобой мы восхищенны [ъ]!
Зри на наши ты днесь лица,
Кроткая небесъ зѣница [ы]!
Гдѣ твое лишь имя, взоры
Намъ возблещутъ, — пѣсни, хоры [ь]
Тамъ повсюду раздаются,
Восклицанія несутся:
Всѣхъ съ тобой [ѣ] мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

За симъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести россійскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна политическаго нашего состоянія! Давно

[ш] благотворящему.
[щ] ихъ чувствованія.
[ъ] И душами восхищенны.
[ы] Наша мать императрица.
[ь] Громы, звуки, плески, хоры.
[ѣ] Всѣхъ тобой.

ли Украйна и низовыя[э] мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ ордъ? давно ли? О, коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ. О потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины. Она рекла:

Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ грады[17];
Крылаты Этны по морямъ[18]
Текли съ Орловымъ до Эллады:
Они три свѣта потрясли[19].
Подобны лавры возрасли
И днесь Потемкина рукой.
Коль силенъ духъ ея средь боевъ!
Коль онъ вездѣ великъ собой!
Онъ маніемъ творилъ героевъ,
Которыхъ въ поздни времена
Дѣянья, память, имена

[э] понизовыя.

---

[17] Создалъ Румянцовъ ... ходящи громомъ грады.

Румянцовъ для защищенія нашей арміи отъ многочисленныхъ турецкихъ силъ ввелъ въ употребленіе карè, которыя дѣйствовали артиллеріею и съ большою выгодою замѣнили тяжелыя рогатки, только замедлявшія движеніе войска при Минихѣ.

[18] Крылаты Этны по морямъ...

«Крылатыми Этнами назвалъ первый г. Петровъ военные корабли». (*Об.* Д.). Въ одѣ Петрова *На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ* (1770) находится стихъ (13-й):

Я зрю пловущихъ Этнъ побѣдоносный строй.
(*Соч. В. Петрова*, Спб., 1811, ч. I, стр. 61).

[19] Они три свѣта потрясли.

Средиземное море касается Европы, Азіи и Африки (*Об.* Д.).

Гремящей славой будутъ вѣчны,
Грозой стихіевъ непресѣчны[ю].

Уже наступила ночь, и когда изъ театра возвращалися въ залу, предвозвѣщено было концертомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище:

ХОРЪ IV.

От крылъ Орловъ парящихъ[20]
По югу воетъ шумъ:
Погрязли въ морѣ флоты;
Легли въ поляхъ полки;
Съ холмовъ низверглись грады,
Затмилася Луна;
Подъ росскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

Владычица полсвѣта,
Россіянъ храбрыхъ мать!

[ю] Стихій грозою непресѣчны.

---

[20] Отъ крылъ Орловъ парящихъ

Этотъ хоръ, по размѣру и числу строфъ, подобенъ тому, который пѣтъ былъ на первомъ праздникѣ Потемкина въ 1779 году (см. выше, стр. 379). Мы видѣли, что тогда слова приготовлены были не на одномъ русскомъ, но и на новогреческомъ языкѣ и что русскія слова написалъ Петровъ. Почему Потемкинъ въ этотъ разъ обратился за стихами уже не къ Петрову, къ которому онъ однакожъ особенно благоволилъ, а къ Державину, это легко объясняется тогдашнею поэтической славой послѣдняго. Въ его бумагахъ этотъ хоръ написанъ съ поправками его руки на полулистѣ, на оборотѣ котораго переписаны и стихи Петрова подъ заглавіемъ: *Ода, пѣтая на маскарадѣ въ Озеркахъ*, 1779 * г.

* Въ изданіи соч. Петрова (Спб. 1811, т. I, стр. 192) при этихъ стихахъ ошибочно показанъ 1780 годъ.

Въ богоподобной славѣ,
Въ сіяньи благъ твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на понтъ,
Благоволи приникнуть
На сонмъ твоихъ побѣдъ.

Воззри, какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни,
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ твои сыны.
Мое жъ къ тебѣ усердье,
Коль можно бъ съ чѣмъ сравнить,
Давно бъ тебѣ вселенна
Воздвигнула алтарь.

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что жъ представилось? Сама августѣйшая императрица вопрошаетъ: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были»? Сто тысячъ лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристаломъ, наполненнымъ возжженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненыя паникадила и фонари, висящіе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни какъ жаръ горятъ, а другіе какъ воды переливаются и, совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сіяніе, все покрывали свѣтозарностію[21]. Какой блескъ! Волшебные замки Шехеразады! сравнитесь ли вы съ симъ храмомъ, унизаннымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безсмертные пѣвцы хра-

[21] «Театральное представленіе было съ намѣреніемъ протянуто, чтобъ выиграть время къ довершенію освѣщенія. Все готово было, когда императрица выходила изъ театра. Считаютъ, что въ сей вечеръ горѣло 140 тысячъ лампадъ и 20 тысячъ свѣчъ восковыхъ» (рукоп. соврем., *Москвит.*).

мовъ вкуса и славы*! почто вы не видали сего великолѣпія?— Что я вижу? тутъ играетъ яркій и живый лучъ, и какъ бы зноемъ африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный: я весь въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горящія полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству; зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; искусство вездѣ подражаетъ природѣ. Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія пальмы, по подбористымъ и ровнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами[я], и горятъ, какъ пламенѣющіе столпы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленный и желтый виноградъ, віясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилеи и тюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизреченную пестроту и чудесность[ө] удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что видишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь! — Но если природа, искусство и самое, такъ сказать, волшебство неодушевленными и неподвижными предметами приводятъ здѣсь въ изумленіе; то какимъ безмолвнымъ восторгомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпенѣніемъ остановляешься, когда внезапно находишь подъ густотою древесныхъ вѣтвей чистыя воды и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ? когда тутъ же, средь[ѵ] грома

[я] до самыхъ вершинъ, какъ дорогами, увиты звѣздами.

[ө] пламенностію своею неизреченную чудесность удивленному взору...

[ѵ] сквозь.

* Вольтеръ сочинилъ поэму: *Храмъ вкуса;* а Попъ: *Храмъ славы* (Прим. Д.).

музыки и литавръ, слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни въ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ отдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняютъ. Такая необыкновенная и восхитительная внезапность совсѣмъ новое чувствіе [а] рождаетъ. Но что съ тобою будетъ, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной матери твоего отечества, алтарь ея и образъ, вокругъ которыхъ, по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ видны дражайшія имена всего ея наслѣдія? * Всякій Россіянинъ вообразитъ и почувствуетъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, отъ благодарности [б] за прошедшее, отъ любви за настоящее и отъ надежды ожидаемаго блага. Ежели онъ благоразуменъ, то въ умиленіи сердца скажетъ: «Сей чистый и ясный огнь есть истинное подобіе моего къ ней усердія; сіе лиловое и зеленое пламя — образъ безсмертной моей и потомства моего на нихъ надежды». Если же онъ чувствителенъ, то проліетъ ангельскія слезы и блаженствомъ своимъ приближится къ небожителямъ, созерцающимъ непостижимое, вѣчное сіяніе.

Не такъ ли солнцевъ домъ стоитъ среди небесъ,
Весь радугой объятъ и весь покрытъ зарями?
Моря сверкаютъ въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфирѣ, кристалѣ, въ немъ звѣзды — какъ свѣщи,
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи.

[а] чувствованіе.
[б] удовольствіе, которое происходитъ отъ благодарности...

* Сквозь транспараны сіяли вензеловыя имена его императорскаго высочества наслѣдника престола, его супруги, великихъ князей и княженъ, озаренныя фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтами, знаменующими безсмертіе и надежду (Примѣч. Держ.).

Въ каленомъ златѣ ввѣкъ горитъ и не сгараетъ,
И око смертное сіяньемъ притупляетъ.

Щедротою своею виновница блеска сего, достойная, чтобъ и въ позднѣйшія времена такіе храмы въ честь ея воздвигаемы были, ходитъ вокругъ, осматриваетъ все съ обыкновенною ей милостію[22]. Предъ нею, кажется, все живѣе становится, все пріемлетъ большее сіяніе; слѣды ея суть блистательныя волны тѣснящагося за нею веселаго, радостнаго, торжествующаго собранія. Сіе паче всего ее утѣшаетъ. Свѣтлое лицо ея ободряетъ улыбки, игры, пляски, лики, забавы. Се подобіе матери, се монархиня, окруженная славою, любовію, великолѣпіемъ!

Всѣ три,
Казалось, оны божества
Съ владычицею душъ съ небесъ
Пришли

[22] «Императрица, сопровождаемая высочайшею фамиліею, препровождена была въ зимній садъ. Когда достигли храма, князь бросился на ступеняхъ предъ алтаремъ и изображеніемъ своей покровительницы на колѣна и благодарилъ монархиню за ея благодѣянія*; она подняла его милостиво и поцѣловала въ лобъ. Когда начался балъ, императрица и великая княгиня сѣли играть въ карты, что продолжалось до половины двѣнадцатаго часа. Послѣ того начался ужинъ» (рукоп. совр., *Москвит.*).

* Въ Minerva сдѣлано въ этомъ мѣстѣ еще примѣчаніе: «Всѣ говорили тогда, что Потемкинъ при этомъ случаѣ поднесъ императрицѣ французскую оду». Авторъ статьи сомнѣвается въ вѣрности слуха, находя такой поступокъ неловкимъ и школьнымъ, тѣмъ болѣе что Потемкинъ не могъ быть самъ творцомъ оды. «Между тѣмъ», прибавлено въ примѣчаніи, «ода существуетъ, и нельзя сказать, чтобъ она была совершенно плоха». Затѣмъ авторъ приводитъ изъ нея мѣсто, по мнѣнію его, самое правдивое:

Que puis-je t'offrir en hommage?
Je suis moi-même ton ouvrage:
Mon pouvoir et mon sort sont sortis de ta main.

Очевидно, что это та самая ода, которой переводъ, сдѣланный И. Захаровымъ, напечатанъ въ *Новыхъ ежемѣс. сочиненіяхъ* (см. выше, стр. 381). Тамъ это мѣсто читается такъ: «Какое могу воздать тебѣ чествованіе? Самъ я есмь твореніе твое, а власть и жребій мой суть дѣло руку твоею» (*руку твоею* — двойственное число).

Умножить блески, звуки, радость
Торжества.
Всѣ три,
Казалось, межъ собою
Какъ будто споръ вели,
Кому быть празднества душою?
Но Слава здѣсь съ вѣнцомъ лавровымъ,
Съ короною изъ звѣздъ,
На подвиги душамъ готовымъ
Трубой съ высокихъ мѣстъ
Свой огнь вливала;
Во всѣхъ сердцахъ одна торжествовала.
И Нимфъ и Сильфъ соборы
Ея всѣ пѣли хоры,
Ея твердили гласъ,
Плясали, бѣгали[в], скакали,
Качались *, въ воздухѣ летали,
И всѣ согласно восклицали:
«Утѣхамъ время, дѣлу часъ»!

Между прочими танцами были также пляски по малороссійскимъ и русскимъ простымъ пѣснямъ, изъ которыхъ одна ниже сего слѣдуетъ. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое отечество нравится болѣе иностраннаго, то какое было удовольствіе видѣть предъ лицомъ монарха одобреніе[г] къ своимъ увеселеніямъ? О вы, которые не плѣняли такимъ образомъ сердецъ, а хотѣли быть страшными! цари, могли ль вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

[в] Плясали, рѣзвились, скакали.
[г] ободреніе.

* Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели (Примѣч. Держ.).

ХОРЪ V.

На бережку у ставка,.
На дощечкѣ у млинка *и проч.* *

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма пространномъ и прекрасномъ саду возжжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оные. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, чешуящихся между открытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилась флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ матросовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Рощи, пріятно разбросанныя, и алеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ, надъ водами стоящихъ, которыя, отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ вдалекѣ гребецкаго рога и пѣсень, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится отвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздать ея ко мнѣ щедротѣ?
Величіе мое — творенье рукъ ея;

* Эту малороссійскую пѣсню можно найти въ *Пѣсенникѣ* И. Гурьянова, М. 1835, ч. IV, стр. 114, гдѣ она помѣщена подъ заглавіемъ: «Награжденный казакъ за спасеніе дѣвушки отъ потопленія». *Ставокъ* — прудъ; *млинокъ* — мельница.

Все счастіе мое — души ея въ добротѣ,
И слава торжества — ея, а не моя[23].

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посѣтители внутри и внѣ дома* ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимоходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду.

Онъ мещетъ молнію и громы
И рушитъ грады и беретъ,
Волшебны созидаетъ домы
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою[д] чиститъ брилiянты[24]
И тѣшится, на нихъ смотря.

[д] Другой здѣсь...

---

[23] И слава торжества — ея, а не моя.

Эти стихи, очевидно, передаютъ главную мысль французской оды отъ имени Потемкина, именно то самое мѣсто, которое приведено нами выше, на стр. 411, въ выноскѣ.

[24] Другою чиститъ брилiянты.

«Когда князь Потемкинъ о чемъ-либо размышлялъ или дѣлалъ какое-либо распоряженіе, въ такомъ случаѣ, чтобъ мысли его не разсѣялись,

* Въ продолженіе бала разносимы были чай, кофе, оржадъ, лимонадъ и всякіе конфекты (Примѣч. Держ.).

Сегодня бурю представляетъ,
Летаетъ завтра, какъ зефиръ,
И лавръ и мирты собираетъ,
И въ бой ведетъ и строитъ миръ;
То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ Лунѣ и смотритъ вдаль;
То рядитъ щеголей въ ботины *,
Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль **.
И еслибъ онъ имѣлъ злодѣевъ,
Согласны бъ были всѣ они,
Что видятъ образъ въ немъ Протеевъ,
Который жилъ въ златые дни.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были высочайшаго императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать государи великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ всемилостивѣйшая государыня и его императорское высочество наслѣдникъ престола съ высочайшею его супругою; партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ постановленныхъ столовъ достоинъ

но удержаны были бы при избранномъ предметѣ, бралъ онъ между перстовъ два дорогихъ камня и теръ одинъ объ другой или обтиралъ пилочкою серебро, или раскладывалъ разными фигурами драгоцѣнные камни и увеселялся игрою ихъ блеска» (рукоп. совр., *Москвит.* 1852, № 2 ***: *О приватной жизни кн. Потемкина*).

* *Ботины* — легкіе сапожки, которые ввелъ его свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ (Примѣч. Держ.).

** ... *въ прелестну шаль* — азіятскія тонкія покрывала, которыми его свѣтлость дарилъ дамъ (Примѣч. Держ.). О дамахъ, составлявшихъ общество Потемкина во время походной его жизни, см. ниже въ одномъ изъ примѣчаній къ одѣ *Водопадъ*, подъ тѣмъ же 1791 годомъ.

*** Описаніе праздника, и слѣдовательно всѣ мѣста, извлеченныя до сихъ поръ, напечатаны въ N° 3 *Москвитянина* того же года.

примѣчанія: всѣхъ взоры обращены были къ лицу государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія возносилась освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что̀ также представляло нѣкое необычайное зрѣлище [25]. Казалось, что вся имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы [e] и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться ея лицезрѣніемъ.

[e] Своей всемилостивѣйшей и великой обладательницы.

---

[25] «Послѣ того начался ужинъ. Столъ, на которомъ кушала императрица съ наслѣдникомъ престола и его супругою, находился та̀мъ, гдѣ былъ театръ, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ оркестръ. Потемкинъ прислуживалъ за креслами императрицы, пока она приказала ему сѣсть. На семъ столѣ сервизъ былъ золотой. На самомъ театрѣ, позади императрицы, находился столъ на 48 особъ, за которымъ кушали благородныя особы, танцовавшія балетъ въ ротондѣ. Сверхъ того въ семъ театральномъ залѣ находилось 14 столовъ, установленныхъ амфитеатромъ, по седми на каждой сторонѣ. Гости проходили посрединѣ и садились въ одинъ рядъ за столы, лицомъ къ императрицѣ. Всѣ столы освѣщены были шарами изъ бѣлаго и цвѣтнаго стекла, что̀ производило отмѣнно пріятный видъ. Въ комнатѣ предъ театральнымъ заломъ находился столъ, примѣчанія достойный въ разсужденіи своего буфета. На ономъ стояла суповая серебряная чаша необъятной величины, а по сторонамъ ея двѣ соразмѣрной огромности вазы, доставшіяся изъ имѣнія герцогини Кингстонской (см. выше стр. 385). Въ прочихъ комнатахъ было по крайней мѣрѣ 20 столовъ. Сверхъ того, въ одномъ залѣ накрыто было 8 столовъ, каждый на 20 приборовъ. Посрединѣ каждаго стола стояло по цвѣтущему померанцевому дереву. Для каждаго стола употреблена была драгоцѣннѣйшая посуда серебряная или изъ лучшаго фарфора, съ отличнѣйшими яствами. Изобиліе и вкусъ царствовали повсюду, и плоды, кои видѣли въ зимнемъ садѣ стеклянными, на столахъ явились естественные и въ великомъ множествѣ. Услуга производима была въ сей вечеръ офиціянтами, одѣтыми въ ливрею придворную и князя Потемкина (которая была палевая съ голубымъ и серебромъ); она разносила до конца празднества прохлажденія, плоды и напитки» (рукоп. соврем., *Москвит.*).

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ[ж] несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аматистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ До́на сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы[з] стыдясь,
Что потчевать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили и, рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
И вопросить: Кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Вскорѣ послѣ ужина высочайшая посѣтительница, обозрѣвъ еще веселящихся, соизволила со всѣмъ своимъ августѣйшимъ домомъ уклониться къ покою. Уже подвезены были колесницы: внезапно раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, нисходящее съ висящихъ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными, озаренными яркимъ цвѣтомъ стеклянными сосудами. Всѣ безмолвствуютъ, внимаютъ и обращаютъ всюду

[ж] Колмогоръ.
[з] ... какъ будто ихъ ...

взоры свои и, не видя поющихъ, въ пріятномъ восхищеніи думаютъ созерцать облака или зари, съ которыхъ слышалось ангельское пѣніе, сопровождаемое небесною гармоніею.

ХОРЪ VI.

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ,
Дышитъ все твоей душой;
Лишь твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.
Что въ богатствѣ и честяхъ,
Что въ великости моей,
Если мысль тебя не зрѣть
Духъ ввергаетъ въ ужасъ?

Стой и не лети ты, время,
И благъ нашихъ не лишай.
Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты*.

По окончаніи хора хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею всемилостивѣйшею самодержицею и облобызалъ ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе. Паки новая и трогающая сердце картина! Великолѣпный дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную монархиню, съ величественнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ своимъ[и] подданнымъ, который нѣсколько минутъ держитъ ея десницу съ нѣкакимъ особливымъ душевнымъ умиленіемъ. Тако оставляла божественная Минерва сына Улиссова.

[и] предъ ея подданнымъ...

* Сей хоръ, взятый изъ италіянской оперы, пѣтъ на италіянскомъ языкѣ; но здѣсь, съ перемѣною нѣкоторыхъ словъ, соглашенъ съ тою музыкою (Примѣч. Держ.).

Нисшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемлясь къ высотамъ,
Къ нему съ улыбкой зрѣла.
Отъ брони вѣтромъ звуки,
Отъ взоровъ лучъ летѣлъ;
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣлъ [26].

[26] «Послѣ ужина продолжался балъ до самаго утра; но императрица съ высочайшею фамиліею изволила отбыть въ исходѣ втораго часа по полуночи. Никогда не бывало, чтобъ монархиня у кого-либо такъ долго гостить соизволила. Потемкинъ, провождая монархиню, въ залѣ купольной еще повергся къ ногамъ ея, и казалось, что болѣе прежняго былъ тронутъ. Многіе чувствительность сію сочли за предчувствованіе близкой смерти. Онъ видѣлъ монархиню въ послѣдній разъ въ своемъ домѣ. Сама императрица была тронута до слезъ при семъ прощаніи.

«Издержки для сего праздника считали въ 200,000 руб.; но кажется, что сумма сія простиралась несравненно больше.

«Родъ жизни князя Потемкина въ послѣднее его пребываніе въ С.-Петербургѣ превосходилъ все, что только можно себѣ представить безмѣрнаго въ расточеніи, необдуманнаго въ излишествѣ, недѣятельности, легкомысліи въ разсужденіи обрядовъ («религіозныхъ», прибавлено въ нѣмецкомъ подлинникѣ) и гордости къ своей отчизнѣ» (рукоп. совр., *Москвит.*). О тогдашнемъ пребываніи Потемкина въ Петербургѣ Реймерсъ говоритъ между прочимъ: «Онъ жилъ съ пышностью, какую едва ли можно увидѣть даже при любомъ европейскомъ дворѣ. Окруженный множествомъ генераловъ, офицеровъ и плѣнныхъ пашей, онъ явился въ великолѣпномъ нарядѣ на екатерингофскомъ гуляньи. Такъ точно ѣздилъ онъ и по Лѣтнему саду. При встрѣчѣ съ нимъ народъ кланялся ему съ благоговѣніемъ. Была даже рѣчь воздвигнуть въ честь его памятникъ, но вскорѣ онъ умеръ и объ этомъ забыли (S.-Petersburg, и проч., ч. I, стр. 375). Замѣтимъ, что *Описаніе* Державина перешло, съ передѣлкою выраженій и немногими прибавленіями, въ книгу *Жизнь кн. Г. П. Пот. Т.*, М. 1812, ч. II, стр. 93—105, а въ сокращенномъ видѣ заимствовано также Висковатымъ въ статьѣ его: *Свѣдѣнія о кн. Потемкинѣ* (*Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, стр. 359—364). Въ обоихъ случаяхъ источникъ не указанъ.

LVIII. АНАКРЕОНЪ ВЪ СОБРАНІИ[1].

Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
О пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько нимфъ и столько милыхъ,

[1] Это стихотвореніе написано, по словамъ Державина (*Об.*), «на любовныя исканія» Потемкина во время даннаго имъ въ Таврическомъ дворцѣ праздника. Оно вошло въ составъ *Описанія торжества* (см. выше стр. 403) и было въ первый разъ напечатано 1792 г. въ брошюрѣ этого

Безъ вина бы и безъ хмеля
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
И въ мечтѣ иль въ восхищеньи
Ты бы видѣлъ, будто въявѣ:
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ,
Во жемчужной колесницѣ[2],
Какъ на облачкѣ весеннемъ,
Тихимъ воздуха дыханьемъ
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда-сюда летаетъ,
И садится онъ по нимфамъ,
То на ту, то на другую[a],
Какъ садятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младые.

[a] То на ту, то на иную (1792).

Описанія, стр. 20; потомъ отдѣльно въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 48, съ означеніемъ въ оглавленіи: «На любовныя привѣтствія К. П. Т. во время торжества» и проч., и наконецъ въ изданіи 1808 г., ч. III, XIX. Въ рукописи казанскаго университета (1802) оно сперва было озаглавлено: «Анакреону въ собраніи дѣвицъ». Довольно странная мысль представить могущественнаго вельможу почтенныхъ уже лѣтъ въ видѣ Анакреона, занятаго любовными затѣями, должна была произвести не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе на честолюбиваго учредителя великолѣпнаго празднества, и конечно къ этому въ особенности относится приведенное выше (стр. 381) замѣчаніе Дмитріева о *шутливой характеристикѣ* Потемкина въ описаніи его праздника. Обращеніе Державина къ Анакреону, въ первый разъ встрѣчающееся въ этой пьесѣ, не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Съ этихъ поръ онъ начинаетъ чаще и чаще писать въ анакреонтическомъ родѣ, и вскорѣ этотъ родъ становится однимъ изъ любимыхъ его направленій въ поэзіи.

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ представленъ Анакреонъ, раздающій дѣвушкамъ розовые вѣнки.

[2] Во жемчужной колесницѣ.

Въ изданіи 1792 г. за этимъ слѣдовалъ еще стихъ: «Иль на аленькомъ листочкѣ», исключенный изъ позднѣйшихъ текстовъ этой пьесы.

Онъ у той блисталъ во взглядахъ,
У иной блисталъ въ улыбкѣ
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще:
Не пролетывали мимо [3], —
Попадали прямо въ душу [б].
И душа бъ твоя томилась,
Уязвленная любовью:
Лишь Паллады щитъ небесный
Утолилъ твои бы вздохи [в].

[б] Не летали они мимо,
Попадали всегда въ душу (1792 и 1804).
[в] Утолялъ бы твои вздохи.

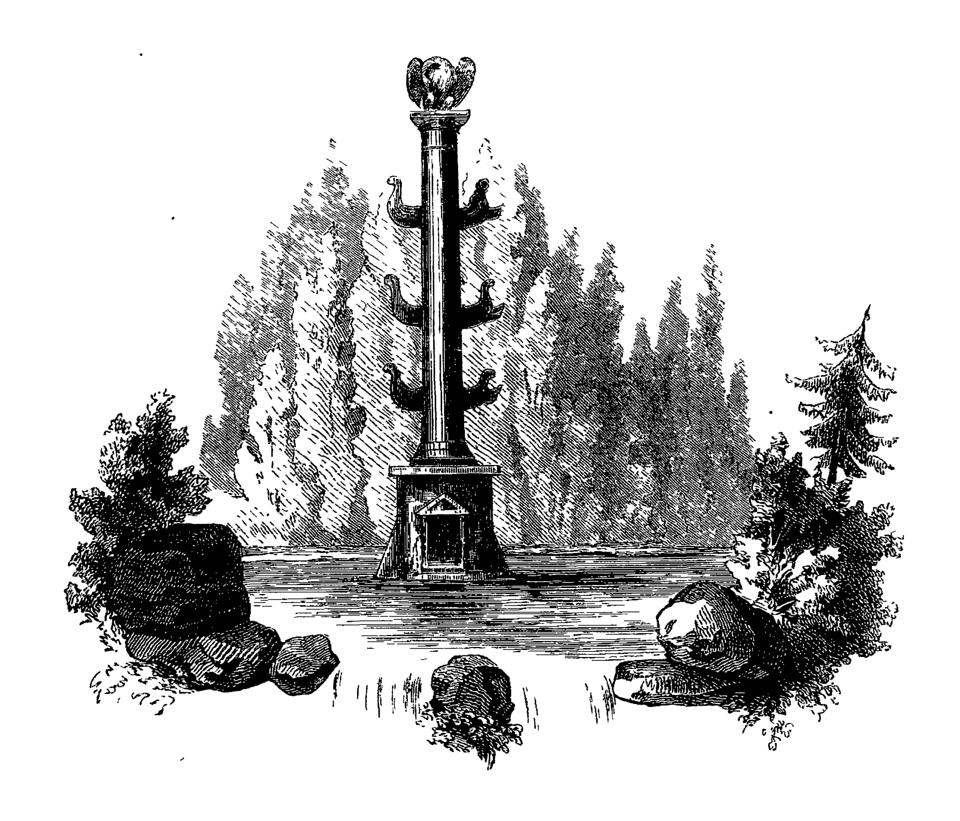
---

[3] Не пролетывали мимо.

Въ принадлежавшемъ Державину экземплярѣ изданія 1808 г. этотъ стихъ исправленъ его рукою по варіанту б. То же сдѣлано и съ варіантомъ а. Вмѣсто слова *всегда* во 2-мъ стихѣ варіанта б поставлено *они*.

LIX. ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ[1].

Въ прекрасный майскій день, 1.
Въ часъ ясныя погоды[a],

[a] Пріятныя погоды (1791).

[1] Эти стихи написаны въ Петербургѣ въ началѣ мая 1791 г. послѣ прогулки въ Царскомъ Селѣ, которое нѣкогда называлось *Сарскимъ* *. Они появились въ *Московскомъ журналѣ* за августъ того же года (ч. III, стр. 125) съ припискою въ концѣ: *Изъ Петербурга отъ неизвѣстной особы;*

* Свѣдѣнія о томъ, когда нынѣшнее названіе установлено было официально, мы не отыскали даже въ исторіи Царскаго Села, изданной И. Яковкинымъ. Въ *Полн. Собр. Зак.* первое постановленіе объ этомъ мѣстѣ, относящееся къ 1749 г., говоритъ уже о *Царскомъ Селѣ*.

Какъ всюду длинна тѣнь,
Ложась въ стеклянны воды,
Въ ихъ зеркалѣ бреговъ
Изображала виды[6],
И какъ между столповъ
И зданіевъ Θемиды[2],
Сооруженныхъ ей
Героевъ россиихъ въ славу,
При гласѣ лебедей,
Въ прохладу и забаву,
Вечернею порой
Отъ всѣхъ уединяясь,
Съ Плѣнирою младой[3]
Мы, въ лодочкѣ катаясь,

[6] Намъ представляла виды,
Когда среди столповъ.

потомъ были напечатаны въ изданіи 1798 г., стр. 226, съ прибавленіемъ въ заглавіи: *1791 года мая 3 дня*, и наконецъ въ изданіи 1808, ч. I, XLV.

Въ этой пьесѣ Державинъ въ первый разъ воспользовался размѣромъ, который Ломоносовъ, а за нимъ и Сумароковъ употребляли въ подражаніяхъ Анакреону, который послѣ любилъ Херасковъ (см. его *Новыя оды*, М. 1762), которымъ иногда писали игривыя посланія Княжнинъ (*Соч.* его, т. II, стр. 519, и *Новыя ежем. соч.* за янв. 1787, ч. VII, стр. 55), Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ.

Рисунокъ (Олен.) изображаетъ ростральную колонну въ честь Орлова-Чесменскаго, сооруженную среди царскосельскаго пруда въ 1775 году.

[2] И зданіевъ Θемиды.

Подъ Θемидою здѣсь разумѣется императрица, которая украсила царскосельскій садъ разными памятниками и говорила въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Когда война сія (*первая турецкая*) продолжится, то царскосельскій мой садъ будетъ походить на игрушечку. Послѣ каждаго воинскаго дѣянія воздвигается въ немъ приличный памятникъ» и проч. (*Геогр. словарь* Щекатова, статья: *Царское село*).

[3] Съ Плѣнирою младой —

первою женою Державина. См. выше, стр. 58 и 118, въ примѣчаніяхъ.

Гуляли въ озеркѣ:
Она въ кормѣ сидѣла,
А посрединѣ я;
За нами вслѣдъ летѣла
Жемчужная струя;
Кристалъ шумѣлъ отъ веселъ.
О, сколько съ нею я
Въ прогулкѣ сей былъ веселъ!
Любезная моя,
Я тутъ сказалъ, Плѣнира!
Тобой плѣненъ мой духъ,
Ты даръ всего мнѣ міра.
Взгляни, взгляни вокругъ [в]
И виждь: красы природы
Какъ бы стеклись къ намъ вдругъ:
Сребромъ сверкаютъ воды,
Рубиномъ облака,
Багрянымъ златомъ кровы [г];
Какъ огненна рѣка,
Свѣтъ ясный, пурпуровый
Объялъ всѣ воды вкругъ;
Смотри въ нихъ рыбъ плесканье [д],
Плывущихъ птицъ на лугъ
И крылъ ихъ трепетанье.

Весна во всѣхъ мѣстахъ 2.
Намъ взоръ свой осклабляетъ,

[в] Взгляни себя вокругъ:
Мнѣ всѣ красы природы
Съ тобой стеклися вдругъ.
[г] Златы пылаютъ кровы (1798).
[д] Въ немъ видно рыбъ плесканье,
Птицъ плаванье на лугъ (1791).
— И птицъ плывущихъ въ лугъ (1798).

Въ зеленыхъ муравахъ
Ковры намъ подстилаетъ.
Послушай рога ревъ[е],
Тамъ эха хохотанье,
Тутъ шопоты ручьевъ,
Здѣсь розы воздыханье!
Се вѣтеръ помавалъ
Крылами тихо слуху.

Какая пища духу! 3.
Въ восторгѣ я сказалъ[ж]:
Коль красенъ взоръ природы
И памятниковъ видъ,
Они гдѣ зрятся въ воды[з]
И соловей сидитъ
Гдѣ близъ и воспѣваетъ,
Зря розу иль зарю!
Онъ будто изъявляетъ[и]

[е] Вотъ рога слышенъ ревъ,
Вотъ эха хохотанье,
Вотъ шопоты...
Вотъ розы...
Зефиръ здѣсь... (1791).
[ж] Въ восторгѣ продолжалъ.
[з] Когда глядятся въ воды.
Вотъ соловей сидитъ
Близъ ихъ и воспѣваетъ.
[и] Какъ будто изъявляетъ
Онъ Богу и царю
Свою тутъ благодарность,
Что сей своихъ чтитъ слугъ,
Что тотъ влилъ свѣтозарность
И жаръ всѣмъ тварямъ въ духъ
Доколь сидишь при розѣ,
О ты, дней красныхъ сынъ!
Пой, соловей! — и въ прозѣ
Ты слышенъ ...нъ!

И Богу и царю
Свое благодаренье:
Царю — за память слугъ,
Творцу — что влилъ стремленье
Къ любви всѣмъ тварямъ въ духъ.
И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пой, Карамзинъ[4]! — и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ.

[4] Пой, Карамзинъ...

Какъ показываетъ варіантъ (п), это имя первоначально стояло въ концѣ послѣдняго стиха. Въ *Московскомъ журналѣ*, котораго издателемъ и былъ, какъ извѣстно, Карамзинъ, оно означено точками и окончаніемъ (...нъ). Въ изданіи 1798 г., гдѣ эти стихи получили уже окончательную редакцію, имя Карамзина выставлено цѣликомъ. По видимому, они были написаны именно для *Московскаго журнала*.

LX. ПАМЯТНИКЪ ГЕРОЮ[1].

Всегда разборчива, правдива, 1.
Нигдѣ и никому нельстива,

[1] Князю Николаю Васильевичу Репнину (род. 1734, ум. 1801). При первомъ появленіи пьесы, вскорѣ послѣ ея сочиненія, она отмѣчена была, такъ же какъ и въ рукописяхъ, 28-мъ іюня 1791, днемъ блистательной побѣды кн. Репнина надъ Турками при Мачинѣ. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ и до войны управлялъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, губерніями смоленскою и псковскою. При открытіи второй турецкой кампаніи (1788) ему не хотѣлось принять въ ней участіе подъ начальствомъ Потемкина, который по службѣ былъ гораздо моложе его. Послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою онъ однакожъ побѣдилъ это чувство и написалъ императрицѣ, что готовъ идти, если ей

О строгаго Кунгдзея Муза,

угодно. Она съ удовольствіемъ приняла его предложеніе. Потемкинъ вообще обращался съ нимъ почтительно и въ письмахъ къ нему строго соблюдалъ всѣ формы учтивости. Когда, послѣ взятія Измаила, Потемкинъ въ началѣ 1791 г. собрался опять въ Петербургъ, неизвѣстно было, кому онъ, на время своего отсутствія, сдастъ должность главнокомандующаго. Уже послѣ его отъѣзда Репнинъ получилъ письменное приказаніе принять подъ свое начальство армію. Потемкинъ болѣе всего желалъ, чтобы безъ него не было никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Репнинъ, видя выгодное положеніе свое при Мачинѣ, захотѣлъ имъ воспользоваться. Однакожъ, опасаясь слишкомъ большой отвѣтственности, онъ во время пребыванія князя Таврическаго въ Петербургѣ безпрестанно посылалъ къ нему курьеровъ. Екатерина, узнавъ, что Потемкинъ ихъ задерживаетъ тайно отъ нея, призываетъ правителя его канцеляріи, В. С. Попова, и спрашиваетъ, правда ли, что у князя цѣлая изба полна курьеровъ. Поповъ не могъ скрыть отъ нея истину, и она приказала сейчасъ же отправить въ армію съ отвѣтомъ послѣдняго изъ прибывшихъ курьеровъ *. Этотъ разсказъ, слышанный нами отъ бывшаго адъютанта кн. Репнина, Ѳ. П. Лубяновскаго, совершенно согласенъ съ отзывомъ другаго современника (Л. Н. Энгельгардта въ *Запискахъ* его, стр. 79), что Репнинъ былъ «человѣкъ надъ мѣру осторожный». При всемъ томъ онъ, зная, какъ Екатерина желала мира, хотя и не былъ уполномоченъ отъ нея (Энгельгардтъ утверждаетъ противное), рѣшился дѣйствовать и, разбивъ 80-ти тысячный турецкій корпусъ, принялъ предложеніе визиря вступить въ переговоры о мирѣ: въ Галацѣ, 31 іюля, подписалъ онъ съ турецкими полномочными предварительныя условія. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Галацъ Потемкинъ, «надѣявшійся», по словамъ Бантышъ-Каменскаго, «исхитить у Репнина двойную славу побѣдителя и миротворца. Взбѣшенный сею неудачею» — продолжаетъ авторъ *Словаря достоп. люд.* — «фельдмаршалъ осыпалъ заслуженнаго полководца страшными упреками, присоединилъ къ онымъ угрозы. *Я исполнилъ долгъ свой*, отвѣчалъ съ гордостью князь Репнинъ, *и готовъ дать отвѣтъ государынѣ и отечеству*». Иначе представляетъ дѣло Л. Н. Энгельгардтъ (*Записки* его, стр. 95), по мнѣнію котораго, «хотя кн. Репнинъ слылъ за государственнаго человѣка и любящаго свое отечество, но въ семъ случаѣ предпочелъ личное

* Въ государственномъ архивѣ сохранилась записка Екатерины къ Потемкину, содержащая это приказаніе: «Ежели хочешь камень свалить съ моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорѣе въ армію курьера и разрѣши силы сухопутныя и морскія произвести дѣйствія наискорѣе, а то войну еще протянешь надолго, чего конечно ни я, ни ты не желаешь» (*Матеріалы для ист. царств. Екат. II*, собр. П. Лебедевымъ, рукопись).

Которая его вдыхала

свое любочестіе пользѣ государственной, не имѣвъ иной побудительной причины поспѣшить заключить миръ, кромѣ того, чтобъ его окончить до прiѣзда свѣтлѣйшаго князя». Въ статьѣ: *Свѣдѣнія о кн. Потемкинѣ* (*Русск. Вѣстн.* 1841, т. III) разсказъ Бантышъ-Каменскаго опровергается на основаніи офиціальныхъ документовъ, которые однакожъ не всегда служатъ достаточнымъ доказательствомъ.

Скудость обнародованныхъ доселѣ матеріаловъ для біографіи Репнина не позволяетъ еще произнести рѣшительнаго суда о немъ. Извѣстны только отдѣльныя черты его дѣятельности и характера. Указанія для оцѣнки его можно найти въ *Другѣ юношества*, журналѣ М. Невзорова (1813, мартъ, іюнь и іюль), и въ *Запискахъ И. В. Лопухина*. Послѣдній, назвавъ Репнина однимъ изъ самыхъ ближайшихъ друзей своихъ, такъ отзывается о немъ (стр. 58): «Онъ конечно былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованіяхъ любви къ высочайшей добродѣтели и почтенія къ истинному геройству съ восторгомъ удивленія читаютъ въ исторіи и коихъ величію непонимающіе возможности его и совершенства добродѣтели не имѣютъ силы вѣрить. Еслибъ мои правила дозволяли мнѣ давать волю самолюбію, то я не просилъ бы другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: *Онъ другъ былъ Репнину*».

Лѣтъ черезъ пять послѣ сочиненія *Памятника герою* Державинъ, по одному обстоятельству, разсказанному имъ въ *Объясненіяхъ* и *Запискахъ*, разочаровался въ Репнинѣ, но едва ли былъ правъ, что̀ подробнѣе будетъ разсмотрѣно нами въ біографіи поэта.

Ода *Памятникъ герою* явилась въ октябрской кн. *Москов. журн.* 1791 г. (ч. IV, стр. 46), въ которой напечатана была также ода Нелединскаго-Мелецкаго *Е. с. князю Н. В. Репнину на побѣду, одержанную имъ въ 28 день іюня* *. Обстоятельство, что оба эти стихотворенія вышли въ свѣтъ въ то самое время, когда только что умеръ или, можетъ быть, еще умиралъ Потемкинъ (день его смерти 5-е октября), конечно не безъ значенія. Еще 18 августа было получено при дворѣ извѣстіе, что онъ очень боленъ, а 3 сентября уже знали объ опасности его жизни. Наконецъ 12 октября пришла вѣсть о смерти Потемкина. Репнинъ между тѣмъ былъ въ Москвѣ, куда отпросился еще 10 сентября **, безъ сомнѣнія вслѣдствіе выраженнаго ему фельдмаршаломъ неудовольствія. Стихи Дер-

* Въ октябрской и ноябрской книжкахъ *Новыхъ ежем. соч.* 1791 г. (ч. LXVI) можно найти еще оды, написанныя въ честь Репнина по этому случаю.

** Объ этомъ упомянуто въ одномъ изъ донесеній императрицѣ, писанныхъ по смерти Потемкина бывшимъ правителемъ его канцеляріи, В. С. Поповымъ (П. Лебедева *Матеріалы для исторіи царствов. Екат. II*).

Играть на нѣжномъ, звонкомъ кинѣ [2]
И трогать поученьемъ сердце!

жавина были напечатаны, по обыкновенію его, безъ подписи; въ выноскѣ же помѣщено слѣдующее примѣчаніе къ заглавію: «Сіе стихотвореніе, которое конечно будетъ пріятно для всѣхъ читателей Московскаго журнала, прислано отъ неизвѣстной особы при слѣдующемъ письмѣ: «Испросивъ «позволеніе у автора издать въ свѣтъ *Памятникъ герою*, имѣю честь препроводить списокъ съ онаго къ вамъ для напечатанія въ Московскомъ «журналѣ. Сочинитель не хочетъ быть извѣстенъ, подражая, можетъ «быть, скромной добродѣтели героя, въ честь котораго сооруженъ имъ «сей памятникъ. Да и въ самомъ дѣлѣ имена писателей не столько «нужны для потомства, сколько изображаемыя ими современниковъ «своихъ знаменитыя добродѣтели, которыя долженствуютъ озарять грядущія племена въ дѣяніяхъ ихъ». — Издатель, одолженный симъ подаркомъ, хотя и могъ бы, но не смѣетъ угадать сочинителя. К.» (*Карамзинъ*). Тогда же *Памятникъ герою* явился отдѣльнымъ оттискомъ въ листъ, безъ имени автора, съ означеніемъ въ концѣ: «Изъ *Московскаго журнала* 1791, октябрь» (ср. у *Сопикова*, ч. II, № 3137). Потомъ вышло другое отдѣльное изданіе *Памятника герою* въ малую осмушку, безъ имени же, но съ означеніемъ года: 1792 *. Подъ заглавіемъ вензель Р. К. и эпиграфъ:

Другъ человѣчества! Войною
Быть громкимъ можетъ и злодѣй,
Но славою блестятъ прямою
Подобны души лишь твоей.

Въ томъ же году *Памятникъ герою* напечатанъ былъ въ Ригѣ съ переводами французскимъ и нѣмецкимъ (тамъ же, № 3138).

Позднѣе это стихотвореніе помѣщено въ изданіяхъ: 1798, стр. 230, и 1808, ч. I, XXIII.

Къ заглавію приложенъ портретъ князя Репнина, рисованный Оленинымъ.

[2] О строгаго Кунгдзея Муза...
Играть на нѣжномъ, звонкомъ кинѣ

Кунгдзей, иначе Конфуцій. Въ 1790 г. напечатанъ въ Петербургѣ одинъ изъ многочисленныхъ переводовъ *М. И. Веревкина*, бывшаго начальника Державина по казанской гимназіи, подъ заглавіемъ: «Житіе

* Въ Смирдинской *Росписи*, подъ № 8109 показано: «Памятникъ герою; соч. В. Б., Спб., 1792 г.» — Это ошибка: съ начальными буквами В. Б. вышло тогда стихотвореніе: «Творцу памятника героя», напечатанное на бумагѣ того же качества и формата и тѣмъ же шрифтомъ, какъ это сочиненіе Державина. Мы видѣли то и другое въ Москвѣ у С. Д. Полторацкаго.

Приди и, зря текущи годы, 2.
Обратность вѣчную природы,
Что всходитъ и заходитъ солнце,
Что лѣто, осень придутъ паки,
А только къ намъ не возвратятся
Дѣла, содѣянныя нами, —

Вождя при памятникѣ дивномъ 3.
Возсядь и въ пѣніи унывномъ
Вѣщай: Сей столпъ повергнетъ время,
Разрушитъ; — кто жъ былъ полководецъ?
Куда его прошли побѣды [a]?
Гдѣ мечъ его? гдѣ шлемъ? гдѣ образъ?

Увы! и честь сія героевъ, 4.
Приступовъ монументы, боевъ,
Не суть ли знаки ихъ свирѣпства?

[a] Куда его исчезли звуки? (1791).
(Этотъ стихъ стоялъ между 4-мъ и 5-мъ, такъ что въ строфѣ было 7 стиховъ).

Кунг-тсеэа или Конфуціуса, какъ именуютъ его Европейцы». Въ этой книгѣ между прочимъ разсказано, какъ послѣ смерти матери философъ три года проводилъ время въ уединеніи и занятіяхъ. По окончаніи траура и посѣщеніи гробницы матери, онъ «въ день пятый взялъ въ руки *кинъ;* нѣжными и плачевными звуками на ономъ питаетъ томность души своей, которая еще печалію была объята». *Кинъ*, сказано въ примѣчаніи, «у Китайцевъ орудіе со струнами, есть изъ самыхъ наидревнѣйшихъ въ свѣтѣ; даетъ звуки тихіе, но печальные въ ушахъ Европейцевъ» (стр. 48). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 528) читаемъ: «Стихотворство и музыка услаждали философа нашего во вся дни живота его».

По началу своему и вообще по своей формѣ *Памятникъ герою* очень напоминаетъ оду *Рѣшемыслу* (см. выше, стр. 170), почему Державинъ и помѣстилъ ихъ рядомъ въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій.

Развалины, могилы, пепелъ[3],
Черепья, кости имъ подобныхъ,
Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава[б]?

Ахъ, нѣтъ! средь всѣхъ народовъ, вѣковъ, 5.
Друзья герои человѣковъ[4]
Суть соль земли, во мракѣ звѣзды;
Чрезъ нихъ извѣстна добродѣтель;
Они великія зерцалы[в]
Богоподобныхъ слабыхъ смертныхъ[5].

Прямой герой страстьми недвижимъ, 6.
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;

[б] Не есть ли ихъ вѣнецъ и слава?
[в] Великія они зерцалы.

---

[3] Развалины, могилы, пепелъ *и проч.*

Размышленія, содержащіяся въ этой и двухъ предыдущихъ строфахъ, опять внушены Державину одною страницею изъ приведенной въ предыдущемъ примѣчаніи книги (стр. 529). Конфуцій, играя на кинѣ, поетъ о проходчивости всего земнаго и между прочимъ говоритъ: «Однакоже зной и стужа, весна и осень, повсягодно возвращаются паки; солнце ежедневно даетъ видѣти себя вновь. Умчавшихся водъ занимаютъ мѣсто воды другія... Полководецъ, воздвигнувшій сіе зданіе, конь его, на которомъ возсѣдалъ въ день побоища, громкіе его подвиги... куда дѣвались? кто заступилъ мѣсто оныхъ?... Увы! памятники славы человѣческой суть: развалины, терніе, волчцы».

[4] Друзья герои человѣковъ.

И. И. Дмитріевъ, въ рукописи 1790-хъ годовъ, предлагалъ вмѣсто этого: *Герои други человѣковъ*, такъ же какъ и во 2-й строфѣ слово *вращенье* вмѣсто *обратность*.

[5] Богоподобныхъ слабыхъ смертныхъ.

Въ изданіи 1808 г. *слабымъ смертнымъ;* но рукой поэта поправлено такъ, какъ напечатано нами, что̀ согласно и съ рукописями и съ прежними печатными текстами.

Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ
Внутри онъ сердца не приверженъ[6];
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣньи твердъ и мудръ въ напасти, 7.
Не рабствуетъ блестящей части;
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ:
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!

Вѣсами ль гдѣ, мечемъ ли правитъ, 8.
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ;
Его царь — долгъ, его богъ — правда,
Лишь имъ онъ жертвуетъ собою;
Искусенъ, остороженъ, точенъ,
Рачителенъ, не быстръ ко славѣ;

Дѣлами исполнитель вѣры; 9.
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ,
И Богъ его благословляетъ
Побѣдою почти безъ крови,
Которой миръ даруетъ царствамъ.

Такого мужа обелиски 10.
Не тѣмъ славны, что къ небу близки,

[6] Внутри онъ сердца не приверженъ.

«Сіе относится къ свойствамъ кн. Репнина, тогда таковыми показующимся, когда онъ былъ Потемкинымъ содержимъ не въ великомъ уваженіи; но послѣ, въ первыхъ дняхъ царствованія императора Павла, явился онъ совсѣмъ другихъ свойствъ, т. е. обыкновеннымъ царедворцемъ» (*Об.* Д.; см. тамъ продолженіе этого примѣчанія, сюда не относящееся).

Не мраморомъ, не мѣдью тверды;
Пускай ихъ разрушаетъ время,
Но вовсе истребить не можетъ:
Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

Строй, Муза, памятникъ герою, 11.
Кто мужественъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ [7],
Далъ малой тратой много пользы.
Благословись, Репнинъ, потомствомъ!

[7] Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ.

Это было послѣднее сраженіе въ тогдашнюю войну. Юсуфъ-паша — тотъ самый, который прославился своими побѣдами надъ Австрійцами въ Баннатѣ.

LXI. КО ВТОРОМУ СОСѢДУ[1].

Не кость рѣзная Колмогоръ, 1.
Не мраморъ Тивды и Рифея,

[1] Такъ названа эта ода по отношенію къ другой, написанной въ 1780 г. къ тогдашнему, *первому сосѣду* Державина, М. С. Голикову (см. выше, стр. 102), который жилъ противъ него на Сѣнной. Въ 1790 году Державинъ купилъ домъ на Фонтанкѣ близъ Измайловскаго моста рядомъ съ домомъ полковника Гарновскаго, котораго онъ и разумѣетъ подъ именемъ *втораго сосѣда*. Гарновскій былъ всѣмъ обязанъ Потемкину, служилъ у него управителемъ, завѣдывалъ его Таврическимъ домомъ и нажилъ огромное состояніе. Строя себѣ великолѣпное зданіе,

Не невски зеркала, фарфоръ,
Не шелкъ Баки[a], ни глазумея

[a] Не хинскій шелкъ и глазумея,
Не благовонные пары
Мою содѣлали извѣстность.
(Рукоп. 1791 г.).

походившее на дворецъ въ сравненіи съ смежнымъ домомъ, этотъ случайный богачъ смотрѣлъ презрительно на перестройки, предпринятыя въ то же время новымъ сосѣдомъ его. Домъ, построенный Гарновскимъ, до сихъ поръ извѣстенъ подъ его именемъ (см. ниже примѣч. 5); бывшій домъ Державина, проданный по смерти второй жены его, занятъ нынѣ римско-католическою коллегіею (см. его біографію); вторая жена его, урожденная Дьякова, умерла въ 1842 году; см. ниже, подъ 1794, стихи: *Призываніе и явленіе Плѣниры.*

Въ нѣкоторыхъ тетрадяхъ поэта настоящіе стихи отмѣчены 1792 годомъ, но на основаніи черновой, едва ли не первоначальной рукописи, мы относимъ ихъ къ 91-му.

Они не были включены ни въ рукопись, поднесенную въ 1795 году императрицѣ (нынѣ собственность спб. публичной библіотеки), ни въ изданіе 1798, и въ первый разъ явились 1808 въ собраніи сочиненій Державина, ч. II, XLVII.

Кто-то, написавшій *Письмо къ Крылову*, помѣщенное въ *Драматическомъ Вѣстникѣ* 1808 г. (ч. III, № 58, стр. 43), говоритъ въ этомъ посланіи о *сосѣдѣ* Державина, но очевидно смѣшиваетъ мѣста и лица, не имѣя точнаго понятія объ обстоятельствахъ, на которыхъ основываются пьесы *Къ первому* и *Ко второму сосѣду:*

Крыловъ! Фонтанку знаешь.
Зайди, когда пѣшкомъ гуляешь,
Къ Горацію россійскихъ странъ.
Вступи съ Державинымъ въ бесѣду;
Проси, чтобъ, взявъ свой талисманъ,
Сводилъ на Карповку къ *сосѣду*,
И тамъ спиши откупщика
Жестокосерда и богата,
Который всѣхъ тѣснитъ для злата
И у котораго рѣка
Изъ чванства денегъ льется.
Какъ онъ ухой изъ стерлядей

Благоуханные пары[2]
Вельможей дѣлаютъ извѣстность;
Но нѣкій твердый духъ и честность,
А паче Музъ дары.

И графовъ кормитъ и князей,
Какъ жабою искусно вьется,
Когда вельможу гдѣ узритъ;
Напротивъ гордо, но учтиво
Съ полбариномъ онъ говоритъ.
Представь, когда ему то снится,
Какъ міръ несчастный облупить,
Чтобы сынку чинокъ купить
И бракомъ съ знатными сродниться.

При первомъ изъ рисунковъ въ рукописи отмѣчено рукой Державина: «Переправить сходнѣе съ моимъ домомъ». О содержаніи же ихъ въ *Объясненіяхъ* сказано: «1) Съ высокаго зданія навѣсившіяся деревья маленькій домикъ автора покрываютъ; 2) дѣти несутъ надгробный камень съ надписью: Матвѣеву» (ср. въ этой пьесѣ стихи, оканчивающіе строфу 7-ую).

[2] Не кость рѣзная Колмогоръ...
... Благоуханные пары.

Ср. выше, стр. 417, *Холмогоръ*.

Съ первыхъ стиховъ замѣтно подражаніе одѣ Горація (книга II, 18) *Къ скупцамъ*, начинающейся такъ:

Non ebur, neque aureum
Mea renidet in domo lacunar —

въ переводѣ В. Филимонова:

Не кость слоновая, не своды позлащенны.
(*Труды общ. люб. р. слов.*, ч. XXVI).

или въ переводѣ г. Фета:

Слоновой костью не блистаетъ
Въ дому моемъ и златомъ потолокъ.
(*Оды Горація*, стр. 60).

Капнистъ также подражалъ этой одѣ римскаго поэта въ стихахъ *Богатому сосѣду* (см. *Сочиненія Капниста*, изд. Смирд., Спб., 1849, стр. 433).

Впрочемъ у Державина подражаніе ограничивается только тономъ и нѣкоторыми стихами въ строфахъ 1, 5 и 6-й.

Почто же, мой второй сосѣдъ, 2.
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ
Мнѣ солнца застѣняя свѣтъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дому моего заборъ?
Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ,
Тьмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ
Твой не насытятъ взоръ?

Въ тотъ мигъ, какъ съ пошвы до конька 3.
И около презрѣннымъ взглядомъ
Мое строеніе слегка
Съ своимъ обозрѣвая рядомъ,
Ты въ гордости своей съ высотъ

At fides et ingeni
Benigna vena est...
Truditur dies die,
Novaeque pergunt interire lunae...
...sepulcri
Immemor, struis domos...
Nulla certior tamen
Rapacis Orci fine destinata
Aula divitem manet
Herum. Quid ultra tendis? Aequa tellus
Pauperi recluditur
Regumque pueris...

Ср. выше примѣчаніе на стр. 88 и у Горація кн. II, ода 3 — *Къ Деллію.*

Тивдія — рѣка и деревня въ олонецкой губерніи; недалеко оттуда ломка мрамора, по большей части красноватаго съ бѣлыми струями и пятнами, но отчасти и совсѣмъ бѣлаго (Озерецковскаго *Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому*, стр. 220 и 223). *Рифей* — древнее названіе Уральскихъ горъ. На берегу Невы — извѣстные стеклянные и фарфоровые заводы (см. выше, стр. 379, въ примѣчаніи 1-мъ къ *Описанію Потемкинскаго праздника*). *Глазумея* — «лучшій цвѣточный китайскій чай» (*Об.* Д.).

На низменны мои, мнишь, кровы
Навѣсить темный садъ кедровый[3]
И шумны токи водъ.:

Кто вѣсть, что̀ рокъ готовитъ намъ? 4.
Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенны тобой царямъ[4],
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратятъ[5].

[3] Навѣситъ темный садъ кедровый.

Великолѣпное зданіе Гарновскаго должно было примыкать къ дому Державина эрмитажемъ, въ которомъ предполагалось устроить садъ и фонтанъ (*Об.* Д.).

[4] Назначенны тобой царямъ.

Гарновскій строилъ свой домъ въ надеждѣ, что его купитъ казна для кого-нибудь изъ великихъ князей или княженъ.

[5] Во стойла конски обратятъ.

Гарновскій, какъ повѣренный кн. Потемкина, переводилъ въ армію, во время турецкой войны, большія денежныя суммы; не отдавая въ томъ никому отчета, онъ подвергся подозрѣнію въ незаконномъ ихъ употребленіи и, по восшествіи на престолъ императора Павла, никогда не благоволившаго къ Потемкину, былъ посаженъ въ крѣпость, а домъ его за долги проданъ съ публичнаго торга. Потомъ онъ поступилъ въ казну и въ немъ помѣщены были конногвардейскія конюшни (*Об.* Д.). Впослѣдствіи онъ былъ обращенъ въ казармы Измайловскаго и лейбъ-егерскаго полковъ*. Покойный С. Т. Аксаковъ, въ статьѣ: *Знакомство съ Державинымъ* (*Семейная хроника*, М. 1856, стр. 370), говоритъ: «Гарновскій домъ, огромное зданіе безъ всякой архитектуры, какъ и всѣ почти дома въ Петербургѣ,

* Когда Потемкинъ хлопоталъ о продажѣ своего дома въ казну, то онъ между прочимъ писалъ графу Безбородкѣ: «Много меня обрадуете, если домъ мой съ рукъ у меня сойдетъ, ибо, не живши въ немъ, убытку довольно; цѣну, во что сталъ, возьмите у Гарновскаго, опричь статуи ея величества и другихъ мраморовъ, а вмѣстѣ и прочія строенія всѣ продамъ, выговаривая ранжерейныя деревья». Имя *Гарновскаго*, для означенія дома, принадлежащаго Измайловскому полку, встрѣчается въ стихахъ П. Семенова, написанныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ пародію *Демьяновой ухи*, которые кончаются такъ: «И съ той поры въ *Гарновскій* ни ногой» (*Библіогр. Записки*, 1861, № 15). Тамъ же см. оду Семенова *Капитанъ Мартыновъ*, — подражаніе одѣ *Богъ*.

За счастіе поруки нѣту,
И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту[6],
Не бейся объ закладъ.

Такъ, такъ! — но примѣчай, какъ день, 5.
Увы! ночь темна[б] затмеваетъ,
Луну скрываетъ облакъ, тѣнь;
Она растетъ иль убываетъ:
Съ сумой не ссорься и тюрьмой[7].
Хоть днесь къ звѣздамъ ты высишь стѣны,
Но знай: ты прахъ одушевленный
И скроешься землей.

[б] Увы! ночь черна...

одолженъ своей извѣстностью стихамъ Державина. Исторія богача Гарновскаго, построившаго свой огромный домъ рядомъ съ домомъ Державина выше законной мѣры и затемнившаго свѣтъ своему сосѣду, въ свое время была извѣстна всѣмъ. Державинъ жаловался полиціи и написалъ стихи». Затѣмъ Аксаковъ приводитъ «нѣкоторыя пророческія строфы этого стихотворенія» (2-ую, 4-ую и почти всю 5-ую) и прибавляетъ: «Пышное зданіе обратилось въ казармы, а богачъ строитель, какъ говорятъ, умеръ въ тюрьмѣ».

[6] И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту.

Подъ Фебомъ разумѣется здѣсь Потемкинъ (*Об.* Д., см. предыдущее примѣчаніе).

[7] Съ сумой не ссорься и тюрьмой.

Англійская графиня Кингстонъ (см. выше, стр. 385, примѣч. къ *Описанію Потемкинскаго праздника*) завѣщала Гарновскому свое имѣніе; во время своей невзгоды онъ, ходя по судебнымъ мѣстамъ, потерялъ почти все это наслѣдство и, будучи выпущенъ изъ крѣпости, содержался въ городской тюрьмѣ (*Об.* Д.). Графиня Кингстонъ, извѣстная своею красотою и приключеніями, пріѣхала въ 1777 г. въ Петербургъ искать счастія. Она купила близъ Невы имѣніе и поручила завѣдываніе имъ Гарновскому, который пользовался особеннымъ ея расположеніемъ. Холодность, какую императрица Екатерина оказывала графинѣ Кингстонъ, заставила ее оставить Россію; она удалилась въ Италію (Histoire de Catherine II, ч. II, стр. 272).

Надежнѣй гроба дома нѣтъ: 6.
Богатымъ онъ отверзтъ и бѣднымъ,
И царь и рабъ въ него придетъ;
Къ чему жъ съ столь рвеньемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоялый строишь дворъ
И, ахъ! сокровища Тавриды[8]
На баркахъ свозишь въ пирамиды
Средь полицейскихъ ссоръ?

Любовь гражданъ и слава намъ 7.
Лишь воздвигаютъ прочны домы:
Они, подобно небесамъ,
Стоятъ и презираютъ громы[в].
Зри, хижина Петра доднесь,

[в] Вѣкъ не падутъ, бывъ всѣми чтомы.

---

[8] И, ахъ! сокровища Тавриды...

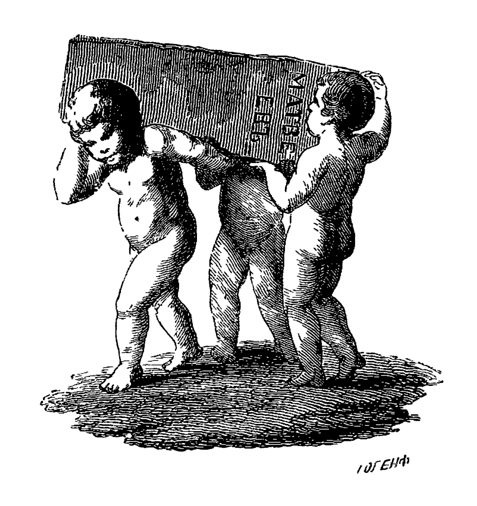
По смерти Потемкина Гарновскій сталъ перевозить изъ Таврическаго дома въ свое новое зданіе многія вещи, какъ-то: картины, мебель и даже строительные матеріалы. Узнавъ о томъ, родственники покойнаго, особливо же генералъ-прокуроръ А. Н. Самойловъ, остановили чрезъ полицію это расхищеніе (*Об.* Д.). Мы видѣли выше (стр. 228 въ примѣчаніи 1 къ одѣ *Осень во время осады Очакова*), что одна сестра Потемкина была замужемъ за Энгельгардтомъ. У него была еще другая сестра, вышедшая за Николая Борисовича Самойлова, который сперва служилъ въ арміи офицеромъ, потомъ перешелъ въ гражданскую службу и умеръ сенаторомъ. Отъ этого брака родилось двое дѣтей: дочь, Екатерина Николаевна, вышедшая за Раевскаго, отца Николая Николаевича, прославившагося въ войнѣ 1812 г., а послѣ бывшая въ замужствѣ за генералъ-маіоромъ Львомъ Даниловичемъ Давыдовымъ, и сынъ (съ 1795 г. графъ) Александръ Николаевичъ Самойловъ, дѣйствительный камергеръ и генералъ-прокуроръ (рукопись современника о Потемкинѣ и *Русск. Вѣстн.* 1841, т. II), умершій 1 ноября 1814 г. См. о немъ въ примѣчаніяхъ къ одамъ *Вельможа*, подъ 1794, и *Аѳинейскому витязю*, подъ 1796 г.

Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы!
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣеву принесъ[9]!

Рабочихъ въ шумѣ голосовъ, 8.
Машинъ во скрипѣ, во стенаньи,
Средь громкихъ пѣсень и пировъ
Трудись, сосѣдъ, и строй ты зданья;
Но мой не отнимай лишь свѣтъ.
А то оставь молвѣ правдивой
Рѣшить, чей домъ скорѣй крапивой
Иль плющемъ зарастетъ?

[9] ... Матвѣеву принесъ.

Извѣстное преданіе о чертѣ народной любви къ боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. Подъ *хижиной Петра* разумѣется домикъ въ голландскомъ вкусѣ, построенный Петромъ Великимъ близъ петербургской крѣпости во время работъ при заложеніи ея. Онъ тщательно сохраняется. Словами *какъ храмъ* поэтъ какъ бы предугадалъ будущій характеръ этого домика, въ которомъ при императорѣ Николаѣ I устроена часовня съ чудотворными иконами, привлекающими множество богомольцевъ.

LXII. НА ПРОРОЧЕСТВО СИМЕОНА ПОЛОЦКАГО И ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО ПРИ РОЖДЕНІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО[1].

Когда Димитрій, Симеонъ,
Молясь, на небеса смотрѣли,
Господень освѣтился тронъ,
Полки небесныхъ Силъ воспѣли,
Повѣялъ теплый[а] майскій вѣтръ;
Небесны громы[б] вострубили,
Волхвы россійски возвѣстили:
«Рожденный отрокъ будетъ Петръ,
«Сотретъ невѣжеству, внутри измѣнамъ выю[в];
«Какъ громомъ, поразитъ и внѣшнихъ онъ враговъ
«И просвѣтитъ всее, какъ свѣта богъ, Россію[2]».
Сбылся пророческій гласъ словъ!

[а] Повѣялъ легкій... (1791).
[б] Полночны громы...
[в] «Сотретъ онъ мраку, злобѣ выю».
Сбылся пророческихъ гласъ словъ:
Какъ Богъ, онъ просвѣтилъ Россію;
Какъ громъ, онъ поразилъ враговъ.

[1] Напечатано въ *Московскомъ журналѣ* за ноябрь 1791 г. (ч. IV, стр. 117), подъ заглавіемъ: На рожденіе Петра Великаго и съ примѣчаніемъ въ скобкахъ подъ стихотвореніемъ: *Изъ Петербурга отъ неизвѣстной особы.* Настоящій текстъ его заимствуемъ мы изъ чистой рукописи мелкихъ стихотвореній Державина.

[2] И просвѣтитъ всее, какъ свѣта богъ, Россію.

Ср. у Ломоносова, въ одѣ 4-й, предпослѣдняя строфа, стихъ 5:

Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія!

и то, что сказано было выше, стр. 35, въ примѣч. 5 къ пѣсни *Петру Великому*, подъ 1776 г.

LXIII. НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ЕКАТЕРИНЫ II[1].

Вселенну Слава пролетая,
Велитъ рѣшить вопросъ вѣкамъ:
По имени она вторая[a],
Но кто же первый по дѣламъ?

[a] Коль именемъ она вторая,
Кто жъ первый по дѣламъ? (1791).

---

[1] Напечатана въ *Московскомъ журналѣ* за декабрь 1791 г. (ч. IV, стр. 253) подъ заглавіемъ: Надпись къ портрету ея величества и съ примѣчаніемъ въ скобкахъ подъ послѣднимъ стихомъ: *Изъ Петербурга отъ неизвѣстной особы.*

Какъ эта надпись, такъ и предыдущая повторяются нѣсколько разъ въ рукописяхъ Державина. Хотя тамъ время сочиненія ихъ и не показано, однакожъ едва ли мы значительно ошиблись, отнеся ихъ къ тому же году, въ который онѣ были въ первый разъ напечатаны. Въ изданныхъ доселѣ собраніяхъ сочиненій Державина ихъ нѣтъ; въ тетрадяхъ его онѣ находятся между мелкими стихотвореніями, которыя онъ предполагалъ издать особымъ томомъ.

Въ февральской книжкѣ *Московскаго журнала* за 1792 г. (ч. V, стр. 177) помѣщенъ чей-то отвѣтъ на эту надпись, подъ заглавіемъ: *Отвѣтъ Славѣ*, съ такимъ примѣчаніемъ: *Вотъ стихи, изъ коихъ послѣдняя строка есть другая надпись къ тому же портрету, содержащая отвѣтъ на первую:*

Великихъ дѣлъ пѣвецъ чрезъ Славу предлагаетъ
Вопросъ къ рѣшенію вѣкамъ.
Вѣщайте, Слава восклицаетъ:
Кто въ свѣтѣ первый по дѣламъ? —
Вѣка отвѣтствуютъ нельстивыми устами:
«Вторая именемъ есть первая дѣлами».
(Изъ Петербурга).

LXIV. СКРОМНОСТЬ[1].

—

Тихій, милый вѣтерочекъ, 1.
Коль порхнешь ты на любезну,
Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи.
Если спроситъ, чье? — молчи.

[1] Эта пьеса, отнесенная въ рукописи 1790-хъ годовъ къ *любовнымъ пѣснямъ*, помѣщена тамъ, какъ переводъ съ италіянскаго, въ слѣдующемъ видѣ:

Чистый, быстрый ручеечекъ, 2.
Если встрѣтишь ты любезну,
Какъ слезинка ей въ лицо плещи.
Если спроситъ, чья? — молчи.

Ясный, ведреный денечекъ, 3.
Какъ освѣтишь ты любезну,
Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи.
Если спроситъ, чьи? — молчи.

Темный миртовый лѣсочекъ, 4.
Какъ сокроешь ты любезну,

Тихій, милый вѣтерочекъ,
Коль порхнешь къ моей любезной,
Скажи, что ты вздыханье,
Но чье, о томъ молчи.
Чистый, быстрый ручеечекъ,
Коль встрѣтишься гдѣ съ нею,
Скажи ей, что ты слезы;
Но кто ихъ проливаетъ,
О томъ ты не журчи.

Окончательная отдѣлка этихъ стиховъ относится къ 1802 году, какъ видно изъ рукописи казанскаго университета, въ которой они записаны съ большими помарками и поправками. Въ *Объясненіяхъ* Державина, диктованныхъ имъ въ 1809, они обозначены какъ подражаніе Метастазію, и временемъ ихъ сочиненія показанъ тамъ 1795 годъ; но мы въ этомъ отношеніи болѣе вѣримъ тетради 90-хъ годовъ, какъ писанной гораздо ранѣе: тамъ они отмѣчены 1791 годомъ.

Скромность была напечатана въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 77, и потомъ, безъ измѣненій, въ изданіи 1808 г., ч. III, XXXIX.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: «1) Амуръ, попирающій ногами силу учености и разума, наложилъ перстъ на уста свои въ означеніе, что скромностію только побѣды его и власть блистательны и прочны. 2) Здѣсь Геній скромности, желая закрыть пламень свой, употребилъ крыло свое вмѣсто щита; тщетная осторожность умножила пожаръ и полетъ только его сократила» (*Об.* Д.).

Тихо вѣткой грудь ей щекочи.
Если спроситъ, кто? — молчи [2].

[2] Прилагаемъ подлинникъ первоначальной редакціи этихъ стиховъ изъ кантаты Метастазія Amor timido. Для Державина, незнакомаго съ италіянскимъ языкомъ, подстрочный переводъ сдѣланъ былъ вѣроятно Н. А. Львовымъ.

Placido zefiretto,
Se trovi il car oggetto,
Digli che sei sospiro;
Ma non gli dir di chi.
Limpido ruscelletto,
Se mai t'incontri in lei,
Digli che pianto sei,
Ma non gli dir qual ciglio
Crescer ti fe' così.

(Opere del signor abate Pietro Metastasio, Парижъ, 1781, т. VIII, стр. 406).

ВОДОПАДЪ.

Примѣчаніе 1.

[1] Послѣ взятія Измаила Потемкинъ 28 февраля 1791 г. пріѣхалъ въ Петербургъ (см. выше примѣч. 1 къ *Описанію* его праздника) и прожилъ здѣсь до 24 іюля. Онъ понималъ, что, какъ скоро удалится, враги его окончательно восторжествуютъ; съ другой стороны ему ясно было и то, что продолженіе военныхъ дѣйствій, нужное для честолюбивыхъ его замысловъ, призывало его въ Молдавію. Такимъ образомъ въ душѣ его происходила тяжелая борьба. Между тѣмъ Екатерина хотѣла мира. Она давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала отъѣзда Потемкина, но онъ медлилъ. Наконецъ положено было объявить ему о томъ приказаніе ея чрезъ кого-нибудь изъ близкихъ къ ней лицъ; но никто, ни изъ враговъ его, ни изъ друзей — ни Зубовъ, ни Безбородко — не брали этого на себя. Тогда императрица рѣшилась отдать Потемкину приказаніе лично и сама посѣтила его съ этою цѣлью. Онъ принялъ изъявленіе воли ея безпрекословно. Уже во все послѣднее время пребыванія своего въ Петербургѣ онъ поражалъ своею глубокою задумчивостью и необычайною кротостью. На обратномъ пути въ армію онъ почувствовалъ умноженіе тѣлесной своей слабости, что однакожъ нисколько не измѣнило его политическихъ плановъ. Онъ продолжалъ переписываться съ Екатериною и уже выражалъ ей сомнѣніе въ возможности поправиться. «Я Бога прошу», отвѣчала она, «чтобъ отъ тебя отвратилъ сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія». Въ рукописи современника, которою мы уже неразъ пользовались (имп. пуб. библ.), обстоятельства, предшествовавшія смерти его, описаны слѣдующимъ образомъ:

«Въ Яссахъ онъ объявилъ начисто, что отнюдь не заключитъ мира, если не будетъ ему уступлена Молдавія и Валахія. Оказалось, однакожъ, что роль его во всѣхъ частяхъ уже кончилась. Когда бы Потемкинъ остался въ С. Петербургѣ и здоровымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ посредствомъ своего всепроникающаго усилія опять возстановилъ бы свою власть, свергнулъ бы любимца со всѣми его сообщниками и конечно свергнулъ бы ужаснымъ образомъ. Но какъ въ разсужденіи войны надлежало ему отлучиться, то чувствовалъ онъ и самъ, что нѣтъ ему

возможности удержаться въ своемъ кредитѣ. Скорбь о семъ, упорливость Турковъ въ уступленіи ему непомѣрныхъ выгодъ, которыхъ онъ требовалъ, и чувствованіе невозможности, при извѣстномъ разстроеніи государственной казны, продолжать весьма убыточную, для честолюбивыхъ его намѣреній толпко необходимую войну, при удовлетвореніи его убыточныхъ столько разнообразныхъ прихотей, его умѣривали. Онъ со дня на день содѣлывался больнѣе, и предвѣстія смерти оказались явственно въ непрестанно пріумножающихся его безпокойствахъ. За 8 дней предъ своею смертью послалъ онъ извѣстіе въ Петербургъ объ опасности своей жизни». Далѣе говорится, будто Екатерина приняла это извѣстіе «съ большимъ равнодушіемъ», но такое показаніе, какъ видно между прочимъ *изъ Записокъ Храповицкаго* (см. ниже) ни на чемъ не основано.

Въ современномъ письмѣ изъ Яссъ (*Маякъ* 1842, т. IV, *Смѣсь*) сказано, что когда болѣзнь Потемкина (горячка, обратившаяся въ сильную лихорадку,) усилилась и Яссы ему такъ опротивѣли, что онъ называлъ ихъ своимъ гробомъ, то туда пріѣхалъ любимый имъ обергитеркригскоммисаръ, бригадиръ * Фалѣевъ, оканчивавшій въ то время построеніе Николаева. Своими разсказами объ успѣшныхъ работахъ онъ возбудилъ въ Потемкинѣ желаніе посѣтить возникавшій городъ и, сколько ни старались удержать больнаго, представляя ему опасность путешествія черезъ степь, гдѣ нельзя будетъ найти помощи, онъ рѣшился ѣхать. «Видя, что все тщетно, уговаривали его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ ѣхалъ не ранѣе 10-ти часовъ. Онъ и далъ имъ слово, однакожъ обманулъ: ибо только что разсвѣтать начало, приказалъ онъ подвезть коляску, вынесть себя на постелѣ и положить въ оную, и такъ онъ отправился въ 7 часу 4 октября, не смотря на густой туманъ.» — «Его свѣтл. приказалъ положить себя въ большія кресла и на оныхъ снести къ шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ великимъ трудомъ и положили. Тутъ князь подписалъ письмо къ ваш. имп. вел. и въ 7 часовъ по полуночи пустился въ путь свой къ Николаеву» (изъ донесеній В. С. Попова). Письмо, писанное рукою Попова, было въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Матушка, всемил. государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что̀ будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный». Къ этому самъ Потемкинъ нетвердымъ почеркомъ приписалъ: *Одно спасеніе уѣхать.* (П. Лебедева *Матеріалы для ист. царств. Ек. II.*) «Поѣхали съ нимъ въ другихъ экипажахъ», продолжаетъ современное письмо, «Боуръ, князь Сер. Ѳед. Голицынъ (см. выше стр. 223), Фалѣевъ и

* Въ подлинныхъ официіальныхъ бумагахъ Фалѣевъ называется статскимъ совѣтникомъ. Въ то время названіе *бригадира* употреблялось безъ различія рода службы, какъ до сихъ поръ еще въ ходу названіе *генерала.*

графиня Александра Вас. Браницкая * (стр. 228). На первую станцію, по имени Пунчешты, которая разстояніемъ 25 верстъ, пріѣхалъ онъ благополучно, велѣлъ взнести себя въ избу и уснулъ часа три. Проснувшись, позвалъ къ себѣ Фалѣева и графиню Браницкую, велѣлъ имъ говорить, самъ въ рѣчи ихъ вмѣшивался и такъ былъ веселъ, что просидѣлъ съ ними до 12-ти часовъ; говорилъ имъ, что онъ радъ, что гробъ свой въ Яссахъ оставилъ. Ночью не могъ онъ заснуть и жаловался, что всѣ кости у него ломитъ, что̀ всѣ считали добрымъ признакомъ; однакожъ онъ иначе о семъ думалъ и поминутно спрашивалъ, скоро ли разсвѣнетъ. Лишь только показался свѣтъ, онъ и велѣлъ заложить лошадей; однакожъ всѣ ему говорили, что ихъ повели поить. Онъ примѣтилъ, что обманъ, приказалъ себя вынести, говоря, что ему хочется на воздухѣ полежать. Видя, что нечего дѣлать, повезли его; онъ ѣхалъ не болѣе полуверсты, велѣлъ остановиться, что ему очень худо; потомъ опять приказалъ поѣхать; но, проѣхавъ немного, спросилъ: нѣтъ ли близко деревни? Ему отвѣчали, что есть, и онъ приказалъ ѣхать въ оную; но, спускаяся съ горы и отъѣхавъ отъ станціи 7 верстъ, опять остановился, сказалъ: «Будетъ теперь, некуда ѣхать, я умираю, выньте меня изъ коляски, я хочу умереть на полѣ». Итакъ вынули его изъ коляски на постели и положили на траву. Потомъ спросилъ онъ спирту намочить онымъ голову, и, полежавъ болѣе трехъ четвертей часа, сталъ помаленьку отходить, и, напослѣдокъ, зѣвнувъ раза три, такъ покойно умеръ, какъ будто свѣча, которая вдругъ погаснетъ безъ малѣйшаго вѣтра. Сіе я описываю тебѣ, какъ пересказывалъ мнѣ г. Фалѣевъ, который былъ при князѣ до послѣдняго вздоха... Князь выѣхалъ изъ Яссъ въ субботу, а умеръ въ воскресенье въ 12 часовъ, то-есть въ полдни.» — «Три четверти одиннадцатаго у князя потемнѣло въ глазахъ; онъ силится выйдти изъ кареты; мы положимъ его на матрасахъ подъ открытымъ небомъ. Двѣнадцать часовъ: князь скончался. Агонія продолжалась пять минутъ. Скорбь убиваетъ всѣ наши душевныя силы» (изъ послѣдняго бюллетеня докторовъ). «Я поручилъ», писалъ Поповъ графу Безбородкѣ, «написать изображеніе кончины его сіят. на откры-

* Въ *Зап. Храповицкаго* подъ 28 августа отмѣчено, что при извѣстіи объ усиленіи болѣзни Потемкина, къ нему поѣхала его племянница, гр. Браницкая. Въ послѣднемъ путешествіи при немъ еще былъ адъютантъ его, генералъ-маіоръ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, извѣстный острякъ того времени, котораго императрица, ѣдучи въ Крымъ, исключила изъ своей свиты съ словами: «Безчестный человѣкъ въ моемъ сообществѣ жить не можетъ» (*Зап. Храп.* 1787, апр. 24, и *Отеч. достоп.*, ч. IV, стр. 128), но котораго послѣ она щедро награждала по представленіямъ Потемкина. Врачи, сопровождавшіе князя, были: доктора Тиманъ, Массотъ и штабъ-лѣкарь Санковскій. — Поповъ, исчисляя, во всеподданнѣйшемъ донесеніи, свиту Потемкина въ этой поѣздкѣ, не упоминаетъ о генералѣ Боурѣ (П. Лебедева *Матеріалы для исторіи царств. Ек. II*).

томъ полѣ, гдѣ онъ, простертый на травѣ, засыпалъ вѣчнымъ сномъ. Графиня Александра Васильевна (*Браницкая*), бросаясь на него, старалась увѣрить себя и всѣхъ, что онъ еще живъ, старалась дыханіемъ своимъ согрѣть охладѣвшія уста. Всѣ окружающіе въ ужасѣ и отчаяніи воздымали руки и били себя въ перси» (П. Лебедева *Матеріалы*). Къ рукописи современника о Потемкинѣ, находящейся въ публичной библіотекѣ, приложена гравюра, изображающая эту сцену: вѣроятно, это-то и есть картина, нарисованная Ивановымъ по заказу В. С. Попова.

Мѣсто смерти Потемкина такъ обозначено въ «Надгробной пѣсни» Рубана: «при спускѣ горы, находящейся между селеній Резины и Волчинцовъ въ Ясскомъ округѣ». Къ этому прибавлено, что въ Яссахъ, при собраніи знатнѣйшаго духовенства и всѣхъ войскъ, надъ покойникомъ совершенъ обрядъ отпѣванія 13 октября, а тѣло его положено екатеринославскаго намѣстничества въ городѣ Херсонѣ, въ соборной церкви св. Екатерины 23 ноября 1791 г. (*Нов. ежемѣс. соч.* ч. LXXXVIII). Въ рукописи современника упомянуто, что, сердце его перевезено и предано землѣ между гробницами его предковъ въ Смоленскѣ; какъ въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ и въ Херсонѣ воздвигнуты были ему великолѣпныя надгробія *». На мѣстѣ смерти Потемкина также былъ поставленъ памятникъ, изображеніе котораго приложено къ *Вѣстнику Европы* 1810 года, № 5. Этотъ памятникъ, существовавшій еще въ 1811 году, состоялъ изъ каменнаго круглаго столба съ слѣдующею наверху, въ овальномъ щитѣ надписью:

Покровъ имѣя твердь
И землю одръ,
Средь поля оставилъ міра
Такъ мятежную онъ юдоль.

(П. Лебедева *Матеріалы*.)

«Поутру 5 октября», продолжаетъ современный корреспондентъ, «пріѣхалъ въ Яссы ординарецъ съ письмомъ къ государынѣ въ 12 часу, другой по Василья Степановича (*Попова*), который нашелъ уже князя мертва... Василій Степановичъ велѣлъ тѣло свезти въ Яссы ночью, что было и исполнено; везли его въ той коляскѣ, въ которой онъ поѣхалъ, съ зажженными факелами, и бросали по дорогѣ тряпки, омоченныя въ деготь, чтобъ свѣтлѣе было... Для приготовленія церемоніи третій день рабо-

* Въ книгѣ *Жизнь кн. Г. А. Потемкина-Т.*, М., 1812 (ч. III, стр. 68,) сказано: «Но и гробъ не можетъ сокрыть печальныхъ остатковъ отъ гнѣва и преслѣдованія сильныхъ! Черезъ пять или шесть лѣтъ тѣло Потемкина было вынуто изъ гробницы и похоронено на обыкновенномъ кладбищѣ внѣ Херсона.» Въ *Запискахъ Л. Н. Энгельгардта* можно найти подробное описаніи погребенія Потемкина.

таютъ болѣе 600 человѣкъ.. его анатомили и бальсамировали на другой день по кончинѣ; на томъ мѣстѣ, гдѣ князь умеръ, поставлены казаки и воткнуты копья. Думаютъ, что тутъ поставленъ будетъ столпъ въ память ему... — Князь былъ исповѣданъ и причащенъ.

«Теперь приступимъ къ описанію слѣдствій, происходившихъ по кончинѣ его. Василій Степановичъ, пріѣхавши отъ него прямо въ канцелярію, взявши запечатавъ все (sic) и отправя курьера, объявилъ, что князя болѣе нѣтъ въ живыхъ; то сей слухъ разнесся по всему городу менѣе четверти часа: на улицахъ только было и видно разнаго народа, толпами идущаго на княжной (sic) дворъ, такъ что даже у всѣхъ Молдаванъ и у Жидовъ были полные глаза слезъ, а о служащихъ нечего и говорить. Когда я вошелъ въ залу княжую и, найдя много знакомыхъ, стали говорить о его смерти, то подошелъ къ намъ, не знаю, какой-то генералъ, сказавъ намъ: «Такъ, братцы, мы лишились не фельдмаршала, но отца»! и словомъ тебѣ сказать, что все такъ перемѣнилось, что не видно было, кто генералъ и кто офицеръ».

Безъ сомнѣнія, смерть Потемкина, еще недавно столь могучаго, произвела сильное впечатлѣніе на соотечественниковъ его. При всемъ томъ ни въ *С-петербургскихъ*, ни въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* нѣтъ извѣстія о его смерти. Только въ послѣднихъ явились 25 октября (№ 86) стихи Мих. Цвѣткова на кончину Потемкина. Петровъ, находившійся въ особенныхъ отношеніяхъ къ покойному, сочинилъ на этотъ случай длинную *Элегію* александрійскими стихами. Дмитріевъ написалъ *Пѣснь на кончину князя Потемкина Таврическаго*, напечатанную съ обыкновенною подписью его И. въ *Москов. журналѣ* за февраль слѣдующаго года (ч. V, стр. 170), и вошедшую потомъ въ первыя изданія сочиненій этого писателя. По этому же поводу Фонъ-Визинъ, уже разбитый параличемъ и чувствовавшій, что ему жить недолго, написалъ *Размышленіе о суетной жизни человѣческой*, въ первый разъ напечатанное въ *Журналѣ для пользы и удовольствія* 1805 г., ч. III, а впослѣдствіи и въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Фонъ-Визина *.

Въ концѣ часто упоминаемой нами рукописи современника сказано по поводу смерти Потемкина: «На свѣтѣ все проходно: умеръ и сей славный, почестями превознесенный! Палъ сей огромный дубъ, коего вѣтви утѣсняли Россію, касались чуждыхъ странъ, либо благотворя своею сѣнію, или заслоняя. Пало, и въ своемъ паденіи не раздавило ни одного птенца, то огромное тѣло, которымъ въ жизни попраны четыре державы. Тако палъ Потемкинъ, и память его погибла съ шумомъ. Никто о семъ не изумился, немногіе уронили слезу; а нынѣ, чрезъ 16 лѣтъ, объ немъ

* Въ *Новыхъ ежем. соч.*, гдѣ кн. Дашкова помѣщала оды на побѣды Потемкина, напечатано также нѣсколько эпитафій ему (ч. LXIV, LXXXVIII и пр.).

уже и не упоминаютъ» (слѣдовательно рукопись окончена въ 1807 году). Вслѣдъ за этимъ помѣщены стихи Дмитріева, напечатанные, какъ выше замѣчено, въ *Московскомъ журналѣ*.

Державинъ получилъ извѣстіе о смерти знаменитаго временщика въ письмѣ Грибовскаго, бывшаго своего подчиненнаго въ Петрозаводскѣ, въ послѣднее время служившаго при Потемкинѣ (см. *Записки Грибовскаго*, стр. 58). Конечно поэтъ вскорѣ послѣ того и началъ *Водопадъ*, но онъ писалъ его долго. И. И. Дмитріевъ въ *Запискахъ* своихъ (*Москвит.* 1842 г., № 1, стр. 152) вспоминаетъ, что въ первое время эта ода, имѣющая 74 строфы, состояла только изъ 15-ти. Она была окончена не прежде, какъ въ исходѣ 1794. Въ письмѣ отъ 3-го декабря этого года къ Дм. Бор. Мертваго въ оренбургскую деревню, Державинъ говоритъ: «При семъ посылаю вамъ по обѣщанію моему *Водопадъ*, который послѣ васъ мнѣ разсудилось окончить» (Мертваго выѣхалъ изъ Петербурга въ сентябрѣ). Такъ какъ однакожъ неизвѣстно, что̀ именно въ этой одѣ оставалось до того недописаннымъ, начата же она и уже до нѣкоторой степени отдѣлана въ годъ самаго событія, то мы и всю ее относимъ къ этому времени*.

Она напечатана была въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 312, съ означеніемъ въ заглавіи дня смерти Потемкина, и 1808 г., ч. I, XLIII.

Приложенные къ одѣ рисунки (Олен.) такъ объясненены въ рукописяхъ: «1) *На утломъ пнѣ, который свисъ*, сидитъ въ глубокой думѣ россійскій престарѣлый воинъ, которому въ сновидѣніи мечтаются его заслуга и предвѣстіе о кончинѣ славнаго полководца. 2) Медаль, представляющая кончину князя Таврическаго. Побѣда ведетъ его на вышнюю степень славы; но рокъ завистливый внезапно пресѣкаетъ его путь. Отъ нечаяннаго паденія Побѣда въ изумленіи останавливаетъ коней, и россійскій Орелъ, оцѣпенѣвъ, взираетъ на падшаго героя».

Есть картинка къ *Водопаду* (рисовалъ Ивановъ, гравировалъ Ческій) въ *Полярной звѣздѣ* на 1824 годъ.

* По словамъ Дмитріева, начало *Водопада* было уже написано, когда онъ познакомился съ Державинымъ (1790 г.), и послѣдній кончилъ эту оду по полученіи извѣстія о смерти Потемкина; но вѣроятно, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ подробностяхъ, память измѣняла Дмитріеву, который составлялъ свои *Записки* въ старости.

LXV. ВОДОПАДЪ.

—

Алмазна сыплется гора 1.
Съ высотъ четыремя скалами;

Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ [2].

[2] Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Картина пороговъ рѣки Суны, впадающей въ Онежское озеро. Державинъ видѣлъ это мѣсто въ 1785 г., бывши олонецкимъ губернаторомъ. Въ *Поденной запискѣ*, которую онъ велъ во время обозрѣнія губерніи, записано 20-го іюля (на другой день по выѣздѣ изъ Петрозаводска): «Пристали въ деревнѣ Яничъ-поле. Мѣсто сіе вообще именуется *Суна;* сіе отъ того, что рѣка, текущая изъ Швеціи * подъ названіемъ Суна, впадаетъ подъ деревней сей въ озеро Онего. Рѣка сія мелка и не судоходная и въ 19 верстахъ отъ деревни имѣетъ великіе пороги»... 21 іюля: «Изъ Кончезерскихъ заводовъ (*желѣзныхъ*) поѣхали верхами въ деревню *Верхнюю Воронову*, въ 10 верстахъ отъ оныхъ отстоящую; изъ Воронова, сѣвъ на лодки, поѣхали по рѣкѣ Сунѣ къ порогу, именующемуся *Кивачемъ.* Сей разстояніемъ отъ деревни находится въ 6 верстахъ. Дикость положенія береговъ и безпрестанныя видовъ перемѣны ежечасно упражняютъ взоръ. Проѣхавъ 3 версты, рѣка была покрыта пѣною, и чѣмъ ближе подъѣзжали, тѣмъ пѣна сія была густѣе и, насѣдая на берега, казала оные какъ бы унизанными бѣлыми каменьями. Въ верстѣ отъ пороговъ показался въ правомъ боку дымъ, который по мѣрѣ приближенія сгущался. Наконецъ, приставъ и взошедъ на гору, увидѣли мы пороги сіи. Между страшными крутизнами черныхъ горъ, состоящихъ изъ темносѣраго крупнозернистаго кнейса, находится жерло глубиною до 8-ми сажень; въ оное съ горъ, лежащихъ къ востоку и полудню, падаетъ съ великимъ шумомъ вода, при паденіи разбивается въ мелкіе брызги на подобіе разсыпанной во множествѣ муки. Пары, столбомъ возстающіе, досягаютъ до вершинъ двадцатипятисаженныхъ сосенъ и оныя омочаютъ... Чернота горъ и сѣдина біющей съ шумомъ и пѣнящейся воды наводятъ нѣкакій пріятный ужасъ и представляютъ прекрасное зрѣлище».

Современникъ Державина, академикъ Н. Я. Озерецковскій, въ своемъ «Путешествіи по озерамъ Ладожскому и Онежскому» (стр. 233) такъ описываетъ свою поѣздку къ Кивачу: «Губою отправился я съ острова Лычнаго въ деревню Сопоху, при концѣ губы лежащую, чтобы отсюда пробраться къ порогу Кивачу, на рѣкѣ Сунѣ находящемуся, до котораго отъ Сопохи около 12 верстъ надобно было ѣхать верхомъ чрезъ густой лѣсъ. Шумъ падающей съ Кивача воды возвѣстилъ намъ о его близкости, прежде нежели мы подъѣхали. Тутъ представился зрѣнію каменный непорядочный утесъ, поперегъ рѣки лежащій, на которомъ находятся три уступка одинъ другаго выше. Съ первыхъ двухъ уступковъ сбѣгаетъ

* Не изъ Швеціи, а съ сѣверо-запада, отъ стороны Финляндской границы.

Шумитъ — и средь густаго бора 2.
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся[3].

Сѣдая пѣна по брегамъ 3.
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ[4];

вода находящимися между камнями рытвинами и падаетъ на третій уступокъ, съ котораго въ великомъ количествѣ низвергается она въ глубокій бочагъ, внизу порога находящійся, куда упадая обращается въ пѣну и обильный даетъ отъ себя паръ, который, поднявшись вверхъ, сажается на дерева, близъ берега растущія, и мочитъ ихъ вѣтви до самыхъ вершинъ, отъ чего въ зимнее время стоятъ онѣ обвѣшаны большими ледяными сосульками. Въ весеннюю водополь паденіе воды бываетъ столь сильно, что большія бревна, пущенныя съ порога, надвое и больше переламываются».

Этимъ описаніемъ очевидца воспользовался покойный Пав. Петр. Свиньинъ для небольшой статьи *Водопадъ Кивачъ*, помѣщенной имъ въ изданныхъ имъ *Отечественныхъ достопамятностяхъ* (ч. III, стр. 153). Поводомъ къ этой статьѣ послужилъ *Водопадъ* Державина; въ краткомъ вступленіи авторъ говоритъ: «Мѣста, освященныя великими воспоминаніями, прославленныя пѣснопѣвцами, могутъ ли они не возбудить вниманія и удивленія»? По тому же поводу Батюшковъ въ стихотвореніи *Мои Пенаты* говоритъ о Державинѣ:

Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.

Къ книгѣ Озерецковскаго приложено изображеніе Кивача; другой, болѣе вѣрный рисунокъ его сдѣланъ уважаемымъ сочленомъ нашимъ, Г. П. Гельмерсеномъ. Снимокъ съ послѣдней картинки будетъ приложенъ къ этому изданію (см. соч. Державина въ прозѣ).

[3] Рѣкою млечною влекутся.

Когда ѣдешь вверхъ по рѣкѣ, образующей водопадъ, то подъ сводомъ деревъ вода, покрытая пѣной, льется какъ молоко или сливки (*Об.* Д.).

[4] Лежитъ клубами.

Въ изданіи 1808 г. *лежитъ буграми*, но это, должно быть, опечатка; въ изданіи 1798 и въ рукописяхъ читается тутъ *клубами*.

Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ[5]:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

4.
Вѣтрами ль сосны пораженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски[6];
Громами ль камни отторженны,
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ[a],
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ[7].

[a] Сковать ли льды тебя дерзаютъ (1798).

---

[5] Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ.

Хотя отъ Кончезерскаго завода до пороговъ верстъ 20, но въ сильную погоду по вѣтру иногда слышно бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ; тогда шумъ ихъ сливается съ ревомъ водъ въ какую-то дикую гармонію (*Об.* Д.). «Заводъ Кончезерскій основанъ Петромъ Великимъ въ 1707 г.; онъ лежитъ при устьѣ рѣчки, изъ Пертъ-наволоцкаго озера въ Кончезеро текущей, на правой ея сторонѣ, отъ Петрозаводска въ 35-ти верстахъ» (Озерецковскій, стр. 231).

[6] Ломаются въ тебѣ въ куски.

Державинъ приказалъ на вершинѣ порога срубить сосну и бросить ее въ стремленіе воды: черезъ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки ея или щепы (*Об.* Д.). Ср. выше, примѣч. 2, разсказъ Озерецовскаго. Выраженіе: «Вѣтрами ль сосны пораженны» ср. съ стихами въ одѣ *Къ первому сосѣду* (стр. 105):

Петрополь *сосны* осѣняли,
Но *вихремъ пораженны пали.*

Это повтореніе указываетъ на картину, живо запечатлѣвшуюся въ воображеніи поэта.

[7] Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

«Кивачъ никогда не замерзаетъ и водныя капли падаютъ дѣйствительно какъ стеклянная пыль, въ которой отраженіе солнечныхъ лучей производитъ удивительную игру свѣта» (*Об.* Д.).

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ 5.
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ[6], 6.
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду 7.
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится[8].

[6] Лань идетъ робко, содрогаетъ.

---

[8] Отважно въ хлябь твою стремится.

Въ 5-й, 6-й и 7-й строфахъ олицетворяются свойства совершенно разнородныя: подъ волкомъ разумѣется *злоба*, которая отъ ужаса приходитъ въ ярость; подъ ланью — *кротость*, робкая въ опасности, а подъ конемъ — *гордость*, или *честолюбіе*, которое отъ препятствій раздражается и растетъ (*Об.* Д.). Впрочемъ эти строфы написаны подъ впечатлѣніемъ чтенія Оссіана. Очевидно, что Державинъ около этого времени познакомился съ пѣснями шотландскаго барда, и въ *Водопадѣ* становится уже очень замѣтнымъ вліяніе этого знакомства. Въ 1788 г. вышла въ Петербургѣ книжка (въ маленькую осмушку, 64 страницы) подъ заглавіемъ: *Поэмы древнихъ бардовъ. Переводъ А. Д.*, начинающаяся

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ, 8.
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,

Описаніемъ октябрской ночи въ Шотландіи (ср. выше, стр. 344, примѣч. 8 къ одѣ *На взятіе Измаила*)*. Здѣсь на первыхъ страницахъ можно найти слабое очертаніе тѣхъ образовъ, которыми открывается *Водопадъ*. Вотъ начало книжки:

«Нощь пасмурна и печальна (ср. строфу 17 *Водопада*). Тучи простираютъ темную завѣсу надъ холмами. Луны на небесахъ не видно (строфа 18). Ни единая звѣзда не блещетъ. Слухъ мой поражается невнятнымъ и смѣшаннымъ шумомъ вѣтровъ, раздающихся въ отдаленной рощѣ. Источникъ печально журчитъ въ долинѣ (строфы 1 и 2). Сова, предвозвѣстница несчастій, произноситъ пронзительный крикъ (28), сидя на вершинѣ древа, возросшаго близъ гробовъ усопшихъ (12). Я вижу призракъ въ долинѣ; се тѣнь единаго ратника (8), коего нѣтъ уже на свѣтѣ она разсыпается и исчезаетъ. По сему пути нѣкто понесенъ будетъ во гробъ; сей призракъ начерталъ путь ему».

За этимъ слѣдуетъ мѣсто, въ которомъ встрѣчаются черты, очевидно перенесенныя Державинымъ въ описаніе трехъ животныхъ, являющихся передъ *водопадомъ*, особливо *лани:* «Я слышу голосъ пса, лающаго въ отдаленной хижинѣ (28). Елень лежитъ на мхѣ, растущемъ по горѣ; *еленица покоится возлѣ него; она услышала отзывъ вѣтровъ, раздающихся въ рогахъ ея! Я вижу, какъ она, встревожась, вдругъ подъемлетъ свою голову и, приложа уши, окрестъ себя озирается; потомъ, увѣрясь въ безопасности, паки голову свою уклоняетъ* (строфа 6). Дикая коза спитъ въ разсѣлинѣ горы. Тетеревъ сокрылъ свою голову подъ крыло» и проч.

Вскорѣ послѣ выхода книжки *Поэмы древнихъ бардовъ* стали появляться и другіе переводы изъ Оссіана. Въ *Московскомъ журналѣ* за августъ 1791 (ч. III, стр. 134) были напечатаны *Сельмскія пѣсни* съ надписью: *Г. Р. Державину посвящаетъ переводчикъ*, а въ 1792 году Костровъ издалъ свой переводъ Оссіана. Понятно, слѣдовательно, что во время сочиненія *Водопада* вниманіе Державина должно было особенно быть обращено на шотландскаго пѣвца, производившаго тогда такъ много шуму въ Европѣ.

* Не все содержаніе этой книжки можно найти въ собраніи пѣсень, приписанныхъ Макферсономъ Оссіану. Извѣстно, что еще прежде Макферсона другія лица издавали пѣсни бардовъ. Но мы здѣсь всю эту отрасль шотландской поэзіи все-таки отмѣчаемъ именемъ *Оссіана*, какъ главнаго ея представителя.

Я вижу — нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой[9].

9\. Копье и мечъ и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной[10], —

10\. Сидитъ и, взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
«Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надмѣнныхъ, кроткихъ, злыхъ[11].

[9] Я вижу — нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.

Въ *Поэмахъ древнихъ бардовъ:* «Кто же сей, котораго я вижу близъ шумящаго ручья, окутавшагося въ свои одежды»? Ср. выше, стр. 355, въ одѣ *На взятіе Измаила:*

Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ, очами озирая.

[10] Какъ вечеръ во зарѣ румяной.

Подъ старцемъ разумѣется здѣсь Румянцовъ. Слово *румяной* употреблено съ намѣреніемъ (*Об.* Д.). Подобныя созвучія встрѣчаются и далѣе въ строфахъ 25 и 26 *Водопада.* См. выше, стр. 218, примѣчаніе 8 къ одѣ *На смерть графини Румянцовой.*

[11] Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.

Люди раздѣлены здѣсь на три разряда по тремъ представленнымъ выше животнымъ. Вмѣсто слова *благомъ* въ изданіи 1808 г. стоитъ *блескомъ;* но такъ какъ послѣднее противно смыслу, то мы считаемъ его за опечатку и держимся тутъ изданія 1798 г., согласнаго въ этомъ случаѣ съ рукописями.

Не такъ ли съ неба время льется, 11.
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?

Не зримъ ли всякій день гробовъ, 12.
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ[12]
Гласъ смерти, двери скрыпъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ[13]?

Падутъ, — и вождь непобѣдимый, 13.
Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ,
Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы,

[12] Не слышимъ ли въ бою часовъ.

Ср. выше, стр. 89, примѣч. 2 къ одѣ *На смерть кн. Мещерскаго.* Едва ли не Юнговы *Ночи* заронили въ душу Державина эту мысль о значеніи боя часовъ. Еще въ *Утреннемъ Свѣтѣ* за ноябрь 1778 г. появился переводъ первыхъ пѣсенъ этого мрачнаго произведенія. Тамъ (стр. 231) читается между прочимъ мѣсто: «Я слышу, часъ біетъ: мы примѣчаемъ время по единой онаго утратѣ. Премудро поступилъ человѣкъ, давъ колоколу языкъ. Я чувствую важный звукъ сей, яко бы слова ангела. Не обманываюсь я: се есть смертный звонъ скончавшихся моихъ часовъ. Гдѣ же они? Въ годахъ, предъ потопомъ протекшихъ. Се знакъ ко скорому отшествію» и проч.

[13] Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?

Подобно этому и Фонъ-Визинъ въ *Размышленіи о суетной жизни человѣческой* (см. выше, стр. 455, въ примѣчаніи 1) говоритъ: «Тщетно предпринимаемъ, Богъ располагаетъ! По волѣ Его смерть, не смотря ни на титла свѣтлости, ни на силу знатности, ни на блескъ сокровищъ, разитъ смертныхъ внезапнымъ ударомъ» и т. д.

Закрывъ лицо плащемъ, упалъ;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды[в]!

Падутъ, — и несравненный мужъ 14.
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
Презрѣвшій прелесть багряницы,
Плѣнившій Велизаръ царей
Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.

Падутъ, — и не мечты прельщали 15.
Когда меня, въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали[14],

[в] Сомкнулись алчны трона вѣжды.

---

[14] Давно ли города встрѣчали.

За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ фельдмаршалъ гр. Румянцовъ, какъ побѣдитель и благоразумный правитель губерній ему ввѣренныхъ *, былъ почтенъ лаврами и оливами, но въ послѣднюю турецкую войну онъ по проискамъ Потемкина не командовалъ главной арміей, а оставался въ резервной, весьма малочисленной, и жилъ недалеко отъ Яссъ въ маленькой деревнѣ ** (*Об.* Д.). Французскій посланникъ гр. Сегюръ, сопровождавшій Екатерину во время ея крымскаго путешествія, говоритъ въ своихъ *Запискахъ* (т. II, стр. 171): «Приближаясь къ нѣкоторымъ большимъ городамъ, мы видѣли расположенные въ порядкѣ эскадроны отборнаго войска, блиставшаго красотой оружія и богатствомъ мундировъ. Противоположность между ихъ великолѣпною наружностью и бѣдностью полковъ фельдмаршала Румянцова достаточно показывала, что мы выѣхали изъ губерній престарѣлаго героя и вступаемъ въ страны, ввѣренныя судьбой князю Потемкину».

* 27 декабря 1779 г. открыто курское намѣстничество подъ начальствомъ фельдмаршала-намѣстника. Онъ же открывалъ харьковское намѣстничество и названъ при этомъ генералъ-губернаторомъ Малой Россіи (*Спб. Вѣст.*, ч. V, стр. 74, и ч. VI, стр. 311).

** *Стенки* въ 15-ти верстахъ отъ Яссъ. Прим. Ѳ. Львова въ изданныхъ имъ *Объясненіяхъ* Державина (см. наше Предисловіе въ этомъ томѣ).

Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ?
Давно ль? — Но, ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!

Ослабли силы, буря вдругъ 16.
Копье изъ рукъ моихъ схватила[15];
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила».
Онъ рекъ — и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ.

[15] Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила.

«Буря или немилость императрицы, которая отняла у него власть и лишила побѣдъ» (*Об.* Д.). Объ отношеніяхъ между обоими полководцами во вторую турецкую войну рукопись современника разсказываетъ слѣдующее: «Потемкинъ именно по своему характеру не могъ близъ себя въ чинѣ и силѣ терпѣть равнаго. Румянцовъ былъ старѣе его въ фельдмаршалахъ, и хотя армія, надъ которою онъ начальствовалъ, во всякомъ отношеніи была слабѣе екатеринославской, но составляла особливое войско, совсѣмъ отъ Потемкина независящее. Довольная для него причина, чтобъ Румянцова ненавидѣть и помышлять о средствахъ къ къ его отдаленію. Но какъ сего полководца всѣ войски содержали въ великомъ уваженіи и притомъ оказалъ онъ отечеству многія услуги, то, не измѣня благоразумію, не можно было его отрѣшить, но стараться до тѣхъ поръ ему дѣлать оскорбленія, пока самъ онъ найдетъ за лучшее начальство оставить. Съ самаго начала турецкой войны Потемкинъ думалъ, что надлежитъ дать ему начальство, ибо имени Румянцова было довольно для произведенія въ Туркахъ страха. Однакожъ онъ предоставилъ его дѣйствовать только своимъ именемъ. Украинская, ввѣренная ему армія была числомъ несравненно меньше екатеринославской и содержана была гораздо хуже. Одного сего обстоятельства было довольно къ возбужденію въ старомъ графѣ Румянцовѣ негодованія. Однакожъ, на сіе не взирая, снесъ онъ сію несправедливость съ великою твердостью, шествовалъ своимъ путемъ и дѣлалъ, какъ мы то видѣли, невозможное. Между тѣмъ оскорбленія усугублялись въ разныхъ родахъ, какія только можно было наносить графу Румянцову. Лишали его войско необходимыхъ надобностей, офицеровъ, которыхъ онъ отлично одобрялъ, либо совсѣмъ не награждали, или хотя и награждали, но очень посред-

Сошла октябрска ночь на землю [16], 17.
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны [17],
О камни съ высоты дробимой
И снѣжною горою зримой.

Пустыня, взоръ насупя свой, 18.
Утесы и скалы дремали,

ственно, а сверхъ того, что̀ было всего важнѣе, Потемкинъ подкупилъ австрійскихъ офицеровъ на свою сторону: оные стараго фельдмаршала осуждали и объ предпріятіяхъ его, поелику видѣли, что сіе Потемкину очень угодно, писали всегда невыгодно. Румянцовъ послѣ сего счелъ за лучшее просить объ увольненіи его изъ службы. Онъ писалъ къ императрицѣ, упоминая о своемъ слабомъ здоровьи, и просилъ, чтобъ ему дозволено было возвратиться въ Россію. Монархиня согласилась на его требованіе въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Потемкинъ находился тогда въ Петербургѣ и получилъ начальство надъ обѣими арміями — украинскою и екатеринославскою». Почти за годъ до пріѣзда его въ Петербургъ, именно 8 марта 1790 года, Храповицкій отмѣтилъ въ своихъ *Запискахъ:* «Письмо графа П. А. Румянцова-Задунайскаго въ отвѣтъ на указъ, въ январѣ къ нему посланный, по жалобѣ князя, будто его пребываніе въ Молдавіи вредные для насъ въ Польшѣ слухи производитъ». Въ письмахъ къ Потемкину Екатерина еще съ середины 1789 часто повторяла обѣщаніе отозвать Румянцова изъ Молдавіи и 19 апрѣля 1790 писала: «Къ фельдм. Румянцову отъ меня сего же дня отправлено письмо, гдѣ къ нему пишу начисто, чтобъ выѣхалъ изъ Молдавіи либо къ водамъ, либо въ Россію, ибо его пребываніе вредно моимъ дѣламъ; посмотримъ, что̀ будетъ» (П. Лебедева *Матеріалы*).

[16] Сошла октябрска ночь на землю.

Подразумѣвается печальная ночь (на 5 октября), въ которую кончался князь Потемкинъ (*Об.* Д.). Время оплакиваемаго событія совпадаетъ съ временемъ года, къ которому относится первая пьеса въ книжкѣ *Поэмы древнихъ бардовъ*, открывающаяся, какъ ужъ было замѣчено (стр. 462), *Описаніемъ октябрской ночи въ Шотландіи.*

[17] Кромѣ ревущія волны.

Въ *Поэмахъ древнихъ бардовъ:* «Ручей, наполнясь излишнею водою, съ великимъ шумомъ катитъ пѣнящіяся свои воды».

Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Глядѣла и едва блистала, 19.
Предъ старцемъ преклонивъ рога[18],
Какъ бы съ почтеньемъ познавала
Въ немъ своего того врага,
Котораго она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Онъ спалъ — и чудотворный сонъ 20.
Мечты ему являлъ геройски:
Казалося ему, что онъ
Непобѣдимы водитъ войски;
Что вкругъ его перунъ молчитъ,
Его лишь мановенья зритъ;

Что огнедышущи за перстомъ 21.
Ограды вслѣдъ его идутъ[19];
Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ отверстомъ,
По слову одному растутъ
Полки его изъ скрытыхъ становъ,
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ;

Что только по травѣ росистой 22.
Ночные знать его шаги;
Что утромъ пыль, подъ твердью чистой,

[18] Предъ старцемъ преклонивъ рога.

Для большей части читателей само собою будетъ ясно, что луна является здѣсь эмблемою турецкаго владычества.

[19] Что огнедышущи ... ограды.

т. е. каре́, введенныя Румянцовымъ взамѣнъ прежнихъ рогатокъ. Ср. выше, стр. 406, стихи въ *Описаніи* Потемкинскаго праздника.

Ужъ поздно̀ зрятъ его враги;
Что остротой своихъ зѣницъ
Блюдетъ онъ ихъ, какъ ястребъ птицъ;

Что, положа чертежъ и мѣры, 23.
Какъ волхвъ невидимый въ шатрѣ,
Тѣмъ кажетъ онъ въ долу химеры,
Тѣмъ въ тиграхъ агнцевъ на горѣ,
И вдругъ рѣшительнымъ умомъ
На тысячи бросаетъ громъ;

Что орлю дерзость, гордость лунну[20], 24.
У черныхъ и янтарныхъ волнъ,
Смирилъ Колхиду златорунну,
И бѣлаго царя уронъ
Рая вечерня предъ границей
Отмстилъ побѣдами сторицей;

Что, какъ румяной лучъ зари, 25.
Страну его покрыла слава;
Чужіе вожди и цари,
Своя владычица, держава,
И всѣ вездѣ его почли,
Тріумфами превознесли;

Что образъ, имя и дѣла 26.
Цвѣтутъ его средь разныхъ глянцевъ;

[20] Что орлю дерзость, гордость лунну *и проч.*
т. е. побѣждалъ Пруссаковъ у Балтійскаго моря и Турокъ у Чернаго — первыхъ въ семилѣтнюю, а послѣднихъ въ первую турецкую войну, во время которой усмиренъ былъ и Крымъ — «златорунная Колхида». Подъ «урономъ бѣлаго царя» должно разумѣть неудачу Петра Великаго при Прутѣ — «предъ границей рая вечерня» (*Об.* Д.). Кѣмъ-то было высказано мнѣніе, что названье *бѣлаго* царя въ первый разъ было дано Ивану III, какъ освободившемуся отъ татарскаго владычества.

Что верхъ сребристаго чела
Въ вѣнцѣ изъ молнійныхъ румянцевъ
Блистаетъ въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваяся въ сердцахъ;

Что Зависть отъ его сіянья 27.
Свой блѣдный потупляетъ взоръ,
Среди безмолвнаго стенанья
Ползетъ и ищетъ токмо норъ,
Куда бы отъ него сокрыться,
И что никто съ нимъ не сравнится.

Онъ спитъ — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ 28.
Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрыпъ деревъ дебелыхъ[21],
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ[г],
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель, 29.
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала,
Грохочетъ эхо по горамъ[д],
Какъ громъ гремящій по громамъ.

[г] И вѣщихъ гласъ вездѣ.
[д] Грохочетъ эхо по лѣсамъ,
Какъ громъ гремящій по горамъ.

---

[21] Ревъ вѣтровъ, скрыпъ деревъ дебелыхъ.

Въ этихъ и слѣдующихъ картинахъ отражаются опять образы, встрѣчающіеся въ *Поэмахъ древнихъ бардовъ*: «Старое древо скрыпитъ, уклоняемое силою вѣтра; отторженная вѣтвъ производитъ шумъ, упадая на землю... Вѣтръ продолжаетъ ревѣть въ развалинахъ горъ, и свистъ его слышенъ на поверхности холмовъ. Твердый кленъ упадаетъ, исторгну-

Онъ зритъ одѣту въ ризы черны 30.
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу распущенны,
Какъ смертну вѣсть или войну,
Съ косой въ рукахъ, съ трубой стоящу
И, слышитъ онъ, «проснись!» гласящу.

На шлемѣ у нея орелъ 31.
Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ;
Въ немъ гербъ отечества онъ зрѣлъ
И, бывъ мечтой сей возбужденнымъ,
Вздохнулъ и, испустя слезъ дождь,
Вѣщалъ: «Знать, умеръ нѣкій вождь!

«Блаженъ, когда, стремясь за славой, 32.
Онъ пользу общую хранилъ,
Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
Благословенъ средь позднихъ вѣковъ
Да будетъ другъ сей человѣковъ!

«Благословенна похвала 33.
Надгробная его да будетъ,
Когда всякъ жизнь его, дѣла
По пользамъ только помнить будетъ;
Когда не блескъ его прельщалъ,
И славы ложной не искалъ!

«О слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ! 34.
Ты точно сей есть водопадъ [e].

[e] Ты точно есть сей водопадъ.

тый съ корнемъ изъ земли, его питавшей. Кого я зрю пришедшаго изъ обители мертвыхъ? Я вижу привидѣніе, облеченное въ одежды бѣлѣйшія снѣга, имѣющее руки подобныя алебастру и черные власы» и т. д.

*

Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
И шумомъ льющихся прохладъ
Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;

«Дивиться вкругъ себя людей 35.
Всегда толпами собираетъ;
Но если онъ водой своей
Удобно всѣхъ не напояетъ,
Коль рветъ брега, и въ быстротахъ
Его нѣтъ выгодъ смертнымъ: — ахъ!

«Не лучше ль менѣе извѣстнымъ, 36.
А болѣе полезнымъ быть[ж];
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить
И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?

«Пусть на обросшій дерномъ холмъ 37.
Пріидетъ путникъ и возсядетъ
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
Не только славный лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.

«О! будь безсмертенъ, витязь бранный, 38.
Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!»
Вѣщалъ сѣдиной мужъ вѣнчанный
И, въ небеса воззрѣвъ, умолкъ.
Умолкъ — и гласъ его промчался,
Гласъ мудрый всюду раздавался.

ж А больше намъ полезнымъ быть.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ [22], 39.
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны [3]?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горни?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесный духъ крылами 40.
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла [23], 41.
Лежитъ на темномъ лонѣ нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи,

[3] Какъ рдяный мѣсяцъ въ воды черны.

---

[22] Но кто тамъ идетъ по холмамъ, *и проч.*

Опять Оссіановское представленіе: «По мнѣнію Каледонянъ, души обитали на облакахъ по разлученіи съ тѣломъ» (Костровъ въ Предувѣдомленіи къ переводу *Оссіана*). Державинъ писалъ: *горны.*

Въ *Поэмахъ древнихъ бардовъ:* «Я вижу призракъ въ долинѣ; се тѣнь единаго ратника, коего нѣтъ уже на свѣтѣ: она разсыпается и исчезаетъ».

[23] Чей трупъ, какъ на распутьи мгла *и проч.*

См. выше, стр. 453, въ примѣчаніи 1 разсказъ о смерти Потемкина. «Гусаръ, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобъ они закрылись» (*Об.* Д.). Въ изд. 1808 *двѣ лепты,* но рукой Державина поправлено такъ, какъ здѣсь напечатано. О присутствовавшей при кончинѣ Потемкина племянницѣ его, графинѣ А. В. Браницкой, см. выше стр. 453. Прибавимъ, что она вмѣстѣ съ Протасовою принадлежала къ числу лицъ, всѣхъ чаще бывавшихъ въ обществѣ императрицы, какъ видно напр. изъ *Записокъ Грибовскаго.* Въ 1780 г. Державинъ перевелъ съ французскаго надпись къ портрету этой племянницы Потемкина, тогда бывшей еще въ дѣвицахъ. Стихи эти были напечатаны въ *Московскомъ журналѣ* за

Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверзты!

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь; 42.
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона 43.
У сѣверной Минервы былъ:
Во храмѣ Музъ другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ 44.
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины[и],
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

[и] Вознесть ихъ громъ на тѣ стремнины.

сентябрь 1792 г. (ч. VII, стр. 260), подъ заглавіемъ: Къ портрету А. В. Б. и съ подписью: *Изъ Петербурга.* Помѣщаемъ ихъ здѣсь:

Героя древняго ты именемъ сіяешь,
Который свѣтъ себѣ войною покорилъ;
Но болѣ ты сердецъ красой своей плѣняешь,
Чѣмъ онъ оружіемъ народовъ побѣдилъ.

Она вышла замужъ 12 ноября 1781 г. (отдѣльно напеч. гимнъ на этотъ бракъ, соч. Як. Кантаровскаго). *Другомъ Аполлона* названъ П. потому, что онъ не только любилъ литературу, но и самъ въ молодости писалъ стихи.

Не ты ль, который орды сильны 45.
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ Понтъ Черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами[24]?

Не ты ль, который зналъ избрать 46.
Достойный подвигъ росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой[25]?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ! 47.
Парящій замыслами умъ[26]!

[24] Потрясъ среду земли громами.

Подъ *средой земли* здѣсь разумѣется Константинополь (*Об.* Д.). Ср. выше, стр. 354, строфу 25 оды *На взятіе Измаила*, также строфу 22 оды *Мой Истуканъ* подъ 1794 г.

Въ предыдущихъ стихахъ говорится объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и о дѣятельности Потемкина въ Новороссійскомъ краю.

[25] Быть дивомъ храбрости самой?

По взятіи Измаила русскіе солдаты сами удивлялись своей невѣроятной храбрости: одни по короткимъ лѣстницамъ, а другіе и вовсе безъ лѣстницъ, опираясь на штыки свои, взлѣзли на страшный измаильскій валъ (*Об.* Д.).

[26] Парящій замыслами умъ.

«Думаютъ, что намѣреніе Потемкина было воздвигнуть для себя независимое царство (Грецію), впредь будущему принцу, такъ сказать по названію, быть опекуномъ; но въ самомъ дѣлѣ самому самодержцемъ и, въ случаѣ кончины императрицы, въ дѣйствительное вступить владѣніе; причемъ, имѣя въ рукахъ своихъ драгоцѣнный залогъ и многочисленное войско, будущему россійскому монарху сдѣлаться старшимъ» (рукопись современника). — «Одни полагали, что онъ хотѣлъ быть господаремъ Молдавіи и Валахіи; другіе, — что онъ хотѣлъ себя объявить независи-

Не шелъ ты[i] средь путей извѣстныхъ[27],
Но проложилъ ихъ самъ — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата 48.
Торжественныя созидали[28];

[i] Не шедшій средь путей извѣстныхъ.

мымъ гетманомъ; иные думали, что онъ хотѣлъ быть королемъ польскимъ» и проч. (*Записки Энгельгардта*, стр. 96). Справедливая оцѣнка Потемкина въ настоящее время еще не возможна. Едва ли правы тѣ, которые считаютъ его за честолюбца, все приносившаго въ жертву своимъ личнымъ видамъ. Безусловное къ нему довѣріе императрицы въ продолженіе столькихъ лѣтъ заставляетъ предполагать въ немъ необыкновенный государственный умъ и истинныя заслуги.

[27] Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ *и проч.*

Объ этомъ Державинъ въ старости (см. *Записки* его, *Р. Бес.*, стр. 133) выразился очень прозаически: «Потемкинъ, будучи человѣкъ сильный и властительный, не весьма любилъ повиноваться законамъ, а дѣлалъ все по своему своенравію».

[28] Се ты, которому врата
Торжественныя созидали.

Храповицкій въ *Запискахъ* своихъ передаетъ подъ 26 января 1791 г. слѣдующій разговоръ съ нимъ Екатерины. Желая особеннымъ образомъ наградить Потемкина за взятіе Измаила, императрица сказала: «Князю Г. Г. Орлову за чуму сдѣланы мраморныя ворота, графу П. А. Румянцову-Задунайскому поставлены были тріумфальныя въ Коломнѣ, а князя Г. А. Потемкина совсѣмъ позабыла». — В. в. такъ его знать изволите, что сами никакого съ нимъ разсчета не дѣлаете. — «То такъ, однакожс все человѣкъ: можетъ быть, ему захочется». — Приказано въ Царскомъ Селѣ иллюминовать мраморныя ворота и, украся морскими и военными арматурами, написать въ транспарантѣ стихи, кои выбрать изволила изъ оды на Очаковъ Петрова. Тутъ при вѣнцѣ лавровомъ будетъ вверху:

Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи.

«Ничего сказать не могутъ, ибо въ Софіи есть Софійскій соборъ; но онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царѣградѣ, о томъ только не вдругъ мнѣ скажите».

Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы [к], роскошь вкругъ цвѣли [29]
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

Се ты, небеснаго плодъ дара 49.
Кому едва я посвятилъ;

[к] Кому забавы, роскошь вкругъ цвѣли.

[29] Забавы, роскошь вкругъ цвѣли.

Среди военныхъ тревогъ и ненастья пышность и роскошь окружали Потемкина: землянки, обитыя парчами и увѣшанныя люстрами, превосходили великолѣпіе дворцовъ; осо̂бливо великолѣпны были праздники, на которыхъ онъ угощалъ своихъ любовницъ (*Об.* Д.). «Главная квартира пышностью отличалась противъ бывшей подъ командою графа П. А. Румянцова. Множество пріѣхало женъ русскихъ генераловъ и полковниковъ; изъ числа знатнѣйшихъ были: Праск. Андр. Потемкина (супруга Павла Сергѣевича), которой его свѣтл. великое оказывалъ вниманіе, гр. Самойлова, кн. Кат. Ѳед. Долгорукая, гр. Головина, кн. Праск. Юр. Гагарина, польскаго генерала жена, славившаяся красотою де-Виттъ, потомъ бывшая замужемъ за гр. Потоцкимъ (Феликсомъ Франц.; она носила имя Софіи и была Гречанка *). Безпрестанно были праздники, балы, театры, балеты. Хоръ музыки инструментальной, роговой и вокальной былъ до 300 человѣкъ; извѣстный сочинитель музыки г. Сарти былъ всегда при князѣ **. Онъ положилъ на музыку побѣдную пѣснь *Тебе Бога хвалимъ* и къ оной музыкѣ приложена была батарея изъ 10-ти пушекъ, которая по знакамъ стрѣляла въ тактъ; когда же пѣли Святъ, святъ! тогда производилась изъ оныхъ орудій скорострѣльная пальба». — «Его свѣтлость большія дѣлалъ угожденія кн. К. Ѳ. Долгорукой. Между прочими увеселеніями сдѣлана была землянка противу Бендеръ за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что только роскошь можетъ выдумать. Изъ великолѣпной сей подземельной залы особый былъ будуаръ, въ который только входили тѣ, кого князь

* Ср. выше, стр. 335, въ выноскѣ.

** 3 дек. 1789 Екатерина чрезъ Потемкина заказала Сарти «сдѣлать хоры для Олега» (*Начальнаго правленія Олега*), а черезъ годъ, 6 нояб., писала: «Къ Сартію съ симъ курьеромъ посылаю за музыку къ Олегу 1 т. червонныхъ и подарокъ вещь» (П. Лебедева *Матеріалы*).

Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила[30],
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ 50.
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездны разноцвѣтныхъ звѣздъ[31]
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

Увы! и громы онѣмѣли, 51.
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли[32],

самъ приглашалъ. Вокругъ землянки кареемъ поставлены были полки *и проч.* Однажды князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому какъ полками, такъ и изъ батарей произведенъ былъ батальйонный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ» (*Зап. Энгельгардта*, стр. 81 и 88).

30 Воспѣлъ побѣду Измаила.

Здѣсь поэтъ разумѣетъ не столько свою оду *На взятіе Измаила* (см. выше, стр. 341), сколько *Хоры*, сочиненные имъ для праздника по случаю этой побѣды (стр. 396) и въ которыхъ онъ отчасти подражалъ Пиндару (*Об. Д.*).

31 Гдѣ бездны разноцвѣтныхъ звѣздъ.

Намекъ на великолѣпное освѣщеніе, которымъ сопровождался праздникъ, упомянутый въ предыдущемъ примѣчаніи (*Об.* Д.). См. выше, стр. 408, прим. 21.

32 Полки твои осиротѣли...

Солдаты, будучи обязаны Потемкину многими выгодами, любили его и искренно оплакивали его потерю (*Об.* Д.). Л. Н. Энгельгардтъ (см. *Записки* его, стр. 100) разсказываетъ, что однажды, во время приготовленій къ похоронамъ князя Таврическаго, онъ спросилъ у гренадеръ, служившихъ сперва при Румянцовѣ, а потомъ при Потемкинѣ, кого изъ обоихъ они болѣе любили. «Одинъ гренадеръ отвѣчалъ: Покойный его

Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ[33], 52.
Гранена булава упала,

свѣтлость былъ намъ отецъ, облегчилъ нашу службу, довольствовалъ насъ всѣми потребностями; словомъ сказать, мы избалованныя его дѣти; не будемъ уже мы имѣть подобнаго ему командира; дай Богъ ему вѣчную память. — Тутъ онъ прослезился и отеръ свои глаза; но вдругъ глаза его оживились, онъ пріосамился и сказалъ: А при батюшкѣ нашемъ графѣ Петрѣ Александровичѣ (*Румянцовѣ*) хотя и жутко намъ было, но служба веселая; молодецъ онъ былъ, и какъ онъ бывало взглянетъ, то какъ рублемъ подаритъ, и оживлялъ насъ особымъ духомъ храбрости». Въ рукописи современника замѣчено, будто Потемкинъ пріобрѣлъ приверженность войска «не токмо послабленіемъ въ военной дисциплинѣ, но и чрезъ дозволеніе всевозможныхъ необузданностей». Но это одна изъ тѣхъ клеветъ, на которыя вражда и зависть такъ изобрѣтательны: изъ многихъ сохранившихся приказовъ и инструкцій Потемкина видна его просвѣщенная заботливость о содержаніи нижнихъ чиновъ и человѣколюбивомъ съ ними обращеніи (П. Лебедева *Матеріалы*). Объ этомъ собраны свидѣтельства и въ книжкѣ: *Жизнь кн. Потемкина Т.*, М., 1812, *Собраніе анекдотовъ* и проч., стр. 17 и 18.

33 Потухъ лавровый твой вѣнокъ.

Лавровый вѣнокъ, украшенный брильянтами, подаренъ былъ Потемкину императрицею за его побѣды; булава, также пожалованная ему Екатериной, означала гетманство *; она имѣла видъ трости, на концѣ которой былъ шаръ граненый или съ шипами (*Об.* Д.) Въ *Запискахъ Храповицкаго* подъ 14 апрѣля 1789 г. сказано: «Подписано очаковское произвожденіе: князю Г. А. Потемкину-Таврическому повелительный жезлъ» и проч. Въ рукописи же современника: «Вскорѣ послѣ полученія ключей (*отъ крѣпости Бендеръ, привезенныхъ въ ноябрѣ 1789 В. С. Поповымъ*) отправленъ былъ къ фельдмаршалу курьеръ съ награжденіемъ отъ императрицы. Ему дано было 100,000 золотомъ и лавровый вѣнецъ, изъ

* Титулъ *Великаго Гетмана* Потемкинъ самъ себѣ выпросилъ чрезъ Безбородко; но булаву онъ получилъ прежде — какъ знакъ, не гетманства, а фельдмаршальскаго достоинства; подобный жезлъ былъ пожалованъ также Румянцову и, впослѣдствіи, Суворову.

Мечъ въ полножны войти чуть могъ[34], —
Екатерина возрыдала[35]!
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

брильянтовъ и изумрудовъ сдѣланный, цѣною въ 150,000 руб.» (Ср. въ *Зап. Энгельг.*, стр. 102, примѣчаніе г. Лонгинова). Вѣнецъ былъ посланъ при письмѣ императрицы отъ 20 декабря 1789 г., въ которомъ было между прочимъ сказано: «Qui a mieux mérité cette couronne de lauriers que je vous envoie aujourd'hui que vous? La voilà, puissiez-vous la porter cent ans» (П. Лебедева *Матеріалы*).

[34] Мечъ въ полножны войти чуть могъ.

Переговоры о мирѣ были только начаты передъ смертью Потемкина (*Об.* Д.). О выраженіи *полсвѣта* см. выше, стр. 289, примѣчаніе 36 къ *Изображенію Фелицы*, также въ примѣчаніяхъ къ одѣ *На взятіе Варшавы*, подъ 1794 г.

[35] Екатерина возрыдала.

Хотя во время предшествовавшихъ событій разные навѣты на Потемкина, а отчасти и справедливыя нареканія за его излишнюю роскошь и дурныя воинскія распоряженія успѣли произвести въ императрицѣ охлажденіе къ нему, однакожъ внезапною смертію его она была чрезвычайно огорчена (*Об.* Д.). Въ *Запискахъ* своихъ (*Рус. Бес.*, стр. 312) Державинъ по случаю извѣстія о смерти Потемкина говоритъ: «Сіе какъ громомъ всѣхъ поразило, а особливо императрицу, которая чрезвычайно о семъ присноименномъ талантами и слабостями вельможѣ соболѣзновала». Какъ дѣйствовали на нее извѣстія о ходѣ болѣзни и о смерти Потемкина, можно лучше всего прослѣдить по *Запискамъ Храповицкаго*. Уже 28 августа, по поводу перваго извѣстія объ усиленіи болѣзни Потемкина, онъ отмѣтилъ: «Получено извѣстіе чрезъ Кречетникова изъ Кіева, что князь Потемкинъ очень боленъ и къ нему поѣхала племянница его, гр. Браницкая...; печаль и слезы». — 3 октября: «Два курьера, что князь Потемкинъ опасно боленъ и теперь еще лихорадка продолжается; онъ пріобщенъ святыхъ таинъ; прислано описаніе болѣзни отъ Массо̀ и Тимана: слезы». — 11-го: «Въ обѣдъ пріѣхалъ курьеръ, что 1 октября князю Потемкину опять хуже: — опять слезы и отчаяніе. Въ 8 ч. пустили кровь, въ 10 легли въ постель». — 12-го: «Курьеръ къ пяти часамъ по полудни, что Потемкинъ повезенъ изъ Яссъ и, не переѣхавъ сорока верстъ, умеръ на дорогѣ, 5 октября, прежде полудня... слезы. Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей: те-

Оливы свѣжи и зелены 53.
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны
И Музъ ахейскихъ жалкій звукъ[36]
Вокругъ Перикла раздается;
Маронъ по Меценатѣ рвется[37];

Который почестей въ лучахъ, 54.
Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронѣ[1],
На сребророзовыхъ коняхъ[38],

[1] Какъ нѣкій царь на нѣкомъ тронѣ.

перь не на кого опереться». — 16: «Продолженіе слезъ. Мнѣ сказано: Какъ можно мнѣ Потемкина замѣнить? онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ, его нельзя было купить. Все будетъ не то. Кто могъ подумать, что его переживетъ Чернышевъ и другіе старики? Да и всѣ теперь, какъ улитки, станутъ высовывать головы» и проч. — 21: «Къ нему же (*принцу Нассау*) увѣдомленіе о кончинѣ князя Потемкина: C'était mon ami chéri, mon élève, homme de génie, il faisait le bien à ses ennemis et c'est par là qu'il les désarmait». — 19 ноября: «Вчера ввечеру и сегодня поутру плакали». — 14 декабря: «Вдругъ прыснули слезы при чтеніи письма изъ Яссъ». — 6 января 1792 г. (по поводу полученія мирнаго трактата изъ Яссъ: «За уборнымъ столомъ слезы». — 12 (по случаю пріѣзда В. С. Попова): «Слезы». — 30 (по случаю пріѣзда Самойлова съ ратификаціей трактата): «Всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали».

[36] И Музъ ахейскихъ жалкій звукъ.

Извѣстный Евгеній Булгаръ, архіепископъ Славенскій и Херсонскій, написалъ Потемкину эпитафію на греческомъ языкѣ (*Об.* Д.).

[37] Маронъ по Меценатѣ рвется.

Намекъ на В. Петрова, переводчика Виргиліевой Энеиды (см. выше, стр. 184, примѣч. 5), который написалъ элегію на смерть своего мецената — Потемкина.

[38] На сребророзовыхъ коняхъ *и проч.*

«У кн. Потемкина былъ славный цугъ сребророзовыхъ или рыжесоловыхъ лошадей, на которыхъ онъ на раззолоченномъ фаэтонѣ ѣзжалъ въ арміи» (*Об.* Д.).

На златозарномъ фаэтонѣ
Во сонмѣ всадниковъ блисталъ
И въ смертный черный одръ упалъ [39]!

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье? 55.
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ:
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое...

Иль нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ, 56.
На нѣжномъ волоскѣ висящій,

[39] И въ смертный черный одръ упалъ.

При погребеніи принца виртембергскаго, брата Маріи Ѳедоровны, скончавшагося въ арміи, князь Потемкинъ, вышедъ изъ церкви, хотѣлъ сѣсть въ свой фаэтонъ, но задумавшись такъ забылся, что вмѣсто тото взлѣзъ на погребальную колесницу, на которой привезено было въ церковь тѣло принца. Опомнясь, онъ чрезвычайно смутился. Въ этомъ увидѣли для него дурное предзнаменованіе и, когда вскорѣ послѣ того онъ умеръ, то вспомнили этотъ случай (*Об. Д.*). Въ *Запискахъ Л. Н. Энгельгардта* (стр. 95 и 96) находимъ по этому предмету слѣдующее: «По возвращеніи нашемъ за Дунай, прибылъ принцъ виртембергскій, меньшой братъ тогда бывшей великой княгини Маріи Ѳедоровны; оттого ли, что спѣшилъ и очень обезпокоился, или оттого, что не успѣлъ пріѣхать къ баталіи, онъ огорчился, опасно занемогъ и вскорѣ умеръ*... Свѣтлѣйшій князь былъ на похоронахъ, и какъ по окончаніи отпѣванія князь вышелъ изъ церкви и приказано было подать его карету, вмѣсто того подвезли гробовыя дроги; князь съ ужасомъ отступилъ: онъ былъ чрезвычайно мнителенъ. Послѣ сего онъ вскорѣ занемогъ и повезли его больнаго въ Яссы».

* У *Храповицкаго* подъ 24 августа 1791 г. записано: «Получено отъ кн. Потемкина извѣстіе, что братъ ея высочества, принцъ Карлъ Александръ виртембергъ-штутгардскій скончался въ 13 день, отъ горячки». Выше, стр. 400, было приведено примѣчаніе изъ Minerva, что принцъ умеръ отъ послѣдствій паденія съ лошади. Въ началѣ мая 1790 г. Потемкинъ отправилъ принца въ Петербургъ для операціи. Императрица, увидѣвъ его, писала Потемкину, что онъ въ жалкомъ состояніи и едва ли вынесетъ операцію.

Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье 57.
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ? — Нѣтъ! но ихъ дѣла 58.
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ.

Театръ его былъ край Эвксина, 59.
Сердца обязанныя — храмъ;
Рука съ вѣнцомъ — Екатерина[м];
Гремяща слава — ѳиміамъ;
Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница — ужаса, любови.

Когда багровая луна 60.
Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи

[м] Вѣнцедатель Екатерина.

Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ
И слышенъ стонъ, — что Турокъ мнитъ?

Дрожитъ — и во очахъ сокрытыхъ 61.
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ [40];
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И Россъ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожитъ — и обращаетъ взглядъ 62.
Онъ робко на окрестны виды:
Столпы на небесахъ горятъ
По сушѣ, по морямъ Тавриды!
И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
Течетъ его и мерзнетъ кровь [41].

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги, 63.
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ [42]
И вьются полосаты флаги,

[40] ... Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ.

Генералъ Вейсманъ, убитый въ первую турецкую войну за Дунаемъ, погребенъ въ Измаилѣ. При взятіи этой крѣпости Суворовымъ, весь бывшій тутъ сорокатысячный гарнизонъ былъ изрубленъ (*Об.* Д.). Баронъ Отто Вейсманъ фонъ Вейсенштейнъ, отличившійся во многихъ битвахъ противъ Поляковъ, убитъ 22 іюня 1773 г. по ту сторону Дуная при деревнѣ Кайнарджи.

[41] ... Течетъ его и мерзнетъ кровь.

Очаковъ взятъ былъ въ Николинъ день, 6 декабря 1788 г., въ такой жестокій морозъ, что текшая изъ ранъ кровь тотчасъ же замерзала (*Об.* Д.).

[42] Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ *и проч.*

«Въ тихій, ясный лѣтній день бываютъ видимы въ водѣ облака и развѣвающіеся флаги корабельные» (*Об.* Д.).

Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Вдали бѣлѣетъ на лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?

Восторгъ, восторгъ они, а страхъ 64.
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней, 65.
Задумчиво Любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ[43].

Поутру солнечнымъ лучемъ 66.
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ
И паръ вокругъ холмовъ віется, —
Пришедши, старецъ надпись зритъ[н]:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»

[н] Пришедши, старецъ надпись чтетъ:
Здѣсь прахъ Потемкина гніетъ.

---

[43] Геройскій образъ оживляетъ.

«Многія почитавшія кн. Потемкина женщины носили въ медальйонахъ его портретъ на грудныхъ цѣпочкахъ: то, вздохами движа, его казалось оживляли» (*Об.* Д.).

Алцибіадовъ прахъ! — И смѣетъ 67.
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ[44]? — Увы!
И плоть и грудь коль истлѣваетъ:
Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы 68.
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!

Услышьте жъ, Водопады міра! 69.
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о водопадъ! 70.
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

[44] Нашедши въ полѣ Ѳирсъ.

«Ѳирсъ, или Терситъ былъ подъ Троей одинъ изъ военачальниковъ (?), превеликій трусъ, который однако охуждалъ Ахиллеса; отношеніе къ кн. Зубову, который, счастіемъ пріобрѣвши власть, охуждалъ иногда дѣла кн. Потемкина, но при восшествіи на престолъ имп. Павла показалъ, что самъ не имѣлъ великой души» (*Об.* Д.).

Живи! — и тучи пробѣгали 71.
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмевали
Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о водопадовъ мать! 72.
Рѣка, на Сѣверѣ гремяща,
О Суна[45]! коль съ высотъ блистать
Ты можешь — и, отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое твое теченье, — 73.
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу,

И, безъ примѣса чуждыхъ водъ 74.
Поя златые въ нивахъ бреги[46],
Великолѣпный свой ты ходъ[o]
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги, —

[o] Великолѣпнѣйшій твой ходъ.

---

[45] ... о водопадовъ мать! — о Суна!

См. выше, стр. 458, примѣч. 2. Названіе матери употреблено по отношенію къ императрицѣ, отъ которой замѣчательные люди могли заимствовать силу и славу, какъ водопадъ Кивачъ отъ рѣки Суны (*Об.* Д.).

[46] Поя златые въ нивахъ бреги.

Въ изданіи 1808 г. вмѣсто *поя* стоитъ *поишь*, но Державинымъ поправлено такъ, какъ здѣсь напечатано, что̀ согласно съ рукописями и съ изданіемъ 1798 г.

Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

Здѣсь, въ дополненіе къ примѣчанію 1 (стр. 455), упомянемъ, что сверхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ по случаю смерти Потемкина, явилась отдѣльно *Надгробная пѣснь въ память россійскаго военачальника, свѣтл. князя* и проч., *обращенная къ воинству въ Яссахъ, ноября 1791 г.*, соч. П. Карабанова. Къ послѣдней выноскѣ того же примѣчанія (стр. 456) прибавимъ оговорку, что первыя строфы этой оды, содержащія описаніе водопада, могли быть дѣйствительно написаны до смерти Потемкина, безъ всякой посторонней цѣли, только подъ впечатлѣніемъ картины, поразившей воображеніе поэта.

LXVI. НА УМѢРЕННОСТЬ [1].

Благополучнѣе мы будемъ, 1.
Коль не дерзнемъ въ стремленье волнъ,
Ни въ вихрь, робѣя, не принудимъ [a]

[a] Ни въ бурю, струся, не принудимъ (Рукоп. 1790-хъ гг.).

[1] 12 декабря 1791 г. Державинъ былъ опредѣленъ къ *собственнымъ дѣламъ императрицы*, т. е. поступилъ въ число секретарей ея. Какъ изъ

Близъ берега держать нашъ челнъ.
Завиденъ тотъ лишь состояньемъ,
Кто среднею стезей идетъ,
Ни благъ не восхищенъ мечтаньемъ,
Ни тмой не ужасаемъ бѣдъ;
Умѣренъ въ хижинѣ, чертогѣ,
Равенъ въ покоѣ и тревогѣ[2];

его *Записокъ*, такъ изъ дневника Храповицкаго видно, что Екатерина не всегда была довольна докладами Державина и неразъ выражала ему это; но потомъ опять мирилась съ нимъ. Ясно, что ода *На умѣренность* была внушена ему впечатлѣніями этого новаго положенія, личными его отношеніями и толками о современныхъ событіяхъ во Франціи. По собственному его сознанію (*Об.*), первыя четыре строфы касаются его самого и поведенія его при дворѣ. Въ рукописи 1790-хъ гг. вшитъ на особомъ листѣ рукописный нѣмецкій переводъ этой оды, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный.

Въ первый разъ ода была напечатана въ изданіи 1798 г., стр. 248; а потомъ въ изд. 1808, ч. I, xxxii.

Приложенный къ заглавію рисунокъ (Олен.) объясненъ въ рукописяхъ словами 6-й строфы этой оды: «Я не мечтаю на воздухѣ о городахъ; всѣмъ счастливыхъ путей желаю къ Фортунѣ по льду на конькахъ». Къ этому прибавлено еще: «Въ другомъ углу означена Умѣренность подъ видомъ Діогеновой бочки».

[2] Равенъ въ покоѣ и тревогѣ.

Вся эта строфа есть близкое подражаніе Горацію; въ первыхъ стихахъ узнаемъ начало оды *Къ Лицинію* (кн. II, ода 10):

Rectius vives, Licini, neque altum
Semper urgendo, neque, dum procellas
Cautus horrescis, nimium premendo
Litus iniquum.

Ср. переводъ г. Фета:

Счастливѣй проживешь, Лицинъ, когда спѣсиво
Не станешь въ даль пучинъ прокладывать слѣдовъ *,
Иль, устрашася бурь, держаться боязливо
Невѣрныхъ береговъ.

* Изъ этой же оды мы ужъ привели два стиха въ примѣчаніи 7 къ одѣ *На смерть кн. Мещерскаго*, стр. 91.

Собрать не алчетъ милліоновъ, 2.
Не скалится на жирный столъ,
Не требуетъ ни чьихъ поклоновъ
И не лощитъ ни чей самъ полъ;
Не вьется въ душу къ царску другу,
Не ловитъ таинствъ и не льститъ,
Готовъ на трудъ и на услугу
И добродѣтель токмо чтитъ.
Хотя и царь его ласкаетъ,
Онъ носа вверхъ не поднимаетъ.

Онъ видитъ, что и дубы мшисты 3.
Кряхтятъ, падутъ съ вершины горъ,
Перунъ дробитъ бугры кремнисты
И пожигаетъ влажный боръ.
Онъ видитъ: бѣлыми горами
Вверхъ скачутъ съ шумомъ корабли,
Ревутъ, и черными волнами [б]

[б] Ревутъ, и черными долами.
— ... черными гробами (позднѣйшая рукоп.).

Капнистъ написалъ также, въ подражаніе Горацію, оду *Умѣренность*, начинающуюся такъ (*Соч. Капниста*, изд. Смирд., стр. 421):

Коль хочешь вѣкъ прожить счастливо,
Не все въ открыто море мчись:
Не слишкомъ къ берегу трусливо
Межъ камней съ лодочкою жмись.

Въ этой одѣ Державина встрѣчаются и далѣе заимствованія изъ Горація, котораго философію съ ея aurea mediocritas, modus in rebus, nil admirari и т. п. почти всѣ тогдашніе стихотворцы старались воспроизводить. Самая идея написать оду *На умѣренность* могла быть внушена Державину Гораціемъ, у котораго находимъ сатиру (кн. II, сат. 2) на тотъ же предметъ. Таково же содержаніе оды И. Дмитріева *Къ П. П. Б.* (Бекетову) въ книжкѣ *И мои бездѣлки* (стр. 47).

Внутрь погребаются земли;
Онъ видитъ — и судьбѣ послушенъ,
Въ премѣнахъ свѣта равнодушенъ.

Онъ видитъ — и, душой мужаясь, 4.
Въ несчастіи надежды полнъ;
Подъ счастьемъ же, не утомляясь,
Въ безпечный не вдается сонъ;
Себя и ближняго покоя,
Чтитъ Бога, вѣру и царей;
Царствъ метафизикой не строя[3],
Смѣется, зря на пузырей,
Летящихъ флотомъ къ небу съ грузомъ,
И вольнымъ быть не мнитъ Французомъ.

Онъ вѣдаетъ: доколѣ страсти 5.
Волнуются въ людскихъ сердцахъ,
Нѣтъ вольности, нѣтъ равной части[в]
Царю въ вѣнцѣ, рабу въ цѣпяхъ;
Несетъ свое всякъ въ свѣтѣ бремя,
Другихъ всякъ жертва и тиранъ;
Течетъ въ свое природа стремя;
А сей законъ коль ввѣкъ ей данъ,
Коль ввѣкъ мы подъ страстьми стенаемъ,
Какихъ же дней златыхъ желаемъ?

[в] ... нѣтъ райской части (Р. 1790-хъ гг.).

---

[3] Царствъ метафизикой не строя.

Отсюда до начала 6-й строфы рѣчь идетъ о мечтаніяхъ мнимой свободы и равенства, которыхъ Французы надѣялись достигнуть революціею. *Пузырями* поэтъ въ шутку называетъ метафизиковъ, какъ будто желающихъ подняться «въ горнее блаженство или имѣть его на землѣ съ грузомъ своимъ, т. е. плотію» (*Об.* Д.).

Всякъ долгу рабъ. — Я не мечтаю 6.
На воздухѣ о городахъ;
Всѣмъ счастливыхъ путей желаю
Къ Фортунѣ по льду на конькахъ.
Пускай Язонъ съ Колхиды[г] древней[4]
Златое сбрилъ себѣ руно,
Крезъ завладѣль[д] чужой деревней[5],
Марсъ откупъ взялъ, — мнѣ все равно[6]:

[г] ... Колхиду древню (1798).
[д] Чужую тяпнулъ Крезъ деревню.

---

[4] Пускай Язонъ съ Колхиды древней...

Подъ Колхидой разумѣется Крымъ, а подъ Язономъ Потемкинъ, показавшій большую ловкость въ пріобрѣтеніи этого края (*Об.* Д.).

[5] Крезъ завладѣлъ чужой деревней...

Оберъ-прокуроръ Александръ Николаевичъ Зубовъ, отецъ фаворита, присвоилъ-было себѣ деревню своего сосѣда, маіора Бехтѣева. Этотъ жаловался Потемкину и просилъ посредничества Державина въ качествѣ совѣстнаго судьи. Державинъ, съ помощію Зубова сына, который тогда благоволилъ къ нему, успѣлъ привести дѣло къ миролюбивому окончанію. Объ этомъ онъ подробно разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ* (*Р. Бес.*, стр. 302—304).

[6] Марсъ откупъ взялъ, — мнѣ все равно.

«Князь Долгоруковъ и графъ Салтыковъ, генералъ-аншефъ, бывшій потомъ фельдмаршаломъ, содержали винные откупа» (*Об.* Д.). Подъ первымъ Державинъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ князя Юрія Владиміровича (род. 1740, ум. 1830), котораго молва дѣйствительно обвиняла за это. Но С. Н. Глинка, служившій при немъ адъютантомъ, оправдываетъ его въ своихъ *Запискахъ* (*Русс. Вѣстн.* 1863 г., № 4), не отвергая самаго факта. По словамъ Глинки, князь, желая улучшить состояніе своихъ вотчинъ, раззоренныхъ тремя посторонними управленіями, взялъ все подъ свой собственный надзоръ, учредилъ суконную фабрику и винокуренный заводъ. «Увѣряли», прибавляетъ Глинка, «будто бы Екатерина однажды укоряла князя, что отъ него отзывается винокуреніемъ. Это неправда.» Подъ графомъ Салтыковымъ должно конечно разумѣть не Ивана Петровича, извѣстнаго взятіемъ Хотина во вторую турецкую войну и командовавшаго въ 1790 году финляндскою арміей противъ Шведовъ, а Николая Ивановича, свояка

Я не завидливъ на богатство
И царскихъ суммъ на святотатство[7].

Когда судьба качаетъ въ люлькѣ, 7.
Благословляю часть мою;
Нѣтъ дѣлъ, — играю на бирюлькѣ[8],

князю Ю. В. Долгорукову. Этотъ Салтыковъ (род. 1736, ум. 1816, съ 1790 графъ, съ 1814 князь), воспитатель императора Александра I, былъ такъ же, какъ Иванъ Петровичъ, генералъ-аншефомъ и фельдмаршаломъ. Въ то время, когда писались эти стихи, онъ занималъ должность предсѣдателя военной коллегіи.

[7] И царскихъ суммъ на святотатство.

Послѣдняя турецкая война, подъ главнымъ начальствомъ князя Потемкина, стоила слишкомъ 60 милліоновъ рублей, тогда какъ первая, подъ командою графа Румянцова, потребовала не болѣе 7 милл. Потемкинъ, пользуясь неограниченною довѣренностію императрицы, «содержалъ казенныя деньги и свои вообще» и, дѣлая расходы, не велъ никакихъ счетовъ (*Об.* Д.). «Наконецъ», замѣчаетъ Энгельгардтъ въ своихъ *Запискахъ* (стр. 97), «издерживаемыя имъ суммы и роскошная его жизнь привели императрицу въ неудовольствіе». О суммахъ Потемкина, бывшихъ «въ полномъ и безотчетномъ распоряженіи» правителя его канцеляріи, В. С. Попова, и «поступавшихъ въ расходъ по запискѣ» этого чиновника, Грибовскій (*Записки* его, стр. 81) сообщаетъ слѣдующія подробности. Суммы эти были: «во первыхъ, экстраординарная военная, которую возили всегда всѣдъ за княземъ, серебромъ и золотомъ до 8 милл. руб.; во вторыхъ, доходы екатеринославской губерніи и таврической области, до 2 милл. въ годъ, предоставленные на улучшеніе сего края, и третье, до 12 милл. сер., ежегодно отпускаемыхъ изъ провіантской канцеляріи».

[8] Нѣтъ дѣлъ, — играю на бирюлькѣ *и проч.*

Слово *бирюлька* употреблено здѣсь въ значеніи *дудки.* Въ словаряхъ академіи и г. Даля приведено выраженіе: «играть въ бирюльки», какъ означающее: заниматься пустяками, ничего не дѣлать. Конечно въ томъ же смыслѣ должно принимать и выраженіе Державина. Есть пословицы, въ которыхъ слово *дудка* употреблено такимъ образомъ, напр.: «Иванъ въ дудку играетъ, а Марья съ голоду умираетъ» (*Сборникъ* В. Даля, стр. 260).

«Императрица, занята будучи политическими и военными дѣлами, неохотно занималась въ послѣднюю турецкую войну гражданскими, а

Средь Музъ съ Гораціемъ пою [е].
Но если бъ царь гдѣ добрый, рѣдкой
Велѣлъ мнѣ грамотки писать,
Я бъ душу не вертѣлъ рулеткой [ж],
А сталъ бы пнемъ — и сталъ читать [9]
Равно о людяхъ, о болванахъ [з],
О добродѣтеляхъ въ карманахъ.

А ежели бъ когда и скучно 8.
Меня изволилъ онъ принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть сталъ бы ощущать,
И шелъ къ нему опять со вздоромъ [10]

[е] У Музъ съ Гораціемъ пою (Р. 1790-хъ гг.).
(Вмѣсто этого И. И. Дмитріевъ предлагалъ: «Или съ Гораціемъ пою»).
[ж] Души бъ я не вертѣлъ рулеткой (1798).
[з] Равно о карлахъ, великанахъ,
О рыцаряхъ и обезьянахъ (Р. 1790-хъ гг.).

какъ авторъ былъ по части оныхъ докладчикъ, то и не допущенъ бывалъ по недѣлѣ и по двѣ» (*Об.* Д.). Подробнѣе о томъ же см. въ *Запискахъ* его (*Р. Бес.*, стр. 319 и 345). Отношенія Державина къ императрицѣ въ это время много поясняются *Записками Храповицкаго* (мѣста, до него касающіяся въ этомъ дневникѣ, собраны въ *Библіографич. Запискахъ* 1858, № 5, гдѣ однакожъ опущено все, относящееся къ 1789, именно подъ слѣдующими числами: 27 іюня, 11 и 29 іюля и 1 августа; сверхъ того о Державинѣ упомянуто подъ 29 ноября 1788 г.).

Для словъ *съ Гораціемъ пою* ср. выше, стр. 171, прим. 2 къ одѣ *Рѣшемыслу*.

[9] Я бъ душу не вертѣлъ рулеткой *и проч.*

Здѣсь Державинъ объясняетъ, что онъ, по негибкости своего характера, при докладахъ не вертѣлся туда и сюда, какъ рулетка; но читалъ что̀ есть на бумагѣ, не смотря на лица, и о взяточникахъ такъ же какъ и о честныхъ людяхъ (*Об.* Д.).

[10] И шелъ къ нему опять со вздоромъ.

«Императрица иногда скучала, что авторъ обременялъ ее докладами о правосудіи и милости къ бѣднымъ; но онъ, не смотря на то, все съ

Суда и милости просить.
Равно, когда бъ и свѣтлымъ взоромъ
Со мной онъ вздумалъ пошутить
И у меня просить прощенья [11]:
Не заплясалъ бы съ восхищенья [и],

Но съ разсужденьемъ удивлялся 9.
Великодушію его;
Не вдругъ на похвалы пускался [12],

[и] И я плясалъ бы съ восхищенья.
(Дмитріевъ предлагалъ: «Хотя бъ вспрыгнулъ я съ восхищенья»).

тѣмъ же приходилъ (говоря придворнымъ языкомъ) вздоромъ» (*Об.* Д.). Вѣроятно, до Державина дошли слова, сказанныя о немъ Екатериною вслѣдствіе доклада его по дѣлу графа Моцениго съ банкиромъ Сутерландомъ: «Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ» (*Зап. Храпов.*, подъ 2 марта 1792 г.). Объ этомъ дѣлѣ см. *Зап. Держ.*, *Р. Бес.*, стр. 311, 314 и слѣд.

[11] И у меня просить прощенья.

«Случалось нерѣдко, что императрица, признаваясь въ своемъ несправедливомъ гнѣвѣ, прашивала у Державина прощенія, ибо онъ не по своему выбору, а по ея собственному приказанію производилъ самыя важныя, но непріятныя дѣла, изъ которыхъ иныя до его времени оставались лѣтъ по 20-ти нерѣшенными» (*Об.* Д.; ср. *Зап.* его, стр. 337 и слѣд.).

[12] Не вдругъ на похвалы пускался.

Сама императрица нѣсколько разъ просила Державина, чтобъ онъ писалъ стихи, подобные *Фелицѣ;* но онъ, съ одной стороны будучи занятъ важнѣйшими дѣлами, а съ другой, видя несправедливости, неохотно къ этому приступалъ, такъ что во время служенія своего при ней написалъ весьма немногія пьесы, и то съ примѣсью нравоученія, какова и эта ода (*Об.* Д.). То же самое говоритъ онъ и въ *Запискахъ* своихъ (*Р. Бес.*, стр. 320), прибавляя, что обѣщалъ исполнить желаніе государыни и «нѣсколько разъ принимался, запираясь по недѣлѣ дома; но ничего написать не могъ, не будучи возбужденъ какимъ-либо патріотическимъ славнымъ подвигомъ». Въ другомъ мѣстѣ *Записокъ* (стр. 339) онъ объясняетъ

А въ жарѣ сердца моего
Воспѣлъ его бы безъ притворства
И въ сказочкѣ сказалъ подъ часъ:
«Ты громокъ браньми — для потомства,
Ты милъ щедротами — для насъ,
Но славы и любви содѣтель
Тебѣ твоя лишь добродѣтель».

Смотри и всякъ, хотя бъ чрезъ шашни[13] 10.
Фортуны сталъ кто впереди,
Не сплошь спускай златыхъ змѣй съ башни,
И, глядя въ небо, не пади;
Держися лучше середины[14]
И ближнему добро твори;

слѣдующимъ образомъ охлажденіе, которое Екатерина показывала ему въ послѣдніе годы своей жизни: ... «можетъ быть и за то, что онъ, по желанію ея, видя дворскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки, не собрался съ духомъ и не могъ такихъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писаны не въ бытность его еще при дворѣ: ибо издалека тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламененіе, явились ему, при приближеніи его ко двору, весьма человѣческими и даже недостойными великой Екатерины; то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу ея».

[13] Смотри и всякъ, хотя бъ чрезъ шашни *и проч.* «т. е. и ты, который по любовнымъ шашнямъ сдѣлался большимъ человѣкомъ» (*Об.* Д.). Къ 3-му стиху сдѣлано тамъ же примѣчаніе: «Зубовъ, бывшій потомъ графъ и князь, любимецъ императрицы, иногда послѣ обѣда занимался сей дѣтской игрой, спуская бумажные змѣи съ царскосельскихъ башенъ».

[14] Держися лучше середины — любимое правило древнихъ — не одного Горація; Цицеронъ, напр., говоритъ: Mediocritatis regula optima est (Off. 2, 17); или Овидій: Medio tutissimus ibis (Met. 2, 137). Ср. выше строфу 1-ую этой оды.

На завтра крѣпостей съ судьбины [15]
Безсильны сами взять цари.
Есть время — сѣй! Оно превратно:
Прошедше не придетъ обратно.

Хоть чья душа честна, любезна [16], 11.
Хоть безкорыстенъ кто, уменъ;
Но коль умѣренность полезна
И тѣмъ, кто славою плѣненъ!
Умѣй быть безъ обиды скроменъ,
Осанистъ, твердъ, но не гордецъ,
Рѣшимъ безъ скорости, спокоенъ,
Безъ хитрости ловецъ сердецъ;

[15] На завтра крѣпостей съ судьбины.

Нелишнимъ считаемъ пояснить, что здѣсь слово *завтра* употреблено въ видѣ существительнаго, почему И. И. Дмитріевъ въ рукописи 1790-хъ годовъ и совѣтовалъ напечатать его «косыми буквами». Нѣмецкій переводчикъ (см. выше, стр. 490, въ примѣчаніи 1) такъ передалъ это мѣсто:

Denn einen Sicher-Brief auf Morgen
Sich vom Geschicke zu erzwingen
Ist selbst dem Könige nicht möglich,

и въ выноскѣ противъ слова Sicher-Brief замѣтилъ по-русски: «Обыкновеннѣйшее нѣмецкое слово было бы Kauf-Brief; но Kauf-Brief въ точности означаетъ *купчую*, а здѣсь, кажется, испортило бы смыслъ, еслибъ поставить *купчую* вмѣсто *крѣпости*, и для того взялъ я себѣ вольность употребить слово, ближе подходящее къ оригиналу».

[16] Хоть чья душа честна, любезна *и проч.*

«Всѣ сіи любезныя качества имѣлъ въ себѣ неоспоримо князь Зубовъ, но былъ неумѣренно гордъ и такъ скроменъ (*скрытенъ?*), что, поручая иногда самъ дѣла, — когда ихъ къ нему приносили, то онъ не говорилъ о нихъ ни слова по цѣлому году, хорошо ли они сдѣланы, или худо» (*Об.* Д.). Вся эта строфа относится къ кн. П. А. Зубову (род. 1767, ум. 1822), который въ началѣ своего возвышенія отличался скромностью, но мало по малу сдѣлался такъ же гордъ и недоступенъ, какъ прежде были Григорій Орловъ и Потемкинъ (подробнѣе о П. Зубовѣ см. въ примѣчаніяхъ подъ пьесою *Къ Лиръ*, 1794 г.).

Вздувъ въ ясномъ парусà лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ [17].

[17] Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ — «т. е. умѣй при несчастіи быть твердымъ, но онъ сего качества душевнаго не имѣлъ; а когда взошелъ на престолъ императоръ Павелъ, то онъ такъ струсилъ, что жалко было на него смотрѣть» (*Об.* Д.). Ср. примѣчанія къ стихотвореніямъ *Водопадъ* (стр. 486), *На кончину благотворителя* (подъ 1795), *Аѳинейскому витязю* (подъ 1796) и *На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи* (подъ 1797 г.). По смерти Екатерины II. Зубовъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые отправились въ Гатчину къ ея преемнику, и этому поступку онъ обязанъ былъ сохраненіемъ, въ первое время новаго царствованія, всѣхъ своихъ званій; императоръ Павелъ, обнявъ его, сказалъ: «L'ami de ma mère sera toujours le mien». О сближеніи Державина съ Зубовымъ и объ отношеніяхъ между ними см. выше, стр. 270, примѣч. 1 къ *Изображенію Фелицы* и *Записки Державина* (*Русс. Бес.*, стр. 298). Хотя Зубовъ и принималъ Державина благосклонно и, по видимому, покровительствовалъ ему, но ничего для него не дѣлалъ. Державину казалось, что Зубову непріятна была его поэтическая слава: этотъ молодой временщикъ часто для потѣхи старался «стравливать, или ссорить» съ нимъ Эмина (Николая), который также писалъ стихи (см. выше, стр. 271, примѣчаніе къ *Изображенію Фелицы*). Такимъ образомъ вполнѣ объясняется неудовольствіе противъ Зубова, выражающееся въ этомъ стихотвореніи. Въ рукописяхъ, при заглавіи его, находится приписка *Къ* ***: послѣ сказаннаго становится несомнѣннымъ, что она означаетъ Платона Зубова.

LXVII. НА РОЖДЕНІЕ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ[1].

—

Едва исчезла темнота, 1.
Лучи златые ниспустились,
Багрянцемъ облака покрылись:
Родилась красота.

[1] Въ *Запискахъ Храповицкаго* за 1792 г. отмѣчено: «11 іюля по полуночи въ исходѣ 2-го часа родилась в. к. Ольга Павловна», а на другой день: «Я поздравлялъ поутру по обыкновенію; сказано мнѣ: *Много дѣвокъ; всѣхъ замужъ не выдадутъ*».

Но эта забота была напрасна: новорожденная не прожила и трехъ лѣтъ, и умерла уже 15 января 1795 г. (см. подъ этимъ годомъ стихи на ея кончину).

Въ лилеи облеклася кровь, 2.
Душа небесная во младость,
Унылое молчанье въ радость:
Родилася любовь.

Любовь! — любовь, или краса, 3.
Иль Ольга къ намъ пришла вторая?
Минута свѣтлая, златая
Блаженнаго часа!

Какихъ не видимъ мы добротъ 4.
Въ твой славный вѣкъ, Екатерина?
Отъ Павла намъ — два исполина[2],
Маріи — сонмъ красотъ!

Какія громки имена 5.
Въ задатокъ къ подвигамъ безсмертнымъ,
Къ побѣдамъ, милостямъ несчетнымъ
Въ грядущи времена!

Ужъ зрю я: съ сѣвера на югъ 6.
Свѣтильникъ Ольга возвращаетъ[3]!
Какихъ чудесъ не обѣщаетъ,
Монархиня, твой духъ?

Эта пьеса тогда же явилась въ *Московскомъ журналѣ* за іюль 1792 г. (ч. VII, стр. 3), подъ заглавіемъ Пѣснь на всерадостное рожденіе и проч. и съ означеніемъ въ концѣ: *Изъ Софіи отъ неизвѣстной особы*; потомъ была напечатана въ изданіяхъ: 1798, стр. 234, и 1808, ч. I, XLVI.

Первый изъ рисунковъ (Олен.) представляетъ Молву, возвѣщающую міру о рожденіи великой княжны; второй — Надежду (рукоп.).

[2] Отъ Павла намъ два исполина *и проч.*

т. е. великіе князья Александръ и Костантинъ и сестры ихъ: Александра, Елена, Марія, Екатерина и Ольга.

[3] Свѣтильникъ Ольга возвращаетъ.

Древняя Ольга, принявъ христіанство, принесла просвѣщеніе съ юга на сѣверъ, а новорожденная, какъ можно было предполагать, перенесетъ свѣтъ съ сѣвера на югъ, т. е. въ турецкія владѣнія (*Об.* Д.). Ср. выше въ одѣ *На взятіе Измаила* строфу 28.

Тамъ власть раздоръ[а] монаршу рветъ, 7.
Тамъ царь свободу угнетаетъ[4];
Тебя жъ народъ твой обожаетъ
И матерью зоветъ.

Молитву шлемъ мы къ небесамъ, 8.
Да продолжатъ твои намъ лѣта,
Къ отрадѣ и утѣхѣ свѣта
И въ образецъ царямъ!

[а] Раздоръ тамъ власть... (1792).

---

[4] Тамъ власть раздоръ монаршу рветъ,
Тамъ царь свободу угнетаетъ.

«Тогда во Франціи революція разрывала монаршую власть, а въ Швеціи король Густавъ IV, угнетая свободу, преобращалъ въ самодержавіе» (*Об.* Д.).

LXVIII. КЪ КАЛЛІОПѢ[1].

Сойди, безсмертная, съ небесъ 1.
Царица пѣсней, Калліопа!

[1] Написано на пріѣздъ въ Петербургъ баденской принцессы, впослѣдствіи императрицы Елисаветы Алексѣевны, почему эта пьеса въ ру-

И громкую трубу твою,
Иль лучше лиру нѣжно-звучну,
Иль, если хочешь, голосъ твой
Ты согласи со мной.

кописяхъ и отмѣчена 31-мъ октября 1792, подъ которымъ мы читаемъ въ *Запискахъ Храповицкаго*: «Въ 10-мъ часу вечера пріѣхали принцессы Баденъ-Дурлахъ». Это были Луиза Марія Августа, вскорѣ сдѣлавшаяся невѣстою в. к. Александра Павловича, и сестра ея Луиза, впослѣдствіи королева шведская. «Ея величество», записалъ Храповицкій на слѣдующій день, «хвалила мнѣ старшую принцессу: On ne peut la voir sans être charmée» *. Она родилась въ Карлсруэ 15 января 1779, и слѣдовательно была только 13-ю мѣсяцами моложе великаго князя (род. 12 дек. 1777 г.). Обрученіе ихъ было 10 мая 1793; она скончалась 16 мая 1826 г.

Заглавіе дано одѣ по ея приступу въ первой строфѣ, составляющей близкое подражаніе началу оды Горація къ той же Музѣ (кн. 3, ода 4):

Descende coelo, et dic age tibia
Regina longum Calliope melos,
Seu voce nunc mavis acuta,
Seu fidibus citharaque Phoebi....

* Помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ писаннаго на другой же день письма Екатерины II къ Н. П. Румянцову, русскому посланнику во Франкфуртѣ на Майнѣ (П. Лебедева *Матеріалы*):

Mr le Cte Roumenzof. Hier au soir entre 8 et 9 h. enfin les princesses de Bade sont arrivées en bonne santé...

J'ai tellement ménagé cette arrivée qu'au premier abord très-peu de gens les ont vues. Elles sont descendues à leurs gites, la maison Schepeloff. Le maréchal de la cour et les cavaliers nommés pour les accompagner les ont reçues au sortir du carrosse et les ont menées dans leurs appartements. Je me tenais pour ainsi dire cachée avec la comtesse Branisky qui m'accompagnait de même que le gl Zoubof qui était de service dans un des appartements destinés aux princesses. Quand les battants s'ouvrirent et qu'elles entrèrent, l'aînée me reconnut assez vite et la cadette suivit son exemple. Cette aînée a paru à tous ceux qui l'ont vue une enfant charmante: je sais que sur la route elle a captivé tout le monde. La csse Schouvalof et Strekalof en disent mille bien. J'ai fait entrer ensuite tous ceux qui les accompagnaient, et comme il était tard, que tout le monde était fatigué, après une courte entrevue je me suis retirée avec la csse Branisky et le gl Zoubof. Ceux-ci chemin faisant ne tarissaient pas de l'effet que la prsse aînéé avait fait sur eux. La conclusion que je tire de ceci est que notre homme fût fort difficile si elle manquait sa conquête: il ne la verra que quand elle sera parfaitement reposée et je ne mettrai aucun empressement à la lui montrer.

A 6 h. apr. diner.

J'ai revu les princesses deux fois aujourd'hui: l'aînée plus on la voit et plus elle plait... Ci-jointe une mission pour le baron Grimm, mon ancien souffre-douleur patenté.

Ce 1er nov. 1792.

Ужъ, кажется, я слышу бѣгъ 2.
Твоихъ по арфѣ рѣзвыхъ перстовъ,
Какъ гибкій при моряхъ тростникъ
Отъ порханья звенитъ зефировъ,
Далекимъ вторясь шумомъ волнъ:
Таковъ твоихъ струнъ звонъ.

Ужъ въ легкихъ сизыхъ облакахъ [2] 3.
Прекрасна дѣва съ неба сходитъ:
Смѣющійся въ очахъ сапфиръ [3],
Стыдливыя въ ланитахъ розы,
Багряную въ устахъ зарю,
Въ власахъ я злато зрю.

Во сладкомъ изступленьи семъ 4.
Весь Сѣверъ зрится мнѣ эдемомъ,

Но далѣе Державинъ совершенно отступаетъ отъ Горація. Впослѣдствіи онъ перевелъ всю оду римскаго поэта (см. подъ 1811 г. другую оду *Къ Калліопѣ*).

Настоящая ода вскорѣ послѣ сочиненія ея была издана отдѣльно подъ заглавіемъ *Къ Калліопѣ, въ 31 день октября 1792 года*, въ четвертку съ означеніемъ года и мѣста печатанія (Спб., у I. К. Шнора), но безъ имени автора, и вмѣстѣ съ нею перепечатаны на бумагѣ того же формата и тѣмъ же шрифтомъ *Стихи на рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока*. Потомъ ода *Къ Калліопѣ* появилась въ *Московскомъ журналѣ* за октябрь и ноябрь 1792 (ч. VIII, стр. 131) съ тѣмъ же обозначеніемъ при заглавіи ея; далѣе въ изданіи 1798, стр. 254, съ подобнымъ поясненіемъ въ выноскѣ, и наконецъ въ изд. 1808, ч. I, XVII, безъ всякаго поясненія.

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ (Олен.) изображена сходящая съ небесъ Калліопа, — аллегорія на пріѣздъ в. княжны (рукоп.).

[2] Ужъ въ легкихъ сизыхъ облакахъ

Великая княжна была въ сизоголубомъ платьѣ (*Об.* Д.).

[3] . . . сапфиръ.

Сапфиръ (греч. sappheiros), или *сафиръ* (по арабскому произношенію), яхонтъ синяго или голубаго цвѣта; Державинъ чаще употребляетъ вторую форму слова (для примѣра см. выше, стр. 163 въ *Видѣніи Мурзы*, стихъ 83: «Сафиро-свѣтлыми очами»).

И осень кажется весной;
Въ кристальныхъ льдахъ зрю лѣсъ зеленый,
Въ тѣняхъ ночныхъ поля златы,
А по снѣгамъ цвѣты.

Во мглѣ темнозеленой тамъ, 5.
Я вижу, нѣкто древъ подъ сводомъ
Лѣпообразенъ, статенъ, младъ[4]:
Вокругъ главы его сіяютъ
Струями межъ листовъ лучи,
У ногъ шумятъ ключи.

Кто сей, къ которому идетъ 6.
Толь весело любезна дѣва,
Какъ къ брату своему сестра,
Какъ къ жениху въ чертогъ невѣста?
Зрю сходство въ ихъ очахъ, чертахъ[5],
Какъ будто въ близнецахъ.

Кто ты, божественна чета? 7.
Какъ огнь, со пламенемъ сближаясь,
Единъ составить хочешь лучъ!
Не ты ли свѣта богъ прекрасный
Пришелъ съ небесъ на землю вновь
Торжествовать любовь?

Уже согласіе сердецъ 8.
На нѣжныхъ арфахъ раздается;

[4] Лѣпообразенъ, статенъ, младъ *и проч.*

Изображеніе Аполлона, когда онъ былъ въ видѣ пастуха на землѣ (*Об.* Д.).

[5] Зрю сходство въ ихъ очахъ, чертахъ.

Въ то время находили дѣйствительно большое сходство между женихомъ и невѣстою (*Об.* Д.).

Безмолвно слушаетъ земля;
Склонились башни, рощи, горы,
Ревущій водометъ утихъ;
Стоитъ — глядитъ на нихъ.

На мягкой шелковой травѣ, 9.
Въ долинѣ, миромъ осѣненной,
Гдѣ шепчетъ съ розой чуть зефиръ,
Чуть синій ключъ журча віется,
Чуть дышитъ воздухъ-ароматъ,
Возлюбленны сидятъ.

Вокругъ ихъ страстныхъ горлицъ вздохъ, 10.
Пѣснь лебедей вдали несется,
Обнявшися кусты стоятъ,
Роскошствуетъ во всемъ природа;
Все нѣжитъ, оживляетъ кровь,
Все чувствуетъ любовь.

Стрѣла ея средь ихъ сердецъ, 11.
Какъ лучъ межъ двухъ холмовъ кристальныхъ,
По ихъ краямъ съ небесъ летя,
Сперва скользитъ, не проницаетъ;
Но отъ стекла въ стеклѣ блеститъ,
И роза въ нихъ горитъ.

Съ Олимпа множествомъ очесъ 12.
Сквозь твердь на нихъ янтарну смотритъ [a]
Безсмертныхъ ликъ, и мать боговъ,
Какъ водъ въ струяхъ звѣзда вечерня,
Съ высотъ любуется собой,
Въ нихъ видя образъ свой.

[a] .... смотрятъ (1792).

Все улыбается на нихъ, 13.
Все пламень чистый, непорочный,
Въ сердцахъ ихъ нѣжныхъ и младыхъ
Родящійся, благословляетъ.
Всѣмъ добродѣтель въ нихъ видна,
Какъ въ воздухѣ луна.

Въ златый, блаженный древній вѣкъ[б], 14.
Въ красы земны облекшись, боги
Являлися между людьми,
Чтобъ въ образѣ царей, героевъ,
Устроивать блаженство ихъ[в]
Примѣромъ дѣлъ благихъ.

Такъ, кажется, и въ нихъ боговъ, 15.
Ихъ чадъ, или монарховъ племя
Мой восхищенный видитъ духъ:
Онъ бодръ — и броситъ громы въ злобу;
Она нѣжна — и сотворитъ
Въ себѣ невиннымъ щитъ.

О, коль благословенъ тотъ вѣкъ, 16.
Когда цвѣтущу, благовонну
Подобны древу своему
Сіи младыя вѣтви будутъ!
Въ тѣняхъ ихъ опочіетъ миръ[г],
И гласъ раздастся лиръ.

[б] И какъ въ блаженный древній вѣкъ.
[в] Устроить имъ блаженство ихъ;
Мнѣ кажется, и въ нихъ,
И въ нихъ, мнѣ кажется, боговъ.
[г] . . . . . . міръ.

Но не въ мечтѣ ль[д], иль въ явѣ я 17.
Съ Діаной Аполлона вижу?
Нѣтъ, нѣтъ[е]! — Се, тотъ младый герой,
Тотъ отрокъ мой порфирородный[6],
Я чье рожденье воспѣвалъ,
Возросъ и возмужалъ.

Се онъ, которому дары 18.
Сносили Геньи къ колыбели,
И надѣлили всѣмъ его,
Чтобъ быть на тронѣ человѣкомъ,
А въ человѣкѣ божествомъ,
Всѣхъ согрѣвать лучемъ.

Се онъ съ избранною своей! 19.
Гордись, моя, гордися, лира,
Пророчествомъ теперь твоимъ;
Уже оно почти сбылося:
Мой полубогъ почти ужъ богъ;
Онъ всѣхъ сердца возжегъ.

Россія! радостный токъ слезъ 20.
Пролей, и возведи вкругъ взоры,
И виждь: въ трофеяхъ у тебя,
Какъ садъ, Екатерины племя
Цвѣтетъ! Да поднебесной всей
Онъ дастъ царицъ, царей!

[д] Но ужъ въ мечтѣ ль...
[е] Иль нѣтъ!...

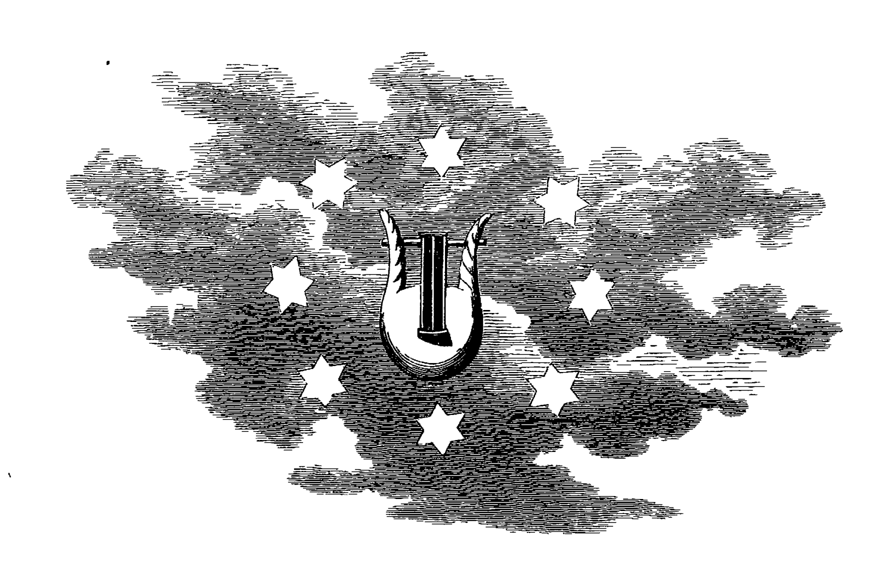
[6] Тотъ отрокъ мой порфирородный *и проч.*

См. выше стихи *На рожденіе въ сѣверъ порфиророднаго отрока* (стр. 81) и 3-е къ нимъ примѣчаніе (стр. 85).

Премудрость возлелѣетъ ихъ; 21.
Народы, утомясь раздоромъ[7],
Упросятъ ихъ собой владѣть. —
Пѣвица славы, Калліопа!
Останься въ звѣздной ввѣкъ странѣ:
Они здѣсь Музы мнѣ.

[7] Народы, утомясь раздоромъ.

Относится къ французской революціи, бывшей тогда въ полномъ разгарѣ (*Об.* Д.).

LXIX. КЪ Н. А. ЛЬВОВУ[1].

Стократъ благословенъ тотъ смертный, 1.
Кого не тяготитъ печаль,

[1] Искренняя дружба давно связывала Державина съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ. Это былъ человѣкъ, одаренный разнообразными талантами, необыкновенно любознательный и дѣятельный. Онъ принадлежалъ къ дворянскому семейству тверской губерніи и имѣлъ недвижимую собственность близъ Торжка: село *Черенчицы*, послѣ переименованное имъ въ *Никольское*, было любимымъ его мѣстопребываніемъ, по имени котораго онъ сталъ подписываться *Львовъ Никольскій*. Онъ родился въ 1751 г., слѣдовательно былъ восмью годами моложе Державина, а умеръ въ

Ни зависть потаеннымъ вздохомъ,
Ни гордость громогласнымъ смѣхомъ
Не жмутъ, не гонятъ отъ двора [a].

[a] ...... отъ людей (1792).

1803 г. и похороненъ въ названномъ селѣ. Получивъ дома весьма недостаточное воспитаніе и поступивъ въ измайловскій полкъ, онъ посѣщалъ школу этого полка (см. выше, стр. 18, примѣч. 2 къ пьесѣ *На смерть Бибикова*), но конечно не могъ вынести и оттуда большихъ свѣдѣній. Образованіе свое дополнилъ онъ послѣ добровольными занятіями и развилъ въ себѣ тонкое эстетическое чувство, такъ что сдѣлался живописцемъ, поэтомъ и особенно архитекторомъ; сверхъ того онъ изучилъ музыку и разныя техническія производства. Скоро онъ пріобрѣлъ уваженіе и довѣріе, какъ знатокъ и цѣнитель въ искусствѣ. Мы уже упомянули (см. стр. 98, примѣчаніе 2 къ одѣ *На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію*), что ему принадлежала идея барельефовъ перестроенной сенатской залы. Около того же времени императрица одобрила составленный имъ планъ церкви, которую она задумала построить въ Могилевѣ въ память своего свиданія 1780 г., въ этомъ городѣ, съ императоромъ Іосифомъ II и которая дѣйствительно построена по плану Львова. Въ краткой его біографіи, написанной родственникомъ его Ѳед. Петр. Львовымъ *, разсказано объ этомъ слѣдующее: «Многіе планы лучшихъ тогда архитекторовъ, въ столицѣ бывшихъ, государынѣ не нравились... Гр. Безбородко представляетъ ей о порученіи сего Львову (*подчиненному его*), какъ человѣку, хотя не учившемуся систематически, но природою одаренному. Императрица согласилась... Наконецъ планъ готовъ... Гр. Безбородко, взявъ Львова во дворецъ съ собою, подноситъ его трудъ Екатеринѣ. Мысль молодаго художника восхитила государыню: она приказываетъ его себѣ представить; взоромъ милостивымъ посмотрѣла на него какъ на диковину, и тутъ же благоволила пожаловать ему даръ *на память*»... Онъ же вскорѣ послѣ того составилъ, по порученію императрицы, рисунокъ владимірскаго ордена, учрежденнаго въ 1782 г. (см. выше стр. 163). Памятниками его архитекторскихъ способностей остаются еще церковь Борисоглѣбскаго монастыря въ Торжкѣ, другая въ селѣ Никольскомъ и Пріоратъ въ Гатчинѣ. Въ Торжкѣ Львовъ, по словамъ Державина (*Объясн.* къ пьесѣ *Память другу*), оставилъ еще другой слѣдъ своей дѣятельности: онъ способствовалъ къ усовершенствова-

* См. *Сынъ Отеч.* 1822 (т. 77) и *Москвитянинъ* 1855 (№ 6).

Сокрыта жизнь твоя въ деревнѣ 2.
Течетъ теперь, о милый Львовъ[б]!

[б] ...... о милый Л...!

нію тамошнихъ сафьянныхъ издѣлій, давъ мастерамъ хорошіе рисунки. Свидѣтельствомъ уваженія, какое Львовъ пріобрѣлъ какъ знатокъ искусства, служитъ то, что онъ уже въ 1780-хъ годахъ принадлежалъ къ числу немногихъ почетныхъ членовъ нашей академіи художествъ. Онъ былъ также членомъ россійской академіи съ начала ея учрежденія.

Въ литературѣ Н. Львовъ былъ душою кружка, который составляли Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, А. С. Хвостовъ и др. О вліяніи его на этихъ писателей даютъ понятіе слова біографа его, что Хемницеръ не выпускалъ въ свѣтъ ни одной басни своей безъ одобренія Львова. «Я помню», прибавляетъ Ѳ. П. Львовъ своимъ вообще изысканнымъ слогомъ, «когда прекрасная ода Фелицѣ, будучи почти первая у насъ въ Россіи одѣта легко, заманчиво, пріятно и богато, привезена была авторомъ къ г. Львову на судъ, съ тѣмъ, чтобы онъ чудесною силою вкуса — изящное, забавное отдѣлилъ отъ непріятнаго, смѣшнаго, и какъ сей геній располагалъ нарядами красавицы съ тою единственною цѣлью, чтобы воображеніе читателя тайно дополняло тѣ прелести, которыя опредѣлялъ вкусъ поставить въ полусвѣтѣ». О значеніи Львова въ поэтической дѣятельности Державина свидѣтельствуютъ и рукописи послѣдняго: онѣ часто носятъ на себѣ поправки и замѣтки Львова (см. примѣч. къ одамъ *Успокоенное невѣріе*, стр. 70, и *На взятіе Измаила*, стр. 336, 337 и 359). Мы знаемъ также, что Львовъ принималъ особенное участіе въ изготовленіи рисунковъ къ стихотвореніямъ Державина (см. наше Предисловіе въ этомъ томѣ). Друзья усердно переписывались, то въ прозѣ, то въ стихахъ, и сообщали одинъ другому новыя свои произведенія. Изъ писемъ Львова видно, что онъ любилъ шутку и даже буфонство, любилъ что̀ называется быть на распашку и не пропускалъ случая сказать острое словцо. Тѣмъ же тономъ отличаются и стихи его, которыхъ осталось довольно много, но которые, какъ намъ кажется, не ознаменованы, вообще говоря, печатью высшаго таланта. Въ особенности Львовъ пробовалъ себя въ поэзіи эротической и комической; всего замѣчательнѣе въ немъ стремленіе къ народности, и съ этой стороны въ стихахъ его встрѣчаются мѣста, поразительныя по отношенію къ эпохѣ, въ которую онъ жилъ. Нѣкоторыя стихотворенія его были напечатаны при жизни его въ *Московскомъ журналѣ* (ч. IV: *Къ рѣкѣ Талажнѣ;* ч. VI: *Къ Лирѣ;* въ IV-й ч. любопытно также его *Письмо къ П. Л. В.* — Петру Лукичу Вельяминову)

Какъ свѣтлый межъ цвѣтовъ источникъ
Въ лѣсу дремучемъ. Пусть другіе,
Взмостясь, изъ терема глядятъ[в],

[в] Взмостясь, глядятъ изъ оконъ *тамъ*.

и въ *Аонидахъ* (ч. I: *Къ Дорализѣ* и *Музыка, или Семитонія*). По смерти его явились: въ *Другѣ просвѣщенія* 1804 (ч. III, № 9), написанная имъ стариннымъ тоническимъ размѣромъ 1-ая глава *Богатырской поэмы Добрыня* и въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* 1805 (№ 2) его *Ботаническое путешествіе на Дудерову гору*. Приведемъ здѣсь кстати образчикъ сужденій прежней нашей критики о Львовѣ. Въ *Вѣстникѣ Европы* 1817 г. (№ 23 и 24, стр. 197) В. С—въ говоритъ: «Николай Львовъ въ *Ботаническомъ путешествіи на Д. г.* показалъ, что русскіе стихи, написанные даже на *чухонскій ладъ*, могутъ нравиться, если только поэтъ имѣетъ дарованіе». На стихи *Къ Лирѣ* въ *Москов. журналѣ* (см. выше) Карамзинъ написалъ нѣсколько любопытныхъ подстрочныхъ замѣчаній, отозвавшись такъ о самомъ Львовѣ: «Сія піеса того же сочинителя, мнѣ почти незнакомаго — потому что я видѣлъ его только одинъ разъ, и то мелькомъ — незнакомаго, но любезнаго, такъ какъ всѣ люди съ дарованіями и съ нѣжнымъ чувствомъ мнѣ любезны». Насъ поразило, что въ спискѣ «особъ, благоволившихъ подписаться на Московскій журналъ», напечатанномъ при І-й его части, рядъ петербургскихъ подписчиковъ начинается именами: Алексѣя Аѳанасьева Дьякова, Н. А. Львова и Державина. Дьяковъ давно уже былъ тестемъ перваго, а вскорѣ сдѣлался тѣмъ же и для послѣдняго. Изъ другихъ литературныхъ трудовъ Львова особеннаго вниманія заслуживаетъ переводъ Анакреона, изданный имъ 1794 г.*, съ подлинникомъ и съ примѣчаніями Евгенія Булгара. Въ *Словарѣ свѣтскихъ писателей* Евгенія Болховитинова исчислена большая часть напечатанныхъ Львовымъ сочиненій. Въ рукахъ внука его, Леонида Леонидовича Львова, находится собраніе бумагъ покойнаго, между которыми есть неизданныя стихотворенія, письма, замѣтки и проч. (см. нашъ отчетъ о поѣздкѣ въ имѣніе Львовыхъ, село Никольское, напечатанный подъ заглавіемъ: Рукописи Державина и Н. А. Львова въ *Спб. Вѣд.* 1859, № 103, и въ *Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и словесн.*, т. VIII, вып. 4).

Вскорѣ послѣ первой женитьбы Державина Н. А. Львовъ обвѣнчался тайно съ дочерью сенатскаго оберъ-прокурора, Марьею Алексѣевной Дьяковой, той самой, которой Хемницеръ посвятилъ свои басни. Но еще года три послѣ вѣнчанія Львовъ не могъ жить съ нею по несогла-

* По Сопикову — 1798; но это ошибка: годъ означенъ на книгѣ.

Какъ на златыя колесницы 3.
Зѣваетъ чернь; какъ ратный строй
Въ глаза ей мещетъ блескъ отъ ружей
И какъ она, волнамъ подобно
Отъ бурь, отъ всадниковъ бѣжитъ;

Какъ витязи въ вѣкахъ позднѣйшихъ 4.
Въ мѣди иль въ мраморѣ себя
Со удивленьемъ созерцаютъ
И плещутъ ужъ заранѣ въ длани,
Что ихъ народъ боготворитъ.

Но ты уменъ: ты постигаешь, 5.
Что тотъ любимецъ лишь небесъ,

сію ея родителей на этотъ бракъ. Въ 1795 г. Державинъ, овдовѣвъ, женился на сестрѣ ея, Дарьѣ; третья сестра, Александра, была за Капнистомъ. Такимъ образомъ три друга-писателя породнились. Львовъ пріобрѣлъ видное положеніе, поступивъ лѣтъ 30-ти на службу къ Безбородкѣ и найдя въ немъ благосклоннаго покровителя. Безбородко занималъ между прочимъ должность директора въ главномъ правленіи почтовыхъ дѣлъ, а Львовъ былъ однимъ изъ членовъ въ этомъ правленіи. Въ *Мѣсяцословѣ* 1792 г., къ которому относится настоящая пьеса, мы находимъ его на этомъ мѣстѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, передъ Д. П. Трощинскимъ. Нѣкоторыя другія біографическія подробности о Львовѣ читатель найдетъ ниже въ примѣчаніяхъ къ стихамъ, ему посвященнымъ (см. *Другу* подъ 1795 и *Память другу* подъ 1804 г.).

Это посланіе было написано въ такое время, когда Львовъ жилъ въ деревнѣ, а Державинъ, служа при императрицѣ, былъ недоволенъ своими дворскими отношеніями. Оно появилось тогда же въ *Московскомъ журналѣ* за августъ 1792 г. (ч. VII, стр. 105), подъ заглавіемъ *Ода къ Н. А. Л.* и съ означеніемъ въ концѣ: *Изъ П. Б. отъ неизвѣстной особы;* въ текстѣ вмѣсто *Львовъ* стоитъ также одно *Л.* Стихотвореніе перепечатано въ изданіяхъ: 1798, стр. 244, и 1808, ч. I, XLII.

Значеніе рисунковъ (Олен.): «1) Крестьянинъ русскій спокойно пашетъ, имѣя за плечами гудокъ и погоняя лошадь свою смычкомъ; въ нѣдрахъ земныхъ опочиваетъ Счастіе; 2) силуэты (*Львова и жены его*) и знаки дружескаго общества» (рукоп.).

Который подъ шумкомъ потока
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богѣ, дружбѣ и любви.

Востокъ и западъ разстилаютъ 6.
Ему свой пурпуръ по путямъ;
Ему благоухаютъ травы,
Древесны помаваютъ вѣтви
И свищетъ громко соловей.

За нимъ раскаянье не ходитъ 7.
Ни между нивъ, ни по садамъ,
Ни по холмамъ, покрытымъ стадомъ[г],
Ни межъ озеръ и кущъ пріятныхъ;
Но всюду радость и восторгъ.

Труды крѣпятъ его здоровье; 8.
Какъ воздухъ, кровь его легка;
Поутру, какъ зефиръ, летаетъ
Веселы обозрѣть работы,
А завтракать спѣшитъ въ свой домъ.

Тутъ нѣжна, милая супруга — 9.
Какъ ленъ пушистъ, ея власы, —
Снѣгоподобною рукою
Взявъ шито, брано полотенце,
Стираетъ потъ съ его чела;

Цѣлуя раскраснѣвши щеки, 10.
На пяльцы посмотрѣть велитъ,
Гдѣ по соломѣ разной шерстью

[г] Ни на холмахъ, покрытыхъ стадомъ,
Ни межъ озеръ, долинъ цвѣтущихъ.

Луга, цвѣты, пруды и рощи
Градской своей подругѣ[д] шьетъ[2].

«О, если бы», она вѣщаетъ, 11.
«Могло искусство, какъ природа,
Вливать въ сердца свою пріятность:
Сіи картины наши сельски
Къ намъ нашихъ созвали бъ друзей!

«Моя подруга черноброва[3], 12.
Любезна, мила горожанка,

[д] Для городской подруги шьетъ.

---

[2] Градской своей подругѣ шьетъ — т. е. Екатеринѣ Яковлевнѣ Державиной (см. выше, стр. 58), для которой М. А. Львова вышивала по соломѣ кайму и картины для обоевъ петербургскаго дома Державиныхъ (см. выше, стр. 436, примѣчаніе 1 подъ одой *Ко второму сосѣду*). Тамъ одна комната была убрана соломенными обоями трудовъ самой хозяйки. Эту-то комнату разумѣетъ Капнистъ въ одѣ на смерть Плѣниры:

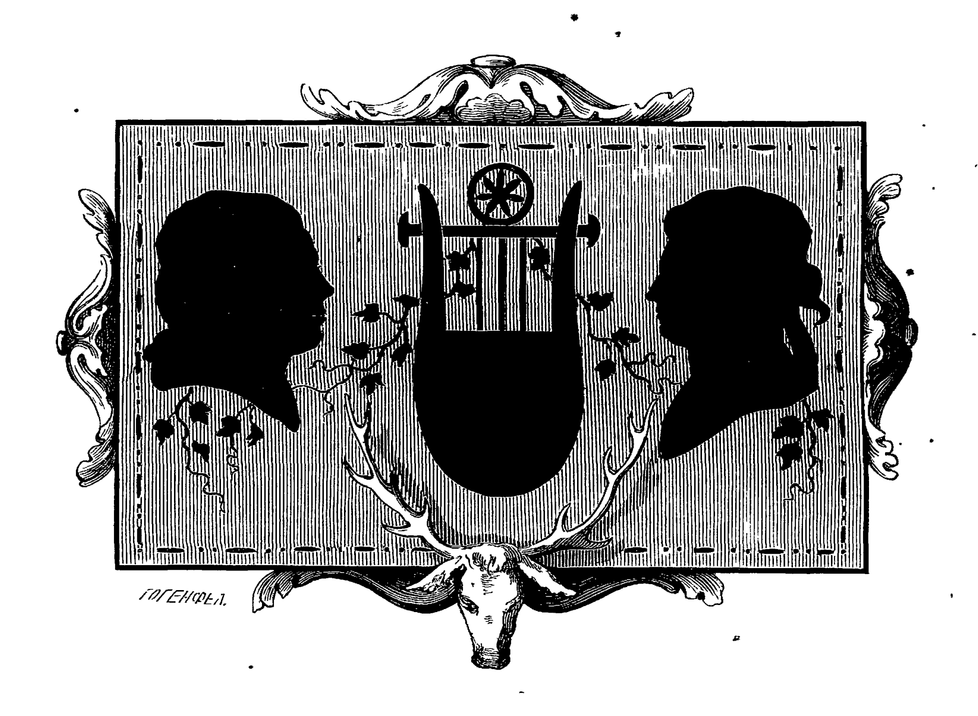
Въ семъ чертогѣ, испещренномъ
Хитрою ея рукой...

[3] Моя подруга черноброва — опять первая жена поэта. Чтобы дать понятіе о тонѣ дружескихъ сношеній между обоими семействами, приведемъ здѣсь два отрывка изъ писемъ Н. А. Львова. Возвращаясь изъ Крыма, куда онъ ѣздилъ въ свитѣ императрицы, онъ писалъ изъ Орла въ іюнѣ 1787 г., женѣ своей, вѣроятно въ деревню: «*Чернобровой* Катеринѣ мое татарское свидѣтельствую почтеніе, а Гаврилѣ (*т. е. Державину*) — нѣтъ». Въ другой разъ, 26 октября (безъ означенія года), онъ писалъ опять Марьѣ Алексѣевнѣ: «Наканунѣ того дня, какъ ты мнѣ прислала кошелекъ, который я отдалъ Катеринѣ Яковлевнѣ, удалось Александру Андреевичу (*Безбородкѣ*) выпросить 4000 руб. для Гаврила Романовича: то я и писалъ, приложа указъ, что ты, будто, не имѣя другаго гостинца, посылаешь къ нимъ четвертку почтовой бумаги, т. е. указъ. А на другой день послалъ съ письмомъ моимъ кошелекъ твоей работы. Что получилъ въ отвѣтъ отъ Катерины Яковлевны и что̀ я ей отвѣчалъ, мой другъ, то увидишь изъ письма ея, а что̀ мнѣ отвѣчалъ Гаврило Романовичъ — изъ его собственнаго».

На нивахъ златомъ здѣсь плѣнившись[e],
Престала бъ наряжать въ шумиху
Свой въ градѣ храмовидный домъ».

«Ахъ, милая»! онъ отвѣчаетъ 13.
Съ улыбкой и со вздохомъ ей:
«Ужель тебѣ то не извѣстно,
Что ослѣпленнымъ жизнью дворской
Природа самая мертва»?

[e] Волнистымъ златомъ здѣсь плѣнившись,
Престала бъ въ городѣ шумихой
Лѣпить свой храмовидный домъ.

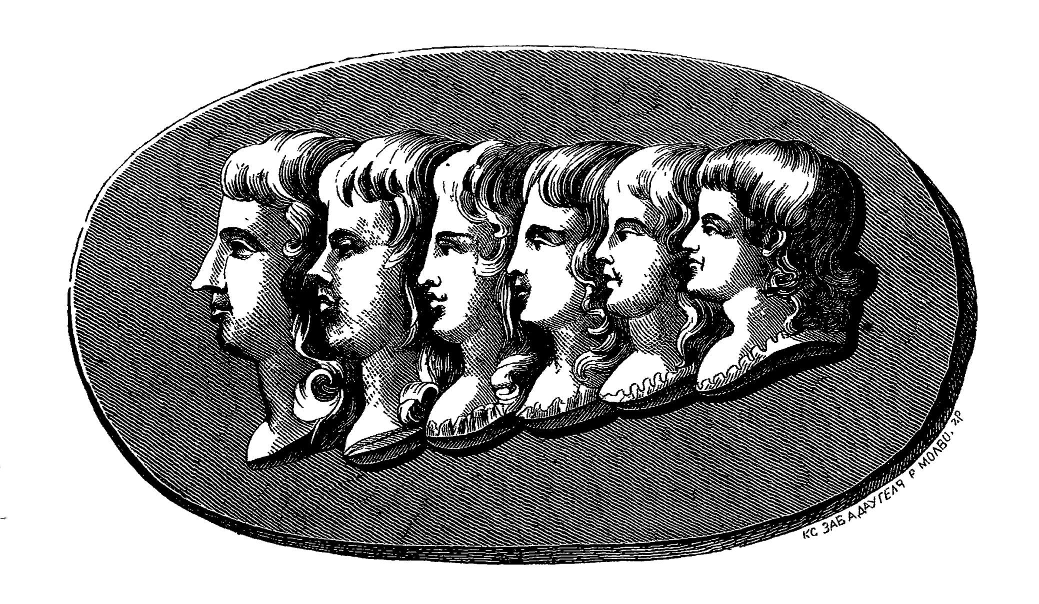
Приложеніе къ посланію: «Къ Н. А. Львову».

ГАВРИЛѢ РОМАНОВИЧУ ОТВѢТЪ *.

Домашній зодчій вашъ
Не мелетъ ералашъ,
Что любитъ жить онъ съ мужиками.
Въ совѣтѣ съ правыми душами
Жить
Пришлося какъ-то мнѣ по нраву.
Двѣнадцать лѣтъ я пилъ отраву,
Которую тебѣ совѣтую не пить,
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она всѣ чувства отравляетъ.
Счастливъ, кто этого хмельнаго не вкушаетъ,
А я, бывало, пей: хоть морщися, да пей.
Блаженны при дворѣ Фингалы хладнокровны,
Что должность помнятъ и друзей;
Какъ дѣла нѣтъ, они спокойны,
Какъ дѣло есть, такъ безъ затѣй,
Откуда что возьмется:
На столикѣ кое-какомъ,
На лоскуткѣ кривымъ перомъ,
Одною правдою прямое сладятъ дѣло.
Потомъ,
Святительско чело покрывши колпакомъ,
Въ чуланъ отъ людства ускользнувшись,
Въ тулупѣ съ Музой завернувшись,
И тамъ съ Кирсаною своей,
Да два, три искреннихъ друзей,
Схватя перо, настроя лиру,
Въ досаду мудрому, безграмотному міру,

* Читателю конечно будетъ любопытно найти здѣсь отвѣтъ друга Державина, заимствуемый нами изъ рукописной тетради стихотвореній Львова, принадлежащей внуку его, Леониду Леонидовичу Львову.

И съ Богомъ, въ доброй часъ,
Полѣзли на Парнассъ;
Но все безъ судорогъ, спокойно, равнодушно.
Нѣтъ, сердце моему
Уму
Не такъ послушно.
Не могъ я согласить двухъ недруговъ моихъ:
Мнѣ добрыя дѣла разсудокъ восхищали,
Дурныя и покой и нравъ мой отравляли,
И выходило, что изъ нихъ
Ни первыхъ, ни другихъ
Окончить такъ, какъ должно,
Мнѣ было не возможно.
Для должности мнѣ день всегда казался малъ,
А если я его не проводилъ съ друзьями, —
Для счастья моего я день тотъ потерялъ.
А здѣсь межъ мужиками,
Не знаю, отъ чего, я какъ-то сталъ уменъ,
Спокоенъ мыслями и нравомъ сталъ равенъ:
Съ надеждою ложусь, съ утѣхой просыпаюсь,
Съ любовью выхожу, съ весельемъ возвращаюсь,
Благословляючи на встрѣтеньи стократъ
Станицу шумную троихъ моихъ ребятъ,
Которые растутъ здоровы, сильны, стройны;
Но были ль бы и здѣсь такъ дни мои спокойны,
Когда бы не былъ я на Счастіи женатъ?

LXX. КЪ ГРАЦІЯМЪ[1].

Что вы, Граціи, такое[a]? 1.
Красота ль вы, или младость?
Вы души иль тѣла нѣжность?
Вы любви ли милы дщери,
Иль магнитъ, сердца влекущій?

[a] Что, Пріятности, въ васъ видимъ? (1792).

[1] Написано въ Царскомъ Селѣ по случаю баловъ, бывавшихъ на Колоннадѣ тамошняго дворца въ присутствіи императрицы; подъ *Граціями* разумѣются великія княжны (см. выше, стр. 501, примѣчаніе 2 къ одѣ *На рожденіе в. к. Ольги Павловны*). Эти стихи появились сперва въ іюльской книжкѣ *Московскаго журнала* 1792 г. (ч. VII, стр. 5), подъ заглавіемъ: Къ Пріятностямъ, *на случай баловъ, бываемыхъ въ колоннадной галлереѣ, въ Сарскомъ Селѣ*, и съ означеніемъ въ концѣ: *Изъ П. Б.*

На лугахъ ли вы зеленыхъ[б], — 2.
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы тѣнистыхъ, —
И лѣса даютъ прохладу,
Освѣжаетъ воздухъ чувства.

Ахъ! не вы ли на помостѣ, 3.
Средь столповъ и переходовъ,
Въ храмѣ росскія богини,
Какъ Зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланитахъ 4.
Усмѣхаются лилеи,
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки, —
Вкругъ ихъ звѣзды, солнцы въ персяхъ[в]?

Ахъ! не вы ль, небесны Нимфы, 5.
Воплощенными намъ зритесь[г],
И сафирными очами

[б] Во лугахъ ли...
[в] Изъ цвѣтовъ лежатъ вѣночки,
Вкругъ ихъ звѣзды, мгла на персяхъ?
[г] ... здѣсь зритесь.

отъ неизвѣстной особы. Потомъ они были напечатаны, съ перемѣною заглавія, въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 242 (гдѣ прежнее поясненіе при заглавіи еще удержано); 1804, стр. 9, и 1808, ч. III, IV. Въ изданіи 1804 (*Анакреонтическія пѣсни*) пояснительное примѣчаніе исправлено и отнесено къ оглавленію; изъ изданія 1808 г. оно уже совсѣмъ исключено.

Первый изъ приложенныхъ рисунковъ (Олен.) представляетъ портреты великихъ княженъ; однакожъ въ подлинной рукописи противъ него Державинымъ отмѣчено: «Сдѣлать похожѣе».

Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца восторги?

Это ты, Петрово племя! 6.
Вы, Екатерины внуки,
Павла и Маріи дщери,
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сестры:
Это вы, княжны младыя!

Это вы, на коихъ нѣжно 7.
Въ шлемѣ бранномъ зритъ Россія,
Подъ трофеями, какъ пальма,
На цвѣты склонясь, улыбкой
Мещетъ тѣнь Екатерина.

LXXI. КОЛЕСНИЦА[1].

1793.

Течетъ златая колесница 1.
По расцвѣтающимъ полямъ;

[1] Графъ Сегюръ въ своихъ *Запискахъ* (т. II, стр. 409), говоря о слабости и шаткости французскаго правительства въ началѣ революціи, замѣчаетъ между прочимъ: «Престолъ былъ похожъ на колесницу, у которой сломалась ось, и лошади уже не повинуются возжамъ». Ту же мысль событія Франціи внушили Державину: онъ началъ это стихотвореніе, когда 31 января 1793 года въ Петербургъ пришло извѣстіе о совершившейся 10-го (21) числа казни Людовика XVI. Есть много современныхъ свидѣтельствъ о сильномъ впечатлѣніи, какое эта роковая вѣсть произвела у насъ. Особенно поражена была сама императрица. «Съ полученія извѣстія о злодѣйскомъ умерщвленіи короля французскаго», пишетъ Храповицкій 2-го февраля, «ея величество слегла въ постель и больна и печальна». Стихи Державина, какъ онъ говоритъ въ

Сѣдящій, правящій возница[2],
По конскимъ натянувъ хребтамъ

своихъ *Объясненіяхъ*, оставались однакожъ неконченными до 1804 года. Не зная, въ какой степени они не были додѣланы, мы, по принятому нами общему правилу, относимъ ихъ тѣмъ не менѣе ко времени ихъ происхожденія. Въ апрѣлѣ 1804 года графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, въ письмѣ отъ 18-го числа изъ Москвы, благодарилъ Державина за присылку *Колесницы* (вѣроятно въ печатномъ экземплярѣ) и прибавлялъ: «Напрасно не поставили вы своего имени; всѣ тѣ, которые у меня оную читали, единогласно сказали, что это вашего пера. Копіевъ (*т. е. копій*) столько писецъ мой писалъ по требованіямъ желающихъ, что думаю, онъ знаетъ ее теперь наизусть. Въ томъ числѣ вашъ Николай Алексѣевичъ (*Дьяковъ, шуринъ Державина*). По данному мнѣ отъ васъ позволенію, хотѣлъ-было я оную напечатать въ журналѣ, но Николай Алексѣевичъ сегодня у меня обѣдалъ и сказалъ мнѣ, чтобъ я погодилъ и не печаталъ, покуда онъ съ вами перепишется, что̀ я обѣщалъ. Причину и примѣчаніе вы отъ него узнаете, по словамъ его, съ сею же почтою». Нѣсколько позже, именно 12 мая того же года, тогдашній с-петербургскій гражданскій губернаторъ, Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ, по требованію Державина, доставилъ ему билетъ на выпускъ изъ типографіи пьесъ *Колесница* и *Фонарь* (см. письма разныхъ лицъ къ Державину и вторую пьесу подъ 1804 г.). Спустя около двухъ мѣсяцевъ, 5-го іюля, нашъ поэтъ писалъ между прочимъ И. И. Дмитріеву: «Гр. Хвостовъ нарочнымъ письмомъ выпросилъ у меня позволеніе напечатать въ своемъ журналѣ *Колесницу* и *Фонарь*. Я позволилъ» (см. 9-е изъ *Писемъ Державина къ И. И. Дмитріеву*, напечатанныхъ М. А. Дмитріевымъ въ № 10 *Москвитянина* 1848).

Такимъ образомъ стихи *Колесница* почти въ одно и то же время появились какъ отдѣльно въ Петербургѣ, такъ и въ *Другѣ просвѣщенія* за іюль 1804 г. (ч. III, стр. 8), — журналѣ, который издавали въ Москвѣ графъ Д. Хвостовъ, П. Голенищевъ-Кутузовъ и гр. С. Салтыковъ. Въ изданіи 1808 г. эта пьеса помѣщена ч. II, XXXIX.

Для бо̀льшаго удобства при ссылкахъ мы раздѣляемъ оду такъ, какъ она была раздѣлена при напечатаніи ея въ 1804 г.; въ изданіи 1808 первые четыре отдѣла соединены въ одинъ; то же сдѣлано тамъ съ отдѣлами 7 и 8.

Рисунки особаго поясненія не требуютъ.

[2] Сѣдящій, правящій возница.

Въ оттискѣ 1804 г. *сидящій*, но въ изданіи 1808 и въ рукописяхъ такъ, какъ въ нашемъ текстѣ.

Блестящи возжи[а], держитъ стройно,
Искусствомъ сравнивая ихъ,
И, въ дальнемъ поприщѣ спокойно
Осаживая скокъ однихъ,
Другихъ же къ бѣгу побуждая,
Прилежно взорами блюдетъ;
Къ одной мѣтѣ ихъ направляя,
Грозитъ бичемъ, иль имъ ихъ бьетъ.

Животныя, отважны, горды, 2.
Подъ хитрой ѣздока уздой
Лишенны дикія свободы
И сопряженны межъ собой,
Едину волю составляютъ,
Взаимной силою везутъ;
Хоть подъ ярмомъ себя считаютъ,
Но, ставя славой общій трудъ,
Дугой нагнувъ волнисты гривы,
Бодрятся, рѣзвятся, бѣгутъ,
Великолѣпный и красивый
Видъ колесницѣ придаютъ.

Возница возжи ослабляетъ, 3.
Смиренствомъ коней убѣдясь;
Вздремалъ, — и тутъ въ расплохъ мелькаетъ
Надъ ними черна тѣнь, віясь,
Коварныхъ врановъ[б], своевольныхъ:
Кричатъ и, потемняя путь,
Пужаютъ коней толь покойныхъ.
Дрожатъ, храпятъ, ушми прядутъ,
И, стиснувъ сталь во рту зубами,

[а] Багряны возжи... (Рукопись).
[б] Станица врановъ...

Изъ рукъ возницы возжи рвутъ,
Бросаются и прахъ ногами,
Какъ вихорь, подъ собою вьютъ;
Какъ стрѣлы, изъ лука пущенны,
Летятъ они во весь опоръ.
Отъ сна возница возбужденный,
Поспѣшно открываетъ взоръ...

Уже колеса позлащенны, 4.
Какъ огнь, сквозь пыль кружась, гремятъ!
Ѣздокъ, ихъ шумомъ устрашенный,
Вращая поблѣднѣлый взглядъ[3],
Хватаетъ возжи, но ужъ поздно;
Зоветъ по именамъ коней,
Кричитъ и ихъ смиряетъ грозно;
Но ужъ они его рѣчей
Не слушаютъ, не понимаютъ;
Не знаютъ голоса того,
Кто ихъ любилъ, кормилъ, — пыхаютъ
И звѣрски взоры на него
Бросаютъ страшными огнями.
Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ[4],

[3] Вращая поблѣднѣлый взглядъ.

Въ послѣднихъ Смирдинскихъ изданіяхъ прилагательное *поблѣднѣлый* поставлено между запятыми и такимъ образомъ отнесено не къ *взгляду*, а къ *ѣздоку;* но такъ какъ ни въ рукописяхъ Державина, ни въ напечатанныхъ при немъ текстахъ *Колесницы* мы не находимъ такой пунктуаціи, то и не рѣшаемся, принявъ ее, дать произвольное толкованіе выраженію поэта. Намъ напротивъ кажется, что въ мысляхъ его вовсе не было той мудреной разстановки словъ, которая этими двумя запятыми ему приписывается, и что скорѣе онъ могъ позволить себѣ неточность, заключающуюся въ приложеніи эпитета *поблѣднѣлый* къ слову *взглядъ.*

[4] Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ.

Ср. въ 7-й строфѣ *Водопада* (стр. 461) стихи: «Ретивый конь,.... жарку морду поднявъ» и проч.

Со ребръ ліется потъ рѣками,
Со спинъ паръ облакомъ летитъ,
Со броздъ кровава пѣна клубомъ
И волны отъ копытъ текутъ.

Уже, въ жару ярясь сугубомъ, 5.
Другъ друга жмутъ, кусаютъ, бьютъ
И, по распутьямъ мчась въ разстройствѣ,
Какъ бы волшебствомъ обуявъ,
Рвутъ збрую въ злобномъ своевольствѣ
И, цѣли своея не знавъ,
Крушатъ подножье, ось, колеса[в]:
Возница падаетъ подъ нихъ.
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница вмигъ[г],
Какъ лодка, бурей устремленна,
Безъ кормщика, снастей, средь волнъ,
Разломанна и раздробленна,
Въ ровъ мрачный вержется[д] вверхъ дномъ.

Раззбруенные Буцефалы, 6.
Томясь отъ жажды, отъ алчбы,
Чрезъ камни, пни, бугры, забралы
Несутся, скачутъ на дыбы
И, что̀ ни встрѣтятъ, сокрушаютъ.
Отвсюду слышенъ вопль и стонъ;
Кровавы рѣки протекаютъ;
По стогнамъ мертвыхъ милліонъ!
И въ толь остервененьи лютомъ,
Всѣ силы сами потерявъ,

[в] Щепляютъ козла, ось, колеса.
[г] Его, и колесница вмигъ (1804).
[д] Въ ровъ страшный падаетъ... (Рукоп.).

Падутъ стремглавъ смердящимъ трупомъ,
Безумной воли жертвой ставъ[5].

7. Народъ устроенный, блаженный
Подъ царскимъ нѣкогда вѣнцомъ,
Чей вкусъ и разумъ просвѣщенный
Европѣ были образцомъ,
По легкости своей извѣстный,
По остротѣ своей любимъ,
Бывъ добрый, вѣрный, нѣжный, честный
И преданный царямъ своимъ!
Не ты ли въ страшной сей картинѣ
Мнѣ представляешься теперь?
Химеръ опутанъ въ паутинѣ,
Изъ человѣка — лютый звѣрь!

8. Такъ ты, о Франція несчастна!
Примѣръ безвѣрья, безначальствъ,
Вертепъ убійства преужасна,
Гнѣздо безнравья и нахальствъ.
Такъ ты, на коей тяжку руку

[5] Безумной воли жертвой ставъ.

Для сравненія укажемъ на басню Крылова *Конь и всадникъ*, которая какъ по основной мысли, такъ и по нѣкоторымъ подробностямъ представляетъ сходство съ этой пьесой Державина. Въ баснѣ конь, съ котораго снята узда, кончаетъ тѣмъ, что

Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Черезо все широко поле.......
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До смерти не убился.

Мы зримъ разгнѣванныхъ небесъ,
Урокъ печальный и науку,
Свѣтъ изумляющіе [е] весь [6]:
Отъ философовъ просвѣщенья [ж],
Отъ лишней царской доброты,
Ты пала въ хаосъ развращенья
И въ бездну вѣчной срамоты [7].

[е] Свѣтъ удивляющіе весь (1804).
[ж] Что отъ лжемудра просвѣщенья (Рукоп.).

---

[6] Свѣтъ изумляющіе весь.

Въ 1804 г., какъ въ отдѣльномъ изданіи *Колесницы*, такъ и въ *Другѣ просвѣщенія*, было напечатано слѣдующее примѣчаніе Державина къ этому стиху: «Не было бы удивительно, если бы несчастіе Франціи произошло отъ софистовъ, или суемудрыхъ писателей, а также отъ поступокъ злобнаго государя; но когда народъ былъ просвѣщенъ истиннымъ просвѣщеніемъ и правительство было кроткое, то загадка сія принадлежитъ къ разрѣшенію глубокомысленныхъ политиковъ»!

[7] И въ бездну вѣчной срамоты.

Въ одной изъ рукописныхъ тетрадей поэта, относящейся къ самымъ первымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, текстъ настоящей пьесы, писанный посторонней рукой, оканчивается этимъ стихомъ.

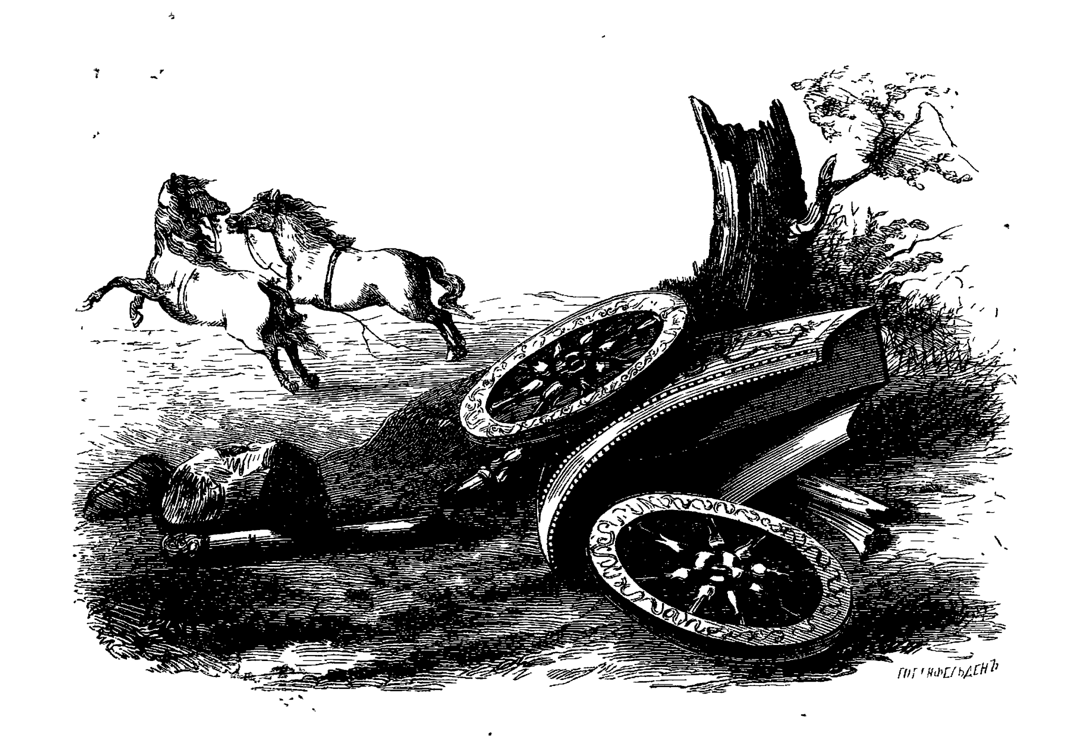
Подъ нимъ приписаны рукой самого поэта четыре заключительные стиха, очевидно въ 1804 г., передъ напечатаніемъ, одновременно съ предыдущимъ примѣчаніемъ, которое тутъ же торопливо набросано на поляхъ.

Но въ другой, болѣе старой, отдѣльной рукописи этого стихотворенія находится послѣ выписаннаго стиха иное заключеніе, которое втрое длиннѣе напечатаннаго. Оно тщательно зачеркнуто, однакожъ легко могло быть разобрано, и приводится здѣсь:

О вы, вѣнчанные возницы,
Бразды держащіе въ рукахъ,
И вы, царствъ славныхъ колесницы
Носящи на своихъ плечахъ!
Учитесь изъ сего примѣру
Царями, подданными быть,
Блюсти законы, нравы, вѣру

Увы! доколѣ слышны стопы 9.
И во крови земля кипитъ,
Ревутъ пожара страшны волны
Или предѣлъ ихъ небомъ скрытъ?

И мудрости стезей ходить.
Учитесь, знайте: бунтъ народный,
Какъ искра, чуть сперва горитъ,
Потомъ ліетъ пожара волны,
Которыхъ берегъ небомъ скрытъ.

LXXII. НА ПАНИХИДУ ЛЮДОВИКА XVI [1].

—

Звукъ слышу мусикійскій въ стонѣ, 1.
Во мракѣ громъ, во блескѣ ликъ.

[1] «Несчастный и добродѣтельный Людовикъ XVI родился нов. ст. 23 августа 1754 г., взошелъ на престолъ по смерти дяди своего 10 мая 1774, умерщвленъ 21 января 1793, слѣдовательно царствовалъ 18 лѣтъ и

Здѣсь къ небу вознесенъ на тронѣ,
А тамъ — на плахѣ Людовикъ!
О ужасъ! о превратность міра!
О оборотъ стыда, честей!
Попранна тамъ въ крови порфира,
А здѣсь приносятъ жертву ей[2]! —
Кто жъ славы намъ прямой содѣтель?
Никто, никто, — лишь добродѣтель.

4 мѣсяца» (*Зап. Храп.*). 12 марта пріѣхалъ въ Петербургъ братъ Людовика графъ д'Артуа, который и оставался здѣсь до 17 апрѣля. Въ присутствіи его, 26 марта, была совершена въ католической церкви, съ музыкою извѣстнаго придворнаго капельмейстера Сарти (см. выше, стр. 477, примѣч. 29 къ *Водопаду*), панихида по покойномъ королѣ, при которой конечно находилась и императрица съ дворомъ своимъ. На этотъ-то случай написаны стихи Державина (ср. выше, стр. 524, пьесу *Колесница*). Между другими стихотвореніями, которыя у насъ были вызваны событіями французской революціи, укажемъ для примѣра на помѣщенныя въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ:* «Французская вольность и равенство», двѣ притчи Пфеффеля въ переводѣ (ч. LXXXI, мартъ 1793); «Чувства и размышленія на случай убіенія Маріи Антуанеты, королевы французской», соч. Дм. Хв. (ч. XC, декабрь 1793), и «Духъ гражданина и вѣрнаго подданнаго, на старости злодѣяніями французскихъ бунтовщиковъ возмятенный и возбужденный» (ч. XCIV).

Стихи Державина были напечатаны сперва отдѣльно, потомъ въ изданіи 1798, стр. 306, подъ заглавіемъ: На панихиду въ католической церкви, бывшую въ Санктпетербургѣ по покойномъ королѣ французскомъ Людовикѣ XVI, марта 26 дня 1793 года, сопровожденную музыкою г. Сартія, и въ изд. 1808, ч. I, xxxiv, съ сокращеннымъ уже заглавіемъ.

Первый изъ рисунковъ (Олен.) представляетъ медаль, на которой изображеніе Людовика XVI осѣнено вѣнцомъ мученическимъ; второй олицетворяетъ идею двухъ послѣднихъ стиховъ пьесы.

[2] А здѣсь приносятъ жертву ей.

Относится къ торжественности панихиды, для которой былъ устроенъ возвышенный катафалкъ; церковь была обита чернымъ сукномъ и проч. (*Об.* Д.).

Лишь добродѣтель есть любезна 2.
Плѣненнымъ истиной сердцамъ;
Въ чертогѣ, въ хижинѣ почтенна
Она вездѣ, по всѣмъ странамъ.
На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ,
Какъ праведникъ, всегда почтенъ;
Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ,
Какъ извергъ, завсегда презрѣнъ.
Не тронъ, не подвиги чьи громки,
Чтутъ безпристрастные потомки, —

Лишь добродѣтель. Ей священный 3.
Повѣренъ ключъ весть чести въ храмъ.
О палачи царя презрѣнны!
Отвѣтствуйте теперь вы намъ,
Отвѣтствуйте намъ, Петіоны:
Почто монарха и отца,
Заслуги, вѣру и законы
Попрали вы, о злы сердца!
Почто невиннаго убили
И вѣкъ пятномъ нашъ обагрили?

«Любовь къ отечеству велѣла», 4.
Вы ищете отвѣтъ намъ дать.
Она вдохнуть вамъ въ грудь умѣла,
Чтобъ руки на царя поднять?
О ухищренье! о коварство!
Любовь къ отечеству кротка;
Она не разрушаетъ царство,
И нѣжная ея рука
Всегда гражданъ щадить умѣла:
Главу ль ей отдѣлить отъ тѣла?

Давно надменья, властолюбья 5.
Сію личину знаемъ мы;
Ее и Кромвель бралъ въ орудья,
И ею Брутъ слѣпилъ умы.
Открыта днесь сердецъ ихъ склонность
И мнимыхъ цѣль геройскихъ дѣлъ;
Но пусть тотъ вѣру, сей же вольность
Какъ будто защищать хотѣлъ;
А вашей лютости звѣриной,
Цареубійцы, что причиной?

Тѣнь Людовика зрю стоящу 6
Окровавленную средь васъ,
На лобномъ мѣстѣ возносящу
Послѣдній вамъ свой скорбный гласъ:
«Что, дѣти, что, народъ мой славный,
Что вамъ такое сдѣлалъ я?
Вы скиптръ вручили мнѣ державный:
Чѣмъ постыдилась власть моя?
Вы имя мнѣ Благаго дали,
Вы благости мои вкушали.

«Не я ли дверь отверзъ темницы, 7.
Гдѣ васъ томила строга власть?
Не я ли слезы стеръ вдовицы
И сирыхъ успокоилъ часть?
Не я ль не пролилъ капли крови
Во все владычество мое,
Но какъ отецъ, весь полнъ любови,
Всю жизнь мою, все бытіе
На ваши посвятивъ блаженства,
Искалъ вамъ благъ всѣхъ совершенства?

«Желали вы имѣть свободу, 8.
Чтобы законы написать, —
Я отдалъ всѣ права народу
И всю мою вамъ царску власть.
Желали, чтобъ я, снявъ корону[a],
Со всѣми вами равенъ былъ, —
Ни слезъ не испустивъ, ни стону,
Я съ вами гражданиномъ слылъ.
Желали вы, чтобъ я судился, —
И я предъ вами, правъ, явился.

«Желали вы»... Но, тѣнь святая! 9.
Довольно; скройся въ облакахъ!
Душъ нашихъ больше не смущая,
Живи, ликуй на небесахъ!
Твою невинность всякій знаетъ,
Вселенною оправданъ ты;
Потомство руки простираетъ
На гробъ; на образъ твой цвѣты
И мы съ слезами разсыпаемъ,
Твоихъ тирановъ проклинаемъ.

Греми, проклятіе, всемѣстно 10.
И своды храма потряси,
И правосудіе небесно
Скорѣй на злобу ниспроси!
Греми, о Муза! и искусствомъ
Подвигни къ жалости сердца,
Наполнь однимъ Европу чувствомъ

[a] Желали вы, чтобъ, снявъ корону.
Я равенъ бы со всѣми былъ (1798).

Къ отмщенью царскаго вѣнца!
Греми! — Но се ревутъ ужъ громы,
На крыліяхъ Орловъ несомы[3].

[3] ... На крыліяхъ Орловъ несомы.

Вѣроятно, тогда уже начались толки о войнѣ съ Франціею, которые наконецъ осуществились при императорѣ Павлѣ. Еще 8 февраля 1793 Храповицкій записалъ: «Подписанъ указъ сенату о разрывѣ политической связи съ Франціею и о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ обоего пола Французовъ, которые не сдѣлаютъ присяги по изданному при указѣ образцу».

LXXIII. АМУРЪ И ПСИХЕЯ[1].

Амуру вздумалось Психею, 1.
Рѣзвяся, поимать,
Опутаться цвѣтами съ нею
И узелъ завязать.

[1] Написано въ началѣ мая въ Царскомъ Селѣ на сговоръ великаго князя Александра Павловича съ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной (см. выше, стр. 503, примѣч. 1 подъ одою *Къ Калліопѣ*) и на хороводъ, называемый *Заплетися плетень*, когда женихъ и невѣста запутались

Прекрасна плѣнница краснѣетъ 2.
И рвется отъ него,
А онъ какъ будто бы робѣетъ
Отъ случая сего.

Она зоветъ своихъ подружекъ, 3.
Чтобъ узелъ развязать,
И онъ своихъ крылатыхъ служекъ,
Чтобъ помощь имъ подать.

Пріятность, младость къ нимъ стремятся, 4.
И имъ служить хотятъ;
Но узники не суетятся, —
Какъ вкопаны стоятъ.

Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ, 5.
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Психея не бѣжитъ, не стонетъ:
Свились, какъ листъ съ травой.

въ немъ такъ лентою, что должно было разрѣзывать оную» (см. Оглавленіе къ *Анакреонт. пѣснямъ*). Обрученіе царственной четы было 10 мая 1793 г. (*Зап. Храп.*).

Эти стихи, тогда же напечатанные отдѣльно подъ заглавіемъ *Пѣсня*, были положены на ноты придворнымъ музыкантомъ Пашкевичемъ и пѣты въ присутствіи императрицы на царскосельской Колоннадѣ. Они перепечатаны въ изданіи 1798, стр. 341, въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804, стр. 8, и въ изд. 1808, ч. III, III. Во всѣхъ трехъ изданіяхъ заглавіе такое же, какъ здѣсь, съ тою только разницею, что въ двухъ послѣднихъ читаемъ: *Псишея*. Мы возстановили это имя въ томъ видѣ, какъ оно было употреблено въ прежнихъ печатныхъ текстахъ и въ большей части рукописей. Замѣчательно, что пьеса эта, съ тѣхъ поръ какъ была написана, не подвергалась никакимъ поправкамъ.

Первый рисунокъ снятъ съ извѣстной древней статуи; на второмъ изображены лавровыя и миртовыя вѣтви, связанныя гирляндою изъ розъ.

Такъ будь, чета, вѣкъ[a] нераздѣльна, 6.
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

[a] ... ввѣкъ (1798).

LXXIV. ХРАПОВИЦКОМУ[1].

—

Товарищъ давній, вновь сосѣдъ, 1.
Пріятный, острый Храповицкой!

[1] Александръ Васильевичъ Храповицкій особенно извѣстенъ *Памятными Записками*, которыя онъ велъ, находясь съ 1 января 1782 по 2 сен-

Ты умный мнѣ даешь совѣтъ,
Чтобы владычицѣ киргизской
Я пѣсни пѣлъ
И лирой ей хвалы гремѣлъ.

тября 1793 г. при императрицѣ Екатеринѣ II «по собственнымъ ея дѣламъ и у принятія прошеній», и которыя напечатаны въ *Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей* (1862, кн. II и III). Онъ родился 7 марта 1749, умеръ на 53-мъ году жизни сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, 29 декабря 1801. Воспитанный въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ еще молодымъ человѣкомъ лѣтъ 20 съ небольшимъ занялъ должность секретаря при генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ. На этомъ мѣстѣ, уже въ званіи оберъ-секретаря и въ чинѣ надворнаго совѣтника, засталъ его Державинъ при поступленіи своемъ 1777 г. экзекуторомъ въ 1-й департаментъ сената. Впрочемъ они были знакомы уже прежде, и Державинъ обязанъ Храповицкому за услугу по денежному дѣлу (*Зап. Державина*, *Р. Б.*, стр. 111). Послѣдній былъ въ большой силѣ у своего начальника; не смотря на то, по ссорѣ Храповицкаго съ Окуневымъ, Державину пришлось быть секундантомъ у противника его; дуэль однакожъ не состоялась. Служа потомъ при Екатеринѣ, Храповицкій постоянно пользовался также и ея особеннымъ благоволеніемъ и исполнялъ при ней обязанности домашняго секретаря. Она безпрестанно возлагала на него самыя довѣренныя порученія и вступала съ нимъ часто въ весьма откровенные разговоры, добродушно подшучивая надъ его тучностью и расположеніемъ къ испаринѣ. Между прочимъ она давала ему переписывать и поправлять свои сочиненія и поручала составлять аріи и хоры къ своимъ операмъ. Храповицкій былъ находчивъ, остеръ и, хотя любилъ правду, однакожъ умѣлъ тонко льстить государынѣ, которую искренно почиталъ и которой всячески стремился угодить. За перепиской ея драматическихъ пьесъ онъ проводилъ иногда цѣлыя ночи, не смыкая глазъ, и при всей своей дородности бѣгалъ, не щадя ногъ, такъ что императрица въ шутку признавала себя «обязанною заплатить ему за башмаки». Все это онъ самъ передаетъ въ своемъ дневникѣ. Храповицкій въ свое время пользовался большимъ уваженіемъ какъ писатель: уже въ 1772 г., когда ему было не болѣе 23-хъ лѣтъ, Новиковъ въ своемъ Словарѣ русскихъ писателей отзывается объ немъ съ большой похвалой, ссылаясь на письмо къ нему Сумарокова,

Такъ, такъ! за средственны стишки 2.
Монисты, гривны, ожерелья,

напечатанное въ журналѣ Чулкова *И то и се**. Державинъ также замѣчаетъ (*Об.*), что «Храповицкій былъ хорошій стихотворецъ и прозаическій писатель, который ввелъ легкій и пріятный слогъ въ канцелярскія дѣла». Племянникъ Храповицкаго, Н. В. Сушковъ, сообщившій нѣсколько любопытныхъ о немъ свѣдѣній (*Раутъ*, кн. III, Москва, 1854)**, нашелъ въ его бумагахъ между прочимъ посланія въ стихахъ къ разнымъ современнымъ ему поэтамъ, въ томъ числѣ и къ Державину (см. Приложеніе къ другой пьесѣ *Храповицкому* подъ 1797 г.). Настоящее стихотвореніе нашего лирика было вызвано именно такимъ же посланіемъ пріятеля его. Между стихами Храповицкаго, напечатанными г. Сушковымъ въ *Раутѣ*, есть *Письмо къ другу* (къ Капнисту), которое начинается такъ:

Умъ пылокъ у тебя, пріятенъ слогъ и чистъ:
Зачѣмъ не пишешь ты, любезный мой Капнистъ?
И Львовъ съ Державинымъ заснули, залѣнились,
Кисть, циркуль и перо изъ рукъ ихъ повалились!

Это было писано въ маѣ 1793 года; въ такомъ смыслѣ Храповицкій около того же времени обратился и къ самому Державину съ стихами, которые къ сожалѣнію намъ неизвѣстны, но о которыхъ самъ Державинъ упоминаетъ въ своихъ *Объясненіяхъ*. Секретарь императрицы, уговаривая своего пріятеля писать ей хвалебныя оды, исполнялъ тѣмъ собственное ея желаніе. Изъ *Записокъ Держ.* (*Р. Б.*, стр. 320, 339 и 379; ср. выше, стр. 496, примѣч. 12 къ одѣ *На умѣренность*) мы знаемъ, что она именно въ этотъ періодъ неразъ просила его самого писать по прежнему стихи въ родѣ Фелицы; но что онъ, какъ ни старался, не въ состояніи былъ произвести ничего достойнаго ея, потому что «не могъ воспламенить

* 5-я недѣля. Въ этомъ письмѣ Сумароковъ особенно одобряетъ Храповицкаго за строгій приговоръ одной изъ комедій Лукина (см. А. Афанасьева *Русскіе сатирическіе журналы*, стр. 83 и 87). Впослѣдствіи Храповицкій написалъ между прочимъ оперу въ трехъ дѣйствіяхъ *Пѣснолюбіе*.

** Кажется, г. Сушковъ напрасно отвергаетъ извѣстіе *Отеч. Зап.* 1821, что Храповицкій въ 1772 г. былъ генералъ-аудиторомъ лейтенантомъ при штатѣ гр. К. Г. Разумовскаго. Это свѣдѣніе основывается на современномъ свидѣтельствѣ Новикова.

Безцѣнны перстни, камешки
Я бралъ съ нея бы за бездѣлья,
И былъ, гудкомъ [2],
Давно мурза съ большимъ усомъ.

Но ежели наложенъ долгъ 3.
Мнѣ отъ судебъ и вышня трона,
Чтобъ не лучистый, милый богъ
Съ высотъ лазурна Геликона
Меня внушалъ,
Но я экстракты бъ сочинялъ;

такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями».

Прибавимъ въ поясненіе перваго стиха пьесы, что когда она писалась, Храповицкій жилъ въ царскосельскомъ дворцѣ рядомъ съ Державинымъ, который въ то время также занималъ должность при дѣлахъ императрицы.

Посланіе къ Храповицкому было напечатано не прежде какъ въ изданіи 1808 г., ч. I, LXIII.

Значеніе рисунковъ: 1) «Геній правосудія пробуетъ, хорошо ли соединяются вѣсы Ѳемиды съ лирою Аполлона. Когда истинное просвѣщеніе составляетъ основаніе обоихъ, то группа сія и въ рисункѣ не противна. 2) Безсмертія вѣнецъ и въ облакѣ куренія не затмевается, когда дѣйствительное сіяніе его изображается на землѣ въ зерцалѣ правды» (*Об.* Д.).

[2] И былъ, гудкомъ, *и проч.*

т. е. *и посредствомъ гудка вышелъ бы въ люди*. Въ подлинной черновой рукописи сначала не было этой строфы: она приписана послѣ на поляхъ. Вотъ тогдашняя редакція первыхъ четырехъ стиховъ ея:

И за посредственны стишки
Запястья, гривны, ожерелья,
Безцѣнны перстни, камешки
Въ кулькахъ бы бралъ я за бездѣлья...

Былъ чтецъ и пономарь Өемиды, 4.
И ей служилъ предъ алтаремъ,
Какъ омофоромъ отъ обиды
Однихъ покрывъ, другихъ мечемъ
Своимъ страшитъ,
И счастье всѣмъ она даритъ:

То какъ Якобія оставить, 5.
Котораго весь міръ тѣснитъ?
Какъ Логинова дать оправить[3],
Который золотомъ гремитъ?
Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ.

[3] То какъ Якобія оставить...
Какъ Логинова дать оправить?

Генералъ-поручикъ Иванъ Варөоломеевичъ Якобій, бывшій иркутскій генералъ-губернаторъ, былъ подъ судомъ по обвиненію, что онъ возбуждалъ Китайцевъ къ войнѣ съ Россіею. Державинъ разсматривалъ его дѣло и призналъ его невиннымъ (см. ниже, стр. 547, примѣч. 1 къ пьесѣ *Горьлки*). — Иванъ Власовичъ Логиновъ содержалъ с-петербургскіе и московскіе питейные сборы съ 1775 по 1778 г. (предмѣстникъ Голиковыхъ, см. выше, стр. 102, въ примѣчаніи 1 подъ одой *Къ первому сосѣду*). Съ помощью своего покровителя, Потемкина, онъ снялъ откупъ безъ представленія залоговъ и безъ переторжки и, не имѣя денегъ, склонилъ въ Москвѣ коммисаріатскаго казначея Руднева ссудить его 400,000 руб. казенныхъ денегъ. Возникшее отсюда дѣло тянулось около 20 лѣтъ и наконецъ передано было императрицей Державину, который, бывъ назначенъ вскорѣ послѣ того сенаторомъ, способствовалъ къ правильному рѣшенію его вопреки генералъ-прокурору гр. Самойлову, племяннику Потемкина: Логиновъ принужденъ былъ уплатить въ казну болѣе двухъ милліоновъ руб. (*Об.* Д. и *Записки* его, *Р. Б.*, стр. 329—332). Остолоповъ (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 68) говоритъ, что Храповицкій въ упомянутомъ выше посланіи своемъ не только подстрекалъ Державина писать стихи Фелицѣ, но и совѣтовалъ

Ты самъ со временемъ осудишь[а] 6.
Меня за мглистый өиміамъ;
За правду жъ чтить меня ты будешь[б]:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ;
Въ ея вѣнцѣ
Свѣтлѣетъ царское лице[в].

[а] Ты самъ со временемъ похаешь (Чернов. рукоп.).
[б] За правду чтить меня ты станешь.
[в] Свѣтлѣй Фелицыно лице.

ему не заниматься должностью, особливо порученными ему важными дѣлами Якобія и Логинова. «Сіе, какъ видно», продолжаетъ Остолоповъ, «сдѣлано было Храповицкимъ по внушенію самой императрицы, ибо хотя она и поручила автору (*Державину*) тѣ дѣла, но по нѣкоторымъ причинамъ не торопила окончаніемъ оныхъ.» Въ *Запискахъ* и *Объясненіяхъ* Державина нѣтъ никакихъ данныхъ въ подкрѣпленіе этого замѣчанія.

Въ приведенныхъ двухъ стихахъ печатались до сихъ поръ только начальныя буквы именъ обоихъ лицъ.

LXXV. ГОРѢЛКИ[1].

На поприщѣ сей жизни склизкомъ 1.
Всѣ люди бѣгатели суть:

[1] Въ теченіе лѣта 1793 года Державинъ почти ежедневно послѣ обѣда читалъ императрицѣ, въ Царскомъ Селѣ, дѣло Якобія (см. предыдущее стихотвореніе *Храповицкому* и слѣдующее *Помощь Божія*). 15 іюля,

Въ теченьи дальнемъ или близкомъ
Они къ мѣтѣ своей бѣгутъ.

И сильный тамо упадаетъ, 2.
Свой кончить бѣгъ гдѣ не желалъ.
Лежитъ; но спорника, мечтаетъ,
Коль не споткнулся бы, догналъ.

Надеждой, самолюбья дщерью, 3.
Весь возбуждается сей свѣтъ;
Всякъ рвенье прилагаетъ къ рвенью,
Чтобъ у переднихъ взять передъ.

пробывъ на докладѣ до 6-го или 7-го часа вечера, онъ вышелъ въ садъ, гдѣ государыня обыкновенно прогуливалась въ это время. Въ тотъ разъ она сидѣла, задумавшись, подъ тѣнью деревъ. Чтобы развеселить ее, приближенные къ ней стали играть въ горѣлки, что̀ часто дѣлалось въ ея присутствіи. Сослуживецъ Державина при собственныхъ дѣлахъ императрицы, Петръ Ивановичъ Турчаниновъ пригласилъ и его принять участіе въ игрѣ. Державину пришлось ловить великихъ князей Александра и Константина; онъ погнался за первымъ, но на скользкомъ, покатомъ лугу упалъ и вывихнулъ лѣвое плечо. Великіе князья подняли его почти безъ чувствъ, сами отвели въ его комнату и старались подать ему всевозможную помощь. Державинъ пролежалъ шесть недѣль и выразилъ въ этихъ стихахъ свою признательность великимъ князьямъ. Этотъ непріятный случай, какъ прибавляетъ онъ, много повредилъ ему: прежде онъ пользовался у государыни великою милостью; въ отсутствіи же его недоброжелатели успѣли расположить ее иначе, и когда онъ опять явился къ должности, то почувствовалъ охлажденіе къ нему Екатерины.

Пьеса эта въ первый разъ была напечатана въ изданіи 1808 г., ч. I, LXI.

Значеніе рисунковъ: 1) Покоящаяся Минерва обѣщаетъ въ лавровомъ вѣнкѣ награду на поприщѣ славы; первая цѣль означена именемъ Екатерины, но въ концѣ пути безсмертіе ждетъ молодыхъ подвижниковъ «и такимъ образомъ ребяческая игра становится уже дѣломъ важнымъ въ видахъ благой учредительницы». 2) На древнемъ скипетрѣ вѣнецъ пріятности и труда соединены вѣнцомъ безсмертія (*Об.* Д.).

Хоть дѣтской сей игрѣ, забавѣ 4.
И насмѣхается мудрецъ;
Но гордый духъ летитъ ко славѣ,
И святъ ему ея вѣнецъ[а].

Сіе ристалище отличій, 5.
Соревнованіе честей —
Источникъ и творецъ величій
И обоженія людей.

Оно изящнаго содѣтель; 6.
Великолѣпенъ имъ сей свѣтъ:
Превозможенье, добродѣтель
Лишь имъ крѣпится и растетъ[б].

О вы, рожденные судьбою 7.
Вождями росскимъ вождямъ[в] быть[2],
Примѣры подавать собою
И плески міра заслужить!

Дерзайте: рвеніе полезно, 8.
Гдѣ предстоитъ вамъ славы видъ;

[а] И святъ ея вездѣ вѣнецъ (Первонач. рукоп.).
[б] Крѣпится имъ, растетъ, цвѣтетъ.
[в] Вождями россихъ вождей быть.

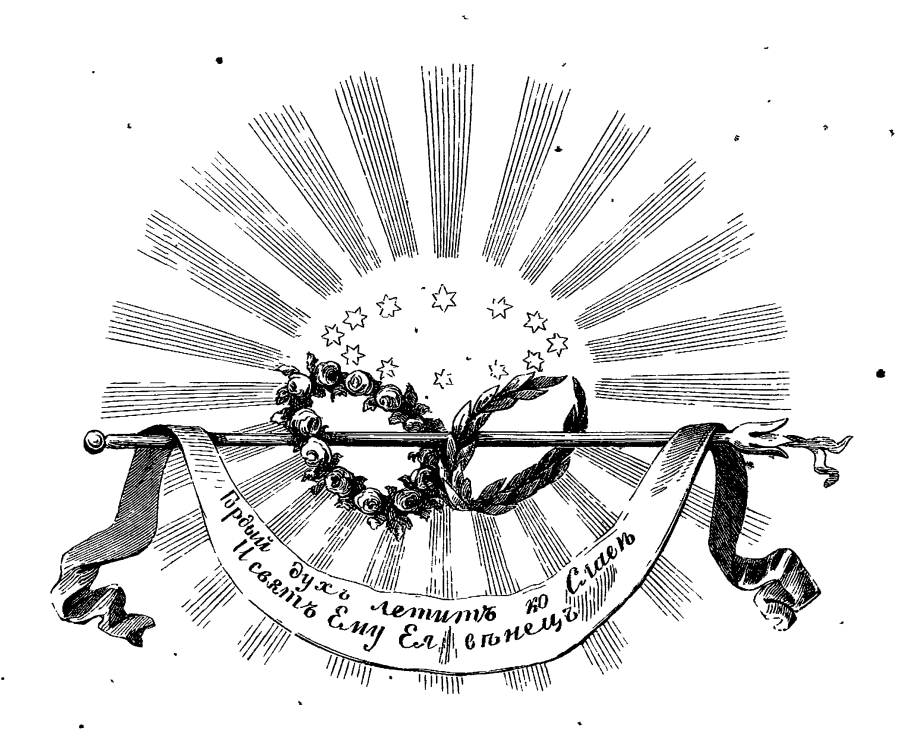
[2] Вождями росскимъ вождямъ быть.

Въ Смирдинскихъ изданіяхъ *росскимъ воямъ*, но это измѣняетъ мысль автора: обращаясь къ великимъ князьямъ, онъ видитъ ихъ въ будущемъ *вождями* русскихъ *вождей*. Сохранилась первоначальная подлинная рукопись этой пьесы; приводимъ изъ нея варіантъ этого стиха (в), подтверждающій вѣрность нашего текста. Въ позднѣйшей рукописи Державинъ вмѣсто *вождей* поставилъ-было *воинствъ*, но послѣ зачеркнулъ это слово.

Но больше праведно, любезно,
Кто милосердьемъ знаменитъ.

Екатеринѣ подражая, 9.
Ея стяжайте вы вѣнецъ:
Она, добротами плѣняя [г],
Царица подданныхъ сердецъ.

[г] Она, не властью насъ плѣняя,
Царемъ содѣлалась сердецъ.
— Стяжайте вы ея вѣнцы:
Она, добротами плѣняя,
Намъ мать: вы будьте намъ отцы (Позднѣйш. рукоп.).

LXXVI. ПОМОЩЬ БОЖІЯ[1].

Возвелъ я мысленные взоры 1.
Въ небесны, лучезарны горы, —
И помощь мнѣ отголь пришла.
Я помощь сильную пріемлю
Отъ Сотворившаго всю землю
И въ небѣ звѣзды безъ числа.

[1] Въ основаніе этихъ стиховъ положенъ 120-й псаломъ. Они написаны по поводу охлажденія, которое императрица стала оказывать Державину, когда онъ возвратился къ исполненію должности послѣ болѣзни (см. примѣч. 1 къ предыдущему стихотворенію). Еще передъ тѣмъ ему поручено было разсмотрѣть и доложить государынѣ дѣло бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора Якобія, обвиняемаго въ намѣреніи возстановить Китай противъ России. Державинъ читалъ Екатеринѣ бумаги по

Ноги моей въ поползновенье, 2.
Ниже въ малѣйшее смятенье,
Онъ не допустить, и хранитъ.
Хранитъ меня и не воздремлетъ,
И всѣмъ моимъ Онъ нуждамъ внемлетъ,
И свыше на меня глядитъ.

Господь, Господь — мой покровитель, 3.
Помощникъ, жезлъ и подкрѣпитель,
И щитъ Онъ на груди моей:
Ни солнце въ день не опаляетъ,
Ни лунный свѣтъ не ужасаетъ
Меня въ тмѣ блѣдностью своей.

этому дѣлу ежедневно часа по два въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Ей не понравилось, что онъ оправдывалъ Якобія, и по чьимъ-то навѣтамъ она подозрѣвала Державина въ пристрастіи подъ вліяніемъ графа Безбородки, Воронцова и Трощинскаго, будто бы получившихъ отъ подсудимаго дорогіе мѣха въ подарокъ. «При продолженіи Якобіева дѣла», сказано въ *Запискахъ Державина* (стр. 323), «вспыхивала, возражала на его (*Державина*) примѣчанія и въ одинъ разъ съ гнѣвомъ спросила, кто ему приказалъ и какъ онъ смѣлъ съ соображеніемъ прочихъ подобныхъ рѣшенныхъ дѣлъ сенатомъ выводить невинность Якобія. Онъ твердо ей отвѣтствовалъ: *Справедливость и ваша слава, государыня, чтобъ не погрѣшила чѣмъ въ правосудіи.* Она закраснѣлась и выгнала его вонъ, какъ и нерѣдко то въ продолженіи сего дѣла случалось». Впослѣдствіи Екатерина сама убѣдилась въ правотѣ Якобія и положила на дѣлѣ о немъ резолюцію: *признать невиннымъ* (тамъ же, стр. 329). Остолоповъ въ *Ключѣ къ соч. Д.* (стр. 23) ошибочно отнесъ стихотвореніе *Помощь Божія* къ 1788 году.

Оно было напечатано въ изданіяхъ: 1798, стр. 16, съ означеніемъ въ заглавіи псалма и начальныхъ словъ его: *Возведохъ очи мои въ горы*, и 1808, ч. I, VIII.

Значеніе рисунковъ: 1) Змѣя ползетъ къ спящему младенцу: означеніе Злости, которая всегда избираетъ время безпечности нашей; но *Помощь Божія* въ видѣ ангела спѣшитъ къ Невинности и окомъ всевидящимъ отражаетъ Злость, осыпая младенца маковымъ цвѣтомъ; 2) ангелъ разсыпаетъ изобиліе и благодать на землю (*Об.* Д.):

Вездѣ со мною пребываетъ, 4.
Сопутствуетъ, остерегаетъ
Отъ всякаго меня Онъ зла,
Блюдетъ мой входъ и исхожденье,
Предупреждаетъ искушенье,
Чтобъ злость вредить мнѣ не могла.

LXXVII. ПѢСНЬ БРАЧНАЯ ЧЕТѢ ПОРФИРОРОДНОЙ[1].

Высоку пѣснь я возглашаю! 1.
Тебѣ, господь мой, посвящаю[2].

[1] Написана, въ подражаніе 44-му псалму, на бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича, бывшее 28 сентября 1793 года; положена на музыку придворнымъ капельмейстеромъ Сарти (см. выше стр. 477) и пѣта во время обѣденнаго стола во дворцѣ. Напечатана въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 262, съ означеніемъ псалма въ заглавіи, и 1808, ч. I, xxxvi.

Нѣкоторые стихи пѣсни, какъ видно изъ рукописи 1790-хъ гг., окончательно отдѣланы Капнистомъ. Прилагаемые здѣсь варіанты показываютъ первоначальную редакцію этихъ стиховъ.

Рисунокъ представляетъ сочетаніе русскаго и баденскаго гербовъ.

[2] Тебѣ, господь мой, посвящаю.

Какъ видно изъ послѣдующихъ стиховъ, здѣсь подъ словами *господь мой* разумѣется великій князь Александръ Павловичъ.

И лиру и перо мое.
Краснѣйшій всѣхъ сыновъ тѣлесныхъ!
Течетъ изъ устъ, очесъ небесныхъ
Благоволенье всѣмъ твое.

Самъ Богъ тебя благословляетъ, 2.
Величествомъ въ тебѣ сіяетъ,
И при бедрѣ твой сильный мечъ:
Блеснешь ты имъ — и ополчишься,
Въ защиту правды устремишься,
Невинныхъ стонъ и вопль пресѣчь.

Ты бросишь громы изъ десницы, 3.
Отъ запада къ вратамъ денницы
Покажешь чудеса, герой!
Разсыплешь изощренны стрѣлы[а],
Распространишь твои предѣлы,
Попрешь враговъ своей ногой[б].

Престолъ твой Богомъ утвердится, 4.
Щедротой скипетръ позлатится[3],
Явишься ты царемъ сердецъ;
Ты добродѣтельныхъ возлюбишь,
Злодѣя добрымъ быть принудишь
И будешь вдовъ, сиротъ отецъ.

[а] Пошлешь ты изощренны стрѣлы (Рук. 1790-хъ гг.).
[б] . . . своихъ ногой (1798):

---

[3] Щедротой скипетръ позлатится.
Ср. выше, стр. 285, извѣстные два стиха оды *Изображеніе Фелицы:*

Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу.

Во славѣ Богъ тебя покажетъ, 5.
Елеемъ радости помажетъ
Всѣхъ паче сверстниковъ твоихъ:
Алоэ, смирна и кассія[4]
Отъ ризы твоея драгія
Прольютъ здѣсь ароматы ихъ[в].

И мамонта костей бѣлѣе[г], 6.
Прозрачнѣй, чище и свѣтлѣе
Созиждется тебѣ чертогъ.
Но что? — Уже во храмъ священный
Вошелъ богъ, въ младость облеченный;
Плѣняетъ всѣхъ сердца восторгъ.

Мы видимъ: дщерь ему царева 7.
Предстала, юна, лѣпа дѣва[д],
А съ нею, какъ заря, любовь:
Въ монистахъ грудь ея Офира
Дыханьемъ зыблется зефира
Во плѣнѣ золотыхъ оковъ[е].

Внемли, о дщерь! и вразумися; 8.
Отъ странъ твоихъ ты отрекися,
Отеческій твой домъ забудь:
Монархъ красы твоей желаетъ,

[в] Прольютъ здѣсь благовонья ихъ (Рук. 1790-хъ гг.).
[г] Бегмотовыхъ костей бѣлѣе.
[д] ... юна, красна дѣва.
[е] Подъ тяжестью златыхъ оковъ.

---

[4] Алоэ, смирна и кассія.

Ср. выше, стр. 63, примѣчаніе 2 къ одѣ *На освященіе инвалиднаго дома.* Въ изд. 1798 г. *Алой и смирна...*

Къ тебѣ онъ руку простираетъ,
И ты вѣрна ему пребудь.

Тогда тебѣ дщерь тирска длани 9.
Прострецъ со многоцѣнпы дани[5];
Народы славные почтятъ[ж]
Въ душѣ сонмъ доблестей прекрасный;
Исшвенны на одеждахъ рясны[з]
Красой вселенну удивятъ.

И се, чета въ лучахъ порфирныхъ[и] 10.
Грядетъ изъ храма въ звукахъ лирныхъ;
Вкругъ ближнiе текутъ за ней;
Идутъ въ чертогъ въ воскликновеньи,
Въ весельи, въ славѣ, въ восхищеньи,
Къ царицѣ, матери своей.

Да будетъ ей соборъ державныхъ 11.
Чадъ вашихъ, вмѣсто предковъ славныхъ,
Поставленъ править сей народъ!
Вашъ памятникъ да вознесется,
Звѣздъ вашимъ именемъ коснется
И васъ прославитъ въ родъ и родъ!

[ж] И твой народъ тебя почтитъ.
[з] Исшвенныя въ одеждахъ рясны
Вселенна на тебѣ узритъ.
[и] И се, чета торжествъ въ порфирахъ
Грядетъ изъ храма; въ звукахъ, въ лирахъ
Вкругъ *и проч.*

---

[5] Прострецъ со многоцѣнны дани — т. е. со многоцѣнными данями. Тутъ явная ошибка противъ формъ церковно-славянскаго языка.

LXXVIII. МЕРКУРІЮ [1].

1794.

Почто меня отъ Аполлона, 1.
Меркурій, ты ведешь съ собой?
Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой?
Сбирать, завидовать, измлада
Я не привыкъ и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно съ презрѣньемъ я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

Коль я здоровъ, хлѣбъ-соль имѣю, 2.
И даръ мнѣ данъ судьи, пѣвца,

[1] 1 января 1794 года Державинъ, недавно пожалованный въ сенаторы, былъ опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегіи «противъ его желанія, ибо онъ никогда сею частью не занимался» (*Об.* Д.). Тогда-то и написалъ онъ эти стихи, напечатанные сперва въ изданіи 1798 (стр. 278) подъ загавіемъ: Къ Меркурію и съ припискою въ заглавіи: *Въ новый 1794 годъ*, а потомъ и въ изд. 1808, ч. I, XXIX.

И челобитчиковъ я смѣю
Встрѣчать съ передняго крыльца,
И къ небогатому богатый
За нуждою ко мнѣ идетъ,
За храмъ мои просты палаты,
За золото солому чтетъ[2]:
На что же мнѣ твоя излишность?

Но, ахъ! когда я сталъ послушенъ[a] 3.
Тебѣ, мой вождь и богъ златой[3]:
То будь и ты великодушенъ,
И мой не отними покой;
Но хлопотать когда устану,
Весь день бывъ жертвой и игрой
Среброчешуйну океану[4]:

[a] Но, ахъ! я если сталъ послушенъ (1798).

---

[2] За золото солому чтетъ.

Бывъ сенаторомъ, Державинъ старался по возможности соблюдать правосудіе, и потому къ нему хаживало «много просителей, но не съ задняго крыльца, т. е. со взятками; они почитали его домъ, который былъ построенъ особой архитектурой на подобіе храмика и *большая зала обита была соломенными обоями*» (*Об.* Д.) — *работы первой жены его*, прибавляетъ Ѳ. П. Львовъ къ послѣднему примѣчанію, означенному здѣсь курсивомъ, опустивъ однакожъ все сказанное прежде по поводу выписаннаго стиха: такъ далеко простиралась осторожность издателя *Объясненій на сочиненія Державина*, Спб., 1834. Объ этой же комнатѣ упомянуто на стр. 517, въ примѣч. 2 подъ стихотвореніемъ *Къ Н. А. Львову*.

[3] Тебѣ, мой вождь и богъ златой —

т. е. Меркурій, богъ богатства, подъ которымъ поэтъ здѣсь разумѣетъ императрицу, прося не слишкомъ отягощать его новою должностію и оставлять ему время заниматься литературой (*Об.* Д.).

[4] Среброчешуйну океану *и проч.*

Этимъ означается мореплаваніе, приносящее богатство. Слово *громъ* въ слѣдующемъ стихѣ относится къ тому, что при Екатеринѣ II таможня

Позволь, какъ грянетъ громъ, домой
Пришедшему обнять мнѣ Музу.

Да вмѣсто виста и бостону 4.
Я съ ней на лирѣ порѣзвлюсь;
Монаршу, Божеску закону [б],
Суду и правдѣ поучусь;
Не дамъ волкамъ овечки скушать;
А ты, коль хочешь одолжить,
Приди моей сей пѣсни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу Екатеринѣ.

[б] Монарша, Божеска закона,
Суда и правды поучусь.

открывалась и закрывалась по пушечному выстрѣлу, когда били утреннюю и вечернюю зорю: Державинъ желаетъ при возвращеніи домой пользоваться досугомъ для поэзіи (*Об. Д.*).

LXXIX. БУРЯ[1].

Судно, по морю носимо, 1.
Рѣетъ между черныхъ волнъ;

[1] Эта пьеса написана въ воспоминаніе двухъ обстоятельствъ: бури, претерпѣнной Державинымъ на Бѣломъ морѣ въ 1785 году, и перваго присутствія его въ сенатѣ, въ 1793. Въ первоначальной черновой рукописи оба эти обстоятельства обозначены въ самомъ заглавіи стиховъ.

Когда Державинъ управлялъ олонецкою губерніею, тамошній генералъ-губернаторъ, Т. И. Тутолминъ, приказалъ ему въ августѣ 1785 г. немед-

Бѣлы горы идутъ мимо;
Въ шумѣ ихъ надеждъ я полнъ.

Кто изъ тучъ бѣгущій пламень 2.
Гаситъ надъ моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челнъ заводитъ мой?

ленно открыть вновь учрежденный на берегу Бѣлаго моря городъ Кемь, который въ сущности былъ не что иное, какъ большое село. Хотя въ этомъ вовсе не было настоятельной нужды, — такъ какъ въ Кеми не находилось еще ни должностныхъ лицъ, ни присутственныхъ мѣстъ, и проѣздъ туда въ это время года сухимъ путемъ, за непроходимыми болотами, невозможенъ, а моремъ въ небольшихъ судахъ крайне опасенъ, — однакожъ Державинъ исполнилъ порученіе начальника. Пріѣхавъ въ Кемь 21 августа (см. между его сочиненіями въ прозѣ *Поденную записку*, составленную во время этого путешествія), онъ приказалъ священнику, котораго насилу отыскали, отслужить обѣдню и молебенъ, обойти селеніе и окропить его святой водой. Отправясь оттуда въ обратный путь, Державинъ изъ города Сумъ пустился-было на шестивесельной рыбачьей лодкѣ въ Соловецкій монастырь. Но вдругъ подъ вечеръ поднялась страшная буря съ громомъ и молніей. Недоѣзжая 15-ти верстъ до монастыря, Державинъ приказалъ поворотить вправо, гдѣ, по словамъ лоцмана, лежали каменные острова. Только что руль повернули, — паруса упали, лодка покосилась на бокъ и пловцы неминуемо погибли бы, еслибъ, благодаря счастливому случаю, лодка не очутилась вдругъ за большимъ камнемъ, который помѣшалъ волнамъ залить ее; здѣсь они и ночевали, на слѣдующее же утро, оставивъ свой прежній планъ, отправились въ Онегу, куда и прибыли благополучно (*Об.* Д. и *Записки* его, *Р. Б.*, стр. 259).

Почти ровно черезъ восемь лѣтъ послѣ того, 8 сентября 1793 г., въ день торжества мира съ Турціею, Державинъ, вмѣстѣ съ Храповицкимъ, назначенъ былъ въ сенаторы и по этому поводу написалъ настоящіе стихи.

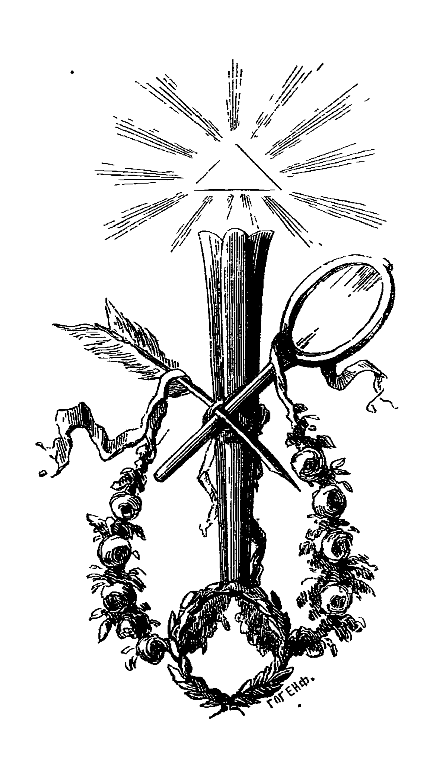
Пьеса *Буря* напечатана въ изданіи 1808 г., ч. II, xxx.

Значеніе рисунковъ: 1) Вѣра, управляющая утлымъ челнокомъ, заводитъ его отъ бури въ тихое пристанище, подъ защиту непоколебимой горы; 2) Талантъ и Правота, имѣющіе основаніемъ своимъ свѣтильникъ Истины, соединены лавровымъ вѣнкомъ (*Об.* Д.).

Ты, Творецъ, Господь всесильный, 3.
Безъ Котораго и власъ
Не погибнетъ мой единый,
Ты меня отъ смерти спасъ!

Ты мнѣ жизнь мою пробавилъ, 4.
Весь мой духъ Тебѣ открытъ;
Въ сонмъ вельможъ меня поставилъ [a]:
Будь средь нихъ мой вождь и щитъ.

[a] Сѣсть въ соборъ бояръ заставилъ.
— Средь сигклита сѣсть заставилъ:
Будь мой въ правдѣ вождь и щитъ (Черн. рукопись).

LXXX. ПРОВИДѢНІЕ[1].

Изъ сада, и зимой цвѣтуща, 1.
Чертога вѣчныя весны,

[1] 31 марта 1794 года императрица, окончивъ обыкновенныя свои занятія, вышла въ Эрмитажъ подышать весеннимъ воздухомъ и посмотрѣть

Въ величествѣ земнаго бога,
Екатерина, кинувъ взглядъ
На златобисерное небо,
На синюю Неву стоящу,
Готовую пуститься въ Бельтъ,
И обозрѣвъ вокругъ Петрополь,
Улыбкою, веснѣ подобной,
Даритъ отраду всѣмъ и жизнь.

И видя, что вдали, въ томленьи 2.
Со льдами бьется человѣкъ,
Всесильный перстъ къ нему простерши,
Велитъ его извлечь изъ волнъ.
Летятъ крылаты серафимы,
Усердьемъ пламенные слуги,
И волю божества творятъ:
Едва прошло одно мгновенье,
Уже изъ бездны водной, темной
Изъятъ, исторгнутъ, извлеченъ.

На твердомъ берегѣ гранитномъ 3.
Простертъ полмертвый, блѣдный трупъ,

на Неву, которая вскорѣ должна была вскрыться. Вдругъ она увидѣла вдали утопающаго человѣка: посланные на помощь люди вытащили изъ воды сироту Охтянку, которую съ трудомъ привели въ чувство. Державинъ написалъ на этотъ случай стихи *Провидѣніе*, вѣроятно представленные Екатеринѣ. Листъ, на которомъ они тогда же были переписаны посторонneю рукою, носитъ сдѣланную карандашемъ отмѣтку Н. А. Львова: «Если ты намѣренъ представить, такъ ужъ потрудись, завостри ихъ риѳмами». Стихи однакожъ остались бѣлые. Въ первомъ стихѣ поэтъ говоритъ о зимнемъ садѣ, находящемся въ Эрмитажѣ.

Они напечатаны въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 280, съ означеніемъ въ заглавіи дня и года, къ которымъ относятся, и 1808, ч. I, XLVIII.

На рисункѣ Ангелъ милосердія спасаетъ утопающую дѣвицу (*Об.* Д.).

Убогимъ рубищемъ одѣтый;
На посинѣлыхъ смерть устахъ,
И еле слышится дыханье;
Но, Провидѣніе и Благость!
Творите вы лишь чудеса.
Какъ отдыхаетъ злакъ отъ мраза,
Какъ изъ тумана всходитъ солнце,
Такъ возвращаете вы жизнь!

Ужъ теплота ліется въ жилахъ, 4.
И внемлетъ ихъ біенье врачъ;
Ужъ по челу и по ланитамъ
Проникъ багряный огнь, — и грудь,
Какъ ссѣдшая морская пѣна,
Зефиромъ зыблется и дышитъ,
Являя чувствіе и жизнь:
Въ лицѣ прекрасномъ, юномъ, нѣжномъ
Воскресли розы и лилеи,
И въ нихъ предстала дѣва намъ

Ведутъ ее передъ чертоги, 5.
И вопрошаютъ съ высоты[2]:
«Кто ты? зачѣмъ вдалась въ опасность»? —
Она отвѣтствуетъ, склонясь
(Въ очахъ ея видна невинность):

[2] И вопрошаютъ съ высоты.

Императрица, вышедши на балконъ, сама разговаривала со спасенной дѣвушкой. Та отвѣчала, что родители, умирая, ничего ей не оставили и только благословили ее образомъ, который она для погребенія отца заложила. Въ великій постъ она работала такъ прилежно, что вырученными деньгами хотѣла къ празднику выкупить образъ и съ этимъ намѣреніемъ, надѣясь на Бога, пустилась по льду, едва уже державшемуся (*Об.* Д.).

«Чтобъ искупить залогъ священный,
Родительскій послѣдній даръ,
Я шла, на Бога уповая;
Я сира: мать, отецъ оставилъ»...
— «Но я тебя воспріиму»,

Возвысила свой гласъ царица 6.
И бросила свой свѣтлый взоръ.
Уже хитонъ, бѣлѣйшій снѣга,
И ферязи драгія ей
Несутъ, и на челѣ высокомъ
Златая лента возблистала,
Монистомъ грудь, — и въ даръ еще
Готовятъ ей богато вѣно[3];
Въ дверяхъ женихъ, и Смерть гдѣ злилась,
Тамъ торжествуетъ днесь Любовь.

О Провидѣніе! коль чудны 7.
И благи суть твои пути!
Кто звалъ императрицу съ трона
И не велѣлъ смирять ей царствъ[4]?
Взнесенны удержать перуны,
Вѣсы остановить Ѳемиды
И, опустя правленья руль,
Въ часы работы черпать воздухъ,

[3] Готовятъ ей богато вѣно.

Императрица, похваля ее за усердіе въ вѣрѣ и за любовь къ памяти родителей, тотчасъ приказала принести для нея новую одежду и пріискать ей между дворцовыми служителями жениха, потомъ тутъ же ее помолвила, снабдивъ деньгами и всѣмъ нужнымъ на свадьбу и на обзаведеніе (*Об.* Д.).

[4] И не велѣлъ смирятъ ей царствъ.

Въ то время готовилось въ Польшѣ возмущеніе противъ Россіи (*Об.* Д.).

Чтобъ дѣву спасть? — Ты, Провидѣнье!
Въ Твоей рукѣ сердца царей.

Ты возвратило мнѣ Плѣниру[5]: 8.
Тебя, всезряще Око, чту.
Когда пути мои невинны,
Когда я сердцемъ, духомъ чистъ,
И соблюсти обѣтъ мой Богу
И вѣрность сохранить монарху
Дерзаю, — на извѣстный рокъ
Теку противъ стремленья бурна[6]:
Ты въ сѣни смертной мнѣ подпора;
А ты, Екатерина, щитъ.

О благодатная! коль можетъ 9.
Творцу уподобляться тварь:

[5] Ты возвратило мнѣ Плѣниру.

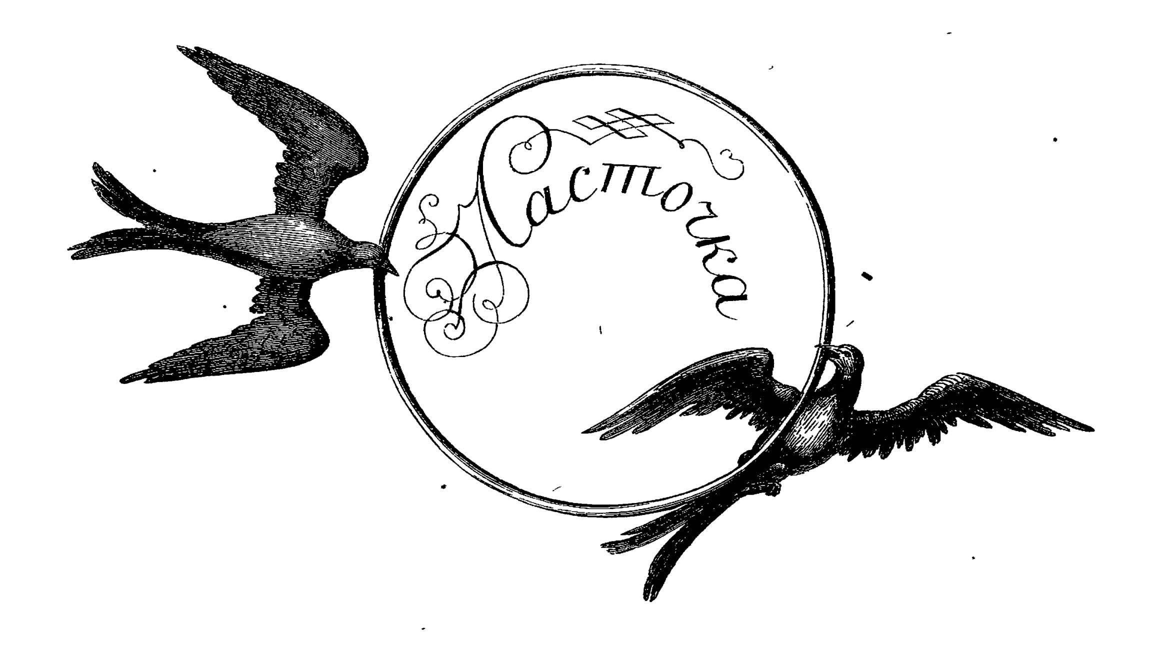
Первая жена Державина поправлялась тогда послѣ выдержанной ею опасной болѣзни (*Об.* Д.). Здоровье Екатерины Яковлевны очень пострадало отъ пребыванія въ Тамбовѣ, гдѣ она нѣсколько разъ хворала лихорадкой. Вѣроятно, во время болѣзни, о которой Державинъ упоминаетъ въ этомъ примѣчаніи, онъ написалъ слѣдующее четырехстишіе на найденномъ нами въ бумагахъ его полулистѣ со счетомъ бѣлья, порученнаго *Сенькѣ*, 1-го марта 1794 г.:

Не знаю, отъ чего весь духъ мой унываетъ
И грудь мою тоска несносна разрываетъ;
Не знаю, что̀ меня смущаетъ и мятетъ
И ни на часъ душѣ покою не даетъ.

[6] Дерзаю, — на извѣстный рокъ
Теку противъ стремленья бурна.

Державинъ, съ 1 января 1794 г. занимая, сверхъ должности сенатора, мѣсто президента коммерцъ-коллегіи пошелъ-было противъ таможенныхъ злоупотребленій, не смотря на то, что имъ покровительствовали близкіе къ императрицѣ люди и что не могъ ожидать ничего инаго, кромѣ непріятностей, что̀ и случилось (*Об.* Д.).

Всѣхъ болѣе имѣютъ право
Великіе на то цари,
Когда они съ своихъ престоловъ
Громами ужасаютъ злобу,
Блаженствами дождятъ благихъ,
Отъ смерти къ животу возводятъ.
И ты, днесь сироту ущедря,
Еще подобна Божеству.

LXXXI. ЛАСТОЧКА[1].

О домовитая ласточка[a]!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, косаточка,

[a] Домовита мила ласточка!
Маленька, сизенька птичка!
Красногрудая косаточка (1792).
(Въ первоначальной рукописи были еще выраженія, впослѣдствіи оставленныя: *Сизоалая косаточка, сизочерненька птичка*).

[1] Написано, собственно, еще въ 1792 году и напечатано въ *Московскомъ журналѣ* за декабрь этого года (ч. VIII, стр. 193). Но тогда въ пьесѣ не было тѣхъ двухъ заключительныхъ стиховъ, которые прибавлены Державинымъ послѣ смерти первой жены его въ 1794 году (см. выше, стр. 58, примѣч. 1 къ пьесѣ *Невѣста*). Придавъ такимъ образомъ новый смыслъ этому стихотворенію, онъ въ своихъ *Объясненіяхъ* говоритъ про

Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь;
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь [б].
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь [в];
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь [г].
Ты часто во зеркалѣ водномъ [д]
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь

[б] Побрякушкой въ горлышко бьешь (Первон. рукоп.).
[в] Быстро летая, круги даешь.
[г] То надъ моремъ плывешь.
[д] Видишь въ зеркалѣ водномъ
На облакѣ аломъ себя.

Ласточку: «Сочинено въ память первой жены автора». Во вниманіи къ такому значенію, усвоенному пьесѣ самимъ поэтомъ, мы относимъ ее ко времени смерти Плѣниры и рѣшаемся на это тѣмъ легче, что оба года такъ близки одинъ къ другому и что послѣдній изъ приложенныхъ къ стихамъ рисунковъ, да и самое окончаніе ихъ были бы совсѣмъ неумѣстны подъ 1792 г. При помѣщеніи *Ласточки* въ *Московскомъ журналѣ*, вмѣсто подписи въ концѣ было означено въ скобкахъ: *Изъ Петербурга.* Противъ первыхъ же двухъ стиховъ (см. варіантъ а) Карамзинъ замѣтилъ въ выноскѣ: «Первый стихъ ⏑ ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ ⏑, а второй – ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ ⏑ – ⏑; но сіе смѣшеніе мѣръ можетъ быть очень пріятно».

Въ рукописи 1795 прибавленные въ концѣ два стиха помѣщены только на рисункѣ; въ изданіи же 1798, стр. 296, ихъ вовсе нѣтъ. Въ полномъ видѣ стихотвореніе въ первый разъ напечатано въ изд. 1808, ч. I, LIV.

Значеніе рисунковъ (Олен.): «1) Двѣ ласточки несутъ знакъ вѣчности въ поднебесную, — отношеніе къ переселенію души въ вѣчность; 2) обликъ скончавшейся Плѣниры, подобной домовитой ласточкѣ» (*Об.* Д.).

Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну[е],
Какъ будто[ж] съ высотъ на коврѣ:
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной[з];
Тамъ мошки толкутся столпомъ,
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ[и];
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приходъ,
И прячешься въ бездны подземны[і],
Хладѣя[к] зимою какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна; —
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ смертнаго сна;
Встанешь, откроешь зѣницы[л] —
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

[е] Всю видишь однако вселенну (1792).
[ж] Ты будто...
[з] Синій тамъ холмъ, лѣсъ отдаленной.
[и] Весь лѣта роскошнаго храмъ.
[і] Прячешься въ бездны подземны.
[к] Хладѣешь...
[л] Встаешь, открываешь зѣницы.

Душа моя! гостья ты міра!
Не ты ли перната сія? —
Воспой же безсмертіе, лира[м]!
Возстану, возстану и я;
Возстану — и въ безднѣ эѳира
Увижу ль тебя я, Плѣнира?

[м] Безсмертіе пой, моя лира!

Приложенія къ пьесѣ: «Ласточка».

I.

Мы нашли между списками этого стихотворенія одинъ, писанный весь рукою В. В. Капниста и отличающійся размѣромъ отъ подлиннаго текста. Очевидно, что Капнистъ, дорожа классическою правильностію формы, не совсѣмъ былъ доволенъ въ этомъ отношеніи пьесой Державина и, сдѣлавъ опытъ передѣлки ея на ямбическій ладъ, сохранилъ по возможности всѣ выраженія нашего поэта безъ измѣненія.

ЛАСТОЧКА.

О домовита сиза птичка,
Любезна ласточка моя!
Весення гостья и пѣвичка!
Опять тебя здѣсь вижу я.
По кровлямъ часто ты щебечешь;
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылами движешь и трепещешь,
И въ горлышкѣ трещеткой[a] бьешь.
По воздуху ты часто вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль долу стелешься, несешься;
Иль въ небѣ, распрострясь, плывешь.
Надъ зеркаломъ ты часто воднымъ
Играешь подъ златой зарей;
На зыбкомъ лàзорѣ бездонномъ
Мелькаешь тѣнью ты твоей.
Какъ молнія, ты часто рѣешь
Туды мгновенно и сюды,
И за собою не успѣешь
Примѣтить быстрые слѣды;
Но созерцаешь всю вселенну
Съ высотъ, какъ будто на коврѣ:

[a] ... брякушкой бьешь (Поправка Державина).

Какъ жаръ, тамъ башню позлащенну;
Тамъ флотъ въ чешуйчатомъ сребрѣ;
Въ одеждѣ рощи тамъ зеленой,
Въ вѣнцѣ тамъ нивы золотомъ;
Тамъ холмъ синѣетъ отдаленной,
Толкутся мошки тамъ столбомъ,
Тамъ въ понтъ съ утеса гнутся воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ;
Всю прелесть видишь ты природы,
Роскошна видишь лѣта храмъ;
Но видишь ты и бури черны,
И скучный осени приходъ,
И въ бездны прячешься подземны.
Зимою, похладнѣвъ какъ ледъ,
Лежишь во мракѣ бездыханна; —
Но только лишь придетъ весна,
И роза лишь вздохнетъ румяна,
Встаешь отъ смертнаго ты сна;
Встаешь, откроешь лишь зѣницы,
Ужъ новой жизни лучъ ты пьешь;
Расправя сизыя косицы,
Ты солнце новое поешь.

Душа моя, ты, гостья міра!
Не ты ль пернатая сія? —
Безсмертіе воспой, о лира! —
Возстану въ вѣчности и я;
Возстану, и средь безднъ эѳира
Узрю опять тебя, Плѣнира!

II.

Въ рукописяхъ Державина есть начало другаго стихотворенія, которое онъ думалъ посвятить памяти первой жены своей. Въ эту эпоху Оссіанъ, какъ мы уже видѣли (см. особенно примѣчанія къ *Водопаду*, подъ 1791 годомъ), сильно занималъ нашего поэта, и у него явилась мысль положить въ основаніе своей элегіи одну изъ пѣсней знаменитаго барда. Съ этою цѣлью сталъ онъ сперва переводить поэму *Каррик-туру* (см. *Оссіанъ* въ переводѣ Кострова, М. 1792, ч. I, стр. 256), въ которой представленъ между прочимъ разговоръ двухъ отсутствующихъ любящихся и плачъ Схирлика надъ Винвелою. Переведя нѣ-

сколько страницъ, Державинъ принялся за свою элегію, начало которой очень близко воспроизводитъ приступъ къ поэмѣ Оссіана: онъ попробовалъ-было писать прямо стихами, но скоро перешелъ къ прозѣ, которую послѣ сталъ опять перерабатывать въ стихи. Вѣроятно, по поводу этихъ-то попытокъ Державинъ говоритъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 17 октября 1794 г. (см. въ этомъ изданіи переписку его): «*Я* было-хотѣлъ самъ писать; но, или чувствуя чрезмѣрно мою горесть, не могу привесть въ порядокъ моихъ мыслей, или, какъ окаменѣлый, ничего и мыслить не въ состояніи бываю.» Помѣщаемъ здѣсь оба отрывка, въ которыхъ онъ пытался излить свою печаль о потерѣ жены. Что касается до перевода изъ Оссіана, то мѣсто его будетъ между сочиненіями Державина въ прозѣ.

ПЛѢНИРА.

Ужель по тверди бирюзовой, прекрасная дщерь небесъ, достигла ты своего предмета? *Я* вижу: западъ отверзъ врата свои. Одръ спокойствія твоего уготованъ. Волны морскія собираются вокругъ тебя созерцать красоты твои. Онѣ подъемлютъ сѣдыя главы свои. Видятъ тебя съ улыбкой засыпающую и съ ужасомъ отъ тебя удаляются. Почивай въ вертепѣ твоемъ, о звѣзда небесная, доколѣ паки возсіяешь обрадовать мое печальное сердце.

Между тѣмъ, увы! по густому мраку нощи множество факелъ разсыпаютъ свое сіяніе и освѣщаютъ блѣдныя лица тебя провождавшихъ. Страшные вопли раздаются и ударяютъ въ окаменѣлое мое сердце; оно только тѣмъ живо, что испускаетъ глухіе стоны, что орошаетъ ланиты мои слезами. Плѣнира! что это *я* тебя провожаю? Какъ это можно, чтобъ среди цвѣтущаго лѣта увяли розы?

Увы! но ты благополучна. Ты въ объятіяхъ своего нѣжнаго супруга и своей любезной матери заснула крѣпкимъ (глубокимъ) пріятнымъ сномъ. Ни единая черта красоты твоей не измѣнилась. Отпечатокъ непорочности и добродѣтели блисталъ на твоемъ блѣдномъ лицѣ, подобно какъ заемлющее лучи бреніе испускаетъ отъ себя свѣтъ во мракѣ, или какъ свѣтлый спящій ангелъ ты предлежала предстоящимъ; всѣ удивлялись и созерцали въ тебѣ прекрасную душу въ то время, какъ другіе и живые никакой не имѣли. Прекрасная изъ прекраснаго дому, въ прекрасномъ гробѣ и на прекрасномъ мѣстѣ ты погребена*. Но *я*, бѣдный, почто остался? Не услышали небеса молитвы нашей, и смерть не поразила насъ вдругъ обоихъ. Сколько мы желали во время грозъ, чтобъ огнен-

---

* Въ Александро-Невской лаврѣ. См. ниже стихотвореніе LXXXII.

ная стрѣла пронзила насъ вмѣстѣ, во время претерпѣнныхъ нами несчастій, чтобы мы вмѣстѣ были жертвою враговъ нашихъ! Но увы, не сбылось желаніе наше: въ то время, когда стали увядать силы мои, власы на главѣ моей побѣлѣли, когда мнѣ надобно болѣе покою въ старости, болѣе крѣпости къ пренесенію трудовъ, болѣе дружбы къ услажденію горестей, — подпора моей жизни, бальзамъ души моей, другъ мой меня оставилъ.

Что мнѣ дѣлать? куда дѣться? Хочу я сыскать отраду внѣ дома моего, — иду на театръ міра, вмѣщаюся въ блещущій строй двора, спѣшу на пиршества откупщиковъ, лечу на гулянья друзей; но вспомня, что тебя ни со мною нѣтъ, ни дома ты меня не ожидаешь, скука простирается по сердцу моему. Природа вся помрачается въ очахъ моихъ; прелесть двора кажется мнѣ ребячествомъ, пиры обжорствомъ, гулянья явленіемъ тѣней; ни великолѣпный блескъ богатствъ, ни сладость вкусныхъ яствъ, ни согласіе пріятной музыки, ни самые приманчивые взгляды красоты меня не занимаютъ. Ахъ, Плѣнира! послѣ тебя сыщется ли достойная обладать сердцемъ моимъ, прелестная очаровать мой взоръ, властительная оковать мою вѣтреность? Сыщется, можетъ быть; но будь увѣрена, что только на минуту. Хладному моему сердцу всѣ прелести міра такъ теперь прикасаются, какъ льдинѣ; косные лучи приближающагося къ зимѣ солнца едва возгораются, тогда же и исчезаютъ. И уединеніе безъ тебя никакой сладостной задумчивости не вливаетъ въ грудь мою, и въ прекрасномъ домѣ, сдѣланномъ твоими трудами *, мысли не располагаютъ къ стихотворству. Молчатъ Музы, не могу ни читать, ни писать, и печальная пѣснь сія только отголосокъ твоего пѣнія, отраженіе красоты твоей, остатокъ твоихъ добродѣтелей. Я только то повторяю, что......

ПѢСНЬ НА СМЕРТЬ ПЛѢНИРЫ.

1794 г. іюля 15 дня.

Ужель по тверди бирюзовой,
Прекрасная небесна дщерь,
Достигла ты въ твой домъ лиловой [a]?

[a] Достигла въ домъ ты жизни новой?
— Дошла въ чертогъ ты пурпуровый?
— Достигла ты въ чертогъ твой новый (Первон. рукоп.).

* См. выше, стр. 517 и 559, примѣч. подъ стихотвореніями: *Къ Н. А. Львову* и *Меркурію*.

Зрю: запада отверзта дверь,
И одръ готовъ тебѣ къ покою.
Собравшись издали стѣною,
Морскія волны вкругъ стоятъ;
Поднявъ главы свои сѣдыя,
Зрѣть красоты твоей хотятъ.
Но зря, сквозь завѣсы златыя [б],
Въ безмолвну тишину и ночь
Тебя отвсюду облеченну,
Съ улыбкой сладко усыпленну,
Съ шептаніемъ [в] отходятъ прочь,
Боясь прервать твой сонъ глубокій [г].
Почій же, милая звѣзда,
Восшедъ на теремъ твой высокій [д];
Почій — доколь придетъ чреда,
И мнѣ ты паки возсіяешь,
Прелестное [е] лицо явишь,
Мои стенанья окончаешь
И горьки слезы осушишь.

Въ одной черновой редакціи приписаны къ этой пьесѣ еще слѣдующіе, недодѣланные и неконченные стихи.

Межъ тѣмъ, увы! по мракамъ нощи
Горятъ возжженныхъ свѣчъ ряды;
Въ одеждахъ черныхъ [ж], блѣдны, тощи
Идутъ въ гробовые слѣды.
Унылый вой ихъ ужасаетъ,
Разносятъ вопли вкругъ молву.
Стѣсненно сердце умираетъ
И только тѣмъ лишь я живу,
Что стонъ и слезы испускаю.

Но гдѣ я? гдѣ? — Куда иду?
Тебя [з], Плѣнира, провожаю!

[б] Но, видя въ облака златыя.
[в] Со ужасомъ...
[г] Боясь твой сонъ прервать священный.
[д] Восшедъ въ чертогъ твой сокровенный.
[е] Мнѣ свѣтлое...
[ж] Мелькаютъ тѣни...
[з] Тебя ль...

Тебя [и] въ могилу я кладу!
Какое зрѣлище! — Плѣнира!
Со мной, ахъ! что такое стало?
Какъ можно, чтобы роза [і] міра,
Мое сокровище увяло
Въ цвѣту, въ сіяніи [к] своемъ,
А я остался живъ по немъ?

Я живъ; но на твоемъ
Таковъ я погребеньѣ,
Какъ узникъ осужденъ,
Кому въ опредѣленье
Предписана [л] ужъ казнь,
И онъ народомъ къ ней влачится.
Унылость, не боязнь
Души его тутъ зрится;
Растрепаны власы,
Взоръ теменъ, блѣдны руки,
Безъ чувствъ онъ на часы
Свои послѣдни зритъ и муки.

О, коль несчастливъ я, Плѣнира,
Счастлива и блаженна ты!
Остался въ скорбяхъ я средь міра
Благополучной суеты,
И всѣ бѣды его ты одолѣла...

[и] Тебя ль...
[і] ... чтобъ пріятность міра.
[к] Во всемъ сіяніи...
[л] Написана...

LXXXII. НА ГРОБЪ ЕКАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ ДЕРЖАВИНОЙ [1].

Гдѣ добродѣтель? гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
Увы! здѣсь [а] дверь на небеса....
Сокрылась въ ней [б] — да Солнце встрѣтитъ!

[а] Увы! се ... (Смирд. изд. по другой рукописи).
[б] Сокрылась тамъ ...

[1] Первая жена поэта похоронена въ Александро-Невской лаврѣ. На гробницѣ ея высѣчена эта надпись, въ первый разъ напечатанная митрополитомъ Евгеніемъ въ выноскѣ къ біографіи Державина въ *Другѣ Просвѣщенія* 1806 г., № 3 (стр. 286), въ статьѣ: *Новый опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ;* впослѣдствіи она помѣщалась въ позднѣйшихъ Смирдинскихъ изданіяхъ Державина, подъ заглавіемъ: *Эпитафія супругѣ.* Въ тетрадяхъ поэта занесена рядомъ съ нею еще и другая надгробная надпись: «Поставилъ сіе надгробіе въ память любезной и добродѣтельной супруги огорченный и благодарный мужъ».

Смерть Екатерины Яковлевы оплакали въ стихахъ Дмитріевъ и Капнистъ, называя ее, какъ самъ Державинъ, *Плѣнирою* (см. собранія ихъ сочиненій). О горѣ, въ какое повергла мужа эта потеря, свидѣтельствуетъ между прочимъ письмо его къ И. И. Дмитріеву отъ 24 іюля 1794 года (см. переписку Державина въ этомъ изданіи).

LXXXIII. САФѢ[1].

Когда брала ты арфу въ руки 1.
Воспѣть твоей подруги страсть,

[1] Въ этихъ стихахъ поэтъ выразилъ свою горесть объ утратѣ первой жены, Плѣниры. Они были напечатаны сперва въ *Аонидахъ* 1797 г. (ч. II,

Протяжные и тихи звуки[а]
Надъ сердцемъ нѣжнымъ сильну власть
Любви твоей изображали;
Но ревность лишь затмила умъ,
Громчайши гласы побѣжали
И приближался бурный шумъ.

Тогда бѣлорумяны персты[2] 2.
По звучнымъ вспрыгали[б] струнамъ,
Взоръ черноогненный, отверзтый
И молнія вослѣдъ громамъ[в]
Блистала, жгла и поражала

[а] Веселые и тихи звуки (1797).
...... сладку власть.
[б] ..... прыгали ... (1797 и 1804).
[в] Какъ молнія ... (1797)
Блисталъ — ты жгла и поражала.

стр. 246), подъ заглавіемъ *Къ Сафѣ* и съ подписью *Д—нъ*, потомъ въ *Анакреонт. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 104, и въ изданіи 1808, ч. III, LXIII. Замѣтимъ, что все написанное Державинымъ по случаю смерти жены его, нисколько не похоже на стихи подобнаго содержанія у нѣмецкихъ поэтовъ, которыхъ онъ читалъ. Сюда относятся, напр., у Галлера двѣ оды на смерть первой его жены, Маріаны (1736), и еще ода на смерть второй жены, Элизы (1741), или отвѣтъ того же поэта Бодмеру, который написалъ ему въ стихахъ утѣшеніе въ первомъ несчастіи. Не говоримъ уже о длинной и вялой іеремiадѣ Каница (1654—1699), Klagode über den Tod seiner ersten Gemahlin (Ср. Гервинуса Geschichte der deut. Dicht., ч. III, стр. 483).

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ представлена, согласно преданію, Сафо, бросающаяся въ море съ левкадской скалы.

[2] Тогда бѣлорумяны персты...

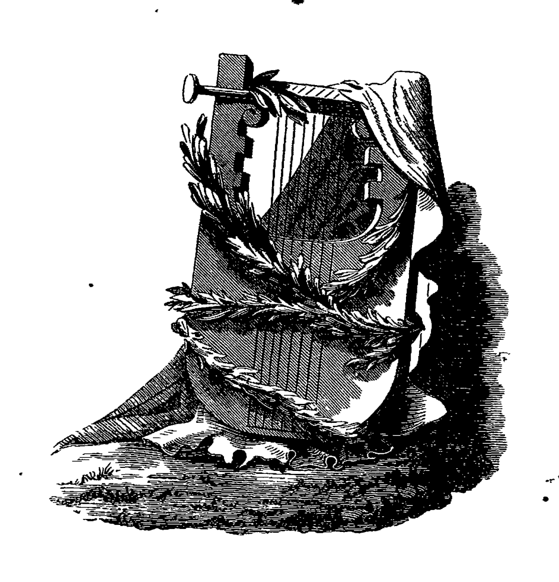
Любопытно, что почти вся эта строфа (до 6-го стиха включительно) есть повтореніе одного мѣста изъ пьесы *Любителю художествъ*, см. выше стр. 366.

Державинъ переводилъ и самую оду Сафо, о которой говорится въ 1-й строфѣ этого стихотворенія. См. подъ 1797 г.

Всю внутренность души моей;
Смерть блѣдный хладъ распространяла:
Я умиралъ игрой твоей.

О, если бы я былъ Фаономъ[г] 3.
И пламень твой мою бъ жегъ кровь:
Твоимъ бы страстнымъ, пылкимъ тономъ
Я описалъ свою любовь.
Тогда съ моей всесильной лиры[д]
Зефиръ и громъ бы могъ летѣть:
Какъ ты свою, такъ я Плѣниры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

[г] О, ежели бъ я былъ Фаономъ
.... мою жегъ кровь (1797 и 1804).
[д] Тогда бъ ...
Могли зефиръ и громъ летѣть (1797).
— Зефиръ и громъ возмогъ летѣть (1804).

LXXXIV. ПРИЗЫВАНІЕ И ЯВЛЕНІЕ ПЛѢНИРЫ[1].

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блистаніи луны,

[1] Написано по тому случаю, что когда на другой день послѣ смерти первой жены своей Державинъ проснулся поутру и еще не вставалъ съ дивана, ему показалось, будто изъ дверей буфета течетъ къ нему и ложится около него бѣлый туманъ; потомъ онъ чувствовалъ какъ бы ласковое прикосновеніе какого-то духа. Въ концѣ этого стихотворенія мы въ первый разъ встрѣчаемъ имя *Милены;* оно означаетъ Дарью Алексѣевну Дьякову, которая вскорѣ сдѣлалась второю женой Державина и съ этихъ поръ уже всегда является въ стихахъ его подъ тѣмъ же именемъ *Милены*, какъ первая жена постоянно носила въ прежнихъ пьесахъ его прозваніе *Плѣниры* (см. выше, стр. 118). Онъ женился на Дьяковой

Въ дыханіи зефира,
Во мракѣ тишины!

ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того какъ овдовѣлъ, именно 15 января 1795 г. Въ *Запискахъ* своихъ (*Р. Б.*, стр. 367) Державинъ довольно подробно излагаетъ обстоятельства этого втораго брака. Одиночество тяготило его, а между тѣмъ онъ давно былъ знакомъ съ Дьяковою, находилъ въ ней много достоинствъ и зналъ, что она охотно пойдетъ за него. Притомъ и покойная Екатерина Яковлевна была давно дружна съ нею, и это обстоятельство особенно способствовало къ скорому рѣшенію Державина. Собственное его сознаніе въ важности этой духовной связи для его счастья видно изъ послѣднихъ стиховъ пьесы. Онъ представляетъ себѣ, что слышитъ благословеніе Плѣниры на новыя узы въ словахъ:

Миленой половину
Займи души твоей.

Дарья Алексѣевна была дочь сенатскаго оберъ-прокурора, статскаго совѣтника Алексѣя Аѳанасьевича Дьякова (1721—1791) и Авдотьи Петровны, урожденной княжны Мышецкой (род. 1729); она родилась 8 марта 1767 года, и слѣдовательно ей было 27 лѣтъ, когда она выходила замужъ. Державину шелъ уже 52-й годъ. Онъ самъ, ссылаясь на возрастъ обоихъ, удаляетъ мысль о пылкой любви въ этомъ супружествѣ и говоритъ, что оно могло основываться болѣе на чувствахъ разумной дружбы и на приличіи, нежели на страсти. У Дарьи Алексѣевны были три сестры: Александра, за В. В. Капнистомъ, Марья, за Н. А. Львовымъ, и Екатерина, за графомъ Стенбокомъ. Онѣ не получили хорошаго воспитанія: знали кое-какъ французскій языкъ, но не умѣли правильно писать по-русски. За то Дарья Алексѣевна играла на арфѣ. Что касается до душевныхъ ея свойствъ, то она была добра, благотворительна, справедлива, даже великодушна, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно сосредоточена въ себѣ, холодна и суха въ обращеніи съ близкими, а притомъ крайне разсчетлива въ домашнемъ быту. Она умерла 16 іюня 1842 года въ своемъ имѣніи *Званкѣ* на Волховѣ и похоронена въ Хутынскомъ монастырѣ, гдѣ лежитъ и тѣло мужа ея.

Настоящая пьеса была напечатана сперва въ *Аонидахъ* 1797 г. (ч. II), стр. 301, съ означеніемъ 1794 подъ заглавіемъ ея и съ подписью *Д—нъ*; потомъ въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 101, и наконецъ въ изданіи 1808, ч. III, LXII.

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ изображено явленіе Плѣниры; второй представляетъ алтарь, на которомъ сердце, въ половину покрытое мракомъ, зажигается факеломъ Любви (*Об.* Д.).

Приди въ подобьи тѣни,
Въ мечтѣ иль легкомъ снѣ
И, сѣдши на колѣни,
Прижмися къ сердцу мнѣ;
Движенія исчисли,
Вздыханія измѣрь
И всѣ мои ты мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбины
Моихъ не коситъ дней [а],
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу: ты въ туманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой [б],
Плѣнира на диванѣ
Простерлась надо мной [в], —
И легкимъ осязаньемъ
Устъ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣтерокъ дыханьемъ,
Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь
И шепчешь нѣжно въ слухъ [г]:
«Почто такъ сокрушаешь
Себя, мой милый другъ?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слезъ ни лей;

[а] Хоть волею судьбины
Еще не кончилъ дней (1797).
Хоть безъ тебя судьбины
Серпъ не скосилъ мнѣ дней (Первонач. рукоп.).
[б] Рѣкою притекла.
[в] Прострясь, ко мнѣ легла.
[г] И нѣжно шепчешь въ слухъ (1797).

Миленой половину
Займи души твоей»[2].

[2] Имя *Милены* употреблялось и прежде и послѣ другими авторами. Такъ называется одно изъ лицъ оперы Николева въ 4-хъ дѣйств., *Розана и Любимъ*, сочиненной еще въ 1776 г. (*Россійскій Ѳеатръ*, ч. XXII). Между драматическими сочиненіями Хераскова есть опера въ одномъ дѣйствіи *Милена* (см. *Драматическій Словарь*, М., 1787). — Карамзинъ написалъ въ 1795 г. слѣдующую маленькую пьесу подъ заглавіемъ *Нескромное эхо* (*Соч. Карамзина*, Спб. 1834, т. I, стр. 144), въ первый разъ напечатанную въ III книжкѣ *Аонидъ:*

Мнѣ часто эхо измѣняетъ.
Твержу: *Милены не люблю!*
Но эхо въ рощѣ отвѣчаетъ:
Люблю.

Одно изъ стихотвореній Капниста, *Вздохъ* (*Соч. Капниста*, изд. Смирд., стр. 446), начинается стихами:

Съ *Миленой* позднею порою
Подъ тѣнью скромнаго лѣска *и проч.*

Это имя встрѣчается также въ повѣсти: *Русская повивальная бабка*, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за іюль 1809 г. Въ томъ же году напечатано отдѣльно сочиненіе Марьи Извѣковой: *Милена, или рѣдкій примѣръ великодушія.*

LXXXV. МЕЧТА[1].

Вошедъ въ шалашъ мой торопливо[а], 1.
Я вижу: мальчикъ въ немъ сидитъ[б]
И въ уголку кремнемъ въ огниво[в],
Мнѣ чудилось, звучитъ[г].

[а] Вошедъ въ шалашъ, оставя ниву (Д.).
— *Вошедъ въ шалашъ мой торопливо* * (Л.).
— Вечоръ вошедъ въ шалашъ къ покою (Л.).
[б] Я зрѣла: кто-то въ немъ сидитъ (Д.).
— Взглянула: мальчикъ * въ немъ сидитъ (Л.).
[в] Во тмѣ кремнемъ онъ объ огниво (Д.).
— И о кремень стальной стрѣлою (Л.).
И въ уголку кремнемъ въ огниво * (Л.).
[г] Мнѣ видѣлось, стучитъ (Л.).

[1] Пьеса эта была въ первый разъ напечатана въ *Аонидахъ* 1797 г. (ч. II), стр. 148, съ подписью *Д—нъ*, а потомъ въ *Анакреонтическихъ*

Почеркъ Н.А.Львова (къ стр. 589).

въ перепровѣ [illegible]

вечеръ вышедъ въ шапкахъ не помня
~~[illegible]~~

[illegible]: мальчикъ въ немъ сидѣлъ
съ кремнемъ [illegible]
~~[illegible]~~

[illegible] стучитъ.

[illegible] упадая

по тѣмъ то часто то горѣ:

каждый день въ немъ [illegible]

[illegible] утренней Зорѣ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

не [illegible]

Почеркъ В.В.Капниста (къ стр. 574).

Ласточка.

О домовита сиза птичка!
Любезна ласточка моя!
Весенна гостья и певичка!
опять тебя здѣсь вижу я.
по кровлямъ часто ты щебечешь;
надъ гнѣздышкомъ сидя поешь,
крылами движешь и трепещешь,
и въ горлышкѣ ~~трещоткой~~ бряцушкой бьешь.

Рѣкою искры упадали [д] 2.
Изъ рукъ его, во тмѣ горя [е],
И розы по лицу блистали [ж],
Какъ утрення заря [з].

[д] И искры брызгали сквозь мрака (Д.).
— Рѣкою искры упадали * (Л.).
[е] И сыпались, огнемъ горя (Д.).
— По тмѣ то гасня, то горя (Л.).
[ж] Отъ крылъ колчана и отъ зрака (Д.).
— Надеждой въ немъ красы блистали (Л.).
[з] Румяная заря (Д.).

пѣсняхъ 1804 съ такимъ примѣчаніемъ въ оглавленіи книжки: «На сговоръ автора со второю его женою 1794 г.», съ которою бракъ его совершился 15 января слѣдующаго года (см. выше, стр. 585, примѣч. къ предыдущей пьесѣ). То же самое повторено и въ *Объясненіяхъ* Державина. Въ изданіи 1808 г. см. ч. III, XVII.

Эти стихи, принадлежащіе къ анакреонтическому роду, обозначаютъ направленіе, къ которому нашъ поэтъ началъ болѣе и болѣе склоняться уже съ 1791 г. (см. выше, стр. 420 *Анакреонъ въ Собраніи*, стр. 423 *Прогулка въ Сарскомъ селѣ*, стр. 538 *Амуръ и Псишея* и т. д.). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ развитію этой новой стороны въ его поэзіи много способствовало вліяніе Н. А. Львова (см. выше, стр. 513, примѣчаніе 1), который въ это самое время готовилъ изданіе Анакреона съ русскимъ переводомъ*. Сильное участіе Львова въ дѣятельности Державина по этой отрасли поэзіи видно изъ одной сохранившейся рукописи настоящаго стихотворенія. Это четвертушка листа, на которой оно написано рукою Львова въ двухъ столбцахъ; надъ однимъ означено: *Пѣсня какъ была*, а надъ другимъ: *Въ перепраавкѣ*. Первый представляетъ, слѣдовательно, пьесу въ томъ видѣ, въ какомъ она первоначально вылилась изъ-подъ пера Державина; второй показываетъ намъ поправки, которыя предлагалъ Львовъ и изъ которыхъ нѣкоторыя дѣйствительно приняты другомъ его. То и другое можно видѣть изъ прилагаемыхъ нами варіантовъ;

* Оно появилось подъ заглавіемъ *Анакреонъ*, напечатаннымъ на обоихъ языкахъ. Послѣ предисловія (названнаго *Жизнь Анакреона Тійскаго*) и оглавленія находится въ концѣ еще другое заглавіе: *Стихотвореніе Анакреона Тійскаго. Перевелъ* **** ****. Спб. 1794. Мы увидимъ далѣе, какъ много Державинъ пользовался впослѣдствіи этою книгой при своихъ подражаніяхъ Анакреону.

Одна тутъ искра отдѣлилась[и] 3.
И на мою упала грудь,
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, млѣла[i], 4.
И съ мѣста не могла ступить[к];
Уйти хотѣла, не умѣла[л], —
Не то ль зовутъ *любить*[м]?

Люблю! — кого? — сама не знаю. 5.
Исчезъ меня прельстившій сонъ[н];
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю[о],
Какъ бросилъ искру онъ.

— Какъ утрення заря * (Л.).
[и] Одна вдругъ искра отдѣлилась (Д. и Л.).
[i] Сидѣла бездыханна, млѣла (Д.).
— Стояла * . . . (Л.).
[к] И съ мѣста не могла сойтить (Д.).
— И слова не могла найтить (Л.).
[л] Хотѣла говорить, нѣмѣла (Д.).
— Идтить хотѣла . . . не умѣла (Л.).
[м] Хотѣла я любить (Д.).
— Не то ль зовутъ любить * (Л.).
[н] Исчезла прелесть такъ, какъ сонъ (Л.).
[о] Но знаю лишь, съ тѣхъ поръ страдаю (Д.).
— Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю * (Л.).

курсивомъ мы означаемъ въ нихъ стихи или слова зачеркнутые, звѣздочками тѣ стихи Львова, которые приняты Державинымъ. Раза два зачеркнутый стихъ и принятъ: тогда курсивъ соединяется съ звѣздочкою. Стихотвореніе, въ окончательной своей редакціи, является любопытнымъ результатомъ совокупной дѣятельности двухъ разнородныхъ талантовъ, изъ которыхъ одному исключительно принадлежитъ здѣсь созданіе цѣлаго, а другому отдѣлка многихъ подробностей.

Содержаніе рисунковъ: 1) вѣнокъ изъ маковыхъ цвѣтовъ; 2) три связанныя маковыя головки (рукоп.).

Тоскуетъ сердце! Дай мнѣ руку[п]; 6.
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку[р]:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

[п] Положь, пастухъ, на грудь мнѣ руку (Д.).
— *Взгляни на грудь мою*, дай руку (Л.).
— Трепещетъ сердце, дай мнѣ руку * (Л.).
(Въ такомъ видѣ этотъ стихъ былъ напечатанъ въ *Аонидахъ* 1797 и въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г.).

[р] Будь жалостливъ — прерви мнѣ муку (Д.).
— Виновна ль я *, прерви мнѣ муку (Л.).

Приложеніе къ пьесѣ: «Мечта».

ИЗЪ СТАТЬИ П. А. ПЛЕТНЕВА: РАЗБОРЪ ОДЫ ДЕРЖАВИНА МЕЧТА въ *Соревнователь* 1824 г., ч. XXV, стр. 111.

.... Мы замѣтили, что если бы Анакреонъ не увлекаемъ былъ чувствительностію и воображеніемъ; то онъ сдѣлался бы философомъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ изслѣдовать: какая философическая мысль заключена въ разсматриваемомъ стихотвореніи Державина; потому что онъ не измѣнилъ истиннаго характера Анакреоновыхъ одъ *. Онъ хотѣлъ объяснить, что любовь есть также чувство, которое въ извѣстномъ возрастѣ невольно начинаетъ тревожить сердце человѣка. Сама природа разоблачаетъ тайну, и душа узнаетъ ее.

Но одна философическая мысль не составляетъ поэзіи, потому что поэзія, какъ всякое изящное искусство, должна дѣйствовать болѣе на чувства наши, нежели на умъ. Воображеніе съ своимъ вымысломъ приходитъ на помощь къ нашему поэту. Отвлеченное понятіе любви превращается въ прекраснаго мальчика, который изъ кремня высѣкаетъ искры. Эта картина принадлежитъ собственно Державину. Если бы онъ изобразилъ любовь съ колчаномъ и стрѣлами; то мы нашли бы тутъ одинъ списокъ съ того, что уже нѣсколько разъ изображено было древними и новѣйшими поэтами. Человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, сердце его, преслѣдуемое первымъ чувствомъ любви, является въ видѣ пастушки, входящей въ свой шалашъ. Сія плѣнительная простота вымысла есть первое совершенство анакреонтическаго стихотворенія.

1-я строфа. Мягкость звуковъ, точность выраженій, расположеніе картины и вѣрность описанія такъ совершенны, что самая строгая критика не найдетъ тутъ ни одной ошибки противъ искусства. Живописцу, по прочтеніи этой строфы, остается только взять кисть и положить стихи на полотно.

2-я. Можно подумать, что стихотворецъ готовилъ свое произведеніе именно для живописи. Его дѣйствующія лица, какъ на картинѣ, остаются

---

* Впрочемъ, какъ можно видѣть уже изъ нашего примѣчанія 1, *Мечта* не есть переводъ или заимствованіе изъ Анакреона, а только написана въ духѣ его.

въ неподвижномъ положеніи; между тѣмъ дѣйствіе не останавливается. Онъ помогаетъ художнику, изображая сіяющія искры и цвѣтущее лицо мальчика. Мы находимъ только, что употребленная здѣсь ипербола *рѣкою искры упадали* тяжела въ сравненіи съ другими частями оды. Слово *рѣка* не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое рождается въ воображеніи при сыплющихся изъ кремня искрахъ.

3-я. Стихотворецъ начинаетъ раскрывать свою аллегорію. Величайшее достоинство аллегорическихъ произведеній состоитъ въ томъ, когда они не утомляютъ вниманія, въ чемъ можно упрекнуть многихъ изъ новѣйшихъ писателей, а особенно нѣмецкихъ. Древніе были осторожнѣе въ подобныхъ случаяхъ. Они не облекали своихъ отвлеченныхъ понятій въ непроницаемый покровъ, накидывали на нихъ только прозрачную сѣть. Державинъ чувствовалъ эту истину и поспѣшилъ объяснить свою аллегорію. Каждый, прочитавши стихъ:

Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась,

пойметъ его настоящую мысль. Сколько силы заключается въ этомъ безсоюзіи: *въ сердце, въ душу!* Какое точное выраженіе *заронилась*, заимствованное изъ простонароднаго языка!

4-я. Если бы подобное состояніе души изображалъ не истинный поэтъ, онъ наполнилъ бы эту строфу описаніемъ внутреннихъ чувствованій, томленіемъ, непонятнымъ желаніемъ и тому подобное. Но поэтъ-живописецъ схватываетъ въ своемъ предметѣ только тѣ черты, которыя, такъ сказать, осязательны. Онъ знаетъ, что художникъ долженъ давать отчетъ о внутреннемъ состояніи души посредствомъ наружныхъ дѣйствій. Въ этой строфѣ третій стихъ:

Уйти хотѣла, не умѣла

есть самый музыкальный изъ всей оды; но, по крайней мѣрѣ намъ показалось, онъ не точенъ. Мы думаемъ, что авторъ желалъ сказать: *она хотѣла уйти, и не могла.*

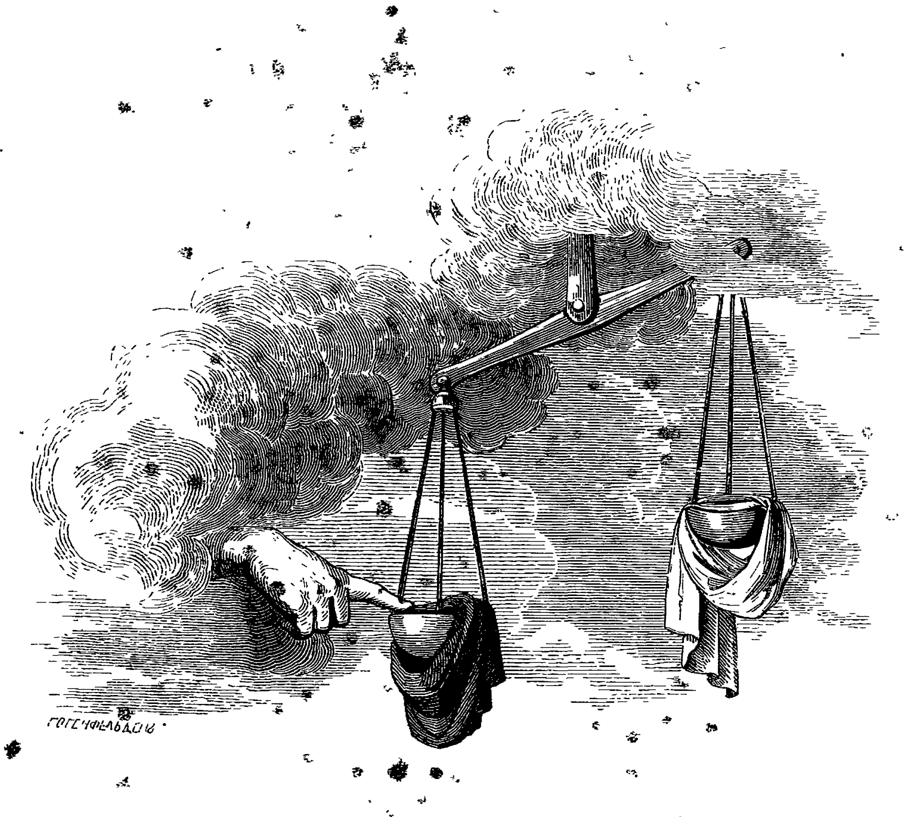
5-я и 6-я. Обѣ сіи строфы можно назвать отголоскомъ истинно лирической души Державина. Немногіе осмѣлились бы прибавить ихъ къ предыдущимъ строфамъ. По крайней мѣрѣ, мы предполагаемъ, что ни одинъ французскій лирикъ, или воспитанникъ французской школы, не рѣшился бы окончить повѣствовательное начало стихотворенія такимъ драматическимъ монологомъ. Критики, руководствующіеся въ сужденіяхъ своихъ о лирической поэзіи одними холодными соображеніями ума и не раздѣляющіе сердцемъ своимъ восторговъ поэта, осуждаютъ тѣ мѣста, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, пресѣкается естественный ходъ мыслей. Такимъ образомъ одинъ изъ французскихъ переводчиковъ * вставлялъ свои

---

* Anthologie russe, par P. J. Emile Dupré de Saint-Maure, pag. 116.

мысли въ одѣ *На смерть Мещерскаго*, лучшемъ произведеніи Державина, чтобы связать его строфы. Но въ сихъ-то смѣлыхъ переходахъ и заключается истинно лирическое достоинство. Послѣднія здѣсь строфы придаютъ необыкновенную живость всей одѣ. Онѣ доказываютъ, что стихотворецъ точно увлеченъ былъ сердцемъ, а не одною счастливою мыслію, когда писалъ свое сочиненіе. Въ первой изъ сихъ строфъ, кажется, неудачно повтореніе: *съ тѣхъ поръ*, а во второй слово: *мечты*. Одно не усиливаетъ мысли, а другое не выражаетъ истиннаго чувства души, пылающей любовію, которое совсѣмъ не походитъ на мечту.

Замѣченные нами недостатки въ выраженіяхъ, впрочемъ слишкомъ маловажные и довольно обыкновенные у Державина, нисколько не отнимаютъ достоинства у сего прелестнаго произведенія. Оно всегда будетъ стоять на ряду съ тѣми неподражаемыми одами, которыя сдѣлали для насъ драгоцѣннымъ имя пѣвца Фелицы. Оно послужитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что важныя Музы не чуждаются веселыхъ Грацій.

LXXXVI. РАДОСТЬ О ПРАВОСУДІИ[1].

Хвала всевышнему Владыкѣ! 1.
Великость Онъ явилъ свою:

[1] Почерпнуто изъ 74 псалма, который сначала и былъ означенъ въ заглавіи стихотворенія; въ одной старой рукописи къ этому прибавлено: Радость царя Давида о правосудіи. Державинъ ничего не говоритъ о поводѣ къ сочиненію этихъ стиховъ; вѣроятно однакожъ, что они вызваны были тѣми непріятностями, которыя онъ испыталъ въ этомъ году, стремясь къ улучшеніямъ по ввѣренному ему таможенному управленію (см. *Записки* его, *Р. Б.*, стр. 362 и слѣд.).

Пьеса напечатана въ изданіи 1808 г., ч. II, IV.

Значеніе рисунковъ: 1) Вѣсы, на чашахъ которыхъ — на одной бѣлое, а на другой черное полотенце; рука изъ облаковъ понижаетъ послѣднюю; 2) арфа царя Давида (*Об.* Д.).

Вельможъ меня поставилъ въ ликѣ[2],
Да чудеса Его пою.

Пришли, пришли тѣ дни святые, 2.
Да правый судъ я покажу,
Колеблемы столпы земные
Закономъ Божьимъ утвержу.

Скажу я грѣшнымъ: Не грѣшите; 3.
Надменнымъ: Не вздымайте рогъ;
Въ безуміи не клевещите,
Несправедливъ что будто Богъ[a].

Отъ запада и отъ востока, 4.
Отъ горъ, пустыней и морей
Нѣтъ человѣка безъ порока,
Безъ слабостей и безъ страстей.

Но Богъ есть судія единый, 5.
Владыка и правитель всѣхъ;
Онъ сихъ возводитъ на вершины,
А понижаетъ долу тѣхъ.

Вина багряна чаша цѣльна, 6.
Изъ коей сладки перлы бьютъ,

[a] Чтобы неправеденъ былъ Богъ (Чернов. рукоп.).

---

[2] Вельможъ меня поставилъ въ ликѣ.

Это относится къ недавнему назначенію Державина въ должности сенатора и президента коммерцъ-коллегіи. См. выше, стр. 563, стихъ 4-го куплета пьесы *Буря*: «Въ сонмъ вельможъ меня поставилъ».

В҃ Его рукѣ всѣмъ растворенна[б];
Но дрожди грѣшники піютъ.

От҃ арфы радость да прольется 7.
Въ хваленіе Тебѣ, мой Богъ!
Неправыхъ выя да согнется,
А правыхъ вознесется рогъ!

[б] Въ Его рукѣ всѣмъ наклоненна;
Но грѣшны дрожди въ ней да пьютъ.

LXXXVII. КЪ ЛИРѢ[1].

Звонкопріятная лира! 1.
Въ древни златые дни міра

[1] Написано ко дню именинъ Платона Александровича Зубова 18 ноября. Изъ *Записокъ* Державина извѣстно, что онъ, по возвращеніи въ Петербургъ послѣ тамбовскаго губернаторства, долго не получая никакой должности, рѣшился искать покровительства Зубова, который незадолго передъ тѣмъ возвысился. Доставивъ ему, для поднесенія Екатеринѣ, *Изображеніе Фелицы* (см. выше стр. 270), Державинъ достигъ знакомства съ нимъ и вскорѣ принятъ былъ въ должность при собственныхъ дѣлахъ государыни.

Зубовъ родился 15 ноября 1767 г. и былъ офицеромъ конной гвардіи, когда, находясь въ караулѣ царскосельскаго дворца въ іюнѣ 1789,

Сладкою силой твоей
Ты и боговъ и царей,
Ты и народы плѣняла.

удостоился представленія императрицѣ. При покровительствѣ Анны Никитишны Нарышкиной (урожденной Румянцовой, супруги оберъ-шенка Александра Александровича) и генералъ-аншефа гр. Николая Ивановича Салтыкова, онъ началъ быстро возвышаться: пожалованъ былъ въ флигель-адъютанты, а вскорѣ затѣмъ сдѣланъ корнетомъ кавалергардскаго корпуса, котораго шефомъ въ чинѣ капитана былъ Потемкинъ *. Въ перепискѣ своей съ послѣднимъ, находившимся тогда въ качествѣ главнокомандующаго на югѣ, Екатерина, отзываясь о Зубовѣ съ большими похвалами, называла его всегда: *Твой корнетъ.* Награды Зубову быстро слѣдовали одна за другою. По свидѣтельству г. Лебедева (*Графы Панины*, Спб., 1863, стр. 28), императрица, между прочимъ писала Потемкину,

* До Зубова корнетомъ этого корпуса былъ гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, между тѣмъ повышенный въ поручики. *Кавалергардскій корпусъ* состоялъ изъ 60-ти человѣкъ, которые всѣ были въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и притомъ почти исключительно рослые, красивые мущины. Мундиръ корпуса отличался особеннымъ великолѣпіемъ: онъ былъ изъ синяго сукна, съ красными обшлагами, почти совсѣмъ покрытъ серебрянымъ и золотымъ галуномъ и шитьемъ. На спинѣ и на груди были звѣзды изъ чистаго серебра съ двуглавымъ русскимъ орломъ. Орломъ украшены также серебряные нарукавники; набедренники изъ того же металла укрѣплены серебряными же цѣпочками. Портупея и темлякъ обложены серебряною чешуей, ножны сабли посеребрены. На сапогахъ серебряныя поножи съ такими же цѣпочками. Надъ шлемомъ развѣвался султанъ яркихъ цвѣтовъ. Весь уборъ кавалергарда обходился въ тысячу рублей или около того. Кавалергарды стояли на караулѣ только внутри дворца передъ комнатами императрицы и въ описанной формѣ являлись только въ торжественные при дворѣ дни (Георги, *Описаніе С. Петербурга:* подлинникъ стр. 142, и переводъ стр. 178). Послѣ смерти Потемкина, въ 1793 г., Зубовъ занялъ мѣсто шефа въ этомъ корпусѣ. Отъ кавалергардовъ получила свое названіе та комната Зимняго дворца, въ которой они стояли на караулѣ: «Обыкновенные, а потому и многолюднѣйшіе пріѣзды во дворецъ были по воскреснымъ днямъ; кто имѣлъ право носить шпагу, тотъ могъ войти въ общую залу *передъ кавалергардами*... На краю общей залы (которая окнами была къ дворцовой площади) была дверь, по сторонамъ которой стояли кавалергарды изъ армейскихъ офицеровъ, въ кирасахъ и въ трехугольныхъ шляпахъ, съ ружьями къ ногѣ. Здѣсь начинался этикетъ входовъ. *За кавалергардовъ* могли входить тѣ только, кто былъ написанъ въ данномъ имъ спискѣ (*Записки Грибовскаго*, стр. 34). Этимъ объясняется выраженіе *за кавалергардовъ*, до сихъ поръ существующее въ языкѣ придворнаго этикета. Вскорѣ послѣ поднесенія Екатеринѣ *Фелицы* и Державинъ представлялся ей въ *Кавалергардской* комнатѣ (см. выше, стр. 163, примѣчаніе 9 къ одѣ *Видѣніе Мурзы*).

Гласъ тихострунный твой, звоны, 2.
Сердце прельщающи тоны.

что новый ея любимецъ отличался *вѣрностью, скромностью, привязанностью и благодарностію до крайности* и что онъ *читалъ письма Потемкина съ пламенѣющими отъ удовольствій щеками и съ глазами полными слезъ.* Екатерина 12 августа 1789 г. писала Потемкину: «Вложенное твое письмо отвѣтное я немедленно вручила кому надлежало, и оно принято было огненными и радостью наполненными глазами, а какъ сердце и умъ весь составленъ изъ чувствъ, то и благодарность и искренность за долгъ почитается, самъ оной изъяснить не оставитъ». Въ другихъ письмахъ она говорила напримѣръ: «Большой (*братъ, т. е. Платонъ*) очень не глупъ» или: «Il est d'une humeur égale et très-aimable, а сердце предоброе и благородное;» или (окт. 10): «Сіе письмо отдастъ тебѣ Николай Александровичъ (*старшій братъ, служившій въ арміи у Потемкина*), который обратно къ тебѣ ѣдетъ и весьма хвалится твоей къ нему лаской, за что братъ его премного тебя благодаритъ. Они всѣ люди добросердечные, mais la perle de la famille selon moi, c'est Platon lui-même qui est d'un caractère vraiment aimable, et ce caractère ne se dément dans aucune occasion» (П. Лебедева *Матеріалы*). Но впослѣдствіи, особливо же послѣ смерти Потемкина, онъ сдѣлался въ высшей степени гордъ и недоступенъ, о чемъ упоминаетъ и Державинъ (см. выше, стр. 498, примѣчаніе 16 къ одѣ *На умѣренность*). Въ 1793 г. Зубовъ вмѣстѣ съ своими братьями Николаемъ, Валеріаномъ и Дмитріемъ, былъ возведенъ въ графство римской имперіи; незадолго же до кончины Екатерины онъ получилъ и достоинство имперскаго князя. Зубовъ умеръ 7 апрѣля 1822 г. По разсказамъ современниковъ, онъ былъ ростомъ невысокъ, но плечистъ, крѣпокъ и ловокъ; высокій лобъ предвѣщалъ умъ, а прекрасные глаза придавали особенный блескъ всей его физіономіи. Воспитаніе получилъ онъ поверхностное, но по возвышеніи своемъ старался дополнить его чтеніемъ и дѣйствительно пріобрѣлъ довольно разностороннія познанія. Сверхъ того онъ страстно занимался музыкою и очень хорошо игралъ на скрипкѣ. Успѣхамъ его много способствовалъ тихій и уединенный, по возможности, образъ жизни, который онъ велъ при дворѣ. Слѣдуя совѣтамъ бывшаго своего покровителя, Салтыкова, онъ избѣгалъ всякой тѣни интригъ, во всемъ подчинялся безусловно волѣ императрицы, льстилъ ея слабостямъ и показывалъ величайшую преданность Потемкину до тѣхъ поръ, пока не достигъ такой силы, что могъ противодѣйствовать ему. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины онъ принималъ большое участіе во всѣхъ дѣлахъ; главное несогласіе его съ Потемкинымъ относилось къ Турціи, съ которою онъ хотѣлъ

Съ дебрей, вертеповъ, степей
Птицъ созывали, звѣрей,
Холмы и дубы склоняли.

мира. Его вліянію, въ значительной степени, приписываютъ второй раздѣлъ Польши и присоединеніе Курляндіи, а также и неудавшійся планъ бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ (Russische Günstlinge; *Словарь достоп. людей*, М. 1836 и Спб. 1847).

Изъ оды *На умѣренность* и примѣчаній къ ней (см. особенно примѣчаніе 17), видно, что Державинъ въ первое время знакомства своего съ Зубовымъ былъ недоволенъ имъ. Однакожъ, какъ собственныя его слова (*Записки* его, *Р. Б.*, стр. 312), такъ и другія свидѣтельства показываютъ, что онъ очень часто посѣщалъ Зубова, по временамъ даже ежедневно. Когда бывшій секретарь Державина въ Петрозаводскѣ, Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, по смерти Потемкина, при которомъ послѣ служилъ, въ началѣ 1792 г. пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Яссъ, то онъ явился къ Зубову съ письмомъ отъ генерала Безбородко (брата Александра Андреевича) и допущенъ былъ въ спальню любимца. «П. А. сидѣлъ тогда въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что̀ было всегдашнею его привычкою. Онъ, прочитавъ письмо, сдѣлалъ мнѣ небольшое наклоненіе головою, что̀, кажется, значило и привѣтствіе и отпускъ; но я, увидѣвъ стоявшаго предъ нимъ Г. Р. Державина, съ которымъ я имѣлъ до того частую переписку, подошелъ къ нему и, поцѣловавшись съ нимъ, немедленно вышелъ» (*Зап. Гриб.*, стр. 57). Въ своемъ мѣстѣ было уже разсказано (см. выше стр. 335), что Державинъ былъ у Зубова и въ то время, когда братъ послѣдняго, Валеріанъ Александровичъ, пріѣхалъ съ извѣстіемъ о взятіи Измаила.

Въ 1794 году Державинъ, будучи уже сенаторомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи (см. выше, стр. 558, примѣчаніе 1 къ одѣ *Меркурію*) не имѣлъ причины питать неудовольствіе къ Зубову. Поводъ, по которому были написаны стихи *Къ лирѣ*, доказываетъ, что онъ тогда былъ близокъ къ дому молодаго счастливца и по прежнему дорожилъ его благосклонностью.

Въ первый разъ они были напечатаны въ изданіи 1798 г., стр. 361, съ припискою въ заглавіи: *Ноября 18 дня*, а потомъ въ изданіи 1808 г., ч. I, XXXVII, безъ этой приписки.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ (Олен.): «1) Въ образѣ Орфея представленъ графъ П. А. Зубовъ, котораго достоинства и кроткіе нравы плѣняютъ сердца; 2) изображенъ россійскій Амфіонъ, играющій на лирѣ;

Нынѣ желѣзные ль вѣки? 3.
Тверже ль кремней человѣки?
Сами не знаясь съ тобой,
Свѣтъ не плѣняютъ игрой,
Чужды красотъ доброгласья.

Доблестью чужды плѣняться, 4.
Къ злату, къ сребру лишь стремятся,
Помнятъ себя лишь однихъ.
Слезы не трогаютъ ихъ,
Вопли сердецъ не доходятъ;

Души всѣ льда холоднѣе. 5.
Въ комъ же я вижу Орфея?
Кто Аристонъ сей младой[2],
Нѣженъ лицомъ и душой,
Нравовъ благихъ преисполненъ?

по сладкогласному звону ея городъ возвышается, — отношеніе къ созидавшейся тогда *вознесенской губерніи**» (*Об. Д.*).

[2] Кто Аристонъ сей младой.

«Онъ былъ чрезвычайно скромнаго нрава и велъ себя, казалось, по-философически: то и сравненъ здѣсь потому съ Аристономъ или съ Аристотелемъ, а съ Орфеемъ — по склонности къ музыкѣ» (*Об. Д.*).

Въ древней исторической литературѣ упоминаются разные Аристоны, но ни одинъ не пріобрѣлъ особенной знаменитости. Державинъ, очевидно, соединяетъ съ этимъ именемъ понятіе гражданской добродѣтели.

* «Послѣ кн. Потемкина бывшія въ главномъ его управленіи губерніи екатеринославская и таврическая поручены были въ управленіе князю Зубову. По поданному отъ него въ 1794 г. докладу, даннымъ сенату указомъ отъ 27 января 1795 повелѣно ему составить новую вознесенскую губернію (которой онъ назначенъ былъ и генералъ-губернаторомъ), по общимъ о губерніяхъ учрежденіямъ, изъ части брацлавской губерніи, земли, отъ Порты пріобрѣтенной, и изъ трехъ уѣздовъ екатеринославскаго намѣстничества: херсонскаго, елисаветградскаго и новомиргородскаго, раздѣливъ оную на 12 уѣздовъ и устроивъ губернскій городъ подъ именемъ *Вознесенска* вдоль рѣки Буга, въ окрестностяхъ мѣстечка Соколова, гдѣ устроенъ черезъ Бугъ мостъ» (*Зап. Грибовскаго*, стр. 105).

Кто сей любитель согласья? 6.
Скрытый зиждитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злыхъ?
Дней гражданинъ золотыхъ,
Истый любимецъ Астреи[3]!

[3] Истый любимецъ Астреи!
«Астрея, по баснословію, богиня золотаго вѣка или справедливости; разумѣется подъ симъ императрица Екатерина II» (*Об. Д.*).

LXXXVIII. КЪ КРАСАВЦУ[1].

Фортуна, властною рукою
Бросая жребіи людей,

[1] Къ графу Валеріану Александровичу Зубову, брату фаворита (см. предыдущую пьесу). Валеріанъ родился 1771 (слѣдовательно былъ почти 30-ю годами моложе Державина), а умеръ 1804, на 35-мъ году отъ рожденія. Подобно своему брату, онъ началъ службу въ конной гвардіи. Послѣ внезапнаго возвышенія перваго императрица стала отличать и Валеріана, котораго въ письмахъ къ Потемкину называла *милымъ ребенкомъ, рѣзвушей** и т. п. Вскорѣ Екатерина отправила его къ Потемкину, при слѣдующемъ письмѣ 22 сентября: «Вручитель сего, подполковникъ В. А. Зу-

* ... «Есть у него (*у Платона*) меньшой братъ, который здѣсь на караулѣ теперь намѣсто его, сущій ребенокъ, мальчикъ писанный, онъ въ конной гвардіи поручикомъ, помоги намъ со временемъ его вывести въ люди». «C'est un enfant fort aimable»... «un enfant intéressant». «Дитя нашей 19 лѣтъ отъ роду, и то да будетъ вамъ извѣстно. Mais j'aime beaucoup cet enfant et il m'est fort attaché, pleurant comme un enfant, если его ко мнѣ не пустятъ». (П. Лебедева *Матеріалы*).

Души и тѣла красотою
И прелестьми тебя честей

бовъ, желая служить въ арміи, проситъ быть отправленъ къ тебѣ; въ молодыхъ его лѣтахъ я должна ему отдать справедливость, что, сколько я примѣтить могла, онъ въ самыхъ добрыхъ расположеніяхъ и полонъ усердіемъ выполнить всего ему порученное. Онъ отнюдь не желалъ здѣсь жить празденъ и спѣшитъ теперь къ тебѣ застать осеннія важныя дѣйствія. Я совершенно увѣрена, что ты сего молодаго человѣка будешь жаловать; il me paraît à moi que c'est un enfant vraiment intéressant; братъ же его чрезвычайно любитъ и всю свою надежду на тебя кладетъ, что его не оставишь, въ чемъ, надѣюсь, и не обманется». — «Моего корнета», отвѣчалъ Потемкинъ, «я паче и паче люблю за его вамъ угодность; о братѣ его я все приложу попеченіе сдѣлать его годнымъ въ военномъ званіи, въ которомъ проведу чрезъ всѣ наши мытарства; не упущу ничего къ его добру, а баловать не буду». 29 декабря 1790, въ воскресенье, Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Во время доклада моего пріѣхалъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ съ донесеніемъ о взятіи штурмомъ Измаила» (см. выше, стр. 335). Къ извѣстію о его пріѣздѣ Екатерина прибавляла въ письмѣ Потемкину: «По аттестатамъ твоимъ, я присланному отъ тебя Валеріану Александровичу Зубову дала крестъ георгіевскій 4-го класса. Его предостойный братъ чрезвычайно обрадованъ, что ты брату его подалъ случай оказать его усердіе». Послѣ того В. Зубовъ сталъ входить еще болѣе въ милость и получилъ въ короткое время нѣсколько наградъ. Въ 1794 г., уже генералъ-маіоръ и графъ римской имперіи, онъ отправился въ Польшу для участія, подъ начальствомъ Суворова, въ усмиреніи мятежа. Тамъ, въ этомъ самомъ году, у него ядромъ оторвало ногу. Узнавъ о томъ чрезъ нарочнаго, Екатерина звала В. Зубова въ Петербургъ. Она послала ему покойную англійскую карету и 10,000 червонцевъ для этого переѣзда, а вслѣдъ затѣмъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики, пожалованъ еще двумя орденами, осыпанъ деньгами и сверхъ того получилъ въ подарокъ домъ въ Большой Милліонной. О назначеніи его въ Персію см. оду *На покореніе Дербента*, подъ 1796 г.

Валеріанъ Зубовъ былъ, по словамъ Державина, «какъ лицомъ, такъ и нравами человѣкъ прекрасный» (см. примѣчанія къ одѣ, сейчасъ названной) *. По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго (*Словарь достоп. людей*,

* Въ стихахъ *Волховъ Кубрь*, писанныхъ вскорѣ послѣ смерти В. А. Зубова (см. подъ 1804 г.) Державинъ, говоря о немъ, выражается такимъ же образомъ:

«Прекрасный человѣкъ, любезный».

И сердцемъ добрымъ наградила
Въ любви и въ брани для побѣдъ;
Но тутъ же въ младости судила
Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ[2].

М. 1836, т. I), онъ превосходилъ красотою своего брата Платона. Гельбигъ въ Russische Günstlinge говоритъ: «При небольшомъ ростѣ онъ былъ однакожъ прекрасный мущина. Особенно поражалъ онъ живостью своихъ глазъ и пріятностью взгляда. Потерявъ ногу, онъ очень потолстѣлъ». Въ отношеніи къ внутреннему достоинству Зубова, Гельбигъ совершенно расходится съ Державинымъ и говоритъ: «Онъ ничему не учился, былъ ограниченъ, легкомысленъ, развратенъ, расточителенъ, непримиримъ во враждѣ и жестокъ». Который изъ двухъ отзывовъ справедливѣе — рѣшитъ исторія.

Стихи *Къ Красавцу* были написаны вскорѣ послѣ возвращенія В. Зубова изъ Польши.

Въ старыхъ рукописяхъ, какъ и въ изданіи 1798 г., гдѣ эта пьеса въ первый разъ была напечатана, она носитъ заглавіе: *Храбрости и красотѣ*, съ означеніемъ года. Въ изд. 1808, см. ч. I, xxxvIII.

Къ заглавію приложенъ сдѣланный Оленинымъ портретъ графа В. А. Зубова.

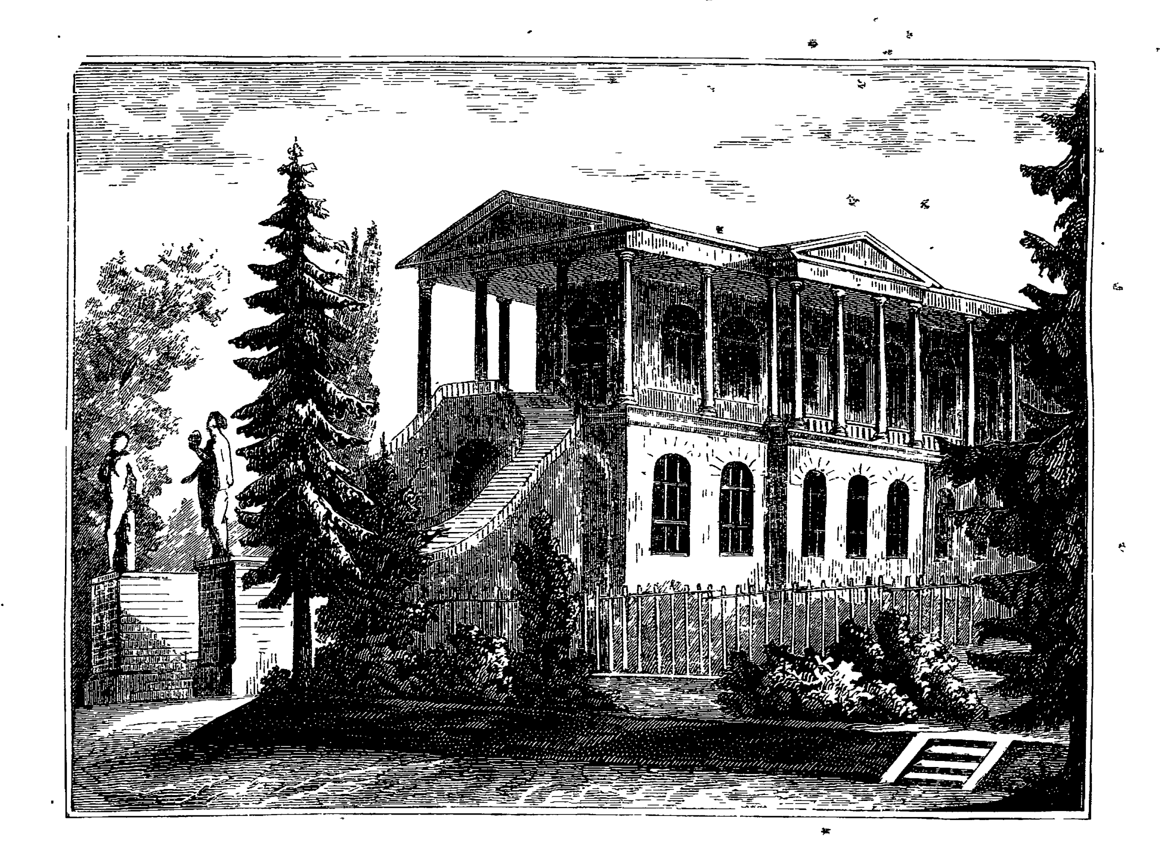
[2] Но тутъ же въ младости судила
Въ войнѣ тебѣ уже ужасный вредъ.

Въ позднѣйшихъ Смирдинскихъ изданіяхъ ошибочно печаталось *сулила* вмѣсто *судила*. О несчастіи, постигнувшемъ Зубова въ польскую войну, Л. Энгельгардтъ такъ разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ* (стр. 135): «Мы уже настигали арьергардъ Гедройча при переправѣ его чрезъ Бугъ, близъ деревни Поповки, какъ Черноморцы донесли, что Поляки, переправившись, ломаютъ мостъ, а по той сторонѣ въ лѣсу засѣли ихъ егеря съ пушкою и не допускаютъ Черноморцевъ тому воспрепятствовать. Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ съ софійскимъ карабинернымъ полкомъ и всѣми при немъ бывшими волонтерами; полковникъ Рарокъ, посадивъ своего полка гренадеръ на лошадей изъ фронтоваго обоза, прискакалъ къ графу. Подъѣхавъ къ берегу, чтобъ узнать, въ которомъ мѣстѣ былъ тотъ мостъ, Рарокъ сказалъ: «Господа, разъѣзжайтесь: непріятель, увидя генерала, окруженнаго столь многочисленною свитой, будетъ по немъ стрѣлять». Мы только что отъ него отъѣхали и я былъ отъ графа шагахъ въ десяти, какъ вдругъ роковое ядро, фунта въ полтора, оторвало у графа лѣвую ногу, а у Рарока правую, и то былъ отъ нихъ послѣдній выстрѣлъ. Графа отнесли въ лощину; со всѣхъ сторонъ

Увы! добра и зла смѣшенье
Нераздѣлимо въ жизни сей.
Коль часто скорби и терпѣнье
Есть участь самыхъ и царей [а]!
Что жъ въ свѣтѣ есть славнѣй сей доли,
Какъ кровь по должности пролить?
Теперь и зависть противъ воли [б]
Должна въ тебѣ героя чтить.

[а] Есть самыхъ участь и царей!
И такъ что въ свѣтѣ есть славнѣя (1798).
— Утѣшься: что сего славнѣя (Рукоп. 1790-хъ гг.).
[б] Теперь и зависть, онѣмѣя (1798).

собрались медики и занялись отнятіемъ его ноги, а Рарокъ оставался безъ малѣйшей помощи. Я велѣлъ его полка гренадерамъ положить его на плащъ и отнесъ его въ Поповку, въ господскій домъ, тутъ находившійся, куда послѣ операціи и графа перенесли. Такъ какъ не скоро сдѣлана операція была, и много вытекло крови, то Рарокъ на другой день и умеръ».

LXXXIX. МОЙ ИСТУКАНЪ[1].

Готовъ кумиръ, желанный мною! 1
Рашетъ его изобразилъ:

[1] Есть три бюста (*истукана*) Державина: первый представляетъ его съ непокрытой головой, второй — въ мѣховой шапкѣ и шубѣ, по портрету Тончи, писанному въ 1801 году, а третій — въ колпакѣ и халатѣ, по портрету Боровиковскаго, писанному въ послѣднее время жизни Державина (о послѣднемъ см. *Сынъ Отечества*, ч. 79, № XXVII).

Онъ хитрою своей рукою
Меня и въ камнѣ оживилъ.
Готовъ кумиръ! — и будетъ чтиться
Искусство Праксителя въ немъ.
Но мнѣ какою честью льститься
Въ безсмертномъ истуканѣ семъ?
Безъ славныхъ дѣлъ, гремящихъ въ мірѣ,
Ничто и царь въ своемъ кумирѣ.

Ничто! и не живетъ тотъ смертный, 2.
О комъ ни малой нѣтъ молвы,
Ни зломъ, ни благомъ не примѣтный,
Во гробѣ погребенъ живый.
Но ты, о звѣрскихъ душъ забава,
Убійство! я не льщусь тобой:
Батыевъ и Маратовъ слава
Во ужасъ духъ приводитъ мой;

Настоящее стихотвореніе относится къ первому изъ этихъ бюстовъ, сдѣланному изъ мрамора въ 1794 году извѣстнымъ скульпторомъ Рашетомъ (см. выше, стр. 98, примѣчаніе 2 къ пьесѣ *На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію*). Рашетъ, родомъ изъ Франціи, профессоръ с-петербургской академіи художествъ и почетный профессоръ академіи берлинской, служилъ также модельнымъ мастеромъ при императорской фарфоровой фабрикѣ. Его же работы, между прочимъ, бюстъ знаменитаго математика Эйлера, находящійся въ академіи наукъ (Георги, стр. 339, и *Москов. вѣдом.* 1785, № 8). Подлинный бюстъ Державина находится нынѣ въ библіотекѣ казанскаго университета, которому онъ подаренъ двоюродной внучкой Державина, крестницей его, Марьей Ѳедоровной Растовской, урожденной Львовой (*Журн. мин. нар. просв.* 1851, ч. LXXII, отд. III, стр. 7).

Пьеса *Мой истуканъ* была напечатана въ изданіяхъ: 1798, стр. 266, и 1808, ч. I, L.

Значеніе рисунковъ: 1) Камеронова галлерея царскосельскаго дворца; 2) фениксъ вылетаетъ изъ урны (къ стиху 9-му строфы 23-й: «Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся»).

Не лучше ли мнѣ быть забвенну,
Чѣмъ узами сковать вселенну?

Злодѣйства малаго мнѣ мало, 3.
Большаго дѣлать не хочу;
Мнѣ скиптра небо не вручало,
И я на небо не ропчу[2].
Готовъ я управляться властью;
А если ею и стѣснюсь
Чрезъ зло: моей я низкой частью
Съ престоломъ свѣта не смѣнюсь.
Та мысль[a] всѣхъ казней мнѣ страшнѣе:
Представить въ вѣчности злодѣя!

Злодѣй, который самолюбью[3] 4.
И тайной гордости своей
Всѣмъ жертвуетъ, — его орудью
Преграды нѣтъ, алчбѣ — цѣпей:
Внутрь совѣстью своей размученъ,
Внѣ съ радостью губитъ другихъ;

[a] Ты, мысль! (1798).

---

[2] И я на небо не ропчу.

Ср. выше, стр. 369, стихъ: «По мрачнымъ горнымъ, дебрямъ ропчетъ» и примѣчаніе 6-е.

[3] Злодѣй, который самолюбью *и проч.*

Эта и слѣдующая строфа приведены цѣликомъ въ брошюрѣ Г.: *Предувѣдомленіе къ тайной исторіи новаго французскаго двора*, переведенной съ французскаго и напечатанной въ Петербургѣ въ 1807 г. Потомъ это *Предувѣдомленіе* было перепечатано въ *Сынѣ отечества* 1813 г., № LII (ч. 10). Стихами Державина воспользовался авторъ для характеристики Наполеона въ противоположность Александру I, при чемъ онъ замѣтилъ: «Вотъ что сказалъ почти пророчески объ одномъ изъ такихъ злобныхъ самовластителей громкій нашъ лирикъ».

Пусть дерзостью, удачей звученъ,
Но не великъ въ глазахъ моихъ.
Хотя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
Быть не хочу ему подобнымъ.

Легко зломъ міръ гремѣть заставить, 5.
До Герострата только шагъ;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя въ сердцахъ:
Вѣкъ должно добрымъ быть намъ тщиться[6],
И плодъ намъ время дастъ одно;
На зло лишь только бы рѣшиться,
И вмигъ содѣлано оно.
Рѣдка на свѣтѣ добродѣтель,
И рѣдокъ благъ прямыхъ содѣтель.

Онъ рѣдокъ! — Но какая разность 6.
Межъ славой доброй и худой?
Чтобъ имя пріобрѣсть намъ, знатность,
И той гремѣть или другой,
Не все ль равно, когда лишь будетъ
Потомство наши знать дѣла
И злыхъ и добрыхъ не забудетъ?
Ахъ, нѣтъ! — природа въ насъ влила
Съ душой и отвращенье къ злобѣ,
Любовь къ добру — и сущимъ въ гробѣ.

Мнѣ добрая пріятна слава; 7.
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;

[6] Чтобъ добрымъ быть, ввѣкъ должно тщиться.

Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной;

По ней, котора составляетъ 8.
Вождей любезныхъ и царей[в];
По ней, котора извлекаетъ
Сладчайши слезы изъ очей.
Эпаминондъ ли защититель,
Или благотворитель Титъ,
Сократъ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристидъ:
Мнѣ всѣ ихъ имена почтенны
И истуканы ихъ священны.

Священъ мнѣ паче зракъ героевъ, 9.
Моихъ любезныхъ согражданъ,
Предъ трономъ, на судѣ, средь боевъ
Душой великихъ Россіянъ;
Священъ! — Но если здѣсь я чести
Современныхъ не возвѣщу,
Боясь подозрѣнья въ лести:
То васъ ли, васъ ли умолчу,
О праотцы, дѣлами славны,
Которыхъ вижу истуканы?

А если древности покровомъ 10.
Кто предо мной изъ васъ и скрытъ,

[в] Любезныхъ вождей и царей.

Въ вѣнцѣ оливномъ и лавровомъ
Великій Петръ, какъ живъ, стоитъ;
Монархи мудры, милосерды,
За нимъ отецъ его и дѣдъ;
Отечества подпоры тверды,
Пожарскій, Мининъ, Филаретъ
И ты, другъ правды, Долгоруковъ,
Достойны вѣчной славы звуковъ.

Достойны вы! — Но мнѣ ли права 11.
Желать — быть съ вами наряду?
Что обо мнѣ разскажетъ слава,
Коль я безвѣстну жизнь веду?
Не спасъ отъ гибели я царства,
Царей на тронъ не возводилъ,
Не стеръ терпѣніемъ коварства,
Богатствъ моихъ не приносилъ
На жертву, въ подкрѣпленье трона,
И защитить не могъ закона.

Увы! — Почто жъ сему болвану 12.
На свѣтѣ мѣсто занимать?
Дурную, лысу обезьяну
На смѣхъ ли дѣтямъ представлять,
Чтобъ видѣли меня потомки
Подъ паутиною въ пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли? —
Нѣтъ! лучше быть отъ всѣхъ забвеннымъ,
Чѣмъ брошеннымъ и ввѣкъ презрѣннымъ.

Разбей же, мой второй создатель, 13.
Разбей мой истуканъ, Рашетъ!

Румянцова лица ваятель[4]
Себѣ мной чести не найдетъ:
Разбей.... или постой немного!
Поищемъ, нѣтъ ли дѣлъ какихъ,
По коимъ бы, хотя не строго
Судя о качествахъ моихъ,
Ты могъ отвѣтствовать вселенной
За трудъ, надъ мною понесенной.

Поищемъ!... Нѣтъ. Мои бездѣлки 14.
Безумно столько уважать;
Дѣла обыкновенны — мелки,
Чтобъ насъ заставить обожать;
Хотя бъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы[5],
Законъ и правду сохранилъ,

[4] Румянцова лица ваятель.

Статуя фельдмаршала Румянцова во весь ростъ, сдѣланная по заказу графа П. В. Завадовскаго, стояла у него въ домѣ (*Об.* Д.). Завадовскій былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ Румянцову, у котораго служилъ въ канцеляріи во время первой турецкой войны и который, послѣ заключенія мира, указалъ на него императрицѣ, какъ на весьма способнаго человѣка (см. выше, стр. 257, примѣч. 26 къ одѣ *На Счастіе*). Эта статуя была произведеніе Рашета (Георги-Безакъ, *Описаніе С. Петербурга*, стр. 573). И. И. Дмитріевъ написалъ «Стихи къ бронзовой статуѣ графа Румянцова, воздвигнутой графомъ Завадовскимъ на его дачѣ» (*И мои бездѣлки*, стр. 7).

[5] Хотя бъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы *и проч.*

Во время Пугачевскаго бунта, Державинъ, будучи поручикомъ преображенскаго полка, находился въ командировкѣ около Саратова и въ августѣ мѣсяцѣ успѣлъ отбить болѣе 800 колонистовъ и Русскихъ, уведенныхъ въ плѣнъ Киргизами. Потомъ, занимая мѣсто въ сенатѣ и участвуя въ отправленіи должности генералъ-прокурора, онъ отстаивалъ законъ и правду, отиралъ слезы сиротъ и вдовъ и оправдалъ генерала Якобія, котораго дѣло сенатъ разсматривалъ нѣсколько лѣтъ, утѣсняя подсудимаго; наконецъ, при торжествѣ послѣдняго мира съ Турціею, Державинъ, будучи секретаремъ императрицы, читалъ у трона объявле-

Отеръ сиротски, вдовьи слезы,
Невинныхъ оправдатель былъ,
Органъ монаршихъ благъ и мира, —
Не стоилъ бы и тутъ кумира.

Не стоилъ бы: всѣ знаки чести, 15.
Дозволенны самимъ себѣ,
Плоды тщеславія и лести,
Монархъ, постыдны и тебѣ.
Желаетъ хвалъ, благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья. —
По смерти слава хороша;
Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ,
Герои въ вѣчности сіяютъ.

Но если дѣлъ и не имѣю, 16.
За что бъ кумиръ мнѣ посвятить:
Въ достоинство вмѣнить я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтить,
Что могъ изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти;
Что пѣлъ я Россовъ ту царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни днесь, ни впредь въ пространствѣ міра:
Хвались, моя, хвались тѣмъ, лира!

Хвались! — и образъ мой скудельной 17.
Въ храмъ славы возноси съ собой:

ніе объ окончаніи войны и о наградахъ отличившимся въ продолженіи ея: такимъ образомъ онъ былъ «органъ монаршихъ благъ и мира» (*Об. Д.* и *Записки* его).

Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль, тихой нѣкогда слезой
Ты взоръ кропя Екатерины[6],
Могла пріятною ей быть;
Взносись и достигай вершины,
Чтобы на ней меня вмѣстить,
Завистниковъ моихъ къ досадѣ,
Въ ея прекрасной Колоннадѣ[7]!

На твердомъ мраморномъ помостѣ, 18.
На мшистыхъ сводахъ межъ столповъ,
Въ мѣди, въ величественномъ ростѣ,
Подъ сѣнью райскихъ вкругъ деревъ[8]

[6] Ты, взоръ кропя Екатерины...

Государыня, прочитавъ въ первый разъ *Фелицу*, такъ была тронута изображеніемъ своихъ свойствъ, что со слезами на глазахъ спросила у княгини Дашковой, кто писалъ эту оду, и, видя ея смущеніе, сказала: «Не опасайтесь: я только васъ о томъ спрашиваю, кто бы такъ коротко могъ знать меня и умѣлъ такъ пріятно меня описать, что видишь, я какъ дура плачу» (*Об.* Д.).

[7] Въ ея прекрасной Колоннадѣ.

Подъ именемъ *Колоннады* извѣстна часть царскосельскаго стараго дворца, иначе называемая Камероновою галлереей по имени строителя ея, придворнаго архитектора Камерона, пріѣхавшаго въ Россію изъ Англіи. Колоннада построена въ 1783 г. и состоитъ изъ жилыхъ покоевъ и галлереи, вдоль которой стоятъ бронзовые бюсты, сдѣланные по образцу антиковъ въ петербургской академіи художествъ. На галлерею, находящуюся вверху надъ покоями, ведетъ изъ сада большое каменное крыльцо, по сторонамъ котораго возвышаются статуи Геркулеса и Флоры. «Въ Царскомъ Селѣ», говоритъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*, «была Колоннада, уставленная полкумирами, или бюстами славныхъ мужей, между коими былъ и Ломоносовъ: то и авторъ со временемъ думалъ имѣть на то право».

[8] Подъ сѣнью райскихъ вкругъ деревъ.

Колоннаду осѣняли великолѣпныя райны, или родъ большихъ тополей (*Об.* Д.). Райна — душистый тополь.

Поставь со славными мужами!
Я стану съ важностью стоять;
Какъ отъ зарей, всякъ день лучами
Отъ свѣтлыхъ царскихъ лицъ блистать[9],
Недвижимъ вихрями, ни громомъ
Подъ ихъ божественнымъ покровомъ.

Прострется облакъ благовонный, 19.
Коврами вкругъ меня цвѣты....
Постой, піитъ, восторга полный!
Высоко залетѣлъ ужъ ты:
Въ пыли валялись и Омиры;
Потомство — грозный судія:
Оно разсматриваетъ лиры;
Услышитъ гласъ и твоея
И пальмы взвѣситъ и перуны,
Кому твои гремѣли струны.

Увы! легко случиться можетъ, 20.
Поставятъ и тебя льстецомъ[10]:

[9] Отъ свѣтлыхъ царскихъ лицъ блистать.

На Колоннадѣ Екатерина II часто прогуливалась, и по вечерамъ присутствовала на небольшихъ придворныхъ балахъ, которые тамъ устраивались (*Об.* Д.).

[10] Поставятъ и тебя льстецомъ.

Въ этой и предыдущей строфахъ поэтъ какъ будто предугадалъ нареканія, которымъ онъ подвергся въ наше время по случаю выхода въ свѣтъ его *Записокъ*, напечатанныхъ 1859 года въ *Русской Бесѣдѣ* и вызвавшихъ со стороны большей части журналовъ рѣзкія нападенія на нравственный характеръ писателя. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этихъ обвиненій и изслѣдовать причины ихъ. По нашему мнѣнію, степень ихъ справедливости можетъ быть опредѣлена только тогда, когда жизнь и произведенія поэта будутъ изучены на основаніи строгой исторической критики, безъ всякихъ предубѣжденій и стороннихъ

Кого днесь тайно злоба гложетъ,
Тотъ будетъ завтра въявь врагомъ [11].
Трясутъ и троны люди злые:
То, можетъ быть, и твой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ,
Стуча съ крыльца, ступень съ ступени [г],
И скатится въ древесны тѣни.

Почто жъ позора ждать такого? [12] 21.
Разбей, Рашетъ, мои черты!
Разбей!... Нѣтъ, нѣтъ! еще полслова
Позволь сказать себѣ мнѣ ты.
Пусть тотъ, кто съ большимъ дарованьемъ
Могъ добродѣтель прославлять,
Съ усерднѣйшимъ, чѣмъ я стараньемъ
Желать добра и исполнять,
Пусть тотъ не медля и рѣшится, —
И мой кумиръ имъ сокрушится.

[г] Степень съ степени.

видовъ, ради одной истины. Настоящее изданіе трудовъ Державина и предпринято съ цѣлію доставить средства для такой безпристрастной оцѣнки.

[11] Тотъ будетъ завтра въявь врагомъ.

«Какъ въ то время потрясала французская революція троны, и наслѣдника имперіи Павла примѣчалось неблагорасположеніе къ императрицѣ, матери его: то всѣ сіи обстоятельства и подали мысль автору къ сему выраженію, которое и исполнилось, ибо императоръ Павелъ, взошедши на престолъ, всѣ въ Колоннадѣ находившіеся бюсты приказалъ снять» (*Об.* Д.).

[12] Почто жъ позора ждать такого?

Въ изданіи 1808 г., гдѣ вообще видна заботливость объ охраненіи риѳмы не только для слуха, но и для глаза, напечатано: *такова.*

Я радъ отечества блаженству; 22.
Дай больше небо таковыхъ[д],
Россійской силы къ совершенству,
Сыновъ ей вѣрныхъ и прямыхъ!
Опредѣленія судьбины
Тогда исполнятся во всемъ:
Доступимъ міра мы средины[13],
Съ Гангеса злато соберемъ,
Гордыню усмиримъ Китая,
Какъ кедръ нашъ корень утверждая.

Тогда, каменосѣчецъ хитрый! 23.
Кумиры твоего рѣзца
Живой струей испустятъ искры
И въ внучатахъ возжгутъ сердца.
Смотря на образъ Мараѳона[14],

[д] Дай небо больше...

---

[13] Доступимъ міра мы средины *и проч.*

Подъ *срединой міра* разумѣется Константинополь. Ср. въ одѣ *На взятіе Измаила*, стихъ: «Вселенной на среду ступаешь» (стр. 354) и въ *Водопадѣ:* «Потрясъ среду земли громами» (стр. 475). Въ *Объясненіяхъ* своихъ поэтъ говоритъ: «Императрица одинъ разъ высказала въ своемъ восторгѣ, что она не умретъ прежде, покуда не выгонитъ изъ Европы Турокъ, т. е. не доступитъ міра середины, не учредитъ торга съ Индіей или съ Гангеса злато не сберетъ и гордыню не усмиритъ Китая». То же самое нѣсколько иначе разсказано въ *Запискахъ* Державина (*Р. Б.*, стр. 319): «Вырывались также иногда у нея (*т. е. у Екатерины II*) незапно рѣчи, глубину души ея обнаруживавшія. Напримѣръ: *Ежелибъ я правила 200 лѣтъ, то бы конечно вся Европа подвержена бъ была россійскому скипетру.* Или: *Я не умру безъ того, пока не выгоню Турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая и съ Индіей не осную торговлю*». Ср. выше, стр. 135, примѣч. 6 къ *Фелицѣ*.

[14] Смотря на образъ Мараѳона —

т. е. побѣдителя при Мараѳонѣ на картинѣ, представлявшей славную битву (*Об.* Д.).

Зальется Θемистоклъ слезой;
Отдастъ Арману Петръ полтрона [15],
Чтобъ править научилъ другой;
Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся [16]
И вслѣдъ ихъ славы воскрылятся.

24\. А ты, любезная супруга [17],
Межъ тѣмъ возьми сей истуканъ;
Спрячь для себя, родни и друга
Его въ серпяный твой диванъ;
И съ бюстомъ тамъ своимъ, мнѣ милымъ,
Предъ зеркаломъ [e] ихъ въ рядъ поставь,
Во знакъ, что съ сердцемъ справедливымъ

[e] Подъ зерлаломъ ...

[15] Отдастъ Арману Петръ полтрона *и проч.*

«Когда Петръ I былъ въ Парижѣ, то, увидѣвъ бюстъ Армана Ришелье, обнялъ его и сказалъ, можетъ быть, въ угожденіе Французамъ: Великій мужъ, ежелибы ты былъ у меня, то я отдалъ бы тебѣ половину царства, чтобы ты научилъ меня править другой. Насмѣшники сказали: *Тогда бы онъ отнялъ у тебя и другую*». (*Об.* Д.).

[16] Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся.

Урна, или гробница славнаго мужа можетъ возродить подобнаго; такъ увѣряютъ, что Александръ Великій, увидѣвъ гробъ Ахиллеса, а Карлъ XII, прочтя жизнь Александра Великаго, пожелали быть завоевателями, подобными ихъ предшественникамъ (*Об.* Д.).

[17] А ты, любезная супруга *и проч.*

Такъ какъ первая жена Державина умерла 15 іюля 1794 (см. выше цѣлый рядъ стихотвореній, отъ стр. 570 до 587), то изъ этого слѣдуетъ, что настоящая ода была написана въ первую половину года. Поэтъ объясняетъ, что въ одной изъ комнатъ его дома былъ диванъ, обитый серпянкой, возлѣ котораго передъ зеркаломъ стояли два бюста: его и Екатерины Яковлевны; оба были сдѣланы Рашетомъ въ одно время и вмѣстѣ подали поводъ къ происхожденію пьесы *Мой истуканъ.* Относительно упоминаемой здѣсь комнаты ср. подъ 1795 г. примѣчанія къ стихотворенію: *Гостю.* Въ позднѣйшихъ Смирдинскихъ изданіяхъ слова:

Не скрытъ нашъ всѣмъ и виденъ нравъ,
Что слава, счастье намъ прямое —
Жить съ нашей совѣстью въ покоѣ.

Что слава поставлены въ видѣ вопроса, на который послѣдующее служитъ отвѣтомъ; но мы въ пунктуаціи этого мѣста сочли нужнымъ сообразоваться съ подлинными изданіями и рукописями.

XC. ВЕЛЬМОЖА[1].

Не украшеніе одеждъ[a] 1.
Моя днесь Муза прославляетъ,

[a] Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ чтò равняетъ,

[1] Стихи, послужившіе началомъ этой оды, были написаны еще въ 1774 году, въ саратовскихъ колоніяхъ, вскорѣ послѣ Пугачевскаго бунта,

Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристаломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сидящій за кристаломъ,
Въ кивотѣ блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ! (1776).

и напечатаны подъ заглавіемъ *На знатность* въ книжкѣ: *Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ*, появившейся въ началѣ 1776 (см. выше стр. 16). Въ пьесѣ *На знатность* было только 10 строфъ. Въ 1794 два обстоятельства, кажется, подали Державину поводъ возвратиться къ этому произведенію; во-первыхъ, то, что Румянцовъ, въ честь котораго оно было написано, снова послѣ долгаго времени сдѣлался нуженъ императрицѣ и она ввѣрила ему главное начальство надъ войсками, которыя должны были дѣйствовать противъ Польши; а во-вторыхъ, изготовленіе бюста Державина и стихи *Мой истуканъ*, по этому случаю имъ написанные. Сродство этихъ двухъ пьесъ не ограничивается только тѣмъ, что въ обѣихъ говорится объ истуканахъ и кумирахъ, но распространяется и на весь внутренній ихъ смыслъ. Стихотвореніе *Вельможа*, по всей вѣроятности, относится къ концу 1794-го года: въ статьѣ «Поэтическіе памятники 18-го столѣтія» (*Библ. для чт.* 1844, т. LXIII)* сказано, что въ библіотекѣ покойнаго графа Р., проданной съ публичнаго торга въ Одессѣ, была между прочимъ рукопись этой оды съ отмѣткою на концѣ: *Ноября 12, 1794.* Въ заглавіи стояло *Вельможи* (во множ. числѣ).

«Любители словесности», по замѣчанію И. И. Дмитріева въ его *Запискахъ* (*Москвит.* 1842, № 1), «познакомились съ нею уже при второмъ появленіи, когда поэтъ прибавилъ къ этой одѣ нѣсколько строфъ, столь изобильныхъ сатирическою солью и яркими картинами. Возобновленіе ея послѣдовало по кончинѣ князя Потемкина, при генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ. Общество находило въ ней много намековъ на счетъ того и другаго. Тогда поэтъ былъ уже сенаторомъ.»

* Для повѣрки этой статьи см. *Сѣв. Пчела* 1846 г. N° 34 и 45.

Хочу достоинства я чтить, 2.
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали [б]
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ [в], 3.
Несмысленную чернь прельщаетъ;

[б] Но кто лишь доблестью снискали (1798).
[в] На стогнъ поставленъ на позоръ,
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ,

Въ одномъ письмѣ изъ Дерпта, 17 апрѣля, безъ означенія года (вѣроятно 1816), Жуковскій писалъ Державину: «Спѣшу исполнить обѣщаніе, данное мною вашему высокопр.; посылаю нѣмецкій переводъ вашей оды *Вельможа.* Переводчикъ есть студентъ дерптскаго университета г. Боргъ *. Онъ хорошо знаетъ русскій языкъ. Вѣроятно, что онъ переведетъ и еще многія изъ стихотвореній в-го в-ства. Но вѣрно то, что ихъ оригинальный характеръ не можетъ быть выраженъ ни въ какомъ переводѣ. Свидѣтелемъ этого, прилагаемый здѣсь опытъ перевода вѣренъ, но далекъ отъ оригинала» (см. переписку Державина).

Первоначальная пьеса *На знатность* будетъ напечатана нами вполнѣ между *Читалагайскими одами;* здѣсь же помѣщаемъ мы изъ нея въ варіантахъ только тѣ стихи, которые вошли съ нѣкоторыми измѣненіями и въ позднѣйшее стихотвореніе.

Ода *Вельможа* напечатана въ изданіяхъ: 1798, стр. 285, и 1808, ч. I, xxxix.

Приложенный къ заглавію рисунокъ (Олен.) состоитъ изъ портретовъ: князя Я. Ѳ. Долгорукова и графа П. А. Румянцова-Задунайскаго (послѣдній представленъ въ профиль).

* Впослѣдствіи Боргъ пріобрѣлъ извѣстность какъ знатокъ русской литературы и искусный переводчикъ многихъ поэтическихъ произведеній ея на нѣмецкій языкъ.

Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ[г]:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы перскія на васъ, 4.
И не бразильски звѣзды ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ[2]
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ[3]

Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной:
Статуи, безъ достоинствъ, вы! (1776).
[г] Прямыхъ красотъ не обрѣтаетъ (1798).

---

[2] Для возлюбившихъ правду глазъ,
т. е. для глазъ, возлюбившихъ правду. Мы сочли это поясненіе нужнымъ потому, что иначе можно бы подумать, не напечатано ли здѣсь *правду глазъ* по ошибкѣ вмѣсто *правды гласъ*. Намъ самимъ приходила эта мысль, пока мы не просмотрѣли всѣхъ рукописныхъ текстовъ *Вельможи*. Кстати прибавимъ здѣсь еще одно филологическое замѣчаніе относительно предыдущей строфы: слово *позоръ* употреблено въ первомъ стихѣ ея, какъ и въ другихъ мѣстахъ у Державина, въ смыслѣ позорище, зрѣлище; «поставленный въ позоръ» значитъ: поставленный на показъ.

[3] Калигула! твой конь въ сенатѣ *и проч.*

О Калигулѣ говорилось уже и въ одѣ *На знатность*, но только иначе, въ началѣ 3-й строфы:

При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ
Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?

Варіанты а и в составляли въ первоначальной редакціи двѣ первыя строфы оды.

Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останется осломъ[д], 5.
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами[4].
О! тщетно Счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ, 6.
Чтобъ мужу бую умудриться[5], —

[д] Сей конь останется конемъ,
Хотя осыпанъ онъ звѣздами (Рукопись).

---

[4] Онъ только хлопаетъ ушами.

«Авторъ, присутствуя тогда въ сенатѣ, видѣлъ многихъ своихъ товарищей безъ всякихъ способностей, которые, слушая дѣла, подобно осламъ хлопали только ушами» (*Об.* Д.).

[5] Чтобъ мужу бую умудриться —

«или глупому человѣку сдѣлаться мудрымъ.» Въ подробномъ примѣчаніи къ этимъ словамъ въ *Объясненіяхъ* разсказано, что во время болѣзни князя Вяземскаго, разбитаго параличемъ (ум. 8 января 1793 г.), императрица и графъ Зубовъ прочили въ генералъ-прокуроры Державина и, спрашивая его, кого бы онъ предложилъ, какъ бы вызывали его назвать самого себя. Между тѣмъ, еще прежде, государыня поручала ему составлять примѣчанія на сенатскія меморіи и указывать ошибки сенаторовъ. Но такъ какъ Державинъ не хотѣлъ напрашиваться на новую должность, то въ генералъ-прокуроры назначенъ былъ племянникъ покойнаго Потемкина, А. Н. Самойловъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ чинѣ генералъ-поручика, участвовавшій во второй турецкой кампаніи (см. *Записки Л. Н. Энгельгардта*, стр. 84 и 86; ср. выше, стр. 442, примѣч. 8 подъ посланіемъ *Ко второму сосѣду*).

Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ императрица, истребовавъ у Державина замѣчанія, которыя онъ по ея волѣ писалъ на сенатскія меморіи, приказала передать ихъ для руководства Самойлову; послѣднему также пред-

Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я[e] Чупятовъ[6]
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

[e] ... что ты Чупятовъ (1798).

писано было совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ по своей должности съ Державинымъ. Поэтому новый генералъ-прокуроръ нѣсколько разъ приглашалъ его къ себѣ на совѣщаніе; но такъ какъ они не сходились въ мнѣніяхъ, и притомъ Самойловъ вскорѣ поддался вліянію правителя своей канцеляріи *, то Державинъ долженъ былъ, вопреки желанію Екатерины, устраниться отъ участія въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ, и истина, т. е. неспособность завѣдывавшаго этою частію, должна была открыться (*Об.* Д. Ср. его *Записки*, *Р. Б.*, стр. 349 и слѣд.).

[6] Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ *и проч.*

Чупятовъ былъ гжатскій купецъ, торговавшій при с-петербургскомъ портѣ пенькою. Вслѣдствіе пожара, истребившаго анбары его на биржѣ, онъ объявилъ себя банкротомъ, — какъ увѣряли нѣкоторые, притворно: избѣгая непріятностей отъ своихъ вѣрителей, онъ представился помѣшаннымъ и навѣсилъ на себя разноцвѣтныхъ лентъ и медалей, присланныхъ къ нему будто бы влюбленною въ него марокскою принцессою. Нѣкоторые насмѣшники, пользуясь этимъ, присылали къ нему по почтѣ ленты и грамоты, которыми онъ очень утѣшался (*Об.* Д.).

Этими стихами Державинъ хочетъ сказать, что кто не ознаменовалъ себя истинными заслугами на военномъ или на гражданскомъ поприщѣ, тотъ въ своихъ орденахъ похожъ на помѣшаннаго Чупятова.

Державинъ, по должности президента коммерцъ-коллегіи, не могъ не знать исторіи Чупятова; но изъ объясненія поэта можно заключить, что молва о ней ходила по всему городу. Конечно о ней было много толковъ и при дворѣ. А. В. Храповицкій, служившій тогда при императрицѣ, сказалъ въ *Письмѣ къ другу* (Капнисту), написанномъ въ концѣ мая 1793 года:

Давно народъ такихъ Чупятовыхъ видалъ.
(*Раутъ*, М., 1854 г., стр. 146).

* Въ *Мѣсяцословѣ* 1794 г. первымъ лицомъ «у исправленія порученныхъ дѣлъ генералъ-прокурору» показанъ статскій совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ, отецъ прославившагося въ наше время Алексѣя Петровича.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ, 7.
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ[7],
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ[8]
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть 8.
Не обуяла бъ[ж] умъ надменный:
Что̀ наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь — коль мой сіяетъ духъ[9];

[ж] Не обаяла бъ...

---

[7] Великій Петръ, какъ нѣкій богъ, *и проч.*

См. выше, стр. 35, примѣч. 5 къ пьесѣ *Петру Великому*, и стр. 444, прим. 2 къ надписи *На пророчество Симеона Полоцкаго.*

[8] Екатерина въ низкой долѣ *и проч.*

Въ сочиненіяхъ принца де-Линя находится та же мысль: «Екатерина во всякомъ состояніи, во всякой участи была бы превосходною женщиною» (*Русск. Вѣстникъ* 1809 г., ч. VII, стр. 408).

[9] Я князь — коль мой сіяетъ духъ *и проч.*

Сумароковъ въ *Письмѣ о достоинствѣ* говоритъ: «Честь наша не въ титлахъ состоитъ: тотъ сіятельный, который сердцемъ и разумомъ сіяетъ; тотъ превосходительный, который другихъ людей достоинствомъ превосходитъ, и тотъ болярinъ, который болѣетъ объ отечествѣ» (*Соч. Сумар.*, ч. VI, стр. 345). Вѣроятно, это-то мѣсто подало С. Глинкѣ (въ *Очеркахъ жизни и соч. Сумарокова*, ч. I, стр. 164, и ч. II, стр. 20 и 21) поводъ къ преувеличенному заключенію, будто «почти весь *Вельможа* Державина заимствованъ изъ Сумарокова». Подобныя мысли выражены послѣднимъ также въ 3-й статьѣ *О добродѣтели* (*Соч. Сум.*, ч. VI, стр. 234).

Стихи 5, 6 и 7-й въ строфѣ 8-й находились въ томъ же самомъ видѣ уже и въ одѣ *На знатность* (8-ая же строфа), но вмѣсто 8-го стиха тамъ было: «И всѣмъ усерденъ для услугъ.»

Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Бояринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять 9.
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья [3].
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ [10]! 10.
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

[3] Всѣхъ царственныхъ подпора зданій,
Вся мысль его, предметъ дѣяній.
(Въ изд. 1808 первый стихъ напечатанъ точно такъ же, а вмѣсто втораго читаемъ: «Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній»; но въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Державину, оба стиха зачеркнуты, и намѣсто ихъ написаны Елис. Ник. Львовой — подъ диктовку его — два помѣщенные въ нашемъ текстѣ).

---

[10] А ты, второй Сарданапалъ!

Изъ послѣдующихъ объясненій Державина надобно заключать, что онъ въ этой характеристикѣ разумѣлъ Потемкина; но многія черты ея могли равно относиться и къ Зубову. Ближайшія за этимъ строфы, особенно 12-ая и 13-ая, напоминяютъ нѣкоторыя картины въ одахъ *Фелица* и *Къ первому сосѣду*: см. выше стр. 104.

На то ль тебѣ пространный свѣтъ, 11.
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ 12.
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ, по высотѣ паря, 13.
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія Цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней покойно [и] спишь, ... а тамъ? —

А тамъ израненный герой, 14.
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій [11],

[и] ... спокойно.

[11] ... Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій.

Лунь — бѣлая птица, родъ ястреба. — Многіе сѣдые заслуженные генералы сиживали по нѣскольку часовъ въ прихожей у Потемкина, Без-

Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ[12] 15.
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ — на лѣстничный восходъ 16.
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

бородки и другихъ вельможъ, ожидая, пока они проснутся и выйдутъ къ просителямъ (*Об.* Д.).

[12] А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ.

Вдова Костогорова. Мужъ ея, полковникъ, былъ изъ числа приближенныхъ Потемкина. Поссорясь за него, Костогоровъ долженъ былъ стрѣляться съ извѣстнымъ Иваномъ Петровичемъ Горичемъ, храбрымъ человѣкомъ, который уже послѣ былъ генералъ-аншефомъ. Послѣдній убилъ его изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями. Вдова Костогорова, ища покровительства Потемкина, часто хаживала къ нему съ груднымъ младенцемъ на рукахъ и на лѣстницѣ ожидала его выхода (*Об.* Д.).

А тамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ, 17.
Гордится вратникъ галунами, —
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, Сибаритъ! — ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего 18.
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!» —
Злодѣй ... увы!.. и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ 19.
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство[1],
Во правосудіи — равенство,
Свободу — во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой, 20.
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;

[1] Въ единодушьи — благоденство.

Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ[13];
Ей взоръ и ухо предлагаетъ[к],
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества 21.
Коль царство лишь живетъ счастливымъ, —
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

[к] . . . сообщаетъ,
Повелѣваетъ всѣмъ сама.

---

[13] . . . И силъ у рукъ не отнимаетъ.

Императрица давала нерѣдко волю своимъ любимцамъ вмѣшиваться въ дѣла чуждыхъ имъ частей управленія. Такъ графъ Зубовъ, чрезъ генералъ-прокурора гр. Самойлова, дѣлалъ чтò хотѣлъ: по навѣтамъ Трощинскаго и управлявшихъ таможнею, императрица приказала объявить Державину, чтобъ онъ, хотя и былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, не отправлялъ этой должности и не мѣшался въ дѣла ея, предоставивъ дѣйствовать — по с-петербургской таможнѣ Алексѣеву, бывшему тогда вицегубернаторомъ въ Петербургѣ, а по таврической — Пл. Зубову, который былъ генералъ-губернаторомъ екатеринославскимъ и таврическимъ (Ср. *Записки* Держ., *Р. Б.*, стр. 365).

Въ 7-мъ стихѣ 20-й строфы неточность выраженія можетъ привести читателя въ недоумѣніе. Кто предлагаетъ? глава? кому предлагаетъ? ей (главѣ?). Дѣло въ томъ, что *предлагаетъ*, употребленное для риѳмы въ единственномъ числѣ, осталось здѣсь безъ дополненія: взоръ и слухъ предлагаютъ головѣ, которая сама повелѣваетъ. Окончательная запутанность произошла при послѣдней поправкѣ 8-го стиха (см. варіантъ к). Прежде Державинъ самъ замѣчалъ тутъ неточность выраженія и старался устранить ее, какъ видно изъ одной старой рукописи, гдѣ онъ хотѣлъ было дать этимъ двумъ стихамъ такую редакцію:

Ей взоръ и ухо чтò внушаетъ,
Повелѣваетъ всѣмъ сама.

О россійскій бодрственный народъ, 22.
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ [л] родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ? —
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ,
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ [14]
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена 23.
Того я славнаго Камилла [15],

[л] ... всѣхъ смертныхъ.

---

[14] Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ...

Князь Яковъ Θедоровичъ, извѣстный современникъ Петра В. Ср. выше, стр. 613, стихъ 9 въ строфѣ 10 оды *Мой истуканъ:*

И ты, другъ правды, Долгоруковъ.

Для сравненія со всею этою строфою см. въ одѣ *На коварство* строфу 26 (стран. 327), и въ одѣ *На взятіе Измаила* строфы 2, 23 и 33 (стран. 342, 352 и 358).

[15] ... Того я славнаго Камилла.

Здѣсь подъ этимъ именемъ разумѣется Румянцовъ, который, по наговорамъ Потемкина, долженъ былъ не только оставить армію, но и удалиться изъ Молдавіи (см. выше, стр. 466, примѣч. 15 къ *Водопаду*); по смерти же князя Таврическаго онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ и содѣйствовалъ Суворову къ успѣшному окончанію войны въ этой странѣ (*Об.* Д.). Румянцовъ, вмѣстѣ съ Пожарскимъ и Долгоруковымъ, внушалъ нашему поэту особенное уваженіе. Выше (стр. 623) было уже замѣчено, что какъ эту оду, такъ и послужившую ей началомъ оду *На знатность* можно считать написанными преимущественно въ честь Румянцова. Двадцатилѣтній промежутокъ, отдѣляющій одну отъ другой, не измѣнилъ взгляда Державина на этого полководца. Даже и въ *Описаніи* Потемкинскаго праздника онъ не усомнился отдать справедливость престарѣлому вождю (см. выше стр. 380 и 406). Остолоповъ въ примѣчаніи къ настоящей одѣ (*Ключъ къ соч. Держ.*, стр. 53) утверждаетъ, будто «описаніе противоположныхъ характеровъ (*въ этой пьесѣ*) многіе вельможи того времени принимали на свой счетъ, а нѣ-

Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ, 24.
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари — и съ высоты твоей 25.
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей,
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря [16]!

которые хотѣли даже взойти съ жалобою къ императрицѣ, однакожъ всегда отмѣняли свое намѣреніе.» Какъ неправдоподобно это извѣстіе, видно уже изъ того, что ода *Вельможа* была написана только за два года до кончины Екатерины II, въ первый же разъ напечатана при императорѣ Павлѣ, въ 1798 г.

[16] Румяна вечера заря.

Въ словѣ *румяна* намекъ на Румянцова. См. выше, стр. 218, прим. 8 къ одѣ *На смерть графини Румянцовой*.

XCI. НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ[1].

Пошелъ — и гдѣ тристаты злобы? 1.
Чему коснулся, все сразилъ!

[1] 6 апрѣля 1794 г. вспыхнуло въ Варшавѣ возстаніе; на улицахъ началось кровопролитіе, продолжавшееся нѣсколько дней. Колонтай хотѣлъ-было перерѣзать всѣхъ Русскихъ; но Костюшко, провозглашенный главнымъ начальникомъ съ неограниченною властью, не допустилъ такого злодѣйства. Рескриптомъ 16 мая Румянцовъ назначенъ главнокомандующимъ съ нашей стороны; Суворовъ, которому онъ поручилъ усмиреніе мятежа, собралъ корпусъ тысячъ въ двѣнадцать, разбилъ Поляковъ внезапно сперва при Кобринѣ, потомъ у Бреста-Литовскаго и, пройдя въ три недѣли 560 верстъ, во второй половинѣ октября подступилъ къ Прагѣ, защищаемой 30,000-нымъ войскомъ и 104 пушками. Раздѣливъ войска свои на семь колоннъ, онъ назначилъ днемъ приступа 24-е число. Въ пять часовъ утра была пущена ракета: колонны двинулись

Поля и грады стали гробы;

и, не смотря на отчаянную оборону, Прага взята въ три часа времени въ виду столицы Польши, полагавшей на нее всю свою надежду (*Словарь достоп. людей*, Спб. 1847, статья: *Суворовъ*). Л. Н. Энгельгардтъ, бывшій участникомъ этого ужаснаго дня, говоритъ въ своихъ *Запискахъ* (стр. 138): «До самой Вислы на всякомъ шагу видны были всякаго званія умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тѣлъ убитыхъ и умирающихъ: воиновъ, жителей, Жидовъ, монаховъ, женщинъ и ребятъ». На другой день къ Суворову присланы были депутаты изъ Варшавы. Герой сидѣлъ въ палаткѣ, разбитой на окопахъ; деревянный отрубокъ служилъ ему стуломъ; другой, повыше, замѣнялъ столъ. Суворовъ, какъ скоро увидѣлъ пришедшихъ, бросилъ свою саблю съ словами: *Миръ, тишина и спокойствіе!* и обнялъ пословъ, упавшихъ къ ногамъ его. Черезъ день прибылъ польскій подполковникъ Гофманъ съ прошеніемъ восмидневнаго срока на размышленіе. Суворовъ отвѣчалъ: *Ни минуты!* Черезъ часъ присланы графы Потоцкій и Мостовскій съ письмомъ отъ короля, уполномочивавшаго начать переговоры о мирѣ. Побѣдитель сказалъ: *Съ Польшею у насъ войны нѣтъ; я не министръ, а военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ.* Въ тотъ же день съ донесеніемъ императрицѣ о взятіи Варшавы посланъ былъ подполковникъ Бибиковъ. Донесеніе состояло въ трехъ словахъ: *Ура! Варшава наша!* Екатерина отвѣчала 19 ноября: *Ура, фельдмаршалъ!* Такимъ образомъ это титло, котораго Суворовъ давно домогался, досталось ему за взятіе Варшавы. Сверхъ того Екатерина прислала ему повелительный жезлъ съ брильянтами и пожаловала 7000 душъ. За этотъ же подвигъ императоръ нѣмецкій подарилъ Суворову свой портретъ, а король прусскій — ленты Чернаго и Краснаго Орла. Всѣ штабъ- и оберъ-офицеры, участвовавшіе въ приступѣ, награждены золотыми крестами на георгіевской лентѣ въ петлицу, съ надписью на одной сторонѣ: *За труды и храбрость*, а на другой: *Прага взята 1794 года 24 октября;* солдаты получили медали (тамъ же и *Словарь достопамятныхъ людей*).

Прежде сочиненія оды *На взятіе Варшавы* Державинъ издалъ стихи И. И. Дмитріева *На разбитіе Костюшки гласъ патріота*, впослѣдствіи сдѣлавшіеся извѣстными подъ измѣненнымъ заглавіемъ *Гласъ патріота на взятіе Варшавы*, съ которымъ они уже въ слѣдующемъ, 1795, году появились въ сочиненіяхъ Дмитріева: *И мои бездѣлки.* Такъ какъ во время полученія въ Петербургѣ извѣстія о побѣдѣ Ферзена надъ Костюшкой, Дмитріевъ находился въ Астрахани, то многіе приняли за мистификацію приписанные ему стихи и считали авторомъ ихъ самого Державина. Между тѣмъ такая странность была слѣдствіемъ преждевременнаго

Шагнулъ — и царство покорилъ!
О Россъ! о подвигъ исполина!

слуха о рѣшительномъ пораженіи Поляковъ, дошедшаго до Дмитріева въ Сызрани передъ отъѣздомъ его въ Астрахань. Онъ тогда же написалъ эти стихи и прислалъ ихъ Державину изъ Астрахани. По отпечатаніи ихъ послѣдній, 17 октября 1794 г., писалъ Дмитріеву: «Пьеса пришла очень кстати, въ самое то время, какъ получено извѣстіе, что идолъ Польши, Костюшко, не токмо Ферзеномъ разбитъ и раненъ, но и сдѣланъ плѣнникомъ; и недавно также сильное пораженіе сдѣлано г. Суворовымъ, такъ что въ обоихъ потеряли на мѣстѣ непріятели около 22 т. войскъ своихъ. Суворовъ чудеса сдѣлалъ: въ то время, какъ прусскія войска, оставивши Варшаву и соединеніе съ нами, пошли во свояси, то онъ сдѣлалъ въ три дня болѣе 700 верстъ, увидѣлъ, напалъ и побѣдилъ. Сей ужасъ помогъ въ побѣдѣ и Ферзену. Словомъ, стихи ваши были очень кстати, и вотъ вы видите ихъ напечатанными и въ публику по волѣ ея величества выданными. Государынею и всѣми съ великою похвалою приняты. Я было-приказалъ 50 экземпляровъ напечатать, но должно было впятеро еще прибавлять, и со всѣмъ тѣмъ всѣхъ требователей удовольствовать не можно. Невѣроятно показалось, какъ въ Астрахани сочиненные стихи могли такъ скоро сюда перелетѣть и почти въ одно время показались напечатанными, какъ послѣднее отъ Ферзена получено извѣстіе *. И для того всѣ думали, что я написалъ; но я, чтобы доставить вамъ честь принадлежащую, долженъ былъ показать ваше письмо» **.

Не такъ посчастливилось одѣ самого Державина. Уже она была напечатана, но, по недоразумѣнію, императрица при чтеніи ея прогнѣвалась,

* Побѣда Ферзена надъ Костюшкой при Мацѣевицахъ была 28 сентября 1794 года.

** «Стихотвореніе сіе», говоритъ кн. П. А. Вяземскій въ статьѣ, напечатанной передъ Сочиненіями И. Дмитріева, Спб. 1823, стр. xxiv, «было писано поэтомъ въ Сызрани, по невѣрному и, такъ сказать, еще пророческому извѣстію о рѣшительной побѣдѣ Суворова надъ Поляками. Поэтъ разувѣрился въ истинѣ воспѣтаго имъ торжества; но не менѣе того послалъ онъ свои стихи къ Державину, по привычкѣ довѣрять ему всѣ вдохновенія своей Музы. Они получены были въ Петербургѣ почти въ одно время съ извѣстіемъ о плѣненіи Костюшки и тотчасъ напечатаны Державинымъ, на счетъ Кабинета, съ перемѣною изъ стиха: «Исчезла Собіесковъ слава!» въ стихъ: «Костюшкина исчезла слава!» перемѣна, скажемъ мимоходомъ, болѣе историческая, чѣмъ поэтическая. Весь городъ и сама Екатерина почитали тогда сіи стихи за стихи Державина, замѣчая въ нихъ нѣкоторые его пріемы и разсчитывая, что въ отдаленіи не могло еще дойти извѣстіе, только передъ тѣмъ въ Петербургѣ полу-

О всемогущая жена!
Безсмертная Екатерина!

и стихи эти остались до кончины ея невыпущенными въ свѣтъ. Первое непріятное впечатлѣніе произошло отъ того, что секретарь ея В. С. Поповъ, бывшій правитель канцеляріи Потемкина, читая оду государынѣ вслухъ, поставилъ не на мѣстѣ одно удареніе и произнесъ слѣдующимъ образомъ стихи 7-й и 8-й, которыми, при первоначальномъ раздѣленіи оды, кончалось второе четырехстишіе:

Безсмертная Екатерина!
Куда? и что еще? — Ужъ *по̀лно*... (вмѣсто *уже полна̀* и проч.).

Императрицѣ показалось, что поэтъ совѣтуетъ ей воздерживаться отъ дальнѣйшихъ побѣдъ и завоеваній. Но еще болѣе не понравились ей далѣе слова, обращенныя къ Суворову (въ концѣ отдѣла 2-го):

Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,
Царь въ полону...

Екатерина увидѣла тутъ выраженіе якобинизма французскихъ крамольниковъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ Державину присутствовавшій при чтеніи графъ А. И. Пушкинъ. По этимъ-то причинамъ, разсказываетъ поэтъ въ своихъ *Объясненіяхъ* (въ изданіи Ѳ. П. Львова мѣсто это, какъ и многія другія, совершенно выпущено), хотя ода и была напечатана, съ согласія П. А. Зубова, въ числѣ 3000 экземпляровъ и внесена изъ типографіи въ комнату императрицы; однакожъ оттуда она въ свѣтъ не была выпущена (см. объ этомъ же письмо Державина къ Мерзлякову, помѣщаемое нами вслѣдъ за настоящей одой, въ приложеніи къ ней).

По кончинѣ императрицы, продолжаетъ Державинъ (*Об.*), случилось по поводу этой оды забавное происшествіе. Двѣ благородныя вдовы, въ

ченное. Въ семъ стихотвореніи нѣтъ конечно исполинской силы и роскоши поэтической, которыя видимъ въ произведеніи Державина, писанномъ на то же событіе; но за то нѣтъ въ Державинѣ искусства, осторожности, не вредящей впрочемъ смѣлости движеній лирическихъ, и вообще той отдѣлки и чистоты, которыя отличаютъ нашего поэта» (*т. е. Дмитріева*). — Прибавимъ здѣсь, что оттискъ первоначальнаго изданія *На разбитіе Костюшки* можно видѣть въ имп. публ. библіотекѣ, въ собраніи отдѣльно изданныхъ одъ и т. п. (*Смѣсь*, т. II, № 39). Сверхъ этой пьесы Дмитріевъ, во время польской войны, написалъ еще: 1) *Стихи на побѣду графа Суворова-Рымникскаго, одержанную надъ польскими войсками, когда онъ въ три дня перешелъ 700 верстъ*, и 2) *Стихи графу С. Р. на случай покоренія Варшавы.* Сравнивая первую пьесу съ приведенными въ нашемъ примѣчаніи строками изъ письма Державина, мы невольно приходимъ къ заключенію, что она написана именно вслѣдствіе этого извѣстія. Она и кончается мыслью, взятою изъ письма Державина: «Другіе въ бѣгствѣ восклицали: *Притекъ, узрѣлъ и побѣдилъ*».

Куда? и что еще[2]? — Уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.

пользу которыхъ она была напечатана, лишились своего прибытка вслѣдствіе невыпуска ея. Такъ какъ по вступленіи на престолъ императора Павла Зубовъ утратилъ свое вліяніе, то одна изъ этихъ вдовъ подала государю прошеніе о взысканіи съ бывшаго любимца, въ ея пользу, 7000 руб. въ вознагражденіе убытка, понесеннаго ею отъ нераспродажи оды. Императоръ приказалъ Зубову заплатить эту сумму; но когда Державинъ объяснилъ государю, что вдова не имѣла права требовать денегъ, которыя не были ей подарены, а только могли бы ей достаться, еслибъ продажа оды была разрѣшена, то дѣло это тѣмъ и кончилось.

Замѣтимъ, что прежде оды Державинъ написалъ только четырехстишіе, — то самое, которое послѣ составило начало оды, и отправилъ его въ поздравительномъ письмѣ къ Суворову; знаменитый герой въ отвѣтѣ своемъ также присоединилъ къ прозѣ опытъ своего стихотворческаго искусства (см. переписку Державина въ нашемъ изданіи). Остолоповъ въ *Ключѣ къ соч. Держ.* (стр. 63) говоритъ, что остальная часть оды написана была «въ одинъ присѣстъ, безъ всякаго раченія, по одному только вдохновенію»; но самъ Державинъ ничего не упоминаетъ объ этомъ.

При первоначальномъ напечатаніи оды въ отдѣльномъ видѣ (въ четвертку) она была озаглавлена: Пѣснь ея императорскому величеству Екатеринѣ II на побѣды графа Суворова-Рымникскаго, Спб. 1794 г.*. Во второй разъ она была напечатана, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ изданіи 1798 г., стр. 348, съ раздѣленіемъ 1-го отдѣла оды на четырехстишія; только послѣдній въ немъ куплетъ, начиная отъ словъ Прокатится, пройдетъ, состоялъ изъ 6-ти стиховъ. Въ имп. публ. библіотекѣ находится экземпляръ этого изданія, подаренный Державинымъ съ своеручною надписью Суворову; тутъ рукою самого же поэта сдѣланы въ этой одѣ нѣкоторыя поправки. Въ изд. 1808 см. ч. I, LII.

Къ заглавію нашего текста приложенъ рисованный Оленинымъ портретъ Суворова; крылья и молніи означаютъ быстроту его побѣдъ; на щитѣ надпись: «Vigore et celeritate».

[2] Куда? и что еще?

Ср. у Дмитріева въ *Гласъ патріота на взятіе Варшавы* стихъ
Куда еще летѣть Орламъ?

* «Печатано въ типографіи корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ». Къ сожалѣнію, въ единственномъ извѣстномъ намъ оттискѣ этого первоначальнаго изданія оды (имп. публ. библ.) недостаетъ конца, начиная отъ 9-й страницы, или отъ стиха: «О ты, жена благословенна» (10-й отдѣлъ оды).

Какъ ночью звѣздъ стезя, по небу протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ
И мудрыхъ удивитъ. —
Ужъ ваши имена[а],
Тріумфъ, побѣды, трудъ[б] не скроютъ времена:
Какъ молньи быстрыя, вкругъ міра будутъ течь.
Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечъ[3];
И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится[в], прозвучитъ
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ:
По бранямъ — Александръ, по доблести[4] — стоикъ[г],
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ и въ обоихъ великъ.

[а] Ужъ Россовъ имена (Рукоп.).
[б] Труды, побѣды, торжества... (1794 и 1798).
(Такимъ образомъ стихъ выходилъ семистопный).
[в] Промчася (1798).
[г] ... по доблести — циникъ (1794 и 1798).
(*Стоикъ* поставлено рукой Державина уже въ экземплярѣ, подаренномъ Суворову).

---

[3] Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечъ.

О словѣ *полсвѣта* см. выше, стр. 289, примѣчаніе 36 къ *Изображенію Фелицы*. Ср. въ одахъ *На взятіе Измаила*, 4-й стихъ строфы 25-й и *На взятіе Варшавы* послѣдній стихъ отдѣла 12-го. Въ подражаніе Державину Дмитріевъ сказалъ въ *Гласѣ патріота на взятіе Варшавы*: «Речешь — и двигнется полсвѣта».

[4] ... по доблести — стоикъ

относится къ суровому образу жизни полководца. Прежде стоявшее тутъ слово *циникъ* Державинъ отвергнулъ, узнавъ его нѣсколько зазорное значеніе и происхожденіе отъ греч. κύων, *собака*.

Черная туча, мрачныя крыла 2.
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла[д];
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ[е],
Граду коснется — градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ[ж];
Дрогнетъ природа, блѣднѣя, предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты ль — Геркулесъ нашъ новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный?
Твой ли, Суворовъ, се[з] образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры — твой слѣдъ!
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ[и], —
Царь въ полону[5]! — Ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ царицѣ твоей непокорнымъ.

[д] Съ цѣпи сорвавъ, воздухъ покрыла (1798).
[е] Ляжетъ на море — бездны кипятъ (1794 и 1798).
[ж] . . . бросаетъ.
[з] . . . сей . . .
[и] Чуждый король, тронъ и чертогъ
Въ твоемъ полону (1798).

---

[5] Тронъ подъ тобой, корона у ногъ, —
Царь въ полону . . .

Вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на Екатерину этими стихами (о чемъ разсказано въ примѣч. 1), Державинъ передѣлалъ ихъ было, какъ видно изъ одной рукописи и изъ изданія 1798 г. (см. варіантъ и).

И се — въ небесномъ вертоградѣ[6] 3.
На злачныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ рощъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ, радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ вождей, царей, —
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ
Сидитъ и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ,
Поетъ безсмертныя дѣла.
Уже, какъ молнія, пронзаетъ
Ихъ свѣтлу грудь его хвала;
Златъ медъ блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
Зари играютъ на щекахъ;
На мягкихъ зыблющихъ, перловыхъ
Они возлегши облакахъ[i],
Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
Поющихъ тихострунный хоръ;
Въ безмолвьи сладко[k] утопаютъ
И, склабя восхищенный взоръ,
Взираютъ съ высоты небесной
На храбрый, вѣрный свой народъ,
Что доблестью, другимъ безвѣстной,
Еще себѣ вѣнцы беретъ,
Еще на высоту восходитъ,

[i] На тонкихъ лежа облакахъ (1794).
[k] Въ безмолвьи сладкомъ утопаютъ,
Осклабя ... (1794 и 1798).

---

[6] И се — въ небесномъ вертоградѣ ...

Въ этомъ отдѣлѣ оды опять отразилось очень замѣтно вліяніе Оссіановской поэзіи на Державина. См. выше, стр. 354, примѣч. 22 къ одѣ *На взятіе Измаила* и, начиная съ стр. 461, многія примѣчанія къ *Водопаду*.

Всевышняго водимъ рукой [л].
Великій Петръ къ нимъ взоръ низводитъ,
И въ ревности своей святой,
Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ,
Герой героямъ говоритъ:

«О вы, сѣдящи въ сѣни райской! 4.
Одѣньтесь въ свѣтлы днесь зари.
Возстань, великій мужъ, Пожарской [7]!
И на Россію посмотри:
Ты усмирилъ ея крамолу,
Избралъ преемника престолу,
Разсадникъ славы насадилъ;
И се — рукой Екатерины
Твои теперь пожаты крины,
Которы сжать я укоснилъ.
Она нашъ домъ распространила
И славой всѣхъ насъ превзошла:
Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была». —

Прорекъ монархъ и скрылся въ сѣнь. 5.
Герои росски всколебались,
Сѣдымъ челомъ приподнимались [м],
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ [8].

[л] Премудрою водимъ рукой.
[м] ... приподымались.

---

[7] Возстань, великій мужъ, Пожарской.

О восторженномъ уваженіи Державина къ Пожарскому см. выше, стр. 329, въ примѣч. 23 къ одѣ *На коварство.*

[8] Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ.

Ср. у Пушкина въ пьесѣ *Бородинская годовщина* стихъ: «Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы». Пушкинъ конечно хорошо зналъ настоящую оду,

Лежитъ измѣнница и взоры, 6.
Потупя, обращаетъ вкругъ;
Терзаютъ грудь ея укоры,
Что раздражила кроткій духъ,
Склонилась на совѣтъ змѣиный,
Отвергла щитъ Екатерины[9],
Не могши дружбу къ ней сберечь.
И се — днесь надъ Сарматомъ плѣннымъ,
Навѣсясь шлемомъ оперенными,
Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Сидитъ орелъ на гидрѣ злобной[10]: 7.
Подите, отнимите, львы!
Стремися съ фуріей, сонмъ грозной!
Герой, отъ Лены до Невы
Возлегши[н] на лавровомъ полѣ,
Ни съ кѣмъ не съединяясь болѣ,
Лишь мудрой правимый главой,
Щитомъ небеснымъ осѣняясь,

[н] ... возлегшій ... (1794).

которая за два года до выпуска его изъ царскосельскаго лицея была перепечатана въ *Амфіонѣ* при разборѣ Мерзлякова (1815, іюль; см. примѣчаніе къ письму Державина, ниже, вслѣдъ за одою).

[9] Склонилась на совѣтъ змѣиный *и проч.*

«т. е. Варшава или Польша приняла совѣты французскаго кабинета, отвергнувъ возмущеніемъ покровительство императрицы Екатерины» (*Об.* Д.).

[10] Сидитъ орелъ на гидрѣ злобной *и проч.*

Подъ *гидрой* поэтъ разумѣетъ здѣсь Варшаву; подъ *львами* (по изображенію въ шведскомъ гербѣ) — Шведовъ, которые были на сторонѣ Польши; *сонмъ грозный съ фуріей* означаетъ Конвентъ подъ предсѣдательствомъ Робеспьера; *лавровое поле* — пространство, побѣдами пріобрѣтенное (*Об.* Д. Ср. помѣщаемое нами вслѣдъ за одою письмо его къ Мерзлякову).

На вѣру, вѣрность опираясь,
Одной васъ оттолкнетъ ногой.

О стыдъ! о срамъ неимовѣрный! 8.
Быть Россу другомъ — и робѣть[11]!
Пожаръ тушить стараться зѣльный —
И, бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
Мнить защищать монарши правы —
И за корысть лишь воевать;
Желать себѣ безсмертной славы —
И, не сражаясь, отступать;
Слыть недругомъ коварству злому —
И чтить его внутрь сердца ядъ[o]!

Но ты, народъ, подобно грому 9.
Котораго мечи вдали звучатъ!
Доколѣ твердъ, единодушенъ,
Умѣешь смерть и скорби презирать,
Царю единому послушенъ,
И съ нимъ по вѣрѣ поборать,
По правдѣ будешь лишь войною:
Великій духъ! твой Богъ съ тобою!

[o] И чтитъ его на сердцѣ ядъ (1794 и 1798).

---

[11] Быть Россу другомъ — и робѣть.

Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, бывшій въ союзѣ съ императрицей и совокупно съ русскими войсками атаковавшій Варшаву, ушелъ оттуда; Поляки со стыдомъ его прогнали. Политика Пруссаковъ была не чистосердечна: они съ одной стороны, казалось, шли противъ республиканскихъ нововведеній Французовъ, но въ сердцѣ были съ ними согласны и воевали изъ корысти, отчего послѣ и погибли (*Об.* Д.). «Въ продолженіе нашихъ дѣйствій король прусскій съ соединенною арміей, безуспѣшно державъ Варшаву въ блокадѣ, отступилъ къ своимъ границамъ. Польскій генералъ Домбровскій преслѣдовалъ прусскія войска съ постоянными выгодами» (*Зап. Энгельгардта*, стр. 125).

На что тебѣ союзъ? — О Россъ!
Шагни — и вся твоя вселенна.

О ты, жена благословенна, 10.
У коей сынъ [п] такой колоссъ!
Къ толикимъ скиптрамъ и коронамъ,
Странамъ, владѣемымъ тобой,
Со звукомъ, громомъ и со звономъ
Еще одну, его рукой
Прими корону принесенну,
И грудь, во браняхъ утомленну,
Спѣши спокойствомъ врачевать.
Твое ему едино слово
Отраду, духъ, геройство ново
И счастье можетъ даровать.

А ты, кому и Музы внемлютъ, 11.
Младый наперсникъ, чашникъ Кронь [12],
Предъ кѣмъ орелъ и громы дремлютъ
И вседробящій молній огнь!
Налей мнѣ кубокъ твой сапфирный,
Звѣздами, перлами кипящъ,
Да нектаръ твой небесный, сильный [р],
На лоно нѣжныхъ Музъ клонящъ,
Намѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
Воспѣть меня возбудитъ миръ.

[п] Которой сынъ...
[р] ... твой любезный, сильный.

---

[12] Младый наперсникъ, чашникъ Кронь — т. е. Кроновъ, Юпитеровъ — Ганимедъ (*Кронь*, личное притяжательное, подобное *Иванъ* въ названіи *Иваньгородъ*). Кажется, эта строфа написана съ мыслью о Платонѣ Зубовѣ, хотя этого и не сказано въ *Объясненіяхъ* Державина.

И се — уже въ странахъ кристальныхъ 12.
Несусь, оставя дольный міръ;
Огнистый солнца конь крылатый
Летитъ по воздуху и ржетъ.
Съ ноздрей дымъ пышитъ синеватый,
Со удилъ пѣна клубомъ бьетъ,
Струями искры сыплютъ взоры;
Какъ овны, убѣгаютъ горы[13],
И въ божескомъ восторгѣ семъ
Я вижу въ тишинѣ полсвѣта!

Живи, цвѣти несмѣтны лѣта, 13.
О царствующая на немъ!
Кто лучшій столькихъ странъ владѣтель,
Какъ не въ коронѣ Добродѣтель?

ХОРЪ.

Среди грома, среди звону 14.
Торжествуй, прехрабрый Россъ!
Ты еще теперь корону
Въ даръ монархинѣ принесъ.
Славься симъ, Екатерина[14],
О великая жена!

Гдѣ народъ какой на свѣтѣ[15] 15.
Кто видалъ и кто слыхалъ,
Что въ единомъ царство лѣтѣ

[13] Какъ овны, убѣгаютъ горы.

Въ изд. 1798 *какъ волны*, но въ экземплярѣ, подаренномъ Суворову, рукою Державина поправлено: *какъ овны*, что̀ сходно и съ рукописями.

[14] Славься симъ, Екатерина.

Ср. выше, стр. 396, припѣвъ хора: *Громъ побѣды, раздавайся.*

[15] Гдѣ народъ какой на свѣтѣ *и проч.*

Именно *какой*, а не *такой*, какъ въ послѣднихъ Смирдин. изданіяхъ.

И съ царемъ завоевалъ?
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Чти, вселенна, удивляйся 16.
Нашихъ мужеству людей;
Злоба въ сердцѣ содрогайся,
Зря въ насъ твердый щитъ царей.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Зависть, дерзость и коварство, 17.
Преклонись, нашъ видя строй!
Безпримѣрно Русско Царство,
И младенецъ въ немъ герой.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Царедворецъ, жившій нѣжно, 18.
Просится на страшный бой[16],
Сноситъ трудъ и скорбь прилежно
И на смерть идетъ стѣной.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Пули, ядра, раны смертны 19.
За царя пріемлетъ въ даръ;
Награжденья намъ безсмертны —
Слово царско, слава, лавръ.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

[16] Просится на страшный бой.

Молодые камеръ-юнкеры, какъ-то Шуваловъ и др., просились въ волонтеры и отличились въ этой войнѣ (*Об.* Д.).

Я всему предпочитаю 20.
За отечество лить кровь;
Я Плѣниру забываю [17]
И пою къ нему любовь.
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Утѣшайся восхищеньемъ 21.
Чадъ, о матерь! таковымъ,
Ихъ нелестнымъ поклоненьемъ
Добродѣтелямъ твоимъ:
Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

[17] Я Плѣниру забываю.

За нѣсколько мѣсяцевъ умерла первая жена Державина. См. выше стр. 570 и слѣд.

Приложеніе къ одѣ: «На взятіе Варшавы».

ИЗЪ ПИСЬМА ДЕРЖАВИНА КЪ МЕРЗЛЯКОВУ
отъ 26 августа 1815 г. изъ Званки *.

Милостивый государь мой Алексѣй Ѳедоровичъ!

Въ уединеніи и старости моей, когда уже меня и Музы оставили, вы своимъ Амфіономъ издалече, подобно сему древнему музыканту, утѣшаете слухъ мой и благоухаете моему самолюбію. Послѣдній разборъ вашъ оды моей На взятіе Варшавы усильно исторгаетъ мою вамъ благодарность. Вы, подобно Аддисону, усматривая кажущіяся вамъ истинными красоты въ письменахъ моихъ, обезсмертиваете меня, ежели такъ смѣю сказать, какъ онъ Мильтона, и я за то, кажется не некстати, напомяну вамъ изреченіе Пиндара:

«И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жметъ сердце тайно».

Такъ будьте, милостивый государь мой, на счетъ моихъ незаслуженныхъ хвалъ поумѣреннѣе. Вы знаете, что время и мѣсто придаютъ красоты вещамъ. Съ какой и когда точки зрѣнія, кто на что будетъ глядѣть: въ одно и то же время одному будетъ что-либо пріятно, а другому противно. Самая та же ода, которую вы столь превозносите теперь, въ свое время была причиною многихъ мнѣ непріятностей. Покойная государыня императрица разгнѣвалась, и потому, хотя уже была напечатана, но не выпущена въ свѣтъ до самой ея кончины. — Какія же бы были къ тому причины? — Вотъ онѣ: 1) Нѣкто изъ ея приближенныхъ читалъ оную предъ нею и вмѣсто *полна̀* прочелъ *пдлно.*

* Въ журналѣ Мерзлякова *Амфіонъ* за іюлѣ 1815 года, въ *Чтеніи пятомъ въ Бесѣдахъ Любителей Словесности въ Москвѣ* перепечатана вся ода *На взятіе Варшавы*, и вслѣдъ за тѣмъ помѣщенъ подробный разборъ ея. По этому-то случаю Державинъ написалъ къ своему критику письмо, которое мы прилагаемъ почти цѣликомъ, отдѣляя только въ концѣ его то, что не относится къ настоящему предмету. См. въ нашемъ изданіи переписку Державина.

2) *Тронъ подъ тобой, корона у ногъ* показались ей якобинизмомъ тогдашнихъ французскихъ крамольниковъ. 3) *Трудъ нашъ, имена* не столь сильны, какъ бы думалъ *я*, ея восхитили душу, и тому подобное. — Вы мнѣ скажете, что до этого вамъ нужды нѣтъ, но что вы только смотрите на красоты поэзіи, будучи поражаемы ими по чувствамъ вашего сердца. Вы правы; но смѣю сказать: точно ли вы дали вѣсъ тѣмъ мыслямъ, коими я хотѣлъ что̀ изобразить, ибо вамъ обстоятельства, для чего что̀ писано, неизвѣстны. Будучи поэтъ по вдохновенію, я долженъ былъ говорить правду; политикъ или царедворецъ по служенію моему при дворѣ, я принужденъ былъ закрывать истину иносказаніемъ и намеками, изъ чего само по себѣ вышло, что въ нѣкоторыхъ моихъ произведеніяхъ и понынѣ многіе, что̀ читаютъ, того не понимаютъ совершенно, — напримѣръ:

Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтятъ фонари;
Витійствуютъ уранги въ школахъ * и проч.

Всѣ примѣчатели и разбиратели моей поэзіи, безъ особыхъ замѣчаніевъ, оставленныхъ мною на случай смерти моей, будутъ судить не въ попадъ. — Также и въ разбираемой вами одѣ, кажется мнѣ, что вы приняли за одно аллегорическое названіе Польши: въ гидрѣ, во львѣ, въ Сарматѣ и въ фуріяхъ; но они суть предметы сами по себѣ совсѣмъ разные, но только дѣйствовали противъ Россіи заедино. Въ гидрѣ я представилъ Варшаву, какъ льстивую змію, исподтишка угрызшую нечаяннымъ возмущеніемъ бывшія тамъ наши войски; во львѣ — враждующаго на насъ Шведа, въ фуріяхъ — крамольниковъ Парижа, на насъ тайно и явно возстающихъ; ибо тутъ опечатка, а въ манускриптѣ сказано: *Стремися, фуріевъ* (а не *съ фуріей*) *сонмъ грозный* **. Подобно сему и театръ дѣйствія не одного настоящаго времени въ Варшавѣ, но «отъ Лены до Невы простершійся герой на лавровомъ полѣ оттолкнетъ враговъ одною ногою», т. е. *въ будущее время*, что̀ и исполнилось въ 1812 году подъ Москвою. *Сарматъ* — вообще польскій народъ, котораго обезоружа, Россъ грозитъ ему наднесеннымъ мечемъ, чтобъ онъ не смѣлъ вновь противъ него возставать. *Оттолкнуть* — слово конечно

---

* См. выше, стр. 248, строфу 8 оды *На Счастіе*, также примѣчаніе 4 на стр. 246.

** Мы не сочли нужнымъ воспользоваться въ текстѣ этою поправкой, потому что въ рукописяхъ оды нашли то же чтеніе, подкрѣпляемое и примѣчаніемъ самого Державина въ его *Объясненіяхъ*. См. выше. стр. 645, 7-й отдѣлъ оды и примѣч. 10.

низкое для оды; можно бы сказать: «отторгнетъ васъ одной ногою»; но мнѣ *оттолкнетъ* казалось яснѣе, какъ Ломоносову *сопхнуть* *. А потому въ куплетѣ семъ ежели и есть красоты, то не одни піитическія или картинообразныя, но пиѳическія, или пророчественныя.

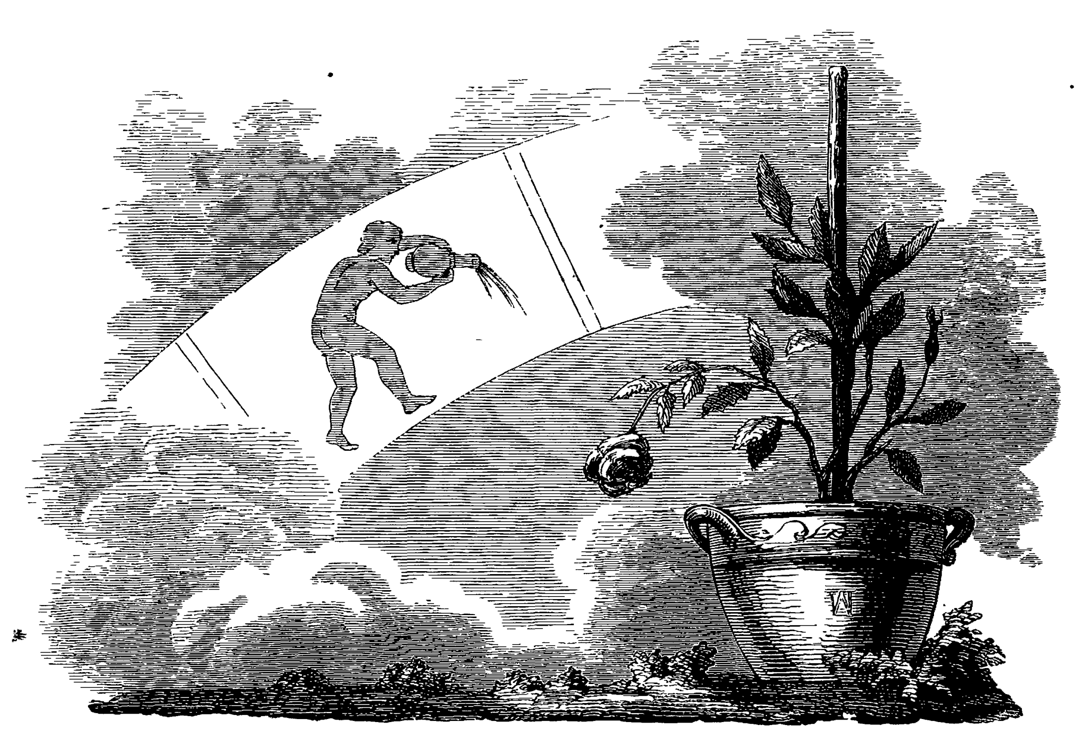
. . . .

Оканчиваю повтореніемъ моей еще благодарности за ваше ко мнѣ хорошее расположеніе. Не подумайте, что я будучи весьма слабый эстетикъ, хотѣлъ оспаривать разборъ вашъ, который мнѣ похвалять самому стыдно; но потомство вамъ лучше отдастъ справедливость нежели я, когда научите вы молодыхъ питомцевъ истинному вкусу вашими примѣчаніями. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашъ и проч.

---

* Въ своей 9-й духовной одѣ, выбранной изъ Іова, Ломоносовъ сказалъ (строфа 5):

«И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбоживыхъ съ ней сопхнуть.»

ГОГЕНФЕЛЬДЕНЪ

XCII. НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ [1].

1795.

Ночь лишь седьмую 1.
Мрачнаго трона

[1] Она родилась 11 іюля 1792 г. (см. выше, стр. 500, стихи на ея рожденіе), а умерла 15 января 1795. Настоящая пьеса была напечатана въ V-й ч. *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени* за тотъ же годъ (стр. 198) подъ заглавіемъ Стихи на кончину и проч. и съ примѣчаніемъ: «Получены изъ Петербурга отъ неизвѣстной особы, но тѣмъ не

Степень прешла[2],
Съ росска Сіона

менѣе съ чувствительною благодарностью сообщаются. П.» (Подшиваловъ); потомъ въ изданіяхъ: 1798, стр. 236, и 1808, ч. I, LIII.

Замѣчательно, что размѣръ этой элегической пьесы очень сходенъ съ тѣмъ, который въ древней скандинавской поэзіи употреблялся въ надгробныхъ пѣсняхъ. Въ поэмѣ шведскаго поэта Тегнѣра *Фритіофъ* написанъ этимъ-же размѣромъ *плачъ по конунгѣ Рингѣ;* для сравненія выписываемъ оттуда 1-й куплетъ:

Дремлетъ въ могилѣ
Вождь знаменитый;
Щитъ передъ грудью,
Мечъ у бедра.
Конь его добрый
Ржетъ подъ курганомъ,
Свѣтлымъ копытомъ
Стѣну скребетъ.

(*Фритіофъ*, въ переводѣ Я. Грота, Гельсингфорсъ, 1841, стр. 167).

Трудно предположить, чтобы такое сходство формы въ однородныхъ произведеніяхъ произошло случайно. Въ стихотвореніяхъ Державина за послѣдующее время встрѣчаются образы и имена, заимствованные изъ поэзіи скальдовъ: этимъ объясняется и метрическая особенность помѣщаемой здѣсь пьесы. Очевидно, что Державинъ, знакомый съ пѣснями бардовъ, обратился и къ міру скандинавскому, о которомъ могъ узнать многое изъ Маллетова *Введенія въ Исторію Датскую*, переведеннаго Моисѣенковымъ и изданнаго академіею наукъ въ 1785. Вслѣдствіе знакомства съ этою книгой и Н. А. Львовъ написалъ стихами *Пѣснь норвежскаго витязя Гаральда Храбраго*, напечатанную отдѣльно въ 1793 году. Державинъ и Львовъ безпрестанно увлекали другъ друга къ однимъ и тѣмъ же предметамъ занятій; особенно послѣдній дѣйствовалъ своимъ примѣромъ на перваго.

Значеніе рисунковъ такъ объяснено въ рукописяхъ: 1) Розанъ, увядающій въ 15-й день *Водолея* (ср. 3-й куплетъ); 2) Геній, парящій въ небесахъ, озаряющихъ Россію, осѣняетъ ее щитомъ (см. 12-й куплетъ).

[2] ..седьмую — степень прешла,

т. е. только что ночь перешла седьмую ступень мрачнаго трона. Великая княжна скончалась въ семь часовъ по полудни (*Об.* Д.), что̀ означено и при заглавіи этихъ стиховъ въ изданіи 1798 г. По словамъ

Звѣзду златую
Смерть сорвала.
Лучъ, покатяся
Съ синяго неба,
Въ безднѣ погасъ!

2.
Утрення, ясна,
Тѣнь золотая!
Кратокъ твой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь твой былъ вѣкъ.
Что твое утро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ!

3.
Юная роза
Лишь развернула
Алый шипокъ,
Вдругъ отъ мороза
Въ лонѣ уснула,
Свянулъ цвѣтокъ.
Такъ и съ царевной:
Нѣтъ ужъ въ ней жизни,
Смерть на челѣ!

4.
Къ отчему лону,
Къ матери нѣжной,

Остолопова (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 63), многіе ошибочно полагали, будто *седьмою степенью мрачнаго трона* поэтъ хотѣлъ означить седьмой десятокъ лѣтъ императрицы, и осуждали это выраженіе; «но оно ничего другаго не значитъ, какъ именно *семь часовъ* ночи, ибо зимою въ это время дѣйствительно темно бываетъ.» Кажется, въ *Розѣ* Пушкина (1815 г.) слышится отголосокъ 3-го куплета.

Къ братьямъ, сестрамъ,
Къ скипетру, трону,
Къ бабкѣ любезной,
Къ вѣрнымъ рабамъ,
Милый младенецъ,
Ты ужъ съ улыбкой
Рукъ не прострешь.

Ликъ полутонный, 5.
Тихое пѣнье,
Мрачность одеждъ,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
Въ дымѣ блескъ свѣчъ,
Норда царицы [3]
Блѣдность, безмолвье —
Страшный позоръ!

Гдѣ вы стѣснились? 6.
Что окружили?
Чей видимъ трупъ?
Иль вы забылись,
Въ гробъ положили
Спящаго тутъ
Ангела въ тѣлѣ? —
Ольга прекрасна
Ангелъ былъ нашъ.

[3] Норда царицы *и проч.*

«Императрица сама была на погребеніи, одѣтая въ бѣломъ платьѣ, имѣя сѣдые растрепанные волосы, блѣдна и безмолвна, что̀ составляло *страшный позоръ*», т. е. позорище (*Об. Д.*). Объ употребленіи нашимъ поэтомъ слова *позоръ* въ такомъ смыслѣ см. выше, стр. 625, примѣч. 2 къ одѣ *Вельможа*.

Вижу въ сіяньѣ 7.
Грады эѳира,
Солнцы кругомъ!
Вижу собранье
Горняго міра;
Ангеловъ сонмъ,
Руки простерши,
Ольгу пріемлютъ [4]
Въ свѣтлый свой полкъ.

Вижу блаженну 8.
Чистую душу
Всю изъ огня,
Въ свѣтъ облеченну:
Въ райскую кущу
Идетъ дитя;
Зритъ на Россію,
Зритъ на Петрополь,
Зритъ на родныхъ.

Зритъ на піиту [a], 9.
Жизнь и успенье
Кто ея пѣлъ,
Чей въ умиленьѣ
Дождь на ланиту

[a] Зритъ и піиту (1795).

[4] Ольгу пріемлютъ *и проч.*

Такъ точно древніе Скандинавы воображали, что боги ихъ въ горнихъ чертогахъ принимаютъ падшихъ героевъ. Здѣсь, какъ и въ другомъ, прежде замѣченномъ мѣстѣ (ср. выше стр. 124), Державинъ ставитъ при собирательномъ имени глаголъ во множественномъ числѣ.

Искрой летѣлъ;
Слышитъ звукъ лиры,
Томные гласы
Пѣсни моей.

Міра Содѣтель, 10.
Святость и прочность
Царства суть чьи!
Коль добродѣтель
И непорочность
Слуги Твои,
Коихъ ко смертнымъ
Ты посылаешь
Стражами быть:

Даждь, да надъ нами 11.
Ольги блаженной
Плаваетъ духъ;
Чтобъ, какъ очами,
Надъ полвселенной[5]
Неба сей другъ[б]
Зрѣлъ насъ звѣздами,
Дланью багряной
Сыпалъ къ намъ свѣтъ;

Племя Петрово[в], 12.
Екатерины,

[б] Сей неба другъ.
[в] Племя бъ Петрово

[5] Надъ полвселенной — т. е. надъ Россіей (*Об.* Д.).

Здравьемъ чело,
Сѣнь бы лаврова,
Мирные крины,
Все намъ цвѣло [г];
Дни бы златые,
Сребряны росы
Съ облакъ лились;

Не было бъ царства 13.
Въ свѣтѣ другаго
Счастливѣй насъ;
Яда коварства,
Равенства злаго [6],
Буйства заразъ,
Вольности мнимой,
Ангелъ хранитель,
Насъ ты избавь!

И средь эѳира, 14.
Въ дебри тьмозвѣздной,
Въ райской тиши,
Гдѣ днесь Плѣнира [7],
Другъ мой любезной,
Сердца, души

[г] Все бъ намъ цвѣло.

---

[6] Равенства злаго —
которое тогда проповѣдывалось во Франціи (*Об.* Д.).

[7] Гдѣ днесь Плѣнира.
См. выше, стр. 570 и 584, стихотворенія *Ласточка* и *Призываніе и явленіе Плѣниры.*

Въ ней половину,
Геній Россіи,
Призри мою!

XCIII. КЪ АНЖЕЛИКѢ КАУФМАНЪ[1].

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!

[1] Сочинено на второй бракъ Державина — съ Дарьей Алексѣевной Дьяковой, 31 января 1795 г. (см. выше, стр. 584, примѣчаніе 1 къ пьесѣ *Призываніе и явленіе Плѣниры*). Поэтъ, желая изобразить ее, обращается къ Анжеликѣ Кауфманъ точно такъ же, какъ въ *Изображеніи Фе-*

Если въ кисть твою вліянна
Свыше живость, чувство, вкусъ,
И, списавъ Данаевъ древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнъ:
Напиши мою Милену,
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ[a], возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;

[a] Стройну ростомъ ... (1798).

лицы онъ обратился къ Рафаэлю (см. выше стр. 270). Въ настоящемъ случаѣ онъ избралъ Кауфманъ потому, что эта знаменитая въ то время живописица обыкновенно писала высокія и стройныя фигуры съ греческими лицами, какова была и *Милена* (объ этомъ имени см. стр. 587). Такъ говоритъ самъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*. Анжелика Кауфманъ (въ замужствѣ Цукки, Zucchi), дочь живописца, родилась 1741 г. въ городѣ Курѣ, въ Граубинденѣ, умерла 1807 въ Римѣ. Уже съ 11 лѣтъ отъ роду она начала писать портреты съ удивительнымъ талантомъ; особенно прославилась она во время пребыванія своего въ Англіи и въ Италіи. Лучшимъ ея произведеніемъ считается Мадонна, въ католической церкви въ Курѣ.

Эта пьеса была напечатана въ изданіи 1798 г., стр. 346, подъ заглавіемъ *Къ живописицѣ Кауфманъ*; въ *Анакреонт. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 47, подъ заглавіемъ *Кауфманъ*, и въ изданіи 1808, ч. III, XVIII.

На приложенномъ къ заглавію рисункѣ «молодая въ древнемъ костюмѣ дѣвица пламенникомъ сжигаетъ на жертвенникѣ костеръ, изъ котораго вылетаетъ фениксъ» (рукоп.). Въ концѣ предполагалось представить палитру, увѣнчанную лаврами, или силуэтъ второй жены Державина въ костюмѣ Кауфманъ.

Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы, сердце[б] безотрадно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня,
Я нашелъ бы въ ней[в] обратно
И, плѣнясь ея красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

[б] Мое сердце ...
[в] Я бы въ ней нашелъ ...

XCIV. ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ[1].

Шекснинска стерлядь золотая, 1.
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;

[1] По свидѣтельству Остолопова (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 64), писано въ маѣ мѣсяцѣ. Изъ приглашенныхъ по этому случаю лицъ поэтъ въ примѣчаніяхъ упоминаетъ князя П. А. Зубова, И. И. Шувалова и графа А. А. Безбородко.

Въ графинахъ вина[а], пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги[б] и дохнуть,
Тебя стола вкругъ ожидая;
Хозяйка статная, младая[2]
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодѣтель давный[3], 2.
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ[в] добра!

[а] Въ бутылкахъ вина... (Рукоп. 1795).
[б] Слуги не смѣютъ... (1798).
— Рабы не смѣютъ... (Рукоп.).
[в] ...чрезъ тридцать лѣтъ...

Стихотвореніе это было напечатано въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 371, и 1808, ч. I, LVI.

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ «мужъ въ русскомъ платьѣ приглашаетъ къ обѣду; вкругъ него сухія вѣтви, обвитыя повиликою, означаютъ дружество»; на второмъ представлена чаша съ виноградомъ; возлѣ лежитъ узда, какъ эмблема умѣренности.

[2] Хозяйка статная, младая.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этого обѣда Державинъ, овдовѣвъ, женился на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, высокой и стройной. См. примѣч. 1 подъ предыдущею пьесою, также стр. 585.

Относительно перваго стиха этой строфы замѣтимъ, что въ изданіи 1798 г. и въ рукописяхъ читается *Шекшинска*. На мѣстахъ народъ говоритъ: *Шексна*, или *Шехна* (откуда *Пошехонье*). Водящаяся въ этой рѣкѣ стерлядь дѣйствительно отличается желтымъ цвѣтомъ своего мяса. *Каймакъ* — малороссійское кушанье, приготовляемое изъ молока. Вмѣсто втораго стиха было въ первоначальной рукописи:

Говядина и щи стоятъ.

[3] Приди, мой благодѣтель давный —

Хотя въ *Объясненіяхъ* Державина этотъ стихъ отнесенъ какъ къ И. И. Шувалову, такъ и къ гр. А. А. Безбородкѣ, но очевидно, что тутъ собственно должно разумѣть только перваго, который еще въ казанской гимназіи покровительствовалъ Державину, какъ высшій начальникъ этого училища. Оттого-то въ первоначальной рукописи и было сказано: *чрезъ*

Приди, — и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрятство
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность[4] 3.
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ, — одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, ангелъ мой, благотворитель!
Приди — и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю, 4.
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;

тридцать лѣтъ (см. варіантъ в). Впослѣдствіи поэтъ измѣнилъ выраженіе, желая вѣроятно, чтобъ и Безбородко могъ приложить къ себѣ эту строфу. Изъ *Записокъ* Державина (*Р. Б.*, стр. 115 и слѣд.) видно, что онъ еще въ 1776 г. встрѣтился съ Безбородкой; изъ другихъ же обстоятельствъ извѣстно, что они и послѣ оставались всегда въ хорошихъ отношеніяхъ. О чувствахъ Державина къ Шувалову лучше всего свидѣтельствуютъ его *Эпистола* на возвращеніе этого вельможи изъ чужихъ краевъ (см. выше стр. 50), ода *На выздоровленіе Мецената* (стр. 120) и *Урна* (подъ 1797 г.).

[4] Не чинъ, не случай и не знатность.

Само собою разумѣется, что слово *случай* употреблено здѣсь въ старинномъ значеніи успѣха при дворѣ.

Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И Смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ:
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ[г]?

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту, 5.
Что иногда груститъ и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ[д]
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ[е] жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

Итакъ, доколь еще ненастье 6.
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ Счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться, —
По платью ноги протягать.

[г] ... прочій вздоръ.
Видалъ, видалъ я по секрету,
Какъ иногда вздыхаетъ царь.

[д] .. и тронъ бываетъ непріятенъ.

[е] ... часовой сей ...

А если ты иль кто другіе[5] 7.
Изъ званыхъ, милыхъ мнѣ гостей[ж],
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать;
Извольте мой вы толкъ прослушать[з]:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха[и],
Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ[6].

ж . . . дорогихъ гостей.
з Извольте мой резонъ прослушать.
— . . . возгласъ мой прослушать.
— . . . проповѣдь послушать.
— Прошу васъ старика послушать.
и Не въ сладкомъ угобженьи брюха.

---

5 А если ты иль кто другіе *и проч.*

Между прочими былъ званъ любимецъ императрицы кн. Зубовъ; онъ и обѣщалъ пріѣхать, но передъ обѣдомъ прислалъ сказать, что его государыня удержала. Къ нему-то и относится этотъ стихъ (*Об.* Д.). О немъ см. выше, стр. 598, примѣч. 1 подъ пьесою *Къ лирѣ*.

6 Умѣренность есть лучшій пиръ.

«Этотъ заключительный стихъ трудно согласить съ описаніемъ роскошнаго обѣда въ 1-й строфѣ» (Галаховъ).

XCV. ГОСТЮ[1].

—

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ 1.
Диванѣ мягкомъ, отдохни;

[1] Сочинено по случаю посѣщенія автора Петромъ Лукичемъ Вельяминовымъ, принадлежавшимъ къ тѣсному пріятельскому кружку, который собирался около Державина. И. И. Дмитріевъ въ своихъ *Запискахъ* назы-

Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ[2],
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко[3]:
Пріятно часикъ похрапѣть;
Златой кузнечикъ, сѣра мошка
Сюда не могутъ залетѣть.

ваетъ Вельяминова въ числѣ литераторовъ, съ которыми онъ познакомился въ домѣ нашего поэта. Въ примѣчаніи (*Москвит.* 1842 г., № 1) прибавлено М. А. Дмитріевымъ, что Вельяминовъ сочинилъ между прочимъ простонародную пѣсню: «Охъ, вы славныя кислыя щи, вы медвяныя щи пузырныя»! Изъ Смирдинской *Росписи* (№ 8634) видно, что онъ занимался и переводами. Въ *Московскомъ журналѣ* за октябрь 1791 г. (ч. IV, стр. 91) напечатано письмо Н. А. Львова къ П. Л. В. (Вельяминову), показывающее, какъ послѣдній былъ близокъ и съ другомъ Державина. Въ этомъ письмѣ Львовъ говоритъ ему между прочимъ: «Ты русскія пѣсни любишь, за это тебѣ спасибо»; и прилагаетъ извѣстную пѣсню: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море», сочиненную Петромъ Семеновичемъ Львовымъ, дѣдомъ писавшаго письмо. Въ то время, когда сочинена пьеса *Гостю*, П. Л. Вельяминовъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, былъ директоромъ 2-й экспедиціи заемнаго банка, гдѣ онъ давно уже занималъ эту должность. «Онъ былъ», замѣчаетъ г. Бартеневъ при *Запискахъ* Державина, «тамбовскій помѣщикъ. Объ его вѣрномъ и изящномъ вкусѣ свидѣтельствуетъ между прочимъ построенный его заботами соборъ въ городѣ Липецкѣ. Отъ него осталось нѣсколько стихотвореній.» У Державина есть еще пьеса *Зима*, въ которой онъ дружески обращается къ тому же Вельяминову (см. подъ 1805 г.).

Стихи *Гостю* были напечатаны въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 80, и въ изданіи 1808 г., ч. III, XLII.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Эротъ, останавливая рудокопа, который въ землѣ ищетъ золота, показываетъ ему, что «и поцѣлуй въ сей жизни кладъ»; 2) бабочка на розѣ, окруженная сіяніемъ солнца, означаетъ, что для истиннаго счастія души не много надобно (*Об. Д.*).

[2] Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ, *и проч.*

Въ петербургскомъ домѣ Державина была комната съ диваномъ, въ которой серпяная палатка уставлена была зеркалами. Ср. выше, стр. 620, примѣч. 17 къ стихотворенію *Мой истуканъ*.

[3] Вздремли послѣ стола немножко.

И въ печатныхъ и въ рукописныхъ текстахъ *вздремли*, а не *вздремни*.

Случится[a], что изъ сновъ прелестныхъ 2.
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

[a] Быть можетъ (Рукоп.).

XCVI. ДРУГУ[1].

Пойдемъ сегодня благовонный 1.
Мы черпать воздухъ, другъ мой, въ садъ,

[1] Н. А. Львову, на прогулку въ саду принадлежавшей ему дачи близъ Невскаго монастыря, противъ Охты. О Львовѣ см. выше, стр. 511 и слѣд., въ примѣчаніяхъ.

Гдѣ вязы свѣтлы, сосны темны
Густыми купами стоятъ[2];
Который съ милыми друзьями,
Съ подругами сердецъ своихъ
Садили мы, растили сами;
Ужъ нынѣ тѣнь пріятна въ нихъ.

Пусть Даша статна, черноока[3] 2.
И круглолицая, своимъ
Взмахнувъ челомъ, тамъ у потока,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза, какъ зефиръ, порханьемъ
Пропляшутъ вмѣстѣ казачка,
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подастъ рука.

Мы, сидя тамъ въ тѣни древесной, 3.
За здравье выпьемъ всѣхъ людей:

Это посланіе было напечатано въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 81, и въ изданіи 1808, ч. III, XLIII.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Двѣ Нимфы, пляшущія подъ сѣнію мирта, которыхъ Любовь соединяетъ вѣнкомъ Грацій; одна бросаетъ цвѣты, а другая поливаетъ ихъ; между тѣмъ въ полутѣни Геній времени пускаетъ на воздухъ пузыри. 2) Подъ пальмой *левъ* съ *державой*, эмблема именъ поэта и друга его. Къ обоимъ рисункамъ предполагалось присоединить, въ видѣ надписей, слѣдующіе италіянскіе стихи:

(Къ первому) Prezioso tempo e lieve, facciamone tesor:

(Ко второму) La vita è un cammin breve, spargiamolo di fior (рукоп.).

[2] Густыми купами стоятъ.

Деревья на этой дачѣ сажали друзья Н. А. Львова, какъ-то: самъ Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Вельяминовъ (см. предыдущее стихотвореніе), также Марья Алексѣевна Львова (жена Николая Александровича, урожденная Дьякова, см. выше стр. 514 и 585) и Екатерина Яковлевна Державина, первая жена поэта (*Об.* Д.).

[3] Пусть Даша статна, черноока *и проч.*

Даша и Лиза, двѣ горничныя дѣвушки Львовыхъ, отличавшіяся умѣньемъ плясать по-русски (*Об.* Д.).

Сперва за женскій полъ прелестной,
За искреннихъ своихъ друзей;
Потомъ за тѣхъ, кто намъ злодѣи:
Съ одними намъ пріятно быть[а],
Другіе же, какъ скрыты змѣи,
Насъ учатъ осторожно жить[б].

[а] ... жить (1804).
[б] ... осторожнымъ быть.

XCVII. БОГИНѢ ЗДРАВІЯ [1].

Здравья богиня благая,
Ввѣкъ ты со мною, Гигея, живи!
Въ дни живота моего
Мнѣ ты сопутницей будь!

[1] По показанію Державина, это стихотвореніе переведено съ нѣмецкаго переложенія древняго греческаго манускрипта.

Къ этому наши уважаемые эллинисты, братья Коссовичи прибавляютъ, что авторомъ подлинника былъ Арифронъ Сикіонскій (лирикъ, жившій до Симонида) и что по видимому эти стихи на греческомъ языкѣ соста-

Если обилье склабится[a] смертнымъ,
Если гордятся они правовластнымъ
Блескомъ богатства,
Если любови страстны желанья стремятся
Къ сладкимъ утѣхамъ на лоно,
Если на отчи глаза

[a] ... осклабится (1798).

вляютъ только начало затеряннаго пэана въ честь Гигіеи, которую древніе обожали. Они сохранились въ слѣдующемъ видѣ у Аѳенея въ его Дейпнософистахъ (Athen. XV, p. 702 A).

«Ὑγίεια πρεσβίστα μακάρων, μετὰ σεῦ ναίοιμι τὸ λειπόμενον
βιοτᾶς, σὺ δέ μοι πρόφρων σύνοικος εἴης.
εἰ γάρ τις ἢ πλούτου χάρις ἢ τεκέων,
ἢ τᾶς ἰσοδαίμονος ἀνθρώποις βασιληίδος ἀρχᾶς ἢ πόθων,
οὓς κρυφίοις Ἀφροδίτας ἄρκυσιν θηρεύομεν,
ἢ εἴ τις ἄλλα θεόθεν ἀνθρώποισι τέρψις ἢ πόνων ἀμπνοὰ πέφανται,
μετὰ σεῖο, μάκαιρ᾽ Ὑγίεια,
τέθαλε πάντα καὶ λάμπει Χαρίτων ἔαρ·
σέθεν δὲ χωρὶς οὔτις εὐδαίμων ἔφυ.»

Вотъ и подстрочный переводъ этихъ стиховъ:

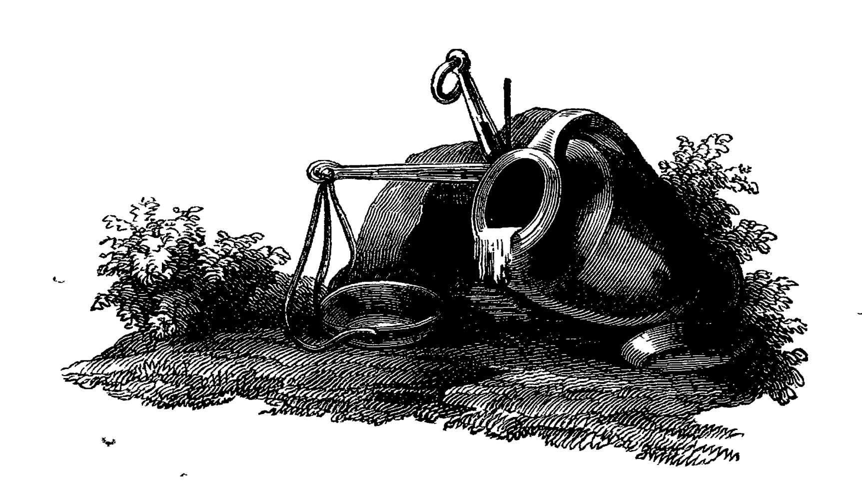
«Гигіея (Здоровье), старѣйшая (почтеннѣйшая) изъ безсмертныхъ! да будетъ мнѣ суждено провесть остатокъ моей жизни въ сообществѣ съ тобою и чтобы ты для меня была любящей неразлучной подругой. Если есть какая радость людямъ, или отъ богатства, или отъ дѣтей, или отъ царской власти, равняющей человѣка съ божествомъ, или отъ тѣхъ наслажденій, которыя мы уловляемъ тайными сѣтями Афродиты, или, если какое-либо другое оказывается, посылаемое людямъ свыше, удовольствіе или отдохновеніе отъ трудовъ, то лишь въ твоемъ сообществѣ, высокая Гигіея, цвѣтетъ все и блещетъ весна Харитъ; безъ тебя же счастливаго нѣтъ».

Переводъ Державина въ первый разъ напечатанъ въ изданіи 1798 г., стр. 375, подъ заглавіемъ: Гимнъ Гигеѣ, богинѣ здравія; потомъ въ изд. 1808 г., ч. I, LIX, съ сокращеніемъ заглавія.

Первый изъ приложенныхъ рисунковъ представляетъ богиню здравія (ср. выше стр. 121 и 125); второй — вѣсы и передъ ними наклоненную вазу, изъ которой льется вода.

Слезы младенецъ нѣжны манитъ,
Ежели[б] боги на насъ съ высоты
Дождь благодати кропятъ разновидный,
Если спокойство отшельныхъ,
Скромна насъ жизнь веселитъ, —
Всякая радость съ тобой благовоннѣй цвѣтетъ.
Если жъ, богиня, ты отступаешь,
Благо съ тобой все[в] уходитъ отъ насъ.

[б] Если ...
[в] Все съ тобой благо ...

XCVIII. СПЯЩІЙ ЭРОТЪ[1].

Ходя въ рощицѣ тѣнистой,
Видѣлъ тамъ Эрота я:
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ прекрасное дитя.
Сквозь пріятный сонъ умильный
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его;

[1] Написано на оперу, игранную дѣтьми княгини Татьяны Васильевны Юсуповой (урожденной Энгельгардтъ; см. выше, стр. 228, примѣч. 11 къ одѣ *Осень во время осады Очакова*). Первая половина стихотворенія, по словамъ самого Державина, переведена изъ Платона. Оказывается, что она заимствована изъ *греческой Антологіи*, и именно изъ отрывка, дѣйствительно приписываемаго Платону философу, подъ заглавіемъ: Πλάτωνος

Будто яблочки наливны[2],
Рдѣлись щеки у него. 8.
Почивая безоружнымъ,
Снѣжной грудью онъ блестѣлъ;
По вѣтвямъ надъ нимъ окружнымъ
Лукъ спущенный, тулъ висѣлъ.
Пчелы вкругъ его летали,
Какъ на розъ шумящій кустъ,
Капли меду собирали

εἰς Ἔρωτα ἐν ἄλσει κοιμώμενον (Платона объ Эротѣ, спящемъ въ рощѣ). Вотъ и самый подлинникъ:

Ἄλσος δ᾽ ὡς ἱκόμεσθα βαθύσκιον, εὕρομεν ἔνδον
πορφυρέοις μήλοισιν ἐοικότα παῖδα Κυθήρης.
οὐδ᾽ ἔχεν ἰοδόκον φαρέτρην, οὐ καμπύλα τόξα·
ἀλλὰ τὰ μὲν δένδρεσσιν ὑπ᾽ εὐπετάλοισι κρέμαντο·
αὐτὸς δ᾽ ἐν καλύκεσσι ῥόδων πεπεδημένος ὕπνῳ
εὗδεν μειδιόων· ξουθαὶ δ᾽ ἐφύπερθε μέλισσαι
κηροχυτοῦσ᾽ ἐντός, λαροῖς ἐπὶ χείλεσι βαῖνον.

Anthologia Plan. 210.

Нелишнимъ считаемъ приложить здѣсь и переводъ этого текста:

«Войдя въ рощу глубоко-тѣнную, мы нашли въ ней подобнаго пурпуровымъ яблокамъ сына Киѳеры. Не имѣлъ онъ колчана, вмѣщающаго въ себѣ стрѣлы, ни криваго лука; но тѣ висѣли на широковѣтвистыхъ деревьяхъ, а онъ, среди почекъ розъ, скованный сномъ, спалъ, улыбаясь; пчелы же темно-желтыя сверху, полныя меда внутри, ползали по благоуханнымъ его устамъ».

На подлинникъ подробно указано было въ первый разъ въ *Современникѣ* П. А. Плетнева, за декабрь 1838 г., (т. XII) въ неподписанной статьѣ г. Печерина *О греческой эпиграммѣ*. Окончаніе пьесы *Спящій Эротъ* придумано самимъ Державинымъ съ нѣкоторымъ только подражаніемъ Анакреону (см. ниже примѣч. 3).

Настоящее стихотвореніе было напечатано: въ *Аонидахъ* 1796 г. (кн. I, стр. 30) съ подписью *Д—нъ*, въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804, стр. 50, и въ изданіи 1808 г., ч. III, хх.

[2] Будто яблочки наливны.

Въ печатныхъ текстахъ *яблоки*, но въ экземплярѣ Державина рукой его поставлена тутъ уменьшительная форма.

Съ благовонныхъ сладкихъ устъ. 16.
Въ рощу Граціи вбѣжали [3]
И, нашедъ Эрота въ ней,
Потихоньку привязали
Къ красотѣ его своей;
Разбудя жъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ [a];
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали:
Гдѣ Пріятность, тутъ Любовь.

[a] Средь цвѣточныхъ ихъ оковъ.

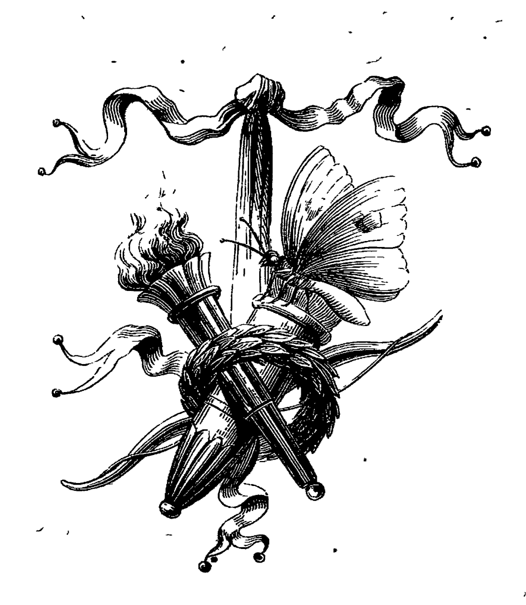
---

[3] Въ рощу Граціи вбѣжали *и проч.*

30-я ода Анакреона начинается (по переводу Львова) словами:

Цвѣтною вязью Музы
Опутали Любовь
И связанну вручили
Въ храненье Красоты.

Но продолженіемъ оды Державинъ не воспользовался въ этой пьесѣ. Поэтому въ статьѣ *О греческой эпиграммѣ* (см. выше примѣч. 1) не совсѣмъ справедливо замѣчено, будто «послѣдняя половина стихотворенія есть 30-ая ода Анакреона съ нѣкоторыми только измѣненіями». Есть у Державина другая пьеса (*Плѣнникъ*, см. подъ 1802 г.), передающая эту оду.

XCIX. АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ[1].

Случись Анакреону 1.
Марію посѣщать;
Межъ ними Купидону,
Какъ бабочкѣ, летать.

[1] Здѣсь уже не въ первый разъ имя Анакреона встрѣчается въ стихотвореніяхъ Державина, и мы отсылаемъ читателя къ тому, что по этому поводу сказано на стр. 421, въ примѣчаніи 1 къ *Анакреону въ собраніи*. Въ настоящей пьесѣ онъ подъ этимъ именемъ разумѣетъ самого себя. По словамъ поэта, она написана экспромтомъ во время игранія на арфѣ Марьи Львовны Нарышкиной, той самой, которую онъ въ 1789 г. воспѣлъ подъ именемъ *Евтерпы* (см. выше стр. 300).

Леталъ божокъ крылатый 2.
Красавицы вокругъ,
И стрѣлы онъ пернаты
Накладывалъ на лукъ.

Стрѣлялъ съ ея небесныхъ 3.
И голубыхъ очей,
И съ розъ въ устахъ прелестныхъ,
И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія 4.
Звончатую взяла,
И въ струны золотыя[a]
Свой голосъ издала:

Подъ алыми перстами 5.
Порхалъ рѣзвѣе богъ,

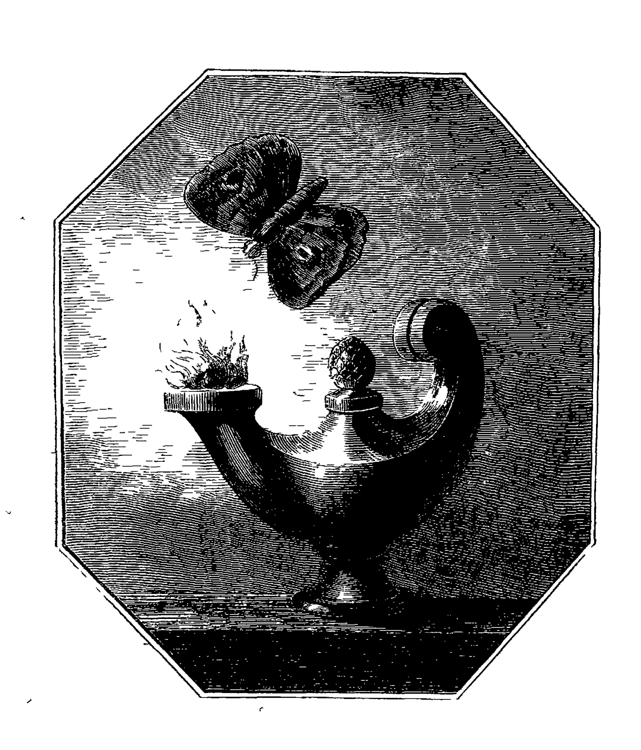
[a] Во струны золотыя (1796, 1798 и 1804).

Дополнимъ сказанное тамъ, въ примѣч. 1-мъ, выпискою изъ Сегюра (Mémoires, т. II, стр. 5): «Потемкинъ, который почти нигдѣ не показывался, пріѣзжалъ часто къ оберъ-шталмейстеру (*Л. А. Нарышкину*), потому что только здѣсь онъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и самъ никого не стѣснялъ. Притомъ, еще особенное обстоятельство влекло его сюда: онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина; въ этомъ никто не могъ сомнѣваться, видя какъ настойчиво и странно онъ за нею ухаживалъ; посреди всѣхъ постороннихъ онъ всегда былъ какъ будто бы наединѣ съ нею.» Три дочери Нарышкина вышли за Поляковъ: одна за гр. Сологуба, другая (Марья Львовна) за кн. Любомірскаго, третья за кн. Попинскаго (*Воспоминанія Булгарина*, ч. I, стр. 224).

Эти стихи напечатаны, подъ заглавіемъ *Анакреонъ*, въ *Музѣ* (Мартынова) за мартъ 1796 г. (ч. I, стр. 224), съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи, и въ изданіи 1798, стр. 344; потомъ, подъ измѣненнымъ заглавіемъ, въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 60, и въ изданіи 1808 г., ч. III, XXVIII.

Острѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жогъ.

Анакреонъ у печки 6.
Вздохнулъ тогда сидя:
«Какъ бабочка отъ свѣчки,
Сгорю», сказалъ, «и я».

С. НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ[1].

—

ДАФНИСЪ.

Днесь, Дафна, радость намъ, веселье[a]: 1.
Родителей твоихъ, моихъ
Мы позовемъ на новоселье
И праздникъ сдѣлаемъ для нихъ.

[a] Мой другъ! скажу тебѣ веселье:
Въ сей день родителей своихъ (Рукоп.).

---

[1] Это стихотвореніе, названное въ *Объясненіяхъ* Державина *пастушескою эклогою*, написано имъ по просьбѣ Дмитрія Львовича Нарышкина, который только что женился и по этому поводу оставилъ родительскій домъ. Въ одной изъ первоначальныхъ рукописей пьеса озаглавлена: *Идиллія. Дафнисъ и Элиза;* въ другой, позднѣйшей, вмѣсто этихъ именъ поставлены: *Дмитрій и Марья*, послѣ опять зачеркнутыя. Въ обѣихъ двѣ разныя редакціи, отъ которыхъ печатный текстъ во многомъ отступаетъ (см. варіанты). Д. Л. Нарышкинъ былъ впослѣдствіи оберъ-егермейстеромъ.

Молодая супруга его была урожденная польская княжна Марья Антоновна Четвертинская, знаменитая своей красотой и вниманіемъ императора Александра I (она р. 1779, ум. 1854). «Но что всего привлекательнѣе было въ Маріи Антоновнѣ», сказано въ *Воспоминаніяхъ* Булгарина (ч. I, стр. 236) — «это ея сердечная доброта, которая отражалась и во взорахъ, и въ голосѣ, и въ каждомъ ея пріемѣ. Она дѣлала столько добра, сколько могла, и безпрестанно хлопотала за бѣдныхъ и несчастныхъ ... Между мущинами», продолжаетъ авторъ, «никто не могъ сравняться съ старикомъ Л. А. Нарышкинымъ и его сыновьями Александромъ и Дмитріемъ Львовичами ... Оба брата были прекрасные мущины, истинно аристократической наружности. Родъ Нарышкиныхъ отличался и красотою тѣлесною, и добродушіемъ, и популярностію. У всѣхъ ихъ была какая-то врожденная наклонность къ изящному, и каждый находилъ у нихъ пріютъ.» О Львѣ Александровичѣ см. подъ 1796 г. примѣчанія къ одѣ *На рожденіе Гремиславы*. Марью Антоновну воспѣлъ Д. 1810 г. въ *Аспазіи*.

Новоселье молодыхъ напечатано въ изд. 1808, ч. I, LI.

ДАФНА.

Изрядно, Дафнисъ! Я съ цвѣтами[б] 2.
Для нихъ корзинку припасу,
Весь домикъ окурю духами
И сыръ и масло принесу.

ДАФНИСЪ.

Надѣнь сорочку бѣлоснѣжну[в], 3.
На грудь двѣ розы приколи
И, ферязь поясомъ зелену
Подбравъ немного отъ земли,
Устрой такъ къ пляскѣ ножки милы, 4.
Чтобы подъ пѣсней козелка
Такъ проплясать тебѣ, какъ крилы
Порхаютъ вешня вѣтерка.

ДАФНА.

Все будетъ, Дафнисъ. Ты жъ скорѣе[г] 5.
Воздвигнь алтарь, и тѣ на немъ
Цвѣты, плоды, что есть спѣлѣе,
Поставь, да ихъ мы принесемъ
На жертву подъ свирѣльми Пану 6.

[б] Согласна, Дафнисъ...
[в] Надѣнь и ферязь бѣлоснѣжну,
А розу приколи къ грудямъ
И такъ настрой гитару нѣжну,
Чтобъ пѣсенку пропѣть гостямъ.
Иль, вверхъ поднявъ прекрасну руку,
Другою опершися въ бокъ,
Готовься проплясать мазурку,
Какъ легкій, рѣзвый вѣтерокъ.
[г] А ты, о Дафнисъ! здѣсь скорѣе
Устрой алтарь; поставь на немъ
Плоды, которые спѣлѣе.
При жертвѣ этой лирный громъ
Пускай на небеса взнесется

За нашихъ здравіе гостей
И что съ родительми я стану
Вкушать тобой златыхъ токъ дней.

ДАФНИСЪ.

О Дафна милая, драгая[д], 7.
Другъ сердца, свѣтъ моихъ очей!
Лишь ты, хозяйка молодая,
Моихъ пребудешь счастьемъ дней.

ДАФНА.

Нѣтъ, ты. Ахъ, гости дорогіе[е]! 8.
Вы здѣсь? Родитель нѣжный, мать!
Какія жертвы вамъ другія?
Мы можемъ лишь сердца отдать
За хлѣбъ и соль, намъ принесенны, 9.
За курицу и пѣтуха[2].

ДАФНИСЪ.

Мы всѣмъ отъ васъ благословенны:
Я вѣрный сынъ вашъ!

ДАФНА.

Я сноха!

За здравье милыхъ намъ гостей,
Да счастье въ этотъ домикъ льется
Во все теченье нашихъ дней.
[д] Такъ, милая моя, драгая!
Прекрасный ангелъ, свѣтъ очей!
Въ тебѣ, хозяйка молодая,
Моихъ блаженство, радость дней.
[е] Но вотъ и гости здѣсь драгіе.
Родитель нѣжный, мила мать!
Ахъ, мы не можемъ вамъ другія
Дать жертвы, — лишь сердца отдать.

---

[2] За курицу и пѣтуха.

У Русскихъ въ старину водилось дарить на новоселье, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, курицу и пѣтуха въ знакъ желанія дому обилья (*Об.* Д.).

ДАФНИСЪ.

Вы жизнь мнѣ даровали! 10.

ДАФНА.

Вы въ дочь меня избрали!

ДАФНИСЪ.

Питали близъ своихъ сердецъ!

ДАФНА.

Вы счастья нашего вѣнецъ!

ОБА.

Примите же благодаренье 11.
Усердныхъ вамъ своихъ дѣтей:
Сей праздникъ, пиръ и новоселье —
Вы все, вы все намъ въ жизни сей.

ДАФНИСЪ.

Вы жизнь мнѣ даровали,
Питали близъ своихъ сердецъ.

ЭЛИЗА.

Вы въ дочь меня избрали,
Вы счастья моего вѣнецъ.

ОБА ВМѢСТѢ.

Теперь благодаренье
Примите вашихъ нѣжныхъ чадъ;
Вамъ нашихъ душъ движенье
Днесь радостный нашъ кажетъ взглядъ

ХОРЪ.

Гости милые, почтенны,
Нѣжна матерь и отецъ!
Зрите души восхищенны
Нѣжныхъ чадъ, восторгъ сердецъ;
Зрите, утѣшайтесь ими:
Вы ихъ счастія творцы.

CI. ФЛОТЪ[1].

Онъ, бѣлыми взмахнувъ крылами, 1.
По зыблющей равнинѣ волнъ

[1] Сочинено 2 іюня 1795 г. на отплытіе эскадры, состоявшей изъ кораблей разныхъ морскихъ державъ, подъ прикрытіемъ русскаго флага, во время французской революціи (*Об.* Д.). Напечатано въ изданіяхъ, 1798 г., стр. 369, съ означеніемъ въ заглавіи года и дня, и 1808, ч. I, LV.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Орелъ, неся флагъ россійскій, съ начертаніемъ имени Петра В., показываетъ путь Нептуну; 2) медаль, представляющая корабль въ полномъ ходу, предъ которымъ Геркулесъ убиваетъ гидру (рукоп.).

Пошелъ, — и слѣдомъ пѣна рвами[2],
И съ страшнымъ шумомъ искры, огнь
Подъ нимъ въ пучинѣ загорѣлись;
Съ нимъ рядомъ тѣнь его бѣжитъ,
Ширинки съ шлемовъ распростерлись[3],
Горѣ предъ нимъ орелъ паритъ.

Водимъ Екатерины духомъ,
Побѣдъ и славы громкой сынъ, 2.
Ступай еще, и землю слухомъ
Наполнь, о росскій исполинъ!
Ты смѣло Сциллы и Харибды[4]
И свѣтъ весь прежде проходилъ:
То днесь препятствъ какіе виды?
И кто тебѣ ихъ положилъ?

Ступай — и стань средь Океана, 3.
И брось твоихъ гортаней громъ:

[2] Пошелъ, — и слѣдомъ пѣна рвами.

Ср. во 2-й одѣ Ломоносова, строфы 22 и 23, въ которыхъ русскій флотъ уподобляется грозному исполину, особенно 5-й и 6-й стихъ послѣдней изъ этихъ строфъ:

Вослѣдъ за скорыми кормами
Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами,

которые въ экземплярѣ сочиненій Ломоносова, принадлежавшемъ Державину, подчеркнуты. Тамъ же противъ 22-й строфы нашли мы замѣтку Державина: «Живая картина ужаса». См. выше, стр. 347, примѣч. 14 къ одѣ *На взятіе Измаила.*

[3] Ширинки съ шлемовъ распростерлись.

На каскахъ у русской арміи были лопасти, которыми обвязывались во время стужи (*Об.* Д.).

[4] Ты смѣло Сциллы и Харибды *и проч.*

Это относится къ пути, пройденному русскимъ флотомъ въ 1770-хъ гг., когда онъ былъ посланъ въ Архипелагъ противъ Турокъ (*Об.* Д.).

Европа, злобой обуянна,
И гидръ лилейныхъ блѣдный сонмъ [5]
Отъ грозъ твоихъ да потрясется:
Проснется Людвигъ звукомъ лиръ!
Да дщерью Божьей наречется,
Кто дастъ смущеннымъ царствамъ миръ!

[5] И гидръ лилейныхъ блѣдный сонмъ.
Въ гербѣ Франціи были прежде бѣлыя лиліи; сонмъ гидръ между ними означаетъ революціонные клубы и собранія (*Об.* Д.).

CII. СОЛОВЕЙ[1].

На холмѣ, сквозь зеленой рощи, 1.
При блескѣ свѣтлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.

[1] По словамъ поэта въ *Объясненіяхъ*, пьеса *Соловей* написана еще въ 1794 году; но Остолоповъ, по его же показанію, относитъ ее къ 95-му, и такъ какъ неизвѣстно никакого особеннаго обстоятельства, которое бы ее вызвало, а между тѣмъ она по предмету своему близка къ стихотворенію *Павлинъ*, и во всякомъ случаѣ промежутокъ, раздѣляющій время сочиненія ихъ, не великъ: то мы, по примѣру самого Державина, и помѣщаемъ ихъ сряду. По нѣкоторымъ выраженіямъ есть поводъ думать, что обѣ пьесы возникли подъ вліяніемъ описаній *соловья* и *павлина*, на-

По вѣтрамъ легкимъ, благовоннымъ,
То свистъ его, то звонъ летитъ;
То, шумомъ заглушаемъ воднымъ,
Вздыханьемъ сладостнымъ томитъ.

Пѣвецъ весеннихъ дней пернатый, 2.
Любви, свободы и утѣхъ!
Твой гласъ отрывный, перекаты
Отъ грома къ нѣжности, отъ нѣгъ
Ко плескамъ, трескамъ и перунамъ,
Средь позднихъ, раннихъ красныхъ зарь,
Раздавшись неба по лазурямъ,
Въ безмолвіе приводятъ тварь.

Молчитъ пустыня изумленна 3.
И ловитъ громъ твой жадный слухъ;

ходящихся въ *Риторикѣ* Ломоносова (§ 58) и заимствованныхъ имъ изъ Плинія младшаго (Historiae naturalis lib. X, cap. xviii и xxix). Впрочемъ *соловей* составлялъ одну изъ любимыхъ темъ тогдашняго стихотворства. Въ I-й книжкѣ *Аонидъ* Карамзинъ помѣстилъ довольно длинную пьесу подъ этимъ заглавіемъ, о которой Державинъ въ письмѣ Дмитріеву отъ 5 августа 1796 г. сказалъ: «*Соловей*, правда ваша, не весьма громокъ» и которая подала Шаховскому поводъ къ насмѣшкамъ въ *Новомъ Стернѣ* *. Во II-й и III-й кн. *Аонидъ* мы опять встрѣчаемъ по *Соловью*, и одинъ изъ нихъ — М. Магницкаго (этотъ человѣкъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи такую печальную извѣстность, былъ въ молодости поэтомъ!). Стихотворцы наши порывались выразить на русскомъ языкѣ разнообразные переливы соловьиной пѣсни, пока наконецъ Крыловъ не рѣшилъ задачи.

Соловей напечатанъ въ изданіяхъ: 1798, стр. 363, и 1808, ч. I, lvii.

Содержаніе рисунковъ: 1) Человѣкъ, сидящій съ лирою подъ деревомъ, слушаетъ соловья; 2) соловей на лирѣ (*Об.* Д.).

* Въ 4-мъ явленіи графъ Пронскій поетъ романсъ, въ которомъ выраженіе «Она — малиновка-любовь» явно взято изъ этихъ стиховъ Карамзина:

Поетъ пріятно и въ неволѣ
Любовь-малиновка весной.

Въ собраніи стиховъ Карамзина есть еще пьеса *Къ соловью*.

На крыльяхъ эха раздробленна
Плѣняетъ пѣснь твоя всѣхъ духъ.
Тобой цвѣтущій долъ смѣется,
Дремучій лѣсъ пускаетъ гулъ,
Рѣка бѣгущая чуть льется,
Стоящій холмъ чело нагнулъ.

И, свѣсясь со скалы кремнистой, 4.
Густокудрява мрачна ель
Напѣвъ твой яркій, голосистый
И разсыпную, звонку трель,
Какъ очарованна, внимаетъ;
Не смѣетъ двигнуться луна
И свѣтъ свой слабо ниспускаетъ:
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность 5.
Въ созвучномъ пѣніи твоемъ,
Стремительность, пріятность, каткость
Между колѣнъ и перемѣнъ!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь[2],
Журчишь и стонешь въ голосахъ;

[2] Ты щелкаешь, крутишь, поводишь.

Припомнимъ описаніе соловья въ *Риторикѣ* Ломоносова: «Коль великаго удивленія сіе достойно! въ толь маленькомъ горлышкѣ нѣжной птички толикое напряженіе и сила голоса! Ибо когда, вызванъ теплотою лѣтняго дня, взлетаетъ на вѣтвь высокаго древа, внезапно то голосъ безъ отдыху напрягаетъ, то различно перебиваетъ, то ударяетъ съ отрывомъ, то *крутитъ* къ верху и къ низу, то вдругъ пріятную пѣснь произноситъ и между сильнымъ возвышеніемъ урчитъ нѣжно, свиститъ, *щелкаетъ*, *поводитъ*, хрипитъ, дробитъ, *стонетъ*, утомленно, стремительно, густо, тонко, рѣзко, тупо, гладко, кудряво, жалко, порывно» (курсивомъ означены слова, встрѣчающіяся и въ пьесѣ Державина). У Плинія читаемъ: «Lusciniis diebus ac noctibus continuis quindecim garrulus sine intermissu cantus, densante se frondium germine, non in novissimum digna

Въ забвенье души ты приводишь,
И отзываешься въ сердцахъ.

О, если бы одну природу 6.
Съ тобою взялъ я въ образецъ,
Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу:
Какой бы славный былъ пѣвецъ!
Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
И чувства были, вмѣсто словъ;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармонія моихъ стиховъ.

Тогда бъ, подобно Тимотею[3], 7.
Въ шатрѣ персидскомъ я возлегъ
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать могъ:
То, вспламеня любовной страстью,
Къ Таисѣ бы его склонялъ;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручалъ.

Тогда бы я между прудами 8.
На мягку мураву возсѣлъ,

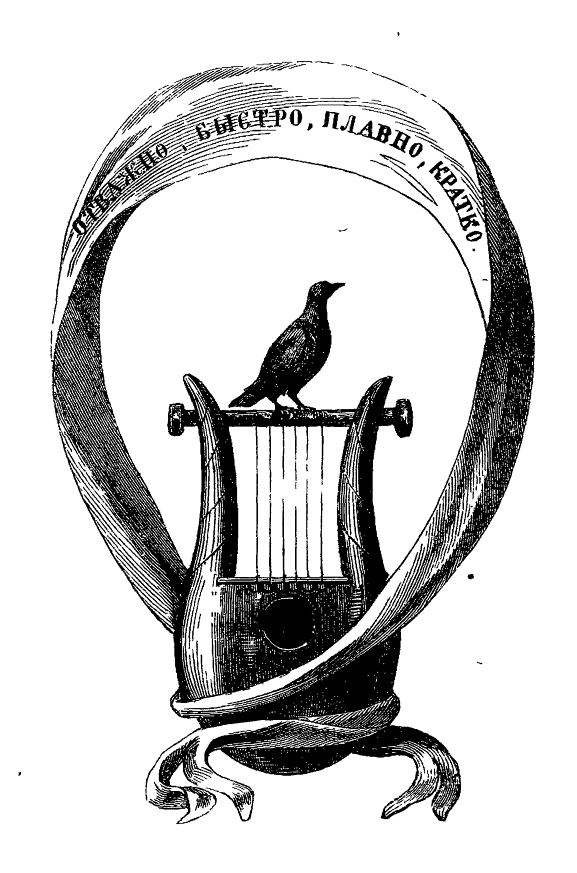
miratu ave. Primum tanta vox tam parvo in corpusculo, tam pertinax spiritus; deinde in una perfecta musica scientia modulatus editur sonus et nunc continuo spiritu trahitur in longum, nunc variatur inflexo, nunc distinguitur conciso, copulatur intorto, promittitur revocato, infuscatur ex inopinato, interdum et secum ipse murmurat, plenus, gravis, acutus, creber, extentus; ubi visum est, vibrans, summus, medius, imus и т. д.
(Caji Plinii secundi Historiae naturalis lib. X, cap. XXIX).

3 ... подобно Тимотею.

«Тимотей, славный музыкантъ греческій (*ѳивскій*), который игралъ на лирѣ (*вѣрнѣе, на флейтѣ*) предъ Александромъ Великимъ и возбуждалъ его страсть къ Таисѣ, его любовницѣ, или къ войнѣ, такъ что онъ въ восторгѣ схватывалъ копье» (*Об.* Д.).

И арфы съ тихими струнами
Пріятность сельской жизни пѣлъ;
Тогда бы Нимфа мнѣ внимала,
Боясь въ зерцало водъ взглянуть,
Сквозь дымку бы едва дышала
Ея высока, нѣжна грудь.

Иль, храбрыхъ Россіянъ дѣлами 8.
Плѣнясь бы, духомъ возлеталъ,
Героевъ полкъ надъ облаками
Въ сіяньи звѣздъ я созерцалъ:
О, коль бы ихъ воспѣлъ я сладко,
Гремя поэзіей моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Какъ ты, о дивный соловей!

CIII. ПАВЛИНЪ[1].

Какое гордое творенье, 1.
Хвостъ пышно расширяя свой,

[1] Эта пьеса, направленная противъ надутой спеси вельможъ, превозносящихся внѣшнимъ блескомъ, могла быть отчасти внушена Державину слѣдующимъ описаніемъ павлина, составляющимъ одинъ изъ примѣровъ въ § 58 *Риторики* Ломоносова: «Расширивъ хвостъ свой, разностію цвѣтовъ гордится, когда они безпрестанно перемѣняются и пріобрѣтаютъ тѣмъ новую пріятность. Сіе особливо бываетъ въ прекрасныхъ и радугѣ подобныхъ кружкàхъ, которые онъ на концѣ каждаго пера показываетъ. Ибо гдѣ прежде сверкали рубины, уже тутъ по маломъ наклоненіи золото блистаетъ: съ одной стороны лазорью, съ другой багряностью; на солнцѣ жемчугомъ, въ тѣни изумрудами взоръ увеселяютъ». Двѣ первыя строфы Державина представляютъ нѣкоторое сходство съ этимъ опи-

Чернозелены въ искрахъ перья [a]
Со разсыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?

Лазурно-сизо-бирюзовы 2.
На каждаго концѣ пера.

[a] Всѣ съ зеленью и черныо перья,
И въ искрахъ бахромы златой,
Какъ полукружный, разноцвѣтный
Щитъ держитъ надъ главой своей?
Лазурны, сизы, бирюзовы
На каждомъ на концѣ пера,

саніемъ, которое въ свою очередь могло быть обязано своимъ происхожденіемъ слѣдующему мѣсту Плинія младшаго: «Gemmantes laudatus expandit colores adverso maxime sole, quia sic fulgentius radiant; simul umbrae quosdam repercussus ceteris, qui in opaco clarius micant, conchata quaerit cauda omnesque in acervum contrahit pennarum, quos spectari gaudet oculos» (C. Plinii secundi Hist. nat. lib. X, cap. XVIII).

У нѣмецкаго поэта первой половины XVIII-го столѣтія, Броккеса (см. выше, стр. 194 и 207), есть стихотвореніе, по содержанію близкое къ *Павлину* Державина, но столь растянутое и вялое, что оно, если исключить нѣкоторыя отдѣльныя черты, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ послѣднимъ. Оно озаглавлено: Gedanken über einen Hof voll Federvieh; absonderlich über die Schönheit des Pfauen (въ IV ч. Irdisches Vergnügen in Gott, Hamburg, 1735, стр. 161—168). Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ оттуда:

Dein Gold ist bunt, und nicht allein nur gülden;
Mich deucht, dass ich sogar das helle Blau
Von jenen himmlischen Gefilden,
Wann sie recht heiter sind, an deinem Halse schau.
Doch nein!
Es ist ja grün. Wie ist mir? Auf der Welt
Ist kein Smaragden-gleicher Feld, etc.

Пьеса *Павлинъ* была напечатана въ изданіяхъ: 1798, стр. 367, и 1808, ч. I, LVIII.

Второй рисунокъ представляетъ вѣнокъ изъ волчца.

Тѣнисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонитъ — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горятъ[б]!

Не то ли славный царь пернатый? 3.
Не то ли райска птица-жаръ,
Которой столь уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье тварь[в]?
Гдѣ ступитъ — радуги играютъ!
Гдѣ станетъ — тамъ лучи вокругъ[г]!

Конечно, сила и паренье 4.
Орлиныя въ ея крылахъ,
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ;
А пеликана добродѣтель[д]
Въ ея и сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье? 5.
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей фениксъ опустилъ вдругъ перья,

Ряды круговъ, и въ нихъ блескъ новый
Являя злата и сребра (Первонач. рукоп.).
[б] Подыметъ — яхонты горятъ.
Не это ль славный царь пернатый
Иль баснословна птица-жаръ.
[в] Приводитъ въ изумленье тварь.
[г] Гдѣ станетъ — удивляетъ взоръ.
Орлины силы и паренье,
Я думаю, въ ея крылахъ.
[д] И вѣрно, всѣхъ она прекраснѣй
Величествомъ души своей.
Но что за странное явленье?
Пронзительный я слышу визгъ!

Увидя гнусность ногъ своихъ.
О пышность, какъ ты ослѣпляешь[e]!
И баринъ безъ ума — павлинъ[2].

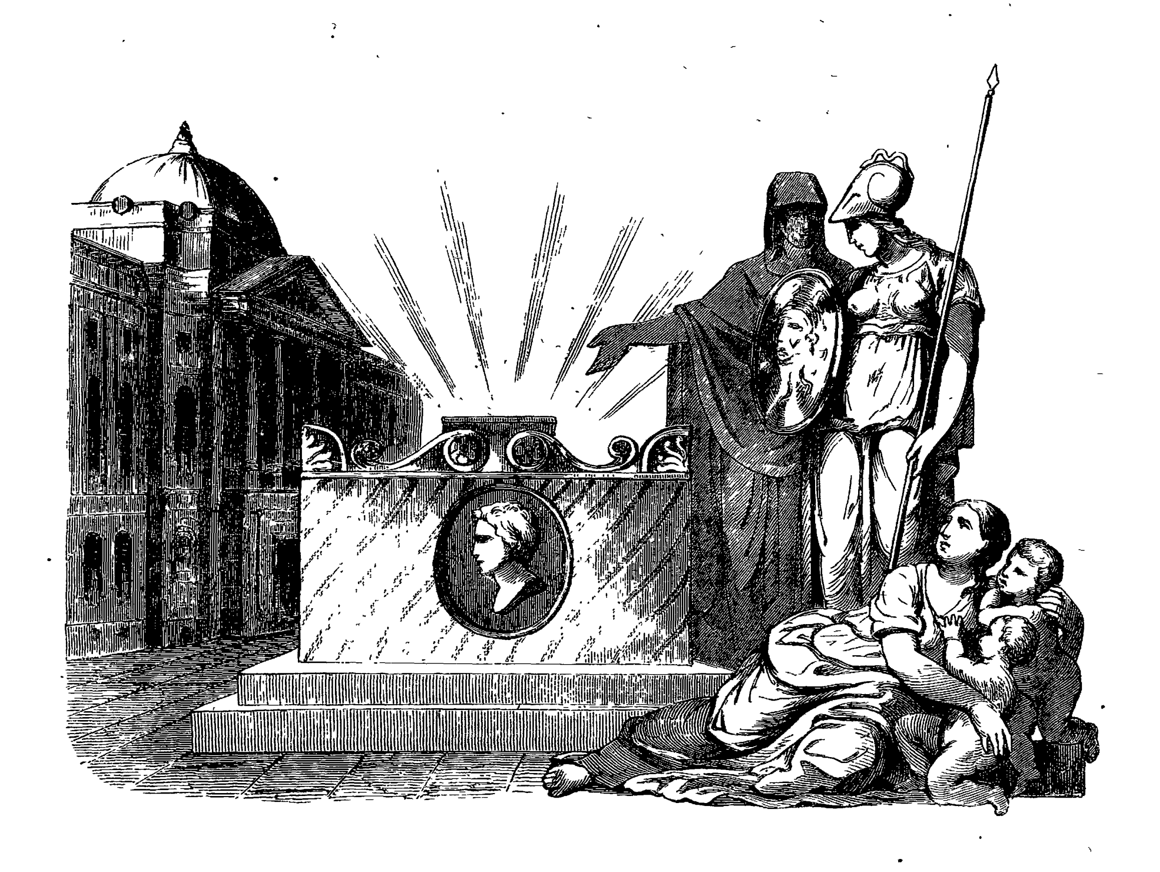
[e] Такъ вотъ примѣръ великолѣпья:
Вельможа безъ ума — павлинъ.

---

[2] И баринъ безъ ума — павлинъ.

Этотъ конецъ даетъ угадать настоящій смыслъ стихотворенія: Державинъ захотѣлъ излить желчь, накопившуюся у него вслѣдствіе «всѣхъ каверзъ и криводушничества, разными министрами чинимыхъ противъ него», на которыя онъ особенно жалуется съ 1794 г., когда онъ сдѣлался президентомъ коммерцъ-коллегіи. Кажется, здѣсь можно особенно разумѣть Тутолмина, на котораго онъ еще съ Петрозаводска смотрѣлъ враждебно и который теперь причинилъ ему новыя непріятности по таможенному управленію (*Зап. Д.*, *Р. Б.*, стр. 383 и слѣд.). Извѣстно, что Тутолминъ жилъ очень пышно. Онъ родился въ 1740 г., умеръ главнокомандующимъ въ Москвѣ 1809.

CIV. НА КОНЧИНУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ[1].

Прежде неже умреши ты, добро твори другу ..... и освяти душу твою, яко нѣсть во адѣ взыскати сладости.
Сирах. гл. 14, ст. 13, 16, 17.

И ты, нашъ Несторъ долголѣтный! 1.
Нить прервалъ нѣжныхъ чувствъ своихъ;

[1] Ивана Ивановича Бецкаго, родившагося въ Стокгольмѣ 3 февраля 1704, умершаго въ Петербургѣ 31 августа 1795 года, на 92-мъ отъ рожденія. Извѣстно, что отецъ его былъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубец-

Сто лѣтъ прошли — и не примѣтны;
Погасло солнце дней твоихъ!

кой, взятый въ плѣнъ Шведами въ нарвскомъ сраженіи и что дѣятельность Бецкаго была главнымъ образомъ посвящена призрѣнію младенцевъ, рожденныхъ внѣ брака, и воспитанію молодаго поколѣнія, почему современники и называли его въ шутку: *Бецкой, воспитатель дѣтской.* По его старанію были учреждены такъ-называемые *Воспитательные домы* для приносимыхъ дѣтей, сначала въ Москвѣ (1763), а потомъ и въ Петербургѣ (1770), также извѣстное подъ именемъ *Смольнаго монастыря* заведеніе для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ (1764)*. Онъ былъ главнымъ попечителемъ Воспитательныхъ домовъ, шефомъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса и президентомъ академіи художествъ. Въ послѣднихъ двухъ учрежденіяхъ, какъ и въ Смольномъ монастырѣ, онъ содержалъ нѣсколько дѣтей на своемъ собственномъ иждивеніи и въ духовной своей завѣщалъ изъ принадлежавшаго ему капитала въ 400.000 руб. значительныя суммы этимъ заведеніямъ **. Въ память его заслугъ сенатъ, въ концѣ 1773 г., торжественно поднесъ ему золотую медаль съ портретомъ его (*Спб. Вѣдомости* 1774 г., № 5).

* Современники упражняли свое остроуміе надъ этими новизнами. Послѣ перваго выпуска изъ Смольнаго монастыря кто-то сочинилъ стихи:

Иванъ Иванычъ Бецкой,
Человѣкъ нѣмецкой,
Выпустилъ куръ,
Монастырскихъ дуръ.

(По другому преданію, послѣ двухъ первыхъ стиховъ слѣдовало:

Воспитатель дѣтской,
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ
Выпустилъ въ свѣтъ
Шестьдесятъ куръ,
Набитыхъ дуръ.

Слова *чрезъ двѣнадцать лѣтъ* основываются на томъ, что каждое изъ двухъ отдѣленій этого заведенія раздѣлялось вначалѣ на 4 класса, и въ каждомъ классѣ дѣвицы должны были оставаться по 3 года, такъ что весь курсъ воспитанія продолжался 12 лѣтъ. Онѣ принимались на 7-мъ году отъ рожденія. На *благородной* половинѣ было 200 воспитанницъ, на *мѣщанской* — 240; въ первой положено было по пятидесяти, въ послѣдней по *шестидесяти* дѣвицъ на каждый классъ. См. Реймерса St. Petersburg и проч., ч. II, стр. 197).

** О пожертвованіяхъ Бецкаго см. Storch, Gemählde von St. Petersburg, т. I, стр. 282, Георги *Описаніе Спб.* въ разныхъ мѣстахъ, также въ *Соврем. Лѣтописи* 1863, № 28 статью: «Первый годъ московскаго Воспитательнаго дома»; ср. въ газетѣ *Наше Время* 1863 № 29 «Столѣтіе» этого учрежденія.

Глава сребрится сѣдинами
И грудь хотя горитъ звѣздами,
Но протекла Невы струя:
Пресѣклась, Бецкой, жизнь твоя.

Пресѣклась жизнь, но справедлива 2.
Хвала твоя не умерла!
Тѣхъ гробъ, тѣхъ персть краснорѣчива,
О коихъ говорятъ дѣла.
Воззримъ ли зданій на громады[2],
На храмы Музъ, на храмъ Паллады,

Ода на смерть Бецкаго въ первый разъ была напечатана въ *Аонидахъ* 1797 г. (кн. II, стр. 152), съ прибавленіемъ въ заглавіи словъ: *приключившуюся 1795 года августа 31 дня въ Санктпетербургѣ*, съ эпиграфомъ и съ подписью *Д—нъ;* потомъ въ изданіи 1808, ч. II, XXXVII. Въ 1855 году эта ода была кѣмъ-то перепечатана въ Петербургѣ отдѣльною брошюрой.

Значеніе рисунковъ: «1) На саркофагѣ изображенъ портретъ благотворителя наукъ и художествъ, котораго сіяніе дѣлъ не могъ и гробъ закрыть. Человѣколюбіе у подножія его памятника принимаетъ и нынѣ въ покровъ свой бѣдствующее человѣчество. Философія, стоящая тутъ съ Минервою, показываетъ ей на академію художествъ и говоритъ, кажется: *Не будетъ забвенно имя твоего поборника.* 2) Въ трубу временной славы, украшенную пріятностями жизни, зависть извергала на благотворителя мрачное облако ѣдкаго дыма; но онъ, яко кратковременный, не затмитъ безсмертнаго вѣнца добродѣтели, и самый мракъ освѣщающаго» (*Об.* Д.).

[2] Воззримъ ли зданій на громады *и проч.*

По словамъ Державина, Бецкому было ввѣрено Екатериною завѣдываніе всѣми (публичными) зданіями*; по его проекту и подъ его надзоромъ построены: великолѣпный домъ академіи художествъ, монументъ Петра Великаго, эрмитажный дворецъ, набережная Невы и славная ограда Лѣтняго сада, также многія зданія въ Петергофѣ и проч. (*Об.* Д.). Гельбигъ

* Въ *Мѣсяцословѣ* 1794 г. Бецкой показанъ дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ и дѣйств. камергеромъ, президентомъ академіи художествъ, надъ строеніями ея имп. вел. домовъ и садовъ главнымъ директоромъ, имп. Воспитательнаго дома главнымъ попечителемъ. Сверхъ того онъ былъ въ это время начальникомъ петергофской казенной шлифовальни (Георги-Безакъ, *Описаніе Спб.*, ч. III, стр. 723).

На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ [а]:
И камни о тебѣ гласятъ [б]!

Но коль живые монументы,
Краснѣйши памятниковъ сихъ, 3.
Которыхъ сгладить элементы
Не могутъ дланью силъ своихъ,
Я вижу! Вижу въ человѣкахъ,
Въ различныхъ состояньяхъ, лѣтахъ,
Ты сколько обязалъ сердецъ!
Коликихъ счастья былъ творецъ!

Тамъ зодчій зиждетъ храмъ молитвы [3], 4.
Каменосѣчецъ — царскій зракъ,
Геройски живописецъ битвы
Одушевляетъ на стѣнахъ;
Тамъ жены, дѣвы благонравны
Одежды въ даръ шьютъ домотканны
Мужьямъ и женихамъ своимъ,
И вѣрностью гордятся къ нимъ.

[а] На брегъ, златоградный садъ (Рукоп.).
[б] И камни тамъ твой трудъ гласятъ (1797).

присовокупляетъ къ тому набережныя Фонтанки и Екатерининскаго канала съ ихъ гранитными мостами. По его словамъ, Бецкой же устраивалъ Зимній садъ въ Эрмитажѣ. Онъ ввелъ въ Петербургѣ висячіе сады. Большіе сады этого рода были въ собственномъ его домѣ на Невѣ по дворцовой набережной и въ домѣ дочери его у Лѣтняго сада (Георги-Безакъ, т. I, стр. 92). О дочери Бецкаго см. прим. 7.

[3] Тамъ зодчій зиждетъ храмъ молитвы *и проч.*

Многіе архитекторы, скульпторы и живописцы вышли изъ академіи, бывшей подъ начальствомъ Бецкаго. По его идеѣ возникли не только Воспитательные, но и Сиротскіе домы, ссудная казна и другія благотворительныя учрежденія, бывшія впослѣдствіи подъ покровительствомъ императрицы Маріи Өеодоровны. Кромѣ того, онъ и изъ своихъ средствъ давалъ многимъ бѣднымъ людямъ пособія и пенсіоны (*Об.* Д.).

А тамъ, изъ праха извлеченный, 5.
Чужую грудь младенецъ пьетъ;
Убогій, нуждами стѣсненный,
Открытую казну беретъ:
Согбенны старцы и вдовицы,
Питаясь отъ твоей десницы,
Отцомъ своимъ тебя зовутъ,
И слезы о тебѣ всѣ льютъ.

Льютъ огнь сердецъ, и ты достоинъ, 6.
Другъ человѣковъ, жертвы сей!
Мой лирный гласъ тебѣ настроенъ,
Чтобъ доблести воздать твоей:
Да имя, столь намъ драгоцѣнно,
Пребудетъ ввѣкъ благословенно,
И въ Россахъ да не умрешь ты, —
Еще произрастишь цвѣты

И болѣе плоды прекрасны, 7.
Чѣмъ тѣ, ты кои самъ вкушалъ,
Когда художества изящны
И воспитанье насаждалъ;
Чтобъ въ родъ великія картины
Петровыхъ дѣлъ, Екатерины,
Отъ мраморовъ пускали шумъ
И двигли къ размышленью умъ!

На колесницѣ лучезарной 8.
Когда надменный Фаэтонтъ[4],
Летя стезей небесъ янтарной,

[4] Когда надменный Фаэтонтъ...

Намекъ на тогдашняго любимца императрицы, князя Платона Зубова, который поддерживалъ ея военные замыслы (*Об.* Д.).

На землю сыплетъ и на понтъ
Кровавы искры по аэру,
Гремитъ, трясетъ возжженну сферу
И звучнымъ буйствомъ таковымъ
Вьетъ вихремъ за собою дымъ:

Тогда мужъ мудрый, благотворный, 9.
Кротчайшу славу возлюбя,
На трудъ полезный, благородный
Свою всю жизнь употребя,
Сиротъ, науки лобызаетъ,
Приличнѣй жертвы посвящаетъ,
Чѣмъ горды божеству мечты:
Лучъ милости былъ, Бецкой, ты[5]!

Кто въ браняхъ лилъ потоки крови[6], 10.
Кто грады въ прахъ преобращалъ, —
Ты, милосердья полнъ, любови,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ, — ты устранялся;
Кто богатѣлъ, — ты ущедрялся;
Кто расточалъ, — ты жизнь берегъ;
Кто для себя, — ты жилъ для всѣхъ.

Сіе сравненье безпристрастно 11.
Пускай прочтетъ твой самый врагъ,

[5] Лучъ милости былъ, Бецкой, ты.

При праздновaніи юбилея московскаго Воспитательнаго дома 1 сентября 1863 года этотъ стихъ былъ написанъ крупными золотыми буквами на подножіи мраморнаго бюста Бецкаго, убраннаго живыми растеніями (*Москов. Вѣдомости* 1863, № 194).

[6] Кто въ браняхъ лилъ потоки крови *и проч.*

Вся эта строфа представляетъ противоположность между Бецкимъ и Потемкинымъ (*Об.* Д.).

Увидитъ зрѣлище прекрасно
Въ твоихъ преклонныхъ даже дняхъ:
Какъ огнь лампады ароматный,
Горѣлъ, погасъ, пустилъ пріятный [в]
Вкругъ запахъ ты. Послѣдній вздохъ [7]
И мысль твоя — щедротъ былъ Богъ [г].

Но коль [д] несчастны человѣки, 12.
Неблагодаренъ смертныхъ родъ!
Тò всѣ доказываютъ вѣки,
Что лишь за громомъ громъ идетъ.
Увы! когда въ предѣлахъ свѣта
Убійцъ бываетъ слава пѣта,

[в] Погасъ, распространилъ пріятный.
[г] Твой былъ — благодѣяній Богъ (Рукоп.).
[д] Но сколь ...

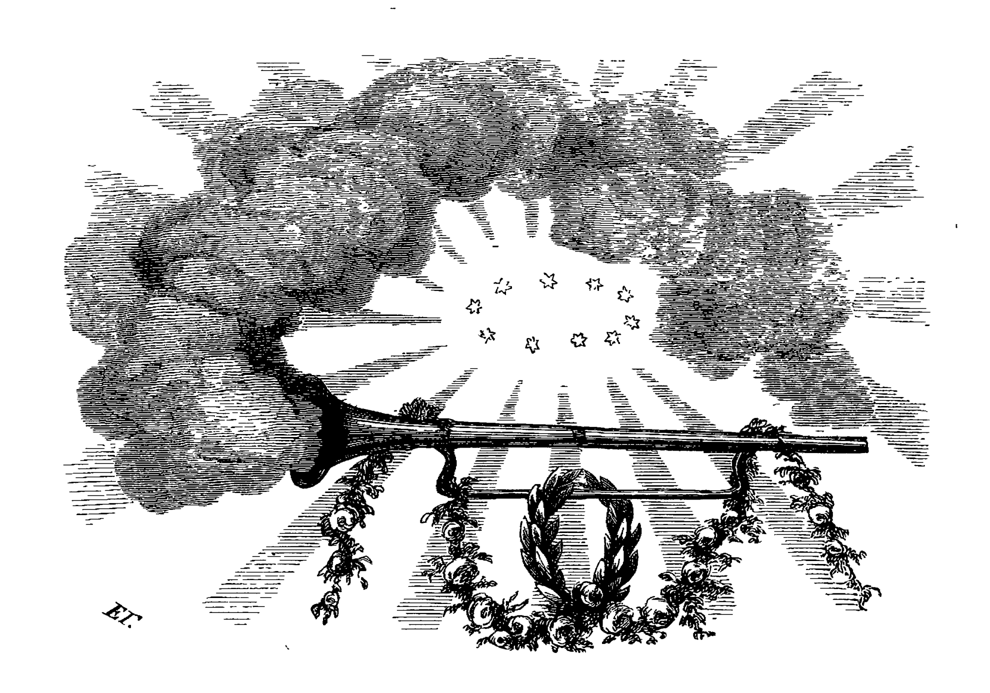
[7] Послѣдній вздохъ — — щедротъ былъ Богъ.

По примѣчанію Державина къ этому стиху, сумма, которую Бецкой передъ смертію опредѣлилъ на благотворительныя дѣла простиралась до 700.000 р.; но кажется, она въ этомъ показаніи преувеличена: выше, въ примѣчаніи 1, говоря о пожертвованіяхъ Бецкаго, мы руководствовались свидѣтельствомъ неизвѣстнаго «питомца московскаго Воспитательнаго дома», автора статьи, помѣщенной въ № 28 *Соврем. Лѣтописи* 1863 года. Онъ сообщаетъ между прочимъ, что Бецкой изъ приведенной суммы завѣщалъ вице-адмиральшѣ Настасьѣ Ивановнѣ де-Рибасъ *, урожденной Соколовой, 120,000 р. Замѣтимъ, что это была побочная дочь его, отличавшаяся умомъ и образованіемъ. Одна изъ ея дочерей вышла за извѣстнаго И. С. Горголи, умершаго 18 марта 1862 г. Мы слышали, что послѣ него остались любопытныя бумаги, относящіяся къ Бецкому. Если справедливо, что онѣ находятся теперь въ рукахъ И. А. Чистовича, то можно надѣяться, что изъ нихъ будетъ сдѣлано хорошее употребленіе для науки. Богатствомъ своимъ Бецкой обязанъ былъ, какъ думаютъ, щедротамъ императрицы Екатерины II и дружбѣ Орловыхъ (Rusissche Günstlinge, стр. 362).

* Супругѣ извѣстнаго Осипа Михайловича, строителя Одессы, ум. 1800.

Тогда забытъ отецъ семействъ!
Исторія есть цѣпь злодѣйствъ.

Почій покойно, персть почтенна! 13.
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
«О смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ.»

CV. СУВОРОВУ НА ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ДВОРЦѢ[1].

Когда увидитъ кто, что въ царскомъ пышномъ домѣ
По звучномъ громѣ Марсъ почіетъ на соломѣ,

[1] На великолѣпномъ праздникѣ, который Потемкинъ 1791 г. давалъ Екатеринѣ въ Таврическомъ дворцѣ (см. выше, стр. 377), Суворовъ не присутствовалъ; по свидѣтельству современниковъ, онъ былъ удаленъ съ намѣреніемъ: гордому временщику было тяжело, среди блеска, которымъ онъ хотѣлъ окружить себя, видѣть истиннаго виновника взятія Измаила. 26 апрѣля, за два дня до празднества, Суворовъ, какъ сказано у Храповицкаго, «посланъ осмотрѣть шведскую границу, — говорятъ, будто для того, чтобы отдалить Суворова отъ праздника и представленія плѣнныхъ пашей».

Прошло четыре года; Потемкина давно уже не было въ живыхъ; послѣ взятія Варшавы Суворовъ оставался въ ней цѣлый годъ. Приглашенный въ Петербургъ, онъ отправился туда въ первыхъ числахъ декабря 1795 г., 15-го числа прибылъ въ Стрѣльну и въ тотъ же день вечеромъ представился императрицѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Она назначила для пребыванія его Таврическій дворецъ, гдѣ онъ и прожилъ три мѣсяца. Здѣсь бывалъ у него Державинъ; о первомъ ихъ свиданіи П. Н. Ивашевъ разсказываетъ слѣдующее: «Во второй день графъ не желалъ никого принимать, кромѣ избранныхъ лицъ; перваго онъ дружески принялъ Г. Р. Державина въ своей спальнѣ; будучи едва прикрытъ одеждою, долго съ нимъ бесѣдовалъ и даже удерживалъ, казалось, для того, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ различія пріемовъ посѣтителямъ; многія знатныя особы, принадлежащія двору, поспѣшили до его обѣда (въ Петербургѣ назначенъ былъ для обѣда 12-й часъ) съ визитомъ, но не были принимаемы: велѣно было принять одного кн. П. А. Зубова. Зубовъ пріѣхалъ въ 10 часовъ; Суворовъ принялъ его въ дверяхъ своей спальни, такъ же точно одѣтый, какъ бывалъ въ лагерной своей палаткѣ въ жаркое время; послѣ недолгой бесѣды онъ проводилъ князя до дверей своей спальни и, сказавъ Державину «vice-versa», оставилъ послѣдняго у себя обѣдать.

Что шлемъ его и мечъ хоть въ лаврахъ зеленѣютъ,
Но гордость съ роскошью повержены у ногъ,
И доблести затмить лучи богатствъ не смѣютъ, —

«Чрезъ полчаса явился камеръ-фурьеръ: императрица изволила его прислать узнать о здоровьи фельдмаршала и съ нимъ же прислала богатую соболью шубу, покрытую зеленымъ бархатомъ съ золотымъ приборомъ, съ строжайшимъ милостивымъ приказаніемъ не пріѣзжать къ ней безъ шубы и беречь себя отъ простуды при настоящихъ сильныхъ морозахъ. Графъ попросилъ камеръ-фурьера стать на диванъ, показать ему развернутую шубу; онъ предъ нею низко три раза поклонился, самъ ее принялъ, поцѣловалъ и отдалъ своему Прошкѣ на сохраненіе, поруча присланному повергнуть его всеподданнѣйшую благодарность къ стопамъ августѣйшей государыни.

«Во время обѣда докладываютъ графу о пріѣздѣ вице-канцлера графа И. А. Остермана; графъ тотчасъ всталъ изъ-за стола, выбѣжалъ въ бѣломъ своемъ кителѣ на подъѣздъ; гайдуки отворяютъ для Остермана карету; тотъ не успѣлъ привстать, чтобъ выйти изъ кареты, какъ Суворовъ сѣлъ подлѣ него, помѣнялись привѣтствіями и, поблагодаривъ за посѣщеніе, выпрыгнулъ, возвратился къ обѣду со смѣхомъ и сказалъ Державину: Этотъ контръ-визитъ самый скорый, лучшій — и взаимно не отяготительный» (*Отеч. Записки* 1844, № 1 [т. XIV]: *Изъ Записокъ о Суворовѣ*).

Вскорѣ послѣ этого посѣщенія Державинъ написалъ свои стихи, которые появились уже въ февралѣ слѣдующаго года въ *Музѣ* Мартынова (ч. I, стр. 99); потомъ они были перепечатаны въ изданіи 1798, стр. 359, подъ заглавіемъ: Фельдмаршалу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому, на пребываніе его въ Таврическомъ дворцѣ 1795 года. Въ изданія 1808 и 1815 гг. эта пьеса не вошла, потому что Державинъ отдѣлилъ ее, вмѣстѣ со множествомъ другихъ мелкихъ стихотвореній этого рода, въ особый томъ, котораго онъ однакожъ издать не успѣлъ. Печатаемъ ее по рукописи, приготовленной имъ съ этимъ намѣреніемъ, не представляющей здѣсь впрочемъ никакой отмѣны отъ печатнаго текста 1796 и 1798 года.

Пользуемся случаемъ и мѣстомъ, чтобы предложить нѣсколько данныхъ для исторіи Таврическаго дворца, въ дополненіе къ тому, что сказано было на страницѣ 378-й.

Желая продать въ казну свой *Конногвардейскій* домъ, Потемкинъ составилъ планъ помѣщенія въ немъ инженернаго корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ выгоднѣйшаго для казны способа покупки. Объ этомъ онъ хлопоталъ чрезъ графа Безбородко и однажды писалъ ему (вѣроятно въ 1789 году):

«Мой домъ въ Петербургѣ Конногвардейскій мнѣ весьма желается продать; онъ вѣрно лучшій для корпуса, какой быть можетъ. Сверхъ

Не всякъ ли скажетъ тутъ, что браней страшный богъ,
Плоть Епиктетову пріявъ, преобразился,
Чтобъ мужества примѣръ, воздержности подать,
Какъ внѣшнихъ супостатъ, какъ внутреннихъ сражать.
Суворовъ! страсти кто смирить свои рѣшился,
Легко тому страны и царства покорить,
Друзей и недруговъ себя заставитъ чтить.

великолѣпія и простору, воздухъ отмѣнно тутъ хорошъ и мѣсто самое лучшее. Величина залъ столь достаточна, что въ зимнее время не только корпусъ инженерный, но и полкъ внутри обучать можно всякими экзерциціями; но я не о полезности его говорю, а что чрезъ покупку крайне я буду доволенъ; по знатности мнѣ его содержать неловко.

«Ранжерейныя деревья я не продаю; прикажите оцѣнить главный корпусъ и прочее строеніе, которое цѣлая улица.

«Въ разсужденіи заплаты, половину я возьму крымской солью, слѣдовательно казна тутъ ни полушки не тратитъ, а другую деньгами въ два или три срока, какъ угодно.

«Мнѣ будетъ сіе милостію, ибо не живучи трачу я много на содержаніе.» (Ср. выше, стр. 440, отрывокъ изъ другаго письма).

Въ другой разъ, 11-го сентября того же года, Потемкинъ, говоря, что императрица обѣщала по его «припоминовенію» не оставить Безбородку «безъ оказанія милости и отличія», опять пишетъ этому вельможѣ: «О домѣ прилагаю здѣсь записку; по расположенію заплаты цѣлой половины суммы солью, казна за полцѣны получитъ, ибо соль и песокъ въ Тавридѣ ровно ничего не стоятъ, деньги же ровно въ три или два срока.»

Что желаніе Потемкина не осталось безъ исполненія, видно изъ слѣдующихъ словъ Екатерины (1-го ноября):

... «Касательно твоего дома я уже приказала его осмотрѣть, и ежели можно будетъ, то въ немъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса помѣщу: все же строить для него необходимость заставитъ же.»

Домъ былъ купленъ у Потемкина и вскорѣ опять подаренъ ему. Не знаемъ, къ этому ли пожалованію относятся помѣщаемыя ниже строки Екатерины (1 октября безъ года, — 1790?); но онѣ во всякомъ случаѣ показываютъ, какъ легко доставались Потемкину его несмѣтныя богатства: «Другъ мой сердечный князь Григорій Александровичъ! Давъ тебѣ рай земной сегодни, какъ ты называешь ту дачу, которую ты у меня просилъ, прошу тебя, если вздумаешь оную паки продать, предпочтительно мнѣ оную продать. Прощай, Богъ съ тобой, я ужасно какъ слаба.»

(П. Лебедева *Матеріалы.*)

CVI. ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛЪ[1].

—

По сѣверу, по югу 1.
Съ Москвы Орелъ паритъ;

[1] Застольная воинская пѣснь, написанная въ честь Румянцова и Суворова (*Об.* Д.). Она напечатана въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 114, и въ изданіи 1808, ч. III, LXIX.

На первомъ рисункѣ два Купидона съ поднятыми чашами прославляютъ парящаго Орла; на второмъ два щита, означающіе Швецію и

Всему земному кругу
Полетъ его звучитъ.
О! исполать, ребяты,
Вамъ, русскіе солдаты,
Что вы неустрашимы,
Никѣмъ непобѣдимы:
За здравье ваше пьемъ!

Орелъ бросаетъ взоры 2.
На Льва и на Луну,
Стокгольмы и Босфоры
Всѣ бьютъ челомъ ему[a].
О! исполать вамъ, вои,
Безсмертные герои,
Румянцовъ и Суворовъ,
За столько славныхъ боевъ:
Мы въ память вашу пьемъ!

Орелъ глядитъ очами 3.
На солнце въ высоты[2];

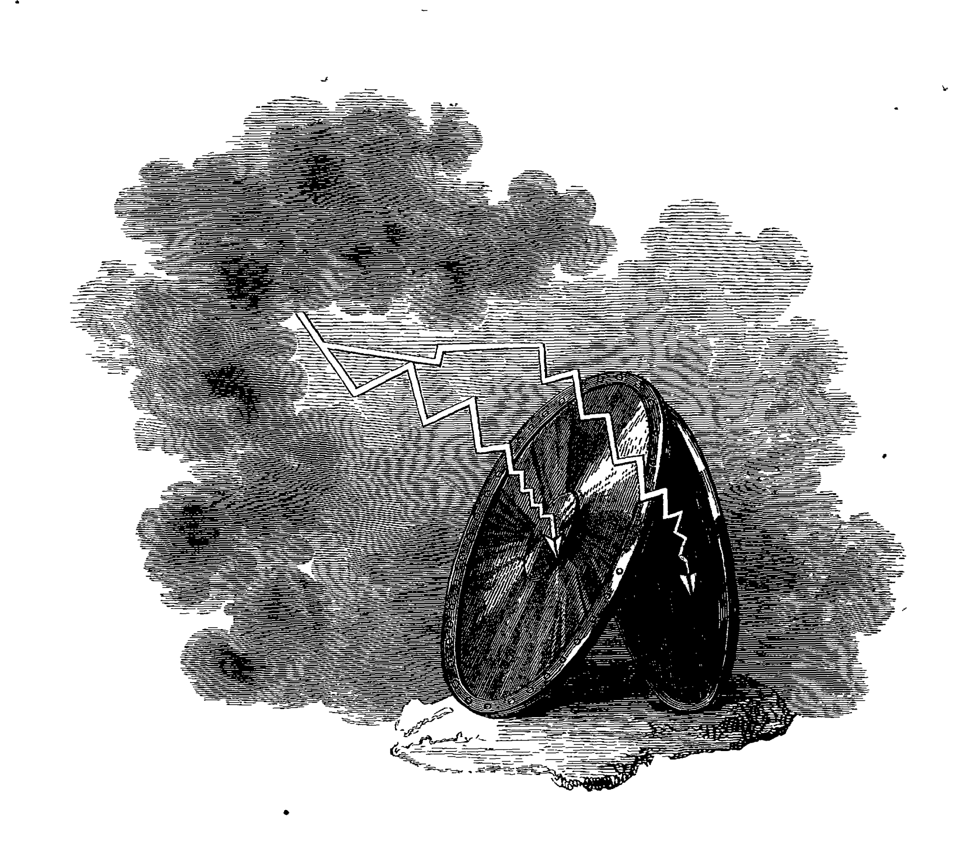
[a] Ужъ бьютъ челомъ ему (1804).
О! исполать вамъ, войны,
Безсмертія достойны.

Турцію (Льва и Луну), поражаются перунами, брошенными Орломъ (Россіей) изъ облаковъ. См. 2-й куплетъ. Какъ видно изъ рукописей, прежде предполагалось на щитахъ изобразить льва и луну и помѣстить этотъ рисунокъ первымъ; въ концѣ же представить орла, держащаго въ одной лапѣ пѣнящійся кубокъ.

[2] ... На солнце въ высоты.

Въ печатныхъ текстахъ и въ рукописяхъ *съ высоты;* но въ принадлежавшемъ Державину экземплярѣ *Анакреонтическихъ пѣсней* поправлено его рукою такъ, какъ здѣсь напечатано. Поставивъ ниже «*русски* Амазонки», мы держались текста *Анакр. пѣсней*, хотя въ изданіи 1808 г. и употреблено въ этомъ стихѣ *росски.*

Герои подъ шлемами —
На женски красоты.
О! исполать, красотки,
Вамъ, русски Амазонки!
Вы въ мужествѣ почтенны,
Вы въ нѣжности любезны:
Здоровье ваше пьемъ!

CVII. ПРИНОШЕНІЕ МОНАРХИНѢ[1].

—

Что̀ смѣлая рука Поэзіи писала[а],
Какъ Бога, истину, Фелицу во плоти
И добродѣтели твои изображала,
Дерзаю къ твоему престолу принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возжженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою твоей[б],
Прими и освяти твоимъ благоволеньемъ,
И Музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ[в].
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ

[а] ... списала (Первонач. рукоп.).
[б] Прими съ улыбкой жаръ благодаренья сей.
[в] ... отъ злобы ты спасеньемъ.

---

[1] Это *Приношеніе*, или, какъ мы теперь говоримъ, *Посвященіе* въ первый разъ помѣщено было въ началѣ рукописи стихотвореній Державина, поднесенной имъ государынѣ 6 ноября 1795 года и составляющей нынѣ собственность императорской публичной библіотеки (см. наше Предисловіе въ этомъ томѣ). Вмѣсто заглавія, тамъ надъ нимъ надписано: *Монархиня!* Потомъ это посвященіе въ такомъ же видѣ напечатано въ главѣ изданій: 1798 и 1808 г. Названіе *Приношеніе монархинѣ* въ первый разъ дано этимъ стихамъ въ оглавленіи изданія 1798.

Пойдетъ сквозь тму временъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима[2],
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ[г],
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ[3];

[г] ... возбренчитъ.
То именемъ твоимъ ...
Ты будешь славою, — твоимъ я эхомъ жить.

---

[2] Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима.

Державинъ производилъ свой родъ отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды при Василіи Темномъ, и, любя все необычайное, пользовался иногда въ своихъ стихахъ этимъ происхожденіемъ, чтобы придать имъ болѣе оригинальный колоритъ. Оттуда названіе *мурзы*, которое онъ принялъ въ *Фелицѣ* и другихъ одахъ, сообщивъ имъ нѣкоторыя черты восточнаго быта. Ср. выше, стр. 133, прим. 3 къ *Фелицѣ*.

[3] Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ *и проч.*

Это въ другой формѣ та же мысль, которою кончается *Видѣніе Мурзы* (см. выше стр. 168): «Тобой безсмертенъ буду самъ». Первоначально подобная идея выражена была Капнистомъ въ концѣ французской его оды на кучукъ-кайнарджискій миръ (1774 г.), напечатанной въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* за августъ 1780 (ч. VI, стр. 137):

Mais en chantant ce nom sublime,
J'ai toujours un droit légitime
Pour faire connaître le mien.

Въ бумагахъ Державина нашелся русскій подстрочный переводъ этой оды, писанный попеременно то его рукой, то рукой самого Капниста. Выписываемъ оттуда это мѣсто, помѣщая въ скобкахъ первоначальныя, послѣ зачеркнутыя выраженія:

Но, воспѣвъ великость сего имени,
Позволь мнѣ право то имѣть
(Я должною мнѣ участью считаю),
Чтобъ имя и мое (тобой) извѣстно свѣту было.

Ты славою, — твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить[4].

[4] Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Въ первоначальной рукописи было послѣ этого еще два стиха:

Ты истинной хвалы въ царяхъ была достойна.
Воспомнитъ о тебѣ, какъ о Траянѣ, свѣтъ:

и затѣмъ слѣдовали, въ заключенье, слова Тацита, составившія послѣ сущность эпиграфа къ 1-му тому изданія 1808 года: «О временъ (sic) рѣдкаго благополучія, когда не воспрещалось мыслить и, что̀ мыслишь, говорить свободно.»

Картинка (Олен.) при этомъ стихотвореніи «изображаетъ киргизскаго мурзу, посвящающаго свою лиру Фелицѣ. Богоподобная царевна взираетъ на него съ высоты ѳирной, лѣвою рукой опираясь на полсвѣта, заключающіеся въ ея царствѣ; въ правой имѣетъ руль правленія; подъ ея стопами орелъ раздираетъ ехидну, означающую ненависть и злобу» (*Об.* Д.). Въ рукописи, поднесенной Екатеринѣ, эта картинка помѣщена, въ видѣ фронтисписа, тотчасъ послѣ заглавнаго листа.

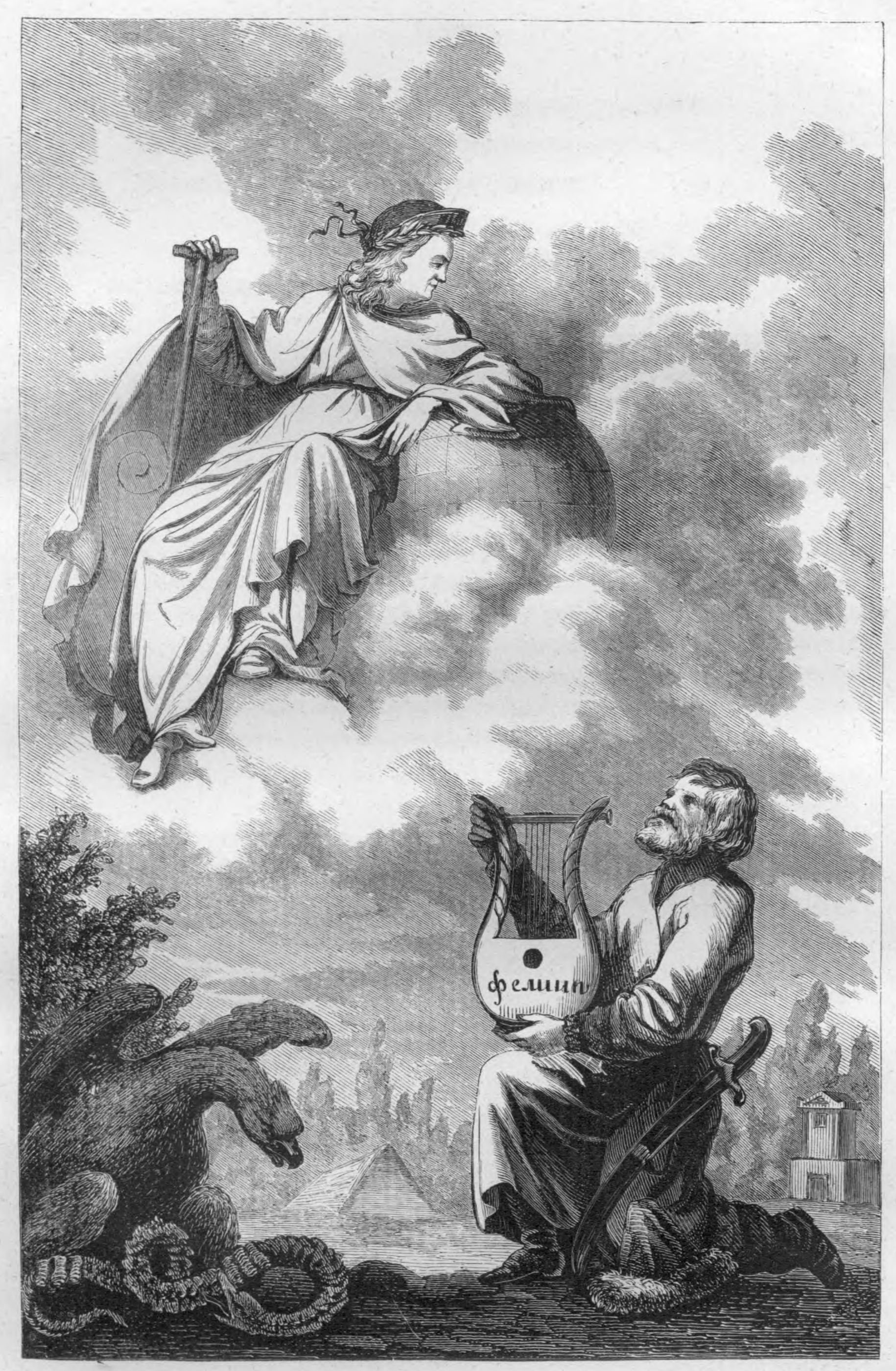
CVIII. ХАРИТЫ[1].

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ.
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
«Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?

[1] Сочинено на русскую пляску великихъ княженъ Александры и Елены Павловны, бывшую въ тронной залѣ Зимняго дворца въ первый день Святокъ, 25 декабря 1795 года. Напечатано въ *Музѣ* за февраль 1796 (ч. I, стр. 97) и въ *Аонидахъ* того же года (кн. I, стр. 117), причемъ оба раза къ заглавію прибавлено: *На случай русской пляски* и проч. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1808 г. (ч. I, стр. 210) С. Глинка, говоря о превосходствѣ русской пляски, привелъ большую часть этой пьесы.

Ср. это стихотвореніе съ пьесою *Къ Граціямъ*, помѣщенною выше, стр. 521.

Надъ заглавіемъ ея предполагалось сначала помѣстить портреты обѣихъ великихъ княженъ въ одномъ медальйонѣ, украшенномъ миртами и розами; но эта мысль осталась безъ исполненія. Приложенный къ концу рисунокъ представляетъ двухъ дѣвушекъ въ легкомъ русскомъ платьѣ. Въ рукописи надъ нимъ отмѣчено рукой Державина: «Перемѣнить», въ пробѣлѣ же, оставленномъ надъ заглавіемъ стихотворенія, поэтъ написалъ карандашемъ: «Сдѣлать пляшущихъ три дѣвы».

фелиц

Столько прелестей безсмертныхъ
Хочетъ смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у боговъ?
Обнималъ ли бреннымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ подъ звукъ пріятныхъ лиръ
Плясками онѣ своими
Восхищаютъ горній міръ;
Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ;
Какъ вокругъ онѣ спокойно
Величавый мещутъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣ движенья стройно
Взору, сердцу говорятъ?
Какъ хитоны ихъ эѳирны,
Льну подобные власы,
Очи свѣтлыя, сафирны,
Помрачаютъ всѣхъ красы?
Какъ богини всѣмъ соборомъ
Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ,
И Минерва важнымъ взоромъ [а]
Улыбается имъ вслѣдъ?
Словомъ, видѣлъ ли картины [б],
Непостижныя уму?» —
«Видѣлъ внукъ Екатерины»,
Я отвѣтствовалъ ему.

[а] И Минерва съ важнымъ взоромъ (1796).
[б] Словомъ, зрѣлъ ли ты картины.

Богъ Парнасса усмѣхнулся;
Давъ мнѣ лиру, отлетѣлъ.
Я струнамъ ея коснулся
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

CIX. НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ[1].

Услышьте всѣ, живущи въ мірѣ, 1.
Убогихъ и богатыхъ сонмъ,

[1] Почерпнуто изъ 48 псалма; напечатано въ первый разъ въ изданіи 1808 г., ч. II, II. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ это стихотвореніе носитъ заглавіе: Тщетна земная человѣческая слава.

Ходящи въ рубищѣ, въ порфирѣ,
Склонитеся ко мнѣ челомъ!
Языкъ мой истину вѣщаетъ,
Премудрость сердце говоритъ;
Что свыше духъ святый внушаетъ,
Моя то лира днесь звучитъ.

Не убоюсь во дни я злые, 2.
Коль сильный гнать меня начнетъ,
Опершись на столпы златые,
Богатствъ пятой меня попретъ[а];
Въ день лютъ — братъ брату не спасенье[б],
Не замѣнитъ души душой;
У смерти тщетно искупленье[в],
Цѣны нѣтъ жизни никакой.

Пускай же князи[г] процвѣтаютъ, 3.
Не чая[д] гибели своей;
Но коль и мудры умираютъ
И погребаются землей

[а] Богатствъ пятою въ пыль попретъ.
— .. вотретъ. — ... сомнетъ (Первонач. рукоп.).
[б] ... не въ спасенье.
[в] ... нѣту искупленья.
[г] Пускай вельможи ...

Значеніе рисунковъ: «1) Отъ развалившагося великолѣпнаго зданія согбенный старецъ въ міракѣ идущій съ фонаремъ ищетъ пути къ видимому вдали, на высотѣ стоящему храму Славы, изъявляя тѣмъ прехожденіе отъ тлѣннаго къ вѣчному міру; 2) Смерть гонитъ косою стадо овецъ и козлищъ, изображая тѣмъ, что злые и добрые всѣ не минуютъ гроба». (*Об.* Д.). Мысль послѣдняго рисунка взята изъ 5-й строфы этого стихотворенья.

Равно съ безумцами вседневно:
За гробомъ долженъ всякъ своимъ
Свой санъ, сокровище безцѣнно,
Оставить по себѣ другимъ.

Ахъ, тщетно смертны мнятъ въ надменьѣ [е], 4.
Что ввѣкъ ихъ зданья не падутъ;
Что титлъ и славы [ж] расширенье
Потомки въ надписяхъ почтутъ.
Увы! вся власть и честь земная [з]
Минуетъ съ нами, будто тѣнь:
Затмитъ лишь солнце тма нощная,
Гдѣ звукъ? гдѣ блескъ? гдѣ свѣтлый день?

Гдѣ скиптръ, — коль только добродѣтель [и] 5.
Не освѣщала жизни путь,
И хвалъ тщеславье лишь содѣтель,
По насъ которыя поютъ?
Ахъ! глупому равны мы стаду,
Косой что гонитъ къ гробу Смерть:
Въ ней праведникъ одинъ въ награду
Удобенъ утро жизни зрѣть.

[д] Не зная...
[е] Такъ тщетно мнятъ они въ надменьѣ.
[ж] Что титлъ и власти...
[з] Ахъ! слава вся и честь людская
Проходятъ такъ, какъ ихъ и тѣнь:
Покроетъ солнце тма ночная (густая).
[и] Гдѣ слава, если добродѣтель
Не освѣщала жизни ихъ,
Когда тщеславье лишь содѣтель
Ихъ было хвалъ, гробницъ златыхъ.

Не вѣчно бездна духъ обыметъ, 6.
Но онъ ее переживетъ.
Господь мою какъ душу приметъ
И облечетъ безсмертья въ свѣтъ:
Воззрить она на долгоденство
Тогда, безъ зависти, того,
Кто честь, богатство, благоденство
Умножилъ дому своего.

По смерти не возьметъ съ собою[2] 7.
Никто вещей своихъ драгихъ;
Блаженный жизнью здѣсь святою[к]
Блажится межъ духовъ благихъ;
А если здѣсь не освятится
И въ злобѣ вѣкъ свой проведетъ,
Между благими не вселится,
Его не облистаетъ свѣтъ.

Отъ нашей воли то зависитъ, 8.
Чтобъ здѣсь и тамъ блаженнымъ быть,
Себя унизить иль возвысить,
Погребсть во тмѣ иль освѣтить.
На высшей степени мы власти[л]

[к] Когда доволенъ здѣсь судьбою,
Благословится и въ благихъ.
[л] Въ чести, въ высокомъ санѣ смертный.

---

[2] По смерти не возьметъ съ собою *и проч.*

Вмѣсто послѣднихъ двухъ строфъ сначала была только одна, состоявшая изъ первой половины 7-й и изъ второй половины 8-й строфы. Самая редакція стиховъ, какъ и во всей пьесѣ, была нѣсколько разъ измѣняема.

Свою теряемъ высоту:
Въ порочныя упадшій страсти[м]
Подобенъ человѣкъ скоту.

[м] Упадшій въ страсти неисчетны.

CX. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТВОРЧЕСКАГО БЫТІЯ[1].

Небеса вѣщаютъ Божью славу, 1.
Рукъ Его творенье твердь;

[1] Заимствовано изъ псалма 18 и въ первый разъ напечатано въ *Музѣ* за сентябрь 1796 г. (ч. III, стр. 189), потомъ въ изданной 1816 г., ч. V,

День за днемъ течетъ Его уставу,
Нощи нощь приноситъ вѣсть.

Не суть рѣчи то, иль гласы лиры, 2.
Не доходитъ всѣмъ чей звонъ [а];
Но во всѣ звучитъ глаголъ ихъ міры,
Въ безднахъ раздается тонъ.

Се чертогъ горитъ въ зыбяхъ эѳира [б]; 3.
Солнце блещетъ, какъ женихъ [в];
Какъ герой, грядетъ къ побѣдамъ міра,
Мещетъ огнь очей своихъ;

Съ одного края небесъ лишь сходитъ [г], 4.
Ужъ срѣтается въ другомъ;
Нѣтъ вертеповъ, онъ куда не вводитъ [д]
Теплоты своимъ лучомъ.

Всѣмъ законъ природы зримый, ясный [е] 5.
Можетъ смертнымъ доказать:

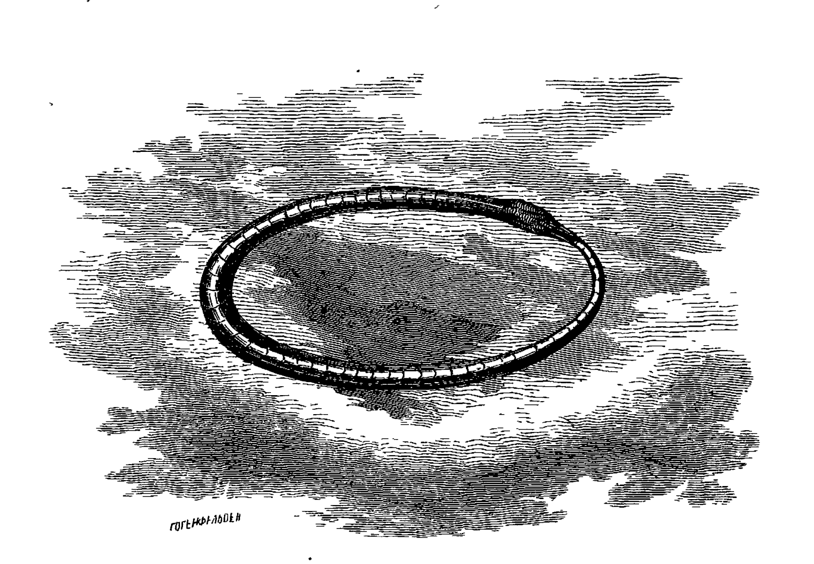
[а] Чей не слышится всѣмъ звонъ (Первонач. рукоп.).
[б] Онъ чертогъ воздвигъ . . . (1796).
[в] Отколь солнце, какъ женихъ (Рукоп.).
[г] . . . всходитъ (1796).
[д] Преисподней нѣтъ, куда не вводитъ (Рукоп.).
[е] Сей законъ природы всѣмъ толь ясный (1796).

XII. Тотъ же псаломъ переложенъ Костровымъ (см. *Аониды*, ч. I, стр. 199) и Вышеславцевымъ (см. *Вѣстникъ Европы* за іюнь 1809, № 11).

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ изображенъ старецъ, одною рукою указывающій на твореніе, а другою на раскрытую передъ нимъ книгу, лежащую на кубическомъ камнѣ съ надписью $2 \times 2 = 4$, что означаетъ вѣрное и ничѣмъ неопровержимое доказательство бытія Божія. Второй рисунокъ представляетъ эмблему вѣчности (рукоп).

Безъ Творца столь стройный міръ, прекрасный
Сей не можетъ пребывать *.

* Не возможетъ пребывать.

CXI. НА РОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ.

Л. А. НАРЫШКИНУ [1].

Живи и жить давай другимъ, 1.
Но только не на счетъ другаго;

[1] *Гремиславою* названа здѣсь Екатерина II. Въ шуточныхъ стихахъ Державинъ, какъ самъ онъ говоритъ, не позволялъ себѣ употреблять

Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:

настоящаго имени государыни, а называлъ ее Фелицею; но такъ какъ этимъ послѣднимъ именемъ безпрестанно пользовались въ своихъ сочиненіяхъ и другіе писатели, то онъ рѣшился придумать новое (*Об.*). День рожденія императрицы былъ 21 апрѣля.

По одному мѣсту въ письмахъ Державина къ И. И. Дмитріеву можно догадываться, что первый вскорѣ послѣ сочиненія этихъ стиховъ послалъ ихъ къ послѣднему въ Москву для напечатанія въ *Аонидахъ;* но тотъ почему-то не исполнилъ порученія. Получивъ отъ Карамзина I-ю книжку этого сборника и говоря о ея содержаніи, Державинъ въ письмѣ отъ 5 августа 1796 г. спрашиваетъ у Дмитріева: «Но для чего вы не отдали *Гремиславы*»? (См. въ нашемъ изданіи переписку Державина). Любопытно, что въ оглавленіи *Музы* Мартынова за сентябрь 1796 года (ч. III) помѣщено заглавіе: *Въ день рожденія царицы Гремиславы*, но самой оды ни въ этой, ни въ слѣдующихъ книжкахъ не оказывается, изъ чего можно заключить, что напечатаніе ея было остановлено, вѣроятно изъ опасенія не угодить ею Зубову и другимъ сильнымъ того времени.

Левъ Александровичъ Нарышкинъ, къ которому Державинъ обращается въ этихъ стихахъ, представляя отличительныя черты его характера и образа жизни, родился въ 1733, умеръ въ 1799 г. Еще когда Екатерина была великою княгинею, онъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ (1751) при дворѣ ея супруга и сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ ней лицъ. Она, какъ сама говоритъ, щедро изливала на него добро и дружбу, и при женитьбѣ его въ 1759 г. на свой счетъ обмеблировала домъ, гдѣ онъ долженъ былъ поселиться (Mém. de Cath. II, стр. 287). По вступленіи ея на престолъ онъ получилъ званіе оберъ-шталмейстера, въ которомъ и оставался до самой смерти своей. По врожденной веселости характера и особенной остротѣ ума онъ присвоилъ себѣ право всегда шутить, не стѣсняясь въ своихъ рѣчахъ. Во все царствованіе Екатерины II онъ сохранялъ величайшую ея благосклонность. Говоря о немъ въ Запискахъ своихъ не съ большимъ уваженіемъ, называя его то «прирожденнымъ арлекиномъ» (стр. 162), то «слабою головой и безхарактернымъ» (стр. 288), или «человѣкомъ незначительнымъ» (стр. 243), она однакожъ высоко цѣнила его «комическій талантъ» (стр. 162), который доставлялъ ей столько наслажденія; съ этой стороны она находила въ немъ даже нѣкоторый умъ: «онъ слышалъ обо всемъ», замѣчала она, «и все какъ-то особенно ложилось въ его головѣ. Онъ могъ», продолжаетъ Екатерина, «произнести неприготовясь диссертацію о какомъ угодно искусствѣ или наукѣ: при этомъ онъ употреблялъ надлежащіе

Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ!

Нарышкинъ! коль и ты привѣтствомъ 2.
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ,
Такимъ любезнымъ, скромнымъ средствомъ
Богатыхъ съ бѣдными сравнилъ:
Прехвальна жизнь твоя такая.
Блаженъ творецъ людскихъ утѣхъ!

Пускай богачъ тамъ, по разсчету 3.
Назнача день, зоветъ гостей,

техническіе термины и говорилъ безостановочно съ четверть часа или долѣе; кончалось тѣмъ, что ни онъ, ни другіе не понимали ни слова изъ его по видимому складной рѣчи, и въ заключеніе раздавался общій хохотъ» (тамъ же). Впечатлѣніе, которое Л. А. Нарышкинъ производилъ на государыню своею забавною личностью, было такъ сильно, что она написала на него комедію L'Insouciant и два юмористическіе очерка, открытые П. П. Пекарскимъ и напечатанные въ *Запискахъ Академіи Наукъ* (т. III, кн. II). Замѣчателенъ особенно первый изъ нихъ, названный: «Léoniana ou faits et dits de sir Léon, grand-écuyer, recueillis par ses amis». Иностранцы, видѣвшіе Нарышкина при дворѣ Екатерины, были также поражены его чрезвычайною оригинальностью: это свойство находитъ въ немъ Сегюръ рядомъ съ «умомъ посредственнымъ, большою веселостью, рѣдкимъ добродушіемъ и крѣпкимъ здоровьемъ» (Mémoires, т. II, стр. 4 и 5). Въ дополненіе къ настоящимъ примѣчаніямъ отсылаемъ читателя къ одѣ *На смерть Нарышкина*, подъ 1799 г.

Выраженное въ первомъ стихѣ правило житейской мудрости, извѣстное на всѣхъ языкахъ, составляло любимое изреченіе Екатерины II (Vivons et laissons vivre les autres); но Державинъ, «видя безпрестанныя войны, прибавилъ, чтобъ жить не на счетъ другаго и довольствоваться только своимъ» (*Об.* Д.; ср. *Зап.* его, *Р. Б.*, стр. 348). Князь И. М. Долгорукой, въ пьесѣ *1799 годъ*, сказалъ также про Екатерину II:

«Душой, умомъ мила, и не мѣшала жить».

Ода *На рожденіе Гремиславы* напечатана была только въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 391, и 1808, ч. I, LXII.

Первый изъ приложенныхъ рисунковъ есть портретъ Л. А. Нарышкина; на второмъ представлены качели и около нихъ толпа народу.

Златой родни, кліентовъ роту[2]
Прибавитъ къ пышности своей;
Пускай они, предъ нимъ ставъ строемъ,
Кадятъ, вздыхаютъ — и молчатъ.

Но мнѣ пріятно тамъ откушать, 4.
Гдѣ дружескій, незваный столъ[3];
Гдѣ можно говорить и слушать
Тара-бара про хлѣбъ и соль;
Гдѣ гость хозяина покоемъ,
Хозяинъ гостемъ дорожатъ;

Гдѣ скука и тоска забыта, 5.
Семья учтива, не шумна;

[2] Златой родни, кліентовъ роту —
«т. е. множество въ золото одѣтыхъ сродниковъ и приверженцевъ» (*Об.* Д.).

[3] Гдѣ дружескій, незваный столъ.

Л. А. Нарышкинъ, вообще отличаясь хлѣбосольствомъ, чрезвычайно любилъ, когда къ нему пріѣзжали обѣдать незваные, что̀ и поставлялъ себѣ въ особенное преимущество предъ прочими вельможами, «которые иначе не называли гостей, какъ на пріуготовленный столъ» (*Об.* Д.).

Довольно согласно съ этимъ Булгаринъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (ч. I, стр. 217), разсказываетъ: «Каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженый офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ Л. А. Нарышкину и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. Литераторовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ, Л. А. Н. самъ отыскивалъ, чтобы украсить ими свое общество. Въ 9 часовъ утра можно было узнать отъ швейцара, обѣдаетъ ли Л. А. дома и что̀ будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія являться къ нему... Ежедневно столъ накрывался на пятьдесятъ и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи, и всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ». Замѣтимъ впрочемъ, что то же самое разсказываютъ и о графѣ А. С. Строгановѣ (Н. Колмакова *Памяти гр. Строганова*, стр. 12).

Важна хозяйка, домовита[4],
Досужа, ласкова, умна;
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угождать.

Что нужды мнѣ, кто по паркету 6.
Подъ часъ и кубари спускалъ[5],
Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту[6],
Народны мысли замѣчалъ
И могъ при случаѣ посольствомъ,
Перомъ и шпагою блистать[7]!

[4] Важна хозяйка, домовита.

Онъ женился въ 1759 г. на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, племянницѣ Разумовскихъ (Mém. de Cath. II, стр. 275). «Супруга его управляла домашнею экономіей, и онъ получалъ отъ нея на шалости и на покупку всякаго вздору не болѣе, какъ по рублю на день» (*Об.* Д.).

[5] Подъ часъ и кубари спускалъ.

«Л. А., забавляя императрицу, нерѣдко передъ ней шучивалъ и нечаяннымъ образомъ спускалъ передъ ней кубари» (*Об.* Д.). Принцъ де-Линь въ одномъ изъ писемъ своихъ, писанныхъ изъ южной Россіи во время путешествія въ Крымъ съ императрицею, разсказываетъ: «Намедня оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, прекраснѣйшій человѣкъ и величайшій ребенокъ, спустилъ середи насъ волчокъ, огромнѣе собственной его головы. Позабавивъ насъ своимъ жужжаніемъ и прыжками, волчокъ съ ужаснымъ свистомъ разлетѣлся на три или на четыре куска, проскочилъ между государыней и мною, ранилъ двоихъ, сидѣвшихъ рядомъ съ нами, и ударился объ голову принца нассаускаго, который два раза пускалъ себѣ кровь» (Барьера Bibliothèque des Mémoires и проч., Paris, 1859, т. XX, стр. 71).

[6] Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту.

«Онъ всякій день почти прохаживался пѣшкомъ и по большой части въ толкучемъ рынкѣ, перебивая съ чернію всякую всячину и покупая всякій вздоръ, что̀ попадется, на рубль, который ему всякій день былъ опредѣленъ» (*Об.* Д.).

[7] . . . Перомъ и шпагою блистать.

«Онъ былъ весьма острый и смѣтливый человѣкъ, а ежели бы не напустилъ на себя шутовства и шалости, то бы могъ по своему уму

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ 7.
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя;
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,

Всегда жилъ весело, пріятно 8.
И не гонялся[a] за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой[8]:
Хвалю тебя, — ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

Какой театръ, какъ всю вселенну, 9.
Ядущихъ и ядому тварь,
За твой я вижу столъ вмѣщенну,
И ты сидишь, какъ сирскій царь,

[a] ... бросался (1798).

быть хорошій министръ или генералъ» (*Об.* Д.). О способностяхъ Нарышкина были приведены нами въ примѣчаніи 1-мъ два важные, современные же отзыва, несовсѣмъ согласные съ мнѣніемъ Державина. Изъ этого можно заключить, что на Нарышкина, какъ всегда бываетъ съ людьми такого рода, смотрѣли различно. Впрочемъ едва ли вѣренъ взглядъ Державина, будто Нарышкинъ могъ бы сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Кажется, самый благопріятный приговоръ, какого онъ въ правѣ ожидать отъ потомства, заключается въ слѣдующихъ словахъ одного изъ нашихъ современниковъ: «Вельможа тѣмъ болѣе опасный, что онъ подъ видомъ шутки, всегда острой и язвительной, умѣлъ легко и кстати высказывать самую горькую правду» (*Москвит.* 1842 г., ч. I, стр. 483, въ статьѣ Н. Андреева *Пребываніе императрицы Екатерины II въ Тулѣ*).

[8] Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой.

«Онъ весьма умѣлъ угождать людямъ сильнымъ, и паче любимцамъ императрицы» (*Об.* Д.).

Въ соборѣ цѣлыя природы,
Въ семьѣ твоей — какъ Авраамъ!

Оставя короли престолы 10.
И ханы у тебя гостятъ[9];
Киргизцы, Нѣмчики, Моголы
Салму и соусы ѣдятъ:
Какіе разные народы[10],
Языкъ, одежда, лица, станъ!

Какой предметъ, какъ на качеляхъ 11.
Предъ домъ твой соберется чернь[11],
На свѣтлыхъ праздничныхъ[б] недѣляхъ,

б ... троицкихъ недѣляхъ.

---

9 И ханы у тебя гостятъ.

Посѣщавшіе Екатерину II государи и принцы, къ числу которыхъ въ послѣдніе годы присоединился и графъ д'Артуа, братъ Людовика XVI (см. выше, стр. 288, примѣч. 33, и стр. 533, прим. 1), «а также азіятскіе ханы и султаны, пріѣзжавшіе въ столицу, всѣ у него бывали и нерѣдко обѣдывали» (*Об.* Д.). Названіе *салма* въ изданіи 1798 г. объяснено словами: «татарская похлебка».

10 Какіе разные народы *и проч.*

Ср. извѣстные два стиха Пушкина:

Какая смѣсь *одеждъ* и *лицъ*,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

11 Предъ домъ твой соберется чернь.

Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* говоритъ, что передъ домомъ Нарышкина къ Свѣтлой недѣлѣ обыкновенно строились качели и что онъ чрезвычайно любилъ смотрѣть изъ своихъ оконъ, какъ народъ веселился; когда же предполагалось поставить балаганы на другомъ мѣстѣ, то онъ огорчался и просилъ перемѣнить распоряженіе. Говорятъ, домъ Нарышкина былъ у Исакія, гдѣ нынѣ домъ Мятлева; ему же принадлежалъ другой домъ на Мойкѣ, противъ Новой Голландіи, на мѣстѣ нынѣшняго Демидовскаго дома для призрѣнія трудящихся (см. одно изъ примѣчаній къ одѣ *На смерть Нарышкина*, подъ 1799 г.).

Вертится въ воздухѣ весь день!
Покрыта площадь пестротою,
Чепцовъ и шапокъ милліонъ!

Какой восторгъ! — Какъ все играетъ, 12.
Все скачетъ, пляшетъ и поетъ,
Все въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣется, ѣстъ и пьетъ!
И ты, народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Соломонъ!

Блаженъ и мудръ, кто въ ближнихъ ставитъ 13.
Блаженство купно и свое,
Свою по вѣтру лодку правитъ,
И непорочно житіе
О камень золъ не разбиваетъ
И къ пристани безъ бурь плыветъ!

Левъ именемъ — звѣриный царь, 14.
Ты родомъ — богатырь, сынъ барскій;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбодаръ;
Ты должностью — конюшій царскій;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.

Идутъ прохладой насладиться, 15.
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться[12],
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;

[12] То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться.

Такъ въ изданіяхъ 1798 и 1808 г. и въ рукописяхъ; почему мы и не рѣшились поставить, по примѣру другихъ издателей: *симъ.* Говорятъ же, хотя конечно неправильно: *до сѣхъ поръ.*

И словомъ, радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ[13].

16\. Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить въ своемъ раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходятъ въ храмину твою[14]:
О! если бъ ты и Гремиславу
Къ себѣ царицу заманилъ[15],

[13] ... Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.

Сегюръ (Mém., т. II, стр. 5) разсказываетъ: «Съ утра до вечера въ домѣ Нарышкина слышались звуки веселья и пира, безумный хохотъ, музыка; весь день тамъ ѣли, смѣялись, пѣли, плясали; приходили туда безъ зова, уходили безъ поклоновъ; не было тамъ никакого принужденія» и проч.

[14] Заходятъ въ храмину твою.

Императрица часто посѣщала Нарышкина какъ въ городскомъ его домѣ, такъ и на дачѣ (*Об.* Д.). Прекрасный загородный домъ Нарышкина находился на 6-й верстѣ петергофской дороги, на лѣвой сторонѣ, если ѣхать изъ Петербурга; противъ него, по правую сторону дороги, простирался до самаго взморья большой, разведенный въ англійскомъ вкусѣ садъ, въ который публика ежедневно не только была допускаема, но любезно приглашалась выставленною у входа надписью. Садъ этотъ извѣстенъ былъ подъ страннымъ названіемъ *Га! Га!* даннымъ ему будто бы отъ восклицанія, которое вырвалось у императрицы, когда она въ первый разъ увидѣла садъ, устроенный необыкновенно скоро и съ удивительнымъ вкусомъ (садъ оберъ-шенка А. А. Нарышкина на 4-й верстѣ по той же дорогѣ назывался *Ба! Ба!*). Самая дача Льва Александровича противъ его сада носила названіе *Левенталь* (по имени владѣльца *Льва?*). Передъ домомъ у дороги поставлена была мраморная колонна въ память посѣщенія Екатерины II, для которой здѣсь въ іюнѣ 1779 г. данъ былъ великолѣпный праздникъ, описанный въ № 55 *С.-петербургскихъ Вѣдомостей* того же года (Георги-Безакъ, *Описаніе Спб.*, ч. III, стр. 713, и *Воспом.* Булгарина, ч. I, стр. 220 и 330).

[15] Къ себѣ царицу заманилъ —

т. е. въ день ея рожденія, 21 апрѣля. — Въ бумагахъ Державина найденъ нами слѣдующій стихотворный отрывокъ, относящійся къ этому же дню:

И ей въ забаву, хоть тихонько, 17.
Осмѣлился въ ушко сказать:
«Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко [16],
Тотъ можетъ въ праздникъ погулять

Сей день на небесахъ денница
Блеснула кротко средь планетъ;
Въ сей день владѣть, императрица,
Ты нами родилася въ свѣтъ.
Въ сей день прошли зимы морозы,
Дохнулъ зефиръ, и юны розы
Облагоухали злачный лугъ.
Улыбкою весна умильна,
Дни лѣта предвѣстивъ обильна,
Восхитила мой къ пѣнью духъ.
О, коль позорище прекрасно
Объемлетъ мой веселый взоръ!
Вокругъ златое небо ясно,
Высоко слышенъ птичій хоръ:
То въ рощахъ раздаются свисты....

Здѣсь мѣсто привести еще другой отрывокъ, въ которомъ Екатерина названа *Доброславою*, откуда, можетъ быть, послѣ развилось имя *Гремиславы:*

ПОСЛАНІЕ МУРЗЫ БАГРИМА КЪ ЦАРЕВНѢ ДОБРОСЛАВѢ.

Мурза, Багримовъ сынъ, царевнѣ Доброславѣ
Желаетъ здравія, всѣхъ благъ ея державѣ:
Чтобъ розами уста, въ лилеяхъ грудь цвѣла,
Чтобъ райскою росой кропилъ тебя Алла
И, вознеся престолъ, какъ солнце, твой высоко,
Хранилъ тебя на немъ, яко зѣницу ока.

Вѣроятно, оба эти отрывка относятся къ первымъ 90-мъ годамъ, когда Державинъ, по желанію государыни, старался писать по прежнему въ похвалу ея, но не могъ произвести ничего достойнаго своей славы; о чемъ самъ онъ разсказываетъ (см. выше, стр. 496, примѣч. 12 къ одѣ *На умѣренность*).

[16] Кто вѣкъ провелъ столь славно, громко.

Этотъ стихъ, какъ вскорѣ обнаружилось, заключалъ въ себѣ предсказаніе: императрица прожила только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ былъ написанъ (*Об. Д.*).

И зрѣть людей блаженныхъ чувство
Въ ея[в] пресвѣтло рождество»!

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ[17]: 18.
Такой царицы міръ не зритъ!
Любовь и власть въ ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшитъ.
Такъ знаетъ царствовать искусство
Лишь въ Гремиславѣ — божество.

[в] Въ свое...

---

[17] Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ — т. е. между государями нѣтъ блистательнѣе Екатерины. Выраженіе это основывается на томъ, что въ Польшѣ, по случаю послѣдняго раздѣла ея, выбита была медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ портрета императрицы, а на другой — розы съ иглами, вокругъ которой была надпись: *Благоухаетъ и страшитъ* (*Об.* Д.).

CXII. НА КОНЧИНУ ГРАФА ОРЛОВА [1].

Что слышу я? Орелъ изъ стаи той высокой, 1.
Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлоокой,

[1] Ѳедора Григорьевича, род. 8 февраля 1741, ум. въ Москвѣ 17 мая 1796 года. Онъ возвысился, вмѣстѣ съ братьями своими, въ началѣ царствованія Екатерины II, и хотя находился въ гражданской службѣ (оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ), но при открытіи турецкой войны отправился съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ Архипелагъ, взялъ въ Мореѣ

Когда она съ Олимпа шла[2], —
Орелъ, который надъ Чесмою

нѣсколько крѣпостей и участвовалъ въ чесменской битвѣ, гдѣ едва не погибъ вмѣстѣ со взорваннымъ на воздухъ кораблемъ Евстафіемъ. Въ царскосельскомъ саду воздвигнутъ ему особый памятникъ, котораго не должно смѣшивать съ большою ростральною колонною середи пруда, поставленною въ честь его брата (см. изображеніе ея выше, на стр. 423). О личности Ѳ. Г. Орлова сообщается въ *Запискахъ современника* (Жихарева, ч. I, стр. 152) слѣдующій отзывъ: «Онъ былъ человѣкъ большаго природнаго ума, сильнаго характера, простъ въ обхожденіи и чрезвычайно оригиналенъ иногда въ своихъ мысляхъ, сужденіяхъ и образѣ ихъ изъясненія. Напримѣръ, онъ никогда не предпринималъ ничего, не посовѣтовавшись съ кѣмъ-нибудь однимъ; но терпѣть не могъ совѣтоваться съ многими, говоря: умъ хорошо, два лучше, но три съ ума сведутъ.»

Это стихотвореніе въ первый разъ явилось въ *Аонидахъ* 1796 года (кн. I), стр. 173, подъ заглавіемъ Стихи на кончину гр. Ѳ. Г. Орлова и съ подписью *Д—нъ*. Потомъ оно было напечатано въ изданіяхъ: 1798, стр. 389, опять съ означеніемъ въ заглавіи полнаго имени гр. Орлова, и 1808, ч. I, LXIV.

Въ «Письмѣ къ графинѣ С. И. С. (*Салтыковой*) о русскихъ поэтахъ» (*Сѣв. Цвѣты* на 1825 г., стр. 16) П. А. Плетневъ говоритъ по поводу этой оды: «Въ шестнадцати стихахъ поэтъ успѣлъ все сказать, что представлялъ ему величайшій предметъ. Покрывало аллегоріи ничего не скрываетъ отъ глазъ вашихъ. Вы узнаете и Минерву и стаю орловъ ея. Нѣтъ ни одной черты недоконченной и ни одной лишней. Можетъ быть, вы пожелали бы видѣть нѣсколько размышленій; но они сами наполняютъ душу съ послѣдними двумя стихами оды. Величайшіе писатели тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ, что они заставляютъ думать, а послѣдніе наводятъ скуку своею говорливостію. Между тѣмъ, какъ все оживлено въ этой одѣ! Нѣтъ ни одного стиха, который бы не заключалъ въ себѣ движенія. Таковъ и долженъ быть языкъ лирической поэзіи, какъ языкъ чувствъ, а не размышленія».

Относительно перваго стиха: *Орелъ изъ стаи той высокой* ср. у Пушкина выраженіе «Екатерининыхъ орловъ» (*Воспоминанія въ Царскомъ селѣ*, изд. Анненкова, ч. I, стр. 233) и относящіяся къ Кутузову слова:

«Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ».

(Объясненія къ *Полководцу*, тамъ же, ч. III, стр. 49).

На первомъ изъ приложенныхъ рисунковъ старецъ, опирающійся на урну (Рокъ), глядитъ на сраженнаго стрѣлою орла; на второмъ представлена летящая въ облакахъ Слава (*Об.* Д.).

[2] Когда она съ Олимпа шла.

При восшествіи на престолъ Екатерины II были дѣятельны всѣ пять братьевъ Орловыхъ (*Об.* Д.).

Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,
Внезапно роковой стрѣлою·
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесь паренье? 2.
Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ[а] устремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?
Гдѣ быстрыя всезрящи очи
И грудь, отважности полна?
Все, все сокрылъ[б] мракъ вѣчной ночи:
Осталась слава лишь одна!

[а] Гдѣ бурныхъ громовъ... (1796).
[б] ... покрылъ...

CXIII. НА ПОКОРЕНІЕ ДЕРБЕНТА[1].

Герой, который мной воспѣтъ, 1.
Что счастья [a] надѣленъ рукою

[a] Кто счастья ... (1796, *Нов. еж. соч.*).

[1] На двадцатьшестомъ году отъ рожденія Валеріанъ Александровичъ Зубовъ получилъ начальство надъ тридцатипятитысячнымъ войскомъ, отправленнымъ въ Персію. Въ апрѣлѣ 1796 онъ выступилъ изъ Кизляра къ Дербенту, вскорѣ обложенному, по его распоряженію, со всѣхъ сторонъ. Подойдя къ крѣпости и устроивъ батареи, онъ приказалъ штурмовать большую каменную башню, которая и взята послѣ храброй полуторачасовой защиты; бывшіе въ ней 500 Персіянъ легли на мѣстѣ. Черезъ

И храбростью и красотою
Въ любви и въ брани для побѣдъ!
Уже ты днесь не по фортунѣ[2],
По подвигамъ твоимъ почтенъ.

Едва оставилъ ты гражданъ, 2.
Привязанныхъ къ тебѣ любовью[3],

нѣсколько дней, 10 мая, непріятель, устрашенный засверкавшими въ проломѣ городской стѣны штыками, палъ на колѣни и просилъ пощады. Должностныя лица вмѣстѣ съ дербентскимъ ханомъ, навѣсивъ себѣ на шею сабли, вышли на встрѣчу къ главнокомандующему, и знаменитая крѣпость въ тотъ же день занята Русскими. Зубовъ принялъ мѣры къ охраненію не только жизни, но и собственности гражданъ (Бантышъ-Каменскаго *Словарь достопамятныхъ людей*, М. 1836, ч. II).

Стихи на покореніе Дербента графомъ В. А. Зубовымъ были напечатаны въ *Аонидахъ* 1796 г. (кн. I, стр. 170), также въ *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* за апрѣль того же года (ч. CXVIII); потомъ въ изданіи 1808 г., ч. I, XLIX.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: «1) Молодой витязь на трофеяхъ побѣдъ своихъ едва только успѣлъ успокоиться, какъ Геніи любви и пріятности и самого побѣдителя побѣдили. Одинъ, лавровый его вѣнецъ обративъ въ вѣнецъ розовый и подставя свою спину вмѣсто мальбрета, на собственномъ его щитѣ заставилъ писать образъ побѣдительницы его; но нечѣмъ! Любовь, отнявъ у него мечъ, дала ему на промѣнъ стрѣлу свою, и стрѣлою любви герой изобразилъ тріумфъ собственной его побѣды. 2) Два ключа Дербента съ именами Петра и Екатерины, перевязанные лаврами, означаютъ двукратное завоеваніе Дербента» (*Об.* Д.). Въ «Программахъ къ виньетамъ», писанныхъ рукою Капниста, предполагались къ этой одѣ другіе рисунки, и именно: «1) Видъ Дербента (который можно спросить у Иванова *); въ авансценѣ подноситъ древній старецъ ключи города витязю, сидящему на конѣ въ полномъ вооруженіи. 2) Внизу изобразить слона, навьюченнаго корыстями; вдали видъ россійскаго города.»

[2] Уже ты днесь не по фортунѣ *и проч.*

«Не потому, что былъ братъ любимца императрицы, но что службою приносилъ честь и пользу отечеству» (*Об.* Д.). Зубовъ былъ прежде воспѣтъ Державинымъ въ одѣ *Красавицу* (см. выше стр. 604).

[3] Привязанныхъ къ тебѣ любовью.

Онъ былъ любимъ народомъ и войскомъ (*Об.* Д.).

* Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ, художникъ, ум. въ 1830. См. наше Предисловіе въ этомъ томѣ.

Ужъ мечъ твой обагрился кровью
Противныхъ Россамъ Персіянъ;
Но гордый врагъ простёръ лишь выю,
Ты подарилъ ему животъ[4]!

Екатеринины лучи 3.
Умножилъ ты побѣдой новой;
Славнѣе тѣмъ вѣнецъ лавровой,
Что взялъ Петровы ты ключи.
Въ столѣтнемъ старцѣ Дарій зрится[5],
А юный Александръ — въ тебѣ!

О радость! се валятъ ужъ къ намъ 4.
Слоны, богатствомъ нагруженны,
Коврами Инда покровенны[6]!
Народъ по стогнамъ, по домамъ!
Сребро и золото ліется,
Какъ съ неба благотворный дождь!

Но знай: какъ свѣтлый метеоръ, 5.
Такъ блескъ тріумфовъ пролетаетъ:

[4] Ты подарилъ ему животъ.

См. примѣчаніе 1.

[5] Въ столѣтнемъ старцѣ Дарій зрится.

Ключи Дербента поднесены были молодому Зубову стодвадцатилѣтнимъ старцемъ, тѣмъ самымъ Персіяниномъ, который въ 1722 году вручилъ ихъ и Петру Великому (*Словарь достоп. людей*).

[6] Коврами Инда покровенны.

Зубовъ долженъ былъ осуществить мысль Екатерины объ установленіи торговли съ Индіею (см. выше стр. 135 и 609). Ему поручено было, занявъ важные торговые пункты отъ Персіи до Тибета, оставить тамъ гарнизоны, а потомъ обратиться съ своей арміей вправо къ Анатоліи и тамъ, взявъ Анапу, пресѣчь всѣ сношенія съ Константинополемъ. Тогда Суворовъ пошелъ бы чрезъ горы и Адріанополь къ турецкой столицѣ; а императрица, находясь лично на флотѣ, въ то же время осадила бы этотъ городъ съ моря. Къ исполненію этого плана предполагалось приступить въ 1797 году, и Суворовъ дѣлалъ уже приготовленія. Неожиданная смерть императрицы все остановила. Начало слѣдующей строфы содержитъ какъ бы предвѣщаніе этого событія (*Об.* Д.).

Почти тогда жъ и исчезаетъ,
Коль скоро удивляетъ взоръ;
А добродѣтели святыя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ.

Но кто перунъ небесъ несетъ 6.
И вдохновенъ[6] душой Беллоны,
Кому чертежъ даютъ Платоны[7]
И кротости кто вслѣдъ идетъ, —
Тотъ можетъ многими путями
Войти безсмертія во храмъ.

[6] Кто вдохновенъ...

---

[7] Кому чертежъ даютъ Платоны.

Подъ Беллоною здѣсь разумѣется императрица, а имя греческаго философа Платона, начертавшаго планъ учрежденія государства, заключаетъ въ себѣ намекъ на Платона Зубова, какъ виновника плана, упомянутаго въ предыдущемъ примѣчаніи (*Об.* Д.).

CXIV. НА КРЕЩЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА [1].

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя

[1] Великій князь Николай Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ 25 іюня 1796 г. въ три часа по полуночи. Крещеніе было совершено 6 іюля, въ воскресенье, духовникомъ императрицы, протопресвитеромъ Іоанномъ Іоанновичемъ Панфиловымъ. Новорожденный внесенъ былъ въ

Еще залогъ небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освѣтися!

Се нынѣ духъ Господень
На отрока сошелъ;
Прекрасенъ, благороденъ
И, какъ заря, расцвѣлъ [а]
Онъ въ пеленахъ лучами:
Дитя равняется съ царями [б].

Родителямъ по крови [2],
По сану — исполинъ [в];

[а] И, какъ звѣзда, расцвѣлъ (Первонач. рукоп.).
— Яко заря...
[б] Дитя равенъ съ царями.
[в] По духу — исполинъ.

церковь изъ внутреннихъ покоевъ статсъ-дамою Шарлоттою Карловною Ливенъ; его поддерживали, по принятому этикету, съ правой стороны оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, а съ лѣвой генералъ-аншефъ графъ Н. И. Салтыковъ. Воспріемниками отъ св. купели были великій князь Александръ Павловичъ и великая кнзжна Александра Павловна. Въ тотъ день во дворцѣ былъ обѣденный столъ (*Спб. Вѣдом.* 1796 г., 11 іюля, № 56). Въ первоначальной рукописи это стихотвореніе названо *пѣснью;* въ другой сдѣлано къ заглавію примѣчаніе: *музыка Сартія.*

Напечатано въ изданіи 1808 г., ч. I, LX.

Въ царствованіе императора Николая I эти стихи часто приводились какъ пророчество.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Дитя, опирающееся правою рукою на сѣверъ земнаго шара, и восходящее солнце; вокругъ трофеи мира и славы; 2) купель и надъ нею крестъ, озаряющій ее сіяніемъ (*Об.* Д.)

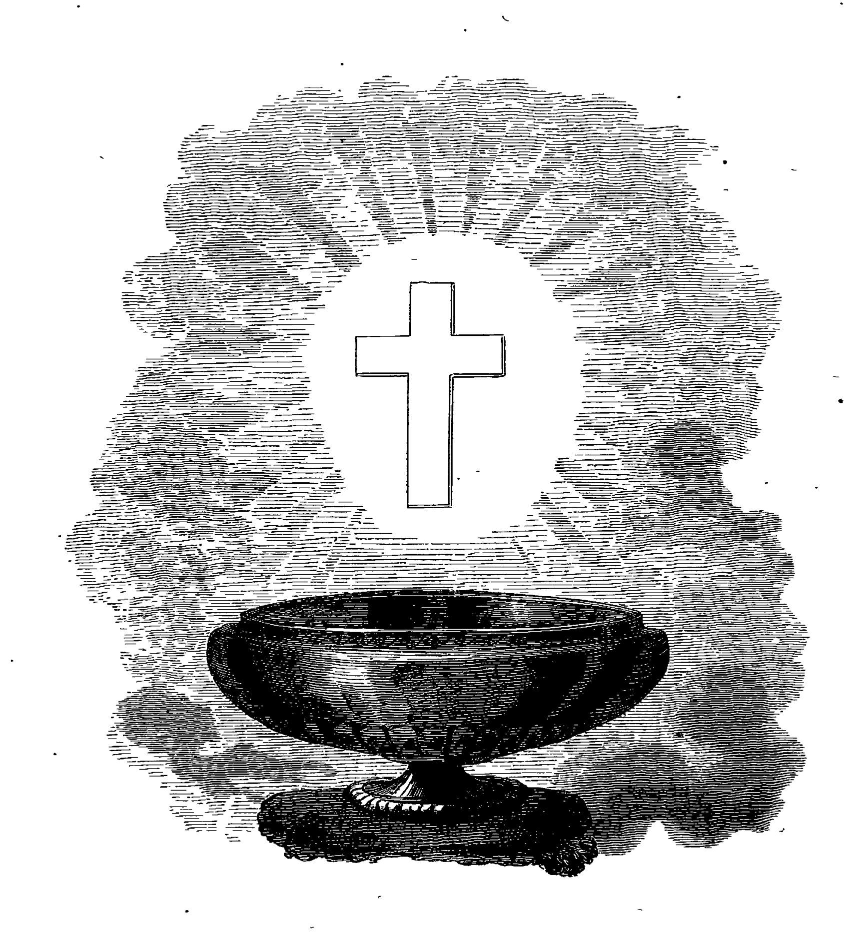
[2] Родителямъ по крови.

Въ этомъ стихѣ неясность. Къ чему относится *родителямъ?* чѣмъ управляется этотъ дательный падежъ? Вѣроятно, слѣдующій за нимъ предлогъ *по* должно подразумѣвать и впереди. У Державина это былъ бы

По благости, любови,
Полсвѣта властелинъ [г]:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ.

[г] Надъ нами властелинъ,
Онъ будетъ вѣкъ отнынѣ
Равенъ Екатеринѣ.

не единственный случай опущенія предлога. Такъ въ переложеніи псалма *Доказательство Творческаго бытія* (см. выше, стр. 749, строфа 1) сказано: «День за днемъ течетъ его уставу», вмѣсто *по его уставу*.

CXV. ПОТОПЛЕНІЕ[1].

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;

[1] Случай, на который написаны эти стихи, такъ разсказанъ въ письмѣ Державина къ И. И. Дмитріеву отъ 5 августа 1796 г.: «Третьяго дня Ѳедоръ Михайловичъ Дубянскій, переѣзжая съ дачи своей чрезъ Неву, съ компаніей потонулъ; а именно съ нимъ были: банковые док-

Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ;
Онъ гребетъ чрезъ волнъ и тму;
Мысль веселье вображаетъ[a];
Берегъ видится ему.

[a] Мысль утѣхи вображаетъ (1796 и 1798).

торъ Сипажъ съ женою, кассиръ Гемшъ, придворнаго закройщика Дьячкова жена. Но спаслися кое-какъ: тотъ Дьячковъ, мужъ утопшей, жена Гемшева, Захаржевскій, протоколистъ сенатскій, и нашъ Орфеевъ Иванъ Данилычъ, который уже былъ на днѣ, но не оробѣлъ и кой-какъ вскарабкался къ лодкѣ, которая отъ трусости Гемша, вскочившаго отъ небольшой течи на бортъ, опрокинулась и сдѣлала столько покойниковъ».

Дубянскій, котораго смерть Державинъ оплакиваетъ, служилъ, въ чинѣ бригадира, совѣтникомъ правленія государственнаго заемнаго банка подъ начальствомъ графа Завадовскаго, бывшаго главнымъ директоромъ этого учрежденія. Дубянскій извѣстенъ намъ также по стихамъ Дмитріева и, какъ видно изъ нихъ, былъ любитель и знатокъ музыки. Онъ положилъ на ноты пѣсню Дмитріева: «Стонетъ сизый голубочекъ», и по этому-то поводу авторъ ея написалъ къ нему стансы: «Нѣжный ученикъ Орфея» и проч. (*И мои бездѣлки*, стр. 111; *Соч. Дмитріева*, М. 1818, ч. II, стр. 30). Получивъ отъ Державина извѣстіе о гибели Дубянскаго, Дмитріевъ сочинилъ слѣдующее *Надгробіе Ѳ. М. Д.* (*Аониды*, кн. II, стр. 248).

Любезнаго и прахъ останется ль безвѣстнымъ?
Дубянскаго былъ даръ: гармоніей прельщать;
Страсть: дружба и любовь; законъ: быть добрымъ, честнымъ;
А жребій: бурну жизнь въ пучинѣ окончать.

Потопленіе Державина въ первый разъ появилось въ *Музѣ* за августъ 1796 г. (ч. III, стр. 152), подъ заглавіемъ *Романсъ на потопленіе NN* и съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи; потомъ оно было напечатано: въ изданіи 1798 г., стр. 383, съ означеніемъ въ заглавіи всего имени, года и дня событія, въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 53, съ сокращеніемъ заглавія, и въ изданіи 1808, ч. III, xxiii.

Содержаніе приложенныхъ рисунковъ: 1) «Челнокъ съ пловцами въ мракѣ по бурной рѣкѣ плыветъ подъ луною» (рукоп.); 2) опрокинутый факелъ.

Но челнокъ вдругъ погрузился[б];
Путникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну[в].

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ ни льсти,
Всѣ потонемъ въ жизни вѣчной[г]...
Дружба и любовь, прости[д]!

[б] ... вдругъ развалился (Первонач. рукоп.).
[в] Онъ пошелъ, какъ ключъ, ко дну (1796, 1798 и 1804).
[г] ... въ безднѣ вѣчной.
[д] Милый братъ и другъ, прости! (1796 и 1798).

CXVI. ПОБѢДА КРАСОТЫ[1].

Какъ храмъ ареопагъ Палладѣ, 1.
Нептуна презря, посвятилъ,

[1] Написано на сговоръ короля шведскаго съ великою княжной Александрой Павловной. Послѣ окончанія войны съ Швеціею (см. выше стр. 307) Екатерина искала союза съ этимъ государствомъ, думая воспользоваться его помощью для обузданія революціонной Франціи. Преемнику убитаго Густава III было только 17 лѣтъ и, какъ несовершеннолѣтній, онъ оставался еще подъ опекою дяди своего, герцога Зюдерманландскаго Карла, который уже успѣлъ сосватать за него мекленбургскую принцессу. Русскому послу при Стокгольмскомъ дворѣ, барону Будбергу, удалось разстроить планъ этого брака и склонить регента на путешествіе въ Петербургъ съ молодымъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ. Они прибыли къ намъ 14/25 августа съ блестящею свитой и поселились въ домѣ, который занималъ шведскій чрезвычайный посолъ,

Притекъ къ аѳинской левъ оградѣ[a]
И ревомъ городу грозилъ.

[a] Могущій левъ притекъ къ оградѣ (Первонач. рукоп.).

баронъ Стедингъ. Король принялъ имя *графа де-Гага* *. Весь Петербургъ пришелъ въ движеніе; сама императрица, жившая въ Таврическомъ дворцѣ, поспѣшила переѣхать въ Зимній для пріема дорогаго гостя. Прекрасная, умная и любезная Александра Павловна, съ дѣтства привыкшая считать шведскаго короля своимъ суженымъ, увидѣла въ пріятной личности его осуществленіе своихъ завѣтныхъ ожиданій и привязалась къ нему со всею горячностью невиннаго сердца. Вопросъ о бракѣ казался окончательно рѣшеннымъ: король сватался и получилъ согласіе. Въ честь его давались безпрестанные пиры то при дворѣ, то въ частныхъ домахъ. Одинъ такой праздникъ, стоившій 50 т. рублей, былъ у графа Безбородки 28 августа, и Державинъ, также участвовавшій въ немъ, написалъ на этотъ случай стихи, заимствуемые нами изъ рукописей:

Что есть гармонія во устроеньи міра?
Пространство, высота, сіянье, звукъ и чинъ.
Не то ли и чертогъ, воздвигнутый для пира,
Для зрѣлища картинъ?
Въ твоемъ, о Безбородко, домѣ
Я въ солнцахъ весь стоялъ въ пріятномъ сердцу громѣ.

Изъ другихъ стиховъ, написанныхъ нашимъ поэтомъ по поводу пребыванія въ Петербургѣ шведскаго короля, приведемъ здѣсь еще *надпись къ портрету графа де-Гага:*

Ты скрылъ величество; но видимъ и въ ночи
Свѣтила сѣверна сіяющи лучи:
Теки на высоту свой блескъ соединить
Съ прекраснѣйшей изъ звѣздъ, — чтобъ смертнымъ счастье лить.

Оставалось закончить дѣло торжественнымъ обрученіемъ. Извѣстно, какимъ неожиданнымъ разочарованіемъ ознаменовался вечеръ $^{10}/_{21}$ сентября, въ который оно должно было совершиться въ тронной залѣ въ присутствіи всей императорской фамиліи, двора и дипломатическаго корпуса. Король отказался подписать привезенный ему Морковымъ за часъ до того актъ, въ которомъ между прочимъ выговаривалось для будущей королевы право сохранить свое вѣроисповѣданіе и имѣть въ Стокгольмѣ

* Haga — названіе одного изъ лѣтнихъ дворцовъ близъ Стокгольма.

Она копья непобѣдима 2.
Ко ополченью не взяла,

православную капеллу съ духовенствомъ. Вопреки совѣтамъ своего дяди и приближенныхъ, Густавъ Адольфъ не хотѣлъ слышать о такой уступкѣ и показалъ первый опытъ того упорства, которое послѣ такъ отличало его. Непреодолимая твердость его въ этомъ случаѣ была, какъ есть поводъ думать, слѣдствіемъ письма, полученнаго имъ наканунѣ изъ Швеціи отъ епископа Флодина (Anteckningar af grefve M. Björnstjerna, Stockholm 1851, ч. I, стр. 25). См. объ этомъ эпизодѣ между прочимъ Арндта Schwedische Geschichten, Leipzig 1839, Бруцеліуса Sverges Historia, Lund 1833, и *Записки Л. Энгельгардта*, стр. 151. Вскорѣ послѣ того, 20 сентября (день рожденія великаго князя Павла Петровича), король и дядя его оставили Петербургъ. Современники, въ томъ числѣ и Державинъ (*Зап.* его, *Р. Б.*, стр. 386), въ значительной мѣрѣ приписываютъ этой неудачѣ послѣдовавшую черезъ два мѣсяца скоропостижную кончину императрицы. О дальнѣйшей судьбѣ несчастной Александры Павловны см. стихотворенія: *На брачныя торжества* подъ 1799 г. и *Эродій надъ гробомъ праведницы* подъ 1806. Густавъ Адольфъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи достигнувъ совершеннолѣтія, вступилъ самъ въ управленіе государствомъ и въ 1797 женился на баденской принцессѣ (сестрѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, см. выше стр. 504), съ которою однакожъ развелся впослѣдствіи. Въ 1809 г., по поводу неудачной для Швеціи финляндской войны, онъ принужденъ былъ отказаться отъ престола, жилъ съ тѣхъ поръ частнымъ человѣкомъ въ чужихъ краяхъ и умеръ 1837 г. въ Швейцаріи.

Въ томъ же письмѣ Державина къ Дмитріеву отъ 5 августа, изъ котораго выше (стр. 751) приведено уже мѣсто, относящееся къ смерти Дубянскаго, находимъ строки: «Послѣ печальнаго извѣстія пріятно то, что ждутъ уже публично пріѣзда шведскаго короля съ большою свитою и готовятъ множество при дворѣ и у большихъ бояръ пировъ». 6-го же октября нашъ поэтъ писалъ къ Дмитріеву: «Здѣшніе праздники шумные исчезли, какъ дымъ; по сію пору не знаемъ, что впредь будетъ; а потому всѣ громы поэтовъ погребены подъ спудомъ; для того и я мою бездѣлицу не выпускаю; аще же вознесетъ благодать, пріидетъ желанный бракъ, они воскреснутъ, то я тотчасъ къ вамъ ее сообщу». (См. переписку Державина). Вѣроятно, подъ упомянутою здѣсь *бездѣлицею* и должно разумѣть настоящее стихотвореніе. — Оно было въ первый разъ напечатано въ изданіи 1798 г., стр. 385, подъ заглавіемъ: Р о м а н с ъ. П о б ѣ д а р а з у м а и к р а с о т ы, съ примѣчаніемъ въ выноскѣ: *Музыка г. Бортнянскаго;* потомъ въ *Анакреонт. пѣсняхъ*, стр. 13, подъ сокращеннымъ уже заглавіемъ, и въ изд. 1808, ч. III, vi.

Противу льва неукротима
Съ Олимпа Геву [б] призвала [2].

Пошла — и подъ оливой стала, 3.
Блистая легкою броней;
Младую Нимфу [в] обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

Левъ шелъ — и подъ его стопою 4.
Приморскій влажный брегъ дрожалъ;
Но, встрѣтясь вдругъ со красотою [г],
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный, 5.
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кроткія, умильны
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась, 6.
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.

[б] Съ небесъ Гебею...
[в] Младую дѣву...
[г] Но вдругъ онъ, встрѣтясь съ красотою.

Содержаніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Левъ несетъ на себѣ Эрота; 2) олицетвореніе мысли 3-го куплета.

[2] Съ Олимпа Геву призвала.

Геву вмѣсто *Гебу*, какъ *Эревъ*, *Василій* вмѣсто *Эребъ* и проч. Здѣсь, какъ, и въ другихъ мѣстахъ у Державина, *левъ* принятъ за эмблему Швеціи по изображенію въ ея государственномъ гербѣ. *Паллада* представляетъ Екатерину, а *Гева* — великую княжну. Подъ *Нептуномъ* въ 1-мъ куплетѣ должно разумѣть шведское господство на морѣ, потрясенное недавнею войною; подъ *ареопагомъ* — судъ свѣта; подъ *храмомъ* — храмъ славы.

Минерва мудрая познала 7.
Его родящуюся страсть,
Цвѣточной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.

Не разъ потомъ уже случалось, 8.
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;
Красою мужество сражалось,
И побѣждала все — любовь.

Приложенія къ пьесѣ: «Побѣда Красоты».

По поводу праздниковъ, которые давались въ честь короля Густава Адольфа, Державинъ написалъ еще три стихотворенія.

1.

Выше, стр. 313, мы помѣстили по изданію 1808 г. и на основаніи *Объясненій* Державина *Хоръ на шведскій миръ.* Но изъ рукописи, которой мы тогда не имѣли въ виду, оказывается, что это стихотвореніе не было сочинено въ 1790 году, а передѣлано гораздо позже изъ другаго, относящагося къ одной эпохѣ съ *Побѣдою красоты* и вызваннаго тѣмъ же обстоятельствомъ. Сравненіе обѣихъ пьесъ показываетъ, что въ позднѣйшій хоръ перешли изъ первоначальнаго только 1-й куплетъ и три стиха припѣва. Приводимъ здѣсь весь *Хоръ* въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ въ 1796 году, и подъ тогдашнимъ его заглавіемъ:

ХОРЪ ДЛЯ КОНЦЕРТА

НА ПОМОЛВКУ КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО СЪ ВЕЛИКОЮ КНЯЖНОЮ АЛЕКСАНДРОЮ ПАВЛОВНОЮ.

Орлы и львы соединились,
Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ,
Съ громами громы помирились,
Поцѣловался съ Шведомъ Россъ.
Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся,
Блистай, Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина, утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ плодомъ.

Гряди, монархъ, на высоту,
Какъ солнце, въ брачный твой чертогъ;
Являй народамъ красоту
Въ лучахъ любви твоей, какъ богъ!
Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся,
Блистай, Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина, утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоимъ плодомъ.

Младая, нѣжная царевна!
Плѣнивъ красой твоей царя,
Взаимно вѣчно будь имъ плѣнна,
Цвѣти, какъ роза, какъ заря.
Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся,
Блистай, Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина, утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ плодомъ.

Родители любезны, нѣжны!
Чтó ваши чувствуютъ сердца?
Въ усердьи льемъ мы токи слезны,
А ваша радость безъ конца.
Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся,
Блистай, Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина, утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ плодомъ!

Да будетъ ввѣкъ благословенна
Порфироносная чета,
Въ Россіи, въ Швецій * насажденна
Премудрость, храбрость, красота!
Сіяньемъ, Сѣверъ, украшайся,
Блистай, Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина, утѣшайся
Симъ славнымъ рукъ твоихъ плодомъ.

2.

Другое стихотвореніе — того же рода. Оно озаглавлено:

ХОРЪ ДЛЯ ПОЛЬСКАГО
НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ.

Связаны ** цвѣтовъ цѣпями
Нѣжно-милая чета,
Увѣнчанныя лучами
Младость, бодрость, красота!
Утѣшайтесь лучшимъ счастьемъ
Быть любимымъ и любить.

* О формѣ этого слова см. выше, стр. 55, примѣч. 4 къ *Эпистолѣ И. И. Шувалову;* также, стр. 145, примѣч. къ варіанту е.

** Множеств. число при собирательномъ имени *чета;* ср. выше, стр. 124, примѣч. 6.

Ваше вѣчное согласье
Вамъ подастъ веселы дни,
Насадитъ народамъ счастье
Мира сладкаго въ тѣни.
Утѣшайтесь лучшимъ счастьемъ
Людямъ счастіе творить.

Зрите, какъ на васъ два царства
Улыбаючись глядятъ:
Дружества чрезъ васъ и братства,
Блага общаго хотятъ.
Утѣшайтесь лучшимъ счастьемъ
Матерью, отцомъ прослыть.

Посмотрите, какъ огнями
Сѣверъ весь торжествъ горитъ,
Любопытными очами
Вся на васъ Европа зритъ.
Утѣшайтесь лучшимъ счастьемъ
Добродѣтели хранить.

3.

Наконецъ сюда же относится эпиграмма на Русскаго, который не иначе понимаетъ *сенатъ*, какъ въ смыслѣ зданія:

РАЗГОВОРЪ РУССКАГО СЪ ШВЕДОМЪ
во время бытія графа де-Гага въ Петербургѣ.

Шведъ.

Въ народномъ сборищѣ толикомъ,
Какъ дворъ вашъ пышностью блисталъ
И оказалъ намъ столько чести,
Гдѣ вашъ Сенатъ стоялъ?

Русскій.

Въ своемъ былъ мѣстѣ, —
Стоялъ онъ при Петрѣ Великомъ.

Шведъ.

Да гдѣ жъ, у трона впереди, иль назади?

Русскій.

Совсѣмъ не тамъ, — на площади.

CXVII. АѲИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ[1].

Сидѣвша объ руку царя[a] 1.
Чрезъ поприще на колесницѣ,

[a] Сидѣвшаго возлѣ царя (Рукопись 1796).

---

[1] Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, котораго, по доблести его, по красотѣ, атлетической силѣ и ловкости, поэтъ представляетъ себѣ въ видѣ древняго Грека.

Въ рукописи эта ода, какъ написанная въ подражаніе славному ѳивскому лирику, названа *пиндарической*, и временемъ ея сочиненія показанъ

Державшаго въ своей десницѣ
Съ оливой громъ, иль чрезъ моря

сентябрѣ 1796 г. (22 числа было коронованіе императрицы). Подражаніе Пиндару не ограничивается духомъ и содержаніемъ оды, но распространяется въ нѣкоторой степени и на форму ея: отъ начала до конца она состоитъ изъ отдѣловъ, которые идутъ одинъ за другимъ по три, какъ строфа, антистрофа и эподъ. Впослѣдствіи Державинъ перевелъ двѣ оды Пиндара (см. подъ 1800 и 1804 г.). Желая воспѣть графа А. Г. Орлова, онъ очень кстати вспомнилъ о Пиндарѣ, съ героями котораго, побѣдителями на греческихъ играхъ, этотъ увѣнчанный лаврами атлетъ и любитель конскихъ ристалищъ представлялъ большое сходство, такъ что на него могли быть перенесены безъ всякой натяжки многія выраженія Пиндара.

Графъ Орловъ-Чесменскій (род. 1737 г.), третій изъ знаменитыхъ пяти братьевъ, придававшихъ такой блескъ двору Екатерины II въ первое время ея царствованія, удалился въ Москву послѣ того, какъ братъ его князь Григорій утратилъ свое значеніе, и жилъ тамъ (подъ Донскимъ монастыремъ) до самой смерти своей въ 1808. Въ началѣ второй турецкой войны императрица предлагала графамъ Алексѣю и Ѳедору принять снова участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на морѣ, но по полученіи отъ нихъ отвѣта она писала Потемкину 13 января 1788:

«Графы Орловы отказались ѣхать во флотъ, а послѣ сего письменнаго отрицанія по причинѣ болѣзни, гр. Алексѣй Григорьевичъ сюда пріѣзжалъ и весьма заботился о семъ отправленіи флота и его снабденіи; но какъ они отказались отъ той службы, то я не разсудила за нужно входить уже во многихъ подробностей, но со всякой учтивостью отходила отъ всякихъ объясненій, почитая за ненужное толковать о томъ съ неслужащими людьми. Потомъ просилъ пашпортъ ѣхать за границу къ водамъ, но не взявъ оный уѣхалъ къ Москвѣ» (П. Лебедева *Матеріалы*).

Страстный охотникъ до лошадей и владѣтель знаменитыхъ конскихъ заводовъ, гр. Алексѣй Орловъ, живя въ этомъ городѣ, каждое воскресенье тѣшилъ народъ передъ своимъ домомъ скачками или бѣгами (Ср. выше, стр. 137, примѣч. 13 къ *Фелицѣ*). По словамъ біографа его, Ушакова *), рядъ домовъ, занятыхъ Орловыми въ Москвѣ, «составилъ цѣлую новую улицу, представлявшую рѣдкое сочетаніе красотъ природы съ прелестями вымысла, вкуса, богатства и ума.» Лучшею характеристикой московской жизни Орлова можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ *Записокъ современника* (Жихарева, стр. 88), описывающій эпизодъ

* Цитуя Ушакова, мы должны замѣтить, что приводимыя нами какъ здѣсь, такъ и ниже строки изъ его *Жизни Орлова* заимствованы имъ почти слово въ слово изъ книжки Н. Страхова *Мои петербургскія сумерки*, Спб. 1810.

Протекшаго въ вѣнцѣ Нептуна,
Или съ улыбкою Фортуна

гулянья въ Сокольникахъ 1 мая 1805 года: «... Вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ: «ѣдетъ! ѣдетъ!» пронесся по окрестности... Впереди, на статномъ, фаворитномъ конѣ своемъ, *Свирѣпомъ*, какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіятская збруя, сѣдло, мундштукъ и чапракъ были, буквально, залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными каменьями. Немного поодаль на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ ѣхали дочь его (*извѣстная Анна Алексѣевна, кончившая дни въ Юрьевомъ монастырѣ*) и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменской (*побочный сынъ графа*), А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, кн. Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе сорока человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой збруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи, кареты, коляски и одноколки, запряженныя цугами и четверками одномастныхъ лошадей... Сказываютъ, что графъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе Москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ и, какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями, обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбою ему предоставленныя». На другой день была блестящая скачка, послѣ которой передъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали цыгане. «По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезённую одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ возжи и, гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу и, обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ, какъ ураганъ какой. Смотря на этого, до сихъ поръ еще могучаго витязя, я вспомнилъ стихи къ нему Державина.»

Ода *Афинейскому витязю* напечатана въ изданіи 1808 г., ч. II, XXI.

Содержаніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Подъ сѣнію мира покоится поэтъ; играя на лирѣ, онъ поетъ военную пѣснь и слѣдитъ за орломъ, парящимъ къ солнцу и указывающимъ путь къ праведной славѣ; 2) Геній мира, сложивъ орудія свои у подножія простаго жертвенника, совершаетъ на немъ возліяніе, при чемъ Марсовъ шлемъ служитъ ему чашею (*Об.* Д.). — Изъ другой рукописи, писанной рукою В. Капниста, видно, что сперва предполагалось сдѣлать къ этой одѣ другіе рисунки, и именно: «1) Представить ристалище, на которомъ Минерва съ высоты по отлогости катится на колесницѣ: одно изъ ея колесъ сошло съ мѣста,

Кому жемчужный нектаръ свой
Носила въ чашѣ золотой —
Блаженъ, кто путь устлалъ цвѣтами [2]
И окурилъ алоемъ вкругъ,
И лиры громкими струнами
Утѣшилъ, бранный славя духъ [б].

Испытывалъ [в] своихъ я силъ 2.
И пѣлъ могущихъ человѣковъ;
А чтобъ вдали грядущихъ вѣковъ
Ярчѣй ихъ въ мракѣ блескъ свѣтилъ
И я не осуждался бъ въ лести,
Для прочности, къ ихъ громкой чести
Примѣшивалъ я правды гласъ [3];
Звучалъ моей трубой Парнассъ.

[б] Его утѣшилъ бранный духъ.
[в] Отвѣдывалъ . . .

колесница клонится, и опасное паденіе кажется неизбѣжно. Но витязь, мускуловатою рукою схвативъ колесо, поддерживаетъ богиню съ опасностію собственной жизни. 2) Два борца въ полномъ дѣйствіи ихъ членовъ». Въ третьей рукописи выражено еще другое предположеніе: «Придѣлать у орла медальйонъ съ силуэтомъ графа».

[2] Блаженъ, кто путь устлалъ цвѣтами.

Расположеніе періода въ этой строфѣ затрудняетъ пониманіе ея; вотъ естественный порядокъ словъ: «Блаженъ, кто устлалъ цвѣтами путь сидѣвшаго объ руку царя» и т. д. Стихъ *Чрезъ поприще на колесницѣ* относится къ переѣзду Екатерины съ графомъ А. Г. Орловымъ изъ Петергофа въ Петербургъ (*Об.* Д.). Словами *Притекшаго въ вѣнцѣ Нептуна* означаются подвиги Орлова на морѣ въ первую турецкую войну.

[3] Примѣшивалъ я правды гласъ.

Здѣсь слово *правда* употреблено отчасти въ смыслѣ нравоученія, уроковъ мудрости, съ которыми поэтъ часто обращался къ тѣмъ, кого хвалилъ. Къ послѣднему стиху строфы онъ присоединилъ примѣчаніе: «Правда глаза колетъ: сколь ни хвалили его сочиненія, но многимъ они были весьма непріятны, для чего онъ и терпѣлъ довольно непріятностей» (*Об.* Д.).

Но ахъ! позналъ, позналъ я смертныхъ,
Что и великіе изъ нихъ[г]
Не могутъ снесть лучей небесныхъ:
Мрачитъ богъ свѣта очи ихъ[д].

Такъ пусть Фортуны чада, 3.
Возлегши на цвѣтахъ,
Среди обилій сада,
Куреній въ облакахъ,
Намѣсто чиста злата,
Шумихи любятъ блескъ[4];
Пусть лира торовата
Ихъ умножаетъ плескъ:
Я руки умываю
И лести не коснусь;
Власть сильныхъ почитаю, —
Боговъ въ нихъ чтить[е] боюсь.

Я славить мужа днесь избралъ, 4.
Который сшелъ съ театра славы,
Который удержалъ тѣ нравы,
Какими древній вѣкъ блисталъ;
Не гордъ — и жизнь ведетъ простую,
Не лживъ — и истину святую,
Внимая, исполняетъ самъ;
Почтенъ отъ всѣхъ не по чинамъ;

[г] И величайшіе изъ нихъ.
[д] Богъ свѣта потупляетъ ихъ.
[е] ... нѣть ...

---

[4] Шумихи любятъ блескъ.

Это относится ко всѣмъ любимцамъ императрицы — особенно же къ послѣднему изъ нихъ, графу Зубову, — «которые иногда и дрянныя сочиненія предпочитали лучшимъ, когда въ первыхъ ихъ хвалили» (*Об.* Д.).

Честь, въ службѣ снисканну, свободой
Не расточилъ, а пріобрѣлъ;
Онъ взглядомъ, мужествомъ, породой,
Заслугой, силою — орелъ.

Снискать я отъ него 5.
Не льщусь ни хвалъ, ни уваженья;
Изъ одного благодаренья[5],
По чувству сердца моего,
Я пѣснь ему пою простую,
Ту вспоминая быль святую,
Въ его какъ богатырски дни[6],
Лѣтъ нѣсколько назадъ, въ тѣни
Премудрой той жены небесной,
Которой бодрый духъ младой[7]
Садилъ въ Аѳинахъ садъ прелестной,
И вѣкъ катился золотой, —

[5] Изъ одного благодаренья.

«Авторъ былъ уже сенаторомъ и до отставнаго графа Орлова не имѣлъ никакого дѣла», но помнилъ добро, которое тотъ сдѣлалъ ему въ началѣ его поприща. Еще при Петрѣ III оба встрѣтились въ преображенскомъ полку, гдѣ Державинъ былъ солдатомъ, а Орловъ маіоромъ. Обойденный при производствѣ товарищей въ унтеръ-офицеры, нашъ будущій поэтъ за нѣсколько дней до наступленія новаго царствованія отправился къ своему маіору съ просьбой и былъ произведенъ въ капралы (*Об.* Д. и *Записки* его).

[6] Въ его какъ богатырски дни.

Въ первоначальные дни царствованія Екатерины, когда дворъ, гвардія и сенатъ состояли изъ людей видныхъ, крѣпкихъ, какъ духомъ, такъ и тѣломъ (*Об.* Д.).

[7] Которой бодрый духъ младой *и проч.*

«Императрица Екатерина, будучи молода, имѣла духъ мужественный: рѣшась взойти на престолъ, сама предводительствовала гвардіей и была каждую недѣлю раза по два въ сенатѣ, слушая и рѣша сама всѣ дѣла, въ первые годы ея царствованія» (*Об.* Д.).

Какъ мысль моя, подобно 6.
Пчелѣ, полна отрадъ,
Шумливо, но не злобно
Облетывала садъ
Предметовъ ей любезныхъ
И, взявъ съ нихъ сокъ и цвѣтъ,
Искусствомъ струнъ священныхъ
Преобращала въ медъ:
Текли восторговъ рѣки
Изъ чувствъ души моей;
Всѣ были человѣки
Въ странѣ счастливы сей.

На бурномъ видѣлъ я конѣ[8] 7.
Въ ристаньи моего героя;
Съ нимъ братъ его, вся Троя,
Полкъ витязей явились мнѣ!
Ихъ брони, шлемы позлащенны,
Какъ лѣсомъ, перьемъ осѣненны,

[8] На бурномъ видѣлъ я конѣ *и проч.*

Вся эта строфа посвящена воспоминанію о знаменитомъ каруселѣ, бывшемъ на дворцовой площади (передъ Зимнимъ дворцомъ) 14 іюня 1766 года и устроенномъ «по предложенію графовъ Орловыхъ, какъ искусныхъ ѣздоковъ», говоритъ Державинъ (*Об.*). На этомъ каруселѣ увидѣли не только всадниковъ въ боевыхъ доспѣхахъ, но и «дамъ благородныхъ въ бронѣ военной на колесницахъ, по древнему обыкновенію каждаго народа устроенныхъ... Одѣянье кавалеровъ богато блистало драгоцѣнными каменьями, но на дамскихъ уборахъ сокровища явились неисчетныя» (*Спб. Вѣдомости* 1766 г., 27 іюня, № 51). Григорій Орловъ предводительствовалъ *римскою* кадрилью, а Алексѣй — *турецкою*. Къ этому же пышному торжеству относится 21 строфа въ *Изображеніи Фелицы* (см. выше, стр. 280, примѣч. 18). Въ *Жизни графа А. Г. Орлова-Чесменскаго*, соч. С. Ушаковымъ (Спб. 1811, ч. I, стр. 7), упомянуто о слухѣ, что причиною учрежденія каруселя было желаніе «нѣсколько развлечь Россіянъ, между которыми начинали обнаруживаться неудовольствіе и волненіе».

Мнѣ тмили взоръ; а съ копій ихъ, съ мечей,
Сквозь пыль сверкалъ[ж] пожаръ лучей;
Прекрасныхъ[з] вслѣдъ Пентезилеѣ[9]
Строй дѣвъ ихъ украшали чинъ;
Вѣнцы Ахилла мой бодрѣе
Низалъ на дротикъ исполинъ.

Я зрѣлъ, какъ жилистой рукой[и] 8.
Онъ шесть коней на ипподромѣ
Вмигъ осаждалъ въ бѣгу; какъ въ громѣ
Онъ, колесницы съ горъ бедрой
Своей препнувъ склоненье,
Минерву удержалъ въ паденьѣ[10];

[ж] ..мелькалъ...
[з] Строй красныхъ дѣвъ, Пентезилея
Собой ихъ украшала чинъ.
[и] ...нервистой рукой.

---

[9] Прекрасныхъ вслѣдъ Пентезилеѣ.

Съ этой амазонской царицей, сражавшейся противъ Грековъ за Пріама и наконецъ побѣжденной Ахилломъ, «сравниваются здѣсь тѣ дѣвицы и дамы, которыя были въ кадрили, ѣздили на колесницахъ и снимали дротиками вѣнцы» (*Об.* Д.). Считаемъ нелишнимъ пояснить, что естественный порядокъ словъ въ двухъ послѣднихъ стихахъ 7-й строфы былъ бы слѣдующій: «Мой исполинъ, бодрѣе Ахилла, низалъ на дротикъ вѣнцы».

[10] Минерву удержалъ въ паденьѣ.

«Графъ Орловъ могъ удерживать шесть лошадей, скачущихъ во весь опоръ въ колесницѣ, схватя оную за колесо». Онъ спасъ императрицу Екатерину отъ неизбѣжной смерти, когда на устроенныхъ въ Царскомъ Селѣ* высокихъ деревянныхъ горахъ она катилась въ колесницѣ и мѣд-

* Въ Царскомъ Селѣ со временъ Елисаветы Петровны была каменная *катальная гора*, подобная существующей до сихъ поръ въ Ораніенбаумѣ. Около того же мѣста, близъ *турецкой кіоски*, вдоль нынѣшнихъ березовыхъ аллей устроены были при Екатеринѣ II деревянныя горы, продолжавшіяся черезъ прудъ на сваяхъ до *залы на острову*, — средняя прямая, а двѣ боковыя овальныя съ перекатами; въ 1777 году было повелѣно снимать ихъ (Георги-Безакъ, *Опис. Спб.*, ч. III, стр 694, и Яковкина *Описаніе Села Царскаго*, стр. 118).

Я зрѣлъ, какъ въ дымѣ предъ полкомъ
Онъ, въ ранахъ свѣтелъ, бодръ лицомъ[11],
Въ единоборствѣ хитръ, проворенъ,
На огнескачущихъ волнахъ
Былъ въ мрачной бурѣ тихъ, спокоенъ,
Горѣла молнія въ очахъ.

Его покой — движенье[12], 9.
Игра — борьба и бѣгъ,
Забавы — пляска, пѣнье
И сельскихъ тьма утѣхъ
Для укрѣпленья тѣла.
Его былъ домъ — друзей,
Кто приходилъ для дѣла, —

ное колесо выскочило изъ колеи. Графъ Орловъ, стоя на запяткахъ, на всемъ раскатѣ спустилъ ногу на ту сторону, гдѣ была опасность, а рукой схватился за перила и такимъ образомъ удержалъ колесницу (*Об.* Д.).

[11] Онъ, въ ранахъ свѣтелъ, бодръ лицомъ *и проч.*

Въ семилѣтнюю войну гр. Орловъ, въ то время еще весьма молодой офицеръ, былъ раненъ и перенесъ боль съ великимъ хладнокровіемъ. Выраженіе «на огнескачущихъ волнахъ» относится къ подвигу при Чесмѣ (*Об.* Д.).

[12] Его покой — движенье *и проч.*

«Въ семъ куплетѣ описывается образъ жизни графа Орлова, т. е. что онъ любилъ простую русскую жизнь, пѣсни, пляски и всѣ другія забавы простонародныя, такъ что обращался съ друзьями безъ церемоніи и былъ благотворителенъ» (*Об.* Д.). Это свидѣтельство подтверждаетъ и біографъ графа А. Г. Орлова, говоря, что онъ «истинно любилъ все коренное русское», что «дыша, такъ сказать, *русскимъ*, онъ любилъ до страсти всѣ отечественные обряды, нравы и веселости. Бойцы, борцы, силачи, пѣсельники, плясуны, скакуны и ѣздоки на лошадяхъ, словомъ, все, что только означало мужество, силу, твердость, достоинство и искусство Русскаго, стекалось въ домъ его» (С. Ушакова *Жизнь Орлова*, ч. II, стр. 104). Тутъ же упоминается о его благотворительности: «онъ полагалъ первѣйшимъ своимъ удовольствіемъ даже предупреждать просьбы ищущихъ его покровительства».

Не запиралъ дверей;
Души и сердца пища
Его — несчастнымъ щитъ;
Не пышныя жилища:
Въ нихъ онъ былъ знаменитъ.

Я зрѣлъ въ Ареопагѣ сонмъ[13] 10.
Богатырей, ему подобныхъ,
Сѣдыхъ, правдивыхъ, благородныхъ,
Вѣсы державшихъ, пальму, громъ.
Они, возсѣдши за зерцаломъ,
Въ великомъ дѣлѣ или маломъ,
Не зря на власть, богатствъ покровъ,
Произрекали судъ боговъ;
А гдѣ рукою руку мыли,
Желая сильному помочь, —
Дьяки, взявъ шапку, выходили[14]
Съ поклономъ отъ неправды прочь.

[13] Я зрѣлъ въ Ареопагѣ сонмъ.

Выше (примѣч. 6) сказано, что въ сенатѣ были люди мужественные, производившіе дѣла, по тогдашнему времени, съ возможною справедливостью и безкорыстіемъ (*Об.* Д.).

[14] Дьяки, взявъ шапку, выходили.

«Въ инструкціи дьяковъ, или оберъ-секретарей, сказано, чтобъ они объясняли сенаторамъ законы, а когда тѣ не послушаютъ, то, не подписавъ опредѣленія, репортовали бы по своей командѣ, и потому при Петрѣ Великомъ нерѣдко случалось, что оберъ-секретари, увидѣвъ несправедливую резолюцію, данную сенаторами, — взявъ шапку и поклонясь присутствующимъ, выходили изъ сената» (*Об.* Д.). Поэтъ, чувствуя несообразность словъ: *за зерцаломъ* и *дьяки* рядомъ съ названіемъ *Ареопага*, отмѣтилъ въ одной рукописи противъ перваго: «На греческомъ языкѣ сказано: за скрижалями, или передъ доской, гдѣ законы были написаны», а противъ послѣдняго: «На греческомъ — письмоводцы». Въ *Объясненіяхъ* прибавлено, что при Ареопагѣ были чиновники подобные дьякамъ.

Тогда не прихоть чли, — законъ; 11.
Лишь благу общему радѣли;
Той подлой мысли не имѣли,
Чтобъ только свой набить мамонъ [15].
Вѣнцы стяжали, звуки славы,
А деньги берегли и нравы [16],
И всякую свою ступень
Не оцѣняли всякій день [17];
Хоть былъ и недругъ кто другъ другу, —
Усердіе вело, не месть:
Умѣли чтить въ врагахъ заслугу
И отдавать достойнымъ честь.

[15] Чтобъ только свой набить мамонъ.

Слово *мамонъ* употреблено здѣсь вмѣсто *карманъ* на томъ основаніи, что въ евангельскомъ изреченіи: «Не можете служить Богу и мамонѣ» (Ев. Матѳея, VI, 24) подъ словомъ этимъ должно разумѣть корыстолюбіе (*Об.* Д.) или, вѣрнѣе, земное богатство.

[16] А деньги берегли и нравы.

«При началѣ царствованія императрицы весьма скупы были въ государственныхъ дѣлахъ на деньги и держались крѣпко русскихъ нравовъ. Князь Вяземскій, бывъ генералъ-прокуроромъ, то и другое рачительно наблюдалъ до 1780 года, въ который нашелъ князь Потемкинъ чрезъ купца (?) Фалѣева (ср. выше, стр. 452)* услужить ему на Днѣпрѣ деревнями, склонилъ его къ своей партіи, и съ тѣхъ поръ примѣтно часъ отъ часу слабѣе стала наблюдаться экономія и правосудіе» (*Об.* Д.).

[17] ... Не оцѣняли всякій день.

«За заслуги свои никто не осмѣливался требовать награжденія, такъ какъ и авторъ, написавшій должность экспедиціи государственныхъ доходовъ (*Зап. Д.*, *Р. Б.*, стр. 236) и инструкціи о размежеваніи въ Саратовѣ земель и разсмотря множество большихъ дѣлъ, не требовалъ никакого награжденія и награжденъ не былъ; а послѣ между министровъ вошло въ обычай, что за бездѣлку, какъ то напримѣръ за сдѣланный откупъ и другія неважныя работы, докучали о награжденіяхъ и получали оныя иногда въ году не одинъ разъ» (*Об.* Д.).

* «Нѣкоторые изъ современниковъ Потемкина полагали, будто онъ дѣйствовалъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Попова и Фалѣева, содержавшаго винный откупъ въ Крыму» (С. Глинки *Русск. Чтеніе*, ч. I, стр. 80).

Тогда по счетамъ знали, 12.
Что̀ десять и что̀ ноль;
Піявицъ унимали[18],
На нихъ посыпавъ соль;
Въ день ясный не сердились,
Зря на небѣ пятно[19];
Съ ладьи лишь торопились
Снять вздуто полотно;
Кубарить не любили[i]
Дѣлъ со дня на другой[20];
Что̀ можно, вмигъ творили,
Оставя свой покой.

Тогда Кулибинскій фонарь[21], 13.
Что свѣтелъ издали, близъ теменъ,

[i] Въ кубарь не кубарили.

---

18 Піявицъ унимали *и проч.*

Подъ этимъ разумѣется, что взятки строго наказывались въ первые годы царствованія императрицы, наприм. въ Калугѣ воевода Мясоѣдовъ привязанъ былъ къ позорному столбу; «а подъ конецъ царствованія такъ было послаблено сіе злоупотребленіе, что, можно сказать, на словахъ запрещалось, а на дѣлѣ поощрялось» (*Об.* Д.). Изъ послѣдняго замѣчанія видно, что въ этой и слѣдующихъ строфахъ Державинъ противопоставляетъ между собой начало и конецъ царствованія Екатерины II. Ср. сказанное по этому же предмету въ *Запискахъ* его (*Р. Б.*, стр. 387).

19 Зря на небѣ пятно.

«Въ дни благополучные, когда предусматривалась какая-нибудь опасность, то не сердились за то, что о ней докладывали; но подбирали паруса, какъ дѣлаютъ мореходцы, завидя черное пятно или малое облако, называемое коровьимъ глазомъ» (*Об.* Д.).

20 ... Дѣлъ со дня на другой.

«Не посылали изъ рукъ въ руки, т. е. министръ къ министру, а дѣлалъ одинъ, кому препоручено было, и не увеличивали, какъ снѣжный кубарь, ненужною перепискою бумагъ» (*Об.* Д.).

21 Тогда Кулибинскій фонарь...

Иванъ Петровичъ Кулибинъ, нижегородскій купеческій сынъ (род. 1735, ум. 1818), одаренъ былъ геніальными способностями къ механикѣ и безъ

Былъ не во всѣхъ мѣстахъ потребенъ[22];
Горѣлъ кристалъ, горѣлъ отъ зарь;

ученія достигъ изумительнаго совершенства не только въ устройствѣ, но и въ изобрѣтеніи самыхъ сложныхъ механизмовъ, такъ что въ короткое время снискалъ милость Екатерины, вниманіе всего ея двора и громкую славу. Онъ получилъ мѣсто механика при академіи наукъ. Особенно извѣстны два его произведенія: модель постояннаго моста чрезъ Неву (1776), находящаяся нынѣ въ зданіи корпуса путей сообщенія, и фонарь (1779), который съ помощью обыкновенной свѣчки свѣтилъ удивительно ярко и бросалъ свѣтъ чрезвычайно далеко. Новое въ то время устройство его заключалось въ томъ, что за свѣчкой былъ вогнутый кругъ, сдѣланный изъ множества кусочковъ зеркала, такъ что свѣтъ огня, чрезъ отраженіе въ зеркальныхъ частицахъ, увеличивался во столько разъ, сколько было въ кругѣ этихъ кусковъ. Употребленіе Кулибинскаго фонаря было особенно выгодно для освѣщенія длинныхъ коридоровъ, большихъ мастерскихъ, маяковъ и т. п. Это изобрѣтеніе доставило Кулибину множество посѣтителей и заказовъ; но большое число заготовленныхъ имъ фонарей осталось у него на рукахъ. Однакожъ и тутъ его изобрѣтательность помогла ему выйти изъ затрудненія: онъ выпросилъ позволеніе устроить во дворцѣ, съ помощію всѣхъ этихъ фонарей, особаго рода фейерверкъ безъ пороха и дыма. Этотъ оптическій фейерверкъ вполнѣ удался, и Екатерина наградила Кулибина (П. Свиньина *Жизнь Кулибина* въ *Сынѣ Отеч.* 1819 г. № xxvii—xxix (ч. 55), *Нижегородск. губ. Вѣд.* 1845 г., № 11—16, и Ремезова *Механикъ-самоучка*, Спб., 1862). Державинъ объясняетъ, что Кулибинскій фонарь «производитъ чрезвычайный свѣтъ вдали горизонтальною полосою, но чѣмъ ближе подходишь, свѣтъ уменьшается и наконецъ у самаго фонаря совсѣмъ темно». Этимъ свойствомъ его намекается на «знатнаго человѣка или министра, который вдали гремитъ своимъ умомъ и своими способностями; но коль скоро короче его узнаешь, то увидишь, что онъ ничего собственнаго не имѣетъ, а умъ его и таланты заимствуются отъ окружающихъ его людей, т. е. секретарей и т. п.». Тутъ поэтъ особенно разумѣетъ тогдашняго «генералъ-прокурора Самойлова, который по фавору употребленъ былъ во многія должности, будучи совсѣмъ неспособенъ, что время доказало». Что же касается до возможнаго возраженія критики, что въ Аѳинахъ не было Кулибина, то Державинъ напоминаетъ, что «Архимедъ еще въ древнѣйшія времена имѣлъ понятіе объ оптикѣ и діоптрикѣ, ибо дѣлалъ такія стекла, которыя вдали сжигать могли флоты», почему здѣсь имя Кулибина и употреблено иносказательно вмѣсто Архимедова.

[22] Былъ не во всѣхъ мѣстахъ потребенъ.

Самойлову поручены были многія должности: онъ завѣдывалъ сена-

Стоялъ въ столпахъ гранитъ средь дома:
Оприсъ на нихъ, и — не солома.
Въ спартанской кожѣ Персовъ духъ
Не обаялъ сердца и слухъ;
Не по опушкѣ добродѣтель,
Не по ходулямъ великанъ:
Такъ мой герой былъ благодѣтель
Не по улыбкѣ, — по дѣламъ.

О ты, что правишь небесами, 14.
И маніемъ колеблешь міръ,
Подъемлешь скиптръ на злыхъ съ громами,
А добрымъ припасаешь пиръ,
Юпитеръ! О Нептунъ, что бурнымъ,
Какъ скатертямъ, морямъ лазурнымъ
Разлиться по землѣ велѣлъ;
Брега поставивъ имъ въ предѣлъ!
И ты, Вулканъ, что предъ горнами
Въ днѣ ада молнію куешь!
И ты, о, Фебъ, что намъ стрѣлами
Златыми свѣтъ и жизнь ліешь!

томъ, экспедиціею государственныхъ доходовъ (государственнымъ казначействомъ), банками ассигнаціоннымъ и заемнымъ, монетною экспедиціею, тайною канцеляріею и другими учрежденіями, такъ что о немъ можно было сказать по пословицѣ: гоняясь за многими зайцами, ни одного не поймалъ. — Въ той же строфѣ выраженіе: *Горѣлъ кристалъ, горѣлъ отъ зарь* значитъ: имѣлъ таланты, данные свыше. — Подъ *столпами* разумѣются подпоры государства, — люди твердые, не такъ какъ Зубовъ, въ то время подобный соломѣ, которая тотчасъ гнулась, когда кто на нее опирался, «ибо часто случалось, что самъ, приказывая что̀, не могъ того поддерживать». — *Въ спартанской кожѣ Персовъ духъ*, т. е. въ русскомъ тѣлѣ французскій духъ. — *Не по опушкѣ добродѣтель*, т. е. не лентами отличалось достоинство, а дѣлами. — *Не по ходулямъ великанъ*, т. е. не по чинамъ, титламъ и званіямъ признаваемъ былъ человѣкъ великимъ, но по его уму и дѣяніямъ (*Об.* Д.).

Внемлите всѣ молитву,
О боги! вы мою:
Звѣрей, рыбъ, птицъ ловитву
И благодать свою
На нивы тамъ пошлите,
Гдѣ отставной герой
Мой будетъ жить. — Продлите
Вѣкъ, здравье и покой
Ему вы безмятежной.
И ты, о милый Вакхъ!
Подъ часъ у нимфы нѣжной
Позволь спать на грудяхъ.

CXVIII. НАДГРОБІЕ ШЕЛЕХОВУ [1].

Колумбъ здѣсь россскій погребенъ:
Преплылъ моря, открылъ страны безвѣстны;

[1] Григорій Ивановичъ Шелеховъ, рыльскій именитый гражданинъ, возведенный Екатериною въ дворянское достоинство (род. въ 1747 г., умеръ въ Иркутскѣ 20 іюня 1795 года), прославился своею промышленною предпріимчивстью и смѣлыми странствованіями около восточныхъ береговъ Сибири, гдѣ нѣкоторые острова имъ были не только открыты, но и покорены русской власти.

Названіе *русскаго Колумба*, данное здѣсь Шелехову, прежде уже было пророчески употреблено Ломоносовымъ въ слѣдующихъ стихахъ 8-й оды, строфа 19:

Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы-народы
Твои щедроты возвѣстить.

(*Соч. Лом.*, изд. Смирд., ч. I., стр. 98).

Любопытно, что это было сказано въ самый годъ рожденія Шелехова и что Державинъ въ принадлежавшемъ ему экземплярѣ сочиненій Ломоносова поправилъ первый стихъ такимъ образомъ:

Колумбъ нашъ — Шелеховъ чрезъ воды...

Въ 1752 г. Ломоносовъ опять сказалъ (въ одѣ 11-й, строфа 12):

Я вижу умными очами:
Колумбъ россійскій между льдами
Спѣшитъ и презираетъ рокъ.

(Тамъ же, стр. 121).

Противъ этихъ стиховъ Державинъ въ своемъ экземплярѣ замѣтилъ: «Пророчество, которое и сбылось чрезъ Шелехова».

Но зря, что все на свѣтѣ тлѣнъ,
Направилъ паруса во океанъ небесный[a].

[a] Направилъ парусъ свой во океанъ небесный
Искать сокровищъ горнихъ, неземныхъ.
Сокровище благихъ!
Его Ты душу успокой (1796).

И. И. Дмитріевъ написалъ также эпитафію Шелехову, напечатанную въ первый разъ въ *Аонидахъ* 1797 г.:

Къ памятнику мореходца Шелехова.

Какъ царства падали къ стопамъ Екатерины, —
Россъ Шелеховъ безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ
Пустился въ новый свѣтъ чрезъ бурныя пучины,
И три народа ей и Богу покорилъ.

Настоящая эпитафія, съ прибавленіемъ въ заглавіи словъ: *рыльскому именитому гражданину* и трехъ стиховъ въ концѣ (см. варіантъ), напечатана была безъ подписи въ *Музѣ* за февраль 1796 г. (ч. I, стр. 100) и съ подписью Державина въ *Памятникѣ Отеч. Музъ* 1827, стр. 34, подъ заглавіемъ *На гробъ Шелехова*, въ томъ видѣ, какъ помѣщается и здѣсь по позднѣйшей рукописи поэта. Изъ *Пам. От. Музъ* она перешла уже и въ первое Смирдинское изданіе 1831 г.

CXIX. КРЕЗОВЪ ЭРОТЪ[1].

Я у Креза зрѣлъ Эрота: 1.
Онъ расплакавшись сидѣлъ[a]

[a] Пригорюнясь онъ сидѣлъ (Рукопись).

[1] Сюжетомъ для этой пьесы послужило, по словамъ Державина (*Об.*), изваяніе Эрота, находившееся въ домѣ графа Безбородки.

Она была напечатана: въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 56, и въ изданіи 1808 г., ч. III, xxvi.

Значеніе рисунковъ: 1) Крезовъ Эротъ, истративъ всѣ свои стрѣлы, испытываетъ послѣднее средство своимъ свѣтильникомъ; но металлъ не воспаляется, а дымъ только умножаетъ слезы о неудачѣ. 2) Крезова стрѣла, къ цѣли направленная, и съ помощью крылъ не подымается: крылья у ней на оборотъ и чѣмъ далѣе летятъ, тѣмъ скорѣе упадаютъ (*Об.* Д.).

Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ [2].

Пустъ колчанъ былъ, лукъ изломанъ, 2.
Опущенна тетива,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.

Что, сказалъ я, такъ слезами 3.
Льется сей крылатый богъ?
Иль толиками [б] стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?

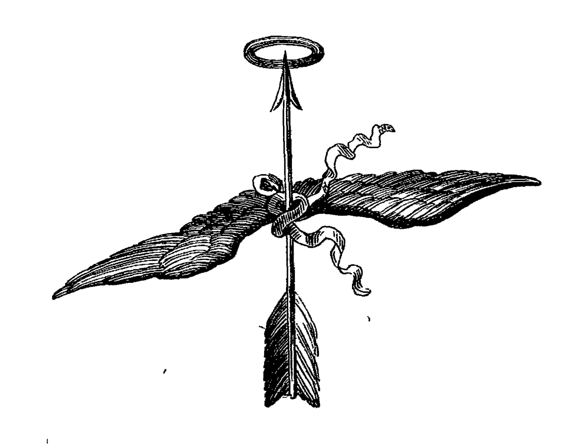
Иль его безсиленъ пламень? 4.
Тщетенъ токъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

[б] Или столькими ...

---

[2] Окруженный лѣсомъ стрѣлъ.

По замѣчанію Державина, мраморный Эротъ у гр. Безбородки былъ огражденъ стрѣлами.

CXX. ПЧЕЛКА[1].

Пчелка златая, 1.
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

[1] Напечатана въ *Аонидахъ* 1797 г. (ч. II, стр. 150) подъ заглавіемъ *Пчелка* и съ подписью *Д—нъ*, потомъ въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 62, безъ перемѣнъ, и наконецъ въ изданіи 1808 г., ч III, xxix, подъ заглавіемъ *Пчела.* Пѣсня эта была положена на музыку и долго пѣлась по всей Россіи.

Въ экземплярѣ *Анакреонт. пѣсней*, принадлежавшемъ Державину, приписана его рукою противъ этихъ стиховъ, чернилами и очень четко, слѣдующая пародія на *Пчелку:*

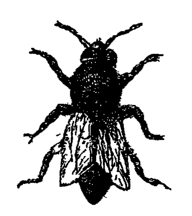
Каша златая,
Что ты стоишь?
Паръ испущая,
Вкусъ мой манишь?
Или ты любишь
Пузу мою?

Соты ль душисты 2.
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая, 3.
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.

Зерны ль златисты
Полбы въ крупахъ,
Розы ль огнисты
Гречи въ горшкахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Проса съ млекомъ?

Каша златая,
Что ты стоишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ кашѣ привыкнувъ,
Съ ней и умрешь.

CXXI. БОЙ[1].

Предо мной хотѣлъ горою [a]
Хладный Сѣверъ въ боѣ стать,
Если мнѣ Любовь свѣчою
Придетъ душу зажигать:

[a] За меня хотѣлъ горою (1804).

[1] Это стихотвореніе, очевидно, внушено Державину одною изъ одъ, означаемыхъ именемъ Анакреона и найденныхъ нашимъ поэтомъ въ переводѣ Львова, подъ заглавіемъ *Ода XIV, на любовь* (см. выше стр. 514 и 589). Въ большей части пьесы, однакожъ, заимствованіе ограничи-

Вмигъ съ перомъ сѣдымъ, кудрявымъ [б]
На меня надѣлъ шеломъ,
Воружилъ лицомъ багрянымъ
И съ морщинами челомъ;
Далъ копье мнѣ ледяное,
Препоясалъ вкругъ мечемъ [в];
Сердце мнѣ вложилъ такое,
Что смотрѣлъ я сентябремъ.
На доспѣхи положася
И что весь я ледяной,
Я, красавицъ не страшася,

[б] Съ инеемъ сѣдымъ, кудрявымъ
На меня надѣлъ парикъ;
Щеки, носъ румянцемъ рдянымъ
Такъ навелъ, что я старикъ (Рукоп.).

[в] Щитъ, кольчугу, мечъ, шеломъ,
Сердце хладное такое.

вается одной основной мыслью борьбы съ Эротомъ; только въ концѣ, начиная отъ 31-го стиха, текстъ приближается къ переводу Львова:

«Разгнѣвался Эротъ
И бросился самъ прямо
Намѣсто копія,
Меня обезоружилъ,
Проникнувъ въ сердце мнѣ.
Теперь мнѣ щитъ не нуженъ....
Не нужно мнѣ стрѣлой
Снаружи защищаться,
Когда въ срединѣ врагъ».

Въ рукописи казанскаго университета (1802) пьеса *Бой* переписана еще со множествомъ помарокъ. Главныя отличія первоначальной редакціи сообщаются въ варіантахъ.

Она напечатана: въ *Анакреонт. пѣсняхъ*, стр. 66, и въ изданіи 1808 г., ч. III, xxxii.

Значеніе приложенныхъ рисунковъ: 1) Старый воинъ, вооруженный копьемъ, въ намѣреніи напасть на врага своего поднялъ щитъ для прикрытія младенца, но самъ поражается его стрѣлой; 2) разбитая стрѣлой кольчуга (рукоп.). Вмѣсто послѣдняго рисунка описанъ въ *Объясненіяхъ* Державина другой, котораго не оказалось: «Эротъ, сдѣлавшій къ Премудрости крыльцо, такъ подмостился подъ сѣнь пальмоваго дерева, что досталъ и военный щитъ, на которомъ стрѣлою своею чертитъ свои побѣды».

Звалъ Любовь съ собою въ бой.
Тутъ, откуда ни возьмися,
Предо мною Лель предсталъ,
Красной дѣвой нарядился,
«Перевѣдайся», сказалъ.
Выступилъ я смѣло къ бою,
Наложа на сердце щитъ;
Мечъ рукой, копье другою
Я поднявъ, хотѣлъ разить.
Почалъ Лель перить въ щитъ стрѣлы,
А доспѣхи жечь свѣчой:
Стрѣлы, падая, шипѣли,
Шлемъ блисталъ на мнѣ зарей.
Я ужъ думалъ, бой свершился
И что я-то былъ герой [г];
Лель упорствомъ разсердился,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь стрѣлой [д]:
Въ части мелкія кольчуга
Разлетѣлась, — я сталъ нагъ.
Ахъ! тщетна защита друга,
Ежели ужъ въ сердцѣ врагъ [е]!

[г] Побѣдителемъ я былъ.
[д] Самъ стрѣлой мнѣ въ грудь вскочилъ.
[е] Если въ сердцѣ уже врагъ (1804).

CXXII. ПАМЯТНИКЪ[1].

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный; 1.
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:

[1] Подражаніе одѣ Горація *Къ Мельпоменѣ* (кн. 3, ода 30), сперва озаглавленное и у Державина *Къ Музѣ*.

Здѣсь всего яснѣе выразилось сознаніе Державина въ своемъ поэтическомъ достоинствѣ и значеніи, сознаніе, которое уже прежде высказы-

Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.

валось у него, напр., въ одахъ *Видѣніе Мурзы* и *Мой истуканъ.* На такое смѣлое заявленіе о самомъ себѣ, какое мы видимъ въ *Памятникѣ*, онъ, можетъ быть, не рѣшился бы безъ примѣра Горація, который въ XVIII столѣтіи считался образцомъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Нѣмецкіе поэты, бывшіе въ рукахъ Державина, особенно Гагедорнъ, щедро воздавали римскому лирику дань удивленія, а другъ Державина, Капнистъ, перевелъ оду Горація, послужившую подлинникомъ *Памятника*, въ стихахъ, которые начинаются такъ:

«Я памятникъ себѣ воздвигнулъ долговѣчной;
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди онъ:
Ни ѣдкіе дожди, ни бурный Аквилонъ,
Ни цѣпь несмѣтныхъ лѣтъ, ни время быстротечно
Не сокрушатъ его. — Не весь умру я; нѣтъ: —
Большая часть меня отъ вѣчныхъ Паркъ уйдетъ» *и проч.*
(*Соч. Капниста*, изд. Смирд. 1849, стр. 454).

Ср. новѣйшій переводъ г. Фета въ *Одахъ Горація* (стр. 107) и *Памятникъ* Пушкина (1836 г.). «Любопытно», говоритъ г. Галаховъ, «сличить три стихотворенія: Горація, Державина и Пушкина, чтобы видѣть, что̀ именно каждый поэтъ признавалъ въ своей дѣятельности заслуживающимъ безсмертія». Прибавимъ, что Пушкинъ подражалъ уже не Горацію, а прямо Державину, сохранивъ не только то же число стиховъ и строфъ съ тѣмъ же заглавіемъ, какъ въ его *Памятникѣ*, но и весь ходъ мыслей, даже многія выраженія своего предшественника. По замѣчанію Бѣлинскаго (*Соч.* его, ч. VII, стр. 146), Державинъ выразилъ мысль Горація въ такой оригинальной формѣ, такъ хорошо примѣнилъ ее къ себѣ, что честь этой мысли такъ же принадлежитъ ему, какъ и Горацію. «Въ стихотвореніяхъ Державина и Пушкина», продолжаетъ критикъ, «рѣзко обозначился характеръ двухъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они: Д. говоритъ о безсмертіи въ общихъ чертахъ, о безсмертіи книжномъ; П. говоритъ о своемъ памятникѣ: «Къ нему не зарастетъ народная тропа» и этимъ стихомъ олицетворяетъ ту живую славу для поэта, которой возможность настала только съ его времени.» Другой критикъ, задавая себѣ вопросъ: что̀ цѣнилъ Державинъ въ своей поэзіи? отвѣчаетъ: «Служеніе на пользу общую. То же думалъ и Пушкинъ. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить, какъ они видоизмѣняютъ существенную мысль Гораціевой оды *Памятникъ*, выставляя свои права на безсмертіе. Горацій говоритъ: «Я считаю себя достойнымъ славы за то, что хорошо писалъ

Такъ! — весь я не умру; но часть меня большая, 2.
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить[2],
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить[3].

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ, 3.
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ[4] 4.
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,

стихи»; Державинъ замѣчаетъ это другимъ (*образомъ*): «Я считаю себя достойнымъ славы за то, что говорилъ правду и народу и царямъ»; Пушкинъ — «за то, что я благодѣтельно дѣйствовалъ на общество и защищалъ страдальцевъ» (*Очерки Гоголевскаго періода русской лит.*, статья 4-ая въ *Современникѣ* 1856 г., т. LVI).

Памятникъ Державина былъ напечатанъ въ изданіяхъ: 1798 г., стр. 398, и 1808, ч. I, LXV; — въ обоихъ этимъ стихотвореніемъ кончается томъ. *Памятникъ* Пушкина также заканчиваетъ одинъ отдѣлъ стихотвореній въ изданіяхъ какъ Анненкова (т. III), такъ и Исакова (т. I).

Первый рисунокъ (Олен.) представляетъ поэта, взирающаго съ благоговѣніемъ на божественное сіяніе; второй — пьедесталъ съ книгою исторіи. Эта виньетка приложена къ I ч. изд. 1808 г.

[2] Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

Здѣсь конечно рѣчь идетъ не о безсмертіи души въ другомъ мірѣ, а объ отраженіи духа поэта въ его произведеніяхъ. Пушкинъ понялъ это, когда сказалъ точнѣе:

«Нѣтъ! весь я не умру: душа *въ завѣтной лирѣ*
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ».

[3] Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Неправильную форму *Славяновъ* позволилъ себѣ и Пушкинъ, по примѣру Державина, но не въ *Памятникѣ*, а въ *Бородинской годовщинѣ* (1831):

«Хмельна для нихъ Славяновъ кровь».

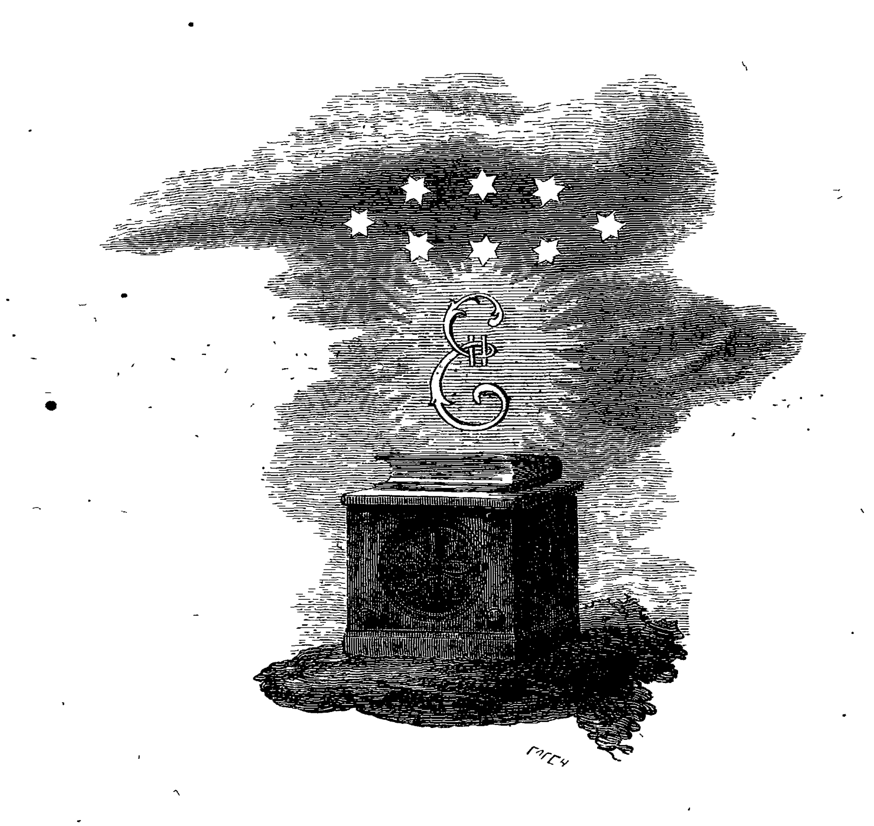
[4] Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ *и проч.*

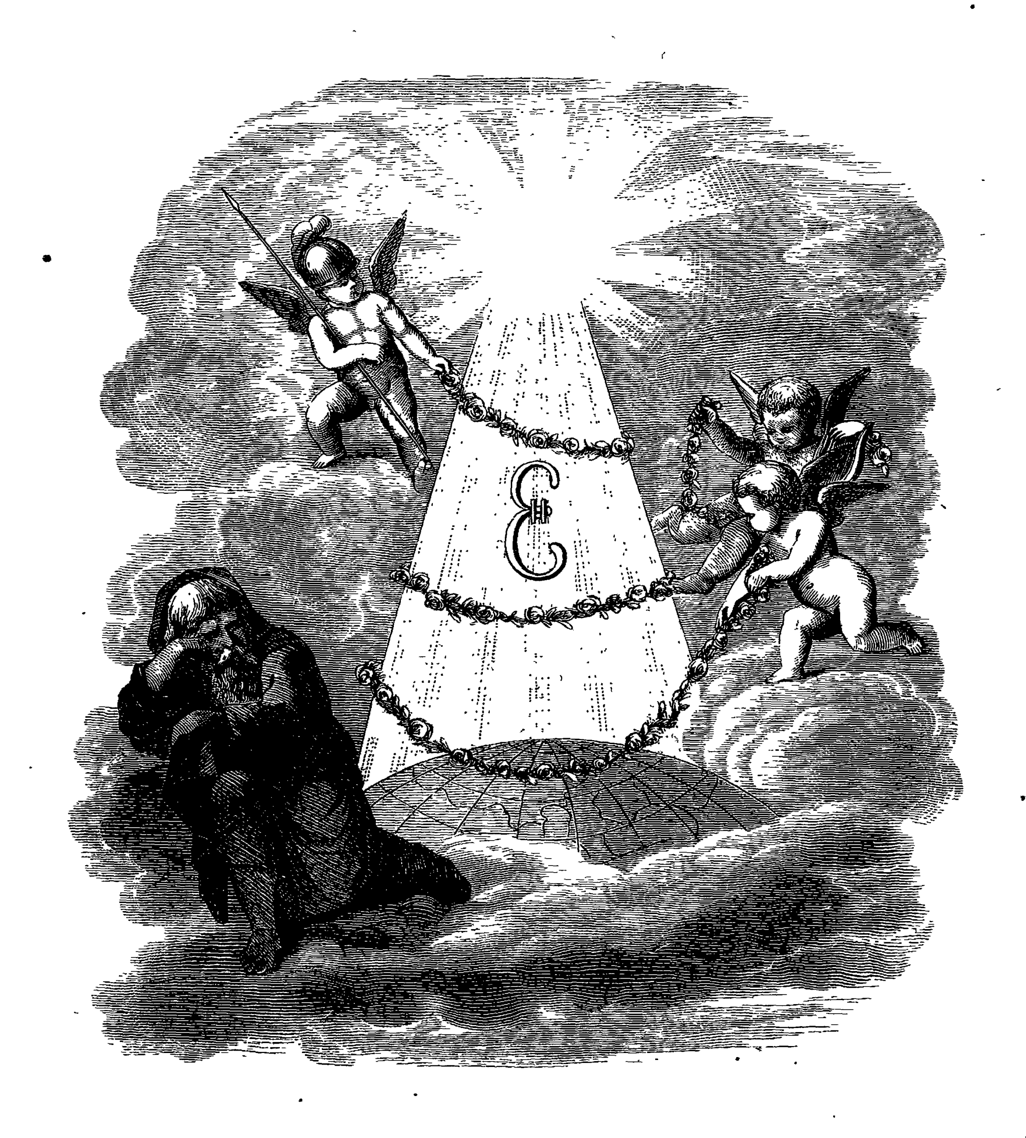
Ср. выше, стр. 132, характеристику новаго въ русской поэзіи направленія Державина, по отзывамъ его современниковъ.

Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой[а] 5.
И, презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай[б].

[а] Гордись же, Муза, сей заслугой справедливой
И, презритъ кто тебя, на тѣхъ сама не зри (Рукоп.).
[б] Укрась мое чело безсмертія въ зари.
— Вѣнцомъ безсмертія чело мое вѣнчай.

CXXIII. НАДГРОБНАЯ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II[1].

Россія! се Екатерина, 1.
Владычица твоя и мать!

[1] Написана по случаю кончины государыни 6 ноября 1796 года; напечатана въ изданіи 1808 г., ч. II, XXII.

Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай ... рыдай ... рыдай о ней.

Се та, что духъ вливала славы, 2.
Героевъ сотворить могла,
Жестокіе смягчала нравы
И ангелъ во плоти была!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай ... рыдай ... рыдай о ней.

Се та, что сгибъ сердецъ всѣхъ знала, 3.
Плѣняла маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и перевѣсъ!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай ... рыдай ... рыдай о ней.

Се та, что скипетръ самовластья[2] 4.
Щедротой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья

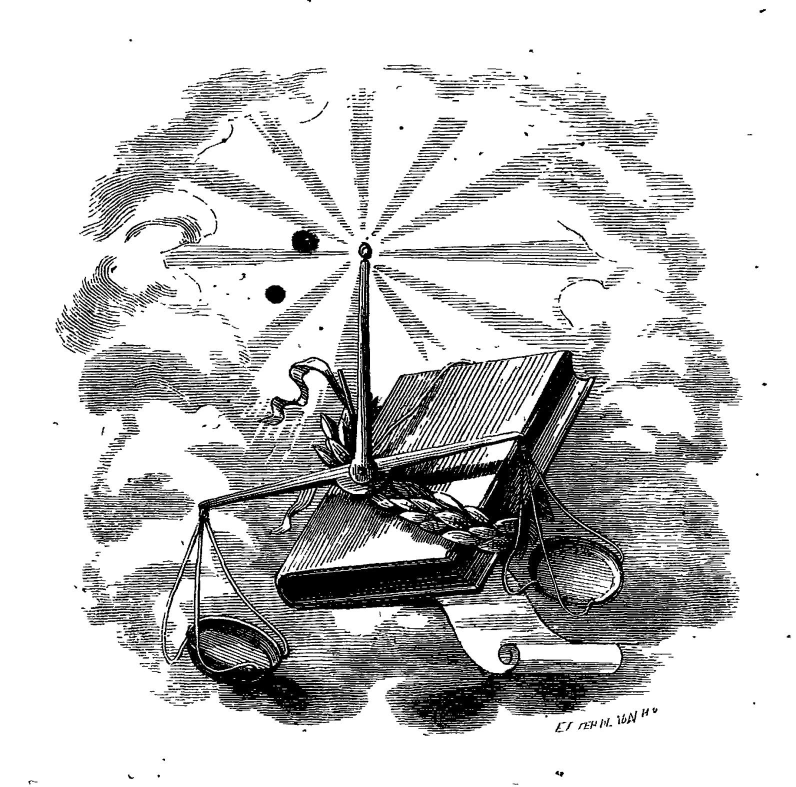
Значеніе приложенныхъ рисунковъ: «1) Въ то самое время, какъ Сѣверъ сокрушается потерею лучшаго украшенія своего, облаготворенные Геніи художествъ, письменъ и военнаго дѣла украшаютъ торжественное явленіе безсмертнаго луча, озарившаго полночь и начало свое въ вѣчности имѣющаго. 2) Вѣсы мудрой законодательницы основаніемъ своимъ имѣютъ блистательный источникъ правоты, и законы ея, на сихъ началахъ утвержденные, увѣнчаны благодѣтельнымъ успѣхомъ, который изображенъ вѣнцомъ масличнымъ, заключающимъ книгу законовъ» (*Об.* Д.).

[2] Се та, что скипетръ самовластья..

Ср. выше, стр. 285, два подобные стиха въ *Изображеніи Фелицы*, и стр. 555, стихъ въ одѣ *Пѣснь брачная четѣ порфирородной*.

Всѣмъ состояньямь проливать!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

Се та, что и въ врагахъ почтенье 5.
Къ себѣ умѣла возбудить,
Въ друзьяхъ любовь и обоженье,
А вообще весь міръ дивить!
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай... рыдай... рыдай о ней.

CXXIV. ЭПИТАФІЯ ЕКАТЕРИНѢ II[1].

Сія гробница той ковчегомъ мрачнымъ[a] стала,
Которыя вѣнецъ, какъ солнца лучъ, горѣлъ[б],
Души — Россія не вмѣщала,
А славѣ — вѣчность лишь предѣлъ.

[a] ... вѣчнымъ ... (1797).
[б] Въ полсвѣтѣ чей вѣнецъ ... (Рукоп.).

[1] Напечатана въ *Аонидахъ* 1797 г. (ч. II, стр. 208) подъ этимъ же заглавіемъ съ подписью *Д—нъ*. Принадлежность этихъ стиховъ Державину подтверждается рукописями, въ которыхъ они нераз встрѣчаются.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр.

Эпистола И. И. Шувалову.

50. Къ примѣчанію 1. Державинъ въ этой *Эпистолѣ* подражалъ отчасти Ломоносову, который къ тому же вельможѣ и тѣмъ же размѣромъ написалъ *Письмо о пользѣ стекла* и посвященіе при первыхъ двухъ пѣсняхъ поэмы *Петръ Великій.* — Самая полная до сихъ поръ и почти единственная біографія Шувалова составлена П. И. Бартеневымъ; она напечатана въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 г., № 1, и сверхъ того въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ.

57. Къ стиху 134: «Гдѣ взоръ сіялъ Петровъ и взоръ Екатерины». Петръ В. посѣтилъ Казань въ 1722 году, отправляясь водою въ персидскій походъ; а Екатерина II была здѣсь въ 1767 году. Галера, на которой императрица совершила плаваніе отъ Твери до Симбирска, еще и теперь сохраняется подъ Казанью. Литературнымъ памятникомъ этого путешествія остался русскій переводъ Мармонтелева *Велисарія*, надъ которымъ Екатерина трудилась въ пути вмѣстѣ съ своими приближенными (Бакмейстера Russ. Bibl., т. III, стр. 522).

На освященіе каменноостровскаго инвалиднаго дома.

62. Къ примѣч. 1. 24 іюня — праздникъ всѣхъ масоновъ, къ ложамъ которыхъ принадлежалъ и великій князь. Въ Стокгольмѣ есть портретная галлерея масоновъ: тамъ и его портретъ (П. Бартеневъ).

Инвалидный домъ для матросовъ былъ учрежденъ Павломъ Петровичемъ, какъ генералъ-адмираломъ.

На смерть князя Мещерскаго.

91. Къ стихамъ: «И звѣзды ею сокрушатся» *и проч.* и къ примѣч. 6. Въ этой одѣ уже чувствуется вліяніе на Державина Юнговыхъ *Ночей*, изъ которыхъ переводъ былъ напечатанъ въ *Утреннемъ свѣтѣ* за

Стр.

ноябрь предыдущаго, 1778 года (ср. стр. 201, примѣч. 10 къ одѣ *Богъ*). Въ *1-ой Ночи* встрѣчаются между прочимъ слѣдующіе стихи:

Death! great proprietor of all! 't is thine
To tread out empire, and to quench the stars.
The sun himself by thy permission shines,
And, one day, thou shalt pluck him from his sphere.

Переводъ *Утренняго свѣта* (стр. 238): «О Смерть! всѣхъ вещей великій владѣтель! Твоя есть власть истреблять всякое владычество человѣковъ; твоя власть звѣзды угашати; и само солнце по твоему токмо соизволенію насъ освѣщаетъ; но и оное свергнешь ты нѣкогда со сферы его».

Къ стиху: «И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ». Ср. въ *1-й Ночи* Юнга:

And why? because he thinks himself immortal....

Переводъ *Утр. свѣта:* «Для чего же безсмертнымъ себя почитаетъ? Всякій человѣкъ, исключая единаго себя, прочихъ человѣковъ почитаетъ смертными» *и проч.* или нѣсколько выше: «Всѣ люди мнятъ вѣчно жити.»

На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію.

101. Къ стиху: «Сельски нимфы голосисты». Здѣсь, по примѣру Ломоносова, поэтъ назвалъ *сельскими нимфами* деревенскихъ дѣвушекъ (См. *Соч. Лом.*, изд. Смирд., т. I, стр. 511). Ср. ниже стр. 226.

Счастливое семейство.

107. Какъ видно изъ Словаря Новикова, Ржевскій много писалъ и въ свое время пользовался авторскою извѣстностью; Новиковъ хвалитъ особенно его оды, притчи и сказки. Въ 1789 г. онъ поднесъ Екатеринѣ печатную оду, которую она подарила Храповицкому (*Зап. Храп.* 9 и 31 окт. 1789). Во время отсутствія бывшаго директоромъ академіи наукъ графа В. Г. Орлова (въ 1772 г.) Ржевскій исправлялъ эту должность. Судя по одному разсказу кн. Дашковой (Memoirs, т. I, стр. 126), онъ былъ обязанъ своими успѣхами по службѣ участію въ переворотѣ 1762 г., которое доставило ему покровительство Орловыхъ, и въ отношеніяхъ къ людямъ соображался съ своей выгодой. По свидѣтельству Новикова, первая жена Ржевскаго, умершая уже въ 1769, была также писательница, занималась живописью и музыкой. По показанію г. Лонгинова (*Соврем.* 1857, № 7), онъ умеръ сенаторомъ въ чинѣ дѣйств. тайн. сов. 20 апр. 1804.

Стр.

Властителямъ и судіямъ.

114. Къ разсказу о довѣріи, какое Александръ Македонскій оказалъ врачу, въ *Анекдотѣ* Державина, писанномъ 1796 г. См. въ *Новыхъ ежемѣсяч. соч.* за май 1792 (ч. LXXI) статью: *Врачъ Александровъ*, которая могла напомнить ему этотъ случай.

Фелица.

129. *Сказка о царевичѣ Хлорѣ* послужила поводомъ къ осуществленію главной ея аллегоріи и съ помощью архитектуры. Близъ Павловска, за водопроводами, на мѣстѣ нынѣшней дачи г-жи Анненковой, былъ садъ Александровка, гдѣ на холмѣ возвышался храмъ Фелицы, а передъ нимъ стоялъ алтарь добродѣтели или розы безъ шиповъ. Храмикъ цѣлъ до сихъ поръ: это небольшая открытая ротонда съ колоннами; на плафонѣ сохранилась и живопись, представляющая Фелицу посреди разныхъ аллегорическихъ изображеній. Этотъ въ то время публичный садъ, куда впрочемъ и теперь всѣхъ пускаютъ, составляетъ предметъ описательной поэмы С. Джунковскаго, изданной два раза подъ заглавіемъ: *Александрова, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича*: 1793 г. въ Петербургѣ и 1810 въ Харьковѣ; оба изданія въ листъ; при второмъ двѣ большія гравюры, изъ которыхъ одна представляетъ храмъ Фелицы на горѣ, окруженной водою (нынѣче этого пруда уже нѣтъ). Поэма Джунковскаго была издана сверхъ того и во французскомъ переводѣ, напечатанномъ въ Вѣнѣ 1814. (Первымъ указаніемъ на садъ и поэму мы обязаны барону М. А. Корфу, который, воспитываясь въ царскосельскомъ лицеѣ, бывалъ въ этомъ саду вмѣстѣ съ товарищами, когда ихъ водили гулять въ Павловскъ. Въ Александровкѣ жилъ тогда извѣстный Самборскій, котораго дочь была за директоромъ лицея, В. Ѳ. Малиновскимъ).

Сказка Екатерины II породила драматическое сочиненіе *Хлоръ Царевичъ, или роза безъ шиповъ, иносказательное зрѣлище* въ 3-хъ дѣйствіяхъ, напечатанное 1788 въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, ч. XXIV.

Фелица же Державина подала Полевому поводъ написать историческія сцены: *Ода премудрой царевны* и проч. (*Драматическія сочиненія и переводы* Н. Полеваго, ч. I, стр. 237).

140. Къ стиху: «Гдѣ намъ ученые невѣжды» *и проч.* и къ примѣч. 21. Съ разсказомъ Сегюра, переданнымъ въ этомъ примѣчаніи, любопытно сравнить мысли, высказанныя Екатериною въ запискѣ о качествахъ члена *общества незнающихъ*, помѣщенной въ числѣ приложеній къ статьѣ П. П. Пекарскаго о журнальной и литературной дѣятельности императрицы (*Записки ак. наукъ*, т. III, кн. II). Въ

Стр.

этой сатирической замѣткѣ она между прочимъ выражается такъ: «Je l'avoue, la plus profonde preuve de mon ignorance se réduit dans un petit extrait qui n'a que quatre mots précieux; ce palladium des ignorants consiste à dire avec humilité là où je manque d'instruction: je n'en sais rien; tout savant n'en saurait dire autant.»

148. Къ примѣч. 36, о бешметѣ. На востокѣ ордена и ленты замѣняются шапками и кафтанами. Державинъ, выдавая себя за мурзу, не упустилъ этого изъ виду.

150. Къ началу приложенія: «Ты, которая безъ помощи министра, по примѣру боговъ, держишь все своею рукою и видишь все своими глазами». Въ рукописи современника о Потемкинѣ (имп. публ. библ.) сказано: «Потемкинъ зналъ любимое пристрастіе своей монархини, которое заставляло ее стараться увѣрить цѣлый свѣтъ, будто она одна, безъ соучастія министровъ своихъ, имперіею управляетъ».

Видѣніе мурзы.

157. Приложенный къ заглавію рисунокъ соотвѣтствуетъ содержанію стиховъ оды (63—82), изображающихъ портретъ Екатерины, писанный Левицкимъ. Поэтому между рисункомъ и портретомъ есть соотношеніе, хотя первый и сдѣланъ независимо отъ послѣдняго.

Левъ и Волкъ.

179. Въ изданіяхъ Хемницера, появившихся при жизни его, басня носила заглавіе *Заяцъ, обойденный при произвожденіи;* въ посмертныхъ же изданіяхъ *Заяцъ* превратился въ *Мартышку*. Это обстоятельство не можетъ однакожъ служить къ подтвержденію показанія, будто басня принадлежитъ другому автору: митрополитъ Евгеній говоритъ, что послѣ Хемницера остались бумаги, въ которыхъ напечатанныя уже басни его были исправлены. Притомъ, пока жилъ авторъ, оговорка *Чужія басни* являлась только въ оглавленіяхъ къ его книжкамъ, а не въ текстѣ ихъ. Къ этому присоединяется извѣстное его опасеніе повредить себѣ своими баснями.

Осень во время осады Очакова.

228. Къ примѣч. 11. Племянникъ Потемкина, В. В. Энгельгардтъ, былъ долго флигель-адъютантомъ Екатерины II.

Изъ сестеръ его, говорятъ, одна Надежда Васильевна была дурна собою, почему и выдана за незначащаго Шепелева, который, какъ утверждаетъ преданіе, на дуэли предательски убилъ князя П. М. Голицына въ угожденіе Потемкину (М. Лонгиновъ; ср. примѣчаніе П. Бартенева въ *Запискахъ* Державина, стр. 64).

Стр.

На Счастіе.

245. Къ стиху: «Дѣвицъ и дамъ магнизируешь» и къ примѣч. 3. Н. А. Львовъ 1 ноября 1786 писалъ Державину изъ Петербурга въ Тамбовъ: «Весь городъ только и говорилъ, что о женѣ г. Ковалинскаго, которая, будучи усыплена силою магнетизма посредствомъ г. Бланкеннагеля, говорила во снѣ вещи, ей и на яву не только неизвѣстныя, но и быть извѣстными не могущія». Мужъ этой дамы, Мих. Ив. Ковалинскій (или вѣрнѣе Коваленскій, какъ онъ самъ писалъ свою фамилію), ѣздившій за границу съ графомъ А. К. Разумовскимъ въ качествѣ наставника, былъ потомъ правителемъ канцеляріи Потемкина, а впослѣдствіи кураторомъ московскаго университета. Самъ мистикъ, онъ извѣстенъ своею дружбой съ Сковородою (см. статью Ор. Халявскаго *Г. С. Сковорода* въ *Основѣ* за авг. и сент. 1862).

247. Къ стиху: «Пучокъ подносишь Гданску розъ» и къ примѣч. 4. Екатерина писала Потемкину 23 ноября 1787: «Данцихомъ прусскую политику манить нельзя, ибо и въ лучшее время дружбы за казусъ-федерисъ положено и признано было, буде до Данциха коснется. Сему городу даны предками моими и мною подписанныя гарантіи о ихъ вольности и пребываніи, какъ нынѣ существуетъ, и въ раздѣльной конвенціи о Польшѣ сіе еще подтверждено» (П. Лебедева *Матеріалы для исторіи царств. Екатерины II*).

Философы пьяный и трезвый.

262. Къ стиху: «Не пью, любезный мой сосѣдъ!» Пушкинъ употребилъ этотъ стихъ въ посланіи *Отвѣтъ Катенину* (1828 г.), которое начинается такъ:

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь;
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Къ Евтерпѣ.

301. Дополненіе къ примѣч. 1 см. въ этомъ же томѣ, стр. 683, подъ пьесой *Анакреонъ у печки* (1795).

Кантата.

305. Къ примѣч. 1. А. С. Протасова, графиня съ 17 сентября 1801 г., умерла 12 апрѣля 1826 (*Зап. Л. Энгельгардта*, стр. 39, примѣч. г. Лонгинова).

Стр.

Хоръ на шведскій миръ.

313. Къ примѣч. 1. Этотъ хоръ написанъ Державинымъ только въ 1796 г. на пребываніе въ Петербургѣ шведскаго короля Густава IV Адольфа; но потомъ для печати передѣланъ и отнесенъ къ 1790 г. Въ первоначальномъ видѣ онъ напечатанъ у насъ на своемъ мѣстѣ, съ надлежащимъ поясненіемъ: см. стр. 758.

На взятіе Измаила.

336. Къ выноскѣ подъ примѣч. 1. Виттъ, первый мужъ упоминаемой здѣсь красавицы, былъ комендантомъ въ польскомъ тогда городѣ Каменецъ-Подольскѣ (*Зап. Л. Энгельгардта*, стр. 66).

Описаніе Потемкинскаго праздника.

413. Къ словамъ: «возжжены были увеселительные огни». Жихаревъ въ *Запискахъ Современника* (стр. 110) разсказываетъ, что въ изготовленіи этого знаменитаго фейерверка участвовали братья Бранстетеры, Францъ и Антонъ, которые въ 1805 году жили на покоѣ въ Москвѣ и изъ своей лабораторіи снабжали не только весь городъ, но и сопредѣльныя губерніи потѣшными огнями. «Это люди историческіе и не даромъ носятъ свое прозваніе. Они находились прежде въ услуженіи князя Потемкина въ качествѣ фейерверкмейстеровъ, устроивали потѣшные огни въ Молдавіи и Валахіи» и проч.

Анакреонъ въ собраніи.

420. Къ примѣч. 1. Это — первое стихотвореніе, въ которомъ Державинъ, увлекаясь современными понятіями о благозвучіи, ни разу не употребилъ буквы *р* (только при позднѣйшей передѣлкѣ, въ двухъ стихахъ это правило было забыто). Подробнѣе во II-мъ томѣ нашего изданія подъ пьесою *Соловей во снѣ*, 1797 г.

Къ второму сосѣду.

440. Къ примѣч. 5. При императорѣ Павлѣ помѣщались въ домѣ Гарновскаго не только конюшни, но и казармы Конной гвардіи, для которой только въ 1804 году построено на Крюковомъ каналѣ особое зданіе, и теперь занимаемое этимъ полкомъ (Реймерса *St. Petersburg* и проч., ч. II, стр. 18).

Водопадъ.

456. Къ концу примѣч. 1. «*Водопадъ*, написанный послѣ смерти Потемкина, есть безъ сомнѣнія столько же благородный, сколько и поэтическій подвигъ. Судя по могуществу Потемкина, можно бы

Стр.

предположить, что большая часть стихотвореній Державина посвящена его прославленію; но Державинъ при жизни Потемкина очень мало писалъ въ честь его» (*Сочиненія В. Бѣлинскаго*, ч. VII, стр. 143).

«Стоитъ пробѣжать его *Водопадъ*, гдѣ, кажется, какъ бы цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Въ *Водопадѣ* передъ нимъ пигмеи другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая нами зримой природы, люди могучѣе нами знаемыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь передъ величественною жизнію, тамъ изображенною, точно муравейникъ, который гдѣ-то далеко копышится внизу» (*Сочиненія и письма Н. В. Гоголя*, Спб. 1857, т. III, стр. 441).

Въ дополненіе къ выноскѣ на той же 456 стр., см. оговорку въ концѣ примѣчанія на стр. 488.

Приложенный къ началу оды рисунокъ вовсе не даетъ понятія о *Кивачѣ;* невѣрность его произошла главнымъ образомъ отъ ошибочнаго пониманія первыхъ двухъ стиховъ:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами.

Здѣсь подъ *четырьмя скалами* должно разумѣть четыре уступа, по которымъ падаетъ Кивачъ съ высоты почти $3\frac{1}{2}$ саженъ. — Вѣрнѣе въ этомъ отношеніи картинка, приложенная къ статьѣ Лайбова (Добролюбова) *Державинъ* въ *Русскомъ иллюстрированномъ альманахѣ*, изданномъ въ Петербургѣ 1858. Фантастическое изображеніе *Водопада*, рисов. А. Брюловымъ, гравиров. Галактіоновымъ, приложено какъ фронтисписъ къ 2-й части Соч. Державина, изданныхъ Смирдинымъ въ 1831 г. — Мы слышали въ Петрозаводскѣ, что г. Смоликовъ написалъ видъ водопада масляными красками и что эта картина находится въ Петербургѣ у г. Громова.

458. Къ примѣч. 2. Академикъ Озерецковскій, видѣвшій Кивачъ въ одинъ годъ съ Державинымъ, насчитываетъ въ паденіи его только три уступа, потому что самый верхній незначителенъ и при большой водѣ почти непримѣтенъ (*Пут. къ Лад. и Он. озерамъ*, стр. 229).

Подробныя свѣдѣнія о Кивачѣ можно найти въ *Памятныхъ книжкахъ Олонецкой губерніи* 1858 и 1860 г. Въ первой см. статьи г. Ласточкина *Кончезеро* и *Водопадъ Кивачъ*; а во второй *Путешествіе Государя Императора*, описанное г. Ивановымъ. Сюда же относятся: наша *Поѣздка въ Петрозаводскъ* (въ іюлѣ 1863, уже послѣ отпечатанія *Водопада* въ настоящемъ изданіи), помѣщенная въ *Запискахъ академіи наукъ*, т. IV, книга I, и *Кивачъ* Н. Д. Дмитріева въ *Рус. Вѣст.* 1863, № 9. Ср. *Моск. Вѣд.* 1863, № 146.

460. Къ примѣч. 5. Кончезерскій заводъ лежитъ въ 45-ти верстахъ отъ Петрозаводска на протокѣ, который течетъ изъ озера Пертъ-

Стр.

наволоцкаго въ Кончезеро. Ихъ раздѣляетъ только узкій перешеекъ. Это въ настоящее время чугунно-литейный заводъ, снабжающій чугуномъ Александровскій пушечный заводъ въ Петрозаводскѣ. Поэтъ не могъ самъ слышать *стука млатовъ* и проч., потому что, какъ видно изъ книги Озерецковскаго, заводъ не дѣйствовалъ въ 1785 г., когда Державинъ былъ олонецкимъ губернаторомъ.

461. Къ строфамъ 5, 6 и 7, содержащимъ описаніе волка, лани и коня. Хотя общая мысль изображенія животныхъ и могла быть внушена Державину *Поэмами древнихъ бардовъ*, и онъ оттуда заимствовалъ нѣкоторыя черты для своей картины, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вѣренъ природѣ мѣстности, окружающей Кивачъ. Берега Суны покрыты лѣсомъ, въ которомъ водятся между прочимъ *волки* и *олени* (стихъ Батюшкова «Какъ Суна *средь степей*» грѣшитъ противъ истины). Мы сами въ короткое наше пребываніе у Кивача слышали тамъ вой волка. Не безъ основанія введенъ въ картину и *конь:* при неудобствѣ прежнихъ путевыхъ сообщеній многіе (какъ и Озерецковскій) ѣздили къ водопаду верхомъ и, чтобъ продолжать путь съ другаго берега, переправляли лошадей черезъ рѣку. Какой-то неизвѣстный критикъ въ *Современникѣ* за октябрь 1863 г., по поводу отрывка изъ нашей *Поѣздки въ Петрозаводскъ*, напечатаннаго въ *Спб. Вѣд.* (№ 219), выписываетъ изъ Смирдинскаго изданія поясненіе, которымъ и у насъ начинается 8-ое примѣч., и прибавляетъ: «Благодаря сдѣланнымъ на мѣстѣ наблюденіямъ г. Грота, мы можемъ теперь не вѣрить этому символическому объясненію поэтическихъ образовъ». Мы съ своей стороны рады случаю, который намъ доставляетъ г. критикъ, чтобы устранить видимое противорѣчіе между нашимъ и Державинскимъ объясненіемъ. Поэтическая картина не имѣла бы никакой цѣны, еслибъ она не была прежде всего вѣрна природѣ. Мы полагаемъ, что Державинъ писалъ ее подъ смѣшаннымъ вліяніемъ воспоминанія о мѣстности Кивача и впечатлѣнія отъ образовъ, сообщенныхъ ему *Поэмами древнихъ бардовъ;* идея же о символическомъ значеніи трехъ животныхъ, вѣроятно, явилась у Державина гораздо позже, вслѣдствіе того, что онъ придалъ самому водопаду, имъ описанному, смыслъ аллегорическій и представилъ въ нѣмъ подобіе человѣческой жизни (строфы 10 и 11). На символическое значеніе трехъ животныхъ нѣтъ и намека въ самой одѣ, а потому и трудно допустить, чтобы въ созданіи этихъ образовъ таилась такая искусственная мысль.

Буквы А. Д. при *Поэмахъ древнихъ бардовъ* означаютъ Александра Ивановича Дмитріева (род. 1759, ум. 1798). Это былъ братъ Ивана Ивановича, отецъ Михаила Александровича, переводчикъ Лузіады

Стр.

Камоэнса, другъ Карамзина, который говоритъ о немъ, означая его буквою Д., въ *Письмахъ русскаго путешественника* (п. изъ Петербурга отъ 26 мая 1789) и въ *Цвѣткѣ на гробъ моего Агатона*. А. Дмитріеву принадлежатъ стихи: *Разлука* и *Къ Темирѣ* въ *Московскомъ журналѣ* 1792 г., ч. VIII (М. Лонгиновъ). Не считая *Поэмъ др. б.*, переводы его, всѣ съ французскаго, были: 1) *Собраніе писемъ Абелярда и Элоизы*, 1783. 2) *Адонидъ*, 1783. 3) *Взятіе Св. Лукіи, антильскаго острова*, 1786. 4) *Лузіада*, 2 части, 1788. Было еще небольшое сочиненіе его: *Слава русскихъ и горе шведовъ*, 1790. А. Дм. служилъ сперва въ семеновскомъ полку и былъ въ сраженіяхъ съ шведами: однажды, принявъ батальйонъ послѣ убитаго командира, онъ прошелъ на штыкахъ по зажженному мосту и сбилъ непріятеля. Потомъ, чтобъ быть ближе къ отцу, жившему въ симбирской губерніи, онъ перешелъ въ армейскій полкъ, который стоялъ въ Казани; но вскорѣ этотъ полкъ былъ переведенъ въ Екатеринодаръ, гдѣ А. Дмитріевъ и умеръ въ чинѣ полковника. Онъ былъ женатъ на М. А. Пиль, которой отецъ былъ по происхожденію Шведъ. Ея дядя, Иванъ Алферовичъ Пиль, былъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ послѣ Якобія, оправданнаго Державинымъ (М. Дмитріевъ).

463. Къ стиху: «И шлемъ, обвитый повиликой». Повилика, по словамъ Державина, растеніе, посвященное любви къ отечеству.

487. Къ стиху: «И ты, о водопадовъ мать», и къ примѣч. 45: По показанію мѣстныхъ жителей, число пороговъ на Сунѣ доходитъ до 33. Одинъ изъ нихъ, Поръ-порогъ, говорятъ, еще величественнѣе Кивача. Названіе послѣдняго (отъ финскаго слова kivi, камень) есть или, по крайней мѣрѣ, прежде было нарицательное имя, которое значило большой порогъ.

На умѣренность.

498. Къ стихамъ: «На завтра крѣпостей съ судьбины
Безсильны сами взять цари».

Здѣсь опять воспоминаніе одного мѣста изъ *1-й Ночи* Юнга:

In human hearts what bolder thoughts can rise,
Than man's presumption on to-morrow's dawn!
Where is to-morrow? In another world.

т. е. Можетъ ли въ сердцѣ человѣческомъ возникнуть мысль смѣлѣе увѣренности въ завтрашнемъ разсвѣтѣ? Гдѣ завтрашній день? Въ другомъ мірѣ! — Ср. Горація кн. IV, оду 7: Quis scit, an adjiciant hodiernae crastina summae и проч.

Стр.

Къ Граціямъ.

521. Къ примѣч. 1. На первомъ рисункѣ представлены всѣ шесть дочерей цесаревича Павла Петровича, великія княжны: Александра (род. 1783, ум. 1801), Елена (р. 1784, у. 1803), Марія (р. 1786, у. 1859), Екатерина (р. 1788, у. 1819), Ольга (р. 1792, у. 1795) и Анна (р. 1795, янв. 7). — Второй рисунокъ представляетъ принадлежности красоты и храбрости (рукоп.).

Колесница.

525. Къ примѣч. 1. Графъ Салтыковъ, участвовавшій въ изданіи *Друга Просвѣщенія*, былъ не Сергѣй Петровичъ, а Григорій Сергѣевичъ (род. 1777, ум. 1814, апр. 16), вопреки Гречу, Анастасевичу и другимъ, означающимъ его имя буквою С. Первый жилъ въ Петербургѣ и былъ впослѣдствіи предсѣдателемъ Общества соревнов. просвѣщ. и благотворенія; онъ печаталъ оды и проч., но ничего не помѣщалъ въ *Другѣ Просвѣщенія*. Второй былъ Москвичъ, одинъ изъ основателей Общества любителей росс. словесности; книжка его *Духовныхъ стихотвореній* напечатана 1814 г. въ Москвѣ. Онъ помѣстилъ много стиховъ въ *Другѣ Просвѣщенія*, который и издавалъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ и гр. Хвостовымъ (М. Лонгиновъ).

Буря.

562. Къ примѣч. 1. Державинъ, сдѣлавшись сенаторомъ и видя въ этомъ ступень къ дальнѣйшему возвышенію, вспомнилъ чудесное свое спасеніе отъ гибели: онъ молитъ Провидѣніе о такомъ же покровѣ среди треволненій, которыя ожидаютъ его на новомъ поприщѣ. Вотъ что сблизило въ мысляхъ его два событія, отдѣленныя одно отъ другаго 8-ю годами, и что̀ самъ онъ даетъ намъ разумѣть въ послѣднемъ куплетѣ стихотворенія.

Ласточка.

571. Къ примѣч. 1. Въ изданіи 1798 г. *Ласточка* напечатана вообще сходно съ редакціей, какую она имѣетъ въ *Московскомъ журналѣ*. Только въ двухъ первыхъ стихахъ отмѣна:

О домовитая ласточка!
Миленька, сизенька птичка.

Въ изданіи 1808 г. пропущенъ 40-й стихъ:

Встаешь ты отъ смертнаго сна.

Вновь явился онъ въ первый разъ въ Смирдинскомъ изданіи 1833 г. съ измѣненіемъ *смертнаго* въ *мертваго*, что̀ повторялось и въ позднѣйшихъ изданіяхъ Смирдина.

Стр.

572. Къ стихамъ 35 и 36-му:

И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою какъ ледъ.

Извѣстно народное повѣрье, будто ласточка на зиму зарывается въ землю на берегу моря или какого-нибудь озера, или даже на днѣ ихъ. Такъ народная еще у древнихъ фантазія объясняла себѣ удаленіе на зиму этой перелетной птички.

Сафѣ.

582. Къ примѣч. 1. На второмъ рисункѣ представлена «сафическая арфа, обвитая кипарисомъ» (рукоп.).

Призываніе и явленіе Плѣниры.

584. Къ примѣч. 1. Въ рукописи казанскаго университета (1802) пьеса эта вся зачеркнута такъ же какъ и стоящая рядомъ съ нею *Разлука* и, вѣроятно, по той же причинѣ; см. въ этомъ томѣ стр. 27.

Радость о правосудіи.

595. Къ примѣч. 1. По показанію Остолопова (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 75), это стихотвореніе написано въ концѣ 1796 г., по вступленіи на престолъ императора Павла, и 2-й куплетъ «относится къ тому, что авторъ сдѣланъ былъ тогда правителемъ канцеляріи государственнаго совѣта». Но это не согласно съ положительнымъ свидѣтельствомъ самого Державина о времени сочиненія пьесы; а сходство стиха «Вельможъ меня поставилъ въ ликѣ» съ другимъ, приведеннымъ во 2-мъ примѣч. и написаннымъ въ 1794 году, подтверждаетъ слова поэта.

Вельможа.

623. Къ примѣч. 1. Подъ графомъ Р. должно разумѣть гр. Разумовскаго, одного изъ сыновей Алексѣя Кирилловича (П. И. Бартеневъ слышалъ это отъ племянницы графа, княжны Репниной).

627. Къ примѣч. 7. Въ Запискахъ В. В. Пассека (*Русс. Архивъ* 1863, выпуски 7 и 8) сказано: «мудрая Екатерина ни одного не преслѣдовала изъ тѣхъ, которые говорили и писали къ извѣстному помѣшанному Чупятову, что онъ, будучи марокской имперіи наслѣдникъ, когда взойдетъ на прародительскій престолъ, то бы и ихъ не забылъ».

Къ Анжеликѣ Кауфманъ.

663. Къ примѣч. 1. Къ характеристикѣ мнѣній современниковъ объ этой живописицѣ можетъ служить мѣсто изъ Записокъ кн. Дашко-

Стр.

вой (Memoirs, т. I, стр. 195). Въ 1772 году, поздравляя императрицу съ успѣхами въ турецкой войнѣ, вслѣдствіе извѣстій, привезенныхъ изъ арміи Потемкинымъ, Дашкова приложила къ письму своему изображеніе «прекрасной греческой фигуры», работы Кауфманъ, какъ имѣвшее нѣкоторую связь съ выраженными въ письмѣ желаніями въ пользу Грековъ. «Это былъ», замѣчаетъ княгиня, «чуть ли не первый появившійся въ Россіи образчикъ искусства этой очаровательной художницы и еще болѣе очаровательной женщины, и я была рада, что картина чрезвычайно понравилась государынѣ». Статью объ А. Кауфманъ, переведенную изъ Journal des dames, см. въ *Моск. Вѣд.* 1808 г., № 31.

Хариты.

718. Къ примѣч. 1. Послѣ появленія въ *Аонидахъ* пьеса была напечатана въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 11, въ изданіи 1798, стр. 376, и въ изд. 1808, ч. III, v.

Библіографическія свѣдѣнія объ этомъ стихотвореніи въ первый разъ сообщены вѣрно въ брошюрѣ г. Полторацкаго *Матеріалы для словаря русскихъ писателей*, М. 1859.

Еще къ **Фелицѣ**:

144. Къ стиху: «Князья насѣдками не клохчутъ» и къ примѣч. 30. Г-жа Бредфордъ въ одномъ примѣчаніи къ Запискамъ Дашковой (Memoirs, т. I, стр. 104) передаетъ разсказъ, слышанный ею отъ княгини: Петръ В., для наказанія тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые предъ нимъ провинились, объявлялъ ихъ иногда шутами и дѣлалъ ихъ посмѣшищемъ всего двора. Императрица Анна придумала еще болѣе жестокую потѣху. «Она однажды приговорила кн. Г— (*Голицына*) за какой-то ничтожный проступокъ сдѣлаться *курицей* и для этого приказала поставить на видномъ мѣстѣ, въ одномъ изъ главныхъ покоевъ дворца, большую корзину, устланную соломой въ видѣ гнѣзда, съ яицами. Князю велѣно было, подъ опасеніемъ смертной казни, сѣсть въ эту корзину и клохтать насѣдкой».

ПРИМѢЧАНІЕ

къ

ЭПИГРАФУ ДЕРЖАВИНА,

ПОМѢЩЕННОМУ ВЪ КОНЦѢ НАШЕГО ПРЕДИСЛОВІЯ ВЪ ЭТОМЪ ТОМѢ.

Въ изданіи 1808 года, подъ этимъ эпиграфомъ выставлено только имя Тацита; но въ рукописи, поднесенной Екатеринѣ II, сказано тутъ: *Изъ разныхъ мѣстъ Тацита.* Дѣйствительно, начало эпиграфа заимствовано изъ Тацитовой *Исторіи*, кн. I, гл. 1, гдѣ встрѣчается выраженіе: «Rara temporum felicitate, sentire quae velis et quae sentis dicere licet». Вторую же половину эпиграфа мы находимъ въ 3 гл. *Агриколы* того же писателя, именно въ строкахъ: «et quamquam... Nerva Caesar res olim dissociabiles miscuerit, principatum ac libertatem; augeatque quotidie felicitatem imperii Nerva Trajanus, nec spem modo ac votum securitas publica, sed ipsius voti fiduciam ac robur assumpserit»*. Какъ можно видѣть изъ нашего примѣчанія къ *Приношенію монархинѣ* (стр. 717), Державинъ сначала имѣлъ въ виду только первыя строки эпиграфа и ими хотѣлъ заключить свое посвященіе. Уже послѣ онъ далъ имъ назначеніе эпиграфа и наконецъ присоединилъ къ нимъ еще другое мѣсто изъ Тацита. Такъ какъ въ 1795 году этотъ историкъ еще не былъ изданъ на русскомъ языкѣ, то надобно предположить, что Державинъ пользовался имъ или въ подлинникѣ, или въ нѣмецкомъ переводѣ. Хотя мы прежде (см. стр. 184) приняли, что Державинъ не читалъ въ подлинникѣ древнихъ классиковъ, однакожъ должны здѣсь оговориться, что это замѣчаніе достовѣрно только въ отношеніи къ греческой литературѣ, потому что латинскому

* См. Д. Крюкова Taciti Agricola, M. 1837, стр. 14 и 63.

языку Державинъ учился въ казанской гимназіи (каждый день). Подлинныя слова, изъ которыхъ взято начало эпиграфа такъ переведены Ѳ. Поспѣловымъ (*Исторія Тацита*, Спб. 1807, стр. 4): «Рѣдки столь счастливыя времена, въ кои позволено бываетъ свободно чувствовать и безбоязненно открывать чувствованія свои». Мѣсто же, послужившее источникомъ второй половины эпиграфа, передалъ И. Горинъ (*Жизнь Агриколы*, М. 1798, стр. 4) слѣдующимъ образомъ: «..... Нерва согласовалъ то, что почиталося издревле несходнымъ между собою, т. е. права государя и права народа вольнаго. Власть Траяна, достойнаго его преемника, день отъ дня становится намъ любезнѣе. Общая безопасность возстановлена; надежда наша преображается въ событіе — и въ настоящемъ благосостояніи, какъ въ зерцалѣ, ясно изображается будущее наше благоденствіе». Кажется, нѣтъ надобности говорить, насколько Державинъ лучше обоихъ переводчиковъ Тацита понялъ и выразилъ мысль римскаго историка.

ПОПРАВКИ.

Стр.

5. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ напечатано: въ 1-й книжкѣ вмѣсто: въ мартовской книжкѣ, или въ 1-й части *Вѣстника Европы.*

48. Въ 6-мъ куплетѣ вмѣсто клубъ читай клобъ, какъ писалъ Державинъ по тогдашнему употребленію слова.

223. Въ примѣч. 1, строкѣ 2-й, вмѣсто: генералъ-поручика должно быть: генералъ-маіора (Ошибка въ *Зап.* Энгельгардта).

230. Въ примѣч. 12, вмѣсто: княгини читай: графини Браницкой.

280. Въ примѣч. 18, вмѣсто 14 іюля должно быть 14 іюня (день знаменитаго каруселя). Ср. стр. 767 въ примѣчаніи.

396. Въ выноскѣ, вмѣсто: Въ *Запискахъ Булгарина* читай: Въ *Воспоминаніяхъ Булгарина.*

423. Въ выноскѣ вмѣсто Свѣдѣнія должно быть Положительнаго свѣдѣнія, ибо въ книгѣ Яковкина (ч. I, стр. 34) сказано, что, по архивнымъ дѣламъ, особливо съ 1725 г. писалось постоянно *Село Царское,* хотя первоначальное имя и оставалось въ употребленіи до позднѣйшихъ временъ.

442. Въ примѣч. 8, вмѣсто Львомъ Даниловичемъ читай Львомъ Денисовичемъ (Въ эту ошибку ввелъ насъ *Русскій Вѣстникъ* 1841, т. II). Л. Д. Орловъ былъ дѣдъ нынѣшняго графа Владиміра Петровича Орлова-Давыдова.

448. Въ италіянскихъ стихахъ: въ 7-мъ, читай Dille вмѣсто Digli, и въ 8-мъ, le вмѣсто gli.

458. Въ примѣч. 2, описаніе Кивача въ книгѣ Озерецковскаго находится на стр. 229, а не 233.

502. Въ примѣч. 5, вмѣсто Густавъ IV читай Густавъ III.

538. Въ примѣч. 1, читай съ великой княжной, а не съ великой княгиней.

606. Въ стихахъ, которыми начинается примѣч. 2, слово *уже* лишнее.

609. Въ примѣч. 1. Бюстъ Державина сдѣланъ былъ Рашетомъ не изъ мрамора, а изъ гипса. Въ академіи наукъ находится мраморный бюстъ Державина, но это тотъ, который представляетъ его въ колпакѣ.

653. Въ выноскѣ вмѣсто безбожпвыхъ читай безбожныхъ.

666. Въ примѣч. 2. *Каймакъ* по настоящему не малороссійское, а молдаванское кушанье.

744. Въ выноскѣ вмѣсто 1830 должно быть 1848.

758. Страница эта ошибочно отмѣчена цыфрами 785.

766. Въ прим. 5 вмѣсто словъ: Еще при Петрѣ III должно быть: Въ первое время царствованія Екатерины II, и немного ниже вмѣсто словъ: до наступленія новаго царствованія читай: до празднованія восшествія на престолъ въ іюнѣ 1763 года.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ ТОМА I.